

Василий Чернышев

III. ЗАПИСКИ РЕДАКТОРА

Книга вторая

ЛИТЕРАТУРА как Инобытие и Действительность

Посвящается сестричкам милосердия,
хирургам, докторам и лекарям
всякого иного свойства,
и всем причастным к медицине

от благодарного пациента, по совместительству
крестьянина, учителя и поэта

ISBN 978-5-00071-077-7

© В. И. Чернышев, текст. 2015

© «NAPISANO PEROM». 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце 2003 года я прочитал несколько философских очерков современного философа Н. П. И--на, пришел в восторг, разыскал его, мы встретились и договорились издавать журнал "Философская Культура", а в качестве приложения к нему (так как я считал себя литератором) договорились издавать альманах "Русские страницы".

Но пока мы готовили первый номер, меня успели приговорить к пяти годам тюремного заключения, и в июле 2004 года я сел в тюрьму.

Однако веры в соединение философии и литературы мы не теряли.

Так и оказалось, постсоветская власть выплюнула меня из зубов не через пять лет, а через пять месяцев, и мы и впрямь издали пять номеров философского журнала. Но некую стену, разделяющую художественную литературу и серьезную философию, нам так и не удалось преодолеть, Анатолий Ст--нов, на которого я надеялся и которому были одинаково близки и философские и литературные рассуждения, ушел в мир иной, остальные были по разные стороны этой стены, а там и журнал перестал издаваться, а альманах превратился почти только в подобие школьной стенгазеты, и я от него устал.

Два события случилось за последние два года. Редактируя современных авторов и вступив с ними в романтическую переписку, в которой я их словно бы поучал, я почти бессознательно для себя решил эти поучения распространить на более широкий круг авторов, и начал писать Заметки редактора, которые постепенно превратились в целую книгу, которую я назвал "Призвание литературы", хотя, разумеется, в чем ее призвание, я сформулировать не сумел (как и то, в чем смысл жизни). Темы эти чрезмерно широкие, сузить их, свести к одной формуле мне не хотелось, как и человека сужать (по призыву Достоевского, а то, дескать, русский человек слишком широк, не надо ли бы сузить) мне не хотелось тоже.

[Правда, Достоевского я попробую защитить, такой тип, как он, довольно распространен среди русского дворянства, начинают они как республиканцы, даже якобинцы, а потом, после каторги, становятся монархистами, таков был и народовец Тихомиров, написавший Оправдание монархии, и Солоневич, бежавший из советского Гулага даже за границу, и написавший Народную монархию (но не совсем в духе монархизма), таков был и Пушкин, которого опалило восстание Декабристов, но, не сомневаюсь, все в нем прежнее оставалось, и Гавриилиада, и "Свободы сеятель пустынный", таков был и Иванов-Разумник, попавший в оккупацию, потом в Америку и там написавший "По тюрьмам и ссылкам".]

Моя "широта", возможно, еще шире, начинал я как марксист, стал затем христианином, антикоммунистом, националистом, затем медленно стал отходить сначала от церкви, затем от основных христианских мифов (не порывая с мистическим умонастроением), национализм мой трансформировался сначала в "просвещенный национализм", с нелюбовью к скинхедам и ультра-народолюбцам, затем в *народничество*, с нелюбовью к народу (но с любовью к собственному *малому народу*, иначе говоря, к народной аристократии).

Так что я развёлся дважды: сначала с марксизмом, затем с христианством.

Я часто бываю несдержан в своих нападках на тех или других, и вдруг сильнее стал чувствовать, что эта моя запальчивость многих задевает – а ведь можно оставаться прекрасным человеком, будучи ревностным сторонником "строительства светлого будущего", догматичным защитником "светлого прошлого" (дореволюционного или советского), "буржуазным демократом", меняющим Родину на всечеловеческий Рынок (как все те, кто бежал из "чугунной" коричневой страны на голубой Запад, христианским демократом, как Огурцов (увы, героев освободительной борьбы с коммунистической диктатурой мы уже забыли, да и не хотела их помнить нынешняя ползучая постсоветская диктатура), яростным противником всяческих форм унижения человека, как Солженицын, защитником тоталитарного режима (как Платон), диктатуры пролетариата, как Клюев и Варлам Шаламов в юности и Маяковский в зрелости, восторженным певцом-романтиком Свободы (в любви и в культуре), как Настя Попова, Вера Полозкова и Надя Толоконникова, одержимым новым левым, как Сергей Удальцов и одержимым новым отчасти буржуазным борцом за свободу и справедливость как Алексей Навальный... А можно быть консервативным и осторожным обывателем, "*просто живущим*", значительной частью которых я раздражен за их *простоту* даже сильнее, чем олигархами и государственными чиновниками, прокурорами и ментами, на которых бо́льшая часть моих злобных инвектив, по поводу которых я повторю за Пушкиным: "*Паситесь, мирные народы, вас не разбудит чести клич! Наследство вас из рода в роды – ярмо с гремящими да бич.*"

Но не они ли, эти обыватели, учат детей в школе (и бо́льшая часть учит хорошо), учат студентов в университете; лечат от болезней, даже меня, несдержанного и вспыльчивого и даже заносчивого, и спасают от смерти; рожают детей, в том числе прелестных девочек, которым я потом сочиняю стихи, и неловких мальчиков, которых наша тоталитарная власть лупит потом на митингах дубинками и за это же сажает в тюрьмы; засевают поля и огороды, кормят в кафе и дома, прощают нас, праведников свободы, за нашу не всегда правильную свободу, наших книг не читают, но носят нам в тюрьмы передачи и хранят верность?!

Я буду в этой книге строить баррикады и свергать ваших богов и кумиров и вождей, я буду вас обличать и проклинать, я *отрекусь* от вашего марксизма и христианства, от вашего нынешнего созидания "золотого тельца", от вашего недавнего стояния на коленях в восторженном упоении, от вашей ненависти к неравенству и культуре и жажде всех сделать одинаковыми, от вашего предательства справедливости и жажде богатства и преклонения перед "новыми богатыми", от вашего невежества и вашего самомнения... Но нет, не до конца отрекусь я от вас, ибо *и я – часть вашей части*.

Я хочу, чтобы вы соединили Историю в целое и пытаюсь построить через болото дорогу, но еще не знаю, куда... *Простите меня за всё...*

Именно для того, чтобы вы меня не столь яростно оттолкнули, как я вас, я и предпосылаю эти строки моей несдержанной книге.

23 марта 2014 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ОПРАВДАНИЕ

1. Для кого писать?

«Пишу для себя, а печатаю для денег», не один раз замечал Пушкин в письмах к друзьям. Но в статьях своих и в стихах он выражался не совсем так, и в Посвящении к «Руслану и Людмиле» писал:

*Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть украдкой,
На песни грешные мои.*

В предыдущей своей книге я и сам много рассуждал о том, зачем и для кого пишу, и приходил к выводу, что пишу я тоже преимущественно (или даже только) сам для себя, а печатаю – *Для вас, души моей царицы*. Ибо денег за свои труды и книги я не заработал еще ни копейки за всю мою жизнь, и на это уже не надеюсь, признания общества и читателей не имел никогда, и на посмертное признание тоже перестал рассчитывать, от тщеславия давно с грустью отказался, честолюбие мое конечно было непомерным и я рассчитывал, что когда-нибудь взглянет на мои книги Сам Господь-Бог (но Он по-прежнему не смотрит), а вот на внимание «*души моей цариц*» я или рассчитывал или попросту к нему стремился, потому и печатал свои книги тиражом в два или четыре экземпляра, чтобы при случае одной из *цариц* книгу свою преподнести. Они их, конечно, не читали, но это не мешало им царствовать.

Однако бывали и исключения. Одиннадцать лет назад я написал первую свою книгу «Боль и любовь» (если не считать рассказов и сказок восьмидесятых годов), и дал прочитать покойному своему товарищу, филологу и поэту, Саше Михайлову.

Он прочитал, похвалил, но высказал и замечания. В книге твоей, он сказал, две части: во-первых, твое детство, деревня, Истоки; во-вторых, ты сам, твои злоключения. Но чего-то недостает, нет устремлений, направлений, надежд, нет истории и будущего, нет *энтелехии*.

И ради него, не имея даже, что сказать в оправдание его требований, я сел к столу и начал писать третью часть. Саша потом прочитал, мы с ним распили

маленькую на ящиках на задворках метро, закусывая солеными огурчиками, и он написал статью-послесловие: «Путь Василия Чернышева к книге его жизни». Под этим путем понималась и сама моя жизнь, и мои злосключения, и культура, которая меня пестовала и образовывала, но ведь немаловажное значение, оказывается, имела в судьбе книги ДРУЖБА, мои привязанности к конкретным людям, моим друзьям (не только к *царицам*).

Вторую свою книгу «Жизнь на краю» я писал преимущественно для себя, третью – «Записки на пальме» – и для себя и для Бога, с которым пытался вступить в диалог и в спор. Но на читателей я не рассчитывал и к ним не обращался, и даже советы их игнорировал, тем более что даже самый прилежный из них (исключая Сашу Михайлова) прочитал только 28 страниц, а далее не смог.

Но в прошлом году судьба меня столкнула с Текстами современных писателей, тоже не избалованных вниманием, я из них тоже что-то вычеркивал, преимущественно лишние запятые, но иногда порывался авторам что-нибудь возразить или посоветовать, они со мною спорили или соглашались, неожиданно мне стало тесно на полях рукописей, и я некоторые свои замечания облек в форму письма, обращенного к Писателям (не надеясь, что они еще будут и читателями, потому что мой опыт общения с моими товарищами писателями, со-"перниками" ("пернатыми братьями") приводил меня к грустному выводу, что писатели книг не читают).

[А это делать необходимо! Без этого не только нельзя жить, но и невозможно писать. Времени, разумеется, не хватает даже на жизнь, так до книг ли? Но надо выбросить телевизор или его сломать, как я. Надо перестать слушать радио, как не слушаю его я. Надо перестать читать газеты или оставить только одну, разумеется, оппозиционную, потому что если писатель в согласии с миром, то ему незачем писать. Автор создает свой собственный мир, подобный (или не совсем подобный) тому, который создал Создатель, создает его преимущественно потому, что в уже созданном мире ему или тесно, или неудобно, или даже тошно, а умирать страшно.

Надо расстаться с любовницами, чтобы стало больше времени. Реже или короче звонить по мобильнику (выбросить его даже я не сумел, пытался потерять, но он нашелся). Особенно избегать всяких тусовок в интернете, не обзаводиться интернетскими друзьями. У меня есть множество тех, с которыми я переписываюсь, но это не интернетский хаос, не люди в толпе, а те, лица которых, хотя бы умозрительно, я *вижу*, и которых могу любить.

Избирательно относиться к информационному ветру, не подставлять душу под беспорядочные новости.

Читать в метро, в электричке, в трамвае, в автобусе, на остановке в ожидании трамвая и автобуса. Если не дают читать на операционном столе, то и тоже не терять времени, сочинять стихи или влюбляться в *сестричек* (как это удалось сделать мне).

Читать за обедом, за завтраком, если нет собеседников (за ужином желательно разговаривать с домочадцами). И, наконец, читать в постели, покончив со всеми дневными заботами (стихи лучше сочинять во сне, чтобы не терять времени, полезного для чтения (как я).]

Я начал писать письма своим редактируемым собратьям (преимущественно, правда, сестрам) и вывешивать их на Стене, словно бы листовки или стенгазету, так родилась Книга «Призвание литературы».

На днях мне показали отклики на нее, я прочитал и был потрясен. Признаться, это первые отклики в моей жизни (помимо устных односложных замечаний «ближних» моих: *не нравится; ничего...*)

Итак, иные прочитали (хотя это не Приключения корсаров), иным понравилось, некоторые меня хвалили даже неумеренно (нет, я не возражаю, можно и еще, я буду только счастлив!)

И вот во мне произошел переворот, я решил простить Мой народ (мой по культуре, по языку, по литературе), на который я до этого был сердит и который преимущественно обличал, как библейский пророк, и даже полюбить его. И даже еще что-нибудь – уже не для себя, а для читателей из моего народа – написать.

Даже еще не имея, что сказать. Не зная, что сказать. Ведь не для обличения же! Но мне жаль расставаться с собеседниками. И потому я буду вывешивать на Стену свои дацзыбао (воззвания в Китае времен Культурной революции), собеседники их будут комментировать (а некоторые – хунвейбины – даже срывать или зачеркивать), и я уже не буду одинок.

И *для вас, мои дорогие!* Ибо, подозреваю, и из вас многие одиноки. В нашей переставшей читать (и уткнувшейся в телевизор) стране большинство пишущих одиноки.

Есть ли еще что мне сказать вам, станет видно. Если сказать больше нечего, я в эом сознаюсь и замолчу. Я не буду вас мучить. Но ведь не зря же я жил и сочинял стихи и рассказы и полуфилософские назидания, не зря же я читал гениев, должно было что-то во мне остаться?!

2. Правила правописания. ПОВТОРЫ

Я не грамматик и не лингвист, даже не филолог, окончил я математический факультет, и сначала изучал астрономию (которую на этом факультете и изучают, и она входит в состав математики), а потом дифференциальные уравнения. Правда, большую часть математики я уже забыл, но она меня формировала. Если вино, налитое в эту форму, уже частично и высохло, то форма все таки неизменна, как и у военного – у него даже в старости остается выправка, стремление к точности и определенности, а у математика остается недоверие к необоснованным заявлениям, жажда найти обоснование, остается сомнение в общепринятом и общеизвестном, даже если это обще-принято и обще-известное высказано "корифеями всех наук всех времён и народов".

Поэтому, не имея специального образования в языкознании, я не сомневаюсь в том, что превыше него врожденное чувство языка и владение им, вырабатываемое вниманием и любовью.

Как надо писать романы, я и сам не знаю, и учить этому не буду, а вот можно ли говорить "сидя за столом, открылось окно", я знаю, и этим знанием в тысячный раз готов поделиться. Запомнить сие просто. Сообщается, что "открылось окно", все остальное, что есть или может быть в этой фразе, есть обстоятельства времени или места, и посему сказать

можно: "Когда я сидел за столом, открылось окно" или "Я сидел за столом, и в это время открылось окно". НЕСОГЛАСОВАНИЕ падежей, наклонений, времен, обстоятельств – самая существенная и самая распространенная ошибка, исправлением ее и мог бы ограничиться редактор, но ему хочется соприкоснуться с таинством творчества, поэтому он читает Текст дальше и продолжает к нему придирааться.

Второе, что я считаю прямо бедствием, но чего причина не в писателях, а в редакторах и в филологах, и что является следствием не неграмотности, а чрезмерной грамотности, некоего языкового пуризма, стремления непременно язык застегнуть на все пуговицы и сдуть с него все пылинки, это сосредоточение внимания на второстепенном, необязательном, незначительном, в ущерб вниманию к композиции, ансамблю, смыслу, характерам, в ущерб вниманию к тому, есть ли что автору сказать читателю, или у автора за душой ничего нет, а пишет он потому, что нечего делать, или просто ЗАХОТЕЛОСЬ.

Одним из примеров такого чрезмерного или даже ненужного внимания является ВНИМАНИЕ к так называемым *повторам*. Чтобы моя точка зрения была яснее, чтобы она лучше запоминалась и ей легче было следовать, я ее выскажу даже в более утрированной форме, нежели на самом деле думаю: ведь и я иногда у автора вычеркиваю какое-нибудь слишком назойливое слово, но не потому, что так нельзя, не велено или плохо, или это предписано грамматикой, риторикой или стилистикой, но – надоело! Жужжит назойливо, как комар, и от чтения отвлекает.

Но ведь иногда и привлекает! А потому я выскажусь так: Оставьте эти повторы в покое! Не трогайте! Раз автор так пишет, значит, так чувствует, значит, это удобнее его речи, а ведь повторение слова в соседнем предложении ОШИБКОЙ не является, в отличие от несогласования глаголов, прилагательных, периодов, времен и местоимений. несогласования – это грубые ошибки, а повторы (не говоря уж о том, что «повторенье мать ученья») ошибками НЕ являются.

Возможно, я не прав в своих слишком уверенных утверждениях, хотя, возможно, все таки прав, ибо многое возможно в нашем невозможном мире: возможное возможно в силу самой своей возможности, а невозможное – в силу *остраненности*, и то чудесности, то зловредности происходящего: *вдруг* мы встречаем ту, о которой грезили и мечтали всю юность, *вдруг* развязывается шнурок на ботинках и мы не успеваем вскочить в тот автобус, в который она стремительно вскочила, не то повинуясь совершенно безотчетному импульсу, не то испугавшись сумасшедшего сияния в наших глазах; но так или иначе, происходящее – это причудливое переплетение возможного и невозможного, и слава богу, ибо в насковзь детерминированном мире, повинуящемся только необходимости, было бы невозможно жить поэту, а в мире, повинуящемся только случайности, только «вдруг», было бы невозможно жить крестьянину и ученому; а посему я склоняюсь к тому, что я скорее прав, чем не прав, более того, что я ТОЛЬКО прав, споря с ограничительными прямолинейными правилами, а установители их не правы,

хотя, возможно, иногда правы и они, то есть что мы временами бываем правы одновременно, что хотя и противоречит закону исключенного третьего, но не противоречит жизни, ибо жизнь и сама (а тем более литература) может противоречить чему угодно!

Предыдущая фраза написана не случайно. Помимо того, что я пытался защитить свое предыдущее утверждение, я еще хотел преподнести пример так называемых «*периодов*», в которых сложносочиненные и сложноподчиненные предложения связываются в ансамбли, в хоровые композиции, в сложные построения. Мысль и фраза не существуют в нашем уме в виде элементов и атомов, они представляют собою чаще запутанный клубок ниток, и те авторы, которые спорили со мною, что де так говорят или так думают окружающие, а я, мол, следую за говором и мыслью, глубоко ошибались – и я пишу не так как думают и говорят, и они – тем более: они пишут даже совсем не так, как думают сами. Мысль мечется словно прохожий в толпе, спотыкаясь, меняя направление, останавливаясь, поспешая в сторону, вдруг стремительно возвращаясь назад, подтверждая, отрицая, запугывая и падая ниц. Но, повторяю, если город не представляет собою собрание разрозненно стоящих домов с тропинками между ними (хотя, впрочем, бывает иногда и так), но сочетание улиц, площадей и ансамблей, то тем паче наша письменная речь: все в ней должно быть целесообразно связано, повинувшись эстетическому, этическому и логическому; ведь если суп хорошая хозяйка готовит так, чтобы мы не морщились, чтобы и дух, и вкус, и вид и насыщение гармонически в нем были связаны, то разве не то же самое должно быть в нашем рассказе, так чтобы одна ложка похлебки требовала другую, и чтобы послевкусие и воспоминание заставляли нас к нему возвращаться?

Посмотрим на стайку ребятишек, оживленно о чем-то беседующих или спорящих. Они удовлетворены и увлечены разговором, и редко в подтверждение своих тезисов прибегают к рукопашному бою, когда уже вместо слов сопение и охи и ахи. Значит, они понимают друг друга и даже бывают убеждены мнением собеседника. А теперь открываем письменный текст. Признаюсь, что даже я со своим опытом общения с глухонемыми (так я в шутку называю писателей из своего личного окружения в Союзе писателей), не понимаю четыре текста из трех. А в то же время собеседников своих понимаю, в электричке, в метро, на улице, в деревне (в деревне, правда, из длинного монолога Сереги понимаю только то, что ему надо опохмелиться, но денег у него нет) – но не понимаю письменный текст. Отсюда неопровержимо следует вывод, что авторы пишут НЕ ТАК, как говорят, ибо когда они *говорят*: в электричке, в метро, на улице, в трамвае – я их понимаю. Как много мнений, которые мы принимаем за истины, за несомненные факты, **хотя они только кажущиеся истины!**

Но возвращаясь к так называемым *повторам*, в которых Мережковский упрекал Льва Толстого, и которых однажды насчитал у того аж двадцать восемь на страницу, и было это как раз словечко «которых» в разных вариациях.

Мне превзойти великого писателя пока не удалось, но однажды, собравшись с духом, я постараюсь.

Редактор (этот термин чаще всего я буду относить к тем, кто учит: как писать, как жить, как дышать. В тех случаях, когда я буду иметь в виду самого себя, я буду писать Редактор – должен же я чем-то отличаться от нашей собратии?! Правда, я не имею в виду, что я лучше них: иные и в самом деле хуже меня, но многие лучше, и я у них учусь тоже, потому что и сам я не только Редактор (редактор), но и автор... ммм, забыл, что я хотел сказать, начиная сию фразу, посему так неоконченной ее и оставляю...

Кстати, отвлечения от основной мысли **НУЖНЫ**, они ее усиливают, оживляют, обогащают, но бывает, как вижу, и так, что река мысли, разбившись на протоки, увязает в песке или в болоте...

Итак, редактор выдергивает повторения слова или как крапиву, или чтобы рассада не была густой, и часто оказывается так, что фраза становится неудобочитаемой, преобладают **РЕДУЦИРОВАННЫЕ** предложения, в которых не хватает существительных. Особенно достается местоимению Я, которое безжалостно презирали в советское время, ссылаясь на то, что Я – последняя буква в алфавите, хотя, напротив, в Русской Азбуке (а я ее привожу в своей книге... забыл, в которой, в одной из тех, что выставлены на Сайте, исключая Сборник стихов, кто попробует поискать, тот найдет) – Азь (то есть «я») стоит на первом месте!

Справедливо другое: то словечко, которое излюблено автором, часто указывает на бедность авторского словаря, и полезно ему искать синонимы этого слова. Но в последовательных фразах выбрасывать существительное, только бы слово не повторилось, нелепо. Посему не страшитесь писать так: «сначала я вошел в крайний дом, затем я вошел в следующий, а далее я прошел всю брошенную деревню, огляделся и повернул назад, хотя я уже устал, но еще более я боялся заночевать один».

Возможно, возражений на бесплодную борьбу с повторами уже достаточно, и авторы радостно со мною соглашались, чтобы не заморочивать себя вычеркиванием одинаковых слов в двух соседних фразах. Вот, смотрите, еще пример: «она сказала, что я легкомыслен, что я необязателен, что я невежлив, что я некультурен, что я ленив, что я посредствен, что я ходулен, что я дурно воспитан... и что я вообще могу идти хоть к черту, если я ее не люблю!»

Попробуйте убрать эти «что я» или хотя бы только «я» из последнего!

Итак, надо повиноваться *чувству языка и чувству меры*. Если рядом милиционер (или редактор), тогда надо повиноваться *правилу*. Но как только они отойдут в сторону, так сразу же надо вернуться к естественному: **ПОВИНОВАТЬСЯ ЧУВСТВУ ЯЗЫКА И ЧУВСТВУ МЕРЫ**.

Тем более, что ходим мы и дышим, как правило, хорошо и правильно, но правил при этом не помним и не вспоминаем, а если бы вспомнили, то тут же бы и запнулись. Поэтому и **ПИШИТЕ КАК ДЫШЕТСЯ**, и тогда напишете правильно!!!

3. Отрицание

НЕ с прилагательным, глаголом и наречием тоже доставляет нам иногда сомнения – соединять ли их вместе или отделять одно от другого. Не разлей ли их вода или они как кошка с собакой?

Существует одно простое правило: если то слово, с которым рядом стоит НЕ, отдельно от него нелепо, неудобно, не звучит, то НЕ с ним надо сливать, и тогда отрицание теряет свою ОТРИЦАТЕЛЬНОСТЬ, они (эти два слова) ВМЕСТЕ утвердительны.

Следовательно, следует писать НЕЛЕПО, потому что ЛЕПО давно вышло из оборота, почти забылось, и НЕЛЕПО означает не "НЕ ЛЕПО", то есть не "НЕ красиво", "НЕ замечательно", а означает *плохо, дурно, отвратительно* – то есть имеет смысл утверждения нового качества "плохоты", дурноты и отвратительности. Но в то же время в древних текстах говорится и "**не лепо** ли нам, братия, начать старыми словесами новую повесть...", то есть НЕ ЛУЧШЕ ли... И здесь **лепо** воспринимается удобно в своем исходном смысле, который остается и в словах велико**лепие**, благо**лепие**.

Так же НЕУКЛЮЖИЙ, НЕМОЙ, НЕМЕЦ, НЕГОЖЕ...

Но в других случаях, когда слово и без НЕ живет в языке, надо попробовать его на язык и вместе с отрицанием и отдельно от него.

Итак: нехорошо (плохо); неудобно (плохо, не принято); некрасиво (отвратительно); **недávно** (но: *не давнó* это было, а только вчера); нестати...

Но все сие пишу я не для того, чтобы НАУЧИТЬ присоединять частицу к слову, а ОТУЧИТЬ. Ныне соединение несоединимого стало просто бедствием, частица НЕ присоединяется ныне КО ВСЕМ словам, и потому отпала даже необходимость в правилах, правила обесмыслились, в них нет нужды, раз ВСЕГДА **не** пишется с рядом стоящим словом слитно.

Посему я убеждаю перестать нестись по ветру аки бурьян, а проявить самостоятельность, и если вы хотите подчеркнуть отрицание, ПРОТИВО-ПОСТАВИТЬ новое понятие (включающее в себя частицу НЕ) старому понятию БЕЗ оной частицы, то пишите раздельно.

Она одела в такую жару пальто, и это было не красиво.

Но все это уже было не важно. (Неважно вы выглядите, мой друг...)

На улице не холодно. Суп не горячий...

Читатель, надеюсь, уже обратил внимание на то, что меня несет ПРОТИВ течения, что я теперь вознамерился возражать общим местам, общепринятому, всему, что уже само собой разумеется, но что писатель должен по-прежнему ПРОБОВАТЬ слова на вкус. Писатель создает НОВУЮ вселенную, поэтому он должен избегать банальности.

Кажется, я начал понимать и сам, что буду проповедовать: сопротивление всему тому "безобразному" или "без **б**разному", что лишает язык многообразия, красок, что приводит его к ЕДИНООБРАЗИЮ.

А это еще хорошо и потому, что вызовет горячность у читателей, возмущение, желание поспорить с редактором.

4. Редактирование и самобытность

Редактор может нивелировать, пригладить особенности авторской речи, от чего она станет менее выразительной, сделать ее более правильной, но менее индивидуальной – думает подчас автор, особенно уже признанный читателями (хотя бы только из ближнего круга). И поэтому он нередко начинает возражать предложенной правке, а то и отвергать ее вовсе.

Дело иногда доходит даже до суда. Впрочем, к суду меня привлекали дважды, причем за прямо противоположное. Один талантливый русский автор, живущий в Австралии, возмутился тем, что я не выделил слово «вдруг» запятыми (как я его сейчас выделяю кавычками), да и сама правка его хорошего текста его возмутила; а другая писательница подала на меня в суд за то, что я не переписал ее текст, и он как был неудобочитаемым, так таким и остался (по ее словам). Разумеется, та скромная зарплата, которая положена редакторам за их помощь авторам, не оправдывает чернил, истраченных на *переписывание* – но даже если бы им и доплачивать за такой бессовестный труд, я бы за него не взялся, ибо я иначе вижу наши творческие взаимоотношения; и также я не взялся бы за кого-то сдавать экзамен по математике, хотя с удовольствием учил бы школьника ее азбуке.

Совсем комический случай произошел со мною на днях. Я напечатал номер литературного альманаха, в котором, в частности, поместил интересные воспоминания Н. Последний был этим доволен, назвал друзей, собратьев по альманаху, купил водки, приготовил закуску. А надо сознаться, что в одном абзаце я позволил себе слегка изменить фразы, убрав назойливый деепричастный оборот. Звучало это примерно так: «Она вошла в комнату, приседая. Он встретил ее, кланяясь. Затем они прошли к столу, оглядываясь. Уселись, радуясь». Я переписал это так: «Она вошла в комнату и присела. Он встретил ее, поклонившись. Затем они прошли к столу и оглянулись. Уселись и порадовались»

"Представьте себе, В.И., – сказал мне хозяин, наливая рюмку, – кто-то испортил мой текст. Но я перепечатал свои строчки и наклеил их во всех своих экземплярах, и даже напечатал несколько страничек, которые я раздам всем присутствующим, чтобы они их переклеили и в своих экземплярах тоже". [Кстати, читатель, наверное, заметил, что я не пытаюсь свои повторы искусственно убирать или заменять на что-то сверхъестественное, и они легко и беззаботно наклеиваются не только в моих собственных экземплярах, но и в чужих тоже.]

Разумеется, не обязательно слушаться редакторов всех и во всем, но такие, которые портят авторский текст, встречаются все же крайне редко, возможно, они какие-то спецагенты, засланные из-за рубежа. Те, с которыми я сотрудничал, были весьма знающими и полезными. Любопытно, что некий американский автор тридцатых-сороковых годов прошлого века получил за свой первый роман Нобелевскую премию. В дальнейшем он написал еще несколько романов, но ни премии они не заслужили, ни интереса у читателей. И что же оказалось? Оказалось, что первый роман начинающего автора правили два опытных редактора, а последующие романы «выдающийся» автор не позволил "портить" каким-то редакторишкам, а печатал в том виде, в котором написалось по вдохновению.

[Но относится ли данное замечание к делу? Оказывается, относится самым прямым образом, ибо даже одинокое дерево не растет отдельно, само по себе, словно бы в аквариуме. Нет, оно окружено или соседствует с кустарниками, вокруг него растут цветы и трава, иногда лежат крупные

камни, на которые удобно присесть. Вот так и в больших и значительных художественных произведениях ТЕКСТ ИЗБЫТОЧЕН, то есть автор пишет не только о том, что прямо относится к делу – но и о том, что относится к делу только слегка или совсем не относится, но что добавляет повествованию обертоны, отголоски, одинокому дереву формирует живописную поляну. Вот, например, из Евгения Онегина:

Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня. ...

Об авторе и читателях сказано здесь больше, чем о герое сего отрывка.

Но продолжаю и возвращаюсь к оправданию редакторского труда.

Когда в 95-м году я вознамерился издать свои тогдашние сочинения, мне в редакторы посоветовали взять совсем еще молодого человека с филологическим образованием. А я тогда сам был редактором журнала "Мѣра" (о котором тогдашний редактор журнала "Новый мир" Сергей Залыгин отзывался как о лучшем новом журнале в России), поэтому был высокого о себе мнения, но, однако же, ума у меня хватило предложенную помощь не отвергнуть. От работы с этим молодым человеком я получил истинное удовольствие (хотя Нобелевскую премию, увы, не получил). И, кстати сказать, взгляд *со стороны* полезен для любого автора, даже если этот *посторонний* не умеет читать и писать, а, скажем, является простым "пасичником Рудым Паньком".

Соглашается автор с предложениями редактора или нет, но они заставляют его задуматься, "попробовать на зуб", и если даже не изменить именно это слово или предложение, но критичнее взглянуть на свой текст и изменить в нем что-то другое. Прежде я даже пускался в подробные объяснения, почему я вычеркиваю или добавляю ту или иную запятую, но после того как меня стали за эти объяснения тоже привлекать к суду, я стал писать лаконичнее и суше. Но есть, есть даже почти святые авторы, и верят редактору, и слушают его, и даже его любят и прощают ему даже неосторожные недопустимые колкости.

Так, одна из них в своем сочинении написала: Слышала, редакторы не отличаются радостным нравом. Как мне правильно найти своего?

А я, по пословице: "Ради красного словца не пожалеет ни мать ни отца" заметил в азарте: "Да Вам со мной повезло! Другой бы давно убил!"

Святая женщина! Она со мной ничего в ответ на мою грубость не сделала, даже не обругала. Пользуясь случаем, прошу ее меня простить!

Но меня зато уже намеревались убить. В упомянутом альманахе поместил я как-то Воспоминания об одном живом классике, речь шла в них о выпивке, и более ничего особенного не было, кроме того, что

Классик вел себя заносчиво (как и положено живому классику) и полуприлично ругался.

Я что-то нехорошее предчувствовал, поэтому пытался себя обезопасить, привел во вступлении отзыв о классике *Евгения Евтушенко*, в котором говорилось, что наш герой "вообще был заправским хулиганом".

Ну, думаю, спрятался за известного поэта, в случае чего бить будут его.

Альманах вышел в свет, через неделю звонит жена классика.

"Это В.И.? Жаль, при вашей жизни мы не познакомились..."

"Так, может быть, еще познакомимся?"

"Нет, уже не успеем, я наняла киллеров, завтра они вас убьют."

5. Правила редактирования

У меня смутное чувство, что я все это уже писал, и читатель меня вправе убить не за повторы отдельных слов, а целых историй.

Но надеюсь на то, что критику мне удастся прочитать на «стене», и прежде, чем Текст отправится в плаванье, я его отредактирую (а редактирую я сам свои сочинения единожды. И к этому же призываю моих читателей-писателей. Та правка, которой и я и корректор подвергаем ваши сочинения, мои дорогие, только ПРИМЕР, назидание, напоминание о том, что вам и самим следует прочитать свой собственный текст и с ним поработать. Но об этом позже...)

Итак, писал ли я уже это... тогда повторяюсь...

Какие цели ставит перед собою автор? Какими правилами он руководствуется?

Мне приходилось работать учителем. И от Завуча, Директора, затем и из Районного Отдела образования получал я пространные наставления и Руководства к преподаванию, которые разрабатывали и составляли вышестоящие чиновники, возможно, никогда не проводившие уроков в школе. Но зато они хорошо знали, как надо уроки эти проводить. И неукоснительно требовали, чтобы учитель руководствовался их Методичками, составлял план урока и ему следовал, а после писал отчет о том, как этот урок прошел.

Методичками я топил печку, планы не составлял, отчеты не писал – но мне все сходило с рук (в молодости меня любили).

Приходя на урок, я спрашивал школьников, о чем с ними собирался сегодня разговаривать (на предыдущем уроке я обычно говорил им, что вот на следующем мы еще поговорим о том и сем); или спрашивал, на чем мы остановились в прошлый раз.

В прошлый раз мы решали задачу по геометрии, но она у нас не получилась.

И что, никто ее дома не решил?

Нет, почему же, Клара решила.

Ах, ну тогда Клара пусть идет к доске и расскажет нам, как ее надо решать.

Клара рассказывала, и мы все, неумехи, хором восклицали: Ну надо же, оказывается, это так просто! А мы и не подумали...

А я, чтобы сохранить свой зыбкий авторитет, поднимал палец вверх и добавлял: И не думайте, что я за вас должен думать. У вас у самих должна быть голова на плечах!

То же самое повторяю я и подопечным писателям.

Если врач подходит к больному с предвзятым шаблоном, если Х он лечит или, тем паче, режет по плану, как и У, то боже упаси нас от такого редактора!

ПРАВИЛ РЕДАКТИРОВАНИЯ НЕТ И БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО!

Точно так же, как не должно быть правил для сочинения романов и стихов. И я не поверю, чтобы автор руководствовался какими-нибудь правилами. Точно так же, как не может быть правил для того, чтобы понравиться девушке, и не может быть правил для того, чтобы стать успешным – в жизни, в политике, в бизнесе.

[А я даже более того скажу. Можно стремиться к совершенству, стремиться стать образованным и культурным человеком, но **СТРЕМЯСЬ К УСПЕХУ**, совершая для этого какие-либо предписанные ритуалы, не станешь ни умным, ни добрым. А станешь ли успешным – пусть об этом нам расскажет плачевная судьба авторов тех двухсот тысяч руководств к успеху, которые ежегодно выходят в свет.]

Вот точно также не напишешь прекрасного стихотворения или даже стоящего рассказа, слушаясь "знатоков" литературного ремесла – не говоря уж об "искусстве литературы".

Так зачем я пишу теперь словно бы новое нравоучение, новое наставление, не для того ли, чтобы научить вас писать?

НЕТ!

НАУЧИТЬ ПИСАТЬ невозможно. Правда, автору можно всяческими наставлениями навредить. И потому и я повторю сей разумный совет, обращаясь к редактору: **НЕ НАВРЕДИ!**

6. Редактор как учитель

И все же редактор отчасти напоминает учителя, отчасти врача. Или и учитель и врач напоминают редактора, и один из них редактирует душу, а другой редактирует тело.

Мне повезло, у меня были прекрасные учителя. Какими бы достоинствами я ни обладал (если я ими обладаю), но не надеюсь я сравняться в совершенстве с теми, кого судьба предоставила для формирования моей души. Прежде всего, они были жертвенны, а я забочусь о себе более, чем о других. Они нас любили (а я себя люблю больше, чем других). Они были терпимыми и терпеливыми. Что мы только не вытворяли (а я, может быть, еще пуще, чем другие), но они нас прощали.

Возможно, я на них оглядывался... да, я вспоминал их, особенно, когда мне было плохо, когда у меня не шли дела, буксовала жизнь, не складывались отношения с учениками. Мне не сравняться с ними, потому что они без остатка растворялись в нас, а я САМ хочу стать значительным (все еще стремлюсь к этому), и раствориться в других еще не могу.

Но все же воспоминание о моих учителях помогает мне в работе редактора. Я говорю себе: Не забывай, что это авторы написали ТЕКСТ, который ты читаешь. Они вложили в него свои знания, умения, свою душу, мечты и надежды, пусть даже свое тщеславие. Они надеются на твою помощь. Поэтому не веди себя с ними как всезнайка, как маг и волшебник, будь им равен, но не запанибрата.

Конечно, и мне человеческое не чуждо, и я стремлюсь создавать и культивировать Миф о себе как о владельце Алхимического камня, с помощью которого можно в золото превращать металлы – но он покинул меня, этот драгоценный камень, и только иногда появляется на мгновение.

И все же кое чем я владею: я умею слушать и слышать, и отличаю фальшивые ноты и звуки в речи. Но отчасти и в композиции, и в логике, и в характерах. Это-то и придает мне смелость выступать с советами.

Очертания Книги, которую, возможно, я начал писать (я еще не уверен, что мне есть что сказать, что я еще не сказал всего прежде), пока еще во мне смутны. Вероятно, теперь я буду больше говорить о языке, чем до сих пор, потому что, как я уже сказал, *язык и есть душа народа*, он и есть национальность человека, тем более писателя.

Сколь бы много занимательности ни было в сюжете, но если автор не владеет языком, повествование его будет неудачным, как если бы он строил дом из песчаных кирпичей или из гнилого дерева.

Итак, редактор – тоже учитель, но приходится учиться и мне, и у корректора, и у другого редактора, и у автора. Поэтому я буду стремиться к диалогу, даже если буду непреклонен. Я буду стремиться к диалогу, даже если буду несомненен. Ведь и я ошибаюсь, и даже иногда признаю свои ошибки, поэтому не бойтесь не только со мною спорить, но даже бросать в меня камни. Ибо я еще не превратился в памятник, еще состою из плоти, а не из бронзы (а плоть временами болит, и это, пожалуй, даже хорошо).

И так как я собираюсь оспаривать известные устоявшиеся НОРМЫ русского правописания, то продолжу свою подрывную деятельность. Выше я говорил, что нельзя огульно присоединять частицу НЕ к корневому слову (а это стало ныне тенденцией, трудно даже найти примеры, когда НЕ пишется отдельно), а теперь замечу, что такую же тенденцию я вижу по отношению к некоторым вводным словам и выражениям, они начинают *присоединяться* к тексту, в то время как должны оттенять и объяснять текст со стороны: со стороны автора, стороннего наблюдателя, со стороны ЦЕЛОГО, в котором расположено частное, выраженное той или иной фразой. Сие относится, например, к слову НАКОНЕЦ.

"Наступила, **наконец**, и золотая осень (вот как в нынешнем октябре)".

Существует общее правило: если слово или словосочетание выражает ОТНОШЕНИЕ к сообщению, то оно является вводным.

Но это правило не всегда помогает, а поэтому я ввожу и свое правило: *если хочется поставить запятую, то ставь ее*. А если тыставишь запятую только потому, что думаешь, что так положено, то не ставь ее.

И, наконец, напущусь я на обыкновение окончания слов, звучащие как "ИЕ" или "ЬЕ" записывать в письменной речи ТОЛЬКО как "ИЕ", даже тогда,

когда не правило, но традиция, привычка, практика словоупотребления требуют "ЪЕ".

Терпенье и труд все перетрут.

Ученье свет, неученье тьма.

А как у Даля и Михельсона? А у них как НАДО, то есть так, как я здесь пишу, а не как ученые грамматики двадцатого столетия, отредактировавшие до основания и Российскую империю, так что она наконец исчезла, а теперь редактирующие язык до того, что и он исчезает – не тот, служащий для общения в интернете, а тот, который нужен для разговора с друзьями, с Богом и Женщиной.

Особенно это важно заметить в стихах, где форму слова, его написание и произношение иногда диктует **размер**.

"Счастлѣв уж я надеждой сладкой"

А теперь посмотрим, как пишется вторая поговорка.

Мой сынъ учись – *ученье свѣтъ*,

А неученье тьма;

А жизнь на все ужь дастъ отвѣтъ,

По-своему сама.

В. С. Курочкинъ. Завѣщаніе.

Пословица эта приводится А. В. Суворовым в его книге «Наука побеждать», но в сходной форме высказана еще Ломоносовым.

Ученье въ счастѣѣ украшаетъ, а при несчастѣѣ утѣшаетъ. Ломоносовъ.

И еще прибегну к авторитету самого авторитетного человека в России, то есть Пушкина, и дополню из Евгения Онегина:

Мы все учились понемногу

Чему-нибудь и как-нибудь,

Так воспитанѣм, слава богу,

У нас немудрено блеснуть.

Онегин был, по мненѣю многих

(Судей решительных и строгих),

Ученый малый, но педант,

Имел он счѣстливый талант

Без принужденѣя в разговоре

Коснуться до всего слегка,

С ученым видом знатока

Хранить молчанѣе в важном споре

И возбуждать улыбку дам

Огнем нежданных эпиграмм.

Это всё, казалось бы, мелочи, но именно в мелочах скрывается Дьявол – так, может быть, и Бог тоже – хотя не скрывается, но проявлен – в нашем быте, в повседневном, а мы не хотим видеть?

Заговорив о языке, я, наконец, понял, что и зачем я буду говорить, ибо с языка я начинаю, им я и закончу, Магия и Бог содержатся в слове, и не только «в начале было слово, и слово было у Бога, и Бог был слово», но и в конце

времен – поэтому гораздо существеннее говорить о Слове, нежели всякие глупости о том, как и о чем мне или вам надлежит писать: тот, кому есть что сказать миру, знает это и без меня.

Но я буду говорить не в поучении, от него уже я смертельно устал, а только в диалоге, разговоре, в споре – ибо теперь я пришел не для того, чтобы утверждать Форму (я, поклонник формы), но *чтобы ее разрушить*. Форма – это окаменелая истина, высказываемая учителем, но из меня не выйдет Учитель жизни, даже учитель литературы, даже учитель языка, я еще сам ученик, в лучшем случае – собеседник.

Я враг всяческого однообразия, враг маоистской куртки, одетой когда-то на всех, и мужчин и женщин, в Китае, так что все то, с чем боролось в женщине христианство, под нею было так же скрыто, хотя Мао не был ни христианином, ни конфуцианцем, ни буддистом (а кем же были наши вожди? Но об этом позже).

7. Что есть Истина?

Сию минуту я не отвечу на этот вопрос, и даже не отвечу позже, но одновременно и отвечу (как уже в предыдущей книге я говорил, что Истина – в культуре). Но разговор нам предстоит серьезный, потому что даже и среди откликов на мои книги нахожу такое (возможно, выстраданное) убеждение: «Истина одна и она же является свободой, потому что не бывает сотен истин!» А до этого мы проходили в церкви, в школе, в тюрьме и в концлагере: «Азь есмь истина и путь... и кто не со Мною, тот против Меня»; «Единственно верное учение ... и кто не с нами тот против нас» и «Труд делает свободным!»

Только литература не претендует на то, чтобы навязать единственную Истину, только философия учит сомневаться и только математика, находя единственную и несомненную истину, одновременно, как ни странно, не закрывает горизонты мысли и свободы, но открывает. Аристотель спорит с Платоном о существовании **НЕСЧЕТНОГО** числа, не являющегося мерой множества и количества, не *счетного*, а выражающего собою **КАЧЕСТВО** (как *двоичность* и *троичность*, как *четность* и *нечетность*, как *единичность* и *множественность*) и оба ссылаются на Пифагора, но ни тот ни другой не призывают поклоняться ЧИСЛУ, и равно остаются для нас учителями. И в то же время учителя Веры, учителя Идеологии и «Единственно верного учения» воздвигают в доказательство своей истинности костер, плаху, колючую проволоку и царствуют не с помощью истины, а только с помощью террора, пока не приходят Лютер, Кальвин, Маркс, Ленин, Мао или Муссолини и не разрушают их истину, утверждая теми же средствами свою.

Об отношениях литературы, философии, религии и математики мы еще говорили недостаточно, если живо убеждение среди свободных писателей (свободных даже от читателей), что истина только одна, а значит, надо нам сообщать или написать или открыть ту единственную книгу, в которой она изложена. Боюсь, что это будет не "Азбука математики", которую я писал восемь лет, и которую читают еще меньше, нежели мои "Записки редактора".

Редактор. 17 октября 2013 г. .

Глава вторая

ЧУДО И ПРЕОБРАЖЕНИЕ

1. Предисловие.

«Пишу для себя...», – думал Пушкин. Но так как никакой тезис не исчерпывает существование, но одновременно с ним справедлив и антитезис (так, например, ночью в новолуние, когда тучами закрыты звезды, – *темно*. Но все же и в такую ночь улавливает зрение темные пятна леса и собственного тела!), то так же и Пушкин не писал только для себя, и я сам, подражающий ему во многом, тоже не пишу для себя одного. Правда, я был уверен, что по крайней мере не пишу для тщеславия, а вдруг усомнился и в этом.

Вчера "взошел" на литературный сайт, чтобы посмотреть, что пишут о Первой главе продолжения Записок редактора, надеясь вступить если не в диалог, то хотя бы в полемику с пишущими. Оказалось, что не только ничего не пишут, но даже за две недели никто не прочитал, никто не заглядывал на листки, прибитые мною к стене чуть ли не с риском для жизни.

И я расстроился. Увы (или к счастью) мы еще во многом дети, и авторы переживают об откликах своих собратьев (ибо кто же посетители Сайта, ведь не читатели же, но братья-писатели – сочувствующие или соперники). Более того, совсем как подростки, они, оказывается, нередко ставят своим ближним единицы, чтобы опустить их рейтинг и самим вырваться вперед – но ведь это же нехорошо, это все равно, что в честной борьбе ставить подножку или нападать на соперника втроем да притом из-за угла!

Но, тем не менее, новую главу мою не читали, предыдущие двадцать три главы сползли вдруг вниз – для кого же теперь писать? – горестно я вздохнул. И вдруг вспомнил, что я "пишу для себя", и попытался немного утешиться.

Впрочем, я счастливее многих. Во-первых, еще в детстве мне показалось, что Бог неравнодушен ко мне, что Он имеет на меня какие-то особенные виды, а значит, хотя бы наспех прочитывает мои сочинения – так и учителя мои, в школе и в университете, выделяющие меня из круга учеников, интересовались моими творениями, даже когда их осуждали.

Во-вторых, с тех пор как у меня появились несколько любящих читательниц, я пишу даже больше для них, чем для себя. А они меня часто утешают, даже, может быть, не всегда справедливо – так мать утешает свое дитя и тогда, когда оно не право. А женщина очень часто относится к мужчине по-матерински, она его жалеет (даже если не за что).

Поплакав в ночной темноте (не до конца темной) и утерев слезы, я решил, что отныне обольщаться не буду, не буду "дорожить любовью народа", как советовал Пушкин, а буду писать для вас, "души моей царицы", для себя и, возможно, для Бога (если Он все же меня не совсем забыл и иногда читает).

Кстати, мои дорогие, ведь и у каждого или каждой из вас есть друзья и родные, а у многих есть еще собственное Я и собственный (или общий) Бог – так не огорчайтесь несправедливостью жизни и невниманием читателей, утештесь так же, как я. О, если бы я так огорчался невниманием вертхвосток (хотя и огорчался), разве я продолжал бы писать?

2. ЧУДО.

На него уповают все, и верующие и неверующие. Не всегда жизнь как по маслу, в драматической ситуации оказывается каждый, хотя бы изредка, то светят "отблески на лезвии кинжала", то "светит" тюрьма, то нищета, то отчисляются из института, то любимая уходит к другому, то собственная болезнь пригибает долу, то, еще хуже, болезнь угрожает близким.

И, к счастью, чаще приходит спасение, нежели гибель: мы или близкие выздоравливаем, любимая опомнивается или оказывается, что и без нее можно прожить, тюрьма нас избегает, в институт принимают снова, и нищета не до конца забирает к себе, а то даже в последний момент кто-то протягивает руку помощи.

Судьба или случай? Естественное ли течение и случайное соединение событий? Или нечто исключительное, невероятное, а то и лежащее за гранью обыденных представлений?

Странное, неожиданное изменение обстоятельств, но *согласное* с нашими усилиями и ожиданиями, не противоречащее обычному ходу жизни, правдоподобное и не исключительно редкое, происходит чаще всего, и эти изменения мы причисляем к разряду естественных.

Бывают и такие события, которые изменяют нашу жизнь слишком неожиданно, когда они исключительны, почти неправдоподобны, НЕВЕРОЯТНЫ – но не сверхъестественны, так что и их можно понять в согласии с законами жизни и природы.

Но, наконец, бывают события и совсем или почти сверхъестественные, но происходящие на границе естественного и сверхъестественного, так что и их можно оставить с этой стороны бытия.

В отличие от Священной истории и житий святых, литература не вводит в ткань жизни своих героев чудо в его непосредственной, несомненной форме, подобно воскрешению Лазаря, встрече Савла с Христом по дороге в Дамаск, превращению воды в вино, воскресению Христа.

Чудо в литературе всегда ДВУСМЫСЛЕННО. Оно проявляет себя как подлинное чудо, но позволяет себя объяснить как естественное, хотя и почти невероятное, стечение обстоятельств.

Итак, жизнь и литература имеют дело с тремя формами чудес.

Два предельных проявления чуда суть: во-первых, когда происходит нечто возможное, согласное с обычным ходом вещей, но почти невероятное, исключительное; во-вторых, когда происходит нечто почти НЕвозможное, НЕсогласное с обычным ходом вещей.

И, в третьих, если даже жизнь изменяется согласно, казалось бы, нашим собственным усилиям, но изменяется неожиданно, когда уж в это было и поверить трудно. Течение жизни совсем не походит на движение автомобиля под управлением опытного водителя, на движение, которое задано и ограничено дорогой, ее поверхностью, изгибами и колеями, и волей автомобилиста; нет, помимо внешней среды, отчасти соответствующей дороге, помимо наших усилий, намерений и воли присутствует в жизни постоянно элемент случайного, непредвиденного, иррационального.

Но есть ли отличия в проявлениях Чуда в реальной жизни и в литературе? Казалось бы, в нашей повседневной реальности мы сталкиваемся с чудом чуть ли не каждый день, по крайней мере, если оно не вторгается в нашу жизнь, то мы о нем слышим каждодневно: то прорицательницы предсказывают взлет России, а мы ее видим сидящей на обочине; то 117 процентов жителей Хачинской национальной автономии голосуют за местного и неместного царя батюшку, а вслед за тем и жители метрополии "все как один" голосуют за тех же самых; то наши ракеты летят ТУДА, а ихние не туда, в то время как нам казалось, что все происходило совсем наоборот (но произошло, в конце концов, чудо); то начали мироточить иконы в соседнем сельском приходе и прихожане, изумившись, бросили пить; то местный мент перестал брать взятки... Но повседневная жизнь наполнена хаосом, и нам кажется, что назойливые чудеса лишь увеличивают хаос назойливой жизни...

Литература упорядочена как хорошее стихотворение, хаоса в романе нет, все взаимосвязано, обусловлено и целесообразно.

И если уж доверчивый читатель-писатель все еще ждет от меня совета, как надо ПИСАТЬ, то я его в конце концов дам, хотя он практически неисполним: когда в романе не останется ни одного СЛУЧАЙНОГО, не обусловленного слова, ни одной случайной запятой, когда даже ошибки и неправильности будут только НАМЕРЕННЫМИ, **когда на единственно возможном месте останется только единственно возможное слово**, когда текст достигнет абсолютной несвободы, **тогда роман достигнет абсолютной свободы и совершенства**.

В чем особенности слабого автора? Он ставит слова наобум. Почему именно это слово именно здесь – не известно никому, и прежде всего автору. Редактор становится в тупик. Если поставлено не самое лучшее, но все же уместное слово, если высказывание не совсем точно, но все же объясняет то, что думал и чувствовал автор, то их (и слово и высказывание) можно улучшить. Но если автор говорит единственное, что "глокая куздра ... продолжает кудрячить бокренка", то что и как улучшать, даже я не знаю. Пишите, мои дорогие, так, как начала писать одна дама, рассердившись на меня за то, что я почти ничего в ее тексте не улучшил: отчаявшись дожидаться от меня толку, она перечитала свой текст и сделала в нем 117 исправлений. Где же вы были, в ярости восклицала она! А моя задача в том и состояла, чтобы вы разъярились и начали переписывать себя сами, ответил я.

Но это шутка, редактор, все же, может принести пользу, но при условии, что автор перед тем "извел единого слова ради тысячу тонн словесной руды", и только чуть-чуть не хватило ему усилий. Автора, не стремящегося подняться на вершину, затащить туда невозможно.

Роман упорядочен как хорошее стихотворение, хаоса в романе нет, все взаимосвязано, обусловлено и целесообразно. И только тогда он совершенен.

Но если в Романе все обусловлено, то как в нем может появиться свобода?

Пока не буду отвлекаться на то, чтобы рассуждать о свободе и попытаться понять, что она такое. А разговор этот предстоит, один известный православный писатель как-то яростно ополчился на гениальную юную писательницу за то, что она выразила пожелание погибнуть, отстаивая свободу. Все мы в руке Божией! – возопил он, – какая еще может быть свобода?

"История есть развитие понятия свободы", – заявлял Гегель. Еще более несомненно, еще более глубоко и более подлинно развитие и утверждение свободы в литературе. Да, может быть, только в литературе свобода и возможна.

Хаос лишен свободы, как и заданное физическое движение, детерминированное средой и внешними силами, в хаосе все случайно, воля несущественна, а без воли свободы нет.

В романе все обусловлено, с внешней стороны, по отношению к которой развитие в романе рационально. Если бы на этом все и закончилось, то роман мало бы отличался от жизни, которую он призван заменить. Но появляется *иррациональное*, вторгается в неотвратимость происходящего Чудо, жизнь и повествование взрываются и становятся Инобытием.

Но чудо проявляется в разных формах, которые имманентно присущи ему, хотя они же продолжаются и в действительности, и именно это, тождество формы проявления для естественного и сверхъестественного, и делает чудо частью жизни, а жизнь вводит в область сакрального, чудесного.

Восторг проявления чудесного я переживал часто, была ли это встреча с красавицей, как встреча князя Мышкина с Настасьей Филипповной, музыкальный концерт, великое произведение литературы, знакомство с философом Н.П., магический поворот в судьбе.... Поэтому мне трудно провести некую непреходимую границу между естественным и сверхъестественным, поэтому я и переживаю литературу как встречу бытия и инобытия, как их синтез... а даже и саму жизнь...

Вторгаясь в роман, чудо оправдывает и роман, и судьбу героев, и автора; чудо оправдывает культуру и нашу жизнь. Оно – тот божественный дух, который вдыхает Бог в безжизненный прах, и прах начинает жить.

В романе Елены Лобановой "Фамильные ценности" мучительно не складывается жизнь умной, культурной, добродетельной женщины. Не сложилась семейная жизнь, нет согласия с сыном, нет успехов на поприще профессии, которая, в то же время, неотделима от ее жизни, нет денег, нет перспектив... да и все беспросветно... а жизнь проходит...

Героиня делает отчаянные усилия, чтобы жизнь наладить, она и умна, и талантлива, и деятельна, и работоспособна... Что бы с нею ни произошло хорошего, важного, исключительного, спасающего ее, оно органически будет связано с ее личностью, оно не будет оторванной от нее и ее жизни случайностью – но это хорошее может НЕ произойти, как это обычно бывает. Жизнь скупится. Богу некогда. Друзья не в состоянии нам помочь.

И вдруг жизнь ее начинает чудесно меняться. Нет, не разверзаются небеса,

не гремит гром, не появляется шестикрылый Серафим на перепутьи пророка, не плачет ангел на иконе, и даже не случается выигрыш в лотерее (как случилось это в начале пути у великого русского книжного собирателя Ульянинова – лотерейный билет ведь может быть только житейской случайностью, а может быть чудом!)

Но чудо происходит, жизнь героини преображается, она и ее близкие обретают счастье, и даже читатель становится счастливым и украдкой смахивает "случайную" слезу.

И хотя мне несомненно, что в текст романа вторгается чудо (как оно вторгается в ТЕКСТ каждого выдающегося русского романа), но ДОКАЗАТЬ, что случившийся чудесный перелом в повествовании чудесен, а не обусловлен прозаически естественным ходом событий – невозможно (и это, как ни удивительно, тоже необходимое чудо, пронцающее мир и бытие).

Чудесно в мире почти все, даже дождь, который неумолчно идет пятый день, но меня не промокает, но только слышится как "музыка дождя"... поэт чудо непосредственно воспринимает, "фининспектор" – не ощущает. Многие, наполняющее материю жизни как светлый и живой дух и помогающее чудесно преобразовывать эту материю, чудесно, но оно ускользает от строгого философского или математического доказательства. Оно чудесно естественно. Оно естественно чудесно.

И только если воспринимать роман как трехчастную сонату, мы увидим и услышим, что эта вторая часть ее хотя и необходимо дополняет первую, возражает ей, спорит с нею и опровергает, но она в первой части не заключена, как это обычно для естественного мира: там все заключено во всем, часть в целом и целое в части – но свободно самостоятельна, имеет свою (чудесную) причину – отчасти творческую волю автора, отчасти творческую волю Создателя (который неявно присутствует на протяжении всего романа), отчасти независимую от них обоих Судьбу.

Это же справедливо и для романа Натальи Ефремовой "Осколки памяти". Героиня делает все возможное, чтобы РАЗРУШИТЬ собственную счастливую судьбу: ей выпало сверхъестественное счастье чистой лирической юношеской любви, любви первой, любви с первого взгляда, в которой и притяжение тел и родство душ, и благоволение небес, но неотвратимо, казалось бы, все должно было закончиться хаосом обыденной рациональной жизни – но вторгается Чудо как исключительность, невероятное, не вытекающее из хода происшествий и из течения времени Событие, Хронос отторгается Кайросом, случайность – Судьбой, невероятное неотвратимым, хаос – гармонией.

Нечто непостижимое, что заключено в мистике пола, в трагическом противостоянии полов, в самой идее грехопадения, пронизывающей пол, то непостижимое, что заставляет отца Сергия (у Толстого) нанести себе рану, чтобы не соблазниться, заставляет подвижников удалиться в пустыню, чтобы не видеть женщину – это непостижимое почти разрушило возможность любви и счастья в любви мужчины и женщины (а не только в любви к ближнему).

Но происходит чудо, героиня терпит автомобильную катастрофу и оказывается в доме ее отвергнутого десять лет назад возлюбленного.

И это чудо не опровергает законов природы, и оно в границах возможного, и так же невозможно доказать, что это чудо, а не редкое событие в рациональной безчудесной жизни.

Но таково почти всякое чудо, даже то, что преображает бытие в инобытие в романе Натальи Троицкой "Сиверсия", что спасает жизнь героя, чудо, которое не только появляется в необходимый трагический момент бытия, но и пронизывает бытие романа изначально. Так что мне иногда казалось, что весь этот роман – это роман о чуде. Противостоит ли реальности чудо расцветающего на морозе белыми цветами кустарника? И противостоит, и не противостоит, но становясь частью реальности, оно ее преображает в действительность.

Быть может, уместно сказать теперь о собственном опыте столкновения с чудесным, чтобы выйти за рамки академического разговора. Вера в Бога неотделима от веры в чудо, неотделима от того отношения к миру, которое не отождествляет его с бездушной материей и ее предопределенными движениями, неотделима от ощущения сложной духовной жизни, в которой, как в гениальной драме, действуют воля, свобода, судьба, Тайна.

Четырнадцать лет назад я оказался на границе бытия и небытия, и вечером мне казалось, что до утра я не доживу, а утро не приносило надежды. В один из горестных дней я вдруг почувствовал силу, которая повелевает моими мыслями и требует определенных действий. Я сошел с кровати как с эшафота, и, держась за спинку стула, направился к окну, которое было не ближе, чем Северный полюс. Сгустились сумерки. Я двигался долго. Глядя из окна во двор на февральскую метель, я вдруг почувствовал, что могу разговаривать с чем-то таинственным и могущественным, что было и за окном, на темнеющем небе, и даже отчасти во мне, и что наполняло меня спокойствием. Не было ни молитвы, ни просьбы, ни призыва, я только словно открыл сам себя для спокойного принятия этой безмерной силы, даже улыбнулся, думая, что мои беды уже позади.

Утром я был совершенно здоров.

В полдень явился следователь и устроил мне допрос, а через два часа испуганная администрация выписала меня, вчера умирающего, из больницы.

3. ПРЕОБРАЖЕНИЕ.

В быту, в обыденной реальности многие склонны профанировать выдающееся, подчиняясь инстинкту толпы и черни, в чудо мы верим, мы его призываем, но мы о нем просим, как выпрашивает работник у хозяина прибавленья зарплаты. Пошли нам, Боже, денег, пошли здоровья, пошли благополучия, успехов в карьере. Редко кто просит прибавленья души, редко кто просит не за себя, а за ближних, исключая мать, страдающую о своем ребенке.

Естественно, что Бог молчит, не дает он нам ни денег, ни благополучия, а те, кои верят, скорее, нечистой силе, получают не только что просят, но и с лихвой.

Чудо в литературе предстает в своем самом чистом, самом возвышенном виде, как соединение идеального: Красоты, Добра, Поучения и должного Изменения.

Оно в большей степени изменяет мир, нежели помогает нуждающемуся – хотя и ему помогает.

Но те изменения, которые претерпевает мир, меняют его обыденную природу. Пронизывая мир, чудо и его делает чудесным, этот новый мир становится преображенным, само явление вхождения чуда в мир называется Преображением.

Преображение мира испытывается прежде всего в Любви, а затем в Вере, но любовь мы узнаём раньше и она посещает почти каждого, и она – необходимая предпосылка Веры.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы...» – говорит апостол Павел.

Но «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша.» – говорит он далее. Следовательно, даже прежде веры в Иисуса Христа должна быть вера в Чудо Воскресения, и посему можно сказать, что верую в Иисуса Христа и является вера в Его Воскресение.

Но одним только ожиданием грядущего воскресения мёртвых не утешится душа и жива не будет, она утешается любовью, которая прежде веры. Эта же любовь в соединении с чудом и переменяет человека и мир, наполняя их Преображением.

Свет Преображения изливается на страницы романов Елены Лобановой, Натальи Ефремовой, Натальи Троицкой, так что можно сказать, что их романы – о Преображении человека и мира – увы, пока только в романной действительности.

Но, как я уже писал раньше, "Литература **преображает** душу читателя. Преображение происходит, если в романе заключено *магическое*. В той или иной степени оно есть у каждого честного автора. Разве не для проявления *магического* мы пишем? – хотя мы многого пытаемся добиться, а иногда и не знаем точно, чего... Но главное, кажется, объяснить я смогу: мы пишем, чтобы не до конца отчаиваться. Если мы и не победим, то все же и я и они не одиноки, мы хотя и отступаем, но еще есть куда отступать. А потом кто-то из нас (или такой же как мы) напишет роман, после которого произойдет Преображение мира (как на это надеялся Скрябин, когда создавал "Мистерию")."

А позже я еще добавил:

"Роман разрушает мир обыденных вещей, созидая не только Универсум, но МИСТЕРИЮ, заменяя жизнеописание ЖИТИЕМ, поставляя в центр его ЧУДО и ТАЙНУ".

4. Несбывшиеся упования.

Продолжать уже, казалось бы, законченную книгу – неблагоприятное занятие. Осталось ли что недосказанное, есть ли еще что сказать не только назидательное, но неизбежное, оригинальное, глубокое, вдохновляющее? Ибо о литературе, как и о женщине, надо говорить так, чтобы читатель не столько становился более знающим, сколько более вдохновенным! "Музыку я разъял как труп! Я алгеброй гармонию поверил!" – восклицает Сальери в трагедии Пушкина. Оттого, что я сегодня более знаю, нежели пять лет назад, стало ли мне легче писать? Нет, как и вчера и третьего дня, только вдохновение лежит в основании творчества, а в основании вдохновения – сильное впечатление, душевное движение или, может быть, *чувство и мысль*.

Вот я и боюсь стать назидательным, научить алгебре, в ущерб гармонии. Но разговоры и встречи, горестные размышления о собственном творчестве, о горестной судьбе России, об упадке ее языка и культуры повелевают мне писать, быть может, я помогу кому-нибудь из читателей острее чувствовать, свежее мыслить, пренебречь незначительным. К тому же, и из прежних, и из новых размышлений и впечатлений о литературе сказал я не всё, многое осталось и важное недосказанным.

Позавчера был в философском собрании, разговор, однако, шел не о философии, а о поэте Пушкинского времени Николае Языкове (1803 – 1846). Он обещал многое, современники возлагали надежды именно на него, а не на Пушкина, Дельвига, Баратынского.

А. А. Дельвиг в сонете "Н. М. Языкову" уверенно предрекает: "Младой певец, дорогою прекрасной Тебе идти к парнасским высотам...".

"Здесь нашел я стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся и что из него будет. Если уж завидывать, так вот кому я должен бы завидывать ... Он всех нас, стариков, за пояс заткнет" – эти слова, вызванные стихотворением "Тригорское", принадлежат Пушкину (письмо к П. Я. Вяземскому от 9 сентября 1826 года).

Но надеждам этим не суждено было сбыться. При этом Языков обратил на себя внимание безупречной поэтической формой уже вступая на поэтическую стезю – чего же ему недоставало?

Открыл сборник его стихов. Вот два его стихотворения, в начале и конце пути.

МОЛИТВА

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам.

12 апреля 1825

МОРЕ

Струится и блещет, светло как хрусталь,
 Лазурное море, огнистая даль
 Сверкает багрянцем, и ветер шумит
 Попутный: легко твой корабль побежит;
 Но, кормчий, пускайся весело в путь,
 Смотри ты, надежна ли медная грудь,
 Крепки ль паруса корабля твоего,
 Здоровы ль дубовые ребра его?
 Ведь море лукаво у нас: неравно
 Смутится и вдруг обуяет оно,
 И страшною силой с далекого дна
 Угрюмая встанет его глубина,
 Расходится, будет кипеть, бушевать
 Сердито, свирепо — и даст себя знать!

1842, Венеция

Все замечательно, и другие его стихи не хуже и не лучше этих, только, может быть, эпиграмма на Чаадаева энергичнее:

... Своё ты всё презрел и выдал,
 Но ты ещё не сокрушён;
 Но ты стоишь, плешивый идол
 Строптивых душ и слабых жён! ...

Только, увы, все другие стихи Языкова в их целом производят впечатление вялости — а ведь все слова стоят на необходимых местах... Значит, одного только правильного выбора слов недостаточно.

Занимаюсь разрешением этой загадки — того, что надежды на Языкова не сбылись, и остался он в памяти нашей второстепенным поэтом, чтобы разобраться в самом себе, понять свою собственную несостоятельность (а это же самое волнует и других авторов, и они задают себе вопрос — чего же мне не достает, чтобы превзойти Пушкина?). Итак, я пишу:

Не пора ли отстать от писанья стихов —
 Затяжных графоманских затей?
 Составлять по созвучью шеренги из слов
 Может, верно, любой грамотей.

Так не лучше ль заняться спасеньем души,
 Дом построить, вскопать огород?
 Сколько рифму ни мучай, пиши не пиши,
 Из шеренги не армия — сброд!

Оживляющей мысли в стихах моих нет,
 Новизны; худосочен порыв.
 Слишком долго пишу — не живут столько лет.
 Значит, я не поэт, если жив.

Переплавить обыденность в горестный сплав
 Звездных высей и грешной земли
 Не сумел я, и правильный стих мой не прав,
 Собирал я и зори, и запахи трав,
 Но метафоры не зацвели.

Значит, надо другую стезю поискать,
 Губит званых безумная страсть.
 Заставляет и душу как рифмы раздать,
 Стать последним, унизиться, пасть...

А дойдешь до предела паденья – увы,
 И тогда – не забвень ли, тлен?
 У поэзии, этой беспутной вдовы,
 И мужей ждут несчастья и плен.

Так что лучше разжечь деревенский камин... –
 Ах, как рифмы горят! – и налить за почин!

13 октября 2008 г.

Итак, безупречной формы недостаточно, необходимо еще что-то особенное иметь за душой, что не только просилось бы наружу, но прямо назойливо бы требовало высказать себя, и что было бы необходимо современникам.

Это – сильное чувство, "оживляющая мысль".

В конце Языковского вечера я читал и свои последние стихи из октябрьского цикла. Четыре строки заслужили похвалы, но я не обрадовался, а расстроился (как, всего четыре?). Но и докладчик сетовал на непризнание, посему чувства наши оказались единодушны, а водка была чудо как хороша! (Но это так, к слову...)

5. Так что же такое литература?

Я уже задавал этот вопрос, и отвечал на него, и снова задаю – да потому, что и литературное море безбрежно, и задача у нее не единственна, и предназначение и поприще, как и у человека, не так узко, чтобы поймать мыслью и оковать формулой.

Если «я пишу для себя», то субъективное важнее объективного! Вот так же и влюбившись, не соглашусь я, чтобы на мою влюбленность смотрели как на общественный долг, как на призвание: нет, это только мое, только для меня, даже если я и поверяю свои горестные чувства другу или подруге.

Литература – это диалог пишущего с случайным попутчиком в электричке или в забегаловке, это попытка разобраться в самом себе, в своей судьбе – и если это даже не всё, то все же и это не менее важно, чем все остальное.

Литература – это наш особенный способ изменить наш собственный мир, если невозможно изменить затхлый мир в его целом; это наши заклинания и молитвы, это наши личные поиски Чуда и Преображения для нас самих, не только для наших героев.

6. ОКТЯБРЬСКИЕ СТИХИ

* * *

Мы – листья с дерева, облетающие под порывами ветра,
Горестно размышляющие о краткосрочности бытия,
Все обреченные, от подмастерья до мэтра,
Мокрые, побуревшие, падающие – и ты и я.
Но, может быть, существуют все таки Бог и Истина,
Способные нас утешить? Или Истина – это Бог,
Идущий по дороге, усыпанной листьями,
На которые наступает его сапог?

* * *

Ну, октябрь, закатил на прощание пир в двух столицах,
Земляника цветет, поливают дожди как в июле,
И ленивый не едет в деревню субботнюю баню топить.
Я бы мог рассказать восхищение в слове и в лицах,
В пролетевшей насквозь бестолковой, как многое, пуле,
Но зовет меня долг на субботу дрова напилить.
Но зовет меня долг, необъятное поле работы.
Я крестьянин и ратник, поэт, порождение смуглы.
Мой язык и народ без меня будут плохо хранить.
Надвигается хлябь, неумно-голодные готы!
То ли плачет октябрь, то ль смеется, то ль рвет свои пути,
Обнимает меня и велит на прощание жить!

* * *

Прости, октябрь, не все успел сказать!
Ты мне сродни. Природа дождевая,
То плача, то смеясь, а то взывая,
В моей душе успела завязать
Узлы сильней, чем блеск и зелень мая.
Я буду ждать, когда вернешься ты.
Простишь ли мне неверность и измены,
Поклоннику беспечной красоты,
Когда ноябрь последние листы
Сорвет с дерев и ты уйдешь со сцены?
И все же и в весельи буду ждать
Шум леса, шум дождя, природы блеск и тленье,
Смирение ухода, похоть зренья,
Сокрытую в ненастьи благодать
Небесную, в прощаньи – возвращенье.

Прости, читатель, что я мучаю тебя стихами, когда вот-вот зазвенит звонок на перемену, а "*мы еще не выяснили, есть ли Бог!*"!

Но у нас впереди еще время есть...

7. Что будет и успокоится ли сердце?

Сердце не успокоится никогда, а несказанного еще, как оказалось, много, поэтому в будущем поговорить нам есть о чем. Но не только о литературе как таковой, как идеальной области духа, наши предстоящие разговоры, но еще в большей степени о ее связях с жизнью, культурой, историей и судьбой писателя.

Меня только что спросили о происхождении русской прозы, не из летописи ли она произошла? Нет, думаю, истоки ее в житиях святых в наибольшей степени, в особенности в житиях протопopa Аввакума, боярыни Морозовой и инока Елифания, вероучителей и подвижников Раскола. Но и в эпистолярном жанре тоже, то есть в письмах, имевших, впрочем, во времена Аввакума характер не только и не столько личной переписки, сколько общественной литературы, религиозной философии и публицистики. Такова также и переписка Ивана Грозного с князем Курбским, имевшая место веком ранее. Лев Толстой считал, что из писем и житий старообрядцев выросла и русская светская литература, во всяком случае, влияние Аввакума на Толстого и Достоевского несомненно, как и другой житийной литературы.

Разумеется, у истоков современной (послепетровской) литературы находятся и древнерусские тексты, но в научный и общественный оборот они вошли только в девятнадцатом веке, и Пушкин, например, формировался под влиянием античной классики и французской литературы, русские легенды и сказки он, скорее всего, узнавал из уст его няни, Арины Родионовны.

Пушкин стоит не только между современной литературой и нашим восемнадцатым веком (а он уже воспринимается как век литературно архаический, исключая только Карамзина), но он стоит и между русской литературой и античностью, между русской литературой и французской, достаточно вспомнить множество его переводов, переложений и подражаний (ведь даже и знаменитый Пророк восходит к Библии и Корану, заимствуя у них образы и мотивы).

Но еще правильнее будет сказать, что Пушкин присоединяет к Новой русской литературе все выдающееся, что было в культуре и других народов, в прошлом и в настоящем.

Можем ли мы подражать Пушкину в этом, затрудняюсь сказать, но об этом следует всегда помнить.

Необходимо заговорить и о тех сплетнях и инсинуациях, порой обычных литературных анекдотах, которые ныне в сознании общества заменили историческую Истину, включая навязших в ушах "дураках и дорогах" и "воруют-с", настолько нелепых, что если бы не их чудовищная пасквильность, не стоило бы о них и говорить.

И, наконец, уже в следующей главе я с удовольствием вернусь к взаимоотношениям математики и литературы, и, в частности, к взаимоотношениям с математикой Пушкина. Я и сам с удивлением недавно узнал, что два наших национальных гения, Пушкин и Лобачевский, встречались на литературных вечерах и были дружны.

Глава третья

ЛИТЕРАТУРА КАК ИНОБЫТИЕ

1. Я и мир.

Человек смотрит на мир из центра, которым является он сам. В центре мира и бытия его личность, все остальное – лишь окружающее, периферия.

Отчасти это обстоятельство должно бы заставлять его подниматься по возможности выше, как при осмотре окрестностей поднимаемся мы на гору или залезаем на дерево, чтобы мир стал больше хотя бы для зрения.

Но размышление стремится исправить непосредственное чувство, правда, не всегда заменяя первоначальный образ мира на лучший.

Если Я в центре мира, то невольно кажется, что если Я не самое главное в нем, то, по крайней мере, его значительная, а, возможно, и самая глубокая часть. Из этого чувства, вероятно, возникает субъективная философия.

Продолжая размышлять, принимая к сведению или к руководству чужие точки зрения, мы создаем новый образ мира, в котором место нашего личного Я занимает нечто другое.

Первый, непосредственный, чувственный образ мира, в центре которого наша "ничтожная" личность, наполнен красками, запахами, звуками, вкусом и осязанием, но все другое *меньше нас*, и это нас смущает. Рядом располагаются родные, друзья, знакомые, сослуживцы, наш дом, наш город, деревня, лес и поле, отечество, солнце и облака, небесный свод с луной и крохотными звездами, затем Европа, земной мир и, наконец, вселенная и беспредельность. Но видимо и чувственно воспринимается только то, что рядом, а все остальное по большей части умозрительно, и это не удовлетворяет наш ум, который на место непосредственно чувственного мира подставляет некий образ его.

Если мир воспринимается и мыслится Человеком, который представляет собою вид и род по отношению к нашему Я, а затем в нем наибольшее место занимает живая Природа и ее живительный дух, то именно они ставятся нашим разумом в центр мира, и такой образ мира является Антропоцентрическим или Природоцентрическим.

Элементы мироздания располагаются на иерархической лестнице в виде естественной пирамиды, в вершине которой располагаются власть земная, а за нею, если умозрение включает ее в свой образ мира, и власть небесная.

Власть земная принимает разнообразные формы, то это монарх-самодержец, то диктатор, как в последнее столетие в России, то выборный правитель, то "общество", то традиции, то церковь, то партия, то самодовлеющая *идея*, например, достижения царства Божия или *строительства коммунизма*.

Основанием для всех таких образов мира является непосредственно переживаемая жизнь, и их можно было бы назвать чувственно-умозрительными.

Однако в них не содержатся ни звуки музыки, ни запахи цветов, ни вкус черной смородины.

Умозрение конструирует картину мира, освобожденную от всего конкретного, привязанного к личности и к чувственным элементам мира, к жизни как к переживанию. Наиболее развитые формы, в которых происходит создание таких абстрактных образов мира, суть: миф и религия, философия, наука.

В первом случае в центре мира ставится некое высшее начало, Бог или пантеон богов, или Природа как Бог.

Во втором случае в основании мира Единое, Число, Идея, Целое, Субстанция, Сущность.

Логос, Эйдос, Этос и Форма.

И, наконец, в третьем случае и центром мира и миром как таковым является *субстанция*: материя или дух или обе "первоосновы" вместе. Или только проявления материи: пространство, вещество, время и энергия.

Человек и природа неотличимы от всего остального.

Но вне антропоцентрического образа мира нет ни философии, ни культуры, ни литературы как части культуры и как самостоятельного духовного целого.

Раньше я говорил о единстве литературы и философии, о том, что философия в литературе продолжается, что и литература, как и философия, является способом понимания мира. Но если остановить внимание на их различии, то надо будет признать, что между ними непреодолимая пропасть, как между общим и частным, общим и индивидуальным, абстрактным и конкретным. Человек в философии не имеет "лица необщего выражения", он по существу вовсе не имеет лица, и совершенно не случайно великий философ Платон высказался о *человеке* как о "существе двуногом без перьев" (что, конечно, не красит Платона), на что Диоген более остроумно возразил, подсунув тому ошипанного петуха.

Каждый человек смотрит на мир из центра, которым является он сам, и преодолением такого чрезвычайно узкого эгоцентризма является только *сочувствие* к миру, или любовь, то сочувствие, которое нам "дается, как нам дается благодать", по слову Тютчева.

В сочувствии и любви индивидуальность выходит за границы яйности, соединяясь с *другим*, семьей, народом, природой и культурой.

Роман воссоздает отношения личности и мира, в романе в центре мира так же живой конкретный человек и конкретный мир как его окружение. Уподобляясь герою романа, читатель видит окружающее и весь мир из иного центра, в котором находится он сам в инобытии, в уподоблении, *он сам как другой*. Только в литературе преодолевается яйность без ее потери, и не только автор пребывает в каждом своем герое как он сам (как и актер в своих образах), но и читатель. Литература достигает тождества отдельной личности и каждого человека из ее окружения, каким бы ничтожным тот ни был, до Акакия Акакиевича, Голядкина, Макара Девушкина и иудушки Головлева. (И даже до Холстомера и "пары гнедых"!)

Философия – это литература безличного, литература – это философия личного.

2. Иерархия мироздания

Воссоздавая внешний мир в восприятии, переживании и размышлении, личность интуитивно ощущает свое тождество миру или, по крайней мере, свою не меньшую, чем мир, глубину и великость, а по размышлении понимает и свое превосходство над миром. Само существование мира сомнительно, если оно не удостоверено воспринимающей личностью.

Представим себе, что в закрытом "черном ящике" находится "нечто" и ящик еще не был открыт и наблюдатель не наблюдал это "нечто" – находится ли оно в этом "черном ящике" – и что именно находится? Существует ли мир в мире, если не существует наблюдатель и никто не может присягнуть в достоверности существования мира?

Конечно, по размышлении (да и окружающие нас в этом убеждают) мы приходим к выводу, что Я всего лишь часть всего мира как целого – но разве не находятся и Сократ и Платон и Аристотель, и небо с его звездами, и эти убеждающие нас окружающие в нашем внутреннем мысленном и чувственном мире, и лишь настолько находятся, насколько мы их мыслим и чувствуем? И Достоевский и Пушкин, и Гайдн и Бетховен мыслят и страдают, созидают свои собственные великие литературные и музыкальные миры – но они существуют и они велики только во мне и подобных мне самому, а иные, едущие вместе со мною в вагоне метро с закупоренными ушами даже имена их, возможно, не помнят, а с грядущим одичанием мира забудутся и Платон и Аристотель и вращения планет по эклиптике, и Лев и Козерог и Рак и Дева и что писал о них Пушкин.

Никто не решится утверждать тождество миров, существующих в восприятии и сознании поэта, философа и невежды, не поднимавшего глаз своих к небу, а потому мы ли находимся в мире, или мир находится в нас, еще не до конца ясно. Я же, во всяком случае, по большей части пребываю в мирах, созданных в воображении поэтов и писателей, и не сомневаюсь, что их миры тоньше, поэтичнее и величественнее миров, не преображенных творческим гением.

Но мне важно утвердить не лично мое превосходство над невежественным моим собратом, а призвать заново взглянуть на иерархию ценностей и значений, на положение в мире и важность в нем творца и властителя.

Ибо «У пророка Исайи мы находим перечень лиц, являющихся "посохом и тростью Иерусалима и Иуды", без которых не может устоять Православное Царство. – "Храбрый вождь и воин, судья и пророк, и прозорливец, и старец, пятидесятник, и вельможа, и советник, и мудрый художник, и искусный в слове", ...[но] художнику и словеснику в иерархии должностей и званий идеального Царства принадлежат места со скромными порядковыми номерами 10 и 11. Звание поэта отделено от более важных званий судьи, пророка, народного вождя.» ...[цитата из "Чтений по русской поэзии".]

Но в сознании народа только тираны и деспоты и кузнецы, кующие бесславное будущее, претендуют на неграмотное «имя Россия» (того народа, которому тиран и деспот важнее поэта), и пока это так, и философия и литература одинаково бесславны, и что из них важнее, не важно.

3. Математическое Тождество и Тип

Осенью, в начале девятого класса, или из тщеславия или надеясь привлечь внимание красоток, я взошел на литературную тропу, напечатав в районной газете Рассказ. Редактора газеты изгнали из редакторов, меня из школы, но зато в пределах двух соседних районов (больших, чем Франция) я стал знаменит, читатели вырывали из рук друг у друга ветшающую газету, а красотки, не читая, бегали на меня посмотреть. Наконец школе надоело, что я без образования слоняюсь по улицам, охотно раздавая "интервью" пьяным прохожим, меня призвали пред очи педагогического совета и школьной "массовки" и потребовали, как Галилея, отречься от убеждения в том, что Земля круглая, а происшествия, описанные в рассказе, *типичны* для советской действительности. Тогда-то я понял, что ТИП – это то же самое, что ТОЖДЕСТВО, "отрицательные" герои и чуждые обстоятельства, составляющие тип, удостоверяли Истину действительности, в то время как им разрешалось быть только частными случаями ее и входить в состав уравнений: криминальной хроники и фельетона, но не Рассказа.

Стоя у школьной доски, я краснел и бледнел, но жажда школьных знаний (или страх быть отторгнутым) победили, и я признал, что хотя и не клеветал на "строителей коммунизма", но случайное выдал за необходимое, в то время как оно НЕТИПИЧНО.

Садясь за свою парту прощенным, я прошептал: "А все таки она вертится!" – этого было достаточно, чтобы и красотки меня простили, педагогический же совет меня прямо таки полюбил за мою покладистость, и в речах и директора школы и особенно учительницы литературы звучали дифирамбы моей расцветающей литературной гениальности.

Но ТИП и типическое я невзлюбил, они напоминали мне о моем предательстве, и с тех пор я писал только об исключительном, о героях, злодеях, пророках и поэтах.

Но Судьба совершила свой круг по судебной Эклиптике, и воззрение на мир отчасти во мне изменилось, затем она совершила еще два круга, и мне захотелось понять "Мир как целое", а не только случайное и необязательное в нем. Я заново рассмотрел понятия Тождества и Уравнения и увидел, что в Уравнении кривой и в дифференциальном уравнении *типическими* (то есть *характерными*, выявляющими ХАРАКТЕР) являются "Особые точки" (точки разрыва, экстремума, перегиба и точки разрыва производной – например, *угловые точки*) и "Особые решения", например, *асимптотические линии* и *оггибающие* семейства кривых. Бесчисленное множество остальных, обыденных точек ничего не говорит о кривой. Даже в алгебраическом уравнении характернее кратные корни и корни, существующие при предельных значениях параметров, или условия, при которых корней вовсе нет.

Я попытался вернуться к описанию злодеев и героев, падших женщин и непризнанных гениев, но судьба совершила еще один круг по судебной Эклиптике, и в окружающем мире пропали из моих глаз и гении и демонические натуры, остались только жадные и подлые мелкие бесы и покорные влюбленные в них обыватели. Писать стало не о чем.

(Тем с большей страстью ухватился я за чтение романов Натальи Троицкой, в которых Предел, Огибающая, Точка разрыва и экстремума – то есть *исключительное* – занимали центральное положение, как в симфониях Бетховена).

Жизнь, правда, преподносила казусы, опровергающие воззрения и на литературу, и на математику, и даже на логику – тем более это подтверждало необходимость расширительного взгляда на литературу, такого взгляда, который позволял бы ей, для глубокого и адекватного понимания недействительной реальности и нереальной действительности, выходить за пределы канонических жанров, стилей, языка и смысла – литература должна была стать и философией и математикой, то есть включить в себя нечто специфическое именно для этих областей духа, оставаясь собою.

Оставляя в стороне практику современного российского судопроизводства, отменившего презумпцию невиновности, необходимость доказательств виновности, отменившего даже алиби и возможность подсудимому приводить возражения наступательному азарту судьи, подменяющего следователя и прокурора, а то и вовсе отменяющего необходимость каких либо доказательств виновности (уголовный кодекс позволяет судье приговаривать подсудимого, руководствуясь целесообразностью, продажной "совестью", убеждением и не объясняемыми причинами) – приведу один анекдотический, но характерный пример нарушения знаменитой и основополагающей аксиомы арифметики, гласящей, что от перемены мест слагаемых сумма не изменяется (в виде тождества эта аксиома выглядит так: $a + b = b + a$) – на одном из заседаний правительства, которое было показано по телевидению, царь Борис, после того как министры расселись вокруг стола заседаний, вдруг воскликнул: Не так сели! – и министрам пришлось пересаживаться (по-видимому, сумма все-таки зависела от мест слагаемых, которые, по существу, были совершенно неотличимы друг от друга и вполне взаимозаменяемы).

Итак, я понял, что *исключительное* необходимо дополнять обыденным, *типичным*, а типичное – исключительным. *Литературные тождества, ее аксиоматика, ее типовые теоремы* необходимым образом выявляют характер жизни *только в соединении с особыми решениями дифференциальных уравнений бытия.*

4. Сверхидея драмы; центральная тема сонаты; теорема, лежащая в основании романа.

В «Призвании литературы» отношения математики и литературы были уже исследованы, было высказано предположение, что в основании романа находится некая центральная идея, подобно тому как в сонате имеется центральная тема, и повествование является ее обоснованием и доказательством, как и в математическом исследовании имеется утверждение теоремы и ее доказательство. Настолько мне это кажется важным, что я повторяю теперь то же самое, только дополняя идеями Станиславского относительно *СВЕРХЗАДАЧИ* драмы и ее сценического воплощения.

Согласно Станиславскому, Автор создает произведение, имея некоторую *главную* мысль и цель, может быть и несознаваемые им. И актёр помимо выполнения конкретной задачи, связанной с персонажем, должен стремиться донести до зрителя основную мысль произведения, которая и является его сверхзадачей.

Чаще всего (например, П. В. Симонов) выделяют три важнейших стороны *сверхзадачи* в драме и театре:

1. Она связана с отношением художника к миру, но не тождественна ему.
2. Зарождается у художника как ОБРАЗ и почти непереводаима в понятийный вид, поэтому возможно множество её толкований.
3. Начинается на уровне интуиции, но её формирование и последующая оценка могут лежать в сознании.

Главная музыкальная тема Сонаты в наибольшей степени совпадает с таким представлением о сверхзадаче художника в данном художественном произведении.

И в заключение "воспоминаний" привожу цитату из главы 21-й «Записок редактора»: «Роман – это *теорема*, которая высказана и доказана средствами художественного творчества. Но утверждение этой теоремы не может иметь другой формы существования, кроме данного романа.»

5. Пушкин и Лобачевский

Многие математики писали стихи, и известные примеры повторять я не буду. Писал стихи и великий русский математик, ректор Казанского университета Лобачевский. В 1834 году он "рискнул" опубликовать свое стихотворение "Разлив Волги при Казани". Вот отрывок его:

Ты поражаешь ли поля опустошеньем?
Ты похищаешь ли надежды поселян?
Нет! На водах твоих всегда благословенье
Почиет благодарных стран,
Тобой питаемых, тобой обогащенных!
Ты и земли безвредная краса,
И светлые в струях твоих невозмущенных,
Как в чистой совести, сияют небеса.
Вот образ мирного могущества России!
Ее разлив не страшен никому.
Великодушие обуздывает силы,
Всегда, везде покорные ему.

Эта публикация, возможно, связана с приездом в Казань Пушкина в сентябре 1833 года, где он собирал материалы о восстании Пугачева. Далее о связи Пушкина и Лобачевского повествуя, отталкиваясь от статьи Константина Кедрова из сборника "Поэтический космос", 1989, которая, в свою очередь, отсылает к книге Смилга «В погоне за красотой», 1968.

Жена Лобачевского – сестра Великопольского, давнишнего приятеля Пушкина, на вечерах которого бывали и Пушкин и Лобачевский. Геометрия

Лобачевского называется «воображаемой» и, может быть, именно после встречи с Лобачевским Пушкин сказал "Вдохновение нужно в поэзии, как в геометрии", – ибо от воображения до вдохновения один шаг.

«Через год после встречи Пушкина с Лобачевским в болгаринском журнале «Сын отечества» появилась статья, полная невежественных и оскорбительных нападок на «воображаемую геометрию».

Статья эта очень поучительна, хотя и безымянна. Ее надо читать и перечитывать снова, ибо многие доводы против Лобачевского носят принципиальный, я бы сказал, методологический характер. Автор исходит из постулата, кажущегося ему аксиомой: воображаемое — значит нереальное. Проследим внимательно за этими доводами: ведь они будут повторяться и повторяются в наши дни всеми, кто с подозрением относится ко всему воображаемому и сложному.

«Есть люди, которые, прочитав книгу, говорят: она слишком проста, слишком обыкновенна, в ней не о чем и подумать. Таким любителям думания советую прочесть Геометрию г. Лобачевского. Вот уж подлинно есть о чем подумать. Многие из первоклассных наших математиков читали ее, думали и ничего не поняли. После сего уже не считаю нужным упоминать, что и я, продумав над сею книгой несколько времени, ничего не придумал, т. е. не понял почти ни одной мысли. Даже трудно было бы понять и то, каким образом г. Лобачевский из самой легкой и самой ясной в математике главы, какова геометрия, мог сделать такое тяжелое, такое темное и непроницаемое учение, если бы сам он отчасти не надомил нас, сказав, что его Геометрия отлична от употребительной, которой мы все учились и которой, вероятно, уже разучиться не можем, а есть только воображаемая. Да, теперь все очень понятно».

Примерно в то же время и с тех же позиций подвергалась яростным нападкам поэзия Пушкина и все его творчество. Обратите внимание: безымянный автор, ругая Лобачевского, в то же время явно намекает и на художественное творчество, в чем-то сходное с «воображаемой геометрией».

«За сим, и не с вероятностью только, а с совершенной уверенностью полагаю, что безумная страсть писать каким-то странным и невразумительным образом, весьма заметная с некоторых пор во многих из наших писателей, и безрассудное желание открывать новое...»

Дело в том, что к середине 30-х годов XIX века в обществе уже четко сформировалась пагубная для науки и литературы концепция простоты. Истинная наука не нуждается ни в каких сложностях, что уж говорить о литературе. От литературы требовались *простота и польза*.»

[А в наше время, вероятно, достаточно «развлечения». В.И.]

Далее в этой же статье Кедрова цитируются стихи Пушкина, которые можно бы прямо отнести к философии естествознания, и я их приведу тоже:

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.

Но, господа, забавный случай сей
 Другой пример на память мне приводит:
 Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
 Однако ж прав упрямый Галилей.

Пушкин понимал разницу между физикой и поэзией. Вот его замечательные строки из «Подражаний Корану»:

Земля недвижна – неба своды,
 Творец, поддержаны тобой,
 Да не падут на сушь и воды
 И не подавят нас собой.

«Плохая физика, но зато какая смелая поэзия!» – заметил Пушкин об этой картине мира.

6. Пушкин и Математика

История и Миф часто переплетены настолько, что трудно отделить одно от другого. Иногда это связано с недостатком подлинных сведений о давно прошедшем, но во многих случаях мифологизируются известные исторические факты, то есть облакаются вымыслом, вздором, сказками, часто намеренно-зловредными.

Некоторые подобные мифы я далее подвергну исследованию в предлагаемой читателю книге, начну с отношения Пушкина к математике. Общество убеждено, что Пушкин, великий стихотворец, был, разумеется, совершенный профан во многих других отраслях знания, в особенности в математике. Мнение это основано, скорее, на недоразумении, а не на намеренном введении читателей в заблуждение. Но, надеясь разоблачить несколько знаменитых "мифов", начну с мифа о математической неспособности Пушкина (что, если бы это было так, приводит нас к недоумению: о чем могли разговаривать в Казани при встрече два Гения? Великий математик, как мы увидели, был не чужд поэзии, но чужд ли был математике Великий поэт?)

Приведу два отрывка из воспоминаний о Пушкине.

Об учебе в лицее «первый друг» и «друг бесценный» Иван Пущин рассказывал: «Учитель физики и математики Яков Иванович Карцев вызвал Пушкина к доске решать алгебраическую задачу. Переминаясь с ноги на ногу, Пушкин молча делал на доске какие-то записи чисел. На вопрос учителя: «Ну, что же у Вас получилось? Чему равняется икс?» – ученик улыбнулся и ответил: «Нулю!». «Хорошо, – подытожил Карцев. – У вас, Пушкин, все в моем классе кончается нулем. Садитесь на место и пишите лучше стихи».

Друг поэта П. А. Вяземский, напротив, писал о Пушкине, что он был *«страстен и к наукам естественным и особенно математическим, которые составляли значительный капитал его познаний и были до конца любимым предметом его ученых занятий и глубоких исследований»*.

И, кстати, в материалах записных книжек Пушкина за 1835 год содержится гипотеза о происхождении формы цифр: «Форма цифр арабских составлена из следующей фигуры: ...[вписанный в окружность квадрат, разделенный диагоналями]. Русские цифры составлены по тому же образцу».

7. Основная Теорема жизни

Я уже писал о «ведьминских числах», вспоминая "Пиковую Даму" Пушкина.

Но, разумеется, не сама по себе магия чисел играла роковую роль в жизни Германа, она оказалась только формой, которую приняла заключенная в его судьбе червоточина. Но тогда возникает странный вопрос: А во всякой ли судьбе уже от рождения находится источник трагического, который проявляется в некоторое заранее, может быть, предопределенное время?

И не является ли жизнь лишь развертыванием бессловесного основного Тезиса судьбы, своего рода даже некоторой ее Теоремы, которую жизнь должна подтвердить или опровергнуть? Как является Роман лишь доказательством или опровержением такой теоремы, лежащей в его основании?

В романе характеры, события, поступки героев волею автора выстраиваются в более ясную, более необходимую связь, убирается все лишнее, затемняющее цепь силлогизмов (каждый из которых – очередное событие трагедии), а жизнь – НЕ отредактирована, поэтому кажется хаосом, но и в нем центральной темой (как и в сонате, несмотря на отступления), является ДОКАЗАТЕЛЬСТВО определенной теоремы.

Случайности иногда незначительно сбивают течение повествования, иногда его дополняют и насыщают. Вот так же и у реки есть направление течения и цель – впасть в другую реку или в море (или в океан).

Великая личность и великий роман осуществляют себя так, как должно, и, может быть, *наилучшим образом*. И не всегда потому, что автор прозорливо направляет своим пером цепь событий: нет, когда определилась судьба, Тезис, Теорема (а они иногда, безотчетно для автора, определяются уже в начале, уже с первой строки), автор не волен произвольно распоряжаться поступками героев, он сам, как пленник, следует за ними. Вот так же бывает и с стихотворением. Вначале я тщусь его сочинять, мучаюсь, меняю, ничего не получается, и вдруг что-то происходит неведомое для меня, и я словно полетел, поднятый порывом ветра. Или не полетел – и тогда уже никакие усилия ничего значительного не могут сделать.

Часто мы размышляем над судьбами поэтов, в России их словно злой рок преследует – только они выходят на океанский простор жизни и творчества, как налетает буря и они погибают.

Ах, восклицаем мы, сколько еще неосуществленных замыслов, как мог бы еще развернуться их талант, их гений!

Но и жизнь и смерть гениального поэта закономерны. Не сказать ли, что они умирают тогда, когда это необходимо? Их жизнь словно бы подчиняется закону стихосложения, в ней не должно быть ни одной лишней строфы.

Есенин пропел Песнь юности, для которой и родился. Маяковский сначала убил в себе поэта, затем "поэт убил в нем человека" (Цветаева).

Смерть Пушкина поучительнее всего. Он умер не «почему», а «зачем». Он сказал в своем творчестве всё, что нужно, и, наконец, преподал нам урок величественной и достойной смерти, утверждая Честь как высшую доблесть.

Глава четвертая

ВОЛЯ К СМЕРТИ**КАК ОСНОВНОЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ и ЛИТЕРАТУРЫ***1. Основная Теорема жизни*

Поучительное можно найти даже там, где и не предполагаешь его найти, даже на страницах газет.

Читая о нестандартной школе, в которой обучаются нестандартные школьники, читаю (правда, фразу эту мне пришлось отредактировать, она была и сама "нестандартной", мне пришлось догадываться о том, что хотел сказать ее сочинитель): "каждый ребенок несет в себе определенное предназначение, нужно помочь ему раскрыть его и воплотить в жизнь".

Человек как заданная функция, человек как инструмент, зажатый в рамки возможностей и назначений инструмента – это ужасно, ибо человек шире и цели и предназначения, он не может быть ни молотком, ни станком, ни даже флейтой – и все же в нем есть предназначение или, лучше сказать, ПРИЗВАНИЕ (помимо всего остального), которое формирует личность. Пушкин поэт, а Моцарт композитор, этими определениями мы не сужаем личность ни того, ни другого.

Понятие о *призвании* (или, хуже, "предназначении") не отменяет в личности всего остального – талант, любовь, труд, душевные свойства, и личность без призвания рыхлая, рассыпчатая, бесформенная, как большинство теперешних деревенских жителей, как правило совсем неплохих, даже по своему талантливых, умеющих и дрова напилить и печь поставить, но проезжающих в нищете, бездельи, бесцельности и пьянстве.

Можно ли *идею призвания*, некоторой жизненной задачи, которую человек должен воплотить в жизнь, символически ассоциировать с понятием о *тезисе* (утверждении) теоремы или задачи, так чтобы полагать, что в основании судьбы именно и находится этот **Тезис** (теорема, задача) – не обязательно рационально сформулированный, а чаще всего представляющий собой ОБРАЗ или СВЕРХОБРАЗ, которого раскрытием, развертыванием и является жизнь?

Относительно литературных героев, особенно уже явно вошедших в культуру, это скорее всего так. Дон-Кихот и Дон-Жуан, Сальери и Скупой рыцарь, Фигаро и Тартюф...

Размышляя над этим, я прихожу к выводу, что подобная схематизация личности слишком упрощает жизнь, использовать ее возможно лишь в рамках литературы, в череде литературных героев, становящихся метафорами и символами искусственного мира чистой литературной действительности.

С этой точки зрения по своему правы литературные критики, и Белинский и Аполлон Григорьев, и Добролюбов и Писарев – именно у них литературный герой сводится к "теореме", образу и метафоре (например, знаменитое выражение Добролюбова о Екатерине из драмы «Гроза» Островского – "Луч света в темном царстве").

Смущает меня в этой математизации жизни (хотя отчасти я и согласен с Пифагором, что "миром правят числа") только узость схемы, отсутствие диалектики: если в основе личности *тезис*, то что же является *антитезисом* (а до того, как мы ответим на этот вопрос, говорить о синтезе преждевременно). В романе Сервантеса есть как будто и тезис и антитезис, представлены они в двух героях комического романа, в Дон-Кихоте и Санчо Пансе; но так как ни один из них не вмещает в себя оба противостоящих утверждения, то и синтез их не возможен. (Если только не предположить, что каждый из этих двух героев продолжается в другом).

Но мы пока рассматриваем только застывшие литературные типы, данные как художественное полотно. Если же герой претерпевает развитие, то только в этом случае возможно было бы говорить об антитезисе, например, по поводу романа Толстого "Воскресение" – если бы только не потерпел великий писатель Толстой поражение от Толстого морализатора.

Великие образцы в литературе дают нам застывшие характеры-типы, образы и метафоры, а в действительной жизни человек иногда изменяется. Но редко удаются попытки показать *изменение* героя в *литературной действительности*. Следовательно, мы не видим *антитезис*, и не в состоянии тем самым поставить проблему синтеза. (Быть может, только отчасти в "двойничестве", как у Гоголя и Достоевского?)

Гегелевскую триаду можно рассматривать только вне литературной действительности, однако в той области, которая от нее неотделима, неотрывна, то есть в судьбе *творца* этой романной действительности, то есть в судьбе Автора, писателя и поэта. Такова судьба, прежде всего, Пушкина.

Но я двигаюсь словно наощупь, в темноте, у меня еще нет известных мне формул, откровений, я и сам почти ничего не знаю о том, о чем пишу. (Кстати, и пишу поэтому так косноязычно).

Но ведь и апостол Павел, говоря о любви, заканчивает свои поэтические слова о ней так:

«Мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.»

2. Основная Теорема литературы

Зачем человек пишет, понятно достаточно хорошо, и Пушкин это тоже отчасти понимал, и справедливо думал, что "пишет для себя", хотя мы вправе усомниться в справедливости его слов. Он был искренен, но, возможно, ошибался.

И я тоже думаю, что пишу для себя. Но ведь и для моих трех удивительных читательниц я пишу тоже? И в меньшей ли степени, нежели для себя? Ибо если бы не было их, то не было бы ни первой книги, посвященной литературе, ни той, что в муках рождается сегодня (и читатель,

возможно, узнает, почему это и в самом деле так, а не привожу я это избитое выражение из литературного кокетства).

Пушкин, кажется, и сам не дорожил мнением народа, и поэтам завещал "не дорожить любовью народной", но в то же время надеялся (если даже не был уверен) в том, что: "долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал".

Но еще он писал и – "для вас, души моей царицы" – это разве для себя?

Так что пишем мы по разнообразным причинам, в советское время были даже своеобразные романы-доносы (у Кочетова "Чего же ты хочешь?»), иные авторы пишут из тщеславия, иные чтобы прославиться или привлечь внимание, есть исповедальная проза, философская – а она не может быть только для себя, есть своего рода Послания (Георгий Бурков спрашивал: «Кому я пишу? А пишу я в могилу своему другу Василию Макаровичу Шукшину».)

И все же, кому и для кого мы пишем, мы или чувствуем достаточно точно, или догадываемся.

Кому и для чего пишу я?

На этот вопрос я отвечал много в других своих книгах и повторять не буду, потому что теперь важно только, почему и для кого я пишу вот эту книгу, о литературе. Те я писал по другим причинам и с другими целями (возможно, и для народа, и для себя, и для Бога), но вот эту пишу прежде всего для трех своих муз – и если только они и будут читать, мне этого одного достаточно. Они меня любят, большего мне не надо.

Но – для кого мы пишем? – в сотый раз спрашиваю я не за тем, чтобы именно на этот вопрос ответить еще и в сотый раз, нет – есть еще вопрос, на который ответить гораздо важнее, но его я еще не задавал, на него, поэтому, и не отвечал. Это вопрос вопросов: *Для кого мы живем?*

Для кого я живу? – спрашиваю я сам себя, спрашивают и все другие, хотя бы в форме бессознательного вопрошания.

Даже если они живут для себя, это еще не ответ: ДЛЯ ЧЕГО В СЕБЕ? Ибо в каждом из нас есть многое, иногда противостоящее друг другу. Так что иные живут для денег, другие для власти и славы, большинство для удовольствий (или даже уже – для наслаждений), многие для выпивок, иные имеют увлечения и живут для них, исследователи, мыслители, люди творчества, люди увлеченные живут для работы, иногда забывая даже об удовольствиях и близких; добрые, кроткие, любящие женщины живут для детей и семьи – эти лучше всех.

Одни из нас счастливые (даже испытывающие разнообразные несчастья), другие свою жизнь и личность опустили на дно, это те, кто живет для денег, карьеры, возвышения в обществе, кто рвет и рвет куски от общественного пирога и глотает, не всегда и прожевывая. Некоторые (преимущественно из таких) находят еще дополнительное наслаждение в том, чтобы унижать и приносить зло зависимым от них: это начальники, несправедные судьи и воры.

Для чего и для кого живу я сам? И для себя и НЕ для себя. Живу и в ПРОСТОЖИТИИ (это изобретенное мною словечко, то есть и *просто живу*, как дышу, не всегда осмысленно), и живу не в простоте, даже иногда "слова в

простоте не вымолвлю и не напишу" (это известное выражение, употребляется обычно в осуждение. Но так как я часто разговариваю с крестьянками в деревне – с мужиками и двух слов не удается мне вымолвить, какие-то они или совсем пустые, или пьяные – разговариваю еще и с детьми, чаще с девочками, мальчики же увлечены или делами или играми, некогда им разговаривать – и так как со мною им всем разговаривать оказывается интересно, то я думаю, что умею вымолвлять слова *и в простоте и в непростоте*).

Так же вот и пишу, и для себя и не для себя.

У меня есть семья, родные и друзья, работа, множество разных знакомств, интересных и совсем неинтересных (и "неинтересные" выкручивают подчас мне душу), множество увлечений (театр и книги), и если я даже живу и для них, но они и во мне тоже, и можно было бы сказать, что и в работе, в друзьях и в родных я *живу для себя*.

Но есть еще Культура и Россия. Отчасти они во мне. И все же и отдельно от меня тоже. Они меня мучают.

Некоторые неглупые люди уехали за последние десятилетия из России, сменили отечество и культуру, зарабатывают деньги, делают карьеру, просто живут – и лучше, чем в России. Эти люди точно живут **ДЛЯ СЕБЯ**.

А некоторые обрекают себя на лишения, страдания, на тюрьму и даже иногда на смерть. Эти живут по большей части **НЕ ДЛЯ СЕБЯ**.

Кто-то диалектически начнет мне возражать, что и внешний мир, и тюрьма находятся в нас самих, и когда мы страдаем, чтобы помочь или спасти другого, мы "страдаем для себя", и значит и живущие не для себя – тоже для себя живут, то я им отвечу так: отойдите в сторону, не заслоняйте мне моих собеседников!

Дело в том, что я теперь рассуждаю не в пределах ЖИЗНИ, а в пределах литературы. Для кого я живу в жизни, хожу за хлебом, вскапываю огород – это житейские проблемы, жизнь сама с ними разбирается, а для кого живет мой литературный герой, то есть Я сам, но превращенный чуть ли не в "литературную троицу" – это проблема внутри и моей новой книги, и внутри ДИАЛОГА с моим коллективным читателем (это тоже "троица", три мои верные читательницы, вдохновившие и подвигнувшие меня на продолжение разговора). Тройственный Я – это Я (как) автор, существующий и отдельно от книги и внутри нее; Я (как) герой этой книги, мой идеальный образ, о котором я пишу в связи с литературой и всеми теми авторами (в частности Пушкиным), о которых я пишу, но без которого они будут безжизненны (так Пушкин и Толстой предстают не в виде памятников, а как живые страдающие и пишущие люди, и я с ними сижу за столом или прохожу по аллеям сада и СОБЕСЕДУЮ или спорю, и НЕОТДЕЛИМ от них); и Я в более узком существовании, друг, собеседник, поклонник, и во плоти и крови и только в духе, идеализированный писатель-редактор, которого мои три музы отчасти себе вообразили и полюбили (а он в них тоже влюбился и еще раньше).

Да, эта моя книга – своеобразный Роман о литературе, я сам и мои музы и любимые нами авторы – ее герои.

Но в чем же *Основная Теорема литературы*?

Я не знаю.

Да и притом ее, может быть, и нет. Как нет и *Основной Теоремы жизни*.

Это всего лишь несколько метафор, которые отчасти мне помогают выровнять растрепанный ход моих мыслей.

И математика – сама по себе, а литература – сама по себе.

Впрочем, мне одна из муз возражает (а я словно бы не за столом пишу свою книгу, а гуляю с музами по парку и мы обсуждаем то, что я собираюсь в книге моей написать): "поэзия и математика имеют много общего! В них есть ритм, красота и стройность!"

3. Воля к жизни

В детстве и в юности в человеке и во всяком живом существе словно бы пружина распрямляется, есть некий внутренний напор, особое давление жизни, которое раскрывает все почки, все поры, ростки и проростки. Хилая травка прорывается сквозь бетон, почка лопаается и выпускает листок, бутон раскрывается, ароматы устремляются вне, ноги сами собою подкидывают жеребенка, и девочка-подросток вдруг начинает танцевать на пустой платформе, ожидая электричку.

Воля ли это к жизни? Здесь ведь нет сознательного воления, а все само собой, бессознательно, даже во сне... Да, это скорее всего некоторый стихийный напор жизни, не требующий воли, но предшествующий ему. Однако он неотделим и от воли – у человека – все, чем мы продолжаем наше бессознательное произрастание, его, этот порыв, непосредственно продолжает. И я его присоединяю к воле, потому что хочу сказать, что воление совершается, вероятно, и в бессознательных формах, оно, возможно, существует по обе стороны границы, разделяющей сознательное и бессознательное. Заканчивая школу, поступая в учебное заведение для продолжения образования, бегая по театрам и концертам, бегая за девочками и угощая их мороженым, мы продолжаем наше произрастание, но уже преимущественно в духовной области, и здесь воля к жизни, воля к развитию и совершенствованию более внятна, более *воля*.

Июнь, июль, август... У растений устремляются к небу листья, стебли, цветы и плоды, а уже с конца августа листья начинают, пока медленно и редко, опадать, падают и яблоки с яблони, веточки обрываются вниз – под порывами ветра.

Потом приходят сентябрь и октябрь. Не замечали ли вы, читатель, как иногда, даже в безветренную погоду, вдруг отламываются ветви и толстые сучья у деревьев, словно дерево их само сбрасывает с себя? Оно начинает раздвигаться, готовится ко сну или смерти, это не ветер его готовит, а силы изнутри.

Одна сила изнутри взметала его вверх, к небу, другая, такая же изнутри, когда *порыв произрастания* иссякает, начинает клонить и устремлять его книзу, к земле.

Но бывают обстоятельства и жизненные невзгоды, когда внешняя сила

стремится нас уничтожить и нам приходится бороться за жизнь. Это нежелание умирать, эту борьбу за жизнь философы и ученые называют *инстинктом самосохранения*, то есть бессознательной силой. Однако в борьбе за жизнь присутствует и сознательная воля и, возможно, в наибольшей степени. Все мы читали об этом у Джека Лондона в его рассказе "Любовь к жизни" (правда, у его героя это какая-то растительная или животная воля, не поднимающаяся до сознательной воли личности).

Что именно воля, а не инстинкт имеет первостепенное значение в борьбе за жизнь, доказывает нам литература, представляя образцы судеб, из которых мы убеждаемся в том, что шансов победить в борьбе за жизнь у более одухотворенного человека больше, чем у грубого, хотя одухотворенный человек страдает больше (так, несомненно, в тюрьме я страдал гораздо сильнее, чем мои товарищи по несчастью, которые удовлетворялись примитивными радостями, а я мучился от их громкого смеха, их безостановочной возни и беготни, включенного и днем и ночью демократического телевизора, изрыгающего только мерзость – но я был ровен и спокоен, и смог обрадоваться, узнав об освобождении, и выразить чувство благодарности к этим грубым ворюшкам и наркоманам, когда они бросились меня обнимать, поздравляя с свободой).

Но человек не растение, не следует думать, что в июне он устремляется к небу, а в сентябре к земле. Все сложнее и необъяснимее. Существует тяга к самоубийствам у подростков, и даже милый Тема у Гаршина пытался отравиться спичками. Много таких попыток в юности, чаще всего из-за несчастливой любви.

Так как ваш автор сознательно или бессознательно стремился... (нет, скорее всего, это Судьба и Бог следили за моим произрастанием, роман моей жизни или хотя бы ее план уже был написан, предполагалось, что я буду пытаться стать литератором, поэтому в течение своей жизни я ОБЯЗАН был пройти и испытать все, что необходимо ему испытать)... итак, ваш автор пренебрег только спичками, мимо всего остального проходить он не стал: болезни, несчастная любовь, предательство, тюрьма, самоубийство, изгнание из школы, изгнание из университета, трижды сожженная рукопись первого романа (и я его еще так и не дописал, хотя и пишу уже несколько десятилетий), разочарование в самом себе, в России, в возможностях культуры, в Боге и смысле жизни – итак, разочарование... я ли стремился его испытать, Бог ли подверг меня таким испытаниям, но вдруг я почувствовал себя стоящим перед стеною. Дорога заканчивалась и дальше было ничто, даже и не стена, даже и ее не было... ничего не было...

Никаких особенных злокозненных обстоятельств и жизненных невзгод, счастливая жизнь, любовь друзей и родных, даже внимание сказочных существ, сердечных и красивых, которые могли бы уже меня и не замечать, стихи и проза, дающиеся мне если не так легко, как Импровизатору в Египетских ночах, то и не чрезмерно трудно, прекрасные концерты в университете и филармонии, деревенский дом и огород, приходящие мне на помощь, когда стискивал в объятиях город, незначительные недомогания, вроде заболевшего горла... и вдруг наступило НИЧТО...

4. Дуэль и смерть Пушкина.

Газеты на нас обрушивают сообщения о смерчах и тайфунах, о взрывах и избиваниях демонстрантов, о массовой гибели китов, выбрасывающихся на берег словно в яростном желании гибели, и на этом фоне никто почти не замечает, что в теперешней России угасла воля к жизни, а показателем и доказательством ее угасания является статистика самоубийств – за последние 20 лет покончили с собой около миллиона человек.

"Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное ... второстепенно." *Альбер Камю.*

"Мысль о самоубийстве – могучее утешение, с ней проживаешь много трудных ночей." *Фридрих Ницше.*

Самоубийства или попытки самоубийств среди людей с тонкой духовной организацией встречаются гораздо чаще, чем среди людей неталантливых и грубых.

Если соединить вместе и тех, кто покончил с собой, и кто был убит, мы получаем удручающую картину – Гению редко удается пережить юность.

Возможно, жизнь и смерть Гения закономерны, но почему они умирают чаще молодыми, вызывает размышления.

Есенин допел полную Песнь юности, для которой и родился (как законченную Песнь трагической любви спели Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Эльза и Лоэнгрин, Ленский и Татьяна Ларина, Тая в романе Натальи Троицкой).

Гениальный математик Галуа погиб на дуэли в 21 год.

Гумилев был расстрелян в 37.

Лермонтов погиб на дуэли в 26 с половиной лет.

Моцарт прожил 35 лет.

Байрон умер от лихорадки, участвуя в войне греков за освобождение, в 36 лет.

Шелли утонул в тридцать.

Маяковский погиб, покончив с собой, в 37 лет – по слову Цветаевой, "человек в нем медленно убивал поэта, наконец Поэт воспрял и убил человека".

Борис Корнилов и Павел Васильев были расстреляны молодыми, в 31 и в 27 лет, Ольга Берггольц осталась в живых лишь чудом.

Смерть Пушкина поучительнее всего. Он умер не «почему», а «зачем». Он сказал в своем творчестве всё, что нужно, и, наконец, преподал нам урок величественной и достойной смерти, утверждая Честь как высшую доблесть.

Обстоятельства дуэли широко известны, я их кратко напомним.

Жорж Дантес, француз [а точнее говоря, эльзасский немец, которого во Франции в дальнейшем презирали, искренне сочувствуя Пушкину, а знаменитый Виктор Гюго предал публичному осмеянию], приёмный сын нидерландского посланника в Санкт-Петербурге барона Луи Геккерна,

назойливо и неприкрыто волочился за Натальей Николаевной Пушкиной, женой поэта. В глазах светского общества Дантес представлял блестящим молодым офицером, влюблённым в красавицу-жену ревнивого мужа (Пушкин не вызывал тёплых чувств у влиятельных светских людей).

4 (16) ноября 1836 года городская почта доставила Пушкину и нескольким его друзьям анонимный пасквиль на французском языке, в котором Пушкину присваивался «диплом рогоносца»; поэт счёл письмо исходящим от Геккерна и немедленно послал Дантесу вызов на дуэль.

Встретившись вечером 16 ноября у Карамзиных с Соллогубом, он попросил его завтра же зайти к д'Аршиаку, секунданту Дантеса, и условиться с ним относительно материальной стороны дуэли.

– Чем кровавее, тем лучше. Ни на какие объяснения не соглашайтесь! – подчеркнул Пушкин.

Он говорил резко, был настроен решительно, и Соллогуб так объяснил впоследствии его поведение: *"Он в лице Дантеса искал или смерти, или расправы с целым светским обществом"*.

Через неделю после вызова Жорж Дантес сделал предложение Екатерине Гончаровой – сестре Натальи Николаевны и, соответственно, свояченице Пушкина. Так как Дантес стал женихом Екатерины, Пушкин был вынужден отозвать свой вызов (сыграла роль и аудиенция, данная Пушкину Николаем I, и посредничество В. А. Жуковского). Тем не менее, Пушкин отказывался иметь какие-либо отношения с Дантесом и Геккерном, что, как можно видеть из воспоминаний Данзаса, в будущем секунданта Пушкина, задевало их обоих и приводило к дальнейшему обострению ситуации.

После свадьбы Дантеса и Екатерины конфликт между Пушкиным и Геккернами не был исчерпан, вскоре после брака началось распространение в свете слухов и шуток («казарменных каламбуров») по адресу Пушкина и его семьи. 26 января 1837 год Пушкин отправил Геккерну-отцу письмо, где, чрезвычайно резко характеризуя как отца, так и приёмного сына, отказал им от дома. Пушкин знал, что письмо носит явно оскорбительный характер и приведёт к новой дуэли.

В тот же день Луи Геккерн через секретаря французского посольства виконта д'Аршиака письмом объявил Пушкину, что от его имени Дантес делает ему вызов; Пушкин немедленно принял весьма жёсткие условия предстоящей дуэли.

Жуковский в своем дневнике следующим образом описал состояние Пушкина в день роковой дуэли: "Встав весело в 8 часов – после чаю много писал – часу до 11-го. С 11 обед – ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни..." Конечно, это было нервное возбуждение, безмерная усталость, стремление любым путем выйти из создавшегося положения и большая выдержка, позволявшая ему за несколько часов до дуэли работать над статьями для "Современника", писать ответные письма.

Дуэль состоялась 27 января (8 февраля) 1837 года на окраине Санкт-Петербурга, в районе Чёрной речки близ Комендантской дачи. Пушкин был смертельно ранен и через два дня умер.

Столкновение с Дантесом было как минимум двадцать первым вызовом на дуэль в жизни поэта. При этом он был инициатором пятнадцати дуэлей, из которых состоялись четыре.

Более ста семидесяти пяти лет образованное (и необразованное) общество обсуждает эту роковую дуэль, говоря о следующем: не была ли она заговором со стороны правительства против полуопального поэта; не виновата ли Наталья Николаевна в распространении сплетен по своему адресу; честен ли был сам император, действительно ли он оплатил Пушкинские картонные долги; честно ли вел себя на дуэли французский ловелас и прощелыга.

Глупые домыслы не слишком добросовестных советских исследователей разбирать я не буду, Наталью Николаевну достаточно защитил Лермонтов, он же в своем знаменитом стихотворении рассказал нам достаточно о дуэли.

Так как накопилось слишком много лжи и клеветы по истории России, то следующую главу я и посвящаю особенно знаменитым мифам, включая и те, которые касаются Пушкина и императора и хотя бы косвенно бросают на них несправедливую тень. У каждого из них есть свои недостатки, но это не те недостатки, которыми больно наше общество.

А пока речь будет идти только о великом поэте, его чувствах, его воле.

5. Воля к смерти.

В истории философии известна ещё одна воля – ницшеанская воля к власти, которая обычно рассматривается, как некое утверждение жизни. Однако воля к власти у Ницше вовсе не означает простое стремление к господствованию. Скорее это стремление выйти за пределы самого себя, протекающее из ощущения недостатка и неполноты повседневного существования. Воля к власти выступает в качестве воли к ничто или воли к смерти, в которой, однако, имеет значение не столько результат, сколько сам процесс. Философское обоснование воли к Ничто как проявления воли к власти предстает в философии Хайдеггера: "Волишь Ничто отнюдь не означает волишь отсутствие всего действительного, – нет, это как раз значит волишь действительное, но только такое, которое всё и повсюду уничтожает, т.е. волишь уничтожение. И в таком волении власть по-прежнему обеспечивает себе возможность повелевания, возможность быть господином". (М. Хайдеггер. "Ницше и пустота").

Читая сочинения, в которых один поэт анализирует жизнь и творчество другого, я вижу одну характернейшую черту таких исследований: стремление понять поэта ИРРАЦИОНАЛЬНО. Так пишет и Ходасевич о Пушкине, так пишут о поэзии Гумилев и Мандельштам, но так пишет и Маяковский о поэзии (что на первый взгляд кажется удивительным), так пишет и Есенин в своем эссе «Ключи Марии». (Кстати сказать, иррационально пишет о Вагнере Блок, в отличие от Романа Роллана, и потому Вагнер глазами Блока – это дверь, открытая в *инобытие*).

Вторая характернейшая черта критических статей поэтов – их необъективность, их СУБЪЕКТИВНОСТЬ.

Как понять другого? Только глядя в зеркало, в котором отражается собственное Я, и видя в этом отражении другого.

Хотите узнать меня? – спрашивал Достоевский, – читайте мои книги.

То же самое я могу сказать и о самом себе, то же самое скажет и любой глубокий писатель (не обязательно выдающийся, но не ограничивающийся фиксацией в своих сочинениях объективной поверхности жизни).

[Да к тому же, презирая лживую и гнусную толерантность, следует отметить, что поэт всегда глубже обывателя, даже не слишком даровитый поэт – это я добавляю для того, чтобы не заподозрили меня в самовосхвалении. Хотя я и не страдаю чрезмерной скромностью, но стоящие ли книги я написал, Я НЕ ЗНАЮ. От этого я и страдаю.]

[И еще одно дополнение. Чтобы писать о совсем сокровенном, в том числе об отношениях Пушкина к женщинам и о стремлении его к смерти, надо либо самому быть гением, либо по крайней мере не иметь недостатка в самомнении. В последнем я с удовольствием сознаюсь.]

В последние два-три года своей жизни Пушкин стремился к смерти, он пребывал в глубокой депрессии. Не то чтобы жизнь его тяготила, но он разочаровался в своих возможностях, разочаровался в Завете, заключенном с Богом. [Отношения Пушкина к Богу не исчерпываются внешней религиозностью, или, лучше сказать, церковностью. Пушкин не был православным в таком смысле, в каком православны нынешние писатели старшего поколения, сменившие марксизм на христианство, партию на церковь, партсобрание на церковную службу. Поэт не стоит на коленях перед Богом, он с ним разговаривает как доверенный и приближенный. Через поэта и только через поэта Бог говорит с людьми. Не их вина, что теологи и коммунистические секретари подменяют веру казенной посконной идеологией, вероу тюремных надзирателей.]

Кстати и еще добавить. Пушкин не был и монархистом в том же смысле, в каком сегодня бывшие поклонники Сталина, то есть поклонники тирана и тирании. На вопрос Николая Первого, был ли бы он с декабристами, Пушкин ответил: «Государь, за прошедшие месяцы многое изменилось в моей душе, но тогда я вышел бы на площадь вместе с ними». А говоря о том, что изменилось с тех пор многое, он не сказал, что стал верноподанным, ибо более свободного человека, чем гениальный поэт, не бывает.

Да и еще кстати. Умирая, будто бы сказал Пушкин о царе, что если бы остался жив, то был бы весь его. Да если бы даже и сказал так! Что мы не можем воскликнуть, умирая? Однажды зимней ночью по дороге в деревню мне только показалось, что я умираю, и я кричал на весь мир самыми грубыми словами, и обращаясь к Богу, орал хуже пьяного извозчика. Если бы Бог был таков, каким его представляют лакеи религии (в частности, ссылаясь на вывернутые наизнанку слова апостола Павла, что *Бог поругаем не бывает*), то мне бы уж точно не поздоровилось, и не показалось бы, что я умираю, а и вправду бы умер. Но нет, очнулся я в растрепанных чувствах и ошеломленный дошел до деревни, где ждала меня горячая печь и горячий чай.]

Стремился ли Пушкин к смерти? Об этом мы можем узнать вернее не по воспоминаниям современников (хотя и в них содержится достаточно, чтобы так думать), но по собственному трагическому опыту.

**б.. Воля к смерти, болезнь (или самоубийство)
и смерть как Разочарование, Поражение и Торжество.**

О трагедии, переживаемой художником, рассказывает достоверно только собственная трагедия. Так и о несчастной любви и о чувствах отвергнутого мы узнаём лишь в том случае, если сами были влюблены и нас отвергли. Рассказывая о себе, расскажем мы и о другом.

К чему стремится поэт? Об этом нам рассказал Пушкин в своем Пророке (и я согласен с исследователями, которые видят истоки этого гимна в Коране а не в Ветхом или Новом Завете. Новозаветный пафос в *жизни аки смерти* совершенно противоположен грому небесному:

Встань, Пророк, и виждь и внемли,
Исполнишь волею Моей!
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!

Жаль, что читатель только видит эти строки, но не слышит музыку Римского-Корсакова и мощный бас Шаляпина...

Богоборчество является душой и квинтэссенцией поэзии, поэт и писатель создают свой собственный мир литературной действительности взамен той, что создана Богом из Ничто. Они создают свой мир из слова (хотя и Евангелие от Иоанна начинается с загадочных слов, что "искони бе слово, и слово бе у Бога, и Бог бе слово!")

Поэт создает собственный мир. Но и крестьянин строит дом и проводит в нем значительное время жизни, в нем, возможно, рождается и умирает. Но и крестьянин, как и поэт, жаждет большего, необходимо, чтобы вовремя шел дождь, чтобы дети не умирали, чтобы "злой татарин" не разорил имущество, чтобы царь жил не только для себя, но и для народа, чтобы чиновник не обдирал догола и хотя бы иногда бывал наказан.

А ныне наступило время беспредела. Я вижу, чувствую, что Пушкин надеялся на *преображение мира духовной силой поэзии*, и словно бы имел на свою надежду обещание от Бога, это выражено во многих его стихах – но мир все так же коснел в невежестве и несправедливости. О, Пушкин, живший в одну из благодатных русских эпох! Что бы он сказал о нас, живущих во время самой наглой лжи и несправедливости, когда перестали читать, когда воровство и злоба НИКОГДА не бывают наказаны, когда царский двор только раздрает Россию как голодная стая псов, но ничего не делает для ее благоденствия, когда не только не открываются новые лица, но и разоряются уже открытые!

Пушкин был счастлив, у него были друзья и семья, ПРИЗНАНИЕ не только близких, но и общества, собственный журнал (который, правда, его разорил), начало издаваться полное собрание его сочинений, он переписывался с гениальными поэтами и писателями своего времени, у него были глубокие собеседники, которые его понимали.

Но важнее всего – у Пушкина был дар гениальности, и у него было

сознание значительности этого дара. У него даже появлялось чувство, что он успел сказать почти все самое важное (и из этого должно было проистекать не разочарование в жизни, а удовлетворенность ею).

Он написал два романа, в стихах и в прозе. Он написал историческое исследование (о Пугачеве). Несколько великих трагедий. Множество поэм. Стихи, обнимающие собою все стороны жизни. Статьи о литературе, философии и истории. Письма (представляющие собою также значительную ценность). Журнальные заметки.

Чего еще ему не хватало?

Способности преобразования мира (которая, отчасти, через поэзию, у него была).

А что же у меня?

Несмотря на самомнение, в своем даре я не уверен. Трагедий я не написал. В стихах уступаю значительным поэтам. А способности преобразования мира нет у нас, поэтов, сегодня у всех вместе взятых. Зло настолько всесило, что жить воистину только тошно.

Сравнивая положение дворянских поэтов с нами, современными литераторами, я не упрекаю их за уныние. Они дали нам классические образцы и надежды и отчаянья. Пушкин поднял на недостижимую высоту не только искусство слова, но и искусство жизни и смерти. Он жил весело и бесшабашно, как горный поток, бегущий среди скал, рассыпающийся тысячью брызг-стихов. А в смерти он поднял образ поэта еще выше. Он вступился за честь, свою и семьи, он вступился за честь поэзии, и умерев, победил. Сто семьдесят пять лет оплакиваем мы его, почитатели его слов.

А кого же вызвать могу на дуэль ныне я, современный поэт?

Сорок лет, от ранней юности, дружил я с К. Мы вместе учились, вместе жили в общежитии, бегали иногда за одними девчонками. Он оказал на меня большое влияние своей еще домашней польской культурой и стремлением к ее восприятию. Он многого добился в науке, и после его смерти в университете висит его барельеф.

И после его смерти я словно осиротел. И все старшее поколение моих друзей и наставников ушло из жизни тоже.

Почему он умер? Он заболел неизлечимой формой роковой болезни, и нам, его друзьям, тоже казалось, что он утратил волю к жизни. Более того, даже казалось, что печаль сдает его изнутри, и эта печаль была сродни воли к смерти. Вероятно, от человека тоже зависит, жить или умереть, по крайней мере, в значительной степени, а возможно, хотя бы иногда, и всецело.

Вспоминая друга, невольно я вспомнил и свою мать. О них обоих уместно было спросить: Для кого они жили? – и очевидно, что для себя они жили в меньшей степени, чем для чего-то другого.

Моя мать жила для детей. В последние годы своей жизни она осталась в деревянном доме в Сибири на окраине поселка вместе с младшим сыном (от другого отца), родные разбросаны были воистину по бескрайним просторам и навещали ее редко, жизнь ее протекала трудно, во-первых, мучила ее

собственная болезнь, во-вторых, недуг сына – мой брат запивал почти смертельно и валялся по всем окрестным канавам – а ведь, несмотря на недуг, он был по своему гениален, и хотя ничего не написал, но знал почти всю философию исключительно. В девяностые годы свои ранние сочинения я издал в трех самомнеющих книгах, и подарил ему, и однажды он мне сказал, что хотя их не читал (и правильно сделал, у него была развита интуиция), но они ему помогли, и в трудную минуту он обменял их на бутылку водки (за что я на него не сержусь).

Не только *не для себя* жила моя мать, но только не для себя.

И не стремилась к смерти, но пыталась жить, чтобы ухаживать за сыном.

Мне же на вопрос, для кого я живу, ответить трудно.

7.. *Любовь и чудо.*

Была ли воля к смерти у апостола Павла, проповедующего необходимость *жить аки умереть*? Ростислав Шафаревич, гениальный исследователь социализма, считает, что и у христианства и у социализма именно воля к смерти и является сердцевиной учения.

Относительно христианства это несомненно верно, скорее всего, это так и для социализма.

Кто-то из верующих читателей может обвинить меня в богохульстве и даже в богоборчестве. Чтобы оправдаться, прибегну я к защите своего давнего кумира, апостола Павла.

Не был ли апостол Павел, главный строитель христианской идеологии, *богоборцем*? И ответ очевиден, несомненно был, чтобы со мною согласиться, достаточно перечитать его послания. Начинает он как яростный гонитель христиан, ревностный иудей, "иудей из иудеев", и по дороге в Дамаск, куда он идет, чтобы предавать суду христиан, ему является Христос.

С тех пор он становится христианином. (Необходимо заметить, что явление *высших сил*, шестикрылого ли Серафима – и я не сомневаюсь, что он являлся и Пушкину; ангелов или демонов – и Лермонтов и Даниил Андреев не понаслышке о них писали; всевозможных бесов или бесов в виде ангелов – и святым они тоже часто являлись; явление муз – и, вероятно, дружбу с ними водят все поэты, пока не оставляет их поэзия; явление святых Екатерины и Елизаветы Жанне Д'Арк – итак, явление *высших сил* – вносит особый дух и свет в жизнь и деятельность многих выдающихся творцов, поэтов, подвижников, реформаторов и спасителей народа. И потому встреча апостола Павла с Христом не является совершенно исключительной, апостолы все с Ним встречались, при жизни или по Его Воскресении).

Испытав потрясение, катарсис и преображение, апостол становится христианином. Но это не значит, что он порывает с иудаизмом. Вначале он тщится доказать, что Новое откровение уже предвещается в Ветхом Завете и избранный народ Божий должен принять Христа, потому что Христос для того и пришел, чтобы его спасти (это же и сам Христос утверждает в Евангелиях, упрекая хананеянку, что она у Него похитила часть Его силы, когда Он пришел лишь затем, чтобы спасти СВОЙ НАРОД).

Разочаровавшись затем в желании иудеев принять Христа, апостол доказывает, что Тот пришел и для язычников тоже, а затем, что ТОЛЬКО к язычникам, но не к иудеям. Так это ли не ОТСТУПНИЧЕСТВО от своего народа и своего Бога, это ли не богоборчество (если Бога отождествлять ТОЛЬКО с Богом, в которого верует толпа, побивающая камнями отступников?)

Строитель новой религии не впал в отчаянье, но он отрекся от своего народа и своего прежнего Бога.

Я же не мог отречься от своего народа, но, видя его язвы, видя его воинствующее мракобесие и религиозное поклонение власти, я страдал и, наконец, впал в отчаянье.

[Выход, возможно, заключается в том, чтобы, по словам Ницше, стать «по ту сторону добра и зла». Философия начинается с отчаяния, которое может побудить человека сделать решительный шаг. Отвергая привычные ценности, человек создаёт для себя свою собственную сверхценную идею, для реализации которой готов отдать жизнь. Только потеряв всё, мы обретаем свободу.]

Начался длительный период поисков НОВОЙ ЖИЗНИ, но в сердцеvine этих поисков утвердилась воля к смерти.

Читаю в одной из статей о Джеке Лондоне, что превращение его из бродяги в интеллектуала завершается самоубийством, и что это "пессимизм людей энергии, вопрос "зачем?", являющийся после страшной борьбы и победы" (Ф. Ницше). Интеллект отвечает, что незачем, ибо результатом деятельности и бездеятельности в окончательном итоге является чёрная дыра абсолютного Ничто.

Возможно ли перейти через пустыню, влекущую в небытие, и обрести спасение?

Смерть заворачивает, она сама кажется спасением.

Возможно ли было спасение Пушкина?

Если бы произошло чудо.

Я не знаю, каков был завет между Пушкиным и божеством, одухотворяющим его поэзию. Возможно, было решено, что поэт сказал уже ВСЁ, что ему было вручено. Дальше должны были говорить другие.

Но разве я сказал всё? Разве я успел сказать и сделать что-нибудь важное, разве я сделал хотя бы немного из того, для чего я пришел?

Я чувствовал себя обманутым и оставленным.

Я заболел и стал готовиться к смерти. К смерти, которая не была ни поучительной, ни побеждающей, к смерти как к исходу отчаянья и разочарования.

И мне на помощь явились сначала земные силы, а затем и небесные.

В основе этой помощи была ЛЮБОВЬ.

Даже прежде незнакомые люди вдруг оборачивались и словно говорили мне, как пятилетняя девочка Эля, пять лет назад, которая спросила, увидев меня с большой сумкой: *Дяденька, Вам не помочь?*

Мои *музы*, о которых я уже говорил, и ради которых я начал писать и эту вторую книгу, тоже пришли мне на помощь. Может быть, они меня простят, и разрешат, если я приведу по несколько строк из их писем.

Сначала написала Н.Т.

Сначала она меня сильно ругала, и если бы была рядом, то, возможно, избила бы, но затем привела вдохновляющие примеры чудесных исцелений, и закончила так: "Вам нужно встряхнуться. Вы это сами знаете и очень этого хотели очень давно, но все тянули, тянули, тянули. Выбирайте. Но помните, что Вы нужны нам, молодым авторам. ... И мы ждем Ваших книг прозы и стихов!!!!!!!!!!!! Обнимаю Вас, милый В. И.! ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО!"

Затем написала Е.Л.

Дорогой В. И.!

Спасибо за прекрасную литературную весточку, и стихотворную, и прозаическую. Ваше творчество такое живое, свободное, оно как бы не укладывается в рамки заданной темы или главы, но в этом и состоит его прелесть. И как-то вы умудряетесь успеть за ходом мысли! Впечатление такое, что мысль так и лётся из-под пера, как будто это очень легко вам даётся. ... Желая новых творческих открытий!

И, наконец, написала Н.Е.

А сейчас я буду Вас (хотела написать "ругать", но потом поняла, что не имею на это права). Почему Вы не следуете советам врача и не пьете лекарства? Что же это такое? ... Не гневите Бога, В. И.! Вы сами написали, что операция Ваша закончилась с лучшим из возможных исходов, и что же Вы делаете? Не помогаете ни себе, ни Богу, который Вас бережет, ни близким, которые о Вас заботятся. Не поступайте так больше, я Вас очень прошу! И как хорошо, что Вы купили, наконец, таблетки, и ускоряете свое выздоровление.

Когда результаты будут известны, я очень жду от Вас хороших новостей! (впрочем, как и всегда!)

Не время предаваться унынию! Вас поддерживает столько людей – и Н., и Е.! И столько еще! Загляните на страничку Вашей книги, ЧТО думают о Вашем творчестве, Ваших мыслях читатели. ... Так стоит ли терзаться и сомневаться в силе своего слова? Как хорошо, что Вы беретесь опять за сочинительство! Я буду Вашим преданным читателем, который с нетерпением ждет выхода книги в свет.

И я буду Вас хвалить, потому что хочу поддержать, потому что Ваши произведения, и проза, и стихи, достойны похвалы!

Мне показалось, что три маленькие девочки прибежали ко мне на помощь – или это послал их ко мне Бог.

Я поехал к врачу, и он мне сказал, что если я буду верить в чудо, то оно от меня не отступит.

Так, может быть, Бог от меня не отказался? И вся моя предыдущая жизнь была лишь приготовлением к исполнению порученной мне литературной

задачи? Как бы поздно Он ни вернул мне Свою поддержку, она никогда не может быть слишком поздней.

Так, может быть, и народ мой не до конца погиб, и не весь? То, что он так безучастен к нашим словам, словам тех, кто пытается к нему обратиться, означает только то, что он глубоко болен, что он страдает, что он переживает особенное состояние, близкое к аутизму, обличения должны быть умерены любовью и пониманием, сочувствием и прощением. Не стал же бы я ругать Кристину и Элю, даже если бы они меня не стали слушать и даже от меня отвернулись!

И если *воля к власти выступает в качестве воли к ничто или воли к смерти у тех, кто претендует на неизменную власть над моим народом*, то это не значит, что и я должен сдаваться. Бог для чего-то мне явил чудо, он отвратил от меня возможную смерть или пушие бедствия, когда казалось, что они неотвратимы, теперь он ждет от меня ответных усилий. И мои друзья и читатели и музы – тоже.

Значит, я должен жить и писать лучше, и если даже я научусь писать как должно только в последний, девятый час, это не значит, что уже будет поздно. Что-нибудь свершится такое, что все будет как надо, наилучшим образом.

Уже на восемьдесят третьем году жизни Лев Толстой ушел из Ясной Поляны, по дороге заболел и умер на станции железной дороги.

Он жил очень благополучной жизнью, был богат, рано признан обществом, имел множество друзей и почитателей. Чего ему не хватало? Говорят, он сеговал, что не сидел в тюрьме, как Достоевский, и ему не хватало опыта страданий. Возможно.

Действительно ли опыт страданий необходим? Оглядываясь на свою жизнь, я прихожу к выводу, что благополучие мне было вредно.

В детстве я много болел, отец мой погиб, личная жизнь матери не складывалась, что меня тоже, хотя и ребенка, огорчало, может быть, поэтому я рано стал понимать жизнь, рано начал сочинять стихи и рассказы. Но ведь Тютчев и Лермонтов в детстве были счастливы, а стихи начали писать раньше меня и лучше!

В шестнадцать лет я написал неплохие рассказы, но потом литературный дар вдруг меня совершенно оставил. И сколько неприятностей ни преподносила мне жизнь, талант не возрастал. И все же я думаю, что именно страдания были той подземной водой, которая орошала мой дух, что-то мне было предназначено такое, вроде синтеза философии и литературы, что в юности и без важного длительного духовного опыта совершить я не смог бы. Но удастся ли мне сделать это неведомое именно теперь, я не знаю. Во многом ведь мой текст компилятивен, и преувеличивать его оригинальность не следует. Но если хотя бы трем моим музам он поможет жить и дышать, для них (и лишь отчасти для себя) я продолжу писать эту книгу!

Глава пятая

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИИ

1. Введение

Устал я от воли к смерти, и потому решил сделать перерыв.

Миф двузачен. Как я уже говорил, это и особая форма бытия и представления бытия, в которой бытие и его представление не дифференцированы, не разделены, как эпические сказания Гомера «Илиада» и «Одиссея» – и Троянская война. Эпические сказания – это история Троянской войны, но сама последняя была проблематична до открытия Шлиманом Трои. Однако, можно вообразить События, **Существования**, которые остались только в форме сказания, легенды, эпоса, иногда даже только в виде пословицы, или только слова, например, существование *обров*, о которых ничего не известно кроме поговорки «*погибоша аки обры*», так что историки в тупике, не все верят в то, что народ этот воистину был...

Но если даже некоторое историческое событие и в самом деле было, то часто все, что мы о нем знаем, содержится только в мифе (сказании, легенде, предании, сказке, даже только в пословице или только в **слове**), и образ "существования" или "события" и само "существование" неразделимы, синкретичны. Как видим, не только неразвитые формы искусства, еще не *ставшие* (по Шпенглеру – «Закат Европы»), но только *становящиеся*, синкретичны, но и явления разных порядков, разных смыслов, то есть существования (события) и воспоминания о них, образы их. Предположительно синкретизм свойствен ранним стадиям становления и развития искусства, когда не разделились, например, пляска и песня, не разделились разные поэтические формы и они, в свою очередь, не отделились от сценических видов искусства или от культа, и когда и театр не отделился от культа.

Но синкретизм свойствен не только ранним формам истории, предистории, но и *сверхбытию*.

Распятие Христа и рассказ о Распятии, то есть Евангелие, неотделимы друг от друга. Невозможно доказательно утверждать, что это Мета-Событие воистину было, ибо не сохранилось никаких исторических свидетельств о нем, кроме Священного Писания, не сохранилось свидетельств и улик, все уничтожено (временем, волей?) или их и не было. Да и само явление Христа не подтверждено более ничем и существует только в Священном писании. Предметы, якобы претендующие на роль улик, все апокрифичны, не достоверны, да и поиск их и перенос на них роль удостоверяющих свидетельств разрушает саму идею веры, и в новое время появление Плащаницы, чаши Грааля, частиц с Креста, на котором был распят Христос, и других аналогичных предметов-улик – стыд для Теологии, объясняющей смысл веры, показатель оскудения и разрушения Веры. «Блажен, кто видел и уверовал, но блаженнее кто **НЕ видел и уверовал**».

В мифе существование и рассказ о нем, Событие и Воспоминание – синкретичны, религиозные тексты, следовательно, также синкретичны, и это

их существеннейшее отличие от истории, существующей раздельно, двояко, и как Бытие и отдельно как Память о нем.

Когда я говорил о стремлении автора превратить себя в миф, я и имел в виду вот такое слияние Повествования и Личности, когда все самое существенное об авторе читатели должны находить в его книгах, а не в других свидетельствах. Вот также превращал себя в миф и я сам. И Тот, из плоти и крови, с адресом и пропиской, с семьей и друзьями, и Тот, кто существует только на страницах моих книг – разные я, и кто из них подлиннее, пусть объясняют другие (если кто-нибудь станет когда-то сие объяснять).

[Кстати сказать, роман также синкретичен, он представляет собою Текст, но ведь он является и повествованием о сумме людей и событий, и часто перед читателем встает проблема: все ли автором выдуманно, существуют ли описанные им события лишь в его воображении, или они существовали и в самом деле, быть может не совсем так, как описаны? Многие разделы литературы предусматривают разделение описания и исходной реальности, таковы Мемуары. Хотя впрочем, мемуары многих известных людей часто мифологичны.]

Итак, я напомнил читателю о разных формах мифа. Но существует и другое понятие и явление "мифа", то есть сказки, выдумки, рассказы, наветы, инсинуации, сокрытие правды, лжи и клеветы.

Такова прежде всего "сакральная" советская история, включающая в себя и бревно, которое по Красной площади нес Ленин, и его звериную гуманность, и его "материю" человечность, и "голодные обмороки Цюрупы", и "два сокола ясных", сидящих на скамейке в Горках, и "самое интеллигентное" советское правительство, в котором никто не имел высшего образования, и их образованность и мудрость. На самом же деле это были зауряднейшие мещане, далекие не только от философии, но и от культуры, а прежде всего от человечности.

Таков же Миф и о Сталине, из кровавого злодея превращенного в строителя индустриальной державы и в Победителя в Мировой войне. (Если он кого-то победил воистину, то он победил Русский народ, его стараниями сократившийся почти наполовину и утративший волю к произрастанию и демографическому расширению. А еще важнее – утративший волю к духовной свободе.).

Но о "сакральной" советской истории уже существует обширная литература, можно хотя бы прочитать книгу Владимира Солоухина «Ленин» и «Архипелаг Гулаг» Солженицына, и «Народную монархию» Солоневича, и рассказы Варлама Шаламова, и «Окаянные дни» и... необъятно море правды, хотя созидались несколько десятилетий океаны лжи.

Именно поэтому я данную главу посвящаю только нескольким полу-современным мифам, не только не опровергаемым новыми демократическими историками, но часто даже продолжающим развиваться и совершенствоваться, причем мифам, искажающим не столько историю, сколько сознание современного полунинтеллигента.

2. "Индустриальная держава" во время войны и после нее

Довоенную эпоху помнят уже немногие, да и они вспоминают ее не совсем точно. Годы войны и послевоенной нищеты и разрухи были настолько чудовищно мрачными и бедственными, что и бедное и бесправное и темное довоенное существование кажется чуть ли не райским. Для сегодняшних современников довоенного прошлого оно было тогда детством, отрочеством или юностью, а как бы голодно и холодно ни было в юности, но столько в ней одновременно надежд, иллюзий, ожиданий, влюбленности, силы и воли, что меркнет темное, а островки светлого сливаются в сияющий фон.

Моя мать (как и вообще сибирские крестьяне) была более здравомысляща, чем столичные жители (часто из преуспевающих семей – а именно с ними и их воспоминаниями чаще всего приходится сталкиваться) – и время раскулачивания, голода, слез, бесправия, арестов и смертей и каторжного труда оставалось в ее памяти воочию. Другие же, часто и замечательные люди, с которыми я был знаком, конечно, вспоминали в том времени свою юность (и не могли видеть тогда чужих страданий). Вот так Людмила Петровна, первая Джульетта, любимица публики в ТЮЗе, ставшая знаменитой в сороковом году, не хотела ничего слышать о пытках и казнях. «Мы верили и мы были счастливы! – говорила она. Упреки ли я ее, которая за овальным столом в ее комнате на Кронверкской собирала цвет Питерской интеллигенции, где я пил водку с великолепным Мусатовым, великим Перепелкиным, гениальной Казариновой, восторженным Гейченко?

Вот так и Мусатов, герой-любовник в театре оперетты (а в семидесятые годы сверхъестественный проводник по "сцене" Павловского парка) довоенное время вспоминал радужно...

Потом началась война, стало еще хуже – для всех, о жителях блокады говорить я не буду.

И как же воевала индустриальная держава? Она производила танки и самолеты, пушки и реактивные установки. Но всю войну, все бескрайние пространства восточной Европы от Бреста до Волги и от Волги до Берлина наш солдат прошел пешком, и нес на себе оружие и боеприпасы. Пушки и снаряды везли лошади. Автомобили даже после войны можно было увидеть один раз в десять лет. В пятьдесят восьмом году я школьником гостил в Донцке у своего дяди, сделавшего крупную чиновную карьеру, у него была легковая машина, машины и квартиры были только у таких же как он. Мы много ездили по городкам этой промышленной области, и я видел и осязал бедность и бесправие колхозников и рабочих.

Эпоха Хрущевской революции (или контрреволюции) была началом новой жизни и нового мировоззрения, начали строить квартиры для обывателей, начали производить автомобили, развивать нефтяную промышленность (вот откуда произрастает наша «сырьевая держава», а не от Сталина), самолетостроение, «строить ракеты и перекрывать Енисей».

Миф о Сталине формулируется, якобы со слов Черчилля, так: *Он принял Россию с сохой, а оставил ее с атомной бомбой.*

В интернете есть статья историка Игоря Куртукова:

«ПРИНЯЛ С СОХОЙ, А ОСТАВИЛ С БОМБОЙ» – подлинная история речи, которую никогда не произносил Черчилль.

Отчасти буду цитировать автора (из уважения к его титаническому труду), отчасти пересказывать.

«В интернет-дискуссиях авторство фразы и история принятия её на вооружение неосталинистской пропагандой уже многократно обсуждались... Прежде всего хочу заметить, что вопрос относится именно к епархии интернет-трёпа. Ну, может быть, отчасти публицистики. Для исторической науки вопроса тут нет – раз при цитировании не приводится выдерживающий проверку источник, цитирующие идут лесом (искать этот источник). Ну а в нашем тесном, но уютном, интернет-мире стандарты немножко другие. Так что давайте уж потолчём воду в ступе.»

В результате «голчения воды в ступе» автор установил, что впервые её приписала Черчиллю скандально известная Нина Андреева в своей нашумевшей статье времён Гласности и Перестройки «Не могу поступаться принципами», а через три года, в журнале «Армия», поэт Феликс Чуев в своей книге «Сто сорок бесед с Молотовым».

«Как показало расследование, такая характеристика итогов модернизации СССР была употреблена бывшим троцкистом Исааком Дойчером в статье в Manchester Guardian, 6 марта 1953 г., по поводу смерти Сталина.» Правда, переводчик его фразу еще творчески усилил.

Далее, в своей несуществующей речи Черчилль якобы сказал: *Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, встали и, странное дело, почему-то держали руки по швам.*

Эта фраза приводится у Радзинского во введении в роман «Сталин».

От себя добавлю, что неосталинисты свое восторженное отношение к Сталину любят подтверждать ссылками на якобы панегирические высказывания крупных западных деятелей, от Рузвельта до Де Голля – в действительности же несомненно нечто совершенно другое: сам Сталин был высокого мнения о Гитлере, и я не исключаю того, что и Гитлер устно или письменно восторженно высказывался о Сталине. Два диктатора должны были оценить друг друга. Различия между ними состояли только в том, что, придя к власти в 33-м году, в пору жесточайшего мирового экономического кризиса, за СЕМЬ лет Гитлер поднял промышленную мощь Германии на первое место в Европе и посадил нацию на автомобиль, затем воевал против всего мира, в результате чего Германия потеряла шесть миллионов своего населения, а Сталин в союзе с крупнейшими мировыми державами ухитрился «победить Гитлера», зарыв в поля, леса и болота Европы сорок миллионов наших соотечественников и сломав позвоночник русской нации.

Гитлер воевал преимущественно против русских. Против кого же воевал Сталин? И не был ли он союзником Гитлера, а не Черчилля и Рузвельта?

Поставить во главе армий бездарных генералов, сдать эти армии в первые же дни войны противнику, потерять вооружение и привести немцев под Москву в октябре 41-го, затем, после их поражения, в 42-м привести их вновь на Волгу – вот в чем проявился его полководческий гений.

- - -

Но при чем тут история? Редактор ведь обещал, кажется, говорить о литературе? Пусть об истории говорят историки!?

Ну а что такое литература, и зачем, и в чем ее цель, предмет и цель, мы разве до конца выяснили?

Разве не жду я от нее того же, чего ждал попеременно то от одного, то от другого учения, то есть истины?

То от марксизма-ленинизма, опирающегося, якобы, на науку, клянущегося наукой, поклоняющегося ей, и свой метод понимания жизни и мира объявившего единственно истинным и единственно научным? А в действительности уворовавшего все важное в философии и истории, и гегелевскую диалектику, и фейербаховскую предметную действительность, и теорию прибавочной стоимости Адама Смита, извратившего их и опошлившего, да хуже того, пропитавшего ВСЁ, к чему он прикасался, ЛОЖЬЮ И КЛЕВЕТОЙ? А в Ленине докатившегося до безграмотного гимназиста, абсолютно неспособного понимать философию, но потешавшегося над нею.

То от учения об искуплении человечества на кресте, грядущем конце света, воскресении праведных и "плаче и скрежете зубовном" всех остальных (вероятно, не принадлежащих к ближним, которых надо возлюбить). Впрочем, к этим ближним не принадлежали философы и ученые, поэты и писатели, красивые девушки-вертихвостки (ведьмы) – хотя и непорочная Жанна Д'Арк к ним тоже не принадлежала, и этих постигал "плач и скрежет зубовный" еще ДО второго Пришествия.

То от антибольшевистского (антисталинского, в частности) хрущевского переворота, начавшегося со второго освобождения крестьян от крепостного права, демократизации жизни и культуры, частичной замены тоталитарной военной экономики на общенародную, разгромившего сталинизм и тотемное поклонение ему, ошельмовавшего сталинистов и загнавшего его, казалось бы, в подполье, но кончившего приказами поднимать целину и сеять кукурузу (хотя это, впрочем, мелочи в сравнении с голодом в Поволжье, на Украине, в Блокаде, массовыми расстрелами, сплошным лагерем на всю страну и переломленным хребтом народа в бездарно ... нет, в преступно беспощадную по отношению к собственному народу Войну).

Хрущев был отчасти испорченным или одичавшим крестьянином, культуру, оставшуюся России от дворянского славного времени, он понять не мог, в его мужицком правлении истину найти было невозможно.

Наконец, ждал я Откровения от "социализма с человеческим лицом", но сначала он погиб под танками, вошедшими в Прагу, потом погиб в чудовищной болтовне последнего советского "генсека", затем в гунновском нашествии "демократов", либо оказавшихся сплошь "жуликами и ворами", либо *намеренно* передавшими власть над несчастной, терзаемой в течение столетия страной "жуликам и ворам".

От этих откровения я, разумеется, не ждал.

Но я оказался самым обманутым на все мое поколение поэтом и математиком, самым обманутым зрячим человеком, да и просто самым обманутым здравомыслящим человеком, на котором, однако, советская

власть поставила клеймо умалишенного. [Хотя я оказался *единственным* из когорты умалишенных *инакомыслящих* (включая израильского министра Царанского и лондонского изгнанника Владимира Буковского), коему в 2002 году Высшей психиатрической комиссией старый приговор был отменен, и возвращено звание *нормального*. Правда, между нами, если считать нормальным верноподданный советский народ, недавно влюбленный в свою «родную» коммунистическую партию, и голосующий за нее в количестве 101. 73 процента, нормальным я никогда не был.]

Почему я говорю, что я *самый обманутый*?

Потому что все, кого я знал, с кем встречался, кого читал, находили утешение в той или иной Иллюзии, они НЕ хотели бодрствовать и видеть, они хотели утешения – в ленинских партийных нормах, в *истинном* социализме, в *демократическом* христианстве (кто-нибудь, из знающих историю христианских церквей хотя бы понаслышке, не улыбнется?), в социализме с человеческим лицом, в социализме национальном, интернациональном, исламском, христианском, конфуцианском (в Китае), в социализме сионистском (в Израиле), антирусском (в России), государственном, буржуазном... Вот только в капитализме и в буржуазных ценностях никто, ни в России, ни на Востоке, ни на Западе, утешения находить не хотел.

А я искал не иллюзию и не утешение, а Истину, поэтому я оказался воистину отщепенцем, один против всех. Среди русских почвенников я был евреем, среди язычников – православным, среди лириков физиком и среди "физиков" лириком.

«...Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» – повторяю я вслед за апостолом Павлом.

И вот, после более ста лет освободительного движения, начиная от Радищева, после тысяч подвижников, пострадавших от власти, после братоубийственной революции и гражданской войны, рек крови, миллионов убитых без разбору, правых и виноватых, после полного и окончательного оскудения мысли и духа и после духовной пустыни, воцарившей в СССР, когда кроме цитаты из марксистов более ничего нельзя было услышать, после духовных усилий последних мыслящих – власть над страной захватила банда жуликов и воров... банда, прикрывающаяся, в том числе, и демократами.

Вот почему я говорю, что я самый обманутый. У тех есть иллюзии и есть их вражда к России, согревающая их разочарование.

Начал я с мифа об индустриальной державе и о Сталине, как ее гениальном прорабе, более писать о них не буду, ибо понимание возможно только в совокупности, когда мы разоблачим и другие мифы, опутавшие клеветой и ложью современного мне человека.

А только ли история способствует их разоблачению?

Я, напротив, в большей степени рассчитываю на литературу. "Разве не жду я от нее того же, чего ждал попеременно то от одного, то от другого учения, то есть истины?"

И разве не литература, еще в большей степени, нежели история и философия (а тем паче наука) помогает нам ее найти?

3. Миф о тотальной отсталости царской России от Европы.

Россию погубила первая Мировая война, точнее, война с Германией и Австро-Венгрией. Большевики лишь воспользовались хаосом, возникшим в результате нее.

Но война шла не губительно для России, на полях сражений, как и у противника, были танки, самолеты, образованные и обученные офицеры, выдающиеся генералы. Но и противник был силен.

В восемнадцатом году немецкая нация потерпела поражение, несмотря на то, что Россия вышла из войны и подписала капитуляцию – не проиграв существенных сражений.

Почему все это случилось? Об этом много написано, и талантливо тоже. А я пишу о другом. С сильным, образованным, хорошо вооруженным противником, на стороне которого была сильная армия, выдающаяся наука, превосходная промышленность, мы сражались на равных. Все, что у них, было и у нас. В России было железных дорог больше, чем во всей Европе, пороху заготовлено столько, что этим порохом советская армия сражалась всю Отечественную войну (он был сосредоточен преимущественно на складах в Кронштадтской крепости), корабли такие, что именно они составляли основу военно-морского флота СССР, инженеры... да, именно инженеры царского времени сконструировали и построили затем и военную мощь СССР, или их ученики.

Большинство открытий в различных областях науки и техники, у нас и за рубежом, обязано Российскому гению, сформировавшемуся до злосчастной большевистской революции (которая так же кстати пришлась на великий взлет русского духа, как Великая Французская революция, погубившая Францию как величайшую державу мира, на взлет французского духа).

Все мое детство и отрочество сотни раз я видел в кинематографе русского крестьянина в лаптях, рассеивающего из лукошка зерно на поле. Точно такие же крестьяне ходили и по полям Франции перед Второй мировой войной, и об этом есть киноленты. Крестьяне в Японии (удивляющей своей промышленностью весь мир) и сегодня ходят в сабо, деревянных башмаках, и тоже рассеивают на поле зерно из лукошка.

Мы начали с того, что *кто-то* принял Россию с сохой... Но трактора появились на Российских полях еще до революции, а в моей родной деревне, которая разбежалась в 53-м году, по смерти тирана, трактора не видел никто, а пахали даже не на лошади, а на коровах, и даже бабы, по четверо, впрягались в плуг, потому что коровы падали из-за зимней бескормицы... потом падали даже и бабы, пока дед Зеленок не достал свою старую соху, ею пахать было легче.

Россия кормила зерном при царе всю Европу, и не Хрущев ее насмешил, якобы, «оставив ее без хлеба», а *некто* другой ужаснул, когда в России при нем от голода умерло больше, чем во всей Европе начиная от позднего Рима.

Пятьдесят лет советская пропаганда сравнивала цифры промышленного производства СССР с показателями России в 1913-м году. Кажется, при Хрущеве, мы, наконец, превзошли те старые показатели.

4. Маршал Победы.

Писатель создает свою действительность и творит свой собственный МИФ. Но его миф не из тех, что мы разбираем. Миф романа – это духовно *преображенное бытие*, а пропагандистский миф – ложь и клевета, имеющие целью духовное подавление.

Что Сталин выиграл войну, на этом клише останавливаться я не буду. Злоумышленники или идиоты еще пытаются нет-нет да и завести речь о его выигрыше, и я обычно отвечаю так: СВОЮ войну Сталин действительно выиграл, он воевал против России и русского народа, и он их победил. Более того, ему удалось превратить почти весь великий народ в собрание идиотов.

Но есть и приличные люди, не распрощавшиеся с своими иллюзиями, одной из таких является миф о Жукове, Маршале Победы.

Три года назад я редактировал книгу А. В. Модестова «Развенчанные мифы о Жукове. Невский пятачок.» Этой работой я доволен. Вопреки тому, что я стараюсь существенно не изменять авторский текст, здесь я попросил автора выбросить из книги две статьи, остальные переставить как должно, помог найти нужные иллюстрации. Отчасти, разумеется, правил и текст. К счастью, автор не был самолюбив. Истина ему оказалась дороже.

Спас ли Жуков Ленинград от разгрома? Но ставилась ли задача по его разгрому перед немецкими войсками, почти окружавшими город (с севера были войска финского маршала Маннергейма, уроженца Петербурга, который такой задачи перед своими войсками тоже не ставил).

Пытался ли Жуков прорвать блокаду? Он бросил триста тысяч солдат на Невский пятачок, где они все погибли, но откуда даже ПРОРЫВ не мог быть прорывом блокады. И автор предполагает, что осажденный и вымирающий Ленинград был нужен Сталину для создания перед мировым сообществом образа страдающего города и страдающего народа, чтобы вместо восклицания: «Чума на оба ваши дома!» – мировое сообщество осудило только Германию и лояльнее отнеслось к СССР.

Затем я редактировал книгу Вадима Росса «Страна падонкаф», посвященную стране «жуликов и воров», то есть нашему мрачному *сегодня*. На автора я сердит, он оказался недостаточно послушен, но прощаю его за энергию гениальности. Один из его бандитских героев ненавидит фашистов, ибо его прадед погиб в той войне, «неудачно с маршалом Жуковым наступал подо Ржевом».

Гений иногда чуть ли не всю истину вмещает в одну только фразу.

Почему после разгрома и отступления немцев под Тихвином, в ноябре сорок первого (где в атаки ходил в составе морской пехоты мой отец), после разгрома и отступления немцев под Москвою, вскоре, в декабре – почему в августе сорок второго немецкая лавина по степям между Доном и Волгою покатила к Сталинграду? Потому что Сталин ошибочно перенес центр военных действий в новгородские леса, и именно здесь "неудачно" наступал его любимец, будущий маршал победы, потеряв полтора миллиона солдат. *"Но да бабы еще нарожают!"* – любил приговаривать он.

Как пишет Модестов, – Жуков, по воспоминаниям его сослуживцев, в жестокости превосходил даже Сталина.

5. Дураки и дороги. Воруют-с.

«В России две беды – дураки и дороги» – апокрифическая фраза, приписываемая Гоголю, Салтыкову-Щедрину, Карамзину, Николаю I и др. Однако предполагаемое авторство не подтверждено и маловероятно. Теме разбитых дорог Отечества посвятили свои строки едва ли не все классики русской литературы.

Пушкин в Евгении Онегине пишет:

*«Когда благому просвещенью
Отдвинем более границы,
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно».*

У другого классика – Петра Вяземского читаем:

*«Дороги наши – сад для глаз:
Дерева, с дёрном вал, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль, проезда нет подчас».*

Так кто же ввел нас в заблуждение насчет дураков и дорог?

Когда-то я ругал интернет... Ну да, много чепухи пишут... Но ведь и при поиске нужной книги на полке тоже наглотаешься пыли.

И вот наткнулся на текст одной умницы (Натали Шеховцовой).

«Кто первым сказал: «У России две беды – дураки и дороги»? Пока вспоминаете, поспешу вас заверить, что это не правда! ...

До XIX-го века и появления общедоступного колесного транспорта Россия славилась своими путями. Потому что большинство из них пролегало по рекам. Летом – на ладьях, зимой – на санях по льду... Западная Европа с их разбитыми мостовыми (камень-то был дорогим, меняли его не часто) могла нашим предкам только позавидовать.»

... Кстати, умных людей в нашей стране тоже много...

Но оставим дороги, они действительно ужасны, и прежде всего потому, что *чиновники воруют*. И вот, в связи с этим, зададим важный вопрос: действительно ли ВСЕГДА ВОРОВАЛИ?

В последние годы распространился МИФ о том, что вся сущность России описывается одним этим словом, и что будто бы на вопрос князя Горчакова, обращенный к Карамзину, приехавшему в Европу: «И что же происходит в России?», тот ответил: «Как обычно... Воруют-с...»

Ну, во-первых, произношение с окончанием «-с» появилось после середины 19-го века, у приказчиков и лакеев. В литературе ранее этого примеров таких мы не отыщем. А Карамзин далеко не приказчик и не лакей, что, вероятно, не помнят сочинители *современного* литературного анекдота, ставшего мифом, объясняющим якобы всю народную суть.

Во-вторых, Карамзин предпринял поездку за границу (в Германию, Швейцарию, Францию и Англию) в **1789-1790**, результатом которой было опубликование знаменитых «Писем русского путешественника».

И в третьих, князь Горчаков, лицейский друг Пушкина, родился в 1798 году. В 1820–1822 гг. состоял при графе Нессельроде на конгрессах в Троппау, Люблине и Вероне; в 1822 был назначен секретарем посольства в Лондоне, где оставался до 1827; ... и далее его благополучная карьера завершилась тем, что в 1856 году он был назначен министром иностранных дел, в коей должности пребывал до 1882 года. Умер в 1883 году.

В 1880 году Горчаков не смог приехать на торжества по случаю открытия памятника Пушкину (в это время из лицейских товарищей Пушкина были в живых только он и С. Д. Комовский), но дал интервью корреспондентам и пушкинистам. Вскоре после пушкинских торжеств Комовский умер, и Горчаков остался последним лицеистом. Эти ему оказались посвящены строки Пушкина:

Кому ж из нас под старость день лица
Торжествовать придется одному?
Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

«Никто не спорит, воровали и у нас, воровали при Петре и позже, воровали, как правило, временщики, воровали европейцы, что приходили на службу русской короне.» – цитирую безымянного автора из Интернета.

Зачем я так страстно останавливаюсь на этом «анекдоте»... да анекдоте ли? Разве не наполняло бы нас болью, если бы на каждом углу со смехом говорили, что наша жена или мать – гулящая?! И не потому ли погиб Пушкин, что он защищал *честь*, а *честь дороже жизни*?! И к литературе это имеет самое прямое отношение – даже если писатель пишет не о России, а о Франции, мысль, что *в России воруют*, будет смещать направление движения (как это бывает в глухом лесу), он бессознательно для себя будет думать, что вот зато во Франции не воруют, и правды не напишет ни о той ни о другой стране. Даже если писатель пишет не о России, а о Марсе, не сможет он отделить этот Марс (если только он сам не марсианин), ни от русского языка, ни от своей предыстории – как в Аэлите Алексея Толстого. Я брожу по бывшему бору около нашей деревни, баррикады остались от нашего бора, и я понимаю, что негодяи мой лес спилили (и без сомнения незаконно, за взятку), продали его за границу и купили яхту и виллу, текилу и телку; и я понимаю, что мой лес у меня украли, негодяи вместе с государством.

И тут услужливо тлетворный миф, сочиненный, как кажется, в девяностые годы предыдущего века, то есть всего-то двадцать лет назад, меня "утешает": да ладно тебе волноваться, у "нас" (то есть в России) всегда воровали, вот даже Карамзин сказал [хотя он не только этого не говорил, но своей великой "Историей государства Российского", повествующей и о жестоких и о

мрачных ее страницах, вызывал в читателе ощущение противостояния света и мрака и восхищения светом. И не в последнюю очередь знаменитое письмо Пушкина Чаадаеву, которое я уже цитировал в предыдущей книге на стр. 263, пропитано впечатлениями от великой книги великого историка.

«... Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – так неужели все это не история, а лишь бледный полузабытый сон? ...»

... А Петр Великий, который один есть всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? ...»]

Это письмо стоило бы привести целиком, но отзывчивый читатель, надеюсь, меня послушается, и хотя бы прочитает его в Яндекске.

Что же меня преимущественно возмущает в мифе-клевете, и чему я хотел бы противостоять, объяснив читателю правду?

Воровали еще при дворе Фараона, как и продавались за деньги, сколько существует человек, столько существует низкое и высокое.

Воровали и при Петре, и при Пушкине, и сам Пушкин об этом знал.

НО...

В советское время, в которое меня посадили за распространение "клеветнических инсинуаций" сначала в тюрьму, потом в психушку, эти самые "инсинуации" распространяли все, даже на банном полке, а сочинителями их были образованные психологи из КГБ.

"Инсинуация" первая: мы бедны, потому что помогаем всему миру, и Азии, и Африке, и даже латинской Америке. Да, у нас недостатки, почти все плохо, но это всё из-за излишнего благородства коммунистической власти.

"Инсинуация" вторая: МЫ...

О чем бы ни ворчал обыватель, но он не разделял нас всех на "нас" и "их", он не говорил «мы» и «они», нет, всех он вводил в одно однообразное мутное болото: МЫ... И в наших бедах виновато было, естественно, не правительство, не КГБ, не партия, не политбюро, не генсек, а МЫ. Даже если речь шла о воровстве – но воровали тогда в двести семь тысяч раз меньше, чем теперь, – обыватель брюзжал, говоря, что МЫ всех богаче, но потому беднее, что у нас больше разворовывают, чем у них, на Западе...

В восьмидесятые годы воровать стали больше. В девяностые негодяи украли у меня страну. Почему я говорю, что «у меня»? Потому что обыватель не отделяет себя от правительства, он чувствует их как часть себя, поэтому не чувствует, что они у него страну украли.

А среди образованной части обывателей действует миф, тут же услужливо изобретенный платными «психологами»: у НАС, в России, всегда воровали, русский народ – народ жуликов и воров, и сегодня все то же, что всегда, в *этой стране* никогда ничего хорошего не было, "хоть тушкой, хоть чучелом, но *валить* отсюда надо!" – из знаменитого анекдота.

Можно даже эту страну ненавидеть, презирать, оплакивать ее, даже против нее воевать (как Курбский, как Краснов, как иные русские во время прошедшей войны), но даже ненавидя, ее надо любить, хотя бы и сквозь

слезы ненависти – ибо иначе русским писателем быть невозможно! (А ведь тот, кто пишет по-русски, если только пишет на превосходном русском языке, а не на языке извозчиков и кухарок, тот и сам тоже русский, и только русский, а не наполовину русский, а на половину нивхский – ибо литература пропитана не только языком, но и воздухом страны, ее природой, климатом, характерами, физиономиями, ее дорогами и ее дураками, которые, разумеется, тоже есть!)

Но, увы, антирусская кампания инспирируется даже в большей степени оппозицией (и это гениальный правительственный ход!), и правительство выступает в роли защитника России, и обыватель умиляется и пускает слюны, слушая... (Но отряхнем все сие, как пыль с обуви своей!)

В России воруют воры. Но зато наши дураки самые умные среди дураков.

6. Пушкин и Николай Первый

Их отношения сложны, и не вместить их даже и в большую статью, не только в отрывок главы. Но жаждущий познаний читатель, да еще интересующийся Пушкиным, все может легко узнать, литература об этом обширна, можно начать хотя бы с книги Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина».

Миф о Пушкине и Николае Первом, казалось бы, порочащий НЕ Пушкина в первую очередь, порочит все же только его, ибо что нам до других, даже до императоров (хотя и он не был таким уж плохим, и его царствование было выдающимся) – но что все вместе взятые императоры сравнительно с одним гениальным поэтом? Это чернь сочиняет в своем уме историю народов как историю их воителей и царей, но проходят столетия, и история черни обращается в прах, и высятся над этим прахом величественные фигуры Гомера, Пифагора, Евклида, Архимеда, Платона и Аристотеля, Овидия, Лукреция, Эсхила... привожу имена наугад, и это только малая часть славных имен. Да разве даже атеист не помнит имя нищего проповедника, умершего позорной смертью на кресте, разве даже атеист не понимает, что имена многих из тех, кого мы еще вспоминаем в связи с ним, мы вспоминаем только потому, что они оказались с ним рядом, недостойно или достойно? И Иуды, и Каиафы, и Пилата, и Марии Магдалины, и Иосифа? И даже и те, кто сам достоин незабвения, все же были опалены его огнем, как апостол Павел.

Вот так же и с Пушкиным. Почти все или вспоминаются и помнятся только в связи с ним, или *значительнее* помнятся, потому что были с ним связаны. Вот в более позднюю эпоху были поэты Полонский, Майков, Случевский, не заурядные поэты, не меньше чем Вяземский, Дельвиг, Кюхельбекер, но первых припоминают смутно, а последних знают почти все только потому, что они с Пушкиным дружили.

Миф о Пушкине, точнее, об обстоятельствах, так или иначе связанных с его смертью, включает в себя несколько мифов, и дать их краткое описание, притом справедливое, задача для поэта, не достаточно знакомого с историей, почти непосильная. И все таки, я за нее берусь, потому что прекрасные книги и статьи, проливающие на эти обстоятельства ясный свет, повествуют о них в значительной степени разрозненно и сами разрознены по книжным полкам. Разве читатель (уже вымирающий) имеет достаточно сил, чтобы их

просмотреть? Ну а что до недостатка знаний, так ведь и гениальный юноша Лермонтов не знал всех подробностей Бородинского сражения и прибег к помощи своего изумительного дяди! «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французам отдана?» Ну и я спросил: «Скажи-ка, Яндекс...» – и, надо сказать правду, Яндекс рассказал мне все, что знал.

Каков был Николай Павлович, или, по определению Герцена, «Николай Палкин»? Начать надо с того, что прозвище это было дано императору не Герценом, а при дворе, связано оно было с его осанкой и излишней прямолинейностью, но не с его, как можно было подумать, жестокостью. Следственная комиссия по делу декабристов представила к казни значительный список имен, и император оставил в нем только пятерых (когда Гумилева расстреляли вместе с десятками других за НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ заговор!) Никто из тех, кто был в дружеских отношениях с заговорщиками, но *не участвовал* в заговоре (а из них многие даже о нем знали), не пострадал! А что же советская власть, омочившая русскую землю кровью миллионов моих соотечественников, ни в чем не повинных?!

Пушкин пожаловался Николаю Павловичу на излишнее рвение цензуры. «Хорошо, я сам буду твоим цензором», – ответил ему император, и цензура и в самом деле была минимальной. (И, кстати, не забывайте о том, что Ревизор ставился в театре, Ревизор, бичующий чиновников! – и император был на представлении и хохотал (сквозь слезы), и пресек чиновничьи наскоки на великую комедию Гоголя!)

Почти всё, что нам надо знать о трагедии, постигшей Пушкина, мы прочтем в стихотворении Лермонтова «На смерть поэта», известного в списках всему читающему Петербургу, а вскоре и Европе (в частности, из донесений Гогенлоэ, Вюртембергского посланника – см. в Яндексе прекрасный очерк Глазе «Дуэль и смерть Пушкина»). Кстати, сам Гогенлоэ остался в России, попав в плен в 1812-м году, и хотя полюбил Россию, знал ее, женился на русской, но был задет строками Лермонтова:

«...издалёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы...»

И в связи с этим познакомился с Лермонтовым и несколько раз с ним встречался. Гогенлоэ сочувствовал погибшему поэту.

Но какова же была реакция аристократического общества на дуэль и смерть Пушкина? Большинство его было на стороне Дантеса!

Я делю народ на две части, на два народа, народ творцов, духовный народ, и народ-чернь, где бы ни находились его представители, среди простолюдинов или среди аристократов. Именно к черни обращены строки Лермонтова:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,

Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!

К чести императора, он не разделял мнение черни, и Дантес со своим приемным отцом (бароном Геккерном) были высланы из России.

Вопреки мнению советского времени, что правительство чуть ли не подготовило эту роковую дуэль (и эти мифы еще живы), в действительности же император всячески пытался ее предупредить, и имел с Пушкиным встречу накануне дуэли, по мнению Жуковского, для того, чтобы его от нее отговорить.

Но все, о чем мы уже говорили, то есть и вызов на дуэль, и роковые подметные письма, и форма поединка, и сплетни в салонах, пачкающие имя поэта, связаны, прежде всего, с его женой, Натальей Николаевной. Император оказывал ей знаки внимания, Дантес открыто за нею волочился – и хотя и говорят, что "жена Цезаря вне подозрения", но действительно ли она была неповинна?

Прошло 175 лет, многие документы и воспоминания современников утрачены, иные лживы, другие тенденциозны – да и, положила руку на сердце, достаточно ли сегодня исторических знаний у обывателя (каким в данном случае предстаю и я), чтобы рассуждать о столь нескромном предмете?

Но я выскажу не совсем свое мнение, я только сошлюсь на святой для меня авторитет: как о Бородино я сужу не по книгам Тарле, а по поэме Лермонтова, так и о роковых обстоятельствах в жизни гения я прибегну к свидетельству другого гения.

После знаменитого стихотворения, защищающего честь Пушкина, Лермонтов сначала сидел в крепости, затем переведен в драгунский полк и отправлен на службу на Кавказ (формально это не было ссылкой). В 1841-м году он выхлопотал отпуск для посещения Петербурга и там, в салоне Карамзиных, имел продолжительную беседу с Натальей Николаевной. По воспоминаниям ее дочери, Александры Петровны Араповой, урожденной Ланской, в заключение этой беседы, удивившей Карамзиных своей продолжительностью, Лермонтов (по словам матери) сказал: „Когда я только подумаю, как мы часто здесь встречались!.. Сколько вечеров, проведенных здесь, в этой гостиной, но в разных углах! Я чуждался вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям. Я видел в вас только холодную неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности, которое не разбираешь, а признаешь, чтобы унести с собою вечный упрек в близорукости, бесплодное сожаление о даром утраченных часах. Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и, если не слишком самонадеянна мечта, стать вам когда-нибудь другом. Никто не может помешать посвятить вам всю беззаветную преданность, на которую я чувствую в себе способность“.

Эти слова (даже в чужой передаче) гениального поэта, любившего Пушкина и преданного ему, я смею считать достаточно оправдывающими Наталью Николаевну, чтобы больше не перетряхивать ее белье.

Но тогда и с императора надо снять подозрения в предательстве великого поэта, которому он обещал покровительство (и действительно, и цензура была снисходительнее, и к архивам открыт доступ, и в высшем обществе появилась возможность вращаться, и даже в долг дал поэту 20 000.)

Итак, в смерти поэта виновны: аристократическая чернь ("презренные потомки известной подлостью прославленных родов") и чужеродные нашей почве, о которых поэт сказал: "Смеясь, он дерзко презирал Земли чужой язык и нравы" (а сегодня в литературной публицистике имя им легион). Но есть еще и третья причина смерти, о которой я напишу в следующей главе.

Финансовое положение Пушкина мало сказать что было запутано, он был весь в долгах (О, как я его понимаю!), так что даже у императора пришлось заниматься. Но с его долгами связан третий миф, распространявшийся, я думаю, не по невежеству, а злокозненно. Обыватель считает, что Пушкин промотал, пропил и проиграл в карты и состояние, доставшееся ему в наследство, и приданое жены. А связанный с ним миф состоит в том, что император, якобы, вот эти долги, связанные с мотовством, а прежде всего с картами, как раз и ОПЛАТИЛ. И эти мифы возникли не из-за невежества, но есть, значит, как потребность восторгаться высоким и выдающимся, благоговеть перед ним, так у известной части общества есть потребность высокое ненавидеть и унижать и всячески порочить.

Разумеется, денег требовала светская жизнь, содержание квартиры, балы и наряды Натальи Николаевны. Денег, разумеется, требовали и вечера в Английском клубе, шампанское и игра в карты. Но эти долги были не существенны в сравнении с другими, о которых ниже. И их Пушкин распорядился оплатить в первый же день, умирая, на что денег было достаточно.

«Поздним вечером он позвал к себе Данзаса (секунданта), остался с ним наедине и продиктовал тому все свои неучтенные долги, на которые не было векселей и заемных писем. Никаких других финансовых распоряжений, по воспоминаниям Данзаса, Пушкин не делал.»

Но существенных средств требовали два предприятия последнего времени: Издание полного собрания сочинений, предпринятое и уже им начатое (а читатель не догадывается, насколько тогда КНИГИ были дороже), и издание журнала "Современник", который не пользовался успехом (да и собственные сочинения Пушкина уже не пользовались успехом у массового читателя, книги покупались плохо).

Журнал разорил Пушкина.

(И смею отметить, как много общего в моей судьбе с судьбой великого поэта. И меня разорила издательская деятельность, а в частности издание журнала, и мне пришлось некоторое время подвизаться в "высшем обществе", и мои книги никто не покупает – хотя они и никогда не пользовались

успехом. Правда, с царем Борисом мне встречаться не приходилось, да и с Дантесом тоже. И талант я еще только пытаюсь культивировать.)

После смерти Пушкина Николай Павлович распорядился оплатить его долги, связанные с изданием "Современника", а также финансировать издание Полного собрания сочинений поэта.

И в дальнейшем Министерством Народного просвещения *способствовало* всенародной славе Пушкина. (Сравните подвиги Советского правительства, либо успевшего расстрелять всех значительных деятелей русской культуры, либо выслать за границу, либо сгноить в тюрьмах и лагерях).

Проститься с Пушкиным пришел почти весь читающий Петербург.

Дипломатический корпус, за исключением четырех посланников, также весь явился проститься с поэтом.

7. Литература как поиск и утверждение правды.

Если писатель пишет о детях, но совсем не понимает взрослых, он не сумеет написать и о детях. Если он пишет о дне нынешнем, но ничего не знает о дне минувшем, его книги будут бессодержательны. Если пишет о любви, но не испытал ненависти, чувства его будут худосочны. И если пишет о числах сложных, но не постиг еще чисел простых, мы через него не научимся складывать ни тех ни других. Знание, правда, не всегда приходит из книг, иногда их источником являются вкус, интуиция, чувство меры, внутренняя правда, врожденное чувство языка. Но что-нибудь прочное должно существовать как основа, иначе дом, который он строит, будет построен только на невежестве и самомнении.

Не из-за дикости, но инстинкт повелевает, когда иные говорят, что истина уже нам открыта и она сообщена в богодухновенной книге (Библии... или Коране... или Махабхарате... или Капитале) и остается ее изучать и по ней молиться, а значит не надо больше писать других книг, ибо это значит отвлекать человека от постижения уже ему данной в дар истины. Если Истина еще неизвестна, живем мы словно во тьме, и жить страшно. Поэтому при тектонических сдвигах, когда рушится привычное мировоззрение, хватается человек за что попало, вот ныне даже многие схватились за волхвов или за накопление богатства.

Да и не истину я ищу, говорит писатель, я надеюсь только развлечь читателя или преодолеть свое одиночество. Какая тут истина, если пишу я о приключениях, любовных коллизиях, зарабатывании денег, а то и сам не знаю, о чем пишу!?

Но так часто бывает, что выходя из дому утром, человек не уверен, что вернется к вечеру, выходя только за спичками, не знает, не найдет ли судьбу. Нашими намерениями, надеждами, мечтами, помыслами, а не только поступками жизнь пишет свою собственную книгу, в которой мы действующие лица, и когда мы знакомимся с случайным прохожим, возможно, мы выбираем друга на всю жизнь.

Льюис Кэрролл писал сказку для Алисы, написал же загадочную книгу для всех нас. Дефо и Свифт писали для тупоголовых взрослых, а их книги присвоили дети. И Платон, возможно, создавал только философский миф,

призванный иллюстрировать его воззрения на историю государственного устройства, а создал миф исторический, будоражащий наше сознание, как некогда миф о Трое. Троию нашли, и мы надеемся найти Атлантиду.

Многое заставляет глядеться в литературу *иррационально*.

Иногда какое-либо произведение того или иного писателя объявляют философским – значит ли это, что автор высказывает на страницах романа какие-либо философские взгляды, свои или чужие, или вкладывает их в уста героев? Тем более что развернутое философское исследование требует значительных усилий и должно бы занимать много места, в ущерб художественности. Нет, герои делают что и всегда, возможно, даже не пускаются в религиозные споры, как братья Карамазовы (Иван и Алеша), возможно, даже не читают философских книг, тем более может не присутствовать в романе обычная философская или историческая схема (она же математическая), когда высказывается некоторое утверждение, а затем последовательностью силлогизмов, иногда со ссылкой на авторитетов, с обширными из них цитатами, это утверждение доказывается или оправдывается.

В математике есть понятие *Точки сгущения*. Если множество имеет только одну такую точку, то вне ее, сколь бы малую окрестность ее мы ни брали, оказывается конечное число точек, а внутри – бесконечное, то есть, иначе говоря, ВСЕ точки такого множества помещаются в самую малую окрестность *Точки сгущения* (ибо конечное их количество в сравнении с бесконечностью все равно что ничто).

Этим свойством обладает литература. Только что я говорил, что в отличие от математики, где важно всеобщее и неважно индивидуальное, единичное, где важно тождество, справедливое ВСЕГДА, и неважно уравнение, справедливое лишь изредка, в литературе общее ни о чем не говорит, а только исключительное. Но теперь скажу прямо противоположное: имея в виду **ТИП и типическое**, мы должны признать, что он все равно что *точка сгущения*, он вмещает в себя ВСЁ, а вне его почти ничего. Так Тартюф и король Лир, леди Макбет и Ричард Третий, Тристан и Изольда, мадам Бовари и Этьен Сорель, хитроумный Одиссей и прекрасная Елена, Гобсек и Митрофанушка, Чацкий и Скалозуб и в особенности герои Мертвых душ – это точки сгущения человеческого муравейника, и даже бесчисленное число статистических описаний скажут нам о нем меньше, нежели эти типы.

Таким же свойством *сгущения* содержания обладает литература по отношению к высказываниям. Целый юридический кодекс, в который впрессован исторический опыт человечества, пытается доказать, что посягать на чужую жизнь – преступление, но он *устрашает, но не убеждает*.

Роман «Преступление и наказание» доказывает невозможность убийства, показывая, что наказание находится внутри человека.

То же самое справедливо относительно вечной идеи о существовании Бога. Сколько ломаем мы копий и перьев, доказывая и опровергая обе несомненные истины, а старец Зосима тихо возражает обеим сторонам спора: *Доказать ничего нельзя. Но можно проверить*.

Вот почему я пишу о математике и философии, об истории и грамматике –

все это имеет большее отношение к литературе, нежели правила композиции, правильное расположение кульминации, сочетание завязки и развязки, обрисовка характеров и тому подобные приемы литературного ремесла, приемы, с помощью которых возможно «алгеброй поверить гармонию», но не возможно создать нечто особенное, не предусмотренное правилами.

Даша Богомоллова (Увидеть Париж и жить) огорчена, что ее книгу не читают. Я написал ей письмо, в котором пытался ее приободрить, не знаю, удалось ли мне это.

Открываю Вашу книгу, вот отрывок:

«Что я делаю здесь, промозглой осенью, в незнакомом городе, такая одинокая и несчастная? Можно убежать от людей, но не от своего разбитого сердца, израненной души, не от своего жалкого и грустного прошлого». Я зашла в церковь. Запах ладана, пожилые женщины на скамейках, старинные иконы.

Я купила две дешевые свечи и остановилась около большого образа Богоматери.

– Господи, помоги, пошли мне двадцать тысяч долларов, и я верну их заблудшему рабу Твоему Василию, чтобы он не взял на душу еще один грех, – я нахмурилась. "Зря я шучу с Господом. Не знаю, верю ли я в Бога, не знаю, следит ли кто-нибудь за этим кошмаром, который происходит на земле. Почему-то нет уверенности ни в чем: ни в том, что существует Господь, ни в том, что у меня когда-нибудь будут дети, ни в том, что я выбрала правильный путь. Я точно знаю только то, что моя жизнь могла бы быть лучше. Мои бесконечные истерики, депрессии и нервные срывы, моя не сложившаяся карьера и семейная жизнь... Я виновата в этом сама, но с другой стороны, мне просто не повезло родиться на несчастной планете Земля". Господи, если Ты есть, то помоги мне! Я заблудилась, как в дремучем лесу, лишенном зелени и света, я без конца спотыкаюсь об коряги и скоро увязну в трясины и, может быть, пойду ко дну. И когда я буду умирать, то вспомню все, что было со мной, и на секунду почувствую радость от того, что я все-таки выпила напиток любви в мире скорби и слез.»

Настроение героини передано прекрасно, это смятение, этот сумбур, эта разорванная жизнь... И остальной текст энергичен и выразителен.

Чего не хватает в книгах современных авторов? Прежде всего, недостаточно точный, недостаточно богатый и выразительный язык...

Второе: Недостаточная плотность культуры и философии.

О разных шероховатостях я Вам говорил, Вы не слушались, надо "физиологию" давать обиняками и пунктиром.

Что же пишет рецензент?

«Убрать эту бесконечную беготню и смену настроения по три раза на странице ... было бы уже лучше».

Мне неловко заочно ругать незнакомое человека, но он пишет глупости. Он предлагает убрать то, что является достоинством книги, «бесконечную беготню и смену настроения по три раза на странице». Сюжет и занимательность, подогнанность мизансцен друг к другу, вся эта

современная технология масс-культуры, все это не только чепуха, но разрушение действительной жизни.

Есть разные задачи: как сделать так, чтобы текст читали, и как сделать его *лучше*.

Иногда, делая его ЛУЧШЕ, мы уменьшаем количество читателей. Вы хотите совершенствоваться как художник или как производитель пелевинско-бакунинской макулатуры?

Если я отметил Ваш текст, если пишу Вам письмо, то это высокая оценка. У меня только три читательницы, и я пытаюсь совершенствоваться, но не с тем, чтобы меня читали больше. Махнем рукой на читателя.

А у Вас их даже 16, гораздо больше, чем у меня.

«... сегодня не читают ни Достоевского, ни Тургенева, читатель уснул или спился». Не стремитесь ему угодать, а тем более современным критикам и рецензентам. Они пишут об антилитературе и дают советы по ее производству на ткацком станке.

Хотите писать еще лучше, продолжайте страдать.

Чтобы стать значительным писателем, недостаточно только овладеть приемами ремесла, изучать наставления знатоков. А, скорее сказать, лучше их и не изучать. Пушкину в Лицее преподавали правила стихосложения, а Лермонтов их не изучал, и разве мы можем сказать, что кто-то их *научил* писать? Необходим врожденный талант, как его получить, я не знаю.

Но кое что из необходимого я могу посоветовать. Нужно любить и знать Россию, ее язык и ее литературу. И нужно знать и чувствовать ПРАВДУ. Без правды никакая самая совершенная форма ничего не значит.

Но надо иметь представление и о неправде, чтобы ей противостоять.

Заканчивая сию главу, добавлю, что такие злокозненные мифы, не имеющие корней в Российской истории, началом имеют, как правило, эпоху советской власти, которая себя противопоставляла России и Россию ненавидела. Кто они были, авторы этих мифов? Всякие. Но преимущественно отступники от России.

[И кстати сказать, а не отступником ли от своего народа был и апостол Павел? Так что это давняя традиция: при смене эпохи порывать с национальными корнями (и даже с языком. Павел писал по древнегречески).]

Но представление об отступничестве не имеет, к сожалению, общего знаменателя. Коммунистическая власть, предавшая Россию, отступником называла меня (в числе других инакомыслящих). Не отступниками, не отщепенцами были только те, кто в общем строю, кто «все как один».

Только из тех, кто «в общем строю», писатель и поэт и мыслитель не получится или деградирует. В этом убедился Маяковский, расписавшийся за свое знание кровью. Писатель НЕ в общем строю не только с государством, с правящим сословием и монархом (президентом, узурпатором, тираном), но и с обществом, с тотальной идеологией (марксизмом или христианством), и даже с народом. Вот почему и сочинения и сама судьба гениального поэта поучительны!

Глава шестая

ВОЛЯ К СМЕРТИ И ПРЕОДОЛЕНИЕ***1. Нецельность и противоречивость личности***

Раздвоены и расстроены, противоречивы в той или иной степени почти все, только параноики и шизофреники цельны, они нанизаны на несгибаемую мысль или несгибаемое чувство. Противоречива мысль и высказывание, словесный ряд, передающий строго заданную информацию, ряд, лишенный метафор, гипербол и иносказаний, и тысячи других оттенков мысли и чувства, не принадлежащих заданному, возможен только в математической теореме или в высказывании психически больного (а, если вы не знаете, то напоминаю: эти высказывания строго логичны, прямолинейны, лишены обертонов и экивоков).

Противоречивее всего материалисты. Они живут, чувствуют, верят, поступают по совести или бессовестно, восторгаются красотой или возмущаются безобразием, восхищаются божьим миром вокруг себя точно так же, как и все остальные, но при этом объясняют себе и другим мир так, что ни совести, ни добра ни зла, ни красоты ни безобразия нет, что и любви нет, а есть только или половой инстинкт или инстинкт размножения (правда, что-то такое, что они называют инстинктом, они все таки принимают).

Больше всего их возмущает идея созданности человеческого, духовного мира, то есть прежде всего культуры, они или наряжают эту идею в разные одежды, чтобы ее не узнать, например, говорят, что человека и все остальное удивительное *создала Природа*, но, правда, спохватываются и оправдываются: природа де не живая, она по сути ничего не создавала, а все само собой, случайно, или по сумме случайностей... и так далее..

Наконец, ухватились за компьютер. Вот он уже почти мыслит, а скоро *мы* из него *сами создадим человека*.

Бог мыслящее существо создать не мог, и вообще Бога нет. А вот человек, создавшийся сам собой, сначала из протоплазмы (а она тоже сама собой), а потом из обезьяны, мыслящее существо создать сможет.

В действительности, разговор с материалистами можно и следует вести в другой плоскости. Они не возражают, что существует материя. Более того, некоторые из них даже согласны, что существует и дух, происходящий из материи, но ВТОРИЧНЫЙ по отношению к ней. (С теми, кто полагает, что духа нет вовсе, а есть ТОЛЬКО материя, трудно найти какие-то точки соприкосновения для продуктивного разговора).

Ну и ладно, пусть даже и произошел Дух из материи, но поелику он все таки существует, и, следовательно, существует всё духовное, и красота, и добро, и математика (а математика не появилась сама собой, из суммы случайностей, но целенаправленно созидалась, с этим никто не спорит), то на почве духовного мы можем поддерживать разговор и даже писать и читать романы. Мне пока этого достаточно.

Идеалисты, а особенно верующие в Бога и придерживающиеся той точки зрения, что мир создан Богом, а тем более человек и все остальное, и красота и добро, противоречивы тоже, а некоторые даже еще более противоречивы, чем материалисты.

Уж если Бог и человека и мир создал, то он на этом не остановился, и он, как механик, регулирует все в этом мире. Это и логично. Если я построил ветряную мельницу, то я и руковожу ею, засыпаю зерно, регулирую направление лопастей и так далее, но сама собой мельница не работает. Вот так и взаимоотношения мира и Бога: верующий убежден (а так и Христос сказал) что «у человека даже и все волосы на голове сосчитаны». Ну, тогда, значит, наши лопасти не вертятся сами собой.

Но в то же время и с идеалистами удастся иногда находить общий язык, и свидания назначать, и в баню ходить, и кое что они делают по собственной воле, не спрашивая указаний свыше.

И даже они признают, что материя существует, и либо она изначально сама по себе, либо она и создана и руководится Богом, либо проистекает из духа – но существует. Ну и ладно, возможно и с идеалистами на почве духовного поддерживать разговор и даже писать и читать романы. Мне пока этого достаточно тоже.

О противоречиях личности, ее взглядов на мир, рассуждений, восприятий и устремлений мы еще будем говорить, это пока только вступление.

2. Что это такое – отдельный?

А разве в том дело, противоречив или нет тот или иной человек, когда еще неизвестно, что он на самом деле? Иной уверен, что он верит в Бога, а сам даже не знает, в какого Бога он верит, очень смутно представляет себе саму идею божества, и иногда даже лучше было бы, чтобы не верил, потому что иногда этой своей верой мучает и себя и других. Вот так же даже нельзя точно утверждать, хорош тот или иной человек или плох. Плохие, безусловно, есть, но почти все они про себя думают, что они хорошие, кроме уж совсем отъявленных негодяев, похваляющихся даже своим негодяйством.

Так что кто по существу толком понимает, материалист он или идеалист, если большинство имеет обо всех этих «материях» самое смутное представление? Литература, как правило, не квалифицирует философскую соотнесенность своих героев, не всегда даже ясно, верующий он или нет, например, христианин ли Иван Карамазов (прообразом которого, как полагают, был не кто иной, как Герцен, который до тридцати лет был исключительно религиозен) – но в то же время сам характер данного героя представляется обычно ясно и глубоко и чуть ли не исчерпывающе, литература дает нам не описание и не объяснение героя, а ОБРАЗ его, который гораздо содержательнее и сгущеннее любого описания и объяснения. И вот что так же удивительно: представление понятия или идеи, обоснование ее, данное по всей видимости философски, «силлогически», в виде обосновывающего и выводящего ряда силлогизмов, часто оказывается несостоятельным или противоречивым, а литературный ОБРАЗ той же идеи прочен и несокрушим.

Что можно понять в религиозности большинства современных русских людей, если они не могут отличить иудаизм от христианства и последнее от ислама или буддизма, и даже считают, что это не существенно, что достаточно только признавать, что есть некая сила, большая человека, которая миром руководит, и это и значит быть верующим? А в чем сущность христианства, почему оно так называется и чему учит, к чему призывает – нет, внятного ответа большинство дать не может. И даже если они ходят в церковь, то не читали не только Ветхий Завет, но и Новый (правда, Розанов – ну, это из пугаников пуганик, он на одной странице может себя и утвердить и опровергнуть – утверждает, что это и не важно, что вот бабка придет в церковь, зажжет свечку, и это больше всех научных и философских рассуждений ученого и философа).

Вот я утверждал и обосновывал, что национальность – это язык, и не только в предыдущей книге, но и в других предыдущих, и приводил множество убедительных примеров (от Екатерины Великой до Даля и Маннергейма), доказывающих справедливость этого утверждения, но есть и другие, не менее удивительные и убедительные примеры, опровергающие это мое верование.

Вот крестьяне Тамбовской губернии в 19-м веке зачитались Ветхим Заветом и перешли в иудаизм (правда, они еще и иврит изучили и стали на нем разговаривать), а в двадцатом, при Хрущеве, попросились в Израиль и стали до конца еврейями (так, белобрысыми, и живут в Палестине); а в то же время большинство тех, кто изо всех стран мира переехал на свою историческую родину, не только языка прародителей не знали, но и верующими не были – евреи ли они? В 69-м году группа убежденных сионистов пыталась даже самолет захватить, чтобы на нем улететь в Израиль, а их предводитель перед тем отсидел семь лет как антисемит (не знал он, что у него папа еврей); дали ему за самолет сначала высшую меру, потом пятнадцать лет, теперь он в Израиле издает газету на русском языке.

Я пытаюсь их убеждать (а они в большинстве люди русской культуры, и родители и деды их жили в России), что нам надо сообща воссоздавать *Россию как русское национальное государство*, не взирая на «кровь и плоть», то есть исходя не из этнической принадлежности, не из МАТЕРИИ, но из ДУХА – нет, начинают они возражать, что Россия не только для русских (а я разве спорю?!), что национализм пагубен (как и определенная половая принадлежность), и что надо всем смешаться в одном котле и в одной постели.

А среди них идеалистов даже больше (по философской принадлежности), чем материалистов, и они в ученых разговорах красноречиво обосновывают, что ДУХ ПЕРВИЧЕН. Но вот поди ж ты, в отношении национальности это оказывается не так, дух и культура уступают – чему? Памяти? Так ведь и в моей русскости не только память о деревне, но и память о Бородино и Куликовской битве, которых я не помню, но которые стал помнить как часть культуры, и народные песни, которые не все пела мне мать, но большинство услышал с грампластинок.

Может ли философия объяснить мне человека? Увы, нет. Но литература мне его отчасти объясняет, по крайней мере, мое понимание мира и человека воспитывается литературой, мой способ мыслить и понимать основывается не только на математике и философии, но и на мировоззрении, которое ближе к образному представлению и пониманию, нежели к силлогистическому.

Может ли литература быть философией, а писатель – философом? Ответ на этот вопрос зависит не только от тех книг, которые мы читаем, но и от того, как мы их читаем. В пространстве литературного мифа содержится не только эстетическое и этическое, но и логическое, не только частное и индивидуальное, но и общее, и особенное (как особые решения дифференциальных уравнений), и исключительное. Литературный миф потому богаче в своем представлении и изображении не только мифа но и жизни, что в нем и мысль, и чувство, и изображение и действие, в нем полнота бытия. И именно поэтому действительность предстает в романе сгущенной, представляя и общее и индивидуальное.

3. Научное знание и постижение.

Сегодня сциентизм, то есть представление о науке как о некоем универсальном методе понимания мира и человека, в сравнении с которым и литература и философия и религия второстепенны, ущербны, уже не воодушевляет умы; уже нет почти всеобщего убеждения в том, что только научное знание точно, достоверно, всеобъемлюще... и что вне научного знания вообще не о чем говорить: дикость и невежество. И что пасечник может быть глубже, интереснее, духовнее выдающегося ученого, вчера вызывало только смех, а сегодня – скорее всего, это так...

И вот вчера на философском вечере я слушал доклад о Герцене.

Из выступлений участников я или узнал, или вспомнил много нового, потому что Герцена не читал уже очень давно.

Родился он в 1812-м году, сын богатейшего русского барина Яковлева и немки Луизы Гааг, которую Яковлев, возвращаясь после многолетнего путешествия по Европе, взял с собою в Москву. В 1833 г. Герцен окончил физико-математический факультет Московского университета, со степенью кандидата и серебряною медалью, по специальности астрономия, научный руководитель даже держал для него место на кафедре, но к профессиональным занятиям Герцен так и не приступил.

В становлении его личности существенную роль играет дружба с поэтом Огаревым, тюремное заключение в 1834 году, затем ссылка в Вятку с зачислением в качестве "канцеляриста" на службу к губернатору. В это время путешествовал по России, в сопровождении Жуковского и Арсеньева, бывший тогда наследником престола Александр Николаевич. Губернатор получил из Петербурга приказание, для ознакомления наследника с естественными богатствами края, устроить в Вятке выставку. Пришлось обратиться к Герцену, который давал и объяснения наследнику.

На рубеже 30-х и 40-х годов Герцен служит в Новгороде и Петербурге, выходит в отставку и посвящает себя литературной работе.

С 1842 года по 1847-ой он живет в Москве, сближается с Белинским и славянофилами, пишет циклы статей о «Дилетантизме в науке», "Письма об изучении природы", где под "наукой" понимает вообще теоретическую работу человеческой мысли и в частности – философию, роман "Кто виноват", повесть "Сорока-воровка" и другие статьи. (Дальнейшая его жизнь общеизвестна, он эмигрирует, живет во Франции, Италии, Швейцарии, Англии, пишет эпические воспоминания «Былое и думы», множество статей, издает революционный журнал «Колокол», участвует в европейском революционном движении).

Восторженное отношение Герцена к науке в его первых статьях несомненно, в ней он видит новую религию, именно она должна просветить человечество и спасти, объяснить ему его путь и предназначение.

Но при этом занятия наукой должны быть высоко профессиональными, главная опасность для нее – *дилетантизм*.

Но вот что удивительно: сколько бы он ни писал о науке, наукой он не занимался, да и в центре его *образа совершенного человека* оказывается не ученый, а *в совершенстве образованный человек*.

Чтобы понять тот или иной характер, то или иное явление в мире и обществе, я всматриваюсь в себя и в обстоятельства собственной жизни. Внешнее, объективное, я сравниваю с внутренним, субъективным (ибо я эгоцентрист, во-первых, и таков литературный метод вообще, во-вторых).

Но сравниться с Герценом было особенно удивительно и поучительно. Я тоже окончил математический факультет, специализировался сначала в астрономии, затем в математике, наукой почти не занимался (хотя преподавал математику и написал позднее даже Учебник), а мою работу в научных учреждениях скорее можно сопоставить со службой Герцена в губернских канцеляриях, ибо она носила не научный характер, а прикладной.

В молодости тоже сидел в тюрьме, пережил период религиозной экзальтации, увлекался и социализмом и Гегелем, затем писал статьи и романы, но носили они скорее публицистический характер, нежели художественный или философский.

Одна из первых моих «полуфилософских» работ называлась «Оправдание дилетантов» (позднее невежды меня допекли и я ее переписал как «Невежество и дилетантизм»).

Герцен обличал дилетантизм, я его защищал. Сходны ли наши воззрения?

Он был глубоко русским человеком, заявил я в дискуссии после доклада, прежде всего в силу противоречивости и нецельности природы, смятения в душе и метаний во взглядах. Мать его немка, казалось бы, одной стороной своей природы он европеец, но Европа показалась ему еще более пошлой, узкой и догматической, чем Россия. Да и мы, кто бы ни был одной половиной нашей души, всегда раздвоены, тянемся к Европе и ее презираем. Тянемся к образованию и философии, но не в состоянии вынести немецкую научную педантичность, наша собственная русская философия сторонится систематичности и правильности, мы как Розанов то кричим: Бей ... неважно кого, то татар, то немцев, то «жидов», – то лезем к ним целоваться.

Герцен во многом предшественник Розанова (как и Розанов мне предшествует и меня во многом учит, как бы я от него ни отрекался). [Правда, Пушкин их отчасти уравнивает, а то быть бы мне революционером.]

Напали на Герцена участники нашего кружка за все: и за дилетантизм (а это наша русская национальная черта, в нем наша широта, потому что профессиональная узость нам чужда), и за антимонархизм (или Пушкин был монархистом), и за отступничество от христианства (будто мы всенародно не отрекались от него, и сегодняшнее возвращение наполовину не лицемерно), и за аморальность личной жизни – ну, Герцен только тем отличается от многих наших великих, что публично в своих грехах каялся, что, пожалуй, его главный и действительный грех. (О себе я умалчиваю. Достаточно того, что я сознался в своем эгоцентризме).

Русский человек не повторит за Декартом: Я мыслю, следовательно, я существую! – нет, он воскликнет иначе: *Я чувствую, и только поэтому я существую!* Именно поэтому нашей философией является литература, и даже наша математика – геометрия Лобачевского, утверждающая, что параллельные прямые тоже пересекаются или их бесконечное множество.

Мы стремимся не к познанию мира, а к его сверхбыденному восприятию и пониманию, то есть к *постижению*. Поэтому *не силлогизм, а образ* – в центре нашего философского метода, и не философ а поэт в центре русской культуры, не Кант а Пушкин!

4. Универсальность.

Дилетантизм – это недовершенность, ступень, предшествующая цели наших устремлений, то есть *универсальности*. Мы предпочитаем и жаждем *знать всё* (хотя бы даже поверхностно), чем что-то одно (хотя бы и основательно).

Основательные направления мысли, казалось бы, основанные на обширном знании, на системе, на всеохватности – часто заводят в тупик. Мысль, казалось бы, все объяснила, мир «разят как труп», «поверен алгеброй» – но дышать больше нечем, на шею наброшена удавка, горло стиснуто, и в глазах меркнет.

Такова философия марксизма, такова эволюционная теория Дарвина.

У эпигонов эта душливость проявляется сильнее всего. Пока я в подпольном кружке изучал и проповедовал Капитал, я еще не задыхался, но когда взялся за Энгельса, за его «Диалектику природы» (сборник бездарных популяризаторских статей), а затем за его «Антидюринг» (самодовольные поучения капрала), я в первый раз впал в депрессию и задумался о веревке. Жить мне расхотелось, мне казалось, что я и обречен на гниение и уже в процессе жизни, в этом гадком «способе существования белковых тел», по определению Энгельса, гнию заживо.

Но когда обрушилось на меня самое верное в мире учение о происхождении всего сущего из атомов, когда железобетонная система диктатуры пролетариата, когда вопиющая и бесстыдная демагогия диалектического оправдания «диктатуры как высшей формы демократии» заполонила

все умы, я умер без веревки. Страшно было не то, что КГБ предъявляло обвинение в клевете тем, кто утверждал, что в СССР нет свободы слова, и заключал таких клеветников в тюрьму, но то, что ВСЕ КАК ОДИН веровали в эту систему лжи и мракобесия. Мрак объял Россию, а весь народ почти до единого поклонялся мраку. Для защиты социализма в Праге от самых верных его поклонников, от «романтиков социализма» – в Прагу были введены советские войска. С протестом вышли только СЕМЬ человек на двухсот семидесяти миллионную страну.

Зачем я об этом пишу? Какое это имеет отношение к литературе и поэзии, к русскому языку, к глагольным рифмам, скудости метафор, пошлости и подлости сегодняшней жизни?

Но только это и имеет отношение к поэзии и литературе, а не правила стихосложения!

Если у нас повреждены зрение и слух, если мы плохо видим и слышим, то мы обречены на самое «среднее в мире образование», на бессилие мысли и чувства. Даже если в театр приходит мало зрителей, даже если книги перестают читать, даже если вместо музыки в ушах назойливо звучит там-там, избранные должны делать свое духовное делание совершенно, слово их должно быть безупречно, мысль разяща, а чувство вызывать СОЧУВСТВИЕ. И тогда, сколь бы ни была сурова зима мрака, настанет сияние весеннего утра.

«Товарищ, верь, взойдет она,
Звезда пленительного счастья!

Россия вспрянет ото сна...» – завещал нам великий Пушкин.

Почему и через сто семьдесят пять лет после его смерти именно в стихах Пушкина мы находим объяснение и надежду? Потому что он был УНИВЕРСАЛЕН, он откликнулся на ВСЕ явления духовной жизни, воистину он был «всем во всем».

Но можем ли мы стать как он? Мы должны к этому стремиться!

Меня обрадовала замечательная Е. Л., когда в ответ на мои заклинания коротко сказала: Так это же очевидно! Может быть, не всем суждено дойти до вершины, но надо к ней идти, а там уж как получится...

Не эрудиция нас вдохновляет, а соучастие. Многие явления жизни и идеи мы начинаем понимать, всматриваясь в творчество и личность великого поэта, философа, писателя – Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого. Пушкин поучителен не только тем, что он соединил в себе все самое характерное, что находим мы в гениальном поэте или в высоко образованном человеке, а тем, что он принимал почти всех, в каждом поэте находил важное, художественные достоинства. Он был «всеяден».

Да и как понять другое? Из сопоставления разного другого. Но существует сопоставление своего и другого, сравнение их, когда исследователь и писатель находят в другом то, что прежде нашли в себе. Познавая свое, мы познаем и другое. Писатель в себе находит черты Дон-Кихота, Дон-Жуана, Мефистофеля, Смердякова, Гамлета, короля Лира и даже «Леди Макбет Мценского уезда». В другом мы находим свое, в своем другого. Но в гении поучительны и жизнь и смерть!

5. Эволюция камня в растение, мертвого в живое

Что всё подвержено тлению, что всё клонится к увяданию, бытийное – к небытию, это мы к прискорбию нашему постоянно видим и переживаем.

И в этом знании мы никогда не найдем утешения. Но и во многом другом знании (хотя и не во всем) многая печали...

Следовательно, знание знанию рознь, и убеждать в этом кого бы то ни было излишне.

Да, кстати, об убеждении. Я в своих «полуфилософских» заметках тщусь доказать иногда даже ничтожное положение, вижу его справедливость, уверен в нем, а даже самому себе доказать не могу. И вот наконец оставил я это бесплодное занятие. Надо уподобиться писателю и поэту. Разве Пушкин в своей драме «Моцарт и Сальери» что-нибудь доказывает? Он даже не ставит оценки, он не говорит, что хорошо и что плохо, это уж мы сами... И я вижу, что такой метод эффективнее всякой математики: литературные теоремы тоже математичны, в романе дается картина мира, представлено на суд читателя мировоззрение, и даже не одно, но добро и зло разделены сами собою, без дополнительных усилий автора. Мы сочувствуем Лиру, сочувствуем Гамлету, негодуем леди Макбет, рыдаем над злосчастной судьбою Жанны, и ее правота очевиднее всех простых чисел натурального ряда, но в отличие от Парижского процесса и гнусного Кошона и подлого поведения инквизиции, нам не требуются доказательства: они заключены в ее личности, в ее святом образе.

Самая экономная математика в трагедии и романе, и самая неопровержимая. Нет ничего в выдающихся произведениях художественности, что автор хотел бы доказать и не доказал, доказано ВСЁ – а вот вопреки тому, что мы видим, что «всё клонится к увяданию, бытийное – к небытию», потенциальная и кинетическая энергия переходят в энтропию, а живое прекращается в смерти, высокоорганизованное разрушается, вопреки очевидному знанию большинство людей верит, что когда-то из материи возник дух, в бесплодном камне зародилась жизнь, и обезьяна превратилась в человека.

Что автор создает роман усилием духа, что зодчий воздвигает Парфенон, а Фидий созидает фигуры богов, то есть человеческое, казалось бы, несовершенное, превращается в совершенные творения культуры, нам ясно, но эти творения не оживают даже при сознательных усилиях духа. И в то же время человек уверен, что сочетание случайностей из мертвой материи сотворило живое, а затем из неразумного разумное.

Что при преобразовании вещества возникает новое качество, несомненно, сгорая в кислороде, водород порождает воду: но эта способность УЖЕ заключена в обоих элемента, одни формы материи преобразуются в другие, и новое качество заключено в своей причине.

Но тогда либо жизнь заключена в бездушной материи как *потенция* – а такую материю, с встроенной в нее способностью порождать жизнь, я принимаю как духовную субстанцию; либо новое качество возникает само собою, ниоткуда. Материалист, следующий науке, твердо знает, что вещество

не возникает и не исчезает, так же и энергия: но как же он может верить в то, что *возникают качества*, даже потенциалов которых не было в бездушном веществе?

Идея эволюции заключается не в том, что мы признаем изменчивость сущего, еще Гераклит сказал, что все течет и все изменяется, – но реки текут вниз, а горячий воздух устремляется вверх. Растения увядают, и даже осень, пора увядания, не сохраняется, а, умирая, переходит в зиму.

Прощаюсь с осенью. Пора
Искать истоки новой жизни.
Они, быть может, даже близ, не
Отдаляясь от пера.

Что ж, покоряюсь неге снега,
Вдыхаю воздух, свет ледяной,
Перехожу на хлеб ржаной,
Слегка мороженный. А с неба
Все сеет, сеет Бог крестьян.
И, к новой жизни приготовясь,
Еще не избран, только зван,
Читаю день с утра как повесть.

Прощаюсь с осенью. Она
Меня звалá, манила, злила,
Слегка, по-своему, любила,
Все слезы в жалости излила, –
Пока не выпила до дна.

Если вдруг даже в неживой вселенной, в бесформенной, существующей только как хаос, началось движение к возвышению – беспричинно, без оснований, без заключенной в этом хаосе *потенци космоса* (как верят поклонники материи), то в живой вселенной, обреченной на смерть, не возникнет ли вдруг движение вспять, тоже беспричинно, и вместо того, чтобы окончательно умереть, не оживет ли умершее? Не произойдет ли чудо воскресения (или хотя бы исчезания смерти)? Материалист говорит, что чудес не бывает, воскресение невозможно. Но *возникновение жизни*, чудо еще большее, чем *воскресение*, он допускает (при этом отрицая какие бы то ни было сверхъестественные причины такого чуда)... Ну что ж...

6. Воля к жизни.

Что неживая материя сама по себе обладает какими бы то ни было способностями, я представить себе не могу. Даже то, что она СУЩЕСТВУЕТ, не является ее собственным качеством, если нет оппозиции, того, что эту материю воспринимает и оценивает как существующую. Пуст мир или наполнен, он сам про себя этого ни сказать не может, ни помыслить, ни даже смутно почувствовать, ибо ни способностью говорить, ни способностью мыслить, ни способностью хотя бы смутно чувствовать он не обладает. И нет никого рядом. Следовательно, скорее всего, мир пуст. А еще скорее, что его и вовсе нет, ни пустого, ни полного.

Но *живое* обладает и мыслью, и чувством, и волей. И стремлением. Стоя у подножия горы, я *хочу* на нее подняться. Или не *хочу*.

Будучи голодным, я *хочу* насытиться. Пребывающий в неподвижности, вдруг *вознамериваюсь* «встать и пойти». Или НЕ *вознамериваюсь*.

Но довольно сложно понять мне намерение, *желание НЕ*: не подниматься на гору, не идти, не насыщаться. И наш язык, всегда очень точный, так и определяет: я НЕ *ХОЧУ* идти. Но что бы значило, если бы мы сказали: я *хочу* не изменять известное состояние? Не хотеть его изменять легче, чем хотеть не изменять.

Поэтому точно так же несколько загадочно представить волю к жизни, пока человек жив. По-видимому, такая воля не волился, мы живы не потому, что есть воля к жизни, а потому, что нет воли и действий, изменяющих состояние бытия.

Жизнь может нравиться, от нее можно испытывать удовольствие или неудовольствие, но даже просыпаемся мы не потому, что в основе пробуждения появилась воля к нему: нет, нас или разбудил будильник, или нечто внешнее, или мы больше не хотим спать, выспались.

Итак, живем мы потому, что ничто внешнее не прерывает нашу жизнь (внешнее по отношению к состоянию жизни) или не появилось воли к прекращению жизни, то есть воли к смерти.

Грустно так заключать эту казалось бы словесную казуистику: *нет логики в воле к жизни* (пока ее что-нибудь не попытается прекратить, ибо в таком только случае мы сможем, если захотим, противодействовать чужой силе, и эта-то жажда противодействия и явится волей к жизни). Но в воле к смерти логика есть.

Однако существует ли воля к смерти?

7. Воля к смерти.

Творческая личность часто балансирует на краю жизни – в силу ли внешних обстоятельств, разлада с жизнью, имманентного чувства и сознания трагичности бытия. Гений нередко пишет о смерти, даже тогда, когда жизнь в нем сверкает и переливается через край (Пир во время чумы, Каменный гость, Моцарт и Сальери, Борис Годунов, ...), да и трудно назвать значительное произведение гения, в котором не присутствовала бы смерть. Впрочем, возможно ли из этого делать вывод, что гений стремится к смерти?

Что размышляет о ней, чувствует, предчувствует – да, но не стремится?

Я пишу совсем не для того, чтобы побуждать себя или читателя к смерти, ссылаясь на то, что гениям такое стремление, якобы, присуще, напротив, я *хочу* понять мотивы и причины притяжения к ней, чтобы самому действительно противостоять смерти, возвыситься над смертью, освободиться от ее тирании.

Мой давнишний «друг» апостол Павел победил и страх смерти, и ощущение ее власти, и ее присутствия в мире, уверовав в Воскресение Иисуса Христа. *Веры в Бога ему было недостаточно*, чтобы обрести устойчивость и гармонию, он и до того был ревностным верующим, иудеем.

Недостаточно ему было и веры в Сына Божия (которого в наибольшей

степени идеологически и теологически усыновил иудейскому Богу именно он сам), недостаточно веры в то, что Христос освободил человека от «онтологического греха» (вот на этом, читатель, остановись хотя бы на мгновение: Христос освободил нас не от наших насущных грехов, которые мы сами должны преодолеть и искупить и не делать, но от первородного, «онтологического греха», независимого от того, праведно или неправедно мы живем, который перешел к нам от Адама и Евы, и который состоит в том... а вот это-то является камнем преткновения не только для меня, но и для христианского богословия); но *недостаточно было апостолу Павлу и искупления, освобождения от первородного греха*. Нет, ему было необходимо ВОСКРЕСЕНИЕ. *Если Христос не воскрес, то вера наша тщетна*, восклицал он. Именно вера в *воскресение* и является сердцевинной и сущностью христианства, а НЕ вера в Бога, которая есть во всех религиях (но только в христианстве есть *воскресение!*)

Я размышляю над двумя проблемами:

Почему человек умирает? И (в связи с этим) почему он иногда даже стремится к смерти (помогает ей, виновен в ее наступлении)?

Можно ли освободиться от страха и притяжения смерти, жажды ее, представления о ней как избавительнице, *можно ли преодолеть волю к смерти* хотя бы в определенном периоде жизни, *можно ли над смертью возвыситься?*

Вот это последнее меня привлекает прежде всего.

Я буду говорить об известных мне явлениях в литературе, но только для того, чтобы понять самого себя, чтобы преодолеть и спасти самого себя. Я волную себя, но не читатель. Не читателю хочу я помочь, но себе. Читатель, поэтому, может меня уже больше не читать. При этом я пишу и рассуждаю в пределах мифа о самом себе (то есть о себе только *действительном*), но это более я, чем тот, который существует в *реальной* жизни.) [Надеюсь, читатель не забыл о моем противопоставлении *действительности* и *реальности?*]

Однако, это и не совсем так.

Мои рассуждения, мое исследование собственной души может оказаться полезно *писателю*. Серьезный, *метафизический роман* не возможен без полного понимания русской литературы, вобравшей в себя трагедию бытия во всей полноте ее трагичности, и НЕ преодолевающей эту трагедию через религию. Литературный герой может находить спасение в чем угодно, но литература представляет мир в его полноте, и не включает пространство литературного мира в идеологию, философию, религию, но их включает в пространство литературного мира. Это пространство не останавливается на границе обретения религиозной истины, но открыто для продолжения. Таким образом, только литература учит духовной свободе. Смерть она тоже преодолевает – но только в надежде. (Но о СВОБОДЕ в литературе еще предстоит писать).

Итак, *жизнь и смерть*, рождение и смерть не отделимы, любовь и ненависть часто не отделимы тоже, трагедия встроена в жизнь множеством механизмов, соединений, связей, капилляров, отмахнуться от нее пошлым оптимизмом невозможно.

Но пока мы живы, именно ЖИЗНЬ а не смерть должна преобладать по крайней мере в нашем творчестве. Даже в пору полного уныния я не мог исповедовать христианское смирение, не мог разделять христианскую проповедь *жить аки умереть*. Нет, лучше сказать, что я был жив более монаха даже на операционном столе, даже лежа на нем, готовясь к временной потере сознания, я пытался разглядеть очаровательное личико молодой медсестры, поправляющей мне изголовье. «Не забудьте меня разбудить!», прошептал я ей, пытаюсь шутить.

Итак, действительно ли существует воля к смерти, и она определяет трагические события в жизни поэта (писателя), или существуют только временные помутнения чувства и сознания, состояния стресса, аффекты, в которых человек поступает не так, как ему это обычно свойственно?

Это мы вскоре узнаем, а пока я должен напомнить читателю о том методе, которым доказываю свои утверждения. Это основной метод литературы, метод ИММАНЕНТНОГО доказательства, так я его называю. Он состоит в том, что автор в обычном смысле этого слова ничего не доказывает, он даже *не всегда* это *показывает в образе* и в замечаниях, между ним и читателем устанавливаются отношения доверия, даже ВЕРЫ, и читатель верит каждому замечанию автора относительно событий и положений и характеров героев – да и в том дело, что и сам автор верит тому голосу, который ему диктует все самое главное, он ему доверяет, и воспроизводит его пожелания на страницах повествования. Если Толстой пишет, что у Наполеона были жирные толстые ляжки, то так оно и было, возможно, был какой-нибудь другой Наполеон, у которого ляжки были другими, но он был у французов, а тот Наполеон, что у русских, был именно таков, каким его описал Толстой.

И «властитель жалкий и лукавый... ах, нет, оказывается:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Это об Александре Первом. Или кто-нибудь будет искать доказательства Пушкинской правоты? Нет, но при случае, чтобы чью-то чужую правоту или неправоту доказать, мы можем сослаться на Пушкина.

ИММАНЕНТНО содержащиеся в великом художественном произведении *Истины* являются не теоремами, не допущениями, они АКСИОМЫ, из них вытекает справедливость всех других истин. Аксиоматику русской философии, истории, веры и культуры задает русская литература девятнадцатого преимущественно (но не только) столетия, а в нем – Пушкин, Лермонтов, Достоевский и Толстой (но тоже не только). И их, эти аксиомы, критика, литературоведение, история литературы, философия искусства и философия литературы принимают за основания своих выводов, ибо сами эти разделы общей литературы в ее целом не производят своих собственных аксиом, а опираются на те, которые даны в *художественной литературе*.

Таким образом, мои утверждения тоже по преимуществу аксиоматичны (кроме тех, в которых я сам не уверен, а тогда я об этом сообщаю читателю).

Кто-то подумает о самомнении... нет, таков и вообще поэтический метод. Если поэт сообщает, что «дохнул осенний хлад», то не надо и на улицу выглядывать, это так. А если бы даже «хлад» замешкался, то после строк поэта он тут же бы поспешно дохнул.

Итак, пространное вступление призвано освободить меня от необходимости пространных комментариев и доказательств некоторых, на первый взгляд, спорных утверждений: но к ним нужно привыкнуть, их нужно усвоить, и в них уже сомневаться не надо.

Однако, в отличие от марксизма-ленинизма, мой взгляд на мир, моя, так сказать, «полуфилософская» система представлений и утверждений и объяснений, не закрывают мир, не ограничивают духовную свободу, в отличие от «единственно верного учения», потому что не являются единственно верными, они вроде геометрии Лобачевского: желающие могут мыслить, чувствовать и жить по геометрии Евклида или по геометрии Гаусса.

Образцом таких аксиом, которые не требуют доказательства, ибо самоочевидны, являются стихи.

Фигура, голос, взгляд – я все в тебе жалею,
Прощаю и тоску, хоть ты ее виной.
Я все в тебе люблю: уста, ланиты, шею,
Перечислять готов! – но более не смею:
Стеснительность в тебе и цензор надо мной.
Люблю тебя как снег, с холодной белизною,
Как в небе звездный жар, как блеск подлунных вод.
Подобна ты всему: морозу, ветру, зною...
Ты бесподобней всех! Я сам тому виною:
Отдал тебе ребро, надеялся... и вот...

Но вернемся к *Воле к смерти*.

Но прежде чем заговорить о *воле*, поговорим о *вине*.

Один мой старый товарищ, ныне покойный, был человеком по-деревенски православным. У него и дом был в деревне недалеко от Питера, так что даже на велосипеде к нему можно было приехать, и баня, и квашеная капуста в бочке, и иконы и печь и лампада в углу. Он был неспешным, рассудительным, спокойным (словом, полной противоположностью мне), крепким телесно и душевно. Как он меня принимал, с моим анархизмом, с моим, еще точнее, "без царя в голове", мне удивительно. Но принимал. И вот он был твердого мнения, что если не все, то многое случайное определяется самим человеком, его нравственным миром, его ВОЛЕНИЕМ.

Если я приходил к нему с насморком или больным горлом, он мне выговаривал: Как тебе не стыдно? Ты ведь не приходишь ко мне с похмелья!

Но разве я виноват в своих болезнях? – пытался я оправдываться. – Они же прицепились ко мне не спрашивая, ты бы лучше меня пожалел.

– Без вины болезнь не привяжется, даже если кто послал ее на тебя, то и в этом твоя вина. Все человеку дается по грехам или добродетелям, а иначе жизнь была бы сплошным хаосом, ни в чем нельзя было бы быть уверенным.

Если он сам заболел (что случалось крайне редко), то шел на исповедь, каялся, принимал епитимью (но не принимал лекарств) и выздоравливал.

Даже к смерти он относился так же, полагал, что человек умирает не случайно, не от болезни, которая вдруг, ни с того ни с сего, – а "по делам его" и "по грехам его" (или, напротив, по добродетелям! "Ныне отпускаеши раба Своего, Владыко...")

Отчасти я с его точкой зрения соглашался, а со временем все больше и больше.

И действительно, среди моих друзей и родных многие ушли в "тот мир" не случайно: их ли вина была причиной, наша ли, друзей и близких, или наша общая. Так как речь о литературе, то позволю привести лишь один пример, не посторонний для литературы: смерть Б., нашего общего, с Сашей М., товарища. В "Русских страницах" я напечатал и несколько стихов Б. (которые у меня хранились со студенческой поры), и воспоминания о нем и его смерти Саши М.

Б. умер от известной русской болезни, в последние тридцать лет его жизни мы не встречались, в запоях его я не участвовал, и словно бы в смерти его никак не виноват.

Но уже то, что я его отстранил от себя, от своей жизни, а в юности мы дружили, делает меня виноватым. Человек отвечает и за весь народ и за судьбу страны в целом, а уж за тех, кого судьба с ним близко столкнула, он отвечает тем более. Поэт пил, погибал, среди тех, кто был рядом, только Саша М. пытался его спасти, но для одного бремя было тяжело. А я ведь и с Сашей М. не встречался почти тридцать лет, и только в 93-м году, на представлении первого номера журнала МЪра, мы снова встретились и наша дружба продолжилась. И я пытался посылно быть полезным хотя бы Саше М.

Есть и другие примеры, показывающие, что эта суровая, печальная, трагическая гостя приходит к нам не всегда не оправданно, не всегда незваной, – но и одного достаточно.

А обратившись к истории литературы, мы увидим таких примеров множество. История советского периода, с ее сотнями насильственных смертей ученых, философов и писателей, несомненно показывает ВИНУ как одну из главных причин смерти, но это вина дьявольского государства.

Правда, часто государство набрасывалось на беззащитного поэта по злобной подсказке, по травле в советской прессе, по доносам, выступлениям его, государства, авторитетных конвойных. И часто вина посторонних лиц переплеталась причудливо в *Волею к смерти* самого поэта.

Одной из первых жертв советской власти стал выдающийся русский поэт Гумилёв. Он был арестован 3 августа 1921 года по надуманному обвинению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева». Несколько дней Михаил Лозинский и Николай Оцуп пытались выручить друга, но, несмотря на это, вскоре поэт был расстрелян вместе с десятками невинных «участников» этой "организации".

[Но расстрелы деятелей русской культуры начались еще раньше, талантливый публицист М. О. Меньшиков был арестован на Валдае в сентябре 1918 года и на следующий день расстрелян чекистами за свои старые статьи.]

Казалось бы, смерть Николая Степановича Гумилёва только объективна, никак не связана с субъективным стремлением к смерти или пожеланием ее, но, по воспоминаниям близких, Гумилев открыто демонстрировал свое неприятие новых порядков, крестился на соборы, проходя мимо них, громко ругал советскую власть, не обращая внимания на окружающих – он, так сказать, "нарывался". Но расстреляли его, конечно, не за вызывающее поведение, не за независимость, даже не за антисоветизм, который можно было в нем подозревать, а за талант. Советская власть уничтожала всех, кто поднимался над серединой, уничтожала и бессознательно и сознательно. Талантливый человек при такой власти жить не мог, он должен был стремиться к смерти. Пятьдесят лет спустя уже не расстреливали только за независимость осанки, но дышать было по-прежнему нечем. Тогда я впервые прочитал его стихи, и тогда я понял, что такое *воля к смерти*. (Но определение ее давать не буду, ее можно испытать или не испытать, но определить ее нельзя).

Стремился ли к смерти Лермонтов, жаждал ли смерти? Его поведение в роковые месяцы, предшествовавшие трагической дуэли, можно истолковать таким образом, что, по крайней мере, он *не был осторожен*. В феврале 1840 года на балу у графини Лаваль, в ее особняке на Английской набережной в Петербурге, произошла его ссора с Эрнестом Барантом, сыном французского посланника при дворе Николая I, но в этом случае "нарывался" Барант, и он же вызвал Лермонтова на дуэль.

На Кавказе Лермонтов был, можно сказать, даже безрассуден, он вызывался в самые отчаянные вылазки, участвовал в целом ряде стычек и сражений, из которых самое значительное произошло 11 июля на реке Валерик. Поэт проявил здесь храбрость, отмеченную в журнале военных действий, и был представлен к боевой награде. Этот кровопролитный бой Лермонтов показал в стихотворении «Валерик».

За время с 25 сентября до середины октября М. Ю. Лермонтов участвует в новой экспедиции и снова за боевые отличия представляется к награде. Он также принял участие в двух экспедициях в Малую Чечню.

15 июля 1841 г. близ Пятигорска, у подножия горы Машук, состоялась Дуэль Лермонтова с Мартыновым. Лермонтов был убит выстрелом в грудь навылет. Причина дуэли, по общему мнению, была «ничтожна».

Стремился ли к смерти Лермонтов или это *смерть стремилась к нему*, на этот вопрос я пока ответа не знаю. Но что его смерть в ряду трагических, выпадающих, еще в юности, на долю гениальных русских поэтов – несомненно. Трансцендентный ли это ряд, проявляется ли в нем метафизика русской истории, это я тоже объяснить не могу.

Но вернемся к эпохе Второго татаро-монгольского ига (или Вавилонского плена), выпавшего на долю России (плена, далеко еще не закончившегося).

Тяжелой или даже трагической была судьба даже самых благополучных и облаканных властью поэтов, таких как Пастернак и Маяковский. Судьба Пастернака поучительнее в этом отношении: познавший славу и официальное

признание творчества в конце 20-х – начале 30-х годов (в 34-м году на первом съезде Союза писателей Бухарин даже призывал назвать Пастернака лучшим поэтом Советского Союза – но место, по указанию вождя, уже было занято Маяковским), он познал и мерзость оголтелой травли.

После публикации романа «Доктор Живаго» на Западе в 1957 году, а особенно после присуждения Нобелевской премии в 1958 году, Пастернак подвергался откровенным оскорблениям в его адрес со страниц советских газет, на собраниях «трудящихся».

«Литературная газета» писала: «Пастернак получил "тридцать серебряников", для чего использована Нобелевская премия. Он награждён за то, что согласился исполнять роль наживки на ржавом крючке антисоветской пропаганды... Бесславный конец ждёт воскресшего Иуду...».

[Высшее общество – «надменные потомки Известной подлостью прославленных отцов», и сам император не всегда были справедливы к Пушкину: «И прежний сняв венок – они венец терновый, Увитый лаврами, надели на него» – и к Лермонтову, и мы оплакиваем наших великих поэтов, ставших жертвами клеветы и злословья, НО... читатель, не правда ли, век двадцатый, сравнительно с девятнадцатым – это смерть в сравнении с жизнью?]

В 1952 году, после инфаркта, в стихотворении «В больнице», полным глубокого религиозного чувства, Пастернак писал:

«О Господи, как совершенны
дела Твои, – думал больной, –
Постели, и люди, и стены,
Ночь смерти и город ночной.
<...>
Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделье,
И прячешь, как перстень, в футляр».

Нет, это не отчаянье, это – поэтическое примирение со смертью.

Но когда на недавно признанного поэта ополчилось государство и общество, жизнь в нем стала иссякать стремительно и грозно.

30 мая 1960 года Пастернак умер от рака лёгких в Переделкине. Сотни людей (среди них Наум Коржавин, Булат Окуджава, Андрей Вознесенский) пришли на его похороны. Анна Ахматова написала на его смерть стихотворение. Александр Галич посвятил его смерти одну из своих песен.

Я слышал неоднократно мнение, что рак – болезнь уставших и отчаявшихся, а кто-то сказал еще категоричнее: Это особая форма медленного самоубийства.

Но неужели я снова изменил Маяковскому? Нет, я еще буду писать о нем позже, и о его смерти, которая была им задумана и написана как трагическая Поэма (даже если исполнена государством, как считала его сестра). Ибо в смерти Маяковского проявилось нечто большее, чем Воля к смерти творческой личности: в ней проявилась *Воля к смерти самой Поэзии!!!*

Не случайно я вспоминаю и Маяковского и Пастернака вместе. Вот что говорит Маяковский в статье «Как делать стихи»:

«Отношение к строке должно быть равным отношению к женщине в гениальном четверостишии Пастернака:

В тот день тебя от гребенок до ног,
как трагик в провинции драму Шекспинову,
таскал за собой и знал назубок,
шатался по городу и репетировал.»

И вот что говорит Пастернак о другом гениальном поэте, убитом (как Клоев, Мандельштам, Борис Корнилов и многие другие) советской властью:

«В начале тридцатых годов Павел Васильев производил на меня впечатление приблизительно того же порядка, как, в своё время, раньше, при первом знакомстве с ними, Есенин и Маяковский. Он был сравним с ними, в особенности с Есениным, творческой выразительностью и силой своего дара и безмерно много обещал, потому что, в отличие от трагической взвинченности, внутренне укоротившей жизнь последних, с холодным спокойствием владел и распоряжался своими бурными задатками. У него было то яркое, стремительное и счастливое воображение, без которого не бывает большой поэзии и примеров которого в такой мере я уже больше не встречал ни у кого за все истекшие после его смерти годы...»

На далёком, милом Севере меня ждут,
Обходят дозором высокие ограды,
Зажигают огни, избы метут,
Собираются гостя дорогого встретить как надо.

А как его надо — надо его весело:
Без песен, без смеха, чтоб ти-ихо было,
Чтобы только полено в печи потрескивало,
А потом бы его полымём надвое разбило.

Чтобы затейные начались беседы...

Батюшки! Ночи-то в России до чего ж темны.

Прощайтесь, прощайтесь, дорогие, со мной, я еду
Собирать тяжёлые слёзы страны.

Павел Васильев был расстрелян в 27 лет, в 1937-м году.

Краткие сведения о нем я заимствую из очерка Валентина Антонова.

Родился Павел Васильев 5 января 1910 года в Южной Сибири, печатать стихи начал в 16 лет. Весной 1932 г. арестован, однако осуждён не был.

«Он был молод и красив, этот сибирский парень. Его любили женщины, а он любил их. Он был задирист, самоуверен и зачастую несносен.»

В 1934 г. Максим Горький, этот «мудрый наставник советских литераторов», начал кампанию травли Павла Васильева. В январе 1935 г. тот был исключён из Союза писателей, в июле арестован и осуждён за «злостное хулиганство»; освобождён весной 1936 г.

В феврале 1937 г. арестован в третий раз, 15 июля приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу по обвинению в принадлежности к «террористической группе», якобы готовившей покушение на Сталина. Расстрелян в Лефортовской тюрьме 16 июля 1937. Похоронен в общей могиле «невостребованных прахов» на новом кладбище Донского монастыря в Москве.

Поэт Сергей Клычков (арестован 8 октября 1937 года, приговорён к смертной казни и в тот же день расстрелян) писал о нем:

«Период так называемой крестьянской романтической поэзии закончен. С приходом Павла Васильева наступает новый период – героический. Поэт видит с высоты нашего времени далеко вперёд. Это юноша с серебряной трубой, возвещающий приход будущего...»

«Прокатилась дурная слава, Что похабник я и скандалист», – писал о себе Сергей Есенин. «Дурная слава» о Павле Васильеве не уступала есенинской. Ещё в Сибири за ним тянулся длинный шлейф попок, скандалов и милицеских протоколов. Но время наступило уже другое...

... Припомнит пусть твоя ладонь,
 Как по лицу меня ласкала.
 Да, я придумывал огонь,
 Когда его кругом так мало. ...
 ... Все учёт, пройдёт, и вот
 Тебе покажутся смешными
 И хитрости мои, и имя,
 И улыбающийся рот,
 Но ты припомнишь меж другими
 Меня, как птичий перелёт.

Есть люди, которые стремятся ходить по минному полю. Разумеется, они стремятся к смерти. Возможно, даже бессознательно.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
 К нему не зарастет народная тропа,
 Вознесся выше он главою непокорной
 Александрийского столпа.

Так писал (и так думал о себе) Пушкин. Александрийский столп – седьмое чудо света, но памятник Пушкину его превосходит.

Но поэт не был тщеславен. Он был призван для величайшей миссии: Преображения мира.

«И Бога глас ко мне воззвал:
 Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
 Исполнись волею моею,
 И, обходя моря и земли,
 Глаголом жги сердца людей!»

Житейские невзгоды менее существенны, чем основная коллизия в жизни поэта: даны ли ему достаточные силы и средства, чтобы исполнить свою миссию, порученную ему Богом, помогает ли Бог исполнить эту миссию.

Вещество мира оказалось слишком прочным, чтобы дух поэта мог его преобразить – вот что открылось Есенину, Маяковскому, Пушкину.

Что выразилось в разрыве отношений с миром? Усталость? Презрение? Капитуляция? Уход?

«По мнению Юрия Дружникова, ...поэт исчерпал себя, и дуэль с Дантесом была простым способом исполнения приговора, который вынес Пушкин себе сам... Поэзия отодвинулась, оставив его в житейской смуте. Самоубийство стало активной защитой, протестом, демонстрацией его независимости. Он решил сам управиться со смертью... То был единственный и последний шаг к полной свободе.»

Загадочно, неопределенно... Но большая определенность в отношении гения еще более неверна.

Чтобы понять другого в его минуту отчаянья, надо понять прежде всего себя, взглядеться в отчаянье, в котором тонула собственная душа.

У меня бывали минуты (или мгновения), когда я словно оказывался на месте того, о ком усиленно думал, в кого погружался, в кого вживался. Так я почувствовал УХОД Толстого из Ясной Поляны. Был ли то уход в смерть?

Шафаревич пишет, что «социализм как явление мировой истории» является выражением воли к смерти, что это ось социализма. Но не так ли и с христианством (ибо это два и противоположных и вместе тождественных учения о мире)? И Розанов подтверждает: ТАК. (Если еще больше). Ну а призыв апостола Павла «жить аки умереть» я поминал не раз. Но воля в истории действует через личность, значит, это ТАК и в христианине.

Вещество мира слишком прочно, чтобы дух поэта мог его преобразить. И наступает миг, когда иссякают силы – то есть, иссякает энергия творчества.

Но мы стоим на плечах титанов, как говорил о себе Коперник. Так нам ли жаловаться на бессилие?

Мы продолжает их дело, и мы начинаем там, куда они дошли. Их отчаяние понятно и извинительно – кто извинит наше отчаянье?

И в то же время нам и хуже. Уже и *Европа закатилась*, как доказал Шпенглер, и Россия "на краю". Воля к смерти является самой активной волей в культуре, даже то, что в центре философских умозрений последнего столетия находится НИЧТО (например, у Хайдеггера), доказывает это. И даже модная теория «Большого взрыва», по странной иронии истории поддержанная Ватиканом, начало мира полагает в НИЧТО, и акт творчества, творения мира видит во взрыве.

8. Преодоление смерти.

И все же существует путь, на котором преодолевается смерть – это Путь Преображения бытия и мира в Чуде. Источник Чуда находится извне, это метафизическая Сила, действующая в мире, но и через человека и в человеке. Но она, эта Сила, находится и в человеке, в его творчестве, «... ибо вот, Царствие Божие **внутри вас есть**» (Луки 17:20-21).

И Чудо и Вдохновение непостижимы. Они не возникают через усилие воления, не может человек сказать себе: Вот, сейчас я вдохновлюсь! – но и полагать, что мы словно марионетки, и Бог во всякую минуту руководит

нашими поступками, мыслями, чувствами, состояниями – «считает волосы у нас на голове», как метафорически воскликнул Иисус Назаретянин (чтобы подчеркнуть нашу зависимость от Господа – а я разве спорю? Я и от жены завишу, и от друзей, и от начальства, и от настроения, так не тем ли более от Бога?!) – итак, считать, что мы ТАК ЖЕ зависим от Бога, как камень, падающий с горы, зависит от силы тяготения, это уподобить человека камню, это посмеяться над Пришествием Христа, который сказал, что пришел дать нам свободу, а дал, следовательно, рабство?!!

И Чудо и Вдохновение непостижимы. Они не возникают через *усилие воления*, но они И возникают через НЕКОЕ усилие, природу которого невозможно объяснить рационально, через холодное философское (тем более научное) рассуждение. Но если даже «*В начале [начал] было слово*», то СЛОВО и человеку дано так, чтобы оно могло стать *проницающим* и всесильным, поэтому... дерзай, человек, по мере дерзания ты и через слово сумеешь объяснить ВСЁ. Хотя и справедливо, что «Тайна и чудо невидимы. Полог Надвое мир разделил. Сердце томит ожидание. Долог, Господи, взмах Твоих крыл!», но дается и человеку видение и ведение, когда:

«И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.»

Но чаще бывают часы и дни, и даже годы, когда иначе, когда темно, пусто, плохо, когда...

Я задумался: *когда?* И вспомнил вдруг одно свое старое стихотворение. Открыл свой уже напечатанный (в Самиздате), окончательный Сборник стихов. Нет, там этого стихотворения нет. Но есть еще у меня Корзина, папка с компьютерными распечатками (в одном экземпляре) – не всё, оказывается, даже отвергнутое, я сжигаю.

Когда, как темная нора,
И год, и месяц, и вчера,
И выхода из темноты
Ты не указываешь – в пьяном
Мотиве дня с пустым стаканом
Ищу обрывки красоты.
Когда меня отвергла ты,
И я узнал – и клятвы лживы! –
Когда умолкли все мотивы,
В косноязычьи немоты,
Когда духовный взор погас,
И грубый холст явился зренью –
Как блудный сын, к стихотворенью
Я притащился в нищий час.
И, утешенье видя в слове,
Я умолил его о крове.
Помилуй, Слово, грешных нас!

[Но я отвлекся. Сижу, читаю свою «Осыпь» – то есть стихи из корзины... Кажется, не все там плохо. Так, может быть, и у графа Хвостова кое-что сто́ит перечитать?]

Итак, существует, кажется, некое духовное *усилие воления*, иное, нежели наши обыденные воления, когда и Чудо возникает как свет, как зажженная лучина в деревенском доме, как отблески от огня в растапливаемой печи. Холодно, неудобно, дрова не горят, подкладываешь все, что может гореть, даже свои старые стихи – и вдруг занялось и полыхнуло!

Так было со мною не раз. И это состояние возвышения над отчаянием, над смертью (не преодоления ее воли своей волей, нет: ее воля слишком сильна, почти абсолютна, но удастся, как нагретому воздуху, подниматься над этой волей) начинается внутри собственной души.

Состояние возвышения над отчаянием начинается внутри собственной души. И прекращается даже неизлечимая болезнь.

В первый раз это со мною случилось после неудачной попытки самоубийства. Очнувшись в больнице, я попросил стихи Пушкина. Господи, как они прекрасны!

[О самоубийствах я хотел написать целую главу. Но передумал. Нехорошо стрелять в самого себя. Хватает и посторонних стрелцов. Хотя поэт и философ по-видимому всякий, кроме материалистов, думал о смерти, стремился к ней, примерял ее на себя. Так что меня чрезмерно не презирайте. Тем более что в большинстве случаев самоубийство поэта в юности носит характер только *примерки*, вызова, демонстрации тем, кто не полюбил, разлюбил, оказался равнодушен, не пришел на помощь. Серьезно самоубийство в романах Троицкой. Но я не буду даже вскользь напоминать о них, эти гениальные романы надо прочитать и перечитать, они объяснят читателю то, о чем я пишу, сильнее и глубже, чем я, и в них же возникает и преодолевает смерть и преобразует мир и человека ЧУДО.]

Воля к смерти возникает как упадок, закат (Европы), тление, разрушение, погибельное бытие. Ее энергию необходимо (и удастся) преобразить в творчество, направленное к созиданию трагического романа, эпоса, драмы. Преодоление возможно только в Преображении.

Подморозило. Легкий снежок
Или, может быть, иней.
Лужи подернулись льдинками.
Жизнь расчерчена прямо. Линий
Её, если б и мог,
Не переступаю ботинками.
Утро позднее. Сон из глаз
Вытряхиваю понемногу,
К дню лениво готовясь.
Хлеб насущный мне дан – раз;
Есть что взять и в дорогу...
Но это – другая повесть...

* * *

Вдруг прояснело. Дождь иссяк.
 Все окружающее к снегу
 Уже готовится. Впросак
 Мне не попасть бы. Сну и бегу
 Равно внимание делить
 Уже пора. Судьбу не злить,
 Кляня то альфу, то омегу.

Я возвращаюсь навсегда.

Со мной привычно завтрак, ужин,
 Вороны, лужи, провода,
 Заря, вечерняя звезда...
 И жизнь – не лучше, но не хуже...

18 ноября 2013

Прости, читатель (а тем более писатель) за стихи. Ты ожидал найти наставления и руководства к творчеству, а нашел пространные рассуждения о временных падениях духа, приводящих к трагическим, иногда, последствиям. Но я пытаюсь и помочь. Каждый из нас идет по некоей дороге... Если не останавливаться, то (и туг я вспоминаю кроткую хрупкую Таю из романа «Обнаров»). Ее силы иссякли, а ее заставляли идти. И она надломилась как веточка замерзшего дерева)... Художественный текст глубже рассуждений даже «искусного в слове».

У каждого из нас есть ответственность и долг. Если мы готовы жертвовать собою для того, что любим (а свое – что бы то ни было, даже, возможно, и творчество, даже, возможно, и жизнь), а то, что любим: семья, близкие, женщина, Родина, культура, Бог – то наш путь, по которому мы идем, даже если во имя любви и сворачиваем с него, – это путь праведный. Я утверждал и доказывал, что все находится внутри творческой личности, что она в своем Я находит и раскрывает мир действительности. И вот в заключение готов отречься от своих слов. И Пушкин и Лермонтов погибли загадочно, но достойно. Их смерть поучительна. И все же и им надо было стать ВЫШЕ.

Мой отец положил начало моему Я, мысль о нем, разговоры о нем, в которых он представлял как *человек совершенный*, помогли мне подниматься. Он жил праведно, а умер героически, защищая своих солдат на Безымянной высоте. Смерть его без всякой укоризны.

Моя мать родила и воспитала пятерых детей, и жила для них, но отчасти и своими чувствами и слабостями. Она не была совершенной, не была возвышенной, святой, нет, она была земной. Но иногда мне кажется (как и Розанову), что ее земное было значительнее небесного.

Отец мой меня не видел, а мать считала, что я пишу еще плохо. Вот когда тебя признают другие, говорила она, я тебя начну читать. Вот почему я пытаюсь учиться (даже поучая других). У меня долг перед отцом и матерью, я должен подняться до их высоты. Поэтому я не умер и никогда не умру – *Долг* ведь не исчерпаем. И *в исполнении Долга (и в Чуде) преодоление смерти.*

9. Вдогонку.

Конечно, сказано не всё. Не ясно, идет ли речь о *преодолении смерти* (в череде перевоплощений в буддизме, в Воскресении в христианстве, в научном воскрешении у Николая Федорова) или о преодолении *страха смерти и воли к смерти*. В христианстве *преодолевается смерть* – уже после смерти, после Второго пришествия и воскресения праведных к вечной жизни. Но наша земная жизнь пронизана *страхом смерти* (даже у верующих христиан – ибо надо слишком верить, чтобы *не сомневаться* в воскресении, а к такой вере способны немногие) или *волей к смерти* (именно у тех, кто слишком верит, как апостол Павел, который призывал даже *жить аки умереть!*). К таким слишком верующим, возможно (если он не лицемерил), относился и Никус, восторженно описывающий, как утонули на Пасху, переплывая реку, несколько девушек. Ах, как они счастливы! – восклицал он, – они сподобились особой милости для *представляющихся* на праздник: попасть сразу в Рай!

Все же обычные люди, в рамках нашей частично христианской, частично эллинской и частично новоевропейской культуры воспринимают смерть как трагедию, и если переживают *волю к смерти* в особые периоды своей жизни, то не потому, что заботятся о том, что на том свете, но что на этом: несчастная любовь, отчаянье, разочарование, физические страдания, жажда мщения, обида, усталость, трагическое чувство поражения...

Этих обычных людей христианство утешает мало: не утешается мать, потерявшая дитя (даже если она ходит в церковь и молится), жена, потерявшая любимого мужа (как моя мать), влюбленный, которому изменила "Кармен". К этим "обычным людям" относятся и гениальные поэты, о которых я писал: они погибают чаще других, но в их трагедиях соединение многих причин. Двести тысяч самоубийц в России (за двадцать лет) – не хуже и не лучше Пушкина, за каждым из них их драма, иногда, возможно, более оправдывающая их, чем драма Пушкина оправдала его смерть. Пушкин превосходит своих героев, почитателей и читателей силой таланта, божественной гениальностью, позволяющей ему не только жить (по большей части достойно), но и ПОНИМАТЬ и создавать мир литературной действительности. Трагичнее ли была его смерть, чем была бы, например, смерть его жены, Натальи Николаевны, если бы не слепая пуля и холодный "ловец счастья и чинов", но понесли лошади по скользкой мостовой, или нечаянная горячка унесли ее жизнь, такой красивой и молодой? Об этом надо спросить ее мужа и ее детей. Детям чаще мать свою жалче, а Пушкин согласился бы погибнуть еще раз, чтобы спасти Наталью.

Прекрасная Тая, которую я вспоминаю часто, вызвала во мне даже горячие слезы, когда я читал роман, а Пушкина я хотя и "оплакиваю" всю жизнь, но это лишь духовное чувство печали об утрате культуры, но не сердечная боль.

Вот также я и себя не ставлю выше любого "достойного человека" – для наших близких ценен каждый из нас.

Христианское отношение к жизни и людям мне чуждо во многом. Вот ведь и после Воскресения спасутся не все, а только "малый остаток", большинство же ждут "плач и скрежет зубовный" – и это говорят проповедники "любви к ближнему"?

Конечно, и я негодую на тех, кто разорил русскую землю, и готов их свергнуть в вар и огонь – но это меньшинство людей, подлинно виноватых, остальных, даже неразумных, даже пьяных, даже неверующих в Бога, даже гуляющих от мужа, даже прогуливающих уроки, даже не читающих мои замечательные сочинения – я готов пожалеть и простить и не подвергать наказанию, и если сие будет зависеть от меня, допустить в рай.

Вот почему я ЛИТЕРАТУРУ ставлю выше философии и теологии: это литература – учебник жизни и любви к человеку, но не поучения монаха.

Многие о смерти не задумываются так, как я на этих страницах. Но ВСЕ с нею встречаются. И лучше подумать о ней при чтении романа или Записок редактора, нежели на операционном столе, ибо тогда и подлинные испытания переносятся легче. В античном мире каждый человек готовился достойно встретить смерть, культура жизни воспитывала и чувство красоты, и мужество и стойкость. Мы же, христиане, уповаем только на авось или на спасение потом, после смерти.

Но готов ли я сам достойно встречать испытания? Не надо ли воскликнуть: *Врачу, исцелися сам?*

Да, надо... Но я буду стараться...

Философии известна ницшеанская *воля к власти*, которую обычно понимают как некое утверждение жизни. Но это, скорее, стремление выйти за пределы самого себя, проистекающее из чувства собственной неполноценности (не потому ли среди диктаторов и тиранов преобладают маленькие и невзрачные?), и *воля к власти* выступает в качестве воли к ничто или *воли к смерти*. *Воля к Ничто* как проявление *воли к власти* обосновывается в философии Хайдеггера: «Волить Ничто ... значит волить действительное, но только такое, которое всё и повсюду уничтожает, т.е. волить уничтожение». (М. Хайдеггер. «Ницше и пустота»).

Воля к смерти возрастает в определенные эпохи (как сегодня в России), о которых английский историк и философ, современник Пушкина Томас Карлейль писал: «Бывают времена упадка, где никакой идеал не возрастает, когда верование и верность исчезают, когда всякое торжество превращается во внешний парад, когда всякая вера делается лицемерием. Увы, от таких времен история должна отвращать свои взоры. На них не стоит останавливаться. Их нужно сокращать все больше и больше и, наконец, вычеркнуть из летописи человечества».

«Трагическое мирозерцание одно способно дать ключ к пониманию сложности мира», говорил Александр Блок. И его смерть так же и трагична и загадочна, как это обычно для русского поэта.

*Только поддержкою слов и созвучий
Я, поскользнувшись, не падаю с кручи,
Пасынок Бога, рожденный в грехах.
Где моя лира, дырявая вера,
Гордых метафор капризная мера?
Вот оно, скоро, холодное ZERO...
Если не спрячусь от пули в стихах...*

10. Пушкин. Причина отчаянья.

Эту злосчастную статью пишу я долго, она даже обратилась в целых две статьи, а ничего существенного, необходимого я не написал – того, ради чего ее и затеял. Думал, что спрячусь за две-три цитаты, но «ночь не шлет надежды и покоя...»

Но мне необходимо ответить на два вопроса, тесно связанных между собою: Почему я ее начал писать и Зачем?

Поэты – люди ранимые, они легко переходят от веселости к печали, легко обижаются, а мысли о смерти, как видно, всегда витают в их воображении: по крайней мере, если судить по стихам.

Уже в 1828 году Пушкин пишет:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью
Ум сомненьем взволновал?

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

И вскоре: Брожу ли я вдоль улиц шумных...

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

Но все это, на мой взгляд, не серьезно – все мы думаем о смерти, то с любопытством, то со страхом, то с тоскою, и слава богу, если не с надеждой.

Судя по повести 1830-го года «Выстрел», смерть Пушкина не манила.

Но вот в 1834 году появляется элегия, которая настораживает:

Пора, мой друг, пора! покоя сердца просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и глядь – как раз – умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

А в 1835 "Вновь я посетил", где поэт словно бы подводит итог жизни.

Хотя, надеюсь, это только предвестники грозы, это только еле слышные откуда-то, от горизонта звуки, и почти незаметные там же всполохи. Но вот и 1836-й год, что-то меняется. В этом году он пишет «Памятник»:

"Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит..."

Здесь воочию предстает перед нами драма, разворачивающаяся в душе поэта, и связанная не с личными обстоятельствами, а с судьбой его поэзии и его призвания.

Удалось ли осуществить то, к чему он был призван? А призван он был не только «милость к падшим призывать», но и «глаголом жечь сердца людей» и даже более того: Поэт продолжает дело самого Создателя, он и строит особый «мир действительности» в своем творчестве, словно бы соперничая с Богом, но и стремится *преобразить* реальный мир, одухотворить его.

Пушкин с отчаянием приходит к выводу, что культура и СЛОВО бессильны перед миром, что гений поэта не достаточен, чтобы противостоять... Чему? Обществу, черни, власти, царю, истории...

(А Лермонтов свой протест возносит даже и к Богу... Впрочем, и Пушкин устами Сальери восклицает: Нет правды на земле!.. Но правды нет и выше!..)

Нет, смертная тоска, обволакивающая душу поэта, коренится не в личном... да и что там особенного происходит?

Легкомыслие молодой жены, блистающей в обществе, голову которой кружили и блестящие офицеры (среди них Дантес, правда, был особенно назойлив) и даже сам император... Недостаток средств и долги (на издание журнала и своих сочинений)... Неудачная игра в карты... Неожиданная холодность музы (по-видимому, временная, но холодность этой дамы может пугать до смертной дрожи)...

Последнее серьезнее всего. И ослабление таланта может привести к отчаянию. Но важнее – цель таланта, а целью этой было не тщеславие. Пушкин сознавал силу своего гения и свое предназначение, оно было гораздо дерзновеннее (впрочем, всякий поэт – демиург!), чем память и любовь народная, которыми он сам недавно призывал не дорожить.

Воля к смерти выражается часто в бессознательном, в том, что перестает сопротивляться стечению обстоятельств, сцеплению случайностей.

Что позволяет мне писать об этом с такой уверенностью? Кропотливые исследования стихов и литературоведческих работ, чтение мемуаров? Нет, только мой собственный опыт. Я пишу эти статьи не столько о Пушкине, сколько о самом себе.

Не то чтобы я был столь исполнен самомнения, чтобы равняться с ним, нет. Я сознаю, ощущаю, что... И вот это-то, сознание, что моя собственная лира недостаточно выразительна и возвышенна, чтобы исполнять мои ожидания или ожидания того детства, которое меня отчего-то выделило и вознесло в мнении окружающих, и наполняет меня трагической тоской.

Оружие, которое вручил мне Бог, не достаточно, чтобы победить мир, думал горестно Пушкин. Но его рождение ознаменовано чудом. Он родился гением. *«Хариты, Лель его венчали. И колыбель его качали».*

А я родился в глухой деревне, в которой учился читать при свете лучины.

Только в семнадцать лет оказался я в центре русской культуры, на берегах Невы, «где, может быть, родились вы...», услышал звуки фортепьяно,

вдохнул воздух Публичной библиотеки, взглянул на величественный Исаакиевский собор», прикоснулся к камню и граниту и мрамору стен и набережных.

Чудо не венчало мое рождение (не знаю, по каким причинам), и я чувствовал себя словно человек, родившийся для танца, но с недвижными ногами, или родившийся для пения, но не могущий преодолеть косноязычия.

"Ах, мой друг, Александр Сергеевич! – восклицал я. – Вы впитали ямб и хорей, анапест и гекзаметр с молоком матери, а я только печальные русские песни, сказки да легенды, а в сопутствующих им стихах, как правило, и рифмы нет.

И Вам ли жаловаться на жизнь, как мне?

Долги сопровождали меня всю жизнь. Даже когда мне было десять лет, и я жил в чужом поселке, учась в пятом классе, то научился играть в лото, но в игре мне не везло (а для любви я еще был слишком мал, хотя уже и влюблялся), и вот бывало, что и на хлеб приходилось занимать, деньги, что давала мне мать, я умудрялся проигрывать.

И так оно пошло, что и на всю жизнь, и до сего дня. И журнал издавал неудачно в девяностые годы, и книги, так что совсем разорился, но "жестокое" царя, оплатить мои долги, не было, и посадили меня в долговую яму, дали пять лет. Вот тогда чудеса вновь появились в моей жизни, так что меня скоро освободили.

Но разве в таких мелочах источник трагедии?

Все у Вас было хорошо, и жена верна и прелестна, и дети, и друзья дай Бог всякому, и даже царь хорош, и талант высшей пробы. Но Вы были гением, а гениальность, как и красота – трагедия!

11. Пушкин. Причина отчаянья.

В детстве я часто болел, поэтому приходилось думать о смерти. В отрочестве и юности я часто влюблялся, но делал все (по непостижимой внутренней тяге), чтобы быть несчастливым. Объяснить я сие не могу. В юности или бесшабашно гуляют, или с головой бросаются в литературу и науку, или напускают на себя позу страдальцев (девушки даже чаще), чтобы быть не таким как все, может быть?

И склонность к самоубийствам в юности проистекает не из-за несчастий, а из-за неравновесия, что ли? Но, к счастью, самоубийца, как и актер в театре, пьет воду, а не вино, вино, а не яд, и стреляется из незаряженного пистолета. Так и я. Поэтому исследованием самоубийств в ранней юности (даже среди поэтов), я заниматься не буду, это лишь желание привлечь к себе внимание, чтобы пожалели (бывает, правда, так и на склоне лет, увы).

Но поздняя тяга к смерти трагичнее даже несчастной любви. И причина ее чаще всего – духовный разлад с обществом. Даже если поэт умирает «в своей постели», как писал Галич, это отчаянное самоубийство, соединенное с убийством.

"Со мною вот что происходит, ко мне мой старый друг не ходит" – жаловался Евтушенко. Возможно, это не только лирическая драма...

А что происходит со мною?

Прости меня, читатель, я приведу отрывок из своей книги «Жизнь на краю», лучше мне уже не сказать.

«Но и правда, что не философия и не литература – всё то, что пишу, а скорее всего, возражения на Обвинительное Заключение прокурора; стараюсь я себя обелить и оправдать, хотя с основными положениями обвинения в глубине души согласен.

Слишком много в моей жизни было плохого и неправильного, а необходимого не сделал на треть. Стихов запомнил мало, умные книги читал урывками, а много времени провел в праздности, выпивках с чужими людьми и напрасных ухаживаньях за *чужими* (хорошо, хоть судьба иногда и *своих* посылала!).

Писал я скучно и невыразительно, и по существу не поднялся выше повседневных бытовых записок о самом себе, то есть не состоялся даже как второстепенный писатель.

Но не тщеславие двигало мною. В центре моих устремлений, моих идеальных пожеланий был не я сам, не мое благоденствие и комфорт, а даже не спасение моей души. Через всю мою жизнь проходит Россия, её беды, её Падение – Россия проходит сквозь меня, как дорога проходит через лес, как река течет по равнине, как проходит через тело человека позвоночник. Россия – моя душа, без неё я не существую.

Но я не могу ей помочь, вразумить, пробудить и спасти, ибо неслышим. Вот потому-то и пытался я стать писателем, потому-то и хочу, чтобы Господь вложил в мою отверстую грудь *пылающий огненный уголь*. Не так ли безумная мать мечется и ищет лекарство для исцеления больного ребенка?!

Болезнь России – это смертная тоска моя, это унылая безрадостность моей жизни, невозможность сосредоточиться для успешного дела, для выгоды и карьеры.

Не мог ли я заняться математикой, и по крупицам, по теоремам, по статьям и диссертациям, по сообщениям и докладам... но там всё ноет, ноет, ноет, и уставившись в глухую стену, зацепеешь на время, потом пойдешь и напешься... Это как возлюбленная с другим в постели, а ты умные книжки читаешь, или доклады готовишь... а она с другим в постели и торопливо платье с себя срывает..

Не мог ли я смиренно и плодотворно работать в лаборатории или за плугом, по вечерам в счастливом семейном кругу, иногда в кино, а то и в театре, с друзьями отводить душу и нянчить детей... но там всё ноет, ноет, ноет, и уставившись в глухую стену, зацепеешь на время, и даже вино не помогает... а она с другим в постели и торопливо платье с себя срывает...

Не мог ли я в церковь пойти, и торопливо и жалко кланяться, спасая бессмертную душу, отвергнув и плуг и теоремы... но там всё ноет, ноет, ноет, и уставившись в глухую стену, зацепеешь на время, но и ангелы не помогают... а она с другим в постели и обо мне не помнит...

И не в том только дело, что *не со мной, а с другими*.

Нет, отупевшая от беспробудного пьянства, разучившаяся читать, набрав-

шая в управление жадных и толстых, потеющих от одного только запаха денег, ничего святого не знающих, не помнящих родства, не мечтающих о белых одеждах праведников, но рвущих и рвущих остатки России, ее недовырубленные леса, ее истощенные пашни, ее зарастающие луга, ее нефтеносные источники, ее золото и серебро, и даже бескрайние ее просторы – с кем ты, моя Россия? Опустилась ты ниже вокзальной шлюхи, и голос твоей поэзии – хриплый матерный выкрик загулявших «братков»!

Вот потому-то никем и не стал я, что берегу себя как последний патрон!

Не стал я учителем, провинциальным литератором, профессором советского права, рыбаком или охотником; даже картежником не стал я, и даже не спился – я ждал и жаждал лишь одного – *гениальности*, потому что это была единственная моя козырная карта, которой я еще мог надеяться переменить ход неудачно сложившейся для России игры, в которой она проигрывает уже последнее – своих красивых женщин, уезжающих за границу замуж и на панель; своих талантливых ученых, уезжающих за границу делать *для них* научные открытия; своих любовниц и жен, которые уже *перестали давать* и беременеть; своих детей, которые уже *перестали рождаться*.

Я хотел стать гением, чтобы крик мой был услышан, чтобы голос показался весомым и значимым, чтобы хоть и в проигранной битве, пусть и в последний раз, наша правда выстрелила мной не совсем бесцельно.

Но я еще хотел свидетельствовать и за мой деревенский народ, который, безязыкий, надеялся на меня.

<.....>

Я один представляю мой *малый народ*, и если не смогу «выбиться в люди», никто не узнает, никто не услышит – ни их слёзы, ни их мечты!

Да, и мы – безвестные, низкие, необразованные, забытые властью, забытые жизнью, забытые Богом – умели размышлять и любить, жить воображением, томиться в поисках истины, смотреть на звезды, страдать от несправедливости, мечтать о духовной свободе, о разговорах с Богом, слышать музыку; стремились искать созвучье в словах, согласованность в поступках, сочувствие в душах, не только грешили, но способны были и к высоким порывам, не только чувствовали, но и пытались выразить – почему же Бог всемогущий рожденным в богатстве дал преимущество даже в талантах, а рожденных в бедности обрекает на неминуемую?

Ничтожнее ли наш вопль к небу, чем у воспитанников бонн и гувернанток, возвращенных в роскоши; чьи бабушки блистали на балах; чьи матери кружили головы?

Так дай, Господи, хотя бы одному и из моих "*соплеменников*" услышать глас с неба, взывающий «*Восстань, Пророк, и виждь, и внемли!*»; дай, Господи, и одному из нас, малых, стать великим, и «*глаголом зажечь людские сердца!*» Мы, родившиеся среди униженных, не дороже ль Тебе?! Мы, родившиеся не в царских палатах, а в хлеву, где когда-то и Сам Ты родился, Господи, не ближе ль к Тебе?!

Глава седьмая НА РАСПУТЬИ

Перечитывая рассказы о деревне, напоминающие об отношениях нас, бывших деревенских детей, выучившихся в городе, и наших родных, соседей и земляков, оставшихся в деревне, на земле, то есть об отношениях нас, "умников", и их, неискушенных, простодушных, естественных и часто гораздо более умных, чем мы, задумался я и о сложной гамме отношений человека, непосредственно проявляющего себя в какой-то области, и того, кто его ПОПРАВЛЯЕТ, исправляет, УЧИТ, КАК НАДО.

Это, например, отношения крестьянина и агронома.

Не скажу, что все агрономы сволочи, но миллионы русских крестьян плакали от них горячими слезами.

Это агрономы заставляли сеять кукурузу на бескрайних холодных просторах Нечерноземья, а то и на крайнем севере, за Полярным кругом.

Это агрономы заставляли крестьян сеять **по науке**, и часто оставляли их без хлеба, потому что и сами между собою почти никогда не могли согласиться, как и когда надо сеять, и надо ли пахать или лучше сеять прямо по стерне, надо ли отваливать землю – или безотвально, надо ли осушать болота (правда, это уже мелиораторы... но тоже ученые! И вот теперь пятьсот миллионов гектаров перепаханных болот зарастают в России ольхой, березняком и осинником, чертополохом и черт его знает чем, но уже никогда мы их не вспашем!)

Это, например, отношения ученика и учителя.

Меня учили хорошо. Но мне, как и моим товарищам в Сибири, повезло, нас учили профессора Петербургского университета, которых большевики еще не дострелили; учили писатели и поэты и их любовницы, их друзья и родные, которых еще не дострелили... а кто учил остальных, здесь, в европейской России? Часто ведь те, кто вместе с детьми распевал "спасибо партии за счастливое детство" (часто без отца, погибшего на войне или сидящего в лагере)... Но не буду бросать камень в учителей. Они сами, кто без греха, еще бросят в меня камень...

Это, например, отношения рабочего и инженера.

Всякие у них отношения бывали... Но когда читаешь умного человека, видишь, как неординарна жизнь! Вот, например, воспоминания выдающегося ученого академика Крылова. Строил он мост через Северную Двину. И была у него бригада инженеров, которая где-то в распутицу застряла, а большевики отдают приказ: Построить мост через три дня!

Приходит к нему старый мастер, не знакомый с логарифмами, и говорит: Что ж, я тут посоветовался со своими, можем построить и *так*, НА ГЛАЗОК!

И что же? Построили! И стоит мост до сих пор.

И пирамиды в Египте стоят, а древние египетские строители тоже логарифмов не знали. И даже сам фараон их не знал.

Да, кстати, покойный Михаил Андреевич Гневушев, геолог (и князь, между прочим, и профессор) мне тоже говорил: Когда я начинал работу, на заре советской власти, с нами работали и инженеры... И мастера и техники. И было десять мастеров и техников (которые делали и любую рабочую работу) и ОДИН инженер. И мы с работой справлялись так, что и Вернадский был доволен, и Обручев. А ныне на одного мастера десять инженеров, но с работой мы уже справиться не можем!

Но это так, к слову...

Но еще есть коллизия воистину зловредная, хуже, чем редактор, поучающий писателя, как надо писать: Есть еще чиновники, которые и в Министерстве образования, и в министерстве науки, и в руководящих звеньях институтов и университетов.

И они УЧАТ, как надо УЧИТЬ, совершать научные открытия, строить электростанции, запускать в космос ракеты и спутники, писать научные статьи и романы. И этих чиновников сегодня ДЕСЯТЬ на одного преподавателя, учителя, ученого. Одни из них указывают. Другие проверяют. Третьи собирают пени. Четвертые нас арестовывают, судят, сажают в тюрьму, штрафуют на дороге, перевоспитывают в лагере...

Страна уже скоро ничего не сможет разумного делать, и вот только тогда наш великий и мудрый народ, когда нечего станет ему ПИТЬ, может быть перестанет до такого безумия, так верноподданно любить свою власть, что ненавидеть ученых, писателей, философов, поэтов, крестьян...

Но это так, к слову...

И вот, подытоживая все предыдущее, я нашел образ и метафору, в которых вся суть противопоставления тех, кто созидает нашу жизнь (хлеб, уголь, металл, газ, речь и культуру) и тех, кто поправляет, подправляет, указывает первым, где и как нажимать на лопату, где и какую запятую ставить. И всю суть этого противопоставления я вмещаю в метафору: **Писатель и Редактор.**

А сам я, кстати сказать, Редактор. И не только в Альманахе, который я издаю, но и вообще, "*по жизни*", так сказать, как говорят иногда мои неграмотные ученики.

Во-первых, я был и учителем, и хотя учил математике, но и ошибки в словах и предложениях у своих учеников исправлял и за них снижал им отметки даже при решении задач.

Во-вторых, я потом стал работать Редактором и в буквальном смысле этого слова, читал рукописи авторов и расставлял в них запятые.

Но, правда, я был не совсем упрямым редактором, авторский текст "править" справа налево и слева направо я не мог, стеснялся, хотелось мне что-то у автора оставить и его собственное.

В одном из номеров Альманаха я у В.В. вычеркнул запятые, которыми он окаймил слово ВДРУГ.

Он их вставил снова. Я вычеркнул. – Проклянун! – закричал мне упрямый писатель. Я смирился, и теперь запятые, вроде колючей проволоки, так и окаймляют в том месте это слово.

В другой раз в журнале (в незапамятные времена), которого я был главным редактором, в качестве эпитафии на титульном листе привел я сентенцию: "Дух дышет где хочет".

И на меня наехал редактор еще КРУЧЕ меня, весь поголовно почти Пушкинский дом (кроме академиков Панченко и Лихачева).

Положено, дескать, по правилам, писать букву И.

Ну так вот. Нехорошо хвастаться, но посрамил я Пушкинский дом (сказать ли, как? А то ведь и не все умники догадаются?)

Ну, дело в том, что это ЦИТАТА из Евангелия синодального издания 1887 года, и там пишется Е, а цитаты (как и стихи Пушкина) положено приводить в первоизданном виде, и там, где, например, протопоп Аввакум говорит о патриархе Никоне, что тот ..., так и надо цитировать (или умолчать, поставить точки, пропуски, но НЕ заменять слово, чтобы не ВРАТЬ).

В третий раз спор возник о "премудром пискаре", который у Даля именуется пескарем (но у Салтыкова-Щедрина, как и положено, через И). Выиграл я и этот спор у ученых филологов, я, сын крестьянки.

Ну, так вот, начал я, наконец, работать Редактором уже в издательстве, и там случилась следующая коллизия.

Редактировал я роман (о ПИРАТАХ) юной барышни.

И она запятые тоже СТАВИЛА. Много запятых, больше, чем нужно. Но всё не там. Они попадали ... куда только не попадали, даже в середину слова, но не в нужные места. Вот тогда я и взмолился, вспомнив рассказ одного моего старого товарища о своем отце: Вы, говорю, гениальная барышня (и, наверное, красивая), лучше совсем не ставьте запятые, мне тогда легче будет.

Итак, исправил я ее текст, сколько мог, а после меня за дело взялся Корректор (ну, это РЕДАКТОР над редакторами).

И пишет корректор Издателю (который меня принял на работу и платит мне деньги) такие слова:

От корректора:

«.....»

По-хорошему, надо три четверти романа **переписать РУССКИМ ЯЗЫКОМ.**

Где, блин, редактор? Текст совершенно не вычитан. По-хорошему, его еще раз нужно после всех окончательных согласований и правок перечитать. И нужно, чтобы над текстом еще **ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНО** поработал **редактор.** [Подразумевался, скорее всего, **ДРУГОЙ** редактор, настоящий, не самозванец, НЕ я.]

И где ты нашел такого редактора? **ГНАТЬ ЕГО НАДО!!!»**

Я написал в ответ оправдательное письмо.

....

У автора, даже безграмотного, есть лицо, наша задача – отмыть его от грязи, но не произвести косметическую операцию и не надеть на него маску.

Это во вторых. А во-первых, не думайте, что я при первой редакции ничего не делал, по крайней мере тысячу восьмьсот запятых и других знаков, разбросанных даже посередине слов, я расставил поудобнее, РАЗБИЛ текст на три части, добавил оглавление, убрал современные выражения и приемы «новояза», кое-что поправил и в столь ненавистных Вам повторах и штампах.

Это не значит, что Книга была так плоха. Она ЛУЧШЕ большинства современных текстов, у нее есть сюжет, стремительность, завязки и развязки, неожиданные повороты, ДЕЙСТВИЕ и ХАРАКТЕРЫ, непохожесть лиц друг на друга. Невозможно улучшить только канцелярский и УСРЕДНЕННЫЙ язык, прочие же языки доступны правке, но требуют внимания.

Вы отмечаете как неудачную следующую фразу:

Солнце кланялось закату, розовые облака быстро плыли к горизонту, северный ветер усиливался, угрожая бурей.

А у Есенина: *Взбрезжи, полночь, луны кувшин Зачерпнуть молока берез!*

Вы предлагаете текст ПЕРЕПИСЫВАТЬ... я не уверен, что мы с Вами напишем лучше, чем она. Для учителя – ДА, но не для занимательного экспрессивного романа. Править текст нужно, но не делать грязную воду его дистиллированной, слишком чистой, а только освобождать от ненужных примесей.

Что же до неправдоподобий, то в пьесах Шекспира их больше, например, в Короле Лире, временная ткань в нем совершенно не реалистична...

Тургенев и Достоевский, Пушкин и Лермонтов писали БЕЗУПРЕЧНО. Но Толстой... Часто КОРЯВО! Не говорю уж про Андрея Платонова (кустарник, сквозь который с трудом продираешься).

Ее текст НЕ ПЛОХ, ибо плох текст Б. Акунина (муляж, музей восковых фигур), Виктора Пелевина (шарабан прокатил мимо и обдал с ног до головы грязью), я не говорю про ... и так далее, и среди классиков, и среди модерна...

Так вот – всегда ли надо все эти громы и молнии, налитые кровью глаза и прыжки и удары исправлять? Приключенческий роман в чем-то похож на оперу, в ней ведь тоже все не так, как на самом деле! Перечитайте романы Александра Грина.

Кое-что следовало бы УЛУЧШИТЬ. Но всегда ли это означает – привести в соответствие с некоторой подразумеваемой НОРМОЙ, подразумеваемой литературностью? Вот Битов пишет правильно. Но скучно. Лучше бы он писал хуже.

Ну а как писал Маяковский?

В книге «Воскрешение Маяковского» чудовищность его языка великолепно показана. Сильнее портить русский язык не удавалось никому, у него перепутаны падежи, склонения и спряжения, времена и формы... Но не выкидывать же его из литературы! Она, увы, обеднеет.»

Прошел год, писательница, о которой была речь, написала еще два романа, я ее «редактировал» и написал ей несколько строк:

«Узнаю моего обожаемого автора. Запятые нужны и впрямь, только не в этом месте. Но в целом их стало меньше.

Впрочем, не обращайтесь внимания на исправляемые запятые, а только на погрешности в стиле. Знаки препинания поставить, где нужно, не сложно, а вот стиль, описания, сюжетные ходы... действие у Вас напряженно и стремительно, захватывает, и так ли важны отдельные несообразности, которые не заметит и читатель? В драме, как и в авантурном романе, многое условно ...»

Еще о запятых.

В авангардистской форме «Потока сознания» был принято писать **совсем без запятых** (например, Натали Саррот). Но... Австрийский писатель Петер Хандке начинал как заядлый авангардист, не признавал ни сюжета, ни художественных образов, ни даже знаков препинания. А затем вдруг перешел к традиционному реалистическому искусству, написав «Медленное возвращение домой».

Культура – это ВОЗДЕЛЫВАНИЕ почвы, это «Отбеливание льна».

Коллизия: «Писатель – Редактор» может быть отнесена ко многим явлениям жизни и истории.

Философия многим кажется Редакторской работой над Текстом естественной религии – то есть религии, данной через Пророков или непосредственно через Откровение.

Литература – это редактирование действительной жизни, это ни в коей мере не простое отражение ее, и лишь частично поучение и развлечение.

Литература – это попытка создать второй мир, не совпадающий с тем, который нам сотворил Бог, а часто противостоящий сотворенному Творцом миру как лучший.

И потому справедливо христианская теология полагала, что литература от Дьявола, что писатель исходит из сомнения в совершенстве данного мира и пытается его переделать, хотя бы улучшить. И что философов, ученых, писателей и поэтов Церковь, как правило, сжигала, заключала в казематы и всячески пыталась сгладить, понизить до уровня простых нерассуждающих смертных, «малых сих», было, по-своему, совершенно справедливо.

Но самое ужасное состоит в том, что Крестьянин (возможно, даже имя его произошло или от термина *христианин* или от термина *крест*, или от синкретического соединения их по смыслу и созвучию) – и тот противостоит заключению Священного писания, что мир был создан Окончательно и наилучшим образом («хорошо»), ибо крестьянин-земледелец сначала расчищает лес под пашню, затем вспахивает поле и засеивает его, не удовлетворяясь тем, чтобы просто собирать плоды и пить родниковую воду, то есть РЕДАКТИРУТ землю... ну и, естественно, все мы *редактируем* ту жизнь, которую получаем от рождения!!!

Более того, и Ева и Адам начали с того, что по наущению Змия (первого Главного редактора) стали тоже редакторами, Плод Познания съели, захотели Рождать Евочек и Адамчиков, и из Рая их изгнали не только за ослушание, но и из-за того, что в Раю редактировать было нечего, а вот ВНЕ рая... сколько угодно.

Большевики были христианами еще пушицами. Их Священное писание (марксизм) было позволено редактировать только нескольким Главным пророкам, все же остальные, претендовавшие на... ну, не на попытки редактировать, а на помыслы... или на *возможные помыслы*... уничтожались ВСЕРОДНЕ!

Так что, начав с того, что *«стихи пишу затем, чтоб нравиться»* (или у Пушкина: «Пишу для себя!»), я необходимым образом пришел к Отчаянной мысли о необходимости **Редактирования мира**. А пока мир еще не поддается моему редактированию, я издаю Альманах и пытаюсь редактировать писателей.

Так что, дорогие авторы, не пеняйте на меня! Перечтите "Историю Оптинских старцев" – один из них еще в 19-м столетии захотел написать сию историю, и его сослали в Соловецкий монастырь, и поделом, ибо писание книг, по мысли христианских старцев – занятие, внушенное дьяволом.

ДНЕВНИК РЕДАКТОРА

22 ноября 2013. Я словно взбирался, как я думал, на некую гору. Не скажу, что жить мне было трудно, нет, жил я, надо сказать, достаточно легко и счастливо, несмотря на некоторый опыт пребывания в психушках и тюрьмах.

Оценивая свою работу, вижу, что многое в ней было пустым и бесполезным, но мне приходилось преподавать математику, и я был хорошим преподавателем. Кроме того, я написал Учебник Высшей математики.

В последние годы я редактирую книги самиздатских авторов, большинство из них моей редактурой довольно, и если не принес я им существенной пользы, то уж во всяком случае не причинил ощутимого вреда.

Кто-то, быть может, скажет, что не все эти книги были значительными и талантливыми, что много и чепухи появлялось с моей помощью, но я этим злопыхателям возражу так: великий Пушкин хотя и смеялся над графом Хвостовым, но, беззлобно, как видно, вреда для литературы он в нем не видел, и граф Хвостов, даже со своими несурзными текстами, в литературу все же вошел (с заднего хода).

Вот так не вижу я вреда и в чепухе, которая может войти в самиздат. Уж лучше писать книги, восклицал я не раз, нежели в подворотне стоять с кистенем или распивать на троих!

Жил я почти в свое удовольствие (хотя и не только), не шибко жаловался на жизнь (может, по пьянке), и хотя литература меня не заметила, но и ее я не терзал, не выставял громких претензий, и историк

литературы, когда будет писать про меня (хотя, конечно, не будет), напишет, что жил наш герой легко-легкомысленно. Да и я думаю, что литература меня отвергла почти случайно, как отвергает женщина, то есть не выбирая, не оценивая, не задумываясь.

Да ведь и не только литература меня отвергла, но и математика – только было я вознамерился получить официальный статус, как меня посадили, а потом надо было зарабатывать на хлеб насущный и не до ученых званий уже было, да и время было упущено. А значительно позже, когда я написал свой учебник, судьба по каким-то только ей ведомым причинам снова не пустила меня на ученый Олимп, и хотя учебник мне был даже заказан, и Учебное заведение было заинтересовано в том, чтобы его напечатать и распространять, но опять начались козни *дьявольских сил*, меня велено было из этого Заведения изгнать, а потом меня и вовсе посадили. (Что велели меня изгнать, несомненно, ибо случилось это внезапно, без объяснения причин, вчера меня обнимали, а назавтра вызвали в Отдел кадров и объявили, что сегодня моих лекций уже не будет, и Ректор отказался со мною встретиться. Точно так же, когда я лежал в 99-м году в больнице и готов уже был умереть, и чудом произошел переворот в болезни, вечером состояние было тяжелое, а утром я начал вставать – вдруг заявляется следователь, требует меня допросить, и меня, только-только начавшего оживать, допрашивает два часа, и тут же, уже под вечер, мне объявляют, что я должен покинуть больницу.)

А что же с учебником? А ничего. Те двое или трое, кто его прочитал, его хвалили, а распространять его среди студентов оказалось невозможно. И что это не только Учебник, но содержится в нем и нечто новое, математическое сообщество не захотело заметить.

Итак, математика меня отвергла тоже.

Только женщины меня любили – по крайней мере, как друга – даже чрезмерно, даже мои книги читали (а одна из них даже набирала их на компьютере). И это меня и изумляет, и вдохновляет, и этого достаточно, чтобы быть счастливым и даже хвастаться таким их равнодушием. Остальное – наша с ними тайна, может быть остального никакого и не было, но писатель должен интриговать своего читателя, вот я и интригую...

Политическая и общественная жизнь меня отвергли тоже, *Бизнес* отверг чуть ли не с яростью!!!

Меня отвергли богатство, власть, карьера, положение, известность, движимое и недвижимое имущество, успех в какой бы то ни было области деятельности (а я и издательство создавал, и партии, и на выборные должности претендовал), отвергло государство, отвергла оппозиция, церковь, христиане и язычники, верующие и атеисты, ученые и мракобесы, философы и даже поэты. Везде я оказался чужой, везде я *сам по себе*, сам от себя, отщепенец и изгой.

Даже "*сквозь пальцы текущие деньги*" меня отвергали, и сколько бы я ни работал – а везде хорошо, а в преподавании даже отлично, и Н.М. называл меня даже "гением преподавания" – но всю свою жизнь приходилось мне жить в долг, и часто разрабатывал я различные методы не политической

экономии, не новые теории прибавочной стоимости (хотя их я создавал тоже), а методы экономии в еде, в одежде, в выпивке и в бытовых удобствах. Да, и в самом деле, на такси я почти не езжу, одежду ношу с чужого плеча (как и сам вожу в деревню тюки собранных у друзей и знакомых вещей в подарок деревенским детям), сметану и творог покупаю подешевле, на поезде только в общем или в плацкартном вагоне, на самолетах не летаю, по морям и рекам не плаваю, в кафе и в ресторан не захожу (если только не затаскивают иногда приглашающие, хотя я и уговариваю их мою порцию выдать мне отдельно деньгами), водку пью не дорогую, пиво уже не пью, а прежде только отечественное, то есть дешевое, в баню хожу или в деревне или в общий класс, веники заготавливаю сам (хотя, впрочем, в последние счастливые годы раз в две недели звоню я С. – он рубит дрова для бани, – и собираемся мы втроем в лучшей в мире парилке – бесплатно, с чаем и настойкой... ах, такого блаженства не удостоиваются ни власть имущие, ни обремененные осянками и бриллиантами!)

Кто меня и что меня еще отвергало, а кто меня удостоивал милости, было бы уже и не интересно перечислять, если бы не было в том философского и религиозного значения. Нет ли все таки высшего замысла на мой счет – вот что меня занимает пуще всего (хотя девушки, признаться, занимают меня еще больше)? Итак, бедствия, выпадающие на мою долю, не являются ли испытаниями, призванными помочь мне в становлении характера и таланта, даже когда они очевидно являются кознями дьявольских сил? Ибо "Светлые силы" могут ведь и не сами направлять человека в необходимую сторону, а просто не препятствовать *дьявольским* козням? Но как бы они и не просчитались, так что когда уже решат, что я, наконец, для своей миссии подготовлен, достаточно избит, измучен, предан и продан, достаточно стоял на коленях или на вытяжку, достаточно превращен в дорожный прах, нависелся на дыбе, належался на шконке, насиделся в карцере или в темном углу, да, вот, решат, наконец, вспомнить меня и призвать, – то как бы вдруг не услышали, что я давно уже в общей яме для отвергнутых, и имена наши никому не известны.

Да, этот философский вопрос я еще не решил, поэтому стараюсь радоваться хотя бы тому, что друзья приглашают в баню и бьют веником, дети любят, и девушкам нравится со мной разговаривать и они не отвергают мои ухаживания, и даже ими восторгаются.

Итак, девушки... А многие, кого литература избрала, были несчастливы в любви, и Лермонтов, и Достоевский, и Аполлон Григорьев... и даже Пушкин, не всё здесь так, как трезвонит молва, а часто совсем наоборот.

Да, мои книги не читают... Но забудем про них.

Может быть вот эти последние, *посвященные литературе и ее призванию*, будут иметь успех?

Конечно, оригинального, моего собственного, в них мало, они – не часть литературы, а дополнение к ней, рецензия, отзыв, в них я пересказываю и повторяю то, что о литературе написали другие.

Поэтому... моим призванием могла бы стать математика. Если бы, например, я преподавал ее в старших классах школы в маленьком городишке, большом селе, в пригороде. Именно там могла бы *состояться* моя жизнь. А еще бы я вскапывал и засеивал огород, и жил бы совсем безбедно.

Но жаловаться ли мне и сегодня на жизнь? Ведь как бы там ни было, но я все еще жив – а Сократа уже приговорили к смерти.

26 ноября 2013. Размышляю о естественной истории, о происхождении человека и устройстве природы. Земля – чудо. Есть горы, долины, холмы и впадины. А то даже и пропасти меж скал, пещеры и овраги, разломы и трещины. Солнце, греющее днем, луна и звезды, освещающие ночью.

Реки, озера, моря и океаны. Тундра и пустыня, степи и тайга, луга и леса. И есть все, что не только глаз радует, но и всякие потребности удовлетворяет, и в питье, и в еде. Есть огонь, вода, плоды на деревьях, рыба в реках, всяких корешков и злаков невпроворот.

Вино и нефть, лошадь и автомобиль.

И эту книгу природы я читаю как чудесный роман. Великий творец ее написал, говорю я в восхищении. Нет, отвечает мне прозаический естествоиспытатель, это все само собой, сначала случайным образом, а потом в борьбе за выживание.

Буквы – озера, строки – реки и абзацы – моря. Сами собой, как при землетрясении, падали абы куда, и вот такой хаос озер, рек и морей и образовался, великая книга природы. Но никто ее не писал.

Нет, я, сочиняющий иногда удачные стихотворения, вижу и понимаю, что Поэма мироздания созидалась при неустанной работе творческого духа.

Люди, видящие в природе только случайность и хаос, как будто, мне кажется, неспособны видеть и красоту в природе.

Нет, говорят они, мы ее видим, только она не объективна, это просто мы сами так природой вытворились, что воспринимаем ее как красоту.

27 ноября. Говорят, объясняя причины и последствия большевистской революции, что интеллигенция создала миф о народе, а народ в отместку ее уничтожил.

Но в действительности все было наоборот: наш легковерный народ создал миф о добродетельной и мудрой, чуть ли не святой интеллигенции, а она его в благодарность уничтожила: сначала в экспроприации, то есть в уничтожении правильно налаженного городского хозяйства, включая промышленность, строительство, финансы; затем в горниле Гражданской войны, в накатывающих как штормы голодоморах; в расцерковлении (то есть в разграблении и уничтожении храмов), в расказачивании, в раскулачивании (то есть в раскрестьянивании, уничтожении правильно налаженного сельского хозяйства), в победоносных индустриальных пятилетках, в опутавшей всю страну раковой опухоли Гулага, в Великой победоносной войне, окончательно уничтожившей даже естественную способность народа к воспроизводству,

зарыв в землю десятки миллионов преимущественно молодых... Теперь мы укоряем наш спившийся, одуревший, разленившийся народ, что он не ходит на Болотную площадь, чтобы свергнуть новоявленных самозванцев, хозяев жизни, и не читает книг. А сами-то мы ходим? А сами-то мы читаем? Народу уже «пофиг» и наша (и его) многовековая культура и наша (и его) тысячелетняя империя, тем более что мы уже вбили в его одуревшую голову, что Россия искони тюрьма народов (хотя еще в прежних имперских границах к началу революционного тектонического сдвига православных в Империи было ВОСЕМЬДЕСЯТ процентов), мы уже вбили в его и в свою голову, что плохо в России не только сегодня, но еще хуже было всегда (повторяя это на всех перекрестках)...

9 декабря 2013. На меня однажды напали разбойники, нападение их было стремительным и немногословным... точнее, бессловесным... А поговорить-то? – хотелось им крикнуть вслед, лежа в канаве. Но они убежали молча.

Второй раз я уже был предусмотрительнее, я предвидел нападение, поэтому им пришлось со мною возиться, и они сами воззвали ко мне: Да ты что так отчаянно сопротивляешься?! Мы ведь не убить тебя хотим, а только ограбить! Так начался диалог.

И вот наконец-то откликнулась одна живая душа и на мою книгу «Призвание литературы», читательница высоко ее оценила (а я уже думал, что мои собственные усилия не вызывают никакого отклика, что не только с разбойниками диалог невозможен, но даже и с читателями и даже с писателями!), но только посетовала, что мне понравился приключенческий роман. "Неужели, воскликнула она, вы его всерьез хвалите?"

Но что же мне тогда сказать о моей новой книге «Инобытие литературы» – она, видимо, еще «хуже» тех книг, которые я хвалю, потому что еще ни один читатель не взглянул на стену, куда я "вешаю" свои Дацзыбао, ее очередные главы? Боюсь, мою почитательницу кто-нибудь наверняка упрекнет: Как, скажет он, Вы всерьез рассматриваете статьи этого «Философа», которого никто не удосужился прочесть хотя бы частично?! И даже намекаете на то, что он, этот самозванный «философ», что-то из себя представляет?

31 декабря 2013, 23-59. Не хватило одного дня в протекающем году, чтобы завершить хотя бы самое насущное: отредактировать книжку для издательства; напечатать очередной номер Альманаха, написать еще одну главу "Инобытия литературы"; поздравить близких с Новым годом.

Я уж было хотел предложить властям, чтобы они добавляли, в случае необходимости, один день в уходящем году, чтобы успеть подготовиться к следующему.

Но потом поразмыслил, что и лучше не начинать Новый год с нового листа, а продолжить – и жизнь, и эту мою книгу о Инобытии, и эту главу, в которой я словно стою на перепутьи и думаю: *Писать или не писать? Кому и зачем?*

1 января 2014, 23-00. Итак, безумная Новогодняя ночь позади, я уже почти успокоился, работаю над редактированием очередной главы в «Инобытии», пока ограничиваюсь тем, что слепаю новое из прочно забытого старого.

Вот что я писал года два тому, защищая от нападков одну из своих любимых писательниц, Анастасию Попову. Сначала на нее напал я сам, мне показалось, что в ее повестях обилие придуманных слов: или из новояза, или из молодежной фени. И о, к моему стыду, оказался я посрамлен, открыв словари, ибо все эти казалось бы новые слова оказались современниками пирамид.

«Меня улыбнуло» – писала Анастасия, и я думал, что это ее милая выдумка, но оказалось, что слово «улыбнуть» есть даже у Даля, правда, в значении «обмануть, надуть».

ЩАС это распространеннейшее слово, даже целые сайты в интернете есть, а образовано по исконным правилам русского языка, и аналогично «насмешило, обрадовало, позабавило.»

Не следует забывать, что и «из пламя и света рожденное слово» вызывало критику, родительный падеж от «пламя» казался единственно возможным как «пламени», как от «время» «времени», но, оказывается, «из пламя» – это законная форма родительного падежа в древнерусском языке, который неотделим от русского (хотя бы в стихах Пушкина, не говоря уж о более ранних поэтах, и не говоря про разговорный язык). Думаю, что и «улыбнуло» употреблялось тоже еще в двенадцатом веке. (Я вот так же думал, что «муркнуть» – молодежный сленг, нет, еще есть у Даля! И так далее... Вот в последнее время слишком часто мелькает слово *стебаться* – зло подшучивать, и оказывается, что это девятнадцатый век, у классиков, и происходит от английского «СТЕБ», то есть это *англицизм*)

Ну, про «КЛЕВО» и говорить не стоит, современная молодежь тут ни при чем, популярным это словечко стало в шестидесятые годы, когда я сам был молодежью, и воевал и против этого словца, и против «чувиха» и «железно».

Затем на Настю ополчились писатели (старые писатели, которым кажется, что новых писателей не бывает, а всё должно было закончиться на них самих). Ее они обличили в невежестве, в безграмотности, в наивности и неумении писать.

Из повести А. Поповой «Гидра»:

«Я просто физически ощутила, что хочу быть дома, который не тронула Гидра, в котором из крана бежит вода, а на столе что-то есть. По каким-то **изотерическим учениям**. А может, языческим, а может шаманским, а может, просто по философии, которую придумала Вита...»

Ну какие же «**изотерические учения**», когда подразумеваемые учения называются **эзотерическими**, то есть тайными, скрытыми [греч. *esōterikos* – внутренний, в противоп. **экзотерическим** (греч. *exoterikos* – внешний), то есть понятным всем, предназначенным и для непосвященных, не составляющим тайны]? Что же до **ИЗО** (др.-греч. ἴσος – равный, одинаковый, подобный), то

это часть сложных слов, обозначающая равенство, подобие по форме или назначению (например, *изолинии, изомерия, изотопы, изоморфизм*), отсюда **изотермический процесс** (θέρσις – жар) – термодинамический процесс, происходящий в физической системе при постоянной температуре, для идеального газа он описывается законом Бойля - Мариотта, который мы изучали еще в школе.

А если заглянуть в интернет, то там действительно «каша в головах», и авторы текстов не отличают ИЗО от ЭЗО, словно бы они не учили физику в школе (вот и доказательство, что бумажные книги не должны пропасть, они являются документом, в отличие от текста электронного, ибо только то, что **НАПИСАНО ПЕРОМ**, не вырubiшь и топором).

Пришлось мне вступаться за Настю Попову и обличить в невежестве ее критиков.

Во-первых, речь в повести идет от лица героини, а не автора, и в этом тоскливом возгласе замерзшей и несчастной героини «эзотерическое» совершенно неуместно, хотя «изотерическое» – неправильно. Но этот прием – языковых неправильностей – распространен в литературе, хотя бы в **оксюморо**не [др.гр. οξύμωρον – «остроумная глупость» – термин античной стилистики, обозначающий нарочитое сочетание противоречивых понятий.]. Примеры: Печальная надежда; Старый Новый год).

[И даже в философии (**антиномия** (гр. antinomia — противоречие в законе) — рассуждение, доказывающее, что два высказывания, являющиеся отрицанием друг друга, вытекают одно из другого.)]

КУЛЬТУРА – это **ПРОТИВОСТОЯНИЕ**. Возделанное поле противостоит невспаханному, заброшенному, целине, степи.

В культуре *личность* противостоит всеобщему, тотальному, одинаковому, *тол*те (а в частности, противостоит насилию, власти, **НЕСВОБОДЕ** и т.д. Только **КУЛЬТУРА** противостояла катку христианства, которое пыталось человеческую личность **РАСТВОРИТЬ** – в чем угодно: в Боге, в грехе, в самосознании ничтожества. Некультура – это уподобление *Я всем. Противостояние* в повестях Поповой – отличительный признак **КУЛЬТУРЫ**.

Язык, сюжет, действие и действующие лица в повестях Поповой **АДЕКВАТНЫ** друг другу, язык **соответствует** героям, другой язык был бы смешон, так как «Светик была зая, и ума столько же». Нам, взрослым, непривычен этот язык. Но главное – в повестях происходит **РАЗВИТИЕ** характеров, чего в других книгах после 19-го века уже нет, не говоря про сегодня. И существует сложное метафорическое поле, и ГидРо и Гидра, и хождение по облакам, и **ВЛАСТЬ ДЕНЕГ** и жажда их и жажда **ИНОГО** одновременно – все не случайно. Есть **ЛЮБОВЬ**, **СОСТРАДАНИЕ** и **ЖАЖДА СПРАВЕЛИВОСТИ** – Хребет русской классики, а всего этого в другой современной печатной продукции нет, вместо любви секс (как у Пелевина), вместо сострадания расчет, вместо справедливости самоутверждение.

Возможно, исток творчества этой писательницы – в Салтыкове-Щедрине и Маяковском (и, конечно, не в Булгакове, глубина которого чрезмерно преувеличена, а его Иешуа и Воланд – из оперетты, а не из трагедии).

СОПРОТИВЛЕНИЕ и ПРОТИВОСТОЯНИЕ – сложно об этом писать мне, у которого нет, увы, союзников, кроме русской литературы прошлого, потому что она единственная боролась за ЛИЧНОСТЬ внутри НАРОДА – против клерикализма, социализма (напр. Достоевский), космополитизма, мракобесия, ... ах, сегодня страшно заговорить с собеседником – или он верит в новую Хронологию, окончив когда-то три факультета, или пошел в сектанты, думая, что стал православным, или лепит золотого тельца, уподобившись иудеям, или ищет разум в атомах, или помешался на масонах, или нового мессию нашел в Путине (как Проханов), или...

Объяснение простое: ложь и неискренность перед самим собой. Чем меня подкупают провинциальные учителя: они ИСКРЕННИ.

Вот почему надо внимательнее читать молодых: они начинают с чистого листа, и им не надо столько муров выкинуть из своей души, сколько нам.

2 января 2014, 22-39. Рыская по интернету, по словарям и энциклопедиям, по «пыльным тропинкам» меж залежами бумажных книг, я вытаскиваю из них то, что интересно мне самому, и вываливаю это на головы читателей. Зачем? не за тем ли, чтобы похвалиться? не за тем ли, чтобы казаться умнее, чем я есть, обольстить и приманить к себе наивного читателя?

Нет, вовсе не за тем, это мне ясно (а читатель может поверить).

Ну так что же, я его хочу просветить, изменить, научить, убедить в том, во что сам верю, сообщить ему Истину, которую с трудом нашел сам после нескольких десятилетий поисков и которая протекает у меня сквозь пальцы, как тающий снег в ладонях?

Нет, не так.

Пишу я и не для читателя, а для писателя, автора романов, и хочу и в самом деле сообщить ему что-то важное, что, мне кажется, ему полезно и необходимо знать, чтобы его собственное обращение к читателю было действеннее (или эффективнее... но не очевидно ли, что слово «действеннее» гораздо эффективнее, чем «эффективнее»? Выбор точного СЛОВА важнее сюжета и умения «грепать языком», ибо даже гениальный Пушкин мечтал, чтобы «шестикрылый серафим» вместо грешного языка «жалю мудрыя змеи» «в уста замершие мои» водвинул! Слово прежде романа! И точное русское слово прежде заимствованного. Но все же и я, ратующий за русскость, ставлю подряд «всеобщему, *тотальному*», потому что и заимствования уместны, когда уместны или даже необходимы.)

Пишу я для писателя и, разумеется, не пытаюсь восполнить пробелы в его образовании, он их восполнит и без меня, только бы поверил, что это необходимо. У писателя есть некая важная, не всегда сознаваемая, не всегда постижимая цель, задача, он ее, по крайней мере, должен *почувствовать*, как например, крестьянин, выходящий рыхлить огород, *знает*.

Редактор может оказаться полезен и необходим, если он явится тем орудием, тем умением, тем инструментом, без которых невозможно обойтись писателю, чтобы взрыхлить свое литературное поле. Редактор – это меч в руках воина, это скальпель в руках хирурга или, по крайней мере, это тот точильный камень, о который писатель наточит свое перо.

Разнообразные сведения, которые я вытряхиваю на и так уже замученную и замороженную голову писателя, это не часть хаоса, обрушивающегося на нас ежедневно со страниц Интернета и газет, но Хаос, превращаемый моими усилиями в Космос (возможно, это мне плохо удастся, но именно этим я пытаюсь заняться).

Язык, личность, народ, Истина, Бог, гармония, любовь, добро и зло, история, Культура. Религия, философия, художественная литература.

Даже если писатель пишет о приключениях гномов на Гамма-октаэдре, но если он не только стремится читателя позабавить, рассказывая абстрактный анекдот, не имеющий отношения к нашему текущему бытию, он не сможет уклониться от того, чтобы ВЫСКАЗАТЬСЯ в отношении «Языка, личности, народа, Истины...»

Не выговорил ли он общее место, пошлость или глупость?

На той ли он стороне в борьбе Тьмы и Света?

Ах, ЯЗЫК... Это бесконечность. И как много тонких и пронизательных, малую часть которых я только знаю хотя бы поверхностно, о нем писали! От Аристотеля и Платона до Гумбольдта, Потебни: "антиномия субъективности и объективности видна не только в том, что язык вообще служит посредником между лицом и миром, но и в том, как именно он усваивает человеку этот мир: в пестром разнообразии чувственных впечатлений мысль открывает законность, согласную с формами нашего духа, и связанное с нею обаяние внешней красоты"; Хайдеггера, Мамардашвили: «человек, способный воспринять и выразить (в тексте, в поступках) чудо мысли, проходит некий опыт сознания, по своей структуре аналогичный опыту исполнения мысли в различные эпохи и у различных мыслителей» [то есть, хотя Я как будто вторичен, повторяя опыт прежних мыслителей, но духовное содержание этого опыта в переживании тождественно тому, что испытывали и они.]

Что же делать бедному писателю?

Возможно ли ему прочесть и усвоить эту бесконечную последовательность гениев, чтобы и самому стоять, по выражению Коперника, «на плечах титанов»?

Конечно, и писателю НАДО ЧИТАТЬ (хотя бы избранных), чтобы не сеять по камню: чтение – все равно что рыхление поля крестьянином, а писатель, прежде чем обратиться к читателю, должен взрыхлить поле своей души. Но я его утешу. Не обязательно прочитать всё:

«Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется.
Но нам предчувствие дается,
Как нам дается благодать.»

И это именно «предчувствие» озаряет путь писателя и позволяем ему быть одухотворенным и действенным.

Не то же ли самое (поэтически верное, но привязанное не к Богу, а к Дьяволу) имел в виду Маяковский, говоря о безграмотном крестьянине?

Но он слышал, как говорил Ленин,
И он знал ВСЁ!

Скальпель у хирурга не должен быть ржавым, и перо у писателя не должно оставлять на бумаге кляксы. Что же до физики и химии и лингвистики (и даже математики), то уж ладно, пусть у писателя будут не самые обширные познания в этих областях. Предчувствие и интуиция, чувство языка, МЕРА и ВКУС способны заменить ЗНАНИЕ законов, по которым язык движется в пространстве антиномий и парадоксов, оксюморонов и острот, образов и тропов (метафор, эпитетов и пр.), и если есть МЕРА и ВКУС, то есть «если кроме красоты есть еще и добро» (как у Настасьи Филипповны), то всё спасено!

И поэтому и мне не надо писать ОБО ВСЁМ – даже обо всем самом главном! Самого главного бесконечное море, и мне не хватит не только времени, но и бумаги. Но мне необходимо написать ТО, что скрепляет наши знания в гармоническое целое, что помогает созиданию логического и эстетического мировоззрения.

Да, вот, кажется, я ответил на подразумеваемый важный вопрос: надо ли писать и есть ли смысл в том, что я напишу? Научу ли я кого-нибудь, смогу ли убедить в справедливости своего взгляда на литературу?

Я, кажется, начинаю верить, что смогу побудить того, кто будет меня читать, к размышлению, к потребности в диалоге, к необходимости поставить в основание своих книг МЕРУ и ВКУС. О, этого и достаточно!

И потому в заключение этой главы, в которой, о чем бы я ни писал, я думал лишь о том, стоит ли жить и писать, я напишу о малой части языка, о приставках. Суффиксы и окончания разберутся с нерадивым писателем сами.

Ночь на 3 января 2014, 0-45. Вертеться и вращаться – слова однокоренные, корнем у них, как ни странно, является «В-Р», и все остальное многообразие производится при помощи приставок ОТ, ПО, ПРО, РАЗ...:

Рцы, Реку, Речь – тоже слова однокоренные.

И вслушаемся теперь в эти слова: **отвернуться**, **отвертка**, **отрицание**, **отречение**; **повернуться**, **поворот**, **порицать**; **провернуть**, **проприцатель**; **навёрнуто**, **наречие**...

Разворачиваем (пакет), **разворачивается** (корабль, автомобиль – протяженное вдоль линии тело), **развратить**, **разврат**, **развращение**... **Разбой**, **разбойник**, **рас(з)тление**, **разгром**, **разруха**... **Раздробиться**, **развернуться**, **распасться**, **разрушиться**, **раздвоение**, **рас(з)стройство**...

Вы не замечаете, что в приставке *уже содержится* ХАРАКТЕР действия? В «раз» сосредоточена разрушительность, «деструктивность», разврат, растление. Так можно ли, стоя у окна, потом «развернуться» и пойти к двери? То есть словно бы распасться на части, раздвинуться, развратиться – стоя у окна?

После сего вы согласитесь, что говоря «дул ветер», вы в России, а говоря «меня охватил драйв», вы уж не в аду ли? Или на Лысой горе?

Да, вот, кажется, я снова начинаю верить, что стоит и жить и писать, и если даже двое будут меня читать, я буду с ними третьим и, значит, буду не одинок. Но и они тоже не будут одиноки, ибо я буду с ними.

Вместе же мы сотворим некий миф о редакторе как «*исправителе путей*».

3 января 2014, 11-45. Нет, идея этой главы еще не вытанцевалась, не выкристаллизовалась, она еще *аморфна*, то есть не приобрела «необходимую и достаточную форму» (как говорят математики, имея в виду УСЛОВИЯ, при которых нечто воистину справедливо, и «ни отнять ни прибавить»).

Конечно, я стою на распутьи, это верно, но какие дороги передо мною, есть ли они или непроходимый лес, и выбрал ли я дорогу правильную, нужную, необходимую, и знаю ли, зачем и как по ней я пойду?

Да. Хотя и смутно, туманно, с неуверенностью, с сомнениями, оглядками, опасениями. Как и во многих других выборах, не только при решении, писать ли сию книгу, для того ли или для другого ее писать, так или иначе.

Но у читателя сомнений еще больше, чем у меня, если он дочитал ее до сих пор (в чем я тоже сомневаюсь), то читать дальше он уже точно забоялся, он думает: «Высыплет сейчас на меня этот довольный своими познаниями гад весь интернетский ворох (и из своих словарей), и я разучусь не только писать, но и думать».

Нет, читатель. Во-первых, я знаю мало, да и то знаю понемногу (даже и того, что я НИЧЕГО не знаю, я не знаю – как я уже говорил – и тем умнее Сократа). Во-вторых, я помню слова Гераклита о том, что надо различать *многознание и истинное знание*, и о том, что «*многознание уму не научает!*»

А посему моя задача и для вас и для себя – найти дорогу к *истинному знанию* (которую, признаюсь, я еще не знаю. Хотя смутно предчувствую).

Бесконечность, лавина знаний (лучше сказать, неупорядоченной *информации*) меня самого угнетает, я пытаюсь выбраться из-под лавины. Сначала это была лавина марксистско-ленинского учения – и ведь не столько «Капитал» и «Материализм и эмпириокритицизм» (первая из них вторична, Пушкин читал Адама Смита и уже был в достаточной степени марксист), вторая же невежественна (Пушкин ее не читал, как и Маяковского, и был в меру невежествен – на ее величину), но лавина книг и статей его эпигонов: даже в учебниках математики, даже в «Таблице семизначных логарифмов» в начале изложения стояли марксистско-ленинские вступительные статьи – как первым уроком в гимназиях был «Закон Божий»). Ну так вот, из-под лавины марксистско-ленинского учения я сам с трудом выбрался и вас туда не затаскиваю, напротив, я пытаюсь только расчистить то поле, которое вы, литераторы, будете возделывать.

С «дурной бесконечностью знаний» справляется, как ни странно, сама наука, само устройство ПОЗНАНИЯ, некая вложенная в нее гениальная способность, которую я объясню на примере математики.

Представим себе, что математические знания представляют из себя мощеную дорогу, и каждый последующий математик проходит ее от начала, своими босыми ногами ощупывая каждый ее камень, а затем начинает с того места, где она окончилась, мостить ее дальше. Да еще следует отметить, что дорога эта ведет в гору, к «сияющим высотам» истины.

Аполлоний в третьем веке нашей эры уже проштудировал двенадцать книг Евклида (включающие Пифагора), затем Архимеда, а затем уже сам стал рассекать конус плоскостью и обнаружил *эллипс*, *параболу* и *гиперболу* (которые, как оказалось через полторы тысячи лет, описывают движение всех

космических тел, и Солнца, и Земли, и Луны, и даже комет, и нынешних спутников, и даже камня Давида, выпущенного по Голиафу из пращи). И он продолжил мостить. А после него Паскаль. А потом Ферма. А потом Ньютон, Лейбниц, а дальше уже и лавина, и все сплошь гении, в отличие от учителей «единственно-верного», но отвергнутого ныне учения).

Но оказалось, что каждая следующая единица математического пути не только сама «девальвируется», худеет, укорачивается на половину (как в каждое десятилетие худел доллар даже при моей жизни, и в детективах шестидесятых годов злодеи нанимали киллеров за доллар, а ныне уже платят им по миллиону), но в результате такого магического уплотнения строящейся дороги и все предыдущие ее участки тоже уплотняются, и новые Паскали и Невтоны пробегают путь от подножья математической горы до строительства чуть ли не скорее, чем Архимед и Аполлоний.

Сие поясню на примере.

В десятом классе даже меня мучила тригонометрия, на доказательство одной только теоремы о синусе суммы углов тратилось полторы страницы. Оказалось же чуть позже, что тригонометрические функции всего лишь частный случай показательных, и так как при умножении степеней показатели складываются ($b^3 \times b^4 = b^{3+4} = b^7$), то все формулы тригонометрии просто вытекают из этого простого тождества.

Таким образом, подготовиться к участи строителя новых участков дороги знаний и сегодня не сложнее, чем во времена Аристотеля, если не проще.

Но помимо ЗНАНИЯ есть еще и МАГИЯ. Есть еще и *магическое знание*.

Теология, философия, литература (независимо от того, какие цели они провозглашают) заняты его поисками, то есть поисками «Философского камня», условно говоря. Они стремятся заместить собою Священное писание, и стремятся к этому небезуспешно, особенно учения-суррогаты, как недавно марксизм, как во многом теология, особенно средневековая, как часто схоластическая философия.

Я пришел для того, чтобы вам, вдохновенные мыслители и творцы, помочь (одновременно и себе).

Есть несколько важнейших тем для размышления и творчества, которые представляют из себя, казалось бы, и поля, которые необходимо возделывать литературе, но словно бы над ними пронеслась вулканическая буря: они превращены в свалки, они даже намеренно завалены так, что не только возделывать, но и пройти по ним невозможно. Это женщина и любовь к ней, это любовь, личность, общество, народ, национализм (народность, или свойственность), это сакральность и кощунство, верноподданность и отщепенчество (неангажированность, диссидентство), это дух и материя (плоть), талант, гений, вызов черни и однообразия (хотя бы даже в истине, как кажется, религиозной).

Не скажу, что я «пришел дать вам волю», я всего лишь *Миф глубины и знания*, но я – поиск. В литературе ишу я откровения – и для себя тоже. Я философ и писатель, даже если я только цветы (васильки), выросшие на литературной ниве (но, значит, цветы философии растут на ниве литературы., если не только на литературной ниве настоящая философия и произрастает?).

Это мы узнаем, для того я и пришел к вам как МИФ и редактор.

Глава восьмая

НОВЫЕ ЗАПИСКИ ОТЩЕПЕНЦА*1. Предварительные замечания*

По-прежнему я чувствую одиночество, даже большее, чем при коммунистическом тоталитаризме. Или ныне тоже тоталитаризм, и даже, может быть, еще более плотный? Тогда, в советские годы, радио, газеты, партсобрания, отчасти телевизор, отчасти искусство и литература промывали мозги, ну а теперь одного телевизора более чем достаточно, он заполнил все поры в воздухе, которым мы дышим, проник в молекулы воды, даже, быть может, и в молекулы спирта – иначе чем же объяснить, что и спивающиеся, спиваясь, любят наш теперешний строй всё пуще?

В семидесятые и восьмидесятые годы я был близок с удивительными интеллигентами старшего поколения, выросшими при усатом вожде, но сохранившими старую русскую культуру. Они представляли собою Инобытие, отделенное пропастью от коммунистического бытия, и противостоящее этому бытию тем, что они от него ОТСТОЯЛИ.

К нам в квартиру на литературные вечера приходил Т. А. Шумовский, друживший и сидевший с Л. Н. Гумилёвым; приходил Ю. Б. Перепёлкин, великий собиратель русского вокала; В. Г. Горбачкий, восторженно рассказывающий о свободомыслии в Академии наук.

Бывали и наши друзья, из нашего поколения, и мой друг Казимир, ныне увековеченный в барельефе у входа в Кантовский университет, Наташа М., Володя К., потомок Вари Паниной Константин Бауров, профессор Политеха Дм. Шаников... Приходила и молодежь...

Ходили и мы к ним в гости, и это были праздники общения, любви и поучения.

Сравниваю две эпохи по двадцать лет: с семьдесят третьего до девяносто второго и затем с девяносто третьего по тринадцатый, последние сорок лет своей жизни. Одна эпоха была при несвободе, не только меня не печатали, но и писать что-то критическое хотя бы в стол я боялся. Вторая эпоха хотя и внушает опасения, но пока известности нет никакой и тиражи по четыре экземпляра, вроде бы и не должны посадить. А говорим мы всё, что хотим, не опасаясь доносов – но люди теперь гораздо менее интересны (да не будут они на меня чрезмерно обижаться, таков я и сам!). Да к тому же более поверхностны и менее образованны, чем даже я сам (исключая Бориса О---на). А вообще нынешние, если брать их в массе, от молодых до старых, меня даже ужасным образом ошеломляют и вызывают отчаяние: они все сплошь либо любят Сталина (ну откуда он вдруг взялся, сорок лет о нем не слыхивали, если кто и любил его, так стыдился в этом сознаваться!), либо любят Путина (мог ли я вообразить, что среди моих знакомых – а даже и незнакомых – кто-нибудь в оны годы мог любить Брежнева или Черненко или «родную коммунистическую партию»?).

Так что в те годы, годы «второй моей юности», я жил в ощущении духовной свободы и одиночества со многими.

В нынешние, при «третьей юности», живу в ощущении духовной пустоты, невежества, одичания, отупения.

Я часто думал о себе как об «отщепенце» – от общей массы советского народа, но подлинно отщепенцем стал я только сегодня, полного единодушия уже нет ни с кем.

Вчерашние комсомольцы, верующие пусть и не в полную силу в идеалы социализма, в святость кровавого большевистского строя, не желающие знать исторической правды, отрекшиеся от собственной истории дореволюционных двухсот лет, верноподданные и раболепные – сегодня искренне недоумевают на мои обличения. Став поклонниками золотого тельца, по совместительству заходя в церковь, они забыли, чем жил их дух вчера.

Так, может быть, завтра они смогут так же ВДРУГ, безо всякой подготовки, без внутреннего потрясения и катарсиса (очищения) отречься от нынешнего опьянения безумной и бездумной жизни, и станут искренне негодовать: да когда же это мы веровали в Путина и Абрамóвича? А разве ты сам не надеялся какое-то время на Ельцинскую эпоху?

Да, все может быть. Но пока и вчерашние отгоргнувшие социализмом или пострадавшие от него, способные, кажется, к духовному видению, не видят духовного опустошения и растления современной эпохи: падения образования, культуры, оттеснения русского народа на обочину исторической жизни. Не чувствуют трагической гибели культуры, образования, справедливости, духовных целей, гибели русского народа, прежде физической, затем духовной, а значит в очень близком будущем гибели России.

2. *Одиночество отщепенца*

Художник (то есть и поэт, и писатель в том числе) (или философ) почти всегда одинок. Бывают времена, когда его словно бы несет на гребне девятого вала и всенародного признания, но чаще всего этот гребень несет вовсе не художника или философа, а модного культуртрегера, публициста, интерпретатора. Сальвадор Дали и Пикассо были знамениты, но они не были великими художниками, они были модными салонными парикмахерами, дизайнерами, кутюрье. Они были талантливыми рисовальщиками, да и в таланте живописцев им нельзя было отказать, но в таком же таланте, как у них, нельзя отказать и известным создателям моды в одежде и убранстве жилищ.

Правда, бывают и исключения, иногда признание или полупризнание сопутствует и выдающимся мастерам, но это именно исключения. Пушкин был признан – сначала в родственной ему поэтической среде, признан Державиным и Жуковским, Дельвигом, Баратынским, Языковым и другими своими, в частности, лицейскими товарищами, затем признан в образованной аристократической среде – но даже эта среда его отвергла после дуэли с Дантесом (трудно поверить, но в салонах его больше осуждали, чем жалели, а жалели напыщенного и вульгарного эльзасского прощельгу, изгнанного из России), и Лермонтов именно поэтому пришел в неистовое негодование и написал: *А вы, презренные потомки!* – словно бросил в лицо им перчатку или пощечину.

Казалось бы, то, что мы изучали Пушкина в школе, учили его стихи в детстве и юности, говорит о его всенародном признании и в последующие десятилетия – но это именно результат государственной политики так сказать "пушкинизации" страны, политики, начавшейся еще при императоре Александре первом (стихи восемнадцатилетнего Пушкина были помещены в Хрестоматию для народного чтения), и влияния культурного сословия – все русские писатели и деятели культуры единодушно проповедовали Пушкина среди образованных и среди невежд.

Вот так же мы читали и стихи Маяковского, но я почти не встречал ни одного читателя, который бы по собственной воле, без принуждения школы, читал бы его стихи (кроме меня).

Правда, и Пушкин, и Лермонтов, и Есенин и Маяковский и кое кто еще кое что сделали и сами, чтобы привлечь внимание публики. Особенно в этом преуспел Сальвадор Дали, в саморекламе он был подлинным гением, так что я не совсем прав, говоря, что он не велик.

Но философ и редактор почти всегда одиноки.

Писатель одинок среди тех, для кого он пишет, он одинок среди читателей, даже своих, даже тех, кто его читает (многие ли читают его так, как этого хочет он сам, выстрадавший свое произведение с большими страданиями, чем даже мать выстрадывает свое дитя!?!)

Но писателя читает и понимает редактор, он не только его поправляет и исправляет, но даже стремится *направить*, как сердобольный прохожий, нашедший в канаве пьяного.

А кто посочувствует редактору? Кто его исправит, кто ему поможет, в особенлившемся редактору, вознамерившемся отредактировать мироздание? Очень часто все стрелы негодования, цветы юмора, плоды восхищения достаются *только одному* читателю, к которому взывает редактор, то есть автору текста, но тот небрежно пробежит редакторские пометки и в негодовании их отвергнет.

Я думал, что я *отщепенец*, отторгнут и властью и народом, и даже отчасти своим окружением, когда я воевал (чаще молча, в душе) с советской властью, но что такое подлинный *отщепенец*, я узнал, когда стал редактором.

Но это было мое необходимое восхождение. Куда-то... Где ни лавров, ни роз, ни медовых рек, ни признания, ни уверенности в истине, но еще пушище сомнения, и где только труднее дышать, чем в низине. Да, воздух там чище, но он разреженнее.

Я утешаю себя тем, что создаю МИФ о самом себе, и из величия мифа мне легче разговаривать с людьми, я не замечаю ни их отторжения, ни их непонимания, я спокойно и величественно смотрю на облака, проплывающие мимо меня. Они тоже величественны, и тоже не страдают.

Я говорю себе, что наконец-то приблизился к Сократу – не по уму, но по положению Он ведь тоже был никем иным, как вьедливым и желчным редактором, он всех поучал и исправлял, то есть *редактировал*, ибо Сократ был философом и редактором. Когда он окончательно всех "достал", его заставили выпить цикуту.

То же ждет и меня. Правда, я редактор мягкий, возможно, цыкутой меня поить не станут, мои сочинения просто выбросят в корзину или сожгут на костре (как моя племянница).

Но, правда, почти все, что со мною происходит, даже и одиночество, оказывается необходимым, чтобы я не переставал брести, иногда из последних сил, куда-то туда, где уже почти совсем нет читателей, обычных, земных, но появляются иные существа, то демоны, то ангелы, то некто в белом, возможно, это Сам Бог.

В недавнее время я претерпел несколько приключений, я уже думал, что моя дорога закончилась, что я уже больше никуда не дойду, а меня самого понесут. Но случились удивительные события, и люди, причастные к ним, кстати, тоже во всем белом, сестрички, врачи и прочие ангелы, единодушно обозвали эти события чудесами. «Мы следим за Вашей судьбой, – воскликнули две ангелочки, гладившие меня по голове, – и знаем, что у Вас уже всё хорошо. А будет еще лучше». «Вас за что-то любит Бог и хочет, чтобы Вы оставались здесь и, вероятно, продолжали писать свои книги!» – добавил еще один Ангел, старший по званию.

3. Философ-отщепенец и Бог

Но сегодня я узнал, каково все на самом деле. Сегодня ночью он ко мне пришел и мы проговорили почти обо всем. Оказывается, дело не совсем в Его любви, а дело в том, что Он тоже... *отщепенец*. Он тоже страшно одинок.

– Знаешь, – сказал он мне, чуть не со слезами на глазах, – в сравнении с тем, что не читают тебя, мои беды гораздо круче. Меня, напротив, читают кто попало, но лучше бы не читали! Но запретить я не могу?! Я пришел ко всем, а дошел до немногих. Иногда мне кажется, что кроме тебя мне вообще не с кем поговорить. Ты меня ругаешь, но твое негодование я слушаю как музыку, ты в меня воистину веришь, воистину знаешь, что я есть, потому и негодуешь.

А они уверены в обратном. Впрочем, одни уверены, что хотя меня нет, но я якобы придуман, таким, каким кто хочет видеть. Другие думают, что хотя я есть, но никому ничего про меня не известно – то есть, что я или "туманность Андромеды" или пустое место – а это, как ты понимаешь, еще хуже, чем если бы меня не было. Третьи выдают за меня свои чаще всего злобные фантазии, а иногда и умильные, но такие елейные, что я начинаю задыхаться и кашлять (здесь, как ты заметил, иногда бывает сыро, вероятно, от облаков).

Когда мне донесли, что ты собираешься очучу... ну, то есть «отдать богу душу» (а я ее у тебя просил?), я просто перепугался. С кем же на Земле я буду разговаривать? Да ругай ты меня сколько хочешь, черт с тобой! (Кыш, кыш!! – закрычал он куда-то в сторону) Ну, стоит мне упомянуть его имя, он тут как тут.

Вот ведь в чем дело. Человеку дана его собственная жизнь и душа и ум, и вместе они его могут многому научить. Но он не хочет, как правило, учиться, не хочет мыслить, чувствовать природу и культуру, даже не хочет жить. Ты и сам знаешь, что или тупая болтовня, или бессмысленные развлечения-наслаждения, от вина до наркотиков. Даже любовь превращена им только в наслаждение, они не находят *радости в заботе и долге*.

Человек не хочет учиться у природы, он ее коверкает и уничтожает, ты сам видишь, в твоей стране реки – сточные канавы, леса – лесосеки и буреломы, пригороды – свалки. Представь себе, если бы я был адвокатом на страшном суде, где вас обвиняют и присуждают даже к смерти, и хотел бы вас как-то отмазать, ни одного слова в вашу защиту я бы не нашел.

А каково отношение к Культуре? Ведь это самое великое, что у вас есть, включая и Язык, в котором заключено всё, вам он не только для связи с другими людьми, но и со мной, не одними же бессловесными молитвами я жив, как вы не хлебом единым!

Но человек противопоставил поклонение Мне и жизнь, Религию и Культуру. Моё, якобы, воинство, или уничтожает культуру, когда в силе, когда обладает властью, или всемерно ей противодействует.

Но Я, создатель мира и человека, Творец в высшем смысле этого слова – как же я могу быть противоположен культуре? Я что, не умен? Не воодушевлен? Не вдохновен? *"Над вымыслами слезами не способен обливаться?"* Да я вашего (и моего) Пушкина всего наизусть знаю, потому как во мне почти всё, а у него даже всё, включая и слабости и пороки, хотя не худшие. Человек в некоторых отношениях шире Бога, и я сам ему это разрешил.

– Загвоздка в Священном Писании, в откровениях пророков, апостолов, отцов церкви, – дерзко возразил я. – Пушкин не говорит, что к нему пришел сам Создатель и продиктовал его вдохновенные строки, в крайнем случае ссылается на Аполлона и муз. А они утверждают, что их устами говорил Ты, и их пером двигал Ты. Я не отрицаю, что они тобою вдохновлены, иногда и сам я испытываю нечто подобное. Я не отрицаю, что многое в Священном Писании вдохновенно, но они настаивают на одном, на том, что оно ДУХОВЕННО, то есть тобою, в сущности дано, даже если они сами писали свои заветы и послания. Апостол Павел не говорит, что вот, де, братцы, одумался я, поразмыслил и понял, что прежде был не прав... Нет, он говорит, что по дороге в Дамаск, куда он шел предавать христиан на смерть, Сам Христос явился ему явно (а не в грезе и не в вымысле) и шарахнул его, после чего он даже потерял сознание и ослеп.

И с тех пор «не я, но Христос во мне!»

Попробуй такому возрази! С тобою легче спорить. Ведь не на суде я с тобою спорю, а бессонной ночью, когда никто не видит, а с Писанием спор мой будет пред всеми людьми и пред церковью.

Как, завопят все, самое верное в мире учение, всесильное и верное, потому что правда, потому что в нем все научно, потому что все прогрессивное человечество за него, а ты один, единственный, кроме, конечно, мерзких империалистов на Западе – и ты смеешь ему противостоять?!

Бог засмеялся и вытер слезы.

– Ну, мой друг, ты перепутал меня с Марксом, а своих верующих оппонентов с марксистами.

– Да они сами не могут отличить, когда они верующие, а когда марксисты. Вон, смотри, по улице идут хоругвеносцы с портретами Сталина на иконах. Это ты их вдохновляешь, что ли? – с сарказмом я добавил.

– Нет, не я. Видишь ли, они часто путают меня с Дьяволом, и действуя во имя мое, действуют, напротив, ради него.

– Так духовенно ли тогда Священное Писание? Ведь если все, что в нем сказано, это только мнения людей хотя и вдохновенных, но существенно от меня или Вольтера, или, например, Даниила Андреева и других вдохновенных поэтов не отличающихся, то можно хотя бы отчасти с ними не соглашаться, можно мыслить, рассуждать, высказывать и собственные мысли о взаимоотношениях Земли и Неба?

– Не так все просто, мой друг! Если я тебе скажу, что оно *духовенно*, ты будешь раздражен и печален, ты скажешь, что я поддерживаю власть святош и лицемеров, что я по-прежнему на стороне Птолемея против Коперника, на стороне англичан и свиньи-Кошона и суда инквизиции против святой Жанны, что я даже на стороне Каиафы против Христа, ибо ведь и Каиафа опирался на незыблемый авторитет Завета, а Христос, хотя в конце концов стал источником совершенно новой религии, в отличие от иудаизма, но даже Он сказал, что пришел «не разрушить Закон, а лишь подтвердить его».

Если же я тебе скажу, что оно только *вдохновенно*, то скоро от незыблемых оснований религии и церкви ничего не останется. Ведь не перестраиваете вы Парфенон?! И Исаакиевский собор остался на месте и Смольный – даже при богоборческой религии большевизма. При всей изменчивости человека и культуры они одновременно достаточно консервативны, необходимо, чтобы, возвращаясь в прошлое, человек узнавал его, чтобы настоящее не полностью его уничтожало. Помимо изменчивости необходима целостность бытия, не все удовлетворяются тем, что "у любви, как у пташки, крылья", иные жаждут того, чтобы была "любовь крепка, как смерть".

– Да, Господи, я согласен с тобой. Слово бы мы думаем одинаково. Да нет ли такого чувства и у тех, которые убивают праведников, а полагают, что исполняют волю Божию?

– Нет. Кошка знает, как ты любишь говорить, чье сало съела. Если бы не знала, то за что бы ее судить?

– Да, изменять нашу косную церковь – боязно и прикасаться... Вот, например, богослужение идет на церковно-славянском, то есть древнерусском, и иные реформаторы требуют перейти на современный язык. А что же тогда нас будет соединять с прошлым, с поколениями наших пращуров, с их литературой? Что будет создавать ощущение целостной тысячелетней истории России? Это все равно что от реки дамбой отделить ее истоки.

Верующие, истово-православные – вовсе не лучшая часть народа, миряне, приходящие в храм помолиться, не лучше тех, кто приходит в забегаловку выпить водки. Единодушно с многими я ощущаю себя в Концертном зале. Но миряне – это среда, в которой произрастает клир, а может, в них даже побеги от него. Косность, узость, нетерпимость, невежество и бескультурие их соединяют больше, чем слово Божие. Лучшие бы реформы в церкви – это изменения в клире, изменения среди начальствующих. Молитвы хороши, да молящиеся плохи, и не делают их молитвы лучше, ибо о чем они молятся? Пошли, Господи, мне богатства, а непокорным, не стоящим на коленях перед властью, укорененным в культуре – горящие уголья на головы!

Ну и не обращай к ним, к тем, кто тебя не поймет, а обращай к слушающим, к детям, к поэтам, к школьникам, к девицам, к друзьям.

Пиши и для писателей, возможно, это не принесет им хотя бы вреда – что же до пользы, то, как видишь, даже мои проповеди пользу приносят не всем. Это как если бы мы с тобою изготавливали ножи. Крестьянин им разрежет хлеб, крестьянка очистит картошку, разбойник – зарежет.

Пиши, что уже задумал, вот собираешься ты объяснить взаимоотношения литературы, философии, жизни – объясни, хуже от этого никто не станет. Напиши немного и про меня, я не рассержусь, а про власть земную пиши хотя и правду, но с оглядкой, может быть, даже эзоповым языком (впрочем, как знаешь). Что редко к тебе прихожу, так у меня же дел еще больше, чем у тебя! Зато я твои книги читаю, и даже хвалю временами. Но не в том главное, чтобы ты еще такие же книги написал, как и прежде, нет, надо тебе как-нибудь суметь написать лучше, то, что ты пишешь, все еще плохо. Впрочем, кажется мне, что у тебя есть шансы подняться выше. Пока! До встречи!

4. Модерн и Авангард

Мои письменные и устные попытки как-то объяснить (в статьях и разговорах) не бессмысленность современного искусства и отчасти его оправдать успеха не имели, меня оскорбляли так же, как и его создателей – правда, это касалось преимущественно русской среды, вышедшей еще из советского времени, более консервативной, чем эвенки и папуасы.

Пожалуй, выгоднее быть комментатором, нежели прокурором и адвокатом, обвинителем или защитником. Неподготовленный человек сталкивается впервые с неизвестным явлением, думает, например, что это какое-то электрическое свечение, или кто-то из автомобиля выбросил мусор в неподобающем месте, а на самом деле это или инопланетный человек *на презентации* или *инсталляция*.

К современным (в отличие от классических и традиционных) формам искусства относятся *Модерн*, *Авангард*, *Андерграунд*.

Скорее для себя самого выписываю из словаря краткие объяснения этих терминов, приводя примеры известных деятелей культуры.

Модерн (франц. moderne – новейший, современный) – стиль в европейском и американском искусстве конца XIX - начала XX вв.

В архитектуре достаточно указать на здания (в Петербурге) Центрального телеграфа, компании Зингера (Дом книги), Аэрофлота.

Разновидностями *модерна* являются, например, *символизм* (франц. symbolisme, от греч. symbolon – знак, символ), *футуризм*, *акмеизм*.

В русской литературе крупнейшими поэтами-символистами были Брюсов, Мережковский, Гиппиус, Бальмонт, Белый.

В творчестве крупнейших писателей 20 в. (А. Ахматовой, М. Цветаевой, А. Платонова, Б. Пастернака, В. Набокова, и др.), – сильнейшее влияние модернистской традиции, унаследованной от символизма.

Авангардизм – (фр. avant-garde - передовой отряд), обобщающее название течений в мировом, прежде всего в европейском искусстве, возникших на рубеже XIX и XX веков.

Искусствоведческий смысл этот термин, на правах неологизма употребленный Александром Бенуа (1910), обрел в первые десятилетия XX века.

Русский художественный *авангард* представлен именами Кандинского (*абстракционизм*), Малевича (*супрематизм*), Филонова, Шагала... Как ни странно, но Малевич ощущал в своих работах близость к русской иконе, а за его “Черным квадратом” укрепились репутация “иконы **20 века**”.

К *авангардизму* в литературе относят *футуризм* (Алексей Крученых, Велемир Хлебников, Владимир Маяковский) и экспрессионизм – Райнер Мария Рильке, ранний Леонид Андреев.

Инсталляция (англ. installation – установка) авангардное произведение изобразительного искусства, использующее в качестве фактуры разного рода бытовые предметы, детали машин и т.д.

Следует упомянуть о *сюрреализме*, опиравшемся на фрейдизм, который (через итальянское кино и фильмы Тарковского) повлиял на мое поколение.

Но жанров и направлений, которые условно я сам причисляю к *авангарду*, неисчислимо, поэтому я не буду их все перечислять, я только даю самое приблизительное, самое поверхностное представление о том кипении страстей и мыльных пузырей, которое происходит в искусстве и литературе, и лишь постольку, чтобы мы понимали и современное взаимодействие искусства и жизни, и взаимодействие жанров и направлений в литературе. Ибо и читатель как белый лист, на котором литература пишет свои письмена, для нее не собеседник, и литератор, начинающий писать словно в догомеровские времена, может быть интересен будет только в Детском саду. Жизнь, История, История культуры – почва, на которой мы все произрастаем.

Относится ли к *авангардизму* совокупность творческих направлений в современном искусстве, объединенных термином *андерграунд* (андерг~~р~~аунд) – (от англ. underground – подполье; under – под, ниже, ground – земля, пол)? Эпоха семидесятых-восемидесятых годов в СССР собирала под одной обложкой представителей самых разнообразных творческих направлений, характерной чертой которых являлось то, что официальное советское искусство их отвергало, а они отказывались от конформизма, от сделки с советской властью. Я назову имена Галича, Александра Башлачева, Елены Шварц, Александра Горнона – вряд ли их можно считать принадлежащими к одному творческому направлению, хотя в андерграунде тон и задавали авангардисты. (Подробнее см. у Бориса Гройса).

Чтобы не увязнуть в спорах о том, не является ли *авангардизм* разновидностью *модерна*, приведем мнение современного исследователя Льва Рубинштейна: «*Модернизм* принимает основные ценности традиционного искусства, но занимается обновлением художественных средств при решении так называемых вечных задач искусства. В этом смысле это то же традиционное искусство, но занятое новым языком для описания того же самого. *Авангардизм* же все время создает другое искусство, обновляет не средства его, а сам предмет искусства». Насколько творчески действенно? Е. Тырышкина: «Момент мастерства в авангардизме редуцирован», – и, можно также предположить, редуцировано и понятие таланта, творческой одаренности, которые в конечном счете... решают в искусстве решительно все».

5. *ДЕЙСТВИЕ* как явление культуры

Я не разделяю последнее мнение всецело, хотя и подозреваю, что часто *новизной* художник стремится прикрыть отсутствие содержания и таланта. И все же, так как я пишу для писателей (или, по крайней мере, для тех, кому небезразлично *творчество* как форма жизни), продолжу свой краткий экскурс в историю и *феноменологию искусства и литературы*.

Авангард середины двадцатого столетия на вершину европейского признания поднял Пикассо и Сальвадор Дали.

Не буду говорить, насколько заслуженно (я к их творчеству равнодушен), однако они в наибольшей степени связаны с современным искусством (Впрочем, чуть позже мы увидим, что почти все новое старо как мир, и современные формы и жанры присутствовали еще в пещерной живописи и в представлениях и плясках доисторических дикарей).

До нынешней Восьмой главы я уже писал главу восьмую, отвергнутую читателем, она была, кажется, чрезмерно тенденциозной. Отказаться от нее совсем я не хочу, но готов стать сдержаннее и объективнее, учесть не только свои личные симпатии и пристрастия, но и отношение к миру тех, для кого я сам пишу. Не все они обыватели, не все они зомбированы постсоветским телеящиком, не все они не рассуждают. Консерватизм многих из них естествен и благотворен, он имеет корни не только в советском прошлом, но и в русском историческом, не только в ригоризме советизма шестидесятых-семидесятых годов, но и в старом и новом православии.

Ну, что ж, я вернусь к отвергнутой статье позже, возможно даже, мне теперь удастся взрыхлить почву, на которой я буду сеять семена понимания, вот почему я и предпринял эту прогулку по современным (столь же современным, сколь и архаичным) направлениям в культуре, как то *Перформанс*, *Акция*, *Хэппенинг*. Предварительно замечу, что почти все они политизированы, в отличие от деревенских аналогичных представлений, например, в Ночь на Рождество, в которых участвовал мальчишкой и я сам. Там мы одевали вывернутые наизнанку полушубки, на голову одевали что-то несообразное, например, кастрюлю, приделывали рога, имитируя чертей, и шли под окна сердобольных хозяев, поя колядки (а все вместе называлось Колядованием) и протягивая пустой мешок. Хозяева, в зависимости от щедрости, бросали в него что-нибудь съестное, притом в праздничный вечер оно всегда было вкусное или сладкое, например, кусок пирога.

Что же это такое?

Перформанс (англ. *Performance* – исполнение, представление, выступление) – форма современного искусства, в которой произведение составляют действия художника или группы в определенном месте и в определенное время.

Борис О---н говорит, что *перформанс* связан с неотделимостью тела художника от «художественного произведения», и что это характерно женская черта (разумеется, тогда типично женское искусство краситься и наряжаться тоже представляет собою именно эту форму искусства); в мужском художественном творчестве идея отделяется от тела.

К понятиям, описывающим современные формы культуры, относятся *Акция* (Экшн) и *Хэппенинг*. Если читатель знаком с «Рекламными акциями», то известное представление об Акциях как явлениях культуры он уже имеет. Хэппенинг же, возможно, напоминает нам проходившие в недавнем прошлом митинги, демонстрации (на советские праздники) и маёвки. [Современные Митинги, надо заметить, носят характер *политического действия* и по существу отличны от прежних советских Акции, лишенных политики и представляющих из себя форму театрализованного действия – но, правда, скучнейшего и почти антихудожественного. Типичный Экшн – и школьные линейки, и Первое сентября, и Новый год... Да и семейные праздники, особенно в тех случаях, когда они не ограничиваются выпивкой и закуской, но сопровождаются пением, выступлениями отдельных участников (включая и мордобитие), дарением подарков и т.д. – типичные культурные *акции*.]

«Акция, в отличие от *перформанса*, обходится без сценарной драматургии; а в отличие от хэппенинга – подразумевает наличие определенной цели. То есть, акционист далеко не всегда может предвидеть, как именно пройдет его акция, но он непременно знает, зачем он ее делает и какого результата (эффекта) хочет добиться.

Существует, честно говоря, изрядная путаница (не только в моей собственной голове, но и во множестве других, куда более светлых), когда речь заходит об отличиях между *акцией*, *перформансом* и *хэппенингом*. Чтобы покончить с путаницей раз и навсегда, в принципе, достаточно просто вспомнить точный перевод каждого термина, – говорит Макс Фрай. – *Хэппенинг* (happening) – событие. Более точным переводом могло бы стать несуществующее слово "случаяние", т. е. то, что случается здесь и сейчас. Но в любом случае это художественное событие, лишенное и драматургии, и даже цели. Здесь о сценарии и речи не идет, никто из участников не может знать заранее, как будет развиваться событие и когда оно закончится. Все абсолютно непредсказуемо.

Поскольку путаница и в моей голове, и я более или менее внятно понимаю форму и сущность только *Акции* и *Перформанса*, но уже совершенно не понимаю необходимости *Хэппенинга* как самостоятельной формы, то далее ограничусь рассказом именно о первых двух театрализованных формах культуры, имеющих более длительную историю и более важное значение в жизни человечества, чем литература и философия, и даже математика.

Но я, как бывший математик, дам более точные и исчерпывающие русские названия этим явлениям, отграничивающие их друг от друга и показывающие одновременно степень их родства.

Будем понимать под «перформансом» *Представление*, под «Акцией» – *Выступление*.

Впервые слово «перформанс» было применено к своему произведению-действию композитором Дж. Кейджем в 1952 году, исполнившим на сцене «4'33"» (4 минуты 33 секунды тишины).

Однако, это на английском языке так было названо короткое и почти бессмысленное представление, задуманное художником-традиционалистом,

сами же «представления» в этом роде существуют в человечестве испокон веков. В моей деревне каждая деревенская гулянка не обходилась без нескольких таких *Представлений* в сочетании с *Выступлениями*.

Пьяный Лёшка рвет на себе рубаху и кричит «Бесья моя голова!» – это *Выступление*, зрители неодобрительно ворчат: *Ну, завыступал!* Лёшка бьёт принародно Варьку, а она в ответ голосит – это *Представление*.

Но не только в моей сибирской деревне они происходили, они происходили всегда и везде, и всегда и везде были связаны с вовлеченностью действительной жизни в сферу культуры и, наоборот, проникновением культуры в действительную жизнь, их смешением – что и было отличительным признаком Авангарда. Классическая культура разделила Театр и Жизнь, разделила их внешние проявления, формы представления того или иного явления вовне – так в Опере герои даже разговаривают между собою на языке, непонятном большинству народа (Театральное искусство существует для избранных); Авангардная культура стремится к их соединению. Таков *конструктивизм* в архитектуре, *примитивизм* в живописи, *футуризм* в литературе.

Стремление стереть грань между искусством и действительностью приводит к поискам новых способов художественного выражения, придающих динамику произведению, вовлекая его в какое-либо действие (акцию). Авангардной практикой остается акционизм, то есть вторжение радикального художника на не готовую к этому публичную территорию с последующим скандалом, провоцирующим власть реагировать, а зрителя – думать, полагает А. Цветков.

Правда, Ян Шенкман возражает, что «читатель эксперименты не любит. Потому что они редко когда удаются. На одного удачливого экспериментатора приходится пятнадцать-двадцать жертв прогресса и цивилизации. Их имена неизвестны, подвиг их бессмертен. Литературный процесс без них практически невозможен. Литература – вполне».

Читателю, возможно, кажется, что прежде все было чинно-благородно, и только наше растленное время порождает «нарушение приличий». Но это совершенно не так. И мы это увидим.

Акции (или выступления) террористов, боевиков, партизан, революционеров и восставших были во все столетия. Они преследовали не одни только рациональные цели воинского предприятия, но имели и символический характер, который часто имел наибольшее значение. Устрашение «зрителей», а не убийство того или иного государственного деятеля, стояло часто на первом месте в их театрализованных действиях, особенно у народовольцев и эсеров. Более того, театрализованный характер на протяжении тысячелетий носили многие *действия* правительств и церкви, превращающие их в явления культуры, в явления, родственные современному акционизму и Акциям террористов. Таковы, например, казни восставших гладиаторов после подавления восстания Спартака, когда гладиаторы были распяты на крестах вдоль Аппиевой дороги в Риме, сожжение Джордано Бруно и Жанны Д'Арк и протопопы Аввакума, распятие Иисуса Христа в Иерусалиме, четвертование

Пугачева на Лобном месте в Москве, казнь декабристов в Петербурге, имитация казни петрашевцев (в том числе Достоевского) в 1849-м году...

Чинно-благородные монархические правительства стремились превратить казнь в театральное действие (то есть в *Перформанс*), при этом большевистские правительства пролившие крови больше, чем все русские от Рюрика до Ленина, казнили своих противников, а часто и соратников, а еще чаще и вовсе невинных людей – обычно в тайне, в подвалах и на пустырях, и только при военных действиях устраивали расстрелы публичные, устрашающие, как знаменитые расстрелы Трощкого, как расстрелы штрафников.

6.. Жизнь как театр

Представления и выступления были главной театрализованной частью общественной жизни и древности и Средневековья.

Фоном и сценой были, помимо казней, Ярмарка и Карнавал. Праздники – церковные, государственные, семейные (например, обручение, венчание, свадьба), дни скорби и памяти (отпевание, похороны, поминки, поминания).

«Театр», то есть *представление и выступление*, сопровождал почти все важное, что было в жизни. Театрализованный характер носили ворожба и гадание («Раз в Крещенский вечерок Девушки гадали, Снявши с ножки башмачок, За порог бросали», приворожения и привороты (чаще всего у цыганки или «ведьмы» и колдуньи), сглаз и порча и снятие порчи, врачевные обряды, исполнявшиеся ведунами и знахарями, сопровождавшиеся наговорами, заговорами, нащёптываниями (так меня лечила моя тетушка в детстве от рожистого воспаления, от которого официальная медицина и по сей день лечить не умеет).

Даже детские игры пересекались с формами театральной или театрализованной культуры: всевозможные считалки, ритуальные действия при выборе, кому голить, кому бить битой, кому быть за врага, за преступника, за нечистую силу, а кому за ангела, превращали игру в *представление*...

Именно поэтому в ответ на вопрос, что такое культура, я не задумываясь ответил: *Сочетание ритуала и мифа*.

Представления и выступления либо являются отдельными произведениями художественной культуры, либо сопровождают ее более сложные формы, как и реклама сопровождает торговлю. Но не всегда возможно разделить их, в рекламных акциях товар часто продается даже успешнее (в силу скидок в цене), действие, призванное привлечь зрителя к тому или иному явлению культуры, подчас превышает само явление. Моя хорошая знакомая Т. И. (она родилась в 1900-м году. Но да не подумает читатель, что я настолько же древний) рассказывала о том, как Сальвадор Дали прилетел в Париж на частном самолете на открытие своей выставки. Выставка забылась, прилет остался в памяти. Итак, от трапа самолета была расстелена ковровая дорожка, знаменитый художник прополз под нею и уединился в некой кабинке, стоявшей рядом. Послышался шум спускаемой воды. Створки кабинки упали, перед зрителями предстал маститый мэтр, сидящий на унитазе.

Воистину, следует согласиться с Е. Тырышкиной: «Момент мастерства в авангардизме редуцирован», – и, можно также предположить, редуцировано и понятие таланта и творческой одаренности...

Но не спеши, читатель, восклицать: Вот оно, разложение современного буржуазного общества! То ли дело наши гении!..

Наши гении тоже не укладываются в прокрустово ложе обывательски понимаемой благопристойности.

Маяковский, как бы справедливо его ни порицали, и как бы я сам временами его не ненавидел (возможно, все таки, и гений и злодейство бывают совместны?), все таки гений. Начинал он в кружке футуристов с желтой кофты. Но и при СССР его публичные выступления сопровождались скандалами, он создал образ «метр курим, два бросаем», который эпатировал публику не менее чем желтая кофта, эпатаж был неотъемлемой принадлежностью его выступлений, возможно, скандалы даже намеренно им провоцировались.

Есенин, которого я всегда любил, которому всегда сочувствовал, бил стекла в ресторанах и публично бил «Дуньку» – разве это не было *перформансом*? Разве это чем-то отличалось от представлений и выступлений нашего деревенского Лёшки, который сначала рвал на себе рубаху, а потом бил свою Варьку? И именно перформанс создавал ему скандальную славу и привлекал зрителей на концерты-представления, и привлекал читателей, и создал миф о поэте-скандалисте!

Когда я в 92-м году затеял издание сборника его стихов с названием «Шел Господь пытать людей в любви», куда были бы объединены только его стихи духовного характера, даже филологи, даже Саша М---в восклицали: Но мы не наберем у него таких стихов на сборник!

С лихвой! Ореол хулигана, пьяницы и скандалиста был только маской.

Творчество, Миф и Ритуал созидают культуру, но миф не совпадает с реальностью как видимой последовательностью происшествий, он основан на Действительности как преображенной реальности.

Творческий человек отчасти похож на луковицу, под верхним слоем оказывается еще один, а там и еще...

Именно поэтому даже современники видят в поэте разное, один видит тонкого человека с ранимой душой, другой – пьяницу и бузотера. Поэтому я ничего почти не пишу о Павле Васильеве, я о нем мало знаю, хотя стихи его изумительны.

И я создаю мифы о себе, Редактор, претендующий исправлять писателя, должен быть мифом, даже если он как Сократ знает лишь то, что ничего не знает; впрочем, я не устаю повторять, что в мудрости я превзошел Сократа, так как я не знаю даже того, что ничего не знаю... но не превзошел ли я его и в невежестве? Он тоже был Редактором, но исправляющим человека, трудно назвать его садовником, преумножающим культуру, так как он ничего не писал, его известные диалоги написаны его почитателями. Впрочем, *представление* было формой его общения с гражданами Афин, об этом он повествует в Апологии, речи перед судом, приговорившим его к смертной казни.

Он подходил к государственным мужам и приставал к ним с вопросами, в результате которых перед толпою праздных зевак «выводил достойного мужа на чистую воду», уличая в глупости.

Чем, как не *перформансом*, были его приставания?

Кстати, раз уж я заговорил о себе как о мифе, то расскажу назидательную историю, кое что говорящую и о мифе.

Однажды в кафе я оказался в обществе двух дам, моих почитательниц, и дочери одной из них, очаровательной юной особы.

Естественно, у меня тут же вырос павлиний хвост и появился нимб над головой, и я вдохновенно начал что-то рассказывать о самом себе. Очевидно, все было правдой.

– С этого момента вы мой идеал! – воскликнула восторженная юная особа.

Лица дам искушенных вытянулись.

– Не спешите! – остановил я увлеченное дитя. Вы не знаете всей обо мне правды. Послушайте.

И я продолжил рассказ, и в нем все тоже было правдой.

– С этого момента вы НЕ мой идеал! – воскликнула огорченная юная особа.

Ах, мне пришлось пожертвовать мифом о себе как идеальном человеке!

7.. Поучение и Жизнь как поучение

Человек проживает жизнь, о нем остается память у близких, хорошая или плохая. Остаются дети, друзья... Или нет ни тех, ни других. Но остается то, что он сумел сделать, плоды его трудов, в некоторых случаях остается Книга, в которой он представил все самое важное, что мыслил и чувствовал и понимал... или некоторое явление культуры, метафорически приравняемое к книге, музыкальное сочинение, инструмент, концерт, спектакль, в котором он играл. Его проповедь, те знания, которые получили его ученики, духовное влияние на них, воспитанное им дитя, благотворное историческое или общественное событие, в котором он был соучастником.

То положительное, что явилось плодом жизни человека, могло и не оказаться непосредственным явлением культуры, спектаклем, концертом, музыкальным или литературным сочинением, но оно было такого рода, что об этом человеке справедливо было написать книгу, сочинение, изваять его в бронзе или мраморе, поставить ему памятник, к которому приходят школьники, посвятить ему стихотворение или песню.

В этом случае справедливо все же сказать, что он своею жизнью преумножил культуру как собрание духовных элементов бытия.

Воины Отечественной войны, совершившие подвиги, оставшиеся на площадях городов в виде памятников, или в школьных музеях в предметах, фотографиях и воспоминаниях; ученые; учителя; священники... жены... матери...

Жизнь каждого из них нечто важное вносит в культуру, хотя и не прямо.

Вот с таким предварительным пояснением мне легче сказать, что к *культурным явлениям* можно отнести и юродивую Ксению Петербургскую, и юродивого Василия Блаженного, и странствующего проповедника, и монаха,

и дервиша, и Будду, живущего и проповедующего не только словом, но и своим поведением, поступками, примером, самой своей личностью, хотя Будда и не писал книг (как и Сократ). Но он прожил такую жизнь, что она является тоже литературой, только в инобытии.

«Жизнь Будды» написал Асвагоша, это великая драма, но она состоялась только потому, что Будда прожил свою необыкновенную жизнь. Его жизнь составляет важнейшую «драму» индийской истории.

Такова жизнь и Жанны Д'Арк, она представляет из себя Трагедию, которую, быть может, уже и не обязательно записывать на бумаге.

Следовательно, два бытия, бытие жизни (хотя и не всякой, избранной) и бытие литературы – не совсем пропастью отделены друг от друга.

Такова и жизнь Христа.

Она представлена в Евангелиях, и в Новом Завете в целом, но и сама по себе, перед нашим мысленным взором, представляет из себя некую Книгу, которую мы можем читать независимо от Писания, непосредственно, каждый человек. В той мере, в которой позволяет ему его духовное видение (как и музыку человек слышит в той мере, в которой позволяет ему ее слышать и понимать его слух, вкус и духовное наполнение личности).

Жизнь Христа состоит, во-первых, из Проповеди, и она целиком вошла в Новый Завет, сочинения Отцов церкви, в богословские сочинения, присутствует в литературе в виде цитат, метафор и реминисценций.

Но есть еще множество Его поступков, имеющих каждый сам по себе важный символический смысл, они философичны и литературны тоже, входя в виде Символов в живопись, зодчество, ваение и музыку (да и вся Его жизнь – великий СИМВОЛ, интерпретации, то есть объяснения которого бесчисленны, но не полны).

Но так и *Поступок*, а в особенности *героический поступок* – это тоже Символ, а следовательно явление Культуры. Таков прежде всего ПОСТУПОК Жанны Д'Арк, вошедший в культуру многожды, наиболее выразительный из которых «Жанна Д'Арк на костре». Я видел такой спектакль, двадцать лет назад, с Ларисой Малеванной в главной роли, он был повторением аналогичного Рижского довоенного спектакля, их случилось в истории только ДВА, и они были судьбоносны.

Генерал Карбышев, превращенный в ледяную скульптуру, это тоже не только История, но и явление Культуры – а и ВСЯ история не входит ли в культуру в целом, то в виде образов, то прообразов? Не обязательно преобразование исторического события в литературное или живописное явление, чтобы уже БЫТЬ в истории, в ней уже находятся и преданность идее боярыни Морозовой, и подвиг Куликовской битвы, и Триста спартанцев, остановивших персидские орды.

Важность Культуры, которая оспаривалась церковью и церковными христианствами как *идеократическими учениями*, оспаривается и сегодня «мракобесием невежд» и «святотесием фанатиков» – очевидна и уму и душе. История не существует сама по себе, вне Культуры, даже память о важнейших исторических событиях не угасает в связи с культурой и

образованием, в связи с существованием, легенд и литературы, исторических хроник и множества наук (в том числе археологии, хотя она и не самая важная).

Если бы существовала только церковь, то мы бы помнили Христа и Пилата и сонм христианских святых, большей частью ничего не сделавших для сохранения Языка, Народа, Государства.

Может быть, человек был бы нравственное, воспитанный в ненависти к Джордано, Яну Гусу, Копернику, Жанне Д'Арк, Галилею, Толстому, Пушкину ... и сонму «НЕ нищих духом», а посему не для них царствие небесное...

Но да ладно, говорю я себе, не заводись! Сегодняшние ненавистники культуры научились читать и писать не в церковно-приходской школе, некоторые из них окончили университеты, даже философские факультеты, читали Толстого и Достоевского, помнят наизусть стихи Пушкина, не уверен я, что помнят Символ веры и не лежали бок о бок с апостолом Павлом на третьем ярусе тюремной камеры, как я, им не объяснялись в любви, как мне, вдохновенные ведьмы-красавицы, еще не дозоженные на кострах инквизиции и в горниле созидания нового человека, в горниле, зажженном фанатиками большевиками из христианской секты (коих было немало за две тысячи лет, а коммунистические христианские секты не должны удивлять тех, кто хотя бы по складам читал исторические хроники, хотя бы церковные)...

Но да ладно, остановись, говорю я себе, разве же Лютер, Вольтер, Просветители и Мольер не сказали гораздо больше? Не желающий читать и слушать их не услышит и тебя, как ликующие толпы строителей Нового мира, бросающие в костры революций миллионы невинных, не слушали ни голос разума, ни души.

Слушают, знают и помнят только единицы. Для них и надо сохранять историческую память, писать стихи и прозу, разговаривать с Богом без лживых и порочных посредников. Что можем сделать, мы делаем. Но вполне вероятно, что в России вновь будет воссоздан Архипелаг Гулаг (а уже в тюрьмах сидит больше народу, чем даже при Сталине), что вновь будет запрещено говорить и слушать, что вновь запылают книги и следователи начнут выбивать показания, выбивая зубы (как, впрочем, бывает уже и теперь) – не взирая на наши усилия.

Смертно всё. Смертны человеки, народы и государства. Смертны рабы, к счастью, смертны и цари и палачи, и это слегка утешает.

Смертна культура и память.

Возможно, есть Воскресение и будет Страшный суд, как обещал Христос, но size уже относится к Вере – но верить ли, каждый решит сам.

Проповедь Христа поучительна, она записана в Писании, сохранилась в Предании и даже в Апокрифах (возможно, основанных на предании), но еще поучительнее Его Жизнь.

Христианское учение кажется основанным на текстах Евангелий и на Посланиях апостола Павла, создателя христианской идеологии, «объяснившего смысл Пришествия Христа, связь Его Пришествия и пророчеств о Нём в

Ветхом Завете, связавшем пуповиной Ветхий и Новый Заветы – но в гораздо большей степени Учение вытекает из основных событий земной жизни Спасителя.

Его Рождения. Распятия. Воскресения.

Непорочному зачатию и проповеди безбрачия я достаточно посвятил места в своих писаниях, исчерпывающе сказал об этом Розанов в «Людах лунного света», больше останавливаться я на сем не буду. Я полагаю, что «беспорочность» и «безсеменность» (выражение Розанова) – в наибольшей степени противостоят жизни и воюют с нею – но ведь, как показал Шафаревич, сердцевинной Социализма и Христианства и является воля к смерти, афористически сформулированная апостолом Павлом в «Жить аки умереть!»

Распяtie и Воскресение – два других великих событиях Его жизни. Если представить себе, что Евангелия как раз и являются Книгой, повествующей о них, то можно сказать, что Книга – инобытие сих событий, а сами они – инобытие Книги. Метафизическое, метаисторическое, трансцендентное событие само выразительно, само Символ, в неменьшей степени, чем символом является текст, повествующий о нем, или живописное полотно, или музыкальное сочинение.

Таким образом, Распяtie Христа и Его Воскресение – явления Культуры в инобытии.

Далее я объясню сие заключение на важных примерах.

Гибель моего отца на Безымянной высоте – это также событие его жизни, уже последнее, но отчасти и моей, следующее после моего рождения. Я знал о ней только то, что отец мой погиб, как миллионы других, в горниле Вулкана, Молоха, Голгофы.

Пятнадцать лет назад, ночью, когда я сам был на грани жизни и смерти, мне причудилась Книга, которую я вслед за тем написал, и в ней я подробно написал о том, как мой отец погиб.

Через несколько лет я встретился с его однополчанином и не удивился тому, что мой рассказ о событии, о котором я ничего не знал, оказался Правдой. Но оно ведь жило во мне как прообраз, и через творчество я превратил его в образ.

Если апостол Павел проповедовал жизнь во имя смерти, «жизнь для сораспятия с Христом», то я проповедовал смерть во имя жизни, «смерть для воскресения в жизни своих детей и народа».

Явлениями Культуры являются смерть Пушкина на дуэли, оплаканная Лермонтовым, смерть Лермонтова на дуэли, оплаканная его бабушкой. Они входят органично в их поэтическое наследие как поэтические символы, как... здесь, кажется, я не нахожу пока точного слова и остановлюсь...

Мы приходим, чтобы узнать, зачем мы приходим. Одни из нас приносят свет, другие его гасят. Мы, приносящие свет, всегда отщепенцы, «народу наше творчество не нужно и непонятно», как сказал царь Никита. И он был прав. Но еще более правы мы, укорененные не во времени, но в вечности, дорога в которую лежит через культуру.

17 января 2014 года.

ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА*1. Существование и Бытие*

Глагол «**существует**» содержит в себе длительность, то есть время; существует значит длится, пребывает... Есть, был, будет...

Но слово «есть» двойственно, это и настоящее время от БЫТЬ, уже неотделимое от был и будет, но и отрицательная форма к «нет», выбор из «есть-нет», своего рода противопоставление «нет». В «нет» длительности нет, на нет и суда нет, и спрашивая, есть или нет среди чисел от 107 до 113 простое число, и затем выясняя, что таковые 107 и 113, мы не имеем в виду, что они в этом ряду **длятся**, хотя они и были и будут – всегда. Но времени в них нет, да и вообще *ЧИСЛО не имеет времени*.

Явление. Происшествие. Предмет. И в явлении и в происшествии время есть несомненно, они и есть форма существования времени; но есть или нет время в предмете? Вероятно, «предмет» двойствен. Во-первых, мы сначала должны удостовериться, что он «есть» среди множества так же, как и простые числа в ряду чисел от 107 до 113. А уж если он есть, то значит, он *пребывает*, ибо ни исчезнуть мгновенно не может, ни появиться, есть по крайней мере в течение некоторого времени. Но он «есть» иначе, чем число, он именно длится, существует, пребывает, находится во времени.

Итак, число и количество не связаны с временем, предмет с временем связан. Связано ли с временем пространство? Оно вечно, а значит вневременно, ибо вечность вне времени. С вечностью связана неизменность, с временем изменчивость (хотя я и не спешу сказать, что время – это мера изменчивости. Пирамиды изменяются мало, мотылек скоротечен, но времени в пирамидах все таки больше, чем в мотыльке, они почти вечны).

И у предмета и у происшествия есть конец и начало, и в этом смысле они похожи, хотя у происшествия нет вещества и устойчивости, что воспринимается как его *несуществование*, а у предмета нет «ряда волшебных изменений милого лица», что воспринимается как его *безжизненность*.

Так что же мы имеем в виду, говоря *обо всем том, что существует?*

Говоря о МИРОЗДАНИИ, мы в Сущем выделяем что-то не самое важное, по крайней мере не всё, а только сумму безжизненных предметов, только вещественные оболочки явлений, забывая об их *длени*.

Говоря о БЫТИИ, мы расширяем представление существующего, *сущего* – на жизнь..

Ведь ЕСТЬ не только мироздание, например, ЗЕМЛЕздание, ЛУНОздание, но и ИСТОРИЯ, последовательность происшествий. Представляя, что существуют в данный момент солнце и планеты, мы упускаем из виду, что солнце *светит*, на нем *появляются* пятна, всплески и тому подобное.

Понятие МИРОЗДАНИЯ упускает из виду вообще самое главное, то есть **Жизнь**. Какая философия и какая истина могут родиться из рассмотрения *собрания предметов*, если история человечества и жизнь людей в разные эпохи не будут существовать в сфере философского сознания?

Философия разделяется на Логику (а какая логика, если бы мы рассуждали о солнечной системе, минуя человека?), Этику (а какая этика, если бы мы рассуждали о солнечной системе, минуя человека?), Эстетику (а какая эстетика, если бы мы рассуждали о солнечной системе, минуя человека?). Значит, философия, рассуждающая, казалось бы, о всем СУЩЕМ, если бы забыла о мироздании, но помнила бы о человеке, оставалась бы философией, но если бы помнила весь космос, но только человека забыла, с самого краю космоса притулившегося, была бы не состоятельна, да попросту и не была бы, потому что в ней не было бы ни литературы, ни строительства, ни времени, ни Бога.

Значит, СУЩЕЕ не только преимущественно включает в себя человека, но по существу и состоит только из него, а Космос хотя и существует, но лишь как дополнение к человеку, когда последний поднимает очи к небу и глядит на звезды.

Но и термин человек – еще абстракция, пока мы не наполним его конкретным содержанием, ибо человек – это не предмет, подобный планетам и астероидам, кометам и звездным скоплениям (которые, вообще говоря, ничего не значат ни в литературе, ни в философии, ни во всяком рассмотрении и умствовании и в споре и драке – пока и деремся мы кулаками, в крайнем случае близлежащими земными предметами, а до звездных войн дело еще не дошло). Что же существенное в человеке? Его жизнь. И жизнь является основой истории. Но поелику жизнь протекает во времени, то Сущее состоит преимущественно из человека с его жизнью и из времени, как непостижимого пока для нас основания, на котором вырастает цветок жизни, как на почве – цветок растения.

Да, философия – это рассуждение о жизни и различных ее сторонах, и только в связи с этим, то есть в связи с жизнью, еще и о том, что ей сопутствует.

Можем ли мы хотя бы мыслить мир, не мысля его во времени, не мысля времени? Даже если это и удастся (кому-то, может быть, удастся остановить мгновение, хотя бы только прекрасное), но удастся лишь на мгновение.

Можем ли мы мыслить мир, не мысля его *существующим*, не мысля его существование?

Мы говорим, что МИР есть. Но нет мира как мира, но есть его протекание, его изменение, его бытие, его существование, есть жизнь мира – а живет ли мир сам по себе, без человека, живет ли всерьез, по настоящему, что-либо, кроме человека, в мире, который живет? Даже если нам покажется, что живут падающие звезды, пока они для нас видимы, сгорающие в атмосфере, то ведь и они живут только в нашем сознании.

Да, существует, то есть пребывает, живет и протекает все только в связи с человеком, по крайней мере содержанием происходящего, сущего, существующего, протекающего является человек. Но ведь ЖИВЕТ не абстрактный человек, а тот или иной, Гомер, например, или Сократ, или Аз уже не такой грешный (сегодня пить бросил), или та девчонка, которая пролетела мимо меня как пуля. Есть «те или иные», но НЕТ «человека» (хотя он в некоторой

степени есть, но в своей абстрактной форме он мало содержателен, в нем нет ни пола, ни характера, ни любви ни измены, ни верности ни бессердечия). А в «том или ином» есть хоть что-нибудь. Так что философия, даже если она начинает рассуждать о человеке, мало что может о нем сказать, но зато о «том или ином», например о Катеньке с ямочками на щеках может многое сказать литература. И о **жизни**, которая является тем главным, что находится в существовании, сущем, бытии – единственно верное, действительное может сказать только литература. А, следовательно, только она и может являться подлинной философией.

Человек существует во всяком существовании, даже и в том, в котором, казалось бы, он ни к чему, которое, казалось бы, существует само по себе.

Он существует и в далекой звезде, не подозревающей о человеке, потому что «существование» не бывает само по себе, отдельно от человека; иначе, можно было бы подумать, что в существовании воздуха кислород совсем ни при чем, так как ни физических, ни химических свойств кислорода в воздухе нет, и когда уже человек знал, что воздух есть, он не только не подозревал, что кислород имеет отношение к воздуху, но он даже не подозревал, что кислород этот вообще существует (да и подозревал ли кислород о своем существовании и о том, что он имеет отношение к воздуху? Нет, это заподозрил только человек!)

Итак, человек существует и в далекой звезде, не подозревающей о человеке, как кислород существует в воздухе, не подозревающим о кислороде, ибо хотя звезда не находится в человеке, а сама в себе, но в чем находится ее существование? Существование – это Акт сознания, которое есть только в человеке, а значит всякое существование содержится только в человеке!

Ибо существует ли что-то? Только сознание отвечает на этот вопрос. Мир – был. Кто это удостоверяет? Кто может подтвердить, что мир был? Вот так подозреваемый в убийстве, возможно, был у себя дома, возможно – на месте преступления, но никто не может утверждать, что он был именно там, пока нет свидетельств. И даже при самом пушем подозрении, даже если и чутьё и революционная совесть свидетельствуют, что это именно он тот самый... но и революционный следователь знает, что бытие подозреваемого там-то – недействительно, небытийно без подтверждения, его попросту **нет!** Бытия без сознания не только нет, но оно без сознания невозможно.

Но как же тогда те звезды и те туманности, свет от которых падает на землю сегодня, но которые, по расчетам астрономов, послали его нам (не подозревая о нас) так давно, что нас тогда как будто и не было?

Ведь, по-видимому, несомненно, и даже необходимо, чтобы и прежде возникновения человека мир был? Но тогда отсюда следует, что Мир как объективное, как объект восприятия всегда сосуществовал с субъективным, которым (поелику не было еще человека) был сам Господь Бог, общий создатель объективного и субъективного. Или же, если *Бог не является существованием*, не принадлежит к миру и к бытию (и к времени), но Сам порождает их, то, значит, для существования *существования* и объективное и субъективное должны были появиться одновременно, то есть Акт создания и мира и человека должен был быть общим.

Но (поелику) далекая звезда послала нам свой свет еще когда нас не было, то она, значит, уже существовала, а потому существовал и Тот, который единственный был всегда, и во времени и в вечности, порождающий время и вечность и само существование, и удостоверяющий их бытие.

[Так много написал, так много непонятого, ничего почти и не прояснил. И словно бы слова излишни, чрезмерны, повторяются, пережевываются, поворачиваются то одной стороной, то другою, а в стихотворении (и даже в романе) каждое из них должно бы находиться на своем *необходимом* месте?! В нем ничего не должно быть лишнего! В чем же тогда дело, что так много лишнего в моем повествовании? Что оно так избыточно?

Да в том, что я призван не только сообщить, но и объяснить, и не только другим, но даже и себе, ибо и во мне сложное довольно туманно, я только пытаюсь его прояснить. Так длинна Книга философского умозрения, а до сих пор большинство неграмотных полагает, что кипит только материя в мире, и все духовное – пар над кастрюлею мироздания – а тут появляюсь я, доморощенный философ, саморощенный и мыслящий сам по себе, и объявляю, что и кастрюли нет и всего того, что в ней якобы кипит, пока нет свидетеля... и только революционное сознание, не нуждающееся в доказательстве, полагающееся лишь на чутье, как волк и собака, ну, в общем, как ищейка дьявола, не нуждается в свидетельстве, чтобы *судить*. Но разве для здравомыслящего достоверно такое *суждение*? Для чуть-чуть хотя бы грамотного? Для чуть-чуть хотя бы мыслящего?

Вот почему я многословен. Если бы я умел написать роман, я бы написал все короче, потому что художественное писание сгущеннее, плотнее, образ подчас вмещает содержание целой книги! Но об этом еще впереди.

Как и о том, действительно ли существует Бог, и можно ли доказать Его существование (которое, как будто, уже вытекает из легкомысленного моего замечания, что и существования нет без восприятия, что существование – только вывод из восприятия и размышления».

Но и об этом по существу еще впереди, и, как всегда, многословно...
Вы, мой читатель, напишете роман, и мое многословное вместите в метафору, символ, образ!!!]

2. Философ и Редактор как миф.

Только что я торжествовал, думая, что я умнее Сократа, ибо знаю мало, да и то знаю понемногу, и даже и того, что я НИЧЕГО не знаю, не знаю – и вдруг дитя мне замечает, что таковы ведь и все, ибо они тоже своего незнания не знают, а Сократ его *знает*, так что я ничем от остальных ничего не знающих не отличаюсь, так что я не умнее, а невежественнее Сократа! Ну надо же! А я надеялся учить других, и вот попал в такой просак! И оказывается, что я вовсе не умнее Сократа, этого пьяницы, бродяги, пустомели и невежды!

Точно так же, когда я водил зрителей в Русский Музей к картине Сурикова «Покорение Ермаком Сибири», где справа от Ермака был изображен его заместитель казак Чернышев, мой прашур, и просил зрителей найти на этой

картине что-то особенное, все сразу утыкались в него взглядом и восклицали: Да ведь это вылитый ты! (А, кстати, и сам Суриков был на него похож, он тоже был в родстве с сибирскими Чернышевскими)?

И вдруг тоже дитя восклицает: А разве он ермаковских казаков изобразил, а не своих современников? Разве от тех портреты остались?

И ведь точно! Этого казака он нашел на красноярском базаре, пьяного, поющего «Ревела буря, дождь шумел!» Но, потом я утешился, все мы, сибирские Чернышевы, похожи на своего пращура, и тот пьяный казак тоже, и я.

Но начинаю подозревать, что я не только не умнее Сократа, но даже существенно поглупел в последнее время.

Правда, есть и утешительное (о чем я уже писал), когда ко мне пришел один человек, который был несносен тем, что во всех спорах со мною меня побеждал и всегда был умнее, хотя из школьников, когда я уже был учителем (чуть ли не учителем учителей), и повинился передо мной, сказав, что вот он, наконец, и сам стал глупым, и понял, насколько я был тогда более правым, когда был глупее его, а понял это, только умудрившись поглупеть.

Но есть и более важная причина моего падения, того, что я теперь чуть ли не всех меньше; возможно, что это для того, чтобы, по слову Христа, наименьшие здесь стали наибольшими в царствии небесном, как и большевики (христианские сектанты) потом повторили ту же мысль, что «кто был ничем, тот станет всем!»

Дело в том, что в школьные годы, оскорбившись за поэтов и философов, к которым я и себя стал причислять еще с семи лет, загорелся я жадной мщеницей на них, в особенности за Пушкина, во-первых, гнев мой разгорался на чернь, которая великого поэта не понимала, всячески унижала и не хотела читать; а во-вторых, на цензуру, которая смела из их гениальных стихов что-то вырезать (а еще пуще у Лермонтова), а Пушкина за Гавриилиаду чуть не подвергла гонениям, а за иные стихи и вовсе подвергла; и на царя, который ... а в школе даже преувеличивали те напасти, которые Пушкин и Лермонтов от него претерпели! Ну а потом я узнал, сколько выдающихся и гениальных поэтов были казнены уже при большевиках царями-самозванцами, которые «два сокола ясных, один сокол Ленин, другой сокол Сталин, а вокруг летали соколятов стаи» – это я пел в школе, но соколята (та самая презренная «чернь», которую презирал Пушкин) целыми стаями летают и донныне и так и стремятся кого-нибудь заклевать!

Да, загоревшись жадной мщеницей, я сформулировал в своей душе образ противостояния: *Поэт и Царь*.

И хотел обратиться к народу, который, в лице школьников, с которыми я учился в школе, весь избирал поэта и негодовал на царя (повинуясь авторитету учителей русского языка и литературы), но вырастая, стройными колоннами маршировал с знаменами и портретами царей, а поэтов уже презирал, собирал их по ночам в мрачный «воронок», этапировал в колымские лагеря, как Шаламова, или в подвал на Гороховой, как Гумилева, или в Сибирь, как Клюева, или на Лубянку, как Павла Васильева и Бориса Корнилова, или... а колонна поэтов, крестьян и мыслителей растянулась от Бреста до

Сахалина. Они и теперь маршируют с теми же портретами, а поэты уже осваивают мордовские лагеря.

Но образ противостояния *Поэта и Царя* в душе моей со временем не померк, я по-прежнему мечтал когда-нибудь обратиться к народу, и народ заклеймить негодованием тоже, за его трусость, раболепие, невежество, низость и любовь к тиранам и равнодушие к поэтам... а то и презрение. Да, народ поклоняется только силе, но не духу и вдохновению, и если бы поэт показал как-нибудь величественно и непререкаемо свое превосходство над тираном (а тираны невежественны, узколобы, тупы и безобразны), если бы поэт, с помощью Божией, мог ПОВЕЛЕВАТЬ, и царя бы повели под белые руки на Лобное место или на Голгофу, а поэту одели бы на чело не терновый, но лавровый венок, то народ поклонился бы поэту, а царя начал бы презирать.

С этой мечтою я жил и только для торжества своей мечты стремился возвыситься, подняться сначала над чернью, потом над серединой, потом сравняться с великими, потом и среди них стать первым, чтобы однажды обратиться к народу величественно и непререкаемо, с несомненным превосходством над тиранами.

Но... и подняться мне не удавалось, и стремление к тому, чтобы занять место среди небожителей, не всегда было энергично, часто ослабевало, а то и вовсе я начинал стремиться к чему-то совсем другому. То к вертихвосткам, то к удовлетворению тщеславия, то к покою и благополучию... а то и без моей воли меня несло и тащило туда и сюда, и где я оказывался, и зачем, начинал понимать я значительно позже.

Здесь необходимо мне снова заговорить о Сыне Божиим, явившемся в мир для спасения человека. Обладал Он властью лечить и даже воскресить уже умершего, накормить тремя хлебами тысячи голодных, очевидно, в Его власти было и возвеличить поэта и покарать тирана. Да и восторженные толпы бродили за ним в Иерусалиме и Галилее, внимая всякому Его слову (а Он был вдохновенный поэт), и даже удивительно, что вдруг все вчерашние поклонники закричали: *Распни его!*

Он-то был наивысшим среди наивысших, среди небожителей Он был наибольшим, и не надо было Ему совершать усилий, чтобы подняться. Спустившись с небес и вочеловечившись, родившись в хлеву среди овец и коров, в яслях, в которые укладывали им траву и сено, он принял человеческий облик, во всем уподобившись человеку, кроме его грехов (а, вероятно, и многих слабостей. Так, не бегал Он за вертихвостками – если считать это слабостью, – не болела у него голова с похмелья, не заботился он о завтрашнем дне, о том, как пропитать себя и во что одеть, в отличие от меня).

Миф обо мне создавался не мною, не говорил я на улице, что вот я, семилетний восторженный мальчишка, родился для спасения моего народа, что я избранник Бога, что «мне суждены великие дела». В школу отправился я, правда, шести лет, но не сумел запомнить ни одной буквы, за что меня из школы изгнали, когда это открылось. Затем вдруг начались чудеса. Именно вдруг, сидя после выздоровления от очередной хвори, которые налетали на

меня как метели, в залитой зимним солнцем комнате, я начал листать букварь, самостоятельно понял, как соединяются буквы в слова под рисунками, начал читать Родную речь, затем газету, затем взялся за арифметику и понял значение цифр и начал складывать сначала числа, а потом и десятичные дроби – и все это в течение часа или двух.

Слух по деревне, конечно, прошел. Потом я начал сочинять стихи, потом из второго класса учитель среди зимы пересадил меня в третий, чтобы я не мешал им подсказками, потом я перечитал все книги, которые где-либо существовали в нашей деревне, даже на чердаках, прочитал про Коперника и Аввакума. Деревня была бесправной, мужиков поубивало на войне, и моего отца тоже, бабы пахали на себе, дрались из-за последних мужиков недобитых, собирали колоски на поле и крадучись приносили домой голодным детям, рискуя, что их за колоски посадят в тюрьму (некоторых и посадили), читать и писать они не умели, пели лучше, поди, чем даже в столичных театрах, но фортепьян не видели, и счастья тоже.

Я мой деревенский народ не весь любил, но весь ЖАЛЕЛ, и часто в слезах говорил: вот вырасту, и тогда возобновлю справедливость, и все станут счастливы. Мой деревенский народ дитю верил и ждал, когда я вырасту. Но мужики продолжали спиваться и бить своих еще более бесправных, чем они сами, жен, из района приезжали отбирать у крестьян мясо, масло и яйца, собирали в Правление и требовали выдать врагов народа, и держали до тех пор, пока либо все не опишутся, либо от стыда самые невтерпёжные не назовут кого-нибудь в закляние за общий позор.

Я изучал таким образом и социализм и христианство. В нашей деревне никто не говорил, что «зато Сталин выиграл войну», никто не думал, что и наш народ войну выиграл, а я часто думал, что лучше бы мы ее проиграли, в такой победе нет ни справедливости ни торжества.

Когда читаю воспоминания о жестокой Революции и Гражданской войне, о бесчисленных пытках и казнях невинных, об изгнании пяти миллионов самых грамотных и умелых, ученых, философов, офицеров, инженеров, гимназистов и казаков, о «раскулачивании» десяти миллионов лучших крестьян, из которых пять миллионов умерло от голода, о паутине Гулага, пившего кровь из народа, о штрафных батальонах, обреченных на смерть (они шли в атаку, а сзади сидели энкаведэшники с пулеметами), я думаю, что и правы те, кто говорит, что это всё возмездие нашему народу за то, что он перебил почти всех умных и образованных. Когда вижу сегодня, как бандиты в союзе с самыми порочными и жадными захватили все богатства нашей страны, но и «простой народ» только умеет им завидовать, очарован бездарной и преступной властью, да и давно ничего не умеет хорошо и не хочет и разучился работать (а это я вижу каждодневно в деревне), я думаю, что правы те, кто говорит, что это жестокий и безжалостный Бог повторяет библейские Содом и Гоморру. Но и Воля к смерти – единственная действенная воля, которая владеет моим народом. Я это все думаю, и часто этот народ ненавижу. И все стремлюсь возвыситься, чтобы над ним подняться, оказаться среди небожителей.

Но судьба человека, соединение стихий, формирующих личность, лишь отчасти определяются им самим, а в значительной степени зависят не от него, а от, возможно, некоей миссии, изначально на него возложенной.

Не будучи Богом, а только человеком, не имел я, казалось бы, нужды в том, чтобы «вочеловечиться»; но все же во мне жила стихия уподобления, о которой пишет апостол Павел. Жалость к моим близким была почвой, на которой я рос и воспитывался, я не мог себя противопоставлять тем, кого я любил. Да и учителя и воспитатели мне постоянно внушали: Тебе дано больше, чем другим, но должно и больше спроситься. Разве не надо возвращать урожай, который так щедро произрастает в тебе, тем, кто им обделен? И я с ними соглашался.

Я был с детства учителем, помогая овладевать этой ненавистой математикой своим братьям и сестрам, свои одноклассникам, я соперничал им, я искал путь к тому, чтобы все сложное стало таким простым, чтобы воспринималось ими как воздух, которым они дышат. Так случилось, в конце концов, что я и сам перестал понимать математику, и должен был переписывать лекции на каком-то другом языке, доступном обычному человеку. Когда я уже понимал сложные математические узоры, их понимали и мои товарищи или ученики. Так и философию я постепенно перестал понимать, и теперь принужден ее объяснять – не только другим, но и себе. Мне приходится *уподобляться* всякому человеку, чтобы Мир и Дух, протекающие через нас, воспринимались всеми нами, а не только избранными, к которым когда-то и я относился – или думал, что отношусь.

«Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» – восклицает апостол. «Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести... Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых.»

Может быть, поэтому, чтобы в каждом видеть себя, и чтобы каждый видел себя во мне, я стал как все, спустился с Олимпа и оказался на дне. Тридцать лет я не умел внятно выразить мысль, и думал, что уже никогда не сумею, никогда не научусь. Но зато я теперь знаю, что все мы почти одинаковы, каждый из нас одинаково способен стать выдающимся математиком и выдающимся писателем. Если кто пашет землю, а другой пишет повести, то это не значит, что первый не так умен, как второй – все они одинаковы по уму; и вообще люди различаются чем-то другим, более важным: одни алчны, а другие расточительны, одни скупы, другие хлебосольны, одни жестоки, другие милосердны... Лень и трудолюбие, трусость и мужество – вот врожденные качества, которые трудно изменить в человеке, все же остальное дано всем поровну, и только случай ставит одного министром или президентом, а другого каменщиком – или, может быть, один попадает в министры, потому что недобродетелен, а другой прозябает на дне жизни, потому что праведен.

Правда, есть и выдающиеся способности, как и выдающийся ум, вот они-то редки, но это не значит, что эти люди выше других в сословном положении, богаче, известнее, властнее – нет, они могут, например, сидеть в тюрьме или оказаться на костре, как Жанна.

Итак, я не философ, но мои ближние выдумали, будто я философ, и мне теперь приходится его из себя изображать.

Вот так же я стал редактором, и это тоже в наибольшей степени миф. Разве я знаю, как надо писать романы? Нет. Разве я более сведущ, чем большинство тех, кого я поучаю? Нет. Но именно это и превосходно. Именно это не дает мне впасть в окончательное уныние. Народ пал, «лежит на склоне у телевизора», если бы я был единственный умный среди глупого стада, то оставалось бы только повеситься. Но я стою на берегу реки по имени Литература, и эта река полноводна. Пусть никто почти и не зачерпывает из нее, утешимся, это не главное. Главное в том, что Бог дал нам способности, которых нет у других – способности быть личностью, испытывать вдохновение, видеть и слышать и даже изображать. И то, что я вам равен (хотя, не скрою, некоторые из вас талантливее, чем я), и нас не так уж мало, вдохновляет меня и наполняет надеждой. Ну а что я подчас вижу, что не везде где надо у вас запятые, пусть это вас не смущает – так и должно у учителя, но учащийся еще может его превзойти. Если мои книги будут полезны в вашем восхождении на Олимп, я буду только счастлив.

Редактор, объясняющий, как пишутся книги – это миф. Никто не знает, как их надо писать, но все их пишут кто как умеет, не глядя в наставления.

Что же тогда в редакторе необходимое?

Во-первых, это в некотором смысле зеркало, в котором мы видим отчасти, что же именно мы написали, что там хорошего, и что плохого.

Это собеседник, в котором нуждается всякий человек.

Это редактор обладает вкусом и мерой) достойный читатель. Стихотворение или Книга написаны, в горле горит, слова рвутся наружу, надо кому-нибудь их прочесть, хотя бы случайному прохожему.

Мне редко удается поделиться своим написанным. Те, кои смотрят на меня свысока, не устаивают меня своим вниманием и не читают. Кто смотрит на меня снизу вверх, меня боятся, трепещут, и не читают тоже.

Читать можно только равного, кого бы мы не читали, Толстого или Достоевского, никто из них не выше нас, читателей. Вот так и я не изображаю из себя единственного судию, хотя во мне что-то и есть... Что же? Я не думаю, что я уже знаю все, что я имею ответы на важные вопросы, мучающие всех нас, хотя бы на сакраментальные: *Что делать и кто виноват.*

Но я и не думаю, что я НЕ знаю ответы на большинство вопросов: Разве напрасно я мучился, разве напрасно мучились со мною учителя, разве напрасно мучился со мною Бог, пытаюсь меня хоть чему-либо научить?

И то, что я уподобляюсь своему собеседнику, что с эллином я еллин, с иудеем иудей, с ребенком ребенок, с женщиной я не только мужчина, но и женщина, даже иногда я сам яростная феминистка (а посмотришь на самодовольных мужчин, и воистину их возненавидишь за их апломб и самонадеянность!) – именно это позволяет мне слушать и понимать, иногда возражать, иногда говорить нужное.

Но пишу я теперь не для того, чтобы учить: во сне ли, наяву ли, но я что-то узнал, чего не знал прежде, и знанием своим хочу поделиться.

3. *Возделывание почвы и ума. Культура.*

Уточняю снова понятия, на которые сам опираюсь.

Мир, предстоящий нашему взору, жизнь, которую мы проживаем, иногда бессознательно, второпях, как догоняя уходящий трамвай – все это *объективная реальность*, которую чуть ли не всю философы-материалисты объявляют материей. Это словно бы еще не пронизанное сознанием бытие, сырое, не обработанное, не одухотворенное, та глыба мрамора, которой еще предстоит стать скульптурой. Это словно бы «вещи в себе», по Канту, не тронутые восприятием и сознанием, не превратившиеся в «вещи для нас».

Жизнь как *объективная реальность* – это *простожитие*.

Но бывает еще и осмысление, размышление о прожитом, иногда пишутся книги, проводятся исследования, даже подчас следствия и приговоры – не умещается жизнь в *простожитие*, преобразается усилиями живущих и окружающих в нечто иное, не только в театре, литературе, музыке, но и в процессе самой жизни-*простожития* – ну, хотя бы при выяснении отношений между подругами, влюбленными, в семье и в школе... Такая преобразенная жизнь, предстоящая мысленному взору самого размышляющего, следователя или прокурора, или читателя и зрителя – это уже не сырое *простожитие*, но *жизнь как действительность*.

Так что почти по Канту: не только вещь в двух ипостасях предстает сама себе, как "вещь в себе" и "вещь для нас, но и жизнь двойка, бытие двойственно, оно протекает в двух разных пространствах: оно и *Реальность* и *Действительность*.

И эта антиномичность всякой жизни, всякого бытия неустранима, успешная попытка такого устранения – это уничтожение жизни и бытия. Хотя я не уверен, что со смертью пропадает *антиномичность* жизни даже обыденного человека, даже обывателя, даже Акакия Акакиевича; напротив, Акакий Акакиевич только после смерти и стал двойственным.

Разговор и книга. Не всякая книга имеет отклик, но все-таки есть и такие, с которыми читатель размышляет, соглашается или возражает, но не перечеркивает сказанное оппонентом, принимает по крайней мере к сведению. Разговор и отклика не имеет, и даже когда происходит, почти не происходит, оппонент слушает только себя.

Следовательно, уместнее писать книги, нежели разговаривать или тем более спорить, писать даже для одного читателя: не жалеем мы времени на совершенно бесполезные споры с одним противником, так почему думаем, что написать книгу ДЛЯ ОДНОГО читателя – бессмысленно и нелепо?

Вот спорить точно бессмысленно, если бы собрать мои споры за всю мою жизнь, то даже сжимая их во сто крат, я получил бы сто превосходных книг. Так что всё, друзья мои, и я теперь буду смело писать дальше, не плача, что мало читателей, и вы утешьтесь, особенно те, кто рискнул мне дать книгу для редактирования: уж вам-то читатель обеспечен, то есть я, и не худший, а иногда наилучший, с заметками на полях, с вопросительными и восклицательными знаками.

[Кстати сказать, чтение и собственное размышление почти совпадают, сердцевиной их являются мысль и слово, то СЛОВО, которое было в начале бытия, которое было у Бога и которое было Бог. Искусство – изобразительное искусство, живопись и архитектура, и музыка, вырастают их другого матерьяла, в лучших своих образцах они пробуждают тоже слово, но часто ограничиваются только чувством, даже в сердцевине драмы метанойя, преобразование зрителя, цель драмы – вызвать катарсис, но не размышление.

Современное изобразительное искусство, почти все кино, почти вся музыка нанизаны, как говорят, на изобразительный ряд, на звукоряд, они даже убивают слово и мысль, и в этом смысле они человека расчеловечивают. Телевизор враждебен культуре, он враждебнее самой ужасной книги, и эта максима, как исключение, не должна даже доказываться. Разве доказывает мать ребенку, что не надо зажигать собственный дом? Наш книжный разговор часто основывается на утверждении и доказательстве, но не забывайте, что существуют и аксиомы, и тот, кто начинает их доказывать, сбивает с толку и себя и собеседника. Если мы исходим из одинаковых аксиом, они не нуждаются в доказательстве. Если аксиомы как основания бытия у нас разные, то надо, может быть, вежливо, отойти в сторону. Я в тюрьме сидел рядом с теми, кои считали, что естественно воровать. Я им просто отдавал то, что им хотелось украсть. Как ни удивительно, мне достаточно было того, что они соглашались мне оставить, все остальное было ненужным, и я не доказывал им, что воровать плохо. Так ведь иные видят зеленый цвет как красный (или наоборот), и разумнее всего согласиться в том несомненном, что один и тот же (да кто его знает, один ли?) цвет мы видим иногда по разному.]

На днях я так же пытался разговаривать со старым товарищем, он задавал мне вопросы, во-первых, что такое культура, во-вторых, есть ли смысл в том, что мы пишем книги. Я пытался ему отвечать, но он меня не дослушал, махнул рукой и ушел.

Часто собеседник требует какого-то простого ответа на сложные вопросы бытия, ссылаясь на то, что гениальное должно быть непременно просто, а если я начинаю вокруг да около, то, значит, ничего не понимаю, не гений, и что со мной разговаривать? И о сложных понятиях, на которых мир держится, вот так же требует простых определений, как в математике, например, есть ли Бог, да или нет? И докажи, что есть, в двух словах. И что такое Бог, желателно в трех-четырех словах и без запинки.

Вопросы-то воистину не простые, и, как правило, никто на них вразумительно не может ответить, даже христианские философы, написавшие по сему поводу не одну толстенную книгу. Я даже думаю, что они и не имеют достаточно точного ответа ни на один из этих вопросов, по крайней мере, я понимаю дело лучше их. И мои ответы следует выслушать.

[Так это или не так, но вы, мой читатель, имеете дело не с слабым, недавно только бросившим пить – а я уже, с некоторыми исключениями, не пью уже пять дней!!! – сомнительным, колеблющимся и не уверенным в

себе В.И., а имеете дело с человеком-мифом, с человеком почти легендой, с прославленным (пока, правда, среди трех-четырех) философом-редактором. И этот редактор, точнее, Миф редактора, чуть ли не умнее самого Сократа, и если что-то утверждает, то уж основательно и точно.]

Так вот, начну с определений. В математике они определены. Например, *окружность* – это замкнутая плоская кривая, каждая точка которой равноудалена от некоторой фиксированной точки, называемой центром.

В этом определении только один недостаток: кривую надо удерживать, чтобы она не елозила, чтобы центр ее не смещался и плоскость ее расположения не поворачивалась, хотя при этом они остаются все так же окружностями. Но чтобы не удерживать ее, надо придумать другое определение, годящееся и для, например, обода движущегося в пространстве колеса, которое тоже окружно, но для этого приходится уже привлекать дифференциальную геометрию, одного Евклида уже недостаточно.

Это во-первых. Во-вторых, определения сложных житейских понятий несколько неустойчивы, текучи, сами смещаются, нуждаются в оговорках и уточнениях, хотя при этом здравомыслящему человеку все хорошо объясняют.

Но есть еще и в третьих, и это важнее всего. В-третьих состоит в том, что определения, если их дает человек умный (как, например, я сам), отчасти и достаточны и недостаточны вместе. Если они только достаточны и им нельзя возразить, то они тоталитарны, они закрепощают сознание и дух, они догматичны, неподвижны, не возвышают, не вдохновляют, не наполняют светом истины и постижения. Они похожи на те кирпичи при строительстве здания, между которыми нет никакого зазора, которые нисколько не смещаются под порывами ветра. Здание может только стоять неподвижно, оно не будет раскачиваться как дерево, и при увеличении ветрового напора рухнет. Такова, к счастью, судьба тоталитарных учений. Они истинны, как говорил Ленин, потому что верны (или наоборот), но они так дают свою истинностью, что однажды человек распрямляется и сбрасывает с себя эту не просвещающую истину.

Итак, в который раз зашел разговор о культуре, и я сказал, что знаю, что она такое, и если у собеседника будет терпение меня выслушать, то я ему все объясню. Начал я, естественно, с огорода, потому что первое и самое понятное значение культуры, и самое древнее, это *культура земледелия*, да и само слово культура (от лат. **cultura**, от глагола **colo, colere** — **возделывание**, позднее — воспитание, образование, развитие, *почитание*) – относилось первоначально к земледелию, возделыванию почвы для произрастания необходимых для жизни растений. Крестьянин *почтает* и поле, и труд, и хлеб, думаю, что и три тысячи лет назад и сегодня, как это было в моей сибирской деревне, это одно и то же. **Культ** (лат. *cultus* – *почитание*, поклонение, от *colo* — *возделываю, почитаю*) не мог быть ранее **возделывания** почвы. Даже если они сосуществовали всегда, это значит, что всегда человек жил не хлебом единым и не духом единым, не был он птицею

небесною или лилией речною, которые не сеют и не пашут, но украшены благолепно, как учил Христос. Цицерон культурой (не отрицая *возделывания почвы*) называл «возделывание» человеческого ума в процессе обучения и воспитания.

Вот поэтому и я начал с огорода, и сказал, что к культуре относятся и огород, и наши усилия по его благоустройству, и плоды нашего трудолюбия, то есть все те растения, которые на нем произрастают. И наше собственное развитие в процессе такого труда.

Огород необходимо отличать от первобытного леса, который не менее, может быть, благолепен, и многое в нем произрастает и полезное и бесполезное, и красивое и не очень. Вот это все, что окружает человека и его "огород" (то есть включая и его жилище, разумеется, дороги, орудия труда, его одежду, лошадь и повозку) – это все культура, искусственное, возделанное, в отличие от первозданного, естественного.

Но не всякие результаты человеческих усилий относятся к труду, наша русская природа сегодня – это безобразная духовная пустыня, это порча, внесенная в естество, как разоренные Мамаем города, как разрушенные "памятники архитектуры", обезображенная среда обитания.

Огород – это символ, и не только он относится к культуре, с него все началось, но и сады и парки, то есть первобытный лес, измененный человеческим творчеством.

Но все ли в огороде принадлежит к культуре, если он зарос, если в нем произрастает всякая гадость, антикультура, разная там попса, порнописание, дилетантизм и графоманство? Я начал объяснять, но товарищ мой ушел.

Граница между явлениями во-первых, условна, во-вторых, в отличие от линии, не обладающей шириной, по античному определению, шириной обладает. И грядка неточно отделена от междугрядий, и межа на огороде то шире, то уже, и растут не только полезные овощи, но и крапива, и щавель, и васильки. Иное яростно выпалываешь, а иное, как, например, крапива, годится в борщ. А иное собираешь в букет цветов и ставишь в кувшин на столе. Не все и определенно полезно или вредно.

Культура отстаивает себя в противостоянии с антикультурой, да и формы и жанры самой культуры иногда яростно между собою борются, государственное и церковное насилие, ставящее позорное клеймо или поощрительное тавро, одно поощряющее, а другое изгоняющее, гораздо вреднее, чем тот вред, который имеем мы от неумелых или невежд.

4. Метафора, Образ и Символ.

Но это не все, что необходимо мыслить, чтобы понять, что такое культура. Человек жил и до того, как началось земледелие, он собирал плоды, охотился, одомашнивал диких зверей и разводил их. Усилия по изменению дикой (естественной, первобытной) природы тоже были ее "возделыванием". Начало культуры, ее содержание – и происхождение термина, называющего ее, – не одно и то же. Имя далеко не случайно, и не случайно, что всемирный термин *культура* обязан собою античному Риму, обогащенному еллинской

ученостью. Культура у еллинов была, да и больше римской, но имя культуре дал Рим. Так и имя роду дает мужчина, хотя произрастает и множится род благодаря женщине.

И тем не менее, уделив внимание Имени, отчасти возразив тому современному назойливому мнению, что **Культ** возник раньше, чем человек начал есть и пить (переломав недавно все храмы, бывший советский человек теперь готов лоб расшибить в покаянной молитве, а заодно головы поотрывать тем, кто не с такой поспешностью изменил науке и культуре, как он сам), я по существу о культуре еще сказал мало. Что она "возделывание ума", по Цицерону, еще не объясняет ее содержательно.

Как дикая природа, в отличие от поля и огорода, сада и парка непосредственна, исходна, своего рода «вещь в себе», а поле и огород опосредованы, результат человеческой деятельности, так и культура. Саму непосредственную жизнь, *просто жизнь*, я выделяю в отдельное бытие, как и природу, в своего рода самобытие, словно бы в некую реку, по которой человек безотчетно плывет, которая его сама по себе несет (хотя этого не бывает, конечно, это только «идеальный газ» Бойля-Мариотта), называю ее *реальностью* и противопоставляю жизни, опосредованной «рефлексией», самосознанием, сознанием, испорченной творческими усилиями человека, и называю эту преобразенную жизнь *действительностью*.

«Просто человек» живет непосредственной жизнью, погружен в реальность (хотя литература, познакомив нас в середине девятнадцатого столетия с таким «маленьким человеком», показала, что и он не живет в реальности, что и он не прост!), человек, испорченный самосознанием, познанием, историей и культурой живет в преобразенной жизни, в *действительности*.

Если согласиться, что эти две жизни хотя и существуют в некоем единстве, но все же самостоятельны, то надо будет рассмотреть, чем существенным они друг от друга отличаются, что является сущностью каждой из них.

Реальность – материя жизни, «вещь в себе». Не совсем только она (по Канту), так как непосредственно наблюдаема, пропитана человеком настолько (все же это жизнь именно человека, а не бездушной Кантовской вещи), чтобы быть чувственно достоверной и умо-постижимой. Как Дионисий Ареопагит при объяснении Бога, я буду говорить не о том, что в ней есть, а о том, чего в ней нет. В ней НЕТ того, что является существенным и отличительным для действительности и культуры (а действительность и культура – это одно и то же, или разное, пока не буду на этом останавливаться). Когда мы узнаем, что есть в культуре, мы дадим простое определение реальности: Это та непосредственная жизнь, в которой НЕТ именно этого.

[Кстати, полезно для полноты Мифа обо мне: Полный текст основных сочинений Дионисия впервые в России издал именно я! Хотя, конечно, будучи невежественнее Сократа и не зная его языка, я нанял странную девушку М., и это она перевела Дионисия на русский и редактировала его.]

Что же есть в действительности и культуре?

Прежде всего в культуре есть метафора, образ и символ.

Метафора (от др.-греч. μεταφορά – «перенос», «переносное значение») – слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит неназванное сравнение предмета с каким-либо другим на основании их общего признака. Термин принадлежит Аристотелю и связан с его пониманием искусства как подражания жизни.

Метафоричен и сам язык, и поэтическое творчество: *привязанность*, горный *хребет*, *крылья* мельницы, *ясли* – слова существуют и в исходном и в переносном значении уже в языке.

Мы пьем из *чаши бытия* с закрытыми глазами; Змеи сердечной *угрызенья*... – метафорические образы создаются поэтом.

ОБРАЗ (Подобие). Обратившись к Яндексу, я нашел тысячу сто семнадцать определений его, все приводить не буду, ограничусь двумя.

В математике: результат (*У*) отображения прообраза (*X*) для заданной функции. (Очевидно, образ и прообраз не совпадают, они отличаются настолько, насколько исходный прообраз деформируется функцией).

Обобщенное художественное изображение действительности.

Большую часть этого понятия необходимо понимать аксиоматически, интуитивно, в самом себе а не в Яндексе находя его объяснения.

Образ сгущает исходное содержание, вмещая его в понятные формы. Иногда это сгущение равно целой философской системе. Говоря, что *человек «создан Богом по образу его и подобию»*, мы почти даем объяснение и человеку и Богу. Если человек нам понятен, то от человека заключаем к Богу; если нам понятно божество, то от него заключаем мы к человеку. Более пространные философские пояснения не улучшат и не сделают содержательнее эту максиму.

Что значит «обобщенное», я не знаю, но оставляю это слово, возможно, кому-то оно поможет понять все остальное.

Изображение. Это тот же Образ. Роман создает свою действительность, построив ее из образов. Само такое созидание действительности и называется изображением. Но не надо понимать дело так, что есть некая действительность, которая копируется для романа. Она существует только в романе, она автором создается через роман. Следовательно, *Образ* (аксиоматически) – это основной метод, способ и неразложимый элемент романного построения *мира*, который и называется *действительностью*.

Слово *художественное* означает, что романный текст принципиально отличается от математического и философского, в нем доказательство Положения (утверждения), существующего в уме художника, производится не с помощью цепочки силлогизмов, а через последовательность образов. Так что и весь роман иногда превращается в синтетический Образ идеи.

СИМВОЛ – образ, наделенный знаковостью и смыслом, имеющий отношение к чему-то другому и являющийся его представителем.

Кант доказывал, что искусство носит символический характер. Неокантианец Кассирер отнес к «символическим формам» язык, миф, религию, искусство и науку, посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос.

Всякий символ включает в себя образ, но не сводится к нему, поскольку подразумевает присутствие некоего смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного. Образ и смысл образуют два элемента символа, немислимые друг без друга.

Язык *антиномичен*, то есть внутренне противоречив, и слова в языке метафоричны, значат и одно и другое, так что даже и само слово «язык» имеет множество значений, например, языки пламени, народ, язык, стиль речи...

Но приводя чужие ученые мнения, не всегда им надо всецело доверять, за основу следует принять собственную интуицию. Аристотель, Кант и Лосев – это посох, помогающий нам идти по скользкому льду рассуждения и понимания, но все же идти надо своими ногами, иначе мы запутаемся в тех противоречиях, которые разделяют великих, и никогда не поймем, что такое культура. Во многих почти противоположных предметах и явлениях есть нечто тождественное, как например, и вода и снег – разные формы одного и того же, как и уголь и алмаз. Во многих почти одинаковых предметах и явлениях есть нечто почти противоположное, как например, в мужчине и женщине. Рассуждая по сходству и противоречию, мы одинаково рискуем впасть в заблуждение.

С точки зрения *неокантианства* (а еще шире, с точки зрения научного, схоластического, силлогистического исследования – и наука, и культура, и религия – это лишь разные формы чего-то общего. Зачем же мы говорим: Наука и религия или Культура и религия, мысленно их *противопоставляя* друг другу, зачем же ученых сжигали невежественные инквизиторы, зачем же перебили в Афинах всех «идолов», то есть уничтожили почти всю эллинскую культуру, зачем же ... Ах, ладно, пойдём дальше...

Искусство, разумеется, носит символический характер, но не это в искусстве главное, Метафора и Образ – вот его сердцевина! А возможна ли *метафора* в математике? Если только в пояснении, в примере...

Так что же такое культура, и чем она отличается от жизни?

5. Бытие и Инобытие. Происшествие и Символ.

В писательской среде часто заходят споры об источниках литературного произведения: жизненный опыт, воспоминания, вымысел, наблюдения над действительной жизнью... То, что происходило с самим художником, часто кажется ему убедительным, богатым, содержательным, а придуманное – художочным, искусственным, лживым. Это происходило со мной, значит, это «правда жизни», думает он. Но автор часто не придает значения тому, какие изменения протекают в его душе, начиная от первоначальной мысли, ощущения, смутного воспоминания, чернового наброска – до полноценного образа, характера (который тоже есть образ), сюжета. Они-то происходили ли с ним, или *вырастали* в душе? Исходный материал может помещаться в широких пределах, от абсолютно достоверного происшествия, газетного сообщения, до сна, выдумки, воображения – но *изменения*, которые претерпевает этот исходный материал в таинственном тигле творчества, могут кардинально изменить его природу.

Каковы же, в таком случае, отношения жизни и художественного произведения, в частности, романа? Мы говорим, что непосредственная жизнь – это материя жизни, но не ее дух, в том виде, в котором она течет и происходит, она не входит в произведение, даже в хронику. Отдельные эпизоды ее могут составлять материал для судебной хроники, в большинстве же случаев, даже если художник описывает то, что с ним происходило, он описывает это НЕ так.

Обыденная жизнь не только протекает во времени, она пропитана временем, время – то главное, что в ней содержится и держит ее в себе. Вот я еду три часа в электричке. Душно, жарко, утомительно, меня все раздражает, *«хочется пить, хочется спать, хочется снова в баню»*, – пишу я в письме своей подруге – но эта фраза ничего не имеет общего с происходившим, даже если читать ее медленно, она протянется на минуту, поездка же тянулась почти полдня.

Реальная, подлинная, или *действительная* жизнь (здесь слово действительная употребляется вместо реальная, как это обычно в речи), служащая источником, предметом для изображаемого, отделена *трансцендентно* от изображения, то есть от творческого бытия, ибо она состоит из происшествий, а всякое происшествие обладает временем, последовательностью элементов, причинностью, но не имеет символа и метафоры, а в художественной литературе МЕТАФОРА (как и символ) – сердцевина происходящего. И сам язык метафоричен, следовательно, он тоже по ту сторону пропасти, отделяющей происходящее, существующее от изображаемого, даже от восприятия (так ведь и у Канта «вещь в себе» отделена пропастью от «вещи в нас»).

И даже крестный отец *метафоры* Аристотель был существенно неправ в сравнении жизни и культуры, полагая, что культура *изображает* жизнь (впрочем, он выразился *тоньше*, то есть вернее, он говорил о *подражании*, и в этом много верного, только это НЕ культура подражает жизни, а *жизнь подражает культуре*). Но происшествие не является ни образом, ни метафорой, ни символом, ни подобием, и даже о подражании жизни культуре надо говорить осторожно.

Образ трансцендентен по отношению к действительности (реальности), он *инобытиен*. «Мы пьем из чаши бытия с закрытыми глазами» – эта строка повествует о чем угодно, но только не о том, что происходит «на самом деле». Да «на самом деле» вообще не происходит ничего, о чем стоило бы написать, кроме, быть может, акта рождения и смерти. *Но они и сами инобытийны в отношении жизни.*

Итак, в «реальной» жизни нет ни метафоры, ни образа, ни символа, они появляются только в литературе. Но в реальной жизни нет и *сюжета*, а только чередование происшествий, большая часть которых не связана ни между собою, ни с тем подводным течением, которое как будто все же присутствует в нашей жизни. Не говоря уже о том, что если мы даже в качестве литературного произведения предьявляем Дневник, хронику каждодневных происшествий, то и здесь мы врем в каждом происшествии, описывая их тенденциозно, подвергая цензуре, то есть ОТБОРУ. Мы не

пишем о том, что скрипнуло окно (или в редких случаях, когда оно, напротив, как раз не скрипит), что села муха, что кто-то прошел по улице, что вот в данный момент около одиннадцати часов вечера – а если пишем об этом, то пропускаем одиннадцать, четверть двенадцатого, то, что зачесалась пятка, заболел живот, все к черту надоело... да и пора кончать мне с этим неблагоприятным и неблагоприятным занятием – сравнением жизни и литературы.

Жизнь если и входит в литературу, то как-то иначе, не так, как она происходит, а *преображенно*. Она входит в литературу в форме *действительности*, то есть той последовательностью событий, которые уже не являются происшествиями, но обладают целесообразностью, замыслом, входят в структуру судьбы (которая сама по себе не воспринимается, но создается и в действительной жизни как сюжет романа). Художник может придумывать свою жизнь как роман и так ее проживать – но в этом случае жизнь сама является *инобытием* литературного произведения.

6. История и Сверхистория.

Мы говорим, что образ и символ не содержатся в происшествии. Рассказ о *действительной* жизни, являющийся художественным произведением, романом, эпосом, житием, благовествованием – или должен быть придуман художником, создавая иллюзию *действительно* происходящего, или должен быть описанием той «странной» сверхжизни, которая сама придумана и осуществлена как роман, эпос, житие, благовествование.

Сын Божий существовал предвечно и воплотился в человека (вочеловечился) для его спасения жертвой.

В тот злополучный вечер, перед тем как пойти в Гефсиманский сад, на последней вечере среди учеников Сын Божий наперед уже знал о том, что произойдет. Должно Сыну человеческому быть *предану и распяту*, и один из вас предаст меня. Эта драма не только была заранее известна, но и *задумана*. Так и предательство Иуды было необходимо для полноты драмы.

Христос «сочинил» драму своего распятия, и вместо того, чтобы написать ее как литературное произведение, ПРОЖИЛ ее (для искупления человека).

События этой драмы хотя и происходили словно в действительной жизни, но *трансцендентны* по отношению к жизни. Они не события внутри жизни человека, они – МЕТАсобытия, подчиненные некой высшей, так же трансцендентной цели – СПАСЕНИЯ человека от его первородного греха, словно бы магического снятия *порчи*. [Преодоление этого метафизического, а точнее сказать, тоже *трансцендентного* греха не подвластно человеку, его праведная жизнь, его святость не снимают с него порчу мира и человека, в результате которой в мир пришла смерть (перечитай Новый Завет, читатель).]

Именно поэтому бессмысленно искать исторические свидетельства происшедшего в Иерусалиме и на Голгофе, историей поверять то, что произошло ВНЕ истории, что к человеческой, иудейской или эллинской истории не имеет отношения.

Бессмысленно МЕТАИСТОРИЮ втискивать в историю, Бога втискивать в человека, веру пытаться подменить знанием.

Жизнь каждого из нас содержится в границах от хаотической последовательности во времени происшествий, лишенных целесообразности, Эйдоса и Кайроса, лишенных судьбы, – до упорядоченной, осмысленной Действительности, пронизанной духом.

Жизнь Спасителя, как она предстает перед нами в Евангелиях, кажется тождественной себе и в Образе и в Прообразе.

Герои романа «Война и мир» проживают только ту жизнь, которая существует в романе, другой жизни, за его границами, у них не было, «пол и характер», «жизнь и судьба» укладываются в Образы и Сюжеты, созданные Толстым. Но Спаситель и его ученики – раздвоены ли? Можно ли сказать, что у них была действительная жизнь еще прежде Евангелий, и затем Инобытие, трансцендентное реальности, вмещенное в Евангелия? Или действительная жизнь прежде Евангелий и была уже изначально ино-бытийной жизнью, а никакой другой, исходной, не преображенной в сакральный текст, жизни не было? Представим себе Дриму, идущую однажды «всерьез» (*до полной гибели*) на сцене некоторого фантастического Театра, существующего тоже только однажды, затем эта драма повторяется уже актерами в тысячах театрах на протяжении тысячелетий, как она идет в христианских Храмах, где на протяжении года повторяется та самая драма жизни Иисуса Христа, от предсказания ее пророками Ветхого Завета (как «доказывает» это апостол Павел), до Рождества от Марии Девы, Проповеди, Чудес, предательства, Суда, Распятия, Воскресения и Создания Церкви и ожидания Второго Пришествия и Второго Суда, где судии и жертвы поменяются местами – это инобытийная драма, вторгшаяся в здешнюю историю человека «Оттуда» и пропитывающая ее, вносящая в хаос событий инобытийный СЮЖЕТ и направляющая ее согласно сюжета.

Вот эта драма, идущая на фантастической сцене всерьез, затем воспроизведенная в Евангелиях тождественно, так что совпадают слова и действия участников драмы – так ли уж важно, чтобы она шла в исходной, долитературной действительности? Ведь Действительность – это преображенное сырье жизни, обыденная реальная жизнь в почти не имеющих духовного смысла происшествиях, затем пропитанная культурой, подчинение хаоса происшествиям СЮЖЕТУ, который человек культуры вносит в естественно текущую жизнь, протекающую ПРИЧИННО но не целесообразно, не телеологично. **Реальность – это физика жизни, совокупность материальных движений, связанных причинами и следствиями, материя бытия.**

Сюжет (или судьба) вносят в жизнь нечто принципиально невозможное для материи.

[Необходимо сказать кое-что постороннее, пока я не забыл то, что хотел сказать. Я замечаю, что очень часто сложный образ, смутно видимый, существует, пока я сосредоточиваю внимание и боюсь пошевелиться, так как при ничтожном движении мысли образ этот пропадает.

У науки, у научного познания есть объект рассматривания. Так как кажется, что наука может мыслить обо всем, исследовать ВСЁ, то объект внимания и исследования природы – это всё сущее, бытие, вселенная, весь мир. Разве что-то еще есть в мире, на что наука не может посмотреть?

Телеологичность бытия, движение, развитие бытия согласно поставленной цели, бытие как творчество – невозможно в качестве предмета научного рассмотрения. В мире царствует причинность. Происходящее явление вызывает некоторые последствия, предыдущее происшествие вызвано еще более предыдущим, оно происходит *потому что*, но не является таковым *для того, чтобы* ... Но воля переворачивает мир причинности. Следующий ряд кирпичной кладки – если нам его необходимо положить – является ПРИЧИНОЙ предыдущего ряда. Дверь, которую мы навешиваем, является причиной для того, чтобы была вставлена дверная коробка.

Каждое явление в созидании возникает согласно поставленной цели, а не согласно последовательности детерминированных, строго предопределенных происшествий. Воля (воля отдельного человека по отношению к событиям, или происшествиям его жизни или воля Бога по отношению к строительству Мира) устанавливает ту причинно-следственную связь, которая отменяет причинность, рассматриваемую наукой. Объект научного познания НЕ антиномичен, в нем камень падает вниз согласно силе тяжести. Переноска камней вверх, даже Сизифом, НЕ входит в физику). Итак, взаимодействие сил, масс, траектории движений, устойчивость, и тому подобное... Все, что вытекает из уравнения $F = am$ – это физика.

Если лыжник, катящийся вниз, решает остановиться и подняться повыше и для этого тормозит, то результат его решения не изучается физикой, хотя бы мы изучили полет всех кристаллов снега под воздействием лыж и лыжных палок.

Физическая причинность направлена так же, как время, телеологическая – наоборот, сколько бы мелких причин ни пытались показать, что физика – первична. Но это все открыл не я, это все Аристотель и Платон, я только пытаюсь сказать это так, чтобы читатель, наконец, понял, что бытие двойственно!]

Я предупреждал, что буду многословен, что буду избыточен в словах... вот так философия оказывается менее действенной, чем литература... не говоря уж о поэзии...

Но если мы вместе что-то поймем важное, что прежде было скрыто за хаосом обыденной жизни, то я буду оправдан.

Но продолжаю. Многие, отрицающие подлинное пришествие Христа в мир, явление Его не только в сверхбытии, но и в обыденном бытии, Пришествие Его не только в Метаистории, но и в Истории, ссылаются на то, что исторических свидетельств Его пришествия по существу нет. Они или оказываются подложными, или недостоверными, или сомнительными. Нет предмета, нет документа, доказывающих (как это надо исторической науке), что он, Иисус Назаретянин, родился, проповедовал и был казнен (не говоря уж о Воскресении).

Но существуют Евангелия. Существует Учение, изложенное в Новом Завете и в устных преданиях. Существует Роман о рождении и смерти Учителя. Этот Роман достаточен для того, чтобы вдохновиться тем, что в нем изложено, и жить сообразно изложенному. Вот также существуют драмы

Шекспира, хотя жизнь его и личность сомнительны (достаточно хотя бы прочитать об этом у Оскара Уайльда). Мы толком не знаем, кто он был и был ли он как Шекспир. Но драмы его несомненно существуют.

Вот также существует величественная сверхбытийная драма о жизни и смерти и учении Иисуса из Назарета, сказавшего о себе, что он Сын Божий и Спаситель мира, и драма эта существует несомненно и идет на сцене каждого христианского храма ежегодно вот уже две тысячи лет.

Учение его несомненно существует, и в нем аккумулируется Образ Сына Божия, учителя жизни, и если это только МИФ, то он достаточно всеобъемлющ, духовно совершенен и поучителен, чтобы вдохновлять его последователей. Разве эпос Гомера был менее велик до открытия Шлимана, до того, как мы достоверно узнали, что Троя была и на самом деле? Разве Пушкин читал другого Гомера, нежели Александр Блок?

Но – это и так и не так.

Полнота и действительность христианского мифа предполагает, чтобы его центральный образ был не только Образом божества (обратите внимание, что в Ветхом Завете Бог как личность почти не существует, хотя Иаков и боролся с Богом), но чтобы Бог был личностью, более того, чтобы он был даже человеком. И чтобы он был не только мифом, как Зевс и Гера, но и был во плоти и крови, был во времени и временном бытии, то есть в истории.

И то, что все было именно так, как это и должно было быть согласно Метаистории, я не сомневаюсь, и не столько по вере (ибо я уже не могу себя считать вполне христианином), сколько по несомненному духовному опыту.

Но можно ли ДОКАЗАТЬ, что метаистория была еще и историей? Нет, конечно. Величественный миф (не как выдумка, а как сакральное бытие) не может быть снижен до исторического факта. Он существует двояко: и как история и как Метаистория.

Несомненность его Метаисторического бытия удостоверена в Ветхом и Новом Заветах, а не в исторических фактах. Несомненность его исторического бытия удостоверена в вере (или в духовном опыте – для таких, как я).

Поиски исторических свидетельств, потребность в них – показатель глубинного НЕПОНИМАНИЯ такими людьми природы чуда (хотя, кажется, не совсем уместно слово природа рядом с чудом – но ведь и язык и все понятия его антиномичны).

Если бы Богу было необходимо, чтобы «узнали и уверовали», то Он бы и сделал так, чтобы все неверующие вложили персты в его язвы, как Фома, и УБЕДИЛИСЬ – но о какой вере тогда можно было бы говорить?!

Если бы Богу было необходимо, чтобы о нем свидетельствовал только священный текст, в котором бы излагался опыт человека, постигающего божество (как, например, я создаю миф о себе, но не говорю, что я в какой-либо степени божество, нет, я во всех степенях человек, да еще и слабый и несовершенный, даже отчасти порочный – уж вочеловечился я как следует!), то Он бы и сделал так, чтобы все знали, что все свершившееся происходило словно бы в видении, как иногда говорят, что возмездие Содому и Гоморре – только иносказание.

Ясно несомненно, что человек, желающий знать, имеет достаточно для познания (не как историк и следователь, но как духовная личность, то есть в духе), чтобы не сомневаться в явлении Христа, не нуждаясь в доказательствах историков. Кто хочет, тот пусть сомневается.

Я думаю, что Пришествие Христа было по образцу мифа, то есть оно было одновременно в истории и сверхистории, и Священное писание – тождественно явлению Бога в мир, оно повествует обо всем том, что было, и ни о чем лишнем, и о чем оно не повествует, того не было.

Что происходило с героями «Войны и мира»? Происходившее принадлежит роману. Может быть, было что-нибудь еще? Нет. Ибо ВНЕ романа не только не было происходившего, но не было и самих героев, они существовали только в романной действительности. Так и спектакль «Жанна Д'Арк на костре», который был поставлен только два раза (и во второй раз я его видел), не является происшествием внутри реальной жизни – то есть, тот факт, что такой спектакль существовал, принадлежит жизни, но мистическое Действо внутри спектакля ей не принадлежит, иначе бы актеров, игравших, например, Отелло и Леди Макбет надо было бы после спектакля арестовать и судить, а их жертв отпевать.

И то же говорит Символ Веры и христианская теология, они говорят, что *«Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, **видимым же всем и невидимым.** И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного **прежде всех век;**»*

Следовательно, Сын Божий существует *предвечно*, но, значит, Он существует вне времени, и, значит, существует вне истории.

«О, неразумные галаты!» – восклицает апостол Павел. О, наивные и несмышленные верующие, воистину нищие духом, Спаситель был прав – только им ли принадлежит царствие Божие? А то, боюсь, как бы они не раскопали Голгофу в поисках археологических свидетельств и не стали снаряжать экспедиции для отыскания Эдема!

Матерьяльный мир существует в пространстве и времени. Всякое явление происходит во времени, например, даже Северное сияние. И всякая вещь занимает некоторое место, даже океан. Хотя, спрашивает Зенон, какое место занимает летящая стрела, и какое место и какое время у Всемирного тяготения? У потенциальной и кинетической энергии, у цвета и округлости? У гиперболы и параболы, метафоры и символа? Или они не существуют? Или существуют только в человеческом сознании и не существовали прежде, нежели обезьяна сбросила хвост и спустилась с дерева и начала мыслить? Так, может быть, до этого и Всемирного тяготения не было? Да, с этим философствованием воистину с ума можно сойти!

И наивный Никита торжествуя спросил у теологов, почему Гагарин, слетавший в Космос, не обнаружил там Бога. Или его там нет? А где же он тогда есть? Так существует ли он? Действительно, что существовал Аристотель, доказать можно, сохранились его сочинения и свидетельства о нем, известно, когда он жил. А когда жил Бог? Или Христос? Если Он был только во времени, то у него не было двойкой природы, божественной и

человеческой, и не принадлежал он одновременно истории и Метаистории, бытию и Сверхбытию. Если Он существовал только в пространстве во всякий миг, пока не был распят, то куда же он исчез после распятия, и в каком пространстве пребывает ныне?

Те же вопросы справедливы и для романа «Война и мир». Он есть несомненно, и он не только физический предмет, книга или кинофильм, как и эпос Гомера, который наизусть знал каждый образованный эллин, существовал даже еще не будучи записанным (ибо вначале он передавался устно).

Если постулировать, что понятие *существования* относится только к вещам и явлениям, привязанным к пространству и времени, то есть существует только то, что занимает место в пространстве, как всякий предмет, или происходит во времени, как всякое явление, то и энергия и информация существуют сомнительно. Правда, они, по крайней мере, связаны некими нитями с чем-то вещественным, с тем, что существует несомненно, что иногда видимо в пространстве, и когда-то происходило во времени. Но «наивные галаты», если дать им волю, начнут искать мощи Иисуса Христа, да даже и ищут, а затем вычислят, на какой звезде скрывается Вседержитель.

Я думаю, что и плащаница, и дары волхвов даны нам для искушения... Но несомненно так же, что существует и *Граница*, которая хотя и разделяет Историю и Метаисторию, мир видимый и невидимый, но и соединяет их, как Молитва и Икона, как явление Христа Савлу по дороге в Дамаск, как Откровение, которое не только было источником вдохновения у апостолов и евангелистов, но пребывает и в той Истории, которая протекает с тех пор, и ознаменована не только Крестовыми походами и наивной верою *неразумных галатов*, но и откровениями Аристотеля, Платона, Ньютона, Лейбница, Пушкина, Лермонтова, Даниила Андреева... Если бы не было этой *соединяющей* границы, то мы ничего бы знать не могли, воистину «тот мир» был бы ТОЛЬКО НЕпостижим, он постижим непостижимо или непостижим постижимо, и даже мы, смертные, существуем и здесь и там.

Я негодую на присвоение истины, на ее монополию, словно бы учеба в семинарии или служба в храме дает свидетельство самого Бога: *вот эти*, мол, Мною уполномочены выступать от Моего имени, и что они скажут, тому и верьте.

Если скажут, что земля стоит на четырех китах, то так оно и есть, хотя всякому *разумному* галату известно, что она стоит на семи.

Противостояние Церкви – и Культуры, Откровения – и Постижения и Знания выгодно монополистам на сакральное, чаще всего не только не лучшим из людей, но наихудшим, что показывает История всех вселенских церквей и бесчисленная череда растлений и злодеяний. Они еще не покались в гонениях на науку и в сожжении Жанны Д'Арк, они еще не покались в уничтожении эллинской культуры и в насаждении мракобесия, сквозь которое культура проросла не благодаря церковному христианству, а вопреки ему. Не хватило сил у церковников раздавить пытлившую мысль, а Христос им, естественно, и не думал помогать в их сатанинском деле.

Впрочем, Впрочем... Я хочу устранился от раскола культуры и церкви, и не негодовать более, а быть только беспристрастным исследователем, может быть, «историком Сверхистории», но не «историком-христианином», как Флоровский и как обычно каждый, кто прежде принадлежит к идеологии, а затем уже к культуре или к Откровению. Если мне и впрямь «многое дано», как полагали мои учителя, то с меня и «многое спросится». В том числе и за смятение, которое я невольно передаю в души «неразумных галатов».

Спросится с меня и за многословие, нарушающее художественную гармонию, но недостает времени для краткости, боюсь, что мысль утерять видимость, станет смутной, потому я и спешу говорить абы как.

Кстати уж продолжу о событиях в Иерусалиме и Израиле, произошедших как божественная трагедия. Мы знаем, что события эти описаны в Новом Завете, и само это описание является трагедией, ее ТЕКСТ и содержится в Новом Завете. Но, думают иные, НЕ ВСЁ, что тогда происходило в связи с Христом, вошло в Новый Завет, потому и появляются Апокрифы, неканонические тексты, непризнанные вселенскими соборами. Да и так, по здравом размышлении, очевидно, что было же у Спасителя и детство, и юность, да и много всяких происшествий могло случиться в его жизни, а в Завете, как и в Математическом анализе, представлены только особые Происшествия, особые точки Кривых, изображающих последовательность происшествий многотекущей жизни. Если Бунин хотел сократить Войну и мир, уверяя, что там много лишнего, то ведь немало найдется безумцев, которые будут нас уверять, что там многого недостает, например, детства Наташи Ростовой, и полезно было бы их дописать – ведь очевидно же, что у героини они – БЫЛИ?! Но пространство литературного мифа таково, что там иное время, иная событийность, там есть только то, что есть в романе, и больше ничего нет. Так даже и в памяти подлинного человека содержится не вся его прошлая жизнь, а только мозаика из того и иного, и литературный герой существует ЛИШЬ в тех событиях, которые созданы художником.

Единственным свидетельством Новозаветной трагедии является Новый Завет, его Текст, и БЫЛО только то, что в нем вмещено. Представим себе, что мы раскопали какой-то неведомый дворец в окрестностях Помпеи или Геркуланума, где жил и погиб под пеплом вулкана великий алхимик прошлого, далеко опередивший свое время, и там мы нашли киноплёнку, на которой запечатлены события его жизни и той последней ночи, и эта плёнка – единственное подобное свидетельство, все остальное расплавилось в лаве, а эту Бог сохранил. Мы ее смотрим, жизнь алхимика предстает перед нашими глазами естественно в отрывках. Вся ли она здесь? Да, вся, что есть. Но ведь была еще.. Но это схоластическое заявление, то, у чего нет НИКАКИХ свидетельств, чем же отличается от того, что НИКОГДА не существовало? Разумеется, отсутствие каких бы то ни было последствий, связей с текущим временем означает небытие.

И потому не надо придумывать то, чего НЕТ, нам и того достаточно, что ЕСТЬ. А есть Новый Завет с десятками фигур, соприкасавшихся с Христом, и, как и Христос, существующих лишь в инобытии, то есть ВНЕ истории.

Не надо даже заново переводить Новый Завет на русский язык, этот Роман в русском варианте существует на протяжении тысячелетия именно так, как существует, у латинян свой Роман, но они нам не указ. Православие и латинская вера не сходны, можно сказать, что это разные отчасти драмы, идущие в разных национальных театрах, у каждой из них свои гениальные режиссеры. Вот так же некоторые стихи Пушкина являются «переложениями» Овидия и Анакреона, но пока, слава богу, никто не тцится переписывать Пушкина. Русский Новый Завет исходит из того, который существует на древнерусском (или церковнославянском) языке, он сам и сакральный факт, и культурный, здесь, как я уже сказал, история и метаистория соединяются, гениальность церковнославянского текста неоспорима (по крайней мере, человек, обладающий вкусом и мерой, ее ощущает). Но и на современном русском Новый Завет превосходит и не нуждается в улучшениях, как и Война и мир Толстого, как Пророк Пушкина.

Немного иначе попытаюсь донести свою мысль. Аристотель учит, что мир шарообразен и конечен, за пределами сферы, в которую он помещен, нет ни пространства ни времени, нет ничего, нет даже НЕТ. – Да, нелегко вместить в сознание эту идею.

Ну а Воскресение Христа? И наше грядущее Воскресение? Страшный Суд? Равномерную непрерывность? Теорему Гёделя о неполноте формальной арифметики? Апории Зенона, в частности, утверждение о том, что Ахиллес не догонит черепаху и стрела стоит на месте в каждое мгновение, пока летит??

Антиномичен язык, антиномична логика, антиномично бытие, вмещающее в себя и время и вечность, и историю и метаисторию, и естественное и сверхъестественное.

Поэтому вся жизнь героев романа «Война и мир» содержится в романе, жизнь Христа... нет, не жизнь, а только явление Христа в наш грешный мир свидетелеван в Новом Завете и в нем и содержится. Бесполезно раскапывать Голгофу, перерывать фундамент Александрийской библиотеки – есть только то, что есть, и этих «есть» достаточно для веры, несомненные свидетельства тех чудесных событий только ее поколеблют.

Бог ли Христос или человек, существовал ли он в самом деле – я не сомневаюсь ни в том, ни в другом, хотя и существую в пространстве Культуры, в которой смутно проступают контуры иного Бога (Бог, таким образом, не только ЕСТЬ, но есть даже не один Бог).

Однажды в Петербургской синагоге я беседовал об этом с ученым теологом, и он даже закричал: Да он богохульник! Он был великим пророком, и мы были готовы его признать, но он объявил себя Богом!

Те давние события как будто происходят сегодня, столько страсти они вызывают.

У евреев есть свой Бог, у христиан свой. Если только не считать, что одни из них еретики, богов уже по крайней мере двое.

Но а как же Ветхий Завет? Повествует ли он тоже о Христе?

Что Ветхий Завет надо знать образованному человеку (как и апории Зенона и Апологию Сократа и Республику Платона, и даже первый том Капитала Маркса) – несомненно. Но чтобы понимать Новый Завет, читать Ветхий Завет не так уж обязательно. У апостолов и евангелистов множество ссылок на него, особенно у Павла, в протестантских изданиях Нового Завета на полях помещены указания на тексты Ветхого Завета, на которые ссылается или намекает тот или иной из апостолов. Но все необходимое из Ветхого Завета приводится в самом тексте апостолов в цитатах и реминисценциях (лат. *geminiscentia*, воспоминание), то есть в явных и неявных заимствованиях. Вот пример из Послания Павла римлянам:

«Итак, какое преимущество быть Иудеем, или какая польза от обрезания? [Нет, никакой, ибо] мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, *все под грехом*, как **написано**: *нет праведного ни одного; нет понимающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного* (Псал. 13, 1-3).»

А вот из Псалтири псалом 13-й, на который ссылается Павел: «*Сказал безумец в сердце своем: нет Бога. Они развратились, совершили гнусные дела; нет делающего добро. Господь с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога. Все уклонились, сделались равно непотребными; нет делающего добро, нет ни одного.*»

Да, как пишет Лесков, в Орловской губернии в середине девятнадцатого столетия был всего один экземпляр Ветхого Завета и даже семинаристам не предлагалось его читать, достаточно было для них текстов церковных служб – но не более же теперь веруют, чем тогда?

[Так как я превращаю себя в миф, и отчасти потворствую тем из моих читательниц, которые относятся ко мне не критически, и даже думают, что я довольно таки образован (вопреки моему чудовищному невежеству и дилетантизму, не говоря уж о дырявом беспамятстве – я даже не всех девушек помню, в которых влюблялся), то казалось бы выгодно было бы и мне указывать на то обстоятельство, что так как текст многих авторов пронизан цитатами, скрытыми цитатами и реминисценциями, то есть что литература входит в сочинение сочинителя как вода в одежду промокшего под дождем, что всякий почти автор с ног до головы промок литературой, и что я не хуже, и приводить примеры из моего текста – но ведь тогда его будет невозможно читать! Это все равно, что к каждому слову приводить справку из этимологического словаря о его происхождении и значениях! Да к тому же многие авторы и более меня прибегают к ссылкам – так ли уж много у меня цитат?

Для примера я представлю здесь одну-две свои фразы:

«Аристотель учит, что мир шарообразен и конечен... нелегко вместить в сознание эту идею. Ну а Воскресение Христа? И наше грядущее Воскресение? Страшный Суд? Равномерную непрерывность? Теорему Гёделя о неполноте формальной арифметики? Апории Зенона, в частности, утверждение о том, что Ахиллес не догонит черепаху и стрела стоит на месте в каждое мгновение, пока летит?»)»]

Что бы я выиграл, если бы привел отрывок из сочинений Аристотеля, определение равномерной непрерывности, теорему Гёделя и апории Зенона?

Или: «Герои романа «Война и мир» проживают только ту жизнь, которая существует в романе, другой жизни, за его границами, у них не было, «пол и характер», «жизнь и судьба» укладываются в Образы и Сюжеты, созданные Толстым.» Надо ли «расшифровывать ссылки на Вейнингера и Гроссмана?

Воистину прав Гераклит, что «многознание уму не научает», и потому я, невежественный, не буду тщиться выдать себя за другого, вот ведь безграмотный крестьянин «слышал, как говорил Ленин, и он знал всё!», как уверяет нас Маяковский.

[Правда, перед глазами ужасный пример Горького, в самомнении поучающего русских писателей (хотя и советских, но и их жалко!), как надо писать. Уж лучше бы на знамени Союза писателей и Литературной газеты оставался многообразованный Брюсов! Правда, как пишет Ходасевич, «поскольку подчинение литературы оказалось возможным – коммунисты предпочли сохранить диктатуру за собой, а не передать ее Брюсову, который, в сущности, остался для них чужим и которому они, несмотря ни на что, не верили.]

[О, многознающий, но ужасный Яндекс! Не удержался, вчитался в Воспоминания Ходасевича о Брюсове (но, читатель, в мое оправдание: я ведь не перелетаю с цветка на цветок, заметь, Ходасевич моя давняя любовь, на него я ссылаюсь давно, в советские времена, когда еще его и не помнили, я собрал все его сборники в первых изданиях... Ах, где моя изумительная библиотека до антисоветского периода, втоптавшего меня в грязь сильнее, чем большевики?! А я ведь устраивал и литературные вечера, посвященные Ходасевичу, с Колкером, потом в Германии издавшем всего Ходасевича и возобновившим внимание к нему...)

Итак, читаю о Брюсове, и непременно приведу кое-что из прочитанного – а отвлечения от основного текста романа – это давняя писательская традиция, даже авторы приключенческих книг ею не брезговали – итак, читаю о Брюсове язвительного и блистательного Ходасевича:

«Он не любил людей, потому что, прежде всего, не уважал их. ... Его неоднократно подчеркнутая любовь к Бальмонту вряд ли может быть названа любовью. В лучшем случае это было удивление Сальери перед Моцартом. Он любил называть Бальмонта братом. М. Волошин однажды сказал, что традиция этих братских чувств восходит к глубокой древности: к самому Каину...» Ах, и Волошин стоит Ходасевича!]

В 1895 году в альманахе «Русские символисты» появилось необычное стихотворение, это был **моностих** Валерия Брюсова, звучавший так:

О закрой свои бледные ноги.

Принято считать, что однострочные стихотворения возникли **уже** в античной поэзии, но новую жизнь вдохнула в эту экзотическую стихотворную форму модернистская поэзия начала XX века.

Приведенный образец, на мой взгляд, хулиганство и чепуха, но для меня это повод вспомнить Теодора Адамовича Шумовского; процитирую его слова из Призвания литературы, стр. 62:

«Как-то в беседе с автором книги "Слово о словах" Львом Успенским я пожалел о том, что единственную стихотворную строку в некоем памятнике египетской народной поэзии Пушкин превратил в русское стихотворение из... четырнадцати отрок: От меня вечер Лейла ..." и так далее, сказав к тому же имя героини. Между тем единственную строку египетского /арабского/ подлинника можно полностью передать по-русски, без ущерба для смысла:

Встала. Я ей: "Сядь". Она: "Седина твоя видна".

Это, правда, не моностих в буквальном смысле этого слова, но все же стихотворение в одну строку. А для меня это повод вспомнить выдающегося человека и прекрасного поэта.

7. «Пол и характер».

Надо собирать воедино разбежавшиеся мысли, строки и слова. Пока еще я не забыл, что именно собирался написать, что собирался полезного сообщить читателю.

Реальность и действительность мы иногда проживаем почти одновременно. Хаос происшествий выстраивается в почти литературную «действительность» в размышлении, в саморефлексии, в самосознании. Работа ума преобразует механическую последовательность произошедшего, согласно закону причинности, в телеологию. Объясняясь в любви, идя в атаку и на костер, мы поднимаемся над *простожитием*, превращая жизнь в *действительность* и даже больше: в *Житие*.

Эта же работа происходит при преобразовании настоящего в прошлое, в котором происходит **отбор**, как и при создании литературного произведения. Наша жизнь в наибольшей степени Прошлое, хотя, как уверяет Поэт, «Сердце будущим живет. Настоящее уныло».

И так же в наибольшей степени наша жизнь – это часто не происшествия; напряженнее, содержательнее она (за исключением наиболее важных поступков и событий), в работе чувств и мыслей, то есть в работе души и сознания. По крайней мере, в последние полтора года, пока я пишу свои книги, посвященные литературе, именно работа над ними – это и есть в наибольшей степени моя жизнь. Но и состояния, испытанные душою – ее подлинность, а из них наибольшее – *Любовь*.

Любовь как состояние, как чувство, это прежде всего любовь между мужчиной и женщиной, любовь между родителями и детьми, между родными и близкими, любовь-страсть и любовь-дружба, в которых человек способен пойти на жертвы. «Любовь к ближним», о которой так вдохновенно и поэтично пишет апостол Павел, вряд ли может быть такою напряженной страстью. Художественная литература представила нам обширную, быть может, исчерпывающую панораму любви-страсти, именно она – ее сердцевина. Жизнь, как ее рассматривает беспристрастный философ, предстает унылой и неинтересной, похожей на бесстрастное движение стрелки в барометре, похожей на вращение планет по своим орбитам,

вращению их вокруг оси, движениям постоянным и бесконечным. Протекание времени во Вселенной, протекание магнитных силовых линий, движение небесного свода, хотя и повергающего нас в изумление своей красотой, НИЧТО без человека, весь Космос – только Хаос, если нет человека как центра мира. Планеты не могут любить, океаны и горные хребты не чувствуют и не мыслят, Луна не испытывает ревности. Но и Земля и Луна и Солнце и Звезды становятся осмысленными и занимают свое место в величественной телеологии, строящей этическое и эстетическое, Добро и Красоту, когда в центре их симфонического взаимодействия оказывается человек. Именно поэтому научный и философский анализ бессодержателен духовно, если он не затрагивает проблемы человеческой Жизни, и так как **Жизнь** находится только в душе человека и в пространстве Культуры, то Философия обретает свой смысл, если предметом ее рассмотрения является человек и культура, и даже Бог только в связи с человеком. Богословие без человека так же ничтожно и пусто, как была бы и наука, посвященная звездам, если бы существовали одни только звезды.

Мысль и чувство изменяют и время. Жизнь не подобна физическим процессам и не подобна движениям, мерилom которых является время. Возможно, время первично по отношению к «жизни» Вселенной, но это иное время, это безжалостный Хронос, пожирающий своих детей. Если бы Хронос был единственным временем, определяющим жизнь и историю, то ни жизнь ни история ничем бы не отличались от мертвых движений космической пыли, случайных комет и «падающих звезд».

Но жизнь протекает как мысль, чувство, творчество и судьба, а они существуют как Кайрос или даже как то «мгновение, которое прекрасно, и потому может остановиться».

Время в живом принципиально отлично от времени в физическом мире, оно во многом подобно времени, скрепляющему события в литературном пространстве.

Если даже Бог создал Добро и Зло и Красоту, Душу, Ум, Логику и Слово, то и они, созданные Богом, не имели бы смысла, если бы не было человека. Я держу в руках своих прекрасный букет цветов, но он ничто, если нет той, которой я хочу его принести.

Не так ли и отношения Бога и человека?

Ненависть к человеку, ненависть к полу, в частности, к женщине, ненависть к жизни, якобы, настолько грешной, что она вызывает омерзение, это болезнь Духа. Да, в религиозной идеологии, как и в идеологии марксизма, часто прорывается эта чудовищная энергия ненависти. В чем ее сверхчувственная и сверхбытийная причина, я пока не могу постигнуть вполне, но нет сомнения, что ею движет ВОЛЯ К СМЕРТИ.

Но что движет Волею, стремящейся уничтожить жизнь?

Чувственная красота и чувственная любовь – не меньшая духовная тайна, чем смерть и воскресение. Но вне культуры и поэзии и собственного, «субъективного», опыта слова мои неинтересны. Поэтому разговор наш мы продолжим, но иначе... Мы остановимся около ручья, где растут цветы...

Глава десятая

ПОРЯДОК И ХАОС ЖИЗНИ. ДИССИДЕНТЫ И КОНСЕРВАТОРЫ

Говорят, Еврипид дал Сократу сочинение Гераклита и спросил его мнение; он ответил: "Что я понял – прекрасно; чего не понял, наверное, тоже; только, право, для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком" (Остров Делос славился искусными водолазами.)

1. Дополнения к девятой главе

Заслужит ли похвалу знатоков то, что я пишу, и будет ли оно понятно не только "ныряльщикам"?

Кажется, не очень определенно пояснил я, что понимаю под *существованием*, говоря о пришествии Спасителя.

Итак, повторяюсь.

Явление, происходящее в реальности, происходит во времени, в том самом времени, которое кажется общим для всего, будь то явления (или происшествия) из жизни человека, будь то извержение вулкана, ветер или дождь или солнечное затмение или смена времен года. Солнечное затмение, возможно, не замечает происшествий, происходящих с наблюдателями (а таковыми оказываются почти все, кто существует во время затмения), но все живущие солнечное затмение замечают, и оно происходит именно тогда, когда что-нибудь происходит и с нами, в том же самом времени.

Не таковы события литературной действительности. Даже если герои, о которых повествует литература, и жили в 1812-м году, и участвовали в тех важных происшествиях, что и обычные, не литературные, а реальные люди, никто их заметить не мог, как и они не замечали реальных людей, но только тех, которые сосуществовали с ними на страницах романа. Сказать же, что их совсем не было, не повернется язык самого упорного реалиста. Например, между числами 24 и 28 **нет** ни одного простого числа, **НЕТ** их для всех, и для Пьера Безухова, знающего математику, и для всех Наташ, которые ее не только не знают, но некоторые даже засыпали, когда какой-нибудь отчаянный математик пытался ею запудрить им мозги.

Но эти же самые Наташи, все без исключения, а тем более Наташа Ростова, на мой вопрос, существует ли Пьер Безухов, ответят утвердительно. И не только подтвердят то, что он был в 1812-м году, но не будут отрицать и того, что он есть и теперь для всех читателей романа "Война и мир".

В крайнем случае придется понятие *существования* разделить по значениям: в одном смысле существуют неподвижные звезды; в другом – временные предметы, которые существуют хотя бы столько, чтобы философы успели заметить их существование и согласиться, что оно несомненно; в третьем – реальные явления; в четвертом – сны, мысли, чувства, представления, фантазии... В одном смысле существуют *предметы и явления*,

совсем в другом – *понятия и идеи*, относительно которых упорный материалист или отрицает их существование, говорит, что они иллюзорны, или крутит головой и не знает что сказать (да я и сам в затруднении).

Явления и вещи в литературном пространстве существуют и вправду иначе, чем в пространстве реальности.

Куликовская битва была воочию, как и сражение на Курской дуге. Взятие Трои, описанное Гомером, долгое время вызывало сомнения в своем существовании.

Что заключение и распятие Иисуса Христа, описанное в Новом Завете, существовало и *существует в литературном пространстве* (будем считать Новый Завет художественным произведением, эпическим романом, как и Илиаду Гомера) – несомненно. Что это произведение и это романное событие оказали громадное влияние на наши умы, тоже несомненно. Но и эпос Гомера оказал влияние на эллинский мир, скрепляя его в целое, и до сих пор на избранных. И хотя открыта Троя, но Миф и Действительность в эпосе Гомера не перестали и не разделились, они одно целое.

Достаточно ли было бы Новый Завет переживать как Войну и Мир, не требуя, чтобы Болконский, Наташа и Пьер Безухов стали во плоти?

Как ни терпится все объяснить скоро, кратко и ясно, но либо скоро и кратко, но туманно, либо ясно, но многословно. Увы мне...

Итак, мы согласились, что время существует либо в реальности, либо в литературной действительности, и хотя реальность гораздо чаще бывает слабой и ничтожной и даже в памяти того, кто ее переживает, не всегда остается, так что исчезает совсем, а роман или стихотворение, даже вторичные, вдруг могут вспомниться и вновь стать литературными фактами (как произошло это со стихами Саши Б., всеми забытыми, но я их нашел у себя среди писем на листках папиросной бумаги, напечатанными пятьдесят лет назад Сашей на громоздкой разбитой трофейной пишущей машинке, и они вновь СТАЛИ БЫТЬ).

Но возможен еще и третий способ Бытия.

Вот так, как произошло это с Буддой.

Его Реальность не вызывает сомнений, по-видимому, сохранились свидетельства. Но при этом Асвагоша написал книгу «Жизнь Будды», в которой он ожил еще и в Романах (так же, как бывают Воспоминания: Лермонтов, несомненно, был в жизни, был и есть в Поэзии, но он существует еще и в воспоминаниях его близких, и если вдруг найдутся некие неизвестные до сих пор воспоминания (даже и со стихами) – как уже и бывало, например, в Альбоме той, в которую он был влюблен, – то они ничто кардинально не изменят, а будут включены в Лермонтовский Завет.

Так почему бы не признать, что помимо Нового Завета было и выдающееся историческое событие две тысячи лет назад, именно и описанное в Новом Завете? Почему с такой яростью большевики отрицали Его (его) существование? Вот ведь был Будда, это признают и большевики, и ничего это не потрясает в нашей жизни, я не становлюсь буддистом, и большевики не бегут в буддийскую пагоду тоже?! В чем же дело?

Да дело именно в том, что если Он воочию существовал, то (для тех, кто в Него уверовал, и для тех, кто Его ненавидел, и для тех, кто его НЕ принял) – для всех этих Он существовал как явление Метаистории, в Метабытии (или в Метареальности, в Метадействительности), не во времени, а над временем (хотя и во времени тоже.) Он существовал двойко: и во времени, и вне времени, предвечно, *искони*.

Только Фома мог убедиться в Его воскресении, вложив персты свои в Его язвы. Все же остальные должны убеждаться по ВЕРЕ.

Христианский МИФ, христианская религия в центре, в сердцевине полагает особую форму соединения с Христом: любовь и веру. Вне веры не должно быть любви и вне любви веры. И ПРИНЯТЬ Христа значит в него УВЕРОВАТЬ. Такова сущность христианского МИФа.

Поверьте и вы, читатель, что так это было задумано, Христос пришел как Откровение, а не как историческое происшествие, разодралась Завеса в небе, Завеса во времени, в Истории, Вечное соединилось с временным, Метаисторическое с историческим в тот самый миг, когда Он умер, а до того в миг Его воплощения. Христос не жил и не существовал на Земле так, как обычный человек, он был Богочеловек, и его бытие совпадает с описанием бытия, данным в Священном Писании. Нет отдельно жизни Иисуса и отдельно рассказов о нем апостолов и евангелистов, они только как единство. Хотя это не исключает Его явления в отдельные мгновения отдельным грешникам (как я) или беспорочным как девица Жанна (с которой, возможно, я тоже встречался, если верить моему роману «Боль и любовь», но верить ли ему, «я не знаю. Бог знает».)

Впрочем, уточню. Если Христос словно Северное Сияние, то его явление некому человеку может быть не всем Северным Сиянием на небе, а только всполохом его, явлением ангела, святых (как Жанне), шестикрылого Серафима (как Пушкину. Как позже Римскому-Корсакову и Шалайпину. «И шестикрылый серафим на перепутье мне явился!» – это **было** в двойком времени несомненно – я это знаю по крайней мере чрез то же сомнение, что и Фома).

Те, кто ищет частицы Древа (Креста Господня), дары волхвов и плащаницу, не веруют.

Именно Богом задумано и осуществлено Метаисторическое пришествие Христа так, что в истории свидетельств нет и не будет. Или не верую и читаю Новый Завет так, как и апокрифы и поддельные воспоминания, и бегу на выставки священных предметов из праздного любопытства и из трепета перед своим неверием, или ВЕРУЮ и потому не нуждаюсь в доказательствах бытия Божьего, более того, знаю, что они поддельны так же, как и дары волхвов – невежественными философами (невежественными в ИНОпонимании).

Впрочем, уточню.

Икона создана иконописцем, но она, как пишет Павел Флоренский, окно из нашего мира в тот. И потому она и сама отчасти Сверхбытийна, она и здесь – и там. Пуристы, в негодовании обвиняющие меня в кошунстве, в том, что я смею претендовать на внимание ко мне Ангелов небесных, негодуют напрасно. Я и сам не всегда уверен, что это именно их внимание, это чаще, быть может, мое собственное. Так как существует ГРАНИЦА, то человек

часто оказывается около нее, как у открытого окна, и тогда чувствует, что оттуда распространяется в наш мир дыхание неземного мира. *Вдохновение* – это ведь состояние, когда человек оказывается на границе. Ну, может быть, некоторые шаловливые музы из озорства приманивают меня на нее, я оказываюсь около ручья, где растут прекраснейшие цветы, и вдыхаю их аромат. Не всегда человек получает *по достоинству*, иногда и *по милости*, а апостол Павел и Лютер с Кальвиным учат, что только по милости. Какие достоинства были у Савла, чтобы ему явился Христос на дороге в Дамаск? И какие достоинства были у меня в шесть лет, когда Ангел явился ко мне несомненно?

И вот относительно предметов, должных удостоверить истинность Иисуса Христа. Они, разумеется, поддельны. Но если «поддельная» икона оказывается окном оттуда сюда (или отсюда туда), то и эти поддельные свидетельства иногда получают милость и святость, они СТАНОВЯТСЯ пограничными, не будучи таковыми изначально. Ну ладно уж, говорит Дух святой, не можете вы без подпорки, без посоха, обопритесь, так и быть, на время...

Но ничто сие НЕ ДОКАЗЫВАЕТ, что Христос явился две тысячи лет назад для нашего спасения. Доказывает только вера, и «суеверным» (а к таковым я отношу практически ВСЕХ теперешних православных) я настоятельно рекомендую читать Новый Завет и утверждаться в вере (если они этого хотят) и в любви. Ибо они (по апостолу Павлу) неразделимы. А то злобный человек думает, поди: Вот сейчас пойду и набью морду самозваному философу или всяким там кощунницам, или просто соседу или бабе своей, и утвержусь в вере! Нет, друг мой, так ты в вере не утвердишься!

2. Доказательства бытия Божия

Французская Академия наук с какого-то времени постановила не принимать к рассмотрению проекты вечного двигателя, в Российской как будто такого постановления нет, по крайней мере мне рассказывал один замечательный ученый, что в молодости ему поручали таким безумцам отписывать или даже встречаться с ними, когда они приезжали с «дарами волхвов». Вот также и с *доказательствами бытия Божия*, надо бы не тратить на них ни своего времени, ни читателей, но раз уж и сам Иммануил Кант занимался ими, опровергая, то уж ладно, уделю им время и я.

Как уже я и сказал, Знание и доказательство противоречат вере. В чем мы удостоверились, например, в том, что ряд простых чисел бесконечен (смотри теорему Евклида), в то ВЕРИТЬ абсурдно; как и в то, что на Луне есть луняне, ибо полетели, прилунились, осмотрелись, ясно, что нет. Или Я ЗНАЮ (а тогда вера нелепа) или *я не знаю, а тогда я или отрицаю, или допускаю, или ВЕРЮ*.

Раннехристианский теолог Тертуллиан считал, что вера и разум, религия и философия несовместимы. Истины веры недоступны разуму, ибо они сверхразумны: «Сын божий распят; нам не стыдно, ибо полагалось бы стыдиться. И умер сын божий; это вполне достоверно, ибо ни с чем не сообразно. И после погребения он воскрес; это несомненно, ибо невозможно».

Он же сказал: *Верую, ибо абсурдно* (Credo quia absurdum est), хотя апостол Павел утверждал: «*Верую познаём*».

Для многих слова Тертуллиана искушение, но не для математика и не для разумного философа и писателя, мыслящих на языке, который сам противоречив. Что уж тут удивительного, если и жизнь наша не ординарна, не прямолинейна, не однородна, и ее смысл так неоднозначен, и противостояние культуры и религии (которое меня изумляет, хотя е его и объясняю: тоталитарные секты не могут согласиться с неоднозначностью истины!)

Или дело в ревности? Далее я буду говорить о любви к женщине, и выскажусь подробнее (а без того ничего мы в христианстве до конца не поймем, да и ни в какой религии тоже).

В семидесятом году следователь, уличавший меня в какой-то безделице (ибо главным было то, что я отвергал истину марксистской идеологии, более того, объявлял ее АНТИистиной), и ссылаясь на моего товарища, якобы давшего показания против меня. И что же? Я, разумеется, не мог ЗНАТЬ, давал или нет он такие показания. Но я ВЕРИЛ ему и не сомневался, и моя вера не вдохновлялась абсурдом. Так же я верил и жене своей. И они в меня верили и во мне не сомневались (хотя я сам сомневался в себе).

Существование реальности и сверхбытия не вносит разлада в мое понимание мира, и также покоящаяся в полете стрела Зенона не вносит сумятицы в мой ум, хотя я внятно не объяснил логическую совместимость несовместимого (да, может быть, когда-нибудь и махну на это рукою, ибо и Аристотель не смог, и Гегель не взялся).

Итак, Бог существует. Его существование удостоверяется верою, но не знанием. И его существование не может быть доказано, ибо именно это и было бы искушением для слабых умов. Вот также влюбленный узнаёт, что есть любовь, для чего ему доказательства ее существования, пока он не полюбит? В школе бы нам на уроке арифметики доказали, что Бог есть, а мы его не видим, не чувствуем, не мыслим, не постигаем, да в нем и не нуждаемся? – зачем же учитель искушает ум младенца?

Но еще об этом поговорим.

А пока докажем, что доказательств бытия Божия не существует.

[Да, правду говорят, что на воре шапка горит! Стажил со сковороды сырник, пока стряпуха отвернулась, и весь обжгся.]

Необходимо философу быть и математиком, ибо математик может отличить доказанное от недоказанного. Вот Аристотель был плохим математиком, поэтому, несмотря на свою гениальность, виноват в утверждении нелепостей: до него еще пифагорейцам было известно, что Земля вращается вокруг своей оси и вокруг солнца, но Аристотель, очарованный своим образом сферичности мира (как идеальной, по его мнению, формы), заставил вселенную кружиться вокруг нее, а потом уже христиане, путавшие постоянно веру с знанием, заставили всех *верить* в этот вздор, а тех, кто *знал* обратное, обычно сжигали. Но все же не по всем вопросам космологии Аристотель стоял позади своего века. Выдающимся достижением его космологии было строгое доказательство шаровидной формы Земли, доказанное из наблюдений, сделанных во время затмений Луны.

Но все же вернемся к Богу и докажем, что доказательства Его бытия невозможны.

Во-первых, *вначале была вера*, и Символ веры, вырабатывавшийся триста лет и принятый в 325 г. на Никейском соборе и дополненный в 381 г. в Константинополе (Царьграде), сказал всё, казалось бы, с исчерпывающей полнотой: "**Верую** во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век ... И в Духа Святаго, Господа Животворящего, Иже от Отца исходящего, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и славима, глаголавшаго пророки ...".

«Если бы возможно было подлинно убедительное доказательство бытия Божия, – так обычно сознает дело и аргументирует верующий – то не нужно было бы откровения, не нужно было бы акта веры, и не было бы религиозной заслуги в победе веры над сомнением,» – говорит русский философ *С. Л. Франк*.

Правда, он пытается реабилитировать онтологическое доказательство бытия Божия как метод некоторого доказательства от понятия к предмету – раз есть понятие, то есть и предмет – но обо всем этом неинтересно рассуждать: это все равно, что влюбленный, мучающийся вопросом, любит ли она его, не изменяет ли с другим, невинна или порочна, достойна ли того, чтобы из-за нее стреляться с другим или стрелять в самого себя, ввязывается в схоластический спор, существует ли любовь, существует ли предмет любви, или она не что иное, как душевное помешательство.

Да и те, кто верит и не сомневается в бытии Божьем и не нуждается в доказательствах его существования, верят в чрезвычайно разное, не только в нетождественных богов, но чуть ли не в противоположных.

Вот что говорится в Послании Иакова: «Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут.

Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?

... Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.»

А апостол Павел ему возражает:

«Делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть. Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона.»

Разве это один и тот же Бог? Так бытие какого Бога будет доказывать «несмысленный галат»?

И прежде, чем мы покажем, что доказательства Его бытия невозможны, необходимо понять, что они бессмысленны.

Предметы научного умозрения (а доказательство входит в его сердцевину) умопостигаемы или опытны. Мы можем доказать, что «при нагревании газы расширяются» (как "*партия нас о том учит*"), что если сумма квадратов двух сторон треугольника равны квадрату третьей стороны, то они заключают прямой угол – но даже то, что нехорошо воровать, доказать невозможно.

Бытие или небытие Божие – это состояние души, как и любовь, это результат ее духовного опыта, иногда мучительный, это способ видеть и чувствовать и переживать мир, это не только восприятие мира как творческой

целесообразности, но это само особенное отношение к миру, требование к нему – что в этом значит набор силлогизмов?

Но я полагаю, что «Карфаген должен быть разрушен!»

Человек заключает (или не заключает) Завет с Богом и в соответствии с ним живет, даже его нарушая – но это БРАК, это семейные узы, а не холостой образ жизни. Есть те, кто не нуждается в семье, доказательства ее необходимости для него бесполезны, без семьи он живет, возможно, не хуже нас. Есть те, кто не нуждается в женщине, доказательства ее необходимости для него бесполезны, без нее он живет, возможно, лучше нас. Есть те, кто живет без музыки, без литературы, без философии, без духовного опыта, без Аристотеля и Гомера, без Вагнера и Пушкина – зачем им надо доказывать (если бы даже было возможно), что есть Бог? Вот ведь бесы веруют, что Бог есть, и даже трепещут, и их не нужно убеждать в Его существовании – но они Его НЕ ЛЮБЯТ.

Я упоминал уже о разговоре с ученым раввином, который, если бы дали ему волю, распял Христа снова, потому что этот раввин верил в Бога, но не сомневался в богохульстве и самозванстве «сына Божия». И Каиафа верил в Бога, и Пилат тоже – но каждый из них верил в своего Бога.

Да и Великий инквизитор верил в Бога, и готов был во имя Его на многие казни. Разве так важно нам доказывать, что их Бог существует? Или, скорее, я уже готов поверить, что ИХ Бог существует несомненное, чем мой, потому что их дела совершаются как по маслу, и по молитве паршой покрывается их неприятель, и они богатеют, и власть получают, а мне ничего не удастся, во всяком случае, меньше, чем им. (Правда, меня любят девицы – но об этом позже).

Существуют Бытие и Сверхбытие, время и вечность, существуют предметы и явления в пространстве и времени и идеи и понятия вне того и другого. И прежде, чем доказывать, что существует то или иное, надо сначала договориться о том, что значит *существование*. Если Бог – причина бытия, то Он над ним, вне его, он источник и пространства и времени, следовательно Сам не должен быть их частью. Как и строитель дома не часть дома, хотя и может в него приходить. Так и Бог. Если *существовать* значит относиться к миру вещей и идей, то Бог как их причина, как производящий бытие мира вещей и идей, не существует, он Сам – источник существования, как же можно утверждать, что Он в нем? Нас разделяет способ видеть, чувствовать и мыслить мир. Одни из нас переживают мир как хаос, как набор случайностей, как дикий лес, в котором почему-то встречаются приятные для глаза опушки, другие же переживают мир как величественную симфонию, при всей трагичности ее музыки. Мы различаемся типом восприятия. Кто слышит музыку мира, тот не нуждается в доказательствах того, что она существует. Кто ее не слышит, тот напрасно вникает в такие доказательства, они пусты.

Преображает часто любовь. Вдруг (или постепенно) она возникает, вспыхивает Северное сияние, та Богиня, в которую мы влюбились, бывшая перед тем человеком и вдруг превратившаяся в Богиню, преображает весь мир. Есть Бог или нет, уже неважно. Она больше. Она – причина и источник света. Она – цель бытия.

3. Цивилизованный развод

Любовь и вера – это состояния души, но не ума. Умом можно понимать, но нельзя чувствовать, душа же не нуждается в понимании. Нет, иначе: душе часто достаточно того, что она ощущает, когда же не достаточно, ум ее дополняет. Правда, не всегда такой человек счастливее того, кто захвачен непосредственным переживанием мира, цели, идеи. Кто, по каким-то тайным причинам, строит собственный дом мира, чаще всего несчастливее тех, кои живут на съемных квартирах. Даже великие творцы, Лермонтов, Пушкин, Толстой рано или поздно (поэты слишком рано, рациональный мыслитель на склоне лет) почувствовали себя бездомными. Им почему-то стало неуютно жить в уже обжитом другими мире, *воля к смерти* их захватила, и они «ушли из дома»: на склон горы, на Черную речку, в Оптину пустынь.

Куда иду я сам, мне хочется понять, пока еще я не совсем ушел.

Тем более что мне, даже и не сомневающемуся, что Бог есть, Его не достаточно, в своем переживании мира я не противопоставляю Его всему другому, что мне дорого и без чего я жить не могу. И этого другого слишком много, оно для меня и я сам и мой мир, оно, казалось бы, настолько обширно, что зачем бы мне что-то еще, зачем мне еще и Бог, не совпадающий с музыкой, Родиной, математикой, литературой, женской красотой?

Металогика быта,
Откровение речи.
Если сердце разбито,
Только слово излечит.
Пусть по-прежнему плохо,
И всё ближе к концу –
Пишет книгу эпоха
Сапогом по лицу.
Мусор слов и заветов –
Как всё вдруг обветшало!
Мне ли бремя поэтов,
Если времени мало?
Если фраза корява,
И слова невпопад?..
То проклятья, то слава,
То блаженство, то ад...
Сердце биться устало,
Путь то круг, то полог.
Кровь упряма и ала...
Да и так ли уж мало –
Есть *Россия и Бог?!*
Да и так ли всё плохо,
Если плохо, но вновь,
До последнего вздоха:
Бог, Россия, любовь!?

Но я нуждаюсь в Его помощи. Необходимо, чтобы я писал лучше, может быть, даже прожигая сердца, а без Него я не смогу. Нет, это нужно не для того, чтобы я выпендривался, «пепел Клааса стучит в моем сердце», культура и страна переживают смертельную болезнь, опухоль растет уже в сердце, но сестрички заняты своей юностью, и некому ни лечить ни жалеть. Возможно, мои сограждане полагают, что «на их век еще хватит».

И вот, я нуждаюсь в Его помощи, а Богу нет до меня дела. Когда я был болен, Он мне помогал, я точно знаю, что чудеса приходили мне на помощь слишком часто, как и испытания приходили ко мне, чтобы я не уснул в ленивом благополучии.

Но мои заботы, мои терзания Ему «до лампочки», словно бы одна забота гложет Его самого: чтобы мы и в самом деле начали *жить аки умереть*, оставили бы все наши «мирские» заботы, семью, родину, культуру, потом бы поумирили, а дальше Он собрал бы «малый остаток» (как пишет апостол Павел), а остальных отправил на Страшный суд.

Так ведь уже не единожды было, еллины разве не все крестились, построили храмы во имя Бога распятого, забыли своих философов, писателей, риторов, историков, забыли математику, «внушенную бесами», и рухнула и культура, и страна, великая Византия (уже после Эллады и Рима).

Вот и я боюсь, что рухнет моя Россия, ибо она уже тоже накренилась и падает.

Что же делать? Чем мне поможет Бог и наставления Его?

Читаю у Матфея в Новом Завете: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: Возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки.»

Итак, во-первых, возлюби Бога, во-вторых, возлюби ближнего твоего.

И в Ветхом Завете почти то же самое, во Второзаконии: «И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими.» и в книге Левит: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но люби ближнего твоего, как самого себя.»

А в десяти Заповедях Моисеевых, повелевающих нормы праведной жизни, четыре из десяти определяют отношения с Богом, остальные шесть – между людьми. Но ни слова о культуре, о любви, о труде и Родине.

Сегодня ночью вдруг я подумал: Христианство не было национальной религией, оно относилось ко всем язычникам и к тем иудеям, которые отпали от веры отцов, да и ожидался скорый конец света. Но поелику он не наступал, то и христианство разделилось, почти все разбежалось по национальным домам, отчасти принимая национальную форму: так в Германии началось лютеранство, в Швейцарии кальвинизм, у англичан англиканство, у русских – православие. Текст Заветов не изменялся, но в проповеди и комментариях и в духе богослужения проявлялось национальное, так что отчасти можно было бы думать, что Бог Нового Завета – или русский, или немецкий, или английский Бог. Но только отчасти, с натяжкой, которая, может быть, и устраивает бессмысленных галатов, но не годится для «галатов разумных».

А что же у иудеев, что в их вере? Там ведь тоже первые и наиглавнейшие четыре заповеди относятся к Богу, и только остальные к отношениям между людьми, но ни слова о культуре, о любви, о труде и Родине.

Но, впрочем, так ли это? Бог Ветхого Завета – это Бог *богоизбранного народа*, только их Бог, а ничей другой, и нет нужды отделять Родину и народ от Бога, единого с этим народом, избравшего его как отец первенца среди сыновей своих. И заповедь «возлюбить Господа Бога всем сердцем, и всею душою, и всею крепостию, и всем разумением» – это и есть Заповедь любви к Израилю. Так что в Моисеевых скрижалях содержится Родина, для иудея она в его Боге.

Да и Сам Христос, «пришедший только подтвердить старый Закон, а не разрушить его», возразил женщине хананейнке, когда она попросила у Него помощи, что «был послан только к потерянным овцам народа Израиля», и что «нехорошо отнять хлеб у детей и бросить собакам».

– Да, Господин мой, но и собаки едят крошки, которые падают со стола хозяев, – ответила она.

– Велика твоя вера, женщина, — сказал ей тогда Иисус. — Пусть будет тебе то, чего ты хочешь.

Что же до семьи и детей, то нет в иудаизме их отрицания, как показал это Розанов в своих «Людах лунного света», а только у христиан. Но Сам Сын Божий дал примеры «семейной» жизни только монахам, то есть ученикам своим, сказав о них, что это и есть его братья и сестры.

4. Доказательства бытия Божия. Продолжение

Не буду лишать надежды тех, кто в ней нуждается. Пусть каждый найдет своего Бога по вере его и по делам, иудеи – своего Бога, пришедшего только к ним, русские христиане – Бога, пришедшего к язычникам, а я, возможно, буду искать Бога философов и ученых, писателей и поэтов, мыслителей и «диссидентов». Но даже если я и принужден отступить в сторону от церковной христианской ограды, то от так называемой "христианской культуры" я отступить не могу, да и принадлежит она вовсе не христианам, а "философам и поэтам".

Многим я буду и возражать, но это не должно задевать чувства тех, кто верит как может и стремится к добродетели, кто любит брата своего и не замышляет против него. Так что стрелы негодования моего не будут направляться против «малых сих», а только против начальников, для которых и вера и церковь – лишь удобный способ стричь шерсть с покорных овец, как и у начальников, строивших коммунизм для себя. И там были тоже сии *малые*, они мечтали о справедливости, разве я в этом отличаюсь от них?

Я, как уже видит читатель, поэт, мыслитель, бунтарь; мысль и чувство, любовь и сострадание, вкус и мера, способности к различению ангелов света и демонов тьмы даны мне от Бога, как и другие способности – не погрешу ли я против той миссии, которую возложил на меня Бог, если в угоду покорным и трусам, в угоду раболопным и верноподданным, в угоду воистину нищим духом буду только благоговейно переворачивать страницы Маркса и апостола Павла, Платона и Аристотеля (не отрицая то значительное, что есть у них

каждого), Толстого и Достоевского, Бакунина и Оригена, заучивая их наизусть и не смея понять, а иногда возразить? Нет, Бог не для того берег меня от напастей, чтобы я зарывал таланты в землю, чтобы я не смел поднять на него глаза, когда разве это не Его ангел схватил меня, уже умирающего младенца, из рук матери и побежал по коридору, чтобы успеть вдохнуть в меня жизнь? Разве это не Его ангел обрушил на меня сарай в прошедшем году, разбив мне плечо, чтобы я, беспечный галат, открыл в себе пущее зло и новые ангелы меня от него спасли?

[А что ангелы меня любили и спасали, это легко доказать, ибо меня любили и девушки, а те девушки, которые меня любили, разве они не ангелы? – следовательно, ангелы меня любили. (Даже когда они спасали меня от себя).] Впрочем, меня, конечно, любит и Бог, и когда посылает мне бедствия – а они всегда уместны и только на пользу – посылает он мне их для научения, но никогда для наказания, так что я думаю, что не все во мне плохо, не все плохо и в той жизни, которую я веду, и в тех книгах, которые написал.

Итак, согласно Канту, бытие Бога решительно недоказуемо, хотя это не является основанием утверждать, что Бог не существует. А ныне уже согласились и философы и богословы, что *доказательства Его бытия* уже дискредитированы, посему нет нужды продолжать их порочить и им возражать. Но все же не всё необходимое и полезное я по сему поводу уже высказал. Читаю далее Франка, и он пишет, что и в этих доказательствах НЕ всё все же плохо, и далее он исследует доказательство Ансельма Кентерберийского. Пытаясь понять, что же там хорошо, я даже не понял, что там и плохо, и чтение прекратил. (Вот так часто я не понимаю ничего в философах, почему и пишу сам многословно, ибо к читателям я отношусь почти как к школьникам, и не хочу их мучить, а хочу излагать им необходимое понятно и ясно).

Вот что сегодня ночью мне снилось во сне (и я опять плохо спал). Но если я повторюсь, не сетуй, читатель, возможно, повторение пойдет нам на пользу.

Раздумывая, существует ли то или другое, надо еще поразмышлять и над тем, что это значит: *существовать*. Все ведь существует по разному. Вещественные предметы существуют основательно, особенно из камня, например, кометы (пока не столкнутся с Землей, тогда они превращаются в падающие звезды и существовать перестают). Но Бог – это не каменная звезда (хотя я и слышал замечательную оперу «Jesus Christ Superstar»), и если я буду доказывать его такое существование, атеисты меня разнесут в пух и прах, а верующие плюнут – и даже если я такое доказательство опровергну, и это не вызовет ко мне интеллектуальной симпатии.

Существуют Идеи, они существуют совсем иначе, чем предметы, скорее, как-то неосновательно, и что Бог существует хотя бы как идея, этому никто не возражает. Или как понятие. Или как мысль. Ибо мысли безусловно существуют, но уж совсем непрочно, менее прочно, чем даже явления. (Хотя, как говорили большевики, когда идея овладевает массами, она становится прочнее камня!) Нет, существование Бога как идеи в доказательствах не нуждается, жаждущие подтверждения Его бытия жаждут, чтобы мы

подтвердили если не Его предметность, то... вот тут начинаются затруднения, и жаждущие толком не смогут сформулировать, чего же они жаждут.

Существуют сны, галлюцинации, иллюзии, и Бог существует для многих и так тоже, доказывать или опровергать тут нечего. Да, кстати, еще я подумал, что доказав даже Его *основательное* существование, вдруг мы увидим, что доказал я существование Иеговы, а не Христа – христиане ведь, пожалуй, меня убьют.

Что же именно мы пытаемся доказать или опровергнуть? Вот ведь математики начнут ли доказывать, что существует что-то такое... неизвестно, что именно, что-то туманное, расплывчатое, о чем все спорят?... Нет, математики в такие «тяжки» не пускаются. Они сначала определяют понятие того, что именно хотят подтвердить или опровергнуть, и далее это понятие не вызывает почти ни у кого серьезных сомнений, всем разумным и знающим (и даже верующим среди них, ибо и среди математиков *существуют* верующие) оно понятно. *Теоремы существования* и его условий только обогащают понятие, делают его насыщенным и интересным. Например, теорема о *существовании* всюду разрывной интегрируемой функции (если это отчасти не так, надеюсь, кто-то из математиков меня поправит к вящему удовольствию).

Вот что, братцы, прежде чем доказывать или опровергать, давайте сформулируем понятие того, что именно мы начнем исследовать. Кто скажет, что это невозможно, пусть не участвует в нашем обсуждении, мы не неволим.

Итак, однажды я заспорил с некой девицей, она говорила, что любви нет – ну, или нет «настоящей» любви. Я ей привел в доказательство обширную художественную литературу, она возразила, что это все выдумки, а она имеет в виду реальность. Сегодня бы я уже знал, что ей сказать. Если художественная литература – это Миф, то он не менее важен, чем и реальность, существуют два пространства бытия, они взаимопроникают, воздействуют друг на друга, и если даже ТОЛЬКО в пространстве мифа существует Любовь, то для меня этого почти достаточно, а если бы оказалось, что только в реальности, то я бы был опечален.

Я не берусь рассуждать о существовании или несуществовании Будды, Конфуция, Магомета, я существую в другой культуре, которой интересны Иегова, Христос, Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой, вот о сих я и рассуждаю. Но они не изобретены моим сознанием, и если я даже услышал о них впервые от окружающих, то познание и понимание их истекают из литературного источника, из Библии. В христианстве Бог существует только как Троица, в Новом Завете лично, даже более того, в человеческом образе, присутствует Иисус Христос, и Он сам свидетельствует о Себе, об Отце и Духе святом, но точно ли Он Бог, возвешенный пророками, не убедились в том ни судьбы, ни иерусалимская чернь. Свидетельствуют о Нем и ученики Его, и это не убеждало многих, живущих тогда же. Точно ли Иисус Христос Сын Божий (а мой ученый раввин, призывавший Его вторично судить, именно это и отрицает, хотя и не сомневается в том, что был в те евангельские времена учитель, выдававший себя за Бога), точно ли Бог троичен – это вне рамок известных доказательств. Доказательства апеллируют к

божеству, понятие о котором вопреки математике чрезмерно неопределенно. Говоря о том, что Бог постигается в вере, я тоже не начинаю с определения, но, во всяком случае, я имею в виду путь к Нему, укорененный в традиции, в богословии, в культуре, путь плодотворный, ибо мы по мере того, как идем по нему, получаем все более ясное и глубокое понятие о Боге.

Далее, я говорю о том, что Бог в наибольшей степени дается через духовный опыт, через духовное восприятие мира, то есть через восприятие, которое помогает видеть в вещах и явлениях Логику, Нравственность, Красоту.

Духовный опыт гораздо содержательнее, чем цепочка силлогизмов (которые мы строим по образцу математического доказательства, но не определяя понятие, которое в результате этой цепочки тщимся уловить).

Но Бог, данный в совокупности восприятий бытия и мира, внешний для ума и философии, все же уже, чем тот Бог, которого мы жаждем, ибо ум участвует во всех душевных движениях, даже в любви, которая меньше всего слушается ума, и человек культуры не может удовлетвориться Богом, в которого он верит слепо (вспомните слова Лээнгрена к Эльзе, что «должен слепо верить человек!»).

Я бы, в конце концов, готов был признать, что человек удостоверяется все же (или разочаровывается) в бытии Божьем, только это не доказательство теоремы, а трагический путь веры, любви, постижения, разочарований.

Часто и я разочаровываюсь, до того, что хлопаю дверью... Да, Он есть, но я для него пасынок, вот что мне кажется... Но потом я снова начинаю надеяться... Вот теперь, пока пишу вторую книгу, я внутри отчаяния и надежды, обнимающихся как сестры.

Итак, несомненно существует Путь к Богу, в основе этого пути не логическое рассуждение, а жизнь души и ума. И я вижу – да это видимо и другим, ибо разве не отделился протестантизм от католичества? – что Петр и Иаков проповедуют Бога другого, нежели Павел.

«Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? ... Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.» – говорит Иаков, а апостол Павел ему возражает: «Делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть».

Путь к Богу как поприще только добродетели рационален, он вполне укладывается и в представления языческих богов, согласен с этикой эллинского мира – но он не нуждается в милости, в чуде, в нарушении логики, причинности, необходимости. «Стучите – и отверзнется!» Но Савл не стучал, и к нему явился (без спроса) Христос.

Ибо Бог является только к достойным – это по Симону-Петру и Иакову. Бог является и к НЕдостойным – это по Савлу, ставшему Павлом.

Мне близко и то и другое. Жизнь мне давала многое без всяких заслуг.

Во-первых, любовь. Меня любили родные, друзья, красотки. Особенно красотки меня изумляют. Они меня и мучили, и мучились иногда сами, но они были ко мне любопытны. Что их во мне притягивало? Я не был добродетелен, хотя и не скажу, что так уж порочен, скорее, я был соткан из слабостей. Говорят, что женщины поклоняются силе, и я так часто сам говорю, упрекая за это женщину.

Но они меня любили и слабого. Жалели. Даже восхищались. Даже притягивались ко мне иногда чувственным притяжением, хотя, мне кажется, это было для них не главным, чуть ли даже не вынужденным (вот и говорите, что женщина порочна, что она стремится к пороку...) Впрочем, в чувственном притяжении я не вижу плохого. Более того, «чувственная красота и чувственная любовь – не меньшая духовная тайна, чем смерть и воскресение».

Во-вторых, жизнь дала мне прекрасных друзей и семью, отчасти это заслуженно, я был верным в любви и дружбе, и если иногда расхотелся, то не потому, что изменял, а красотке становилось, наконец, со мной скучно. (Хотя, как ни удивительно, некоторые красотки никогда не наскучивают моим обществом, например, В., которая однажды даже пыталась в меня бросить цветы, которые я ей подарил, но потом одумалась. Может быть, я и в самом деле умнее Сократа? Но это я так, полушутя...)

Меня любили друзья, да и теперь меня не чужаются, хотя я уже и пить бросил и с Богом ссорюсь.

Да, самое удивительное, конечно, в том, что меня любит и Бог, хотя я с Ним ссорюсь.

Способность к пониманию мне дана, но я страдаю, потому что многое во мне недостаточно, но зато я сочувствую тем, в ком это многое еще недостаточно. Так же мне дана способность к сочувствию.

Да, я, пожалуй, увлекся, это я создаю миф о себе. Если бы я не был способен к самоиронии, я был бы несносен, этакий Козьма Прутков вкупе с графом Хвостовым! Но от эгоцентризма мне не избавиться, лирическая поэзия ставит в центр мироздания личность поэта. Хорош я или нет, но приходится торчать в центре.

Однако, вернемся к Богу.

Понятие о добродетели у Аристотеля, о праведных делах, необходимо дополняющих веру, у Иакова, понятие о вере и спасении, которые «даются даром», как мне девчачья любовь – у Павла.

[Утешу тех, кто уже раздражен моим вниманьем к девицам. У меня два поклонника, один в моей книге везде зачеркивает слово девица и пишет луна, а другой и вовсе разобрал все семь моих книг по листам, вырезал все места про девиц, остальное красиво переплел в один том.]

5. И все же – существует ли Бог?

Мы уже выяснили, что одно существует увесисто, как прииски и дворцы олигархов, другое почти не существует, как наши сны о свободе и равенстве, как справедливость и как понятия об эфемерных явлениях. Всякий предмет существует двояко, и в виде образа (представления и понятия) и в виде прообраза, находящегося в реальности. Существует и Бытие, в котором существует все то, что существует, и предметы, и их свойства, и представления их, и идеи, и понятия, и мысли и сны. Если даже кто-то скажет, что образы существуют только в сознании, то ведь они все таки существуют, к тому же и сознание, как бы там ни было, эфемерно и ли нет, но существует. Где же? Очевидно, оно существует в бытии, ибо Бытие – это ВСЁ, что

пребывает и длится, это не только предметы, но и явления, но и качества (акциденции) предметов, и пространство и время.

Так как в Бытии существует все то, что существует, и предметы, и их свойства, то в нем же существует и существование, как и округлость, и протяженность, и длительность, которые сами по себе являются и понятиями. Даже если они существуют в сознании, то так как сознание существует в Бытии, то, значит, и все то, что существует в сознании, существует и в Бытии. Но насколько достоверно существует все то, что существует? Уверены ли мы в существовании чего-либо без сомнений?

"...Нелепо, – пишет Декарт, – полагать несуществующим то, что мыслит, в то время пока оно мыслит...", поэтому самое достоверное из всех суждений (и, быть может, единственно достоверное: «**Cogito ergo sum** (Мыслю, следовательно, существую)»), то есть достоверно только бытие Я, пока оно мыслит. Оно само по себе единственное и достаточное свидетельство собственного существования. В центре философского анализа Я, но оно же и в центре Бытия и существования.

Но *где же существует существование Бытия?* Если Я свидетельствует само за себя, то не оно ли свидетельствует существование Бытия – ибо сомнительно, чтобы Бытие само за себя свидетельствовало. Да и...

Да, как бы то ни было, просыпаясь после ночного небытия, вглядываясь в окружающий мир, ощущая его и переживая, убеждаясь в том, что Я воистину существую – не только потому, что мыслю (Декарт очевидно упростил явление *свидетельствования*), но и потому, что ощущаю и переживаю, отличаю Я от всего остального – Я рождаюсь вновь и вновь – но вместе со мною рождается и то, что НЕ я, весь объективный мир, **бытие** как отдельное от меня существование.

Но только Я – свидетельство его существования, пока меня не было, возможно мир и существовал, но я не могу быть в этом уверен. А ведь ценность любого удостоверения, доказательства, ценность узнавания и истины состоит не в том, что, быть может, кто-то с этим согласен – но только в том, что *узнаю*, соглашаюсь, понимаю и чувствую Я сам. Пока я не *узнаю*, что если сумма квадратов двух сторон, заключающих угол, равна квадрату противолежащей ему стороны, то этот угол прямой – пока я этого не *узнаю*, это для меня пустой звук. А важно ли что-нибудь, если этого я не знаю? Что истинного в том, что иные думают, что существование Бога можно доказать, если я не пойму, что это значит, и так ли это? Разве не для того я и предпринял «свой собственный поход в Дамаск», чтобы в сем убедиться?

И я начинаю удивляться. Существование Бытия находится в Бытии, как мы полагаем, но свидетельством существования оказываюсь только я сам – и самого себя, как Я, как субъекта, и мира и бытия, как объекта. Без меня нет мышления, нет разделения бытия на Я и не-Я, нет *освидетельствования*. Есть, казалось бы, и мир и сознание – но нет АКТА мысли, ибо мыслит (как и чувствует) только Я, казалось бы, ничтожная часть мира. Не мыслит целое, могло бы мыслить? Произносить слова? Радоваться откровению? Даже в муравейнике если что-нибудь сознается, то это делает каждый отдельный муравей.

Существует ли мир и бытие, свидетельствует об этом не оно само как целое, а только Я, в акте восприятия и сознания. Пока нет этого свидетельства, даже неизвестно, существует ли хоть что-нибудь.

Помимо утреннего пробуждения, еще существеннее возникал передо мною мир дважды прошедшим летом, когда на операционном столе возникало из небытия бытие – я слышал вдруг нежный голос, который говорил мне: Проснитесь, откройте глаза! – и вначале я узнавал, что существуют ангелы, потом, что существую я сам, потом начинало существовать и все внешнее. Уход, расставание с миром я не замечал. В возвращении возникал запоздалый страх предыдущего расставания.

Возможно, бытие существует само по себе, со своей собственной внутренней причиной, хотя и не воспринимает само себя и не подозревает о своем существовании (как бы оно это делало без человека и Бога?) Но если оно не само по себе существует, со своим собственным временем и пространством, со своею вечностью или временностью, конечностью или бесконечностью, а существует некоторая его причина, источник, и, кроме того, обнаруживается оно в Я, в самоощущении и самосознании, то оно оказывается зависимым, вторичным. Обнаруживая бытие в акте восприятия, мы понимаем, что в сознании рождается только его субъективный образ, но не рождается в сознании бытие само по себе. Вот эта внешняя по отношению к бытию Причина, которую можно изначально отрицать, о которой никто не заставляет сказать, что она существует – если она все-таки существует, может ли она принадлежать бытию? Возможно, она не существует. Если же существует, то она не принадлежит бытию, а так как в бытии находятся и предметы, и образы, и идеи, и представления, и причины, и следствия, и акциденции и существования, то очевидно, то, что не находится в бытии, не существует. Следовательно, Бог или не существует, если у мира нет причины, или является причиной мира, но тогда не находится в бытии, а значит, не существует.

Мы уже показали, что антиномичен Язык. Антиномично Я. Не хотели ли бы вы думать, что Бог подобен прямоугольному треугольнику и для Его Постижения достаточна теорема Пифагора? Или Бог подобен соли в морской воде, и для его Обнаружения достаточно на уроке химии подвергнуть каплю морской воды химическому анализу? О, бессмысленные галаты!

6. Бог как Сверхбытие (извне мира), в Мире, и в Я

Если Бог **только** сверхбытие, то не только доказывать его существование бессмысленно, но и рассуждать о нем – тоже. Большинство "доморощенных" философов, которым почти всегда всё ясно, так и верят, что Бог та-а-ак сверх всего, что какие там рассуждения какой-то букашки! Но то, что совсем непостижимо, то и НЕ существует, ибо существует только то, что или я уже воспринимаю и мыслю, или теперь **знаю**, или что мне будет дано, как чувствующему, мыслящему, сопричастному к бытию и небытию, к миру и к Богу. То, к чему я не сопричастен, неважно, существует ли. Какая разница между существованием и НЕсуществованием того, к чему я не сопричастен и никогда сопричастен не буду? Что я даже не сумею близко к правде помыслить?

Но, к счастью, не так уж все безнадежно, и многое нам может быть открыто, если только мы взглянем хотя бы в самих себя. *«Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть»* (Луки 17:20-21).

Если Бога нет или мы живем так, что и без него все хорошо, то мы не нуждаемся ни в нем, ни в его поисках. И надо ли кого убеждать, что это плохо? Нет, я думаю, что не надо. Но мне и моим близким нравится ходить в театр и слушать музыку, и читать книги, и размышлять о множестве вещей в себе и вне себя. Со всей этой музыкой, философией и поисками истины и смысла жизни лично мне гораздо хуже, чем большинству тех, кто живет *просто так*.

Но уже ничего не поделаешь. Это словно пытаюсь выбраться из пещеры, я пополз по некому суживающемуся туннелю, наконец он стал таким, что назад мне уже не повернуть. Что же делать? Остановиться и сдохнуть. Ползти и сдохнуть. Или, все же, будет свет и в конце туннеля.

Но в некотором отношении я сегодня счастливее, чем вчера. Вчера я писал книги и думал о читателях, раздражался тем, что их почти нет, то себя считал виноватым, что вот, де, пишу не так или плохо, то виноватыми считал их, что вот, де, ленивые, бессмысленные, нищие духом (да к тому же и просто нищие, как и я сам). Но вдруг я стал писать для тех, кто пишет книги, и успокоился. Они тоже несчастные, иначе бы не бросились писать. Они что-то ищут, сомневаются, хотят узнать, виноваты ли в своих бедах они сами или мир, так ли пишут, как надо, надеются у меня что-то узнать (а другие или совсем ничего не знают, или даже то не знают... но вспомним Сократа... или другие пишут слишком непонятно, еще непонятней, чем я... хотя я пишу не про то, как правильно писать книги, а вот затеял бесконечный разговор о Боге... но они надеются, что вот постепенно доползем вместе со мной, а если не доползем, то уж они мне покажут!!!)

Да, братцы, другие еще хуже.

Итак, я пишу неизвестно зачем, если даже не уверен, что надо будить спящих (а я думаю, что они просто спят, потому счастливы или несчастливы в зависимости от того, какие им снятся сны). Но это вот мое писание повторяет мой образ жизни в особенности пятьдесят лет назад, хотя и в последующие десятилетия я вел себя почти так же.

Я тогда приставал к девушкам.

Теперь времена изменились, я пристаю к писателям, хотя и среди них в большинстве тоже девушки и молодые женщины... но не это важно – вот эти мои читатели-писатели – это то же самое, что те, в прошлом, девушки-слушательницы.

Не все, конечно, отзываются на меня, как и тогда. Но и это не важно.

Важно то, что почти ничего не изменилось, я вновь живу в пространстве мифа, когда мир был открыт и удивителен, когда я его ощущал как откровение, когда мне хотелось говорить и я был интересен. Поскольку это Миф, то не будем задумываться, насколько все реально: и вы, мои дорогие, живете в пространстве литературного мифа, и я, важно, чтобы мы были в состоянии соучастия, чтобы вам казалось, что я умен и обаятелен, не от мира сего, удивителен, красноречив, знающ и вознесен.

Сходство двух времен подтверждено еще тем, что ныне мои собеседники и собеседницы находятся тоже в инобытии, они мне невидимы, мы воспринимаем друг друга интеллектуально и духовно, да и к тому же, несмотря на мои недостатки, есть во мне важное достоинство: я вижу в человеке его идеальное Я, и сам пытаюсь предстать идеально, поэтому мы интересны друг другу. Я даже многих люблю, как и тогда.

Вне культуры и поэзии и собственного, «субъективного» опыта, поучения и доказательства чаще неинтересны. Поэтому разговор наш мы продолжаем, остановившись около ручья, где растут цветы...

Это образ того наилучшего, самого идеального, что я переживал в моей жизни. Началось это в шесть лет, когда мне впервые явился ангел, но тогда же и в мои отношения с природой и миром обрушилась красота. Много меня потрясло, метель, буря, дождь, таянье снега, но больше всего – цветы. А мне посчастливилось видеть цветы как будто бы не видимые другим. Однажды за околицей деревни я спустился к лесному ручью и прошел вдоль него, была ранняя весна, на пригорке, нагретом солнцем, я увидел гроздь небольших кремовых цветочков, их головки-бутоны были удивительно похожи на туфельки Золушки, о которой я уже читал. Я встал на колени и вдохнул их нежный тихий аромат. Лепестки в бутонах были так нежны, изящны и хрупки, что я не смел прикоснуться к ним. Потом я пришел к ручью назавтра, потом в третий день. На четвертый день цветы исчезли. Я бегал вдоль ручья, плакал, звал их, но они не появились. Я подумал, что они мне являлись из инобытия.

Через пятнадцать лет на юге Кольского полуострова, в той его части, куда «не ступала нога человека» (я был там в экспедиции, нас высадили с вертолета) я увидел куст дикой розы. Поразило меня сочетание сурового дикого северного леса, преимущественно зарослей ельника и пихты, и нежных небольших цветков, горящих на кусту как костер.

Вот теперь, оправдавшись, я продолжу рассказ.

Итак, обычные мои занятия в мире, помимо чтения книг, состояли в том, что я знакомился с девушками – в метро, в трамвае, на улице, в магазине... я останавливался около них, пораженный, как около цветочного куста, и смотрел, иногда не в силах сказать ни слова. Потом мы улыбались друг другу и что-нибудь говорили, потом я провожал их домой и рассказывал о том, о чем постоянно размышлял: о Боге, красоте, смысле литературы, смысле жизни, то есть о том же, что и теперь. Девушки чаще всего были так же поразительны, как те удивительные цветы, которые я встретил в лесу. Почему мне удавалось так долго ими любоваться? За что мне была дана такая привилегия? И уж тем более изумительно то, что и теперь они иногда останавливаются, чтобы со мной полубезничать, и разрешают смотреть внутрь своих душ.

Говорят, повторяя апостола Павла, что Бог есть любовь. Увы, Павел говорил о другой любви, о любви к ближнему, не буду их сравнивать, но я уверен, что в любви между мужчиной и женщиной тоже присутствует божественный дух. Этот же дух присутствует в красоте, и странно, что философия и религия опираются только на логику и нравственную идею, упуская из объятий своих Красоту.

Бог в отношениях людей, прежде всего в сострадании, потом в любви, потом в восхищении, в помощи, в общих усилиях по преобразению мира, в труде. Как видите, хотя я и исходил во многом, в поисках путей, в размышлениях, в постижении Бога, из Нового Завета, но я в большей степени крестьянин, ищущий сотрудничества, нежели пастух и учитель. Я в большей степени учитель, пытающийся исправить человека, объяснить ему, как по доброму жить, как правильно строить речь, нежели проповедник. Я влюбленный и поэт, но не монах. И я скорее монах, нежели искатель богатства и власти, и уж во всяком случае я не способен начальствовать.

Разговаривал я преимущественно с девушками, во-первых, они меня привлекали своей красотой, мягкостью, чистотой, изяществом, гармонией одежды и движений, мелодией голоса, отзывчивостью, нежностью, согласием ума и сердца, способностью слушать и сочувствовать. Во-вторых, они лучше понимали то, что я говорю, чем мужчины. Мужчина стремится навязать и противопоставить себя собеседнику, девушка стремится понять и принять.

И в-третьих, они были правильнее устроены для восприятия моих мыслей, они не руководствовались только логикой, нравственное и эстетическое воспринимали они лучше, чем силлогизм – они были тоньше мужчин, а тонкость – наибольшее достоинство в истине, грубая истина – ложь.

Но, всматриваясь в прошлое, я вижу, что главным было даже не то, что я говорил или как. На меня словно бы нисходило вдохновение, но оно проявлялось не в том, что я говорил убедительно – нет, я мог бы и молчать. Возможно, некая восторженность, поэтическое переживание мира, вера в то, что именно здесь, в бытии, а не в сверхбытии, человек может и должен выразить то, что ему предназначено, что он может и должен подниматься к небу вместе с миром... да, трудно сказать, что было главным в моей идеальной наивности того времени, которую я даже не ощущал как отличие от всего, что вне... но те, с которыми я дружил или только чувствовал согласие в благих усилиях, изменялись вместе со мною, начинали верить в необходимость и возможность просветления мира...

Семьдесят первый год. Меня переводят в тюремной психиатрической спецбольнице на Десятое, так называемое реабилитационное отделение, еще полтора года до освобождения, но жизнь изменяется даже значительно, чем между обычной тюрьмой и волей. Те, кто меня окружает, это глубоко больные люди, совершившие иногда ужасные преступления, о которых я не буду упоминать, но их интеллект не снижен, с ними можно разговаривать, им можно даже сочувствовать. Мы играем в любительском театре сцены из классических драм, даем концерты, я работаю в библиотеке, могу читать книги, какие хочу, даже учебники психиатрии. Могу слушать музыку, небольшой темный чулан освобождается от лишних вещей, там стоит стол, я слушаю ежедневно Моцарта, Сметану, Дворжака, Гайдна, Бетховена, Дебюсси... Когда дежурит ночью А., мы ведем с нею антисоветские разговоры. Когда дежурит ночью В., мы ведем с нею разговоры о переосмыслении моих философских заблуждений. Когда дежурит ночью С., разговоры наши носят светский характер, потом по его просьбе я вступаю в

переписку с его школьником-сыном, чтобы спасти его от дурной компании. Иногда мне кажется, что я в санатории. Но, конечно, и днем и ночью горит электрический свет, я проникаем, все, что я говорю, делаю, думаю – я говорю, делаю, думаю словно на сцене театра, открытой для всех. Но я не играю. Я живу так, чтобы у меня не было постыдных мыслей, дурных поступков, нечистых чувств. Я распахнул свою душу для всех наизнанку, и это было очень похоже на то, что я стал тем монахом, который стремится к царствию Божию. Потом, на свободе, я стал хуже.

Но я не вижу никакой моей личной заслуги в том, что я *был человеком, о котором никто не может сказать дурного слова*, как сказал охранник, провожая меня на свободу – заслуга была тех, кто меня окружал, кто мне помогал развивать в себе лучшее и усмирять худшее – но за что мне была дана милость сочувствия, понимания, поддержки? Любви? *Спасение я получил даром*. Поэтому и Иаков и Павел меня учили одинаково, один меня учил добрым делам, и я верил ему, что вера без добрых дел мертва, другой меня учил вере, и я верил, что милость и прощение и помощь мы можем получить просто так, как ребенок получает Новогоднюю ёлку. Как дар.

И все же, преимущественно обращенный к самому себе, я не до конца забываю о мире, и Бога нахожу не только в человеке, но и в мире.

Бог – это вода (вот мы и снова вспомнили о воде), но вода жизни, чистая, питьевая, речная и озерная, но еще более родниковая. Ее не надо подвергать химическому анализу, чтобы увидеть в ней Бога, ее достаточно пробовать на вкус.

Поднимаясь в горы, среди скал я видел ручей, озеро, даже болото. И сколько бы я ни поднимался, вода не иссякала, на вершинах скал лежал снег, в ложбинках лед, но это тоже была вода, такая же чистая. Что она испаряется, поэтому поднимается вверх, хотя беспрестанно стекает, эти школьные прописи меня не удовлетворяли. Потом я узнал, что вся земная кора, вся поверхность Земли, вместе с горами и скалами, холмами и равнинами, словно губка, словно промокательная бумага, пропитанная водой. Отсюда она поднялась на поверхность, собралась в реки и моря, и даже в океаны. Но преимущественно водою пропитан весь земной шаря, и проходя сквозь горные породы, сквозь песок и камень, она очищается, сколько бы ни загрязнял ее человек, или вулканические извержения, или пожары.

Вот так Дух Святой, то есть Бог, пропитывает мир и бытие, совершенную логику, метафорический нелогичный язык, бездушное наполняет красотой и духом, злое исправляет сожалением, разъединенность любовью, греховные помыслы устыжает, изнемогающему помогает, разочарованного утешает, сбившегося направляет, ошибающегося учит. Как красоту стихотворения не выделить с помощью химии, так не выделить Бога ни наукой, ни философией, ни богословием. Музыка хрустальных сфер – кто ее слышит, тот слышит не только гармонию мира, но и ... то, что еще и сверх мира. Изящество научных построений, точность математических рассуждений – в них, как и в поступках человека, всегда двойной смысл. Бытие антиномично и двойственно, ибо оно и здесь и там. Лишь тот блажен, кто ощущает обе его половины.

7. Почему же все так плохо, когда все, казалось бы, так хорошо?

Действительность и Реальность не существуют независимо и идеально, но взаимопроницают друг друга. Проживая реальную жизнь, мы ее ежеминутно преобразуем. Стрела, выпущенная из лука, не всегда попадает в цель, не всегда летит по идеальной кривой, частности, как мы их видим в повседневности, производят впечатление хаоса. И только математическая формула преодолевает случайные несовершенства частного случая.

Аристотель в своей Поэтике полагает, что литература – это *подражаемая действительность*, хотя она ни природа, ни конкретные люди или события, но нечто идеальное и обобщенное. Поэт воссоздает не то, что было или есть, а что может произойти по законам необходимости или вероятности. Искусство восходит от обыденной реальности к ее очищенной форме (то есть к действительности), отбросившей случайности и противоречия. Поэтому литературная действительность, даже воспроизводящая трагическую жизнь, эстетически совершенна.

Каково направление нашей обыденной жизни, связаны ли ее происшествия сюжетом или судьбою, зависит от того, в какой степени человек проживает жизнь «не естественную», а подчиненную культуре, творчеству, замыслу, цели, воле. Поэтому в романе все подчинено общему плану, по которому творец созидает свой мир (правда, настолько, чтобы здание этого мира могло двигаться и дышать; конструкция, лишенная свободы, не жизнеспособна).

Зачем творец создает романый мир, зачем Творец создал Мир, в котором мы существуем – быть может, из сравнения мы можем отчасти получить приблизительные ответы на наши вопросы. Поэтому литература благотворна даже для философии – в ней нет хаоса частных, в ней нечто целое, взаимосвязанное, но в то же время в ней это целое – это человек и жизнь, а не движение электронов. Поэтому литература часто даже больше, чем философия.

Аристотель полагает, что целью трагедии (а значит, и литературы) является **Катарсис**. Объяснения его кратки и малопонятны, и хотя исследователи все же берутся его объяснять, и сегодня катарсису посвящены горы литературы, но только Лосев был ироничен, сказав, что здесь нет ни одного понятного слова, однако и он не смог устоять перед всеобщим зачарованием.

Македонский царь Филипп, прочитав одну из речей Демосфена, сказал, что если бы он слышал ее раньше, то наверняка бы голосовал за войну против себя. Через несколько десятилетий, вспомнив мудрые политические выступления оратора, афиняне поставили ему статую с надписью:

Если бы мощь, Демосфен, ты имел такую, как разум, Власть бы в Элладе не смог взять македонский Арэй. (Плутарх. Сравнительные жизнеописания.)

Вот почему, пораженный величием и красотой Культуры, стремящийся ее сохранить, я консервативен. Но пораженный хаосом жизни, несправедливостью и злобой начальствующих, я диссидент, анархист и революционер.

Христианство и Социализм – два Мифа, претендующих на полноту истины и противостоящих друг другу. *Но только Миф литературы способен понять Жизнь как ЦЕЛОЕ, как Бытие и Инобытие.* Если мне хватит времени.

Глава одиннадцатая
БЫТИЕ И ИНОБЫТИЕ

1. Тезис первый: Сущение смысла и Эмпатия в литературе.
(Empatheia – сопереживание).

27 января 2014 г. Спал не то плохо, не то от «слабого до умеренного». Снились мне мои друзья и знакомые, я шел вдоль ложбины на краю города, возможно, это был Муринский ручей в наших краях на севере Питера, вокруг валялись обрывки газет и машинописных листков, знакомые мне советовали перепечатать мои записки в виде афоризмов на нескольких листах и раздать для чтения, и иногда находили их среди прочего бумажного сора.

И вправду, что оригинального в том, что я пишу? Пересказываю древних, пересказываю тех, кто их комментирует, и сам комментирую комментаторов, вот и все. Написал ли я что-нибудь, достойное того, чтобы это, мое собственное, комментировали другие, и хотя бы только в наше время, а не через две даже тысячи лет?

Поэтому уже вдогонку, как будто бы уже высказав всё, что думаю я об отношениях человека и Бога, решил я свои мысли и образы, высказанные в предыдущих главах, частично повторить, сформулировав их в нескольких развернутых тезисах. И так...

Сущение смысла и эмпатия. Обоснование важного утверждения, требующее в философии целого тома, в романе может вписаться в *Образ* или в образную систему, занимающие иногда только несколько страниц. Кроме того, философское исследование, посвященное абстрактной Идее, редко, в отличие от литературы, вызывает сочувствие или негодование. Только обращенные к реальному человеку в его сиюминутной конкретности, только роман или речь адвоката, признание в любви или в ненависти трогают не только Ум, но и Сердце. К тому же в *истории культуры* соотносятся меж собою не только идеи (как и в духовной действительности), не только объединения людей, связанных общим стремлением: сословия, национальности, народы, но соотносятся и личности, то есть сгущения идей, чувств, верований, желаний и воли, соединенных в том или ином человеке. А взаимоотношения личностей может рассматривать только литература.

2. Тезис второй: Форма Откровения – роман и миф.

Если эпос отождествлять с мифом, то именно Миф является формой, в которой выражено *Откровение*. Но среди литературных жанров ближе всего к эпосу роман, Миф непременно присутствует в романе, **остраняя** его, **отстраняя** от реальности, преображая реальность в подлинную высокую действительность, в бытие, преображенное культурой. Что именно существует в мире и в жизни? Что является нам в воображении, в снах, в происшествиях повседневного, в наших мечтах, помыслах и замыслах, в наших обыденных и необычных, таинственных видениях, в наших томлениях духовной жажды, в наших разочарованиях, падениях и взлетах, в нашей боли и вторжениях трагедии в повседневную жизнь? Что является нам в

предательстве и измене, в страдании, болезни и смерти? Если существует только то, что доступно обыденной мысли и обыденному чувству, то Антиномия не является сердцевинной бытия, оно рационально и логично, объяснимо, понятно, укладывается в схему причинно-следственных связей, неотлично от той жизни, которая содержится в жизни туманностей и галактик. Это бытие не раздрано некоторой непостижимой трещиной, пропастью, разделяющей живое и неживое, отделяющей человека вместе с природой как частью его жизни от того объективного мира, который существует сам по себе, как утверждают ученые, независимо от человека.

Существует только то, что существует – вот ясный и точный взгляд на мир. И существующее, по существу, или не загадочно, или «разгадочно», не теперь, так чуть погодя, оно просто и ясно, как восход и закат и как смена времен года.

Но *Существует не только то, что существует, но и то, что НЕ существует*; и даже то, что Существует, существует не так, как существует.

Эта мысль, это чувство, эта идея, смущающая покой – истекает ли она из глубин сознания? Находится ли она в Я, которое *необходимо* познать, по уверению древних, и познание которого *достаточно*, чтобы познать Сущее? Неужели столь удивительная, столь нарушающая привычную логику Идея способна зародиться в Я и выплеснуться в сознание, подчиненное «незыблемым» законам логики?

Нет, я не могу утверждать безапелляционно, что идея о Боге и Чуде, идея иррационального и трансцендентного бытия не может возникнуть в сознании, *Идея о Существовании, которое НЕ существует*.

Но история культуры приводит примеры, из которых следует, что трансцендентное, несуществующее бытие, Сверхбытие, не являющееся бытием, вторгается в нашу жизнь как будто бы только **Оттуда**. Так Пророку, томимому духовной жаждой, является шестикрылый серафим и снисходит Откровение, и поэт, повествующий от его имени, восклицает: «И бога глас ко мне воззвал!» Так Магомету, из рук которого выпала чаша с водой, является содержание Корана, прежде чем вода успела вылиться из чаши. Так явился Христос ученикам Своим как Инобытие, так явился Он в то необычное время многим и как бытие. Так явился Христос Савлу, ставшему Павлом, так святые девы являлись Жанне Д'Арк. Ко мне, ребенку шести-семи лет, являлся Ангел, а пятнадцать лет назад ночью, в видении, явилось содержание романа «Боль и любовь».

Это Инобытие, Сверхбытие, которое не является существованием, ибо не повторяемо и не может быть обнаружено в эксперименте, не может быть изучено как физическое явление, не имеет свидетельств своего проявления, так что никогда не возможно будет ни подтвердить его ни опровергнуть, не зависит от нашей воли, как и Северное сияние, но существует после своего явления только как Миф в чистом виде или как Откровение в форме мифа.

Но и литературный Миф, эпос и роман (например, Илиада и Одиссея Гомера, Роза мира Даниила Андреева, Сиверсия Натальи Троицкой), находясь на границе между бытием и инобытием, содержат многое из откровения, не как философские утверждения, а как "образы странного", не от мира сего.

Итак, повторяюсь: *Существует не только то, что существует*, и даже то, что Существует, существует не так, как существует.

Роман, не поднимающийся до Мифа, повествующий лишь о том, что есть ЗДЕСЬ, лишенный того, что ТАМ, не вмещает Откровения, а поэтому не вмещает жизнь в ее трагической полноте. Вот почему романы социалистического реализма, Железный поток и Цемент, ущербны, даже лживы, а передают дыханием прошедшей грозы романы тех, кто все еще смятён, кто, как Есенин, восклицает про себя «с того и мучаюсь, что не пойму, куда несет нас рок событий!» – Белая Гвардия Булгакова и Котлован Платонова.

Роман как миф открывает, по крайней мере, дверь *туда*, он в этом отношении напоминает икону. Не может богословие объявлять монополию на «религиозную» истину, не может церковь противопоставлять культуру и миф, ибо Новый Завет – это такой же литературный факт, как и Илиада и Война и мир. Все то, что в Новом Завете, было и не было как и в Илиаде. И читатель имеет и основания и право усомниться в истине Нового Завета или верить ей, потому что эта истина одновременно и постигается верой и отвергается неверием. Для такого читателя, как я, Священное Писание является свидетельством того, что Сверхбытие несомненно, что оно существует в своем **сверхсуществовании** – то есть не принадлежа к истории и миру вещей и явлений – но Сверхбытие СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ о себе не только через «Откровение», но и всей высшей частью Культуры и самой жизнью. И сама жизнь предстает, проявляется и преобразуется из реальности в действительность, из действительности в Миф и в Откровение. Мы видим и ощущаем Богослужение и в Природе (в музыке и в красках природы), и в культуре (в музыке, в красках, формах и слове) и в «обычной» любви, которая вдруг выносит нас за пределы реального мира. То, что апостол Павел ощущал и узнавал через Веру, мы ощущаем и узнаём через любовь.

Итак, повторяю еще раз: *Существует не только то, что существует, но и то, что НЕ существует*. Но они существуют по разному.

Бог не является частью Бытия, частью нашего повседневного мира, именно поэтому мы не можем утверждать, что он существует так же, как привычные для нас предметы и идеи; он существует в Инобытии, но, следовательно, в Бытии не существует, следовательно, *не существует*.

Но, вместе с тем, нельзя сказать, что человек только бытиен, естественен, только часть бытия, часть бытийного мира, он и инобытиен тоже (впрочем, как и мир в целом. Если мир создан Богом, то есть если источником мира является Сверхъестественное, то уже нельзя сказать, что мир только естествен, только существует; нет, он и НЕ существует тоже).

Тем более несправедливо будет утверждать ущербность Бога, думая, что он лишь в своем «заоблачном», но его совершенно нет в нашем мире, подверженном анализу химии и физики, микроскопов и телескопов. Нет, Бог и ЗДЕСЬ тоже, иначе бы мы существовали бы сами по себе, а Он сам по себе (как многие и утверждают, подчеркивая его Сверхбытийность, Сверхъестественность, непостижимость, Его такое НАДстояние над нами, что мы вообще будто бы к Нему никакого отношения не имеем, и все, что говорим и

думаем и чувствуем, все равно что мысль и шелест и ощущение пылинки сравнительно с человеческим, вот так же, дескать, мы пылинка сравнительно с Богом. Нет, такие чрезмерно восхитившиеся, чрезмерно уверовавшие, коленопреклонившиеся – абсолютные атеисты!)

Итак, Бог существует и не существует одновременно, Он и в Своем Сверхбытии и в нашем Бытии тоже. В Бытии Он существует и постижим отчасти в форме Мифа об Откровении (Ветхого ли иудейского Завета, Нового ли христианского завета, эпоса ли о Гильгамеше и сказаний других народов), отчасти в Чуде, отчасти в *Встречах* (мистическом опыте человека).

И достаточно, ибо я уже повторяюсь.

3. Тезис третий. Действительность природы.

Если человек существует в «реальном мире», то он существует во всеобщем бытии, в том же самом, в котором и весь мир в целом, то есть и планеты и звезды, и космос, залегающие геологических пластов и вулканы на Луне.

Но мир культуры – это особенный мир, отдельный от реальности, не истекающий из нее, а истекающий только из человека, из его творческих усилий (если не иметь в виду Бога). Объяснить эту отдельность легко: наводнение возникает из солнечного жара, из таяния снега, чрезмерного напора воды – то есть из деятельности природы; театр возникает из деятельности человека.

Проникая в *реальность*, пропитывая ее, деятельность человека преобразует ее в *действительность*.

Мир Сверхбытия – тоже особенный мир, отдельный от Бытия, то есть и от реальности, и от действительности. Но этот особенный мир соприкасается с миром человека и преобразует его, так что и Культура – не только человеческое, и также Действительность. Объяснить эту связь тоже легко: самый трезвый человек иногда видит сны, и должен, пусть с оговорками, признать их за какую-то часть своей жизни, иллюзорную, несущественную, не действительную – и все же часть. Поэтому – явно или нет, в воображении или в снах, в чуде или в молении о чуде, в признании или хотя бы в отрицании – но особенный мир Сверхбытия проникает в жизнь каждого человека, даже крайнего реалиста, как зло касается самых счастливых и самых добрых людей.

Есть такая область жизни, в которой проникновение Сверхбытийного в Бытийное принимается и признается почти всяким – это болезнь и исцеление. Конечно, реалисты лечатся с помощью скальпеля и лекарства у дипломированных специалистов, но и реалистов болезнь иногда прижимает так, что побежишь не только к несуществующей магии, к несуществующему Богу, но и к несуществующему черту.

Оставался ли еще в пятьдесят четвертом году Солженицын реалистом, но в Раковом корпусе он лечился и снадобьями народных целителей; в четырнадцать лет, уже марксистом, когда припекло меня рожистое воспаление, принял я магические нашептывания своей тетушки; ну а наши генеральные

секретари и президенты, из атеистов атеисты, пустились и вовсе во все тяжкие. Да разве, теряя близкого, не начнем мы искать народных целителей, шаманов, экстрасенсов и магов, и не побежим ли и к ботюшке, менее сведущему в медицине, чем самая дремучая деревенская бабка? Но, к тому же, разве кто-нибудь из даже упертых материалистов будет отрицать, что «что-то все же и помогает, не знаю что, может, внушение...»?

И я свидетельствую, что «что-то все же и помогает, не знаю что, может, и внушение (о котором тоже никто ничего толком не знает)» – по крайней мере, это «что-то помогало мне не однажды.

Но заговорил я о Природе. Солнечные пятна и вулканы на Луне, быть может, принадлежат к той природе, которая *вне человека*, но все земные явления, наводнения, бури, землетрясения и извержения вулканов от человека неотделимы. Даже если и не вызываются они деятельностью человека, но в жизнь его входят. Поэтому термин Природа, природное имеет двойкий смысл. Природой называют все, что не является результатом человеческой деятельности, особенно на Земле, и говорят о *явлениях природы*, относя к ним и смену времен года, и геологические явления. И все же будем разделять мир, в котором существует человек, надвое, под Природой в узком смысле этого слова понимая то, что не является Космосом, то есть Землю, Небесный свод, и взаимодействие Космоса с Землей. Тогда-то бесчисленное множество звезд и Галактик, которое отображается зрительными образами на небесном своде, и также планеты, не будет входить в Природу, соотносящуюся с человеком, но только то, что видимо, или те кометы, которые врезаются в атмосферу Земли под именем "падающих звезд". (Вот так же, говоря о литературе, мы либо относим к ней и научные статьи и отчеты о путешествиях, либо только художественную литературу, включая философию и богословие, либо даже и философию и богословие исключаем из нее). Итак, все сущее я буду обнимать тремя понятиями: Мир человека (то есть человек и все, что в связи с ним), Природа и Космос (полагая, что они от человека почти не зависимы – хотя лишь пока). Бога надо будет соотнести с миром человека.

Представим себе Текст черновика, положим, что автор записывает объяснения очевидцев некоторых событий словно бы в рамках полицейского протокола. Далее представим себе, что этот текст подвергается правке, автор насыщает Текст новыми свидетельствами, ссылками, рассуждениями, сравнениями и образами. Текст черновика – это словно бы течение жизни как таковой, без обогащения ее размышлениями, воспоминаниями, аналогиями, без работы памяти и сознания. Но «жизни как таковой», разумеется, нет, уже в тот самый момент, когда на нас мчится грузовик или летит стропила от крыши, страх и воображение искажают происходящее (или исправляют его) – вот почему я уже никогда не узнаю, почему бревно, летящее в мою грудь, не убило меня, хотя я неведомым образом отлетел на два метра, перевернулся в воздухе и врезался в землю большим плечом.

Действительность – это текст нашей жизни после правки ее Редактором, «историком-христианином», исправляющим историю для обеления христиан, и недобросовестным следователем, и добросовестным хирургом, любимой,

друзьями, недоброжелателями, Судьбою и Высшими силами. Так как даже у дикого человека жизнь не протекает как последовательность «происшествий для себя», ибо если каждая вещь является и как таковая, сама для себя, и она же в восприятии, «вещь для нас», то разве не то же ли самое с происшествиями? – то даже у дикого человека жизнь не является только реальностью.

Ну а читатель и художник знают, что всякий текст изобилует так называемыми «описаниями природы», и, следовательно, природа входит не только в непосредственную жизнь человека, то есть в реальность, но и в Текст, то есть в Культуру, то есть в действительность человека. И, следовательно, *Природа* (хотя бы только в узком смысле этого слова) в *Мире человека существует прежде всего как часть действительности.*

4. Тезис четвертый: Двойственность всякого бытия.

Иные мне скажут: не слишком ли сложно все то, что ты нам говоришь? Не слишком ли сложно это сравнительно с тем, что происходит с нами *на самом деле*? Мы ходим на работу, на рыбалку, встречаемся с любовницами и друзьями, бываем даже в театрах, читаем книги, вот даже временами и твои, хотя понемногу (именно потому, что они слишком усложнены) – но где находится все то, о чем ты вещаешь уже на протяжении двух лет и двух толстых томов? А ведь ты ни слова не написал о том, что по настоящему важно и интересно всем, хотя каждому возрасту, быть может, важно свое: ты не пишешь, прав ли Мефистофель, назидаящий Маргариту: «*Мой совет: до обрученья ты не целуй его*», правы ли и мы, соблазнитель, уговаривающие ее целоваться; право ли правительство, повышающее границу, до которой надлежит нам трудиться, право ли хоть какое-либо правительство или всякое правительство блюдет интересы своих сообщников а потому вообще не может оцениваться с точки зрения права?

Но ведь я пишу не для обычных читателей, им пишутся другие книги, гораздо интереснее моих, более относящиеся к жизни; книги, в которых как раз и рассматриваются затруднения, встречающиеся и у «юноши в расцвете лет» и у «закалённого судьбой бойца с седою головой» – а я пишу только для тех, кто пишет для них. Не то чтобы я этих учил писать, но так как они не должны упустить из жизни что-то воистину важное, и так как они должны это важное видеть верно и глубоко, то я к ним и обращаюсь. Пусть мои слова они позабудут, пусть они и не будут их вспоминать, когда будут писать свои книги, как я не помню теперь ни физики, ни химии, которые изучал в школе и в университете, но то прежнее их изучение меня изменило, подготовило к нынешнему, оно было словно вспашка для семян, позже посеянных, без вспашки на мне бы ничего не выросло. Итак, и я, и те, для кого я пишу, мы словно пахари, вспахивающие поле читателя. Сеятель же будет позже, может быть, это будем мы (но уже позже).

Я для *своих* читателей как учитель в школе, они изучают азбуку и правила правописания – как же без этого они будут писать те книги, которые должны быть доступны всем? Я им напоминаю, что один и тот же углерод бывает как уголь в печи после сгоревших дров, никому не нужный, или как графит,

пригодный в письме, или как алмаз, достоинства которого не стоит и напоминать, настолько они известны и поразительны! Так если даже простой *углерод* столь разнообразен, то что уж говорить о веществах более сложных, например о *воде*? И потому не думайте, что жизнь сложна менее, чем углерод и вода, и что «слишком сложно мною написанное сравнительно с тем, что происходит с нами на *самом деле*!» Нет, *я пишу чрезмерно упрощая*, словно бы и вы в детском саду и сам я еще в Первом классе, но – смогу ли написать о сложном еще сложнее... или, напротив, проще (хотя и неверно, что все гениальное просто) – Бог весть...

«Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по младенчески мыслил, по младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.» – говорит апостол Павел, учивший и с другими апостолами, что Бог познается только через веру, и что даже дела не важны, и что послужило через полторы тысячи лет основанием еще для одного раскола церкви. И о той ли любви он говорит, о которой повествуется в повести «Случайная любовь» Рустема Юнусова, не это важно, но что повесть такая глубокая и пронзительная, простекает и из того, что и Павел, без сомнения, был среди учителей нашего автора. А я и сам и учитель и ученик, учусь и у апостолов и у писателей тоже, да и у читателей, пусть вас это не удивит, если я учусь даже у тех, кто еще не начал читать.

Ничто не бывает только так, как бывает, во всем есть и подлинное и видимость, и искренность и притворство, *даже в жизни постоянно присутствует смерть*, надо только подождать, чтобы это увидеть.

Все двойственно, двусмысленно, а иное даже и *бесконечномысленно*, как мне казалось, когда я был очарован Священным писанием. Может быть, это по-прежнему так, но я, увы, уже не очарован, посему и не вижу то, что видится в очаровании.

5. Тезис пятый. Текст и Контекст.

Личность автора и его духовный мир входят в произведение как его особенный Контекст. Понимание слова или словесного выражения, остроты, нравоучения, афоризма, а тем более образа, характера, поведения, положения (ситуации) часто невозможно в рамках некоторой небольшой части романа, "отдельно взятого текста", в котором представлено слово, словесное выражение, образ или характер. Часть целого, в которую входит рассматриваемый текстовый элемент художественного произведения, рассматриваемая вместе с этим элементом, называется **контекстом** (лат. contextus – соединение, связь). С взаимоотношениями наименьшего элемента художественного произведения, то есть *слова* – и *контекста* сталкивается в профессиональной работе переводчик, но и обычный читатель, не задумываясь об этом, постоянно (часто автоматически) соотносит элементы языка и действия с более широким фоном, на котором они предстают.

Он может быть *узким* (в границах словосочетания или предложения), *широким* (абзац, глава и все произведение в целом) и *экстралингвистическим* (выходящим за пределы языка), то есть учитывающим эпоху, обстановку, обстоятельства, место и время, к которым относится высказывание.

Так, к примеру, сможем ли мы понять смысл названия Пушкинской драмы «Скупой рыцарь», не зная всего произведения? Многое ли мы поймем и в «Стране падонкаф» Вадима Росса, не зная не только трагических перипетий постсоветской действительности, но и хотя бы отчасти уличного сленга молодежной среды?

Вот, например, разговор двух уличных авторитетов (на который я уже ссылался в первой книге, но уж очень он колоритен)!

«Леха, как самый общительный фашист, вербальную коммуникацию берет на себя.

– О чем базар, братан?

Ни хера себе, братан! Шары на выкат, а рука опять тянется за заточкой. У Лушя, между прочим, *прадед пропал без вести под Ржевом. Неудачно с маршалом Жуковым наступал.*»

В двух этих фразах больше трагической правды, чем во всех томах воспоминаний увенчанных лаврами «маршалов победы». И понять ее может только знающий правду!

Но есть нечто более важное и менее очевидное, что необходимо знать читателю, чтобы читать *сознательно*, и о чем мы теперь поговорим, причем и для моего собственного оправдания: а не спрашивает ли себя читатель, не обременяю ли я его излишними сведениями, не упражняюсь ли я за счет его терпеливости в своем красноречии?

Начну (как обычно в сложных случаях), издалека. Это таблицу умножения можно объяснять на пальцах, а все серьезное, что касается жизни и культуры, требует усилий.

Так вот. Представим себе фотографию молодого человека в рабочей одежде на фоне какой-то стены. Зритель откладывает ее в сторону, пока не узнаёт, что этот молодой человек сфотографирован в тюрьме, причем тайно. В самой фотографии нет атрибутов тюрьмы, на лице нет следов мучений, одежда достаточно приличная, и все же на фотографии мы задерживаем свой взгляд дольше обычного. Но бывает и так, что обстоятельства, внешние по отношению к изображенному, замечаются лишь когда мы узнаём о них, или же, что еще важнее, хотя и обнаруживаются в портрете непосредственно, но производят более сильное впечатление, мы узнаём о них и начинаем о них размышлять. Хотя они словно бы в портрете уже есть, но начинают в нем проступать более явно, когда мы о них узнаём. Таков портрет Достоевского кисти Крамского, где Федор Михайлович сидит, сцепив руки и чуть наклонившись вперед, написанный значительно позже каторги, но так, что каторга остается со своим узником (но о ней надо знать, она – *контекст портрета!*). Таков и портрет Нестерова "Философы" (С. Булгаков и П. Флоренский). В одном случае в портрет вмещено прошлое, в другом случае – будущее.

В картине проступает, "становится быть" не только непосредственное содержание, задуманное и воплощенное художником, но и то, что ее вмещает в себя как в контекст вмещается текст. Вот так иногда кажется, что на гениальном холсте размещены не только изображения героев, но вся их телесность, и если безумец поранит картину ножом, из нее хлынет кровь.

Ибо великое произведение искусства всегда *избыточно*, в нем содержится больше, чем нужно для непосредственного зрительного впечатления. Оно избыточно еще и *трансцендентно*. На выставке русского портрета, пройдя анфиладу залов, в которых были представлены портреты значительных государственных лиц, от времени Алексея Михайловича до Николая Второго, я увидел движение русской истории, жестокость Петровской эпохи, героизм Екатерининской, благородство и величие девятнадцатого столетия, ослабление воли в начале столетия двадцатого.

Вот так и в эпосе и в романе представлена судьба не только основных героев, но и второстепенных, не только судьба героев, но и судьба народа.

Избыточность создается не столько творческой волей и воображением художника, сколько проникает в его творение каким-то иным, надъестественным образом, переходит в художественное произведение непосредственно из самой его личности. Чем богаче, выше, глубже и шире эта личность, тем глубже и обширнее художественное произведение. Можно сказать и так, что художник растворяется в своем творении, в нем живут и действуют не только его герои, но и их творец. Если роман посвящен девятнадцатому столетию России, но в нем не присутствует (хотя бы неявно, под кожей героев, под земной корою) и девятнадцатое столетие Европы, пирамиды и Атлантида, и Античность и христианство, Сократ и Платон, отцы церкви, Французская революция, литература европейских стран, их живопись, святые и грешники, храм и бордель – то в нем ничего нет, лучше было бы этот роман не писать.

Не потому ли исследование, посвященное даже одному стихотворению Пушкина, бесконечно – ибо бесконечно и каждое его стихотворение?!

Что полезного и важного вы узнаете от меня, мой читатель, если узнавая, что такое инобытие, не узнаете и всё о бытии? Разве можно узнать вполне женщину, не узнавая и мужчину, любовь без ненависти, зло без добра, измену без добродетели, *учение без его плодов? Ибо нет ничего частного, что является вполне собою без общего.*

Вот так однажды, "рыская аки пес алчущий по интернету", набрел я на статью об особенностях перевода с испанского языка на немецкий (не зная ни того языка ни другого) – и только утром опомнился, ибо и эту статью прочитал, ничего, правда, в ней не понимая, и другие, связанные с нею – о, как великолепно мыслит человек, который знает даже больше Сократа!

Достоевский говорил, что для того, чтобы узнать о нем, надо читать его книги, и это справедливо. Но и личность художника немало добавляет к пониманию и переживанию его творений, она тоже в них содержится, как контекст содержится в тексте.

Да, кстати, необходимо отвлечься на Бога – человек ведь тоже произведение искусства и философии, он тоже книга, автором которой

является Бог. Очень часто подвижники, бичующие свои грехи и свою плоть как, якобы, источник грехов, а вместе с тем и богословы, усваивающие точку зрения самобичевания, проповедуют тот взгляд, что человек грешен и мерзок, и мир лежит во грехе, а господином мира является Дьявол, Богу же принадлежит только "тот мир, не от мира сего", но не "этот".

Большедно богохульства, кажется, трудно и придумать.

Разве *Миф о творении* не говорит, что Великий творец (в общем-то, мой собрат, и я понимаю, насколько Ему было трудно) создал свет и отделил свет от тьмы, создал небесный свод, земную плоть, природу, светила на тверди небесной и, наконец, человека, мужчину и женщину, как венец творения, и сам сказал, что все сие хорошо?! Как если бы и я создал великий роман и вдруг потом, по безалаберности, по неосторожности, по глупости или даже по злему умыслу – взял да и скормил его мышам, так что, изъеденный мышами, стал он уже никому не нужен, кроме Дьявола, который и стал господином этого затхлого мира (не редактором ли, в таком случае, является Дьявол?).

Великий творец, создавший мир и человека так превосходно, что даже сам восхитился, предстает вдруг перед нами подобным Гоголю или Льву Толстому: один сжигает свой роман, а второй вдруг всячески начинает свои книги порочить, да и всю даже культуру, то есть и книги, написанные другими. Можно ли как-то убедительно возразить и тому и другому, так, чтобы те, кто усваивает их точку зрения, вдруг бы от нее отпали? Увы, кажется, нет. Неистребима жажда хулы в человеке, одни восхищаются миром божьим, другие его хулят, а вместе с ним и человека. И вот они оправдывают свою ненависть к творению Божию ссылками на следующий миф, Миф о грехопадении. Да, все было сначала хорошо, пока "рукопись не погрызли мыши". (Толстой, правда, и изначально не видит ничего хорошего в творчестве, и по нему выходит, что все было плохо уже сначала!)

Но да те, кто пишет книги и читает теперь меня, принимает за Аксиому, что Источником Действительности (если вы усвоили взгляд на реальность как на естественно текущую связь происшествий, почти что причинно-следственную и детерминированную, в которой и свободы-то нет) является творчество. И мы пребываем в результате нее в Действительности и в Культуре.

А о прочем спорить не будем, кто мыслит иначе, пусть создает свою собственную космогонию!

Тезис шестой. Обыденность и Особые точки судьбы и жизни.

Писатель имеет право писать о важном и неважном, обыденном и экстравагантном, о вещах значительных или о пустяках. Он может писать даже в шутку, на спор, для заработка. О людях, стоящих того, и о ничтожествах. О людях умных и глупых, хороших и плохих. Он может стремиться к созданию своего Образа мира, к созданию даже действительного подобия подлинного мира, собственного бытия или небытия...

Но даже если стихотворные строки возникают шутя, от нечего делать, словно бы и ни для чего, то кто и что водит пером поэта, когда из под его пера появляется "Свободы сеятель пустынный", "Духовной жаждою томим" и

"Выхожу один я на дорогу" – писатель заранее не знает. Может быть, не знает и потом, когда шутка и безделица вдруг выливаются в дуновение Духа, и в результате то, что написано – серьёзно или нет, о важном или о пустяках, таково, что без этих строк Истина не полна и Мир не спасти.

Поэтому намерения автора и то, что он думает сам о своем творчестве, в расчет принимать нельзя.

Если творческий Акт рождает выдающееся художественное произведение, то в этом акте принимают участие двое: писатель (поэт) и Бог.

И каково бы ни было содержание произведения (как и сама жизнь человека), для его понимания, как и при исследовании математической кривой, мы должны отметить *особые точки* судьбы и жизни: *точки экстремума, перегиба, разрыва*. Возможно, они выглядят иначе, чем в математике, но именно они сосредоточивают в себе все то, что писатель хотел сказать своим произведением. Разумеется, жизнь, как мы знаем (и я это в который раз повторяю) не только не тождественна литературе, но даже ей не подобна, "жизнь бессюжетна, в ней простое чередование ночей и дней"... "Жизнь бессмысленна, и поиски ее смысла тоже бессмысленны". Чтобы это понять, чтобы понять самое сущностное различие литературы и жизни, необходимо исследовать течение событий в романе, принципы организации текста в нем (говоря о романе, о драме и мифе, мы не будем впредь делать между ними различия, пока это не понадобится).

Последовательность происшествий в жизни каузальна и казуальна, они или бессмысленно, неизвестно почему, происходят, или детерминированы, бессмысленно сцеплены и взаимозависимы, подчиняясь не художественной необходимости, а набору физических и социальных законов, не имеющих к жизни и личности серьёзного отношения. В романе же события художественно обусловлены, подчиняются или развитию характера, или течению драматургического действия, или воле высших сил.

В центре драмы конфликт (или коллизия, лат. *collisio* столкновение, термин введён в эстетику Гегелем) – борьба сил, действующих в художественном произведении. Или борьба человека с судьбой, с Богом, с обстоятельствами, с предрассудками, с врагами, неудачами, болезнью и смертью. Жизнь как реальность отличается от романной действительности так же, как вещь в себе (по Канту) отличается от вещи для нас. Но мы, в конечном счете, не имеем дела с "вещами в себе", без цвета, вкуса и запаха, все они немедленно преображаются в полнокровные "вещи для нас". Но точно то же самое происходит с происшествиями, их переживание, осознание, осмысление меняет их точно так же, место сырых реальных случайных прообразов происшествий занимают события-образы, так же художественно необходимые, как и в романе. В 19-м веке был моден в литературе термин *рефлексия*, говорилось даже о *заеденности* рефлексией (в пошлом двадцатом столетии и этот термин стал звучать вульгарно, как "самокопание").

В реальную повседневную жизнь проникают самосознание и культура, работа над ошибками, воля, покаяние и искупление, реальность преобразуется

почти по тем же законам, что и при создании романа. Происходит почти то же, что в бурю, когда лодку рыбака заливают волны, но он вычерпывает воду и продолжает грести. Реальность словно бы проникает, как море, в жизнь извне, действительность – изнутри. Вершиной такого взаимодействия стихийной реальности и духовной действительности является жизнь, которую личность пытается выстроить как роман, или миф, поставляя в центр ее главную коллизию своего преставления о себе и о своем предназначении, и последовательность событий жизни выстраивая в соответствии с предвзятым сюжетом.

Такова жизнь Христа. Его пришествие и распятие были задуманы как Акт искупления онтологического греха человечества. Рождество от девы Марии было предисторией (завязкой, введением, прологом); проповедь и чудеса – обоснованием, созиданием образа, развитием характера; распятие – точкой разрыва; воскресение – точкой экстремума (или кульминацией). Развязка, то есть Второе пришествие, вынесена за пределы драмы.

Но в этой драме две сюжетных линии, второй линией является конфликт, противостояние верных и неверных, учеников, вместе с Христом, – и мира зла и упорствующего греха: Иуды, Каиафы, черни, которые предали и распяли. В некоторых отношениях к завязке можно отнести и миф о грехопадении Евы (или Адама, или их вместе – трудно сказать, кто *и в чём* согрешил, богословие трепещет, и я не могу уяснить конкретное онтологическое содержание этой красивой и трагической предистории Новозаветной драмы).

Я принадлежу Новому времени, которое тоже нуждается в своем собственном мифе, но еще его не нашло, поэтому наша жизнь часто так запутана, хотя и в не меньшей степени мифологически обусловлена. Я и свой собственный миф творил из обрывков чужих мифов, веря в существование предназначения, но смутно зная о его смысле.

Когда говорят, что не может смысл жизни содержаться в самой жизни, что цель не заключается в усилиях по ее достижению, как и для пугника его ежедневная ходьба, то, что он идет, само его движение не является целью, но лишь то место, куда он придет; когда и я говорю, что "жизнь бессюжетна", бессмысленна, и поиски ее смысла тоже бессмысленны, то бессознательно и сознательно имеется в виду *жизнь как реальность*, жизнь как *простожитие*, не имеющий цели результат деятельности стихий.

Но если бы удалось построить жизнь как роман, то автор такого романа увидел бы в нем ответы на свои вопросы, и смысл своей жизни нашел бы в романе. И я, хорошо это или плохо, постоянно уклонялся от того, чтобы просто жить, придумывая свою будущую жизнь в воображении и пытаясь выстроить ее события согласно мечтам. В частности жизнь подчинялась воображению почти идеально, в отрочестве и юности я видел все прекрасное и поэтичное в любви к женщине, и моя жизнь протекала как последовательность драм. Сначала я находил ту, в которую надлежало влюбиться, она должна была быть безупречна, умна и прекрасна, чиста и обаятельна, она должна была быть хрустальным цветком. Мы знакомились, я звенел как родник, как лесной ручей, или шумел как легкий летний ветерок. Затем по

развитию сюжета надлежало произойти конфликту, соперника подходящего не было, и причиной размолвки служили разнообразные пустяки. Затем, страдающий, я как блудный сын возвращался и припадал к ее коленям, и слезы счастья лились из моих глаз.

Зачем все это было нужно?

Затем, что я жил в воображаемом действительном мире, и боялся реальности. Я мог только созерцать, но не мог действовать. Я мог любоваться девушкой как цветком (а она и не могла быть чем либо еще, кроме цветка, в те благословенные времена вершиной романтических отношений были только поцелуи), а я не смел к ней прикасаться.

Но не только в робости дело.

Через пятьдесят лет я читал и редактировал роман Натальи Ефремовой «Осколки памяти» почти о том же – о безумном бегстве героини от реальной жизни, о страхе влюбленной школьницы перед снижением чистого восторга, перед низведением неба на землю. Сколько бы философы ни пытались понять онтологическую необходимость безбрачия, девственности, того, что «лучше не касаться женщины», как заклинал апостол Павел, философам этого ни понять, ни объяснить. Но и роман останавливается перед бездной, заключенной в противоположности полов, перед учением о прекращении рождения, о необходимости жить аки умереть.

Я стремился прожить тысячи жизней, я сочинял драму за драмой, бедные доверчивые девочки слушали меня затаив дыхание, а я от них сбегал...

Тысячу лет спустя мне захотелось еще раз взглянуть в восхищенные глаза, но она достала зеркало и молча его мне протянула. Другая меня сначала из любопытства терпела, но скоро устала и от моего восхищения, и от стихов, и бросила мои цветы в воду. Третья... Но достаточно. Я поднялся немножко выше в горы, вспомнив, что никто, кроме женщины, не способен так возвышенно с мужчиной дружить. Она приносила разнообразные "тряпки", из которых уже выросла, чтобы я дарил их бедным девочкам в моей деревне, слушала мои стихи, изложение теории Канта и даже объяснения апорий Зенона, которых я и сам не понимал, а когда от них уставала, разрешала на себя просто смотреть. Потом она кротко сказала "Ну ладно, хватит с тебя!", и вот теперь я думаю: интересно, а есть ли еще что-нибудь там, в горах, если я поднимусь еще выше?

Но я опять отвлекся.

Я знаю сюжет, коллизию, точки перегибов и экстремумов, и все точки разрывов, включенные в мою жизнь. Даже когда меня в первый раз посадили, я знал, что это необходимо, в разговорах с друзьями я уже часто яростно говорил: *Когда же они меня, наконец, посадят?!*

Точно так же неотвратима тюрьма была десять лет назад (хотя я потом и стремился из нее ускользнуть). Знал я все и о своем пьянстве, о неудачах в политике и издательской деятельности, о болезнях, о ненужности моего писательского труда – но это тот путь, на котором я, как на гончарном станке, выделываюсь – в сосуд для вина. Теперь еще осталось в это вино превратить воду.

7. *Тезис седьмой. Дух, пронизающий мир и личность подобно воде.*

Доказательства бытия Божия и вздорны и невозможны, и не нужны. Но из этого не следует, что человек живет только чувством – самое бессознательное, самое безотчетное чувство *сознательно*. Влюбляясь "с первого взгляда" и уже не пытаюсь понять, что именно было причиной пожара, мы все равно стремимся понять и осознать ее красоту, ум, обаяние; мы не удовлетворяемся только тем, что вдыхаем ее аромат, но и переживаем его интеллектуально. В лесу и в поле, в объятиях любимой, отдаваясь прекрасной музыке, восторгаясь изяществом философских построений – всюду чувство неразрывно с мыслью. Слепая вера может быть прекрасна как сон, но не забывайте, что большая часть нашей жизни проходит в бодрствовании. Сновидение блекнет, сон забывается, безотчетное чувство проходит, но мысль, пропитывающая чувство, прикрепляет его к душе как ее нерасторжимую часть. Именно поэтому философия постоянно обращается к "непостижимому", и когда не разнимает его на кирпичики, то делает глубже и насыщеннее. Но в литературе преобладает не анализ, а синтез. Герой художественного произведения не типичен в смысле ходоульности, шаблонности, узнаваемости, повторимости, не соединяет в себе множество из толпы, он может быть неповторим и уникален, но он сгущает, синтезирует все частное в общем, особенное в заурядном, индивидуальное и личностное в безличном. Образ и неповторим и всеобщ одновременно (и потому рассуждения о типичности, типе как характерной особенности героя выдающегося произведения часто буксуют, не в силах сохранить своеобразие конкретного человека при переходе к объяснению толпы).

Но если доказательства бытия Божия и вздорны и невозможны, то вот я сам почему убежден в том, что Бог существует (хотя и не существует?) Только ли из веры и ощущения? Нет, *я знаю* о Его существовании, как знаю и о собственном существовании, хотя, признаюсь вам, несмотря на то, что я математик, но и собственное существование я доказать не сумею. Хотя я его непосредственно переживаю. Я его и мыслю. Я не только «существую, потому что мыслю», но я и «мыслю, потому что существую», я еще и ***мыслю само свое существование*** – а это нечто совсем другое, нежели каузальные и казуальные связи между мышлением и существованием, это их совпадение, неразрывное тождество, но не последование и порождение.

Бог мною и мыслится и ощущается и существует во мне вместе, как, например, представшая передо мною красотка: сомнительно, чтобы я тратил время на доказательства того, что она воочию, а не на ее созерцание и ощущение.

Многое существует потому, что непосредственно переживается. Но иное существует, хотя мы его и не можем потрогать. Так, в воде существует водород, который в ней существовал всегда, и в древности, и в Средние века, но в то время даже не мыслится, позже стал и мыслиться и существовать как действительное, но до сих пор в воде, как ее часть, только мыслится, хотя, впрочем, порождая воду при сгорании в кислороде, даже сам не уверен, что может мыслиться как часть воды. Вот так и пшеничное зерно, из которого

вырастает пшеничный стебель, когда зерно умирает, в стебле уже не существует, хотя и является его причиной. (Видите, как не совсем просто даже то, что гениально?)

Итак, водород содержится в воде, не содержась, но и сама вода содержится в мире в разных формах, не всегда содержась в нем. Ее частное существование настолько удивительно, что объятый этим удивлением, я начал переживать бытие Божие в мире независимо от его доказательства. Бытие воды и загадочно и почти непостижимо, она источник жизни, там, где ее нет, жизнь невозможна. Содержится она в земной коре, промокая ее как промокательную бумагу, и в силу гигроскопичности коры проступает и на поверхность, образуя родники, ручьи и реки и даже моря. В школе меня учили, что она испаряется под воздействием солнца, потом собирается в тучи и падает на землю дождем, потому-то, мол, попадает и на вершины гор, где иногда растут цветы и кустарники, а еще выше растет снег. Но, оказывается, в горах бывают и болота, и даже в засушливые годы, когда нет дождя, они не пересыхают, потому что, как я уже сказал, пропитывает вода все сущее на земле. Вот так, понял я, существует и Бог, пропитывая сущее на земле и в космосе. Но Бог существует и иначе тоже, Он не только как водород в воде и как вода в земной коре, но Он и сам по себе. Он – тот постижимо-непостижимый контекст, в котором Текст нашего бытия только и приобретает высокий смысл (а, возможно, и всяческий). *Бог – смыслообразующий контекст нашего бытия.*

Говоря об антиномичности языка и мышления, а далее и о двойственности и антиномичности бытия, я, возможно, не объяснял ее в частностях, но антиномичность языка должна быть понятна непосредственно, как ощущается тепло и холод, а двоякость и антиномичность бытия предстает нам, во-первых, через язык, ибо можно полагать, что **язык и бытие тождественны**, во-вторых, через жизнь в двух ее формах: в форме непосредственной жизни – *реальности*, и в форме опосредованной (через сознание и культуру) жизни – *действительности*. Но антиномично Бытие еще и через присутствие в нем Сверхбытия.

Мир прост, понятен и объясним – это вполне обоснованное мнение ученого, вещающего на кафедре или сидящего пред микроскопом, увенчанного лаврами, живущего в натопленной квартире, размышляющего над физикой и химией и пренебрегающего поэзией. Но если потащат даже и рационального ученого на костер, в застенки Инквизиции или в ЧК, если книги его выбросят, жена бросит, любовница уйдет к другому, в утробе что-то заболит и теория его вдруг подвергнется осмеянию, то и он поймет, что вот эта часть мира, не подлежащая химии и физике, более даже важна, и требует мировоззрения более широкого и глубокого, мировоззрения трансцендентного, примиряющего и с болью, и с смертью, и с предательством.

Тогда наш спор с ним закончится, и он откроет и мои книги, в надежде найти в них утешение (но я его еще и сам не нашел).

Итак, Бог содержится в мире как водород в воде, невидимо; и Он же содержится в мире как вода, видимо.

Но так как все двойственно, то двойственна и вода.

Недостаток взаимопонимания между людьми не онтологичен, он протекает не из ущербности бытия и мира, а из ущербности человека. В тюремном сумасшедшем доме я слышал, как возмущался узник-пациент (бывший убийца), когда психиатр попросил его объяснить смысл выражения "человек с каменным сердцем" – разве бывают каменные сердца у людей? И в нашем свободном мире мы так же спорим, потому что для многих слова однозначны, Бог или только личность, или только невидимый воздух, или Он только есть, или его только нет – не вместишь человеку, которого плохо учили в школе, который мало читает "нужных книг", что Он и есть и его нет одновременно. И что вода, которую мы пьем, и хлеб, который едим, не только предметны, вещественны, чувственно осязаемы, но еще и метафоричны, образны, метафизичны. Ах, как хорошо, что девушки меня иногда обманывали, что они меня и любили и не любили вместе, да и сами не знали, любят или нет (попробуй, читательница, полюбить такого как я – а в оные времена я был еще хуже!); как хорошо, что я сидел и в тюрьме и в тюремном сумасшедшем доме (мой друг называл мои отсидки *практикумом по марксизму-ленинизму*) – ну до чего безнадежно кому-нибудь из не сидевших объяснить, что марксизм неверен, потому что бездарен (как говорил Ленин), что А и равно А и не равно одновременно (ибо в каждый данный момент всякое А изменяется, как утверждал Гераклит, и если оно равно себе, то когда же начнет изменяться, а если НЕ равно, то когда же бывает собою?) – и, кстати, девушка-изменница тоже хотя бы сначала верная, иначе с чего бы назвали мы ее изменницей (то есть переменной, что было сначала)?

Ну так вот, и вода не только вода, но, проникая все и всюду, становится источником жизни, и потому она же является образом и той воды, которая протекает через бытие и инобытие. И именно потому, стоя у колодца, Иисус сказал самаритянке, набирившей воды: *«всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную»*. Несомненно, что здесь вода является символом духа, проникающего бытие.

Итак, семь Тезисов суть:

1. Сгущение смысла и Эмпатия в литературе.
2. Миф и эпос как необходимая форма Откровения.
3. Природа – как часть Действительности и сама действительность.
4. Двойственность и антиномичность Бытия и жизни.
5. Личность автора и его судьба как необходимый контекст произведения.
6. Особые точки сюжета. Завязка, развязка и кульминация.
7. Дух, проникающий мир и личность подобно воде, которая всюду.

Теперь, читатель, прошу с тобою надолго, возможно, на целую неделю.

7 февраля 2014 г.

Глава двенадцатая

КОЩУНСТВО

1. Предварительные замечания

4 января 2014. Взялся писать о *кощунстве* – потому что почти всё, что говорят по этому поводу, так нелепо, словно бы учения об эпициклах и теллорде вновь царствуют в умах и в разговорах вместо просвещенных воззрений Нового времени, с их гимназиями и университетами, Пушкиным и Толстым, Логикой, Конституцией и Грамматикой. Нынче на дворе словно снова наступила эпоха гонений на ведьм, но не только папы и императоры, но и поборники "просвещенных" истин соревнуются между собой в "свято-бесии". Хотя бы для разумных и не оголтелых святош (несмотря на то, что и мое поведение не наилучшее), я продолжаю свои Записки.

Но надо ли писать мне *грамматику* литературного и философского бытия, выливающуюся в поучения и в работу над ошибками? Отчаянье меня еще не покинуло, хотя я и дописал уже «Волю к смерти». Для кого писать? Достаточно ли писать для себя, как, например, прибирается в квартире и тот, которого никто не навещает? А снизойдет ли Бог до того, чтобы мои писания заметить, я не уверен.

В таком настроении писал я предыдущие главы, словно бы разбегался, чтобы не то побегать в гору для преодоления препятствий, не то броситься вниз головой, чтобы уже окончательно про них забыть и расстаться с литературой, которая для меня вторая жизнь, а может быть и самая подлинная. И постепенно яснее стал видеть ту цель и задачу, с которыми взялся писать для писателей:

«Я должен расчислить то поле, которое литераторы будут возделывать. Я пришел для того, чтобы им помочь (одновременно и себе).»

«Мне необходимо написать то, что скрепляет знания в гармоническое целое, что помогает созиданию мировоззрения.»

«Есть несколько важнейших тем для творчества. Это *любовь* и *негодование*, *личность* и *общество*, *народ* и *толпа*, *благоговение* и *кощунство*, *верноподданность* и *независимость*, это *дух* и *материя*, *талант*, *гений*, претензии на господство в умах *черни* и *однообразия*...»

«Теология и философия заняты, условно говоря, поисками "Философского камня", стремятся заменить собою Священное писание.»

Но не является ли подлинной философией жизни только художественная литература?

«Это мы узнаём, для того я и пришел к вам и пытаюсь мифам, которые навязывает о себе воровская власть, противопоставить *Миф о редакторе*.»

Итак, что за текст предлагаю я читателю? Автор, претендующий быть «учителем учителей», пишет книгу, характер которой ему до конца не ясен. Не ясно, надо ли ее писать и зачем. Не ясно, что в ней важно и необходимо, а что необязательно и случайно. Не ясна композиция ее и содержание.

Но не спешите негодовать. Разве вы еще не устали от тех, которые уже с Сотворения мира с непоколебимым апломбом возвещают вам окончательные истины, то от имени Бога, то от имени Науки – может быть, сегодня вам все сущее более понятно, чем вчера? Один только Сократ не был ни в чем до конца уверен, хотя и был самым мудрым, все же остальные благословлены то высшими силами, то всесильной наукой, обманывая легковверных. Разве из арифметики вытекает, кого и сколько любить и надо ли быть милосердным? А милосердие даже выше любви, выше науки и выше Бога.

Впрочем, писатель стремится сказать то, что он чувствует и думает, не нужны ему ссылки на чужой авторитет. Если его книга не становится убедительна, то ни Священное писание, ни Капитал ему не помогут.

Но что же за Книгу пишу я сам? Может быть, это хаос черновых набросков, мыслей вслух, только приготовление к задуманной Книге? Ее первоначальный посев? И надо еще подождать, пока мысль окрепнет, содержание вырастет, как зелень на огороде, и уже после этого приступить к ее окончательному созданию? Ибо подлинный философ так и поступает?

Но не таковы поэт и беллетрист.

Ирина Ковтунова (цитирую по книге Уварова "Антиномии языка") говорит: «В структуре поэтических текстов имеет место сочетание двух полярных начал: высокой степени упорядоченности, организованности – и присутствия элементов спонтанной речи. Эта антиномия, предопределяющая синтаксическое строение поэтических текстов, предстает как результат особой коммуникативной природы лирической поэзии».

Иными словами, поэзия – это, без сомнения,

"Соединение слов *в наилучшем порядке*,

Ночь под дождём в одноместной палатке...

...Соединение слов *наилучших по смыслу и звуку*..."

и в то же время, не надо удивляться, что

"Муза играет то в жмурки, то в прятки,

Рифмы, метафоры, образы, блядки..."

а потом еще хуже, «разброд и шатания», так как

"Строки стиха уклоняются справа налево,

Звездное небо, Пегас, златокрылая дева,

Алые угли, заботливый жар..."

и, наконец, неожиданный вывод, опровергающий предыдущее:

"...Нет, не порядок, не выбор, а дар!"

Знал ли я, что собираюсь сказать о природе поэтического творчества, когда рождались первые строки этого стихотворения? Да, знал. Кажется, не совсем отчетливо (по мере движения стиха).

Но когда строки слишком уклонились, я уже перестал понимать, о чем и что я пишу, но подчинился вдохновению.

Математика плохо понятна нормальному человеку. Философия – и вовсе непостижима. И я, страдающий от того, что так мало знаю, так плохо понимаю чужую философскую мысль, и так отстал от ее развития, пытаюсь построить мост между обыденностью и гениальностью. Точнее сказать, я

пытаюсь представить только план такого моста, мечту о нем, его поэтический и художественный образ. Прежде всего для себя. Затем – для читателя.

Подлинный же мост, для читающего сообщества, в духе и плоти, строит и должна построить литература, Роман. Так я увидел однажды во сне, и представлению моего сна в ясной и понятной форме и посвящена моя книга.

Следовательно, самое главное, что необходимо сказать, я в некоторой степени представляю и понимаю. Но существуют и менее главные заблуждения ума, с которыми несносно смириться. Я – учитель. Не могу я молча пройти мимо тех, кто думает, что дважды два семь, кто пишет «карова» и «изотерика», кто любит «жуликов и воров», кто верит, что дух выделяется из материи, как пар из воды, кто смотрит на мир как на безжизненное собрание атомов или как на кукольный театр, в котором деревянные куклы людей переставляются только по воле Высшего существа.

Надеяться объяснить хотя бы некоторые заблуждения – достаточный повод, чтобы писать.

Следовательно, в некоторой степени книга моя – Пособие для поступающих в писатели, как когда-то писал я Пособие по математике для поступающих в Вуз. Правда, после чтения этой книги писателем, не станешь, и даже в Литературный институт не поступишь, но хотя бы не будешь разделять вместе с народом его глупости, банальности, необоснованные убеждения, его ВЗДОР. А согласитесь, Пушкин нам дорог не только потому, что он талантливый поэт и беллетрист, критик и редактор, но еще и потому, что он образован, что он оригинальный мыслитель, что он выше вздора и глубже поверхностного суждений. Вот это все вместе (включая вдохновение) и является его гениальностью.

Моих собственных открытий не много в том, что вы прочтете, я выписываю все самое замечательное из сочинений умных людей – но ведь отличать умное от глупости, понимать и ценить умное, соединять в целое мировоззрение, иметь вкус и меру – немало! И поскольку у меня есть счастливая способность восторгаться "умом и талантом", то я этой способностью горжусь.

Но ведь я ею и хвастаюсь, я же постоянно подчеркиваю свою необычность, исключительность, даже что я будто бы умней и Сократа – оправдано ли сие, извинительно ли?

Дело в том, что автор книги, подобной той, что вы читаете, книги, в которой вместо художественных образов и героев – идеи и представления, сам оказывается своего рода ее героем. Я пишу об идеях, которые я усвоил, а значит, и о себе. И я стараюсь создать героический и возвышенный образ самого себя как героя этой книги, чтобы не уронить высказываемые мной идеи. Следовательно, Я – это личность-миф, это герой философско-художественного произведения, и те воззрения, которым я следую, будут через МИФ восприниматься яснее и убедительнее, чем через сухое научное исследование. Так что принимайте меня в латах и в шлеме, с копьем и на лошади, а уж каков я на самом деле... даже я сам не знаю...

Те, кто меня любит, думают, что я таков и есть.

2. Кошунство.

Так или иначе, за что бы ни посадили участниц Панк-группы, в народном сознании они *кошунницы*, следовательно, сидели они за *кошунство*, за посягание на *сакральное*. (Лат. *sacralis* - священный – обозначение сферы явлений, предметов, людей, относящихся к божественному, религиозному, связанных с ними, в отличие от светского, мирского, профанного.)

Кошунство значит осквернение, поругание, насмешка над священными предметами. Так я нашел у Даля.

Оскорбление, надругательство, глумление, богохульство, святотатство – по отношению к священным предметам, обрядам, символам (святыням) – говорится в интернете.

На первый взгляд *кошунство* – это оскорбление религиозных святынь, но в действительной жизни дорого и свято нам, людям, не только то, что относится к религии, поэтому и всякое глумление, надругательство над чем-нибудь глубоко почитаемым, над тем, что свято и дорого кому-нибудь – это кошунство. Ну, например, кошунство – плюнуть на чью либо могилу. А что же тогда – строительство на месте кладбищ, которое сегодня совершается прямо разнузданно богатеями, а власть им потакает? Что же – превращение в парк места захоронения сотен тысяч в блокаду на месте нынешнего Парка Победы? Или это издевательский символ советской власти – Победа на костях?

Что же тогда, как не надругательство – уничтожение тысяч старинных зданий в русских городах, с благословения властей?

В недавнюю эпоху были уничтожены миллионы безвинных людей, среди них и великие поэты, ученые, философы, Николай Гумилев, Флоренский, Есенин, Клюев, Мандельштам, Павел Васильев, Карсавин, Николай Вавилов... – если составить Святыцы русских мучеников за литературу, науку, правду, за землю – то будут эти Святыцы длиннее всех.

А главный палач, вдохновитель и организатор этих уничтожений (помимо и вообще большевистской власти и ее вождей и пособников) – тот самый Иосиф Сталин, о котором недавно большинство нашего народа в теледебатах постановило, что он – «имя-Россия» (безграмотный, надо сказать, символ. Но да наш народ грамотностью и умом и не блещет!)

Я приезжаю тридцатого октября на Левашовскую пустошь, где в рвы и ямы было сброшено восемьдесят тысяч человек с тридцать шестого по сорок первый год – так не плюют ли на их могилы те миллионы бывших советских людей, которые конопатого вождя произвели в символ России? Если и не они расстреливали невинных, то их отцы и деды! Смеют ли дети и внуки палачей сегодня кричать о святотатстве кого бы то ни было, смеют ли они вообще судить нас? Если, как сказано, грех падет и до седьмого колена, то сколько же они виновны!? И только ползучая, святотатственная реабилитация главного палача позволяет его потомкам, презренным, по слову великого поэта, оскорблять нас, детей и внуков расстрелянных!

«А вы, презренные потомки Известной подлостью прославленных отцов!...» – вот что надо помнить, рассуждая о святотатстве.

Ах, а вспомнить надо еще многое! Миллионы солдат, еще затерянных в лесах и болотах нашего Северо-запада... Давно ли мы стали христианами и стали кричать о кощунственных «пусях»? А до восьмидесятых годов позволительно ли было даже искать погибших, чтобы их перезахоронить? На все это было наложено заклятье, ограничивались мемориалами в городах, для возложения венков «маршалами победы» и секретарями партийных комитетов.

Да, вспомнить надо гораздо больше, чем вспоминают пишущие, осуждающие или защищающие!

С семнадцатого по восемьдесят седьмой год главными святынями были не христианские святыни, а АНТИхристианские. Сколько миллионов человек были расстреляны или заключены в тюрьмы только за случайное слово, наводящее призрак тени на «самое дорогое, что есть у советского народа» – революция, идеология, вожди, главный вождь всех народов. Полслова, четверть анекдота, кусок газеты с портретом усатого, в который была завернута селедка – все годилось, чтобы уйти и не вернуться.

И одновременно с этим были уничтожены, разрушены до основания пятьдесят тысяч храмов. Были разгромлены, сожжены, разрушены пятьдесят тысяч дворянских усадеб (в их числе и усадьбы Менделеева и Блока). Взбесившийся народ – именно взбесившийся, в который вселились демоны всего мира – не только надругался над своими святынями, но почти все их уничтожил. Иконостасы выламывались и рубились топорами, иконами накрывали кадки с квашеной капустой, десятки священников были зарыты в землю живьем. Не дети ли тех, кто сжигал, ломал, убивал и закапывал, ныне площадным матом, заходясь злобой, поносят тех, кто посмеет хоть слово сказать против начальства – церковного или светского? А разве не за эти ли именно слова посадили феминисток и распространяют безнаказанно о них те же клеветы, что и всегда распространяли о мучениках?

А они, кстати сказать, и красивые, и умные, и образованные!

Не знаю, удивительно или нет, но доносчиками на ведьм в Средние века были тоже по своему "конопатые", те, кому «ведьмы»-девицы попросту не захотели *дать*. Хотелось бы посмотреть мне на лица обличителей нынешних ведьм (я и не отрицаю, что они тоже ведьмы, все может быть!). Может быть и так, что обличители-то – это потомки тех самых, которые сжигали вертикахвосток и пятьсот лет назад?! Лиц их нет, имена тоже «дьявол их знает», но вот что они пишут (самые умеренные):

«...вера это априори опора власти, любой, даже такой ничтожной, циничной и мерзкой, как нынешняя, ниспосланной, вероятно, свыше за наши прежнее безбожие. А задача церкви – содействовать спасению душ, множить последователей Христа, а не обличать форму государственного правления и устройства. Посему и выходка их дурацкая не к месту. И если уж «достал» кого из верующих этот гарант со своими менеджерами и "эффективными" собственниками, то к Богородице и Святым Его в тайных молитвах об избавлении тот обратится.» (ошибки я не исправлял).

А вот пишет менее умеренный:

«это с нами так обошлась пошлятина вывернутых наизнанку шлюх. И это не мелко хулиганская вина. Это порнуха перед тем, что дорого и любимо всеми христианами. Но этим шлюхам все равно, кто перед ними. Они привыкли голыми задницами вертеть за деньги и просто за так. Сущность такая у этих сущностей. Не русские они, и вообще безродные – кто признает родство с такими. Раньше их вываляли бы в смоле и пустили в перьях по селу. Жаль, что теперь нет такого обычая.»

Я родился в крестьянской семье. Чужих усадеб мы не жгли и храмов не ломали. Живя в городе, случайно я спас альбом с первыми акварелями Марии и Зинаиды Лансере (Серебряковой), потом рукопись Бунинского перевода Мюссе (перевод этот был не известен). Собрал во дворе (валялись и ветер их разносил от помойки) машинописные листки воспоминаний жены Нижинского (не напечатанных и не известных). Потом издал факсимиле Радзивилловскую летопись (двадцать лет ее хранители тщетно обивали пороги секретарей, премьеров и президентов) – за что меня посадили. Я русский, и мои предки – тоже. Хотя цыгане, например, готовы меня защитить, «если эти русские будут меня обижать». Но я и сам еще могу за себя постоять. (В тюрьме я видел «русских» скинхедов. Хожу в баню, чтобы отмыть о них воспоминания).

В перьях вывалять и пустить по миру не призываю я даже тех, кто сломал Храм Христа-Спасителя (восстановили его на народные деньги, то есть и мои в том числе).

Ну, ладно, это я не для похвальбы, а чтобы пакостники из Интернета на правительственные деньги (а у правительства ведь деньги наши, народные, то есть и мои) побоялись на меня напустить тоже (правда, возможно, храбрости у них хватает только на баб и девиц?)

Ну да ладно. Это я *ходил в народ* (в Интернете), хотел послушать, что там говорят. Но народ ли это (от души), а не за деньги ли (то есть из выгоды)?

Мы далее увидим, что и Афинская чернь (или народ?) не лучше Московско-Питерской. На интернетскую помойку я раньше не ходил, ну, раз в два года, может быть в этот раз меня бес попугал?

3. Сократ. Суд и Апология.

Уже только заголовки написал, и подуло свежим ветром. Буду по очереди писать: то о далеком и не столь далеком прошлом, то о настоящем. Настоящее, увы, хуже даже плохого прошлого. Там тоже были мерзости, но там были и ГЕРОИ.

В наше время были мученики, страстотерпцы, подвижники, ЖЕРТВЫ... Но героев почти не было. Приходили тупые «стражники Расплителя», забирали в вонючие воронки и через два дня «в подвалах, скользких от крови», расстреливали. И никто НЕ отстреливался. Никто не держал оборону свободы и личности, как защитники Брестской крепости.

Вот Солоневич бежал с Гулага в тридцатые годы, перешел границу – многие ли читали его Народную монархию? Многие ли о нем хотя бы слышали?

Ну, о Сократе, возможно, слышали многие. Но многие ли читали его Апологию и знают, в чем он обвинялся?

Но на всякий случай Апологию я решил перечитать, потому что читал я ее почти тогда же, что и Канта (то есть уже пятьдесят лет назад), а поелику из этого ничего не помню, то и Сократа почти забыл.

И вот перечитываю и хохочу. Ну что изменилось за последние двадцать три столетия?

НИЧЕГО!!!

Дельфийский оракул сказал, что Сократ самый умный. Сократ задумался, что бы такое хотел сказать ему этим Бог? И пошел по мудрецам, чтобы потом Богу сказать, что вот, мол, вот этот меня мудрее, а ты что говоришь?!

И сначала пришел к государственному деятелю.

Но «когда я к нему присмотрелся (да побеседовал с ним), то мне показалось, что этот муж только кажется мудрым и многим другим, и особенно самому себе, а чтобы в самом деле он был мудрым, этого нет; и я старался доказать ему, что он только считает себя мудрым, а на самом деле не мудр. От этого и сам он, и многие из присутствовавших возненавидели меня. Уходя оттуда, я рассуждал сам с собою, что этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего в совершенстве не знаем, но он, не зная, думает, что что-то знает, а я коли уж не знаю, то и не думаю, что знаю. На такую-то малость, думается мне, я буду мудрее, чем он, раз я, не зная чего-то, и не воображаю, что знаю эту вещь.

Оттуда я пошел к другому, из тех, которые кажутся мудрее, чем тот, и увидал то же самое; и с тех пор возненавидели меня и сам он, и многие другие.

Ну и после этого стал я уже ходить по порядку.» (Каков, а?! Пошел бы я теперь по нынешним кумирам толпы?!)

И что оказалось? – «те, что пользуются самою большою славой, показались мне, когда я исследовал дело по указанию бога, чуть ли не самыми бедными разумом, а другие, те, что считаются похуже, – более им одаренными.»

«После государственных людей ходил я к поэтам ... чтобы на месте уличить себя в том, что я невежественнее, чем они. Брал я те из их произведений, которые, как мне казалось, всего тщательнее ими отработаны, и спрашивал у них, что именно они хотели сказать, чтобы, кстати, и научиться от них кое-чему. Стыдно мне, о мужи, сказать вам правду, а сказать все-таки следует. Ну да, одним словом, чуть ли не все присутствовавшие лучше могли бы объяснить то, что сделано этими поэтами, чем они сами.

Таким образом, и относительно поэтов вот что я узнал в короткое время: не мудростью могут они творить то, что они творят, а какою-то прирожденною способностью и в исступлении, подобно гадателям и прорицателям; ведь и эти тоже говорят много хорошего, но совсем не знают того, о чем говорят.»

«Под конец уж пошел я к ремесленникам ... но они грешили тем же, чем и поэты: оттого, что они хорошо владели искусством, каждый считал себя самым мудрым также и относительно прочего, самого важного, и эта ошибка заслоняла собою ту мудрость, какая у них была; так что, возвращаясь к изречению, я спрашивал сам себя, что бы я для себя предпочел, оставаться ли

мне так, как есть, ни мудрым их мудростью, ни невежественным их невежеством, или, как они, быть и тем и другим. И я отвечал самому себе и оракулу, что для меня выгоднее оставаться как есть.»

Далее Сократ говорит, что он не боится смерти, а защищает себя потому, что «если вы меня такого, как я есть, убьете, то вы больше повредите себе, нежели мне. ... Таким образом, о мужи афиняне, я защищаюсь теперь совсем не ради себя, как это может казаться, а ради вас, чтобы вам, осудивши меня на смерть, не проглядеть дара, который вы получили от бога. В самом деле, если вы меня убьете, то вам нелегко будет найти еще такого человека, который, смешно сказать, приставлен к городу как овод к лошади, большой и благородной, но обленившейся от тучности и нуждающейся в том, чтобы ее подгоняли. В самом деле, мне кажется, что бог послал меня городу как такого, который целый день, не переставая, всюду садится и каждого из вас будит, уговаривает, упрекает. Другого такого вам нелегко будет найти, о мужи, а меня вы можете сохранить, если вы мне поверите.»

Далее зашла речь о возможности помилования, от которого Сократ отказался.

«Не говоря уже о чести, мне кажется, что это и не правильно, о мужи, – просить судью и избегать наказания просьбою, вместо того чтобы разьяснить дело и убеждать.»

Вслед за тем он был осужден на смерть и ответил так:

«От смерти уйти нетрудно, о мужи, а вот что гораздо труднее – уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть. И вот я, человек тихий и старый, настигнут тем, что идет тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные, – тем, что идет проворнее, – нравственно порчей. И вот я, осужденный вами, ухожу на смерть, а они, осужденные истиною, уходят на зло и неправду; и я остаюсь при своем наказании, и они – при своем. Так оно, пожалуй, и должно было случиться, и мне думается, что это правильно.»

А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с вами после этого.

Ведь для меня уже настало то время, когда люди особенно бывают способны пророчествовать, – когда им предстоит умереть. И вот я утверждаю, о мужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, делая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, совсем обратное: больше будет у вас обличителей – тех, которых я до сих пор сдерживал и которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, убивая людей, вы удержите их от порицания вас за то, что живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Ведь такой способ самозащиты и не вполне возможен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Ну вот, предсказавши это вам, которые меня осудили, я ухожу от вас.»

Так в чем же был обвинен Сократ и за что был казнен?

Он был обвинен в развращении молодежи и в *неуважении к богам, то есть в кощунстве*, и за это был казнен.

Точно в том же самом были осуждены феминистки из «Пусси Райот».

Ну, закричат... Да ведь они всегда кричат, кого бы ни казнили, что мол, не сравнивайте этих с другими, с прежними! Да ведь и о прежних кричали то же самое! Разве Николая Гумилева признавали за поэта достойного жить, а не умереть? Разве Клюева? Разве Павла Васильева? Разве и о Есенине не кричали, что он кулацкий поэт? И кто о псуях кричит, что это "пошлятина вывернутых наизнанку шлюх" и начнет им противопоставлять Сократа как святого перед порочными, тот знает не только меньше Сократа, но и меньше меня, ибо какая святость у Сократа, пьяницы и болтуна, да еще и развратника?!

А, как и Павла Васильева, и меня осмеивали тоже. И хотя, быть может, я не достаточно значительный поэт, но были безусловные достоинства и у меня, как у Сократа, а не одни только недостатки. Но ведь меня осудили к смерти дважды! То есть, мне не назначали выпить цикуту, но когда я сидел, случалось всякое, и то, что я мог умереть, многие знают.

Но теперь скажу о своих достоинствах, которые я нахожу и у феминисток.

Наш *«советский народ был все как один»* – разве кто-нибудь из тех, кто тогда жил, сомневался в этом? А марксизм-ленинизм был *«единственно верным учением»* (ну, как вот теперь Священное писание, если еще не вернее.)

Были и тогда диссиденты, кажется, их было всего несколько человек. Но они же были согласны с этим *«единственно верным учением»*, они противоречили ему только в частностях, а я его отвергал целиком, и такой, отвергающий, я был всего один. Во всяком случае, я в то время другого отщепенца от советского народа, кроме себя самого, не встречал.

А что сегодня? О, сегодня против коммунистов многие, и те, которые исходят злобой против феминисток, ведь не коммунисты же, они ведь православные патриоты!?! Так, может быть, они читали Маркса и Ленина, и поняли их неправду, глубоко огорчились, в муках, посыпая пеплом головы, ушли от *нечистого*, чтобы обратиться к Богу?

Нет, они ничего не читали, ни в чем не убедились, ничего не поняли. Они не прочитали даже Новый Завет. Не читали Пушкина. Достоевского. Толстого. Не читали даже Сократа.

4. Жанна Д'Арк. Джордано. Коперник.

Итак, о, ученые мужи, жители Петербурга, вы вспомнили, вероятно, что Сократ был уличен в неуважении к богам, то есть в *кощунстве* и *богохульстве*, и за это осужден.

И за то же самое осуждены были феминистки, а ниже они Сократа или выше, это не имеет никакого значения, ведь судят за *вину*, а не за достоинства. Иначе, если мы приведем на суд младенца, еще не умеющего говорить, то кто-то скажет, что у младенца достоинств еще нет, и если позволительно негодовать на то, что великий Сократ был осужден, то о младенце заботиться не стоит.

Надеюсь, так не скажут одержимые духом ненависти и обвинительства и жажды возмездия невинным, но дела, которые даже их касаются, ужасны.

В Екатеринбурге судили журналистку, ее вина не доказана, но умер по вине ее гонителей ее ребенок. Осужден учитель Фарбер, невинный, но осуждены были таким образом и его несовершеннолетние дети. Примеров таких как песку в море, но вы ведь ходите по его берегу и собираете камни, чтобы побить невинных...

За что была осуждена Жанна? Не за то, что короновала французского короля, что освободила Руан и Орлеан, что осадила Париж – но за то, что посмела носить брюки. И когда, после увещаний католических судей (О, их диалектике должен бы позавидовать сам Гегель!) она сначала согласилась одеть платье, а потом снова одела мужскую одежду, ее приговорили к сожжению – за *кошунство*, за неуважение к церковным обычаям.

За *ересь* (которая не что иное как кошунство по мнению Тертуллиана) был осужден Джордано. И за *ересь* была запрещена книга Коперника.

Кого оскорбили феминистки в храме Христа Спасителя, разрушенном отцами наших гонителей, а восстановленном на деньги народа, то есть, в частности, и на мои? Они оскорбили точно тех же, кого оскорбил Лютер, то есть иерархов церкви и начальствующую власть. Они пропели несколько строк своей песни-молитвы не против Христа и не против Богородицы, к ним они обратились за защитой, а против властвующих. Но ничего не сломали и не повредили.

Лютер же аршинными гвоздями прибил к вратам Вюртембергского храма свои обвинения католической церкви – не оскорбил ли он тем самым ВЕСЬ христианский народ? (Правда, случилось чудо. Народ Германии пошел за ним, а не за папой и иерархами). А он ведь позже сотворил еще более чудовищное святотатство – взял да и женился, будучи священником!

Удивительно, что и нашего Аввакума осуждают доньше тоже за кошунства – за хулы против патриарха Никона (который и сам был позже осужден и заключен в Кирилло-Белозерский монастырь) и против царя!

И только Александру Сергеевичу повезло, охранители благочестия его не казнили. А ведь он написал *Гавриилиаду*, в которой богородицу представил... ну, помните... А о царе (который в России был тоже сакральной личностью) написал: *Плешивый щеголь, враг труда*... Попало и жене митрополита, которая только *душою богу предана, а грешной плотию*... Не говоря уж о том, что с женщинами вел он себя, возможно... ну да ладно... *Простим поэтов?*

В семидесятом году меня посадили за *мракобесие*, то есть за то, что я восхваляю Русь и хожу в церковь, и не согласен с марксистами. Посадил прогрессивный народ. Тот самый, который нынче ходит с хоругвями и призывает кары на безбожников, но и на меня тоже, хотя я даже говорю с Богом, а они богов даже и во сне не видали.

Да, вчерашние мои судьи и прокуроры и обвинители, пытавшиеся искоренить религиозный дурман и частную собственность, сегодня ходят с хоругвями и делают все только за деньги. А чтобы убедиться в том, что это те же самые, надо пощупать, нет ли у них около ушей маленьких рожек.

Той же весной семидесятого как раз случилось столетие со дня рождения первого вождя, и предшественник нынешних феминисток, молодой студент нашего Университета Эдуард Х. сжег на Невском его портрет.

Вменили ему за это террор и диверсию и паяли десятку, и я ему советовал представить перед следователями сию диверсию как пропагандистское деяние, то есть кощунство, за что он получил *всего* семь лет.

Боюсь, если бы он еще и прокричал: «Богородица, помоги советского царя с его присными прогнать!», получил бы все двадцать пять (а нынешние начальники как раз были в то время комсомольцами). Или же теперь за старое деяние могли бы его привлечь к ответу. (Правда, и теперь есть компартия, оппонирующая подобострастно власти, но это ряженые).

Кошунниками были и те семь диссидентов, которые вышли в шестьдесят восьмом на Красную площадь (к Лобному месту, где позже «поглумились» феминистки над православно-советским народом), протестуя против ввода в Прагу танков, несущих чехам свободу.

Спектакль, идущий в России, где проходит по проспектам разрешенная демонстрация в защиту власти, напоминает Антиутопию Оруэлла: та же толпа, то же воодушевление, только флаги время от времени меняются на противоположные.

Но замечают ли это счастливые *верноподданные*?

Следующий раунд кощунств прокатился в России в конце девяностых годов. И если в семидесятом это было поругание советских святынь, то теперь поругание христианских, то есть «антисоветских» святынь. Интересные рассуждения по этому поводу нашел я у Якова Кротова, священника Украинской православной церкви (обновлённой), крещённого в 74-м году Александром Менем, в его передаче по радио «Свобода» в феврале 99-го года.

[И в очередной раз вспомнил Розанова, который говорил, что, мол, даже когда я не люблю евреев, но если встречу что-то интересное, умное, культурное, то оказывается, что автор сих рассуждений еврей, а если читаю в интернете и вянют уши и начинаю задыхаться, то это обязательно русский православно-коммунистического вероисповедания, в дётевых сапогах и с бутылкой квасу (который я, кстати, люблю, но русского квасу теперь не производят, при православной власти).]

«Наша передача будет посвящена проблеме кощунства. Эта проблема особенно остро встала в последнее время, потому что по газетам прошел целый шквал публикаций о самых разнообразных кощунствах: и антихристианских и, скажем так, "антисоветских", антикоммунистических. Вся проблема в том, что и в годы коммунизма мы вовсе не жили без чего-то святого... для поколения людей, которые строили советскую власть, Ленин был святыней, а Христос – модой. ...Это поколение моего отца, моего деда, которые все-таки считали, что я *оскорбляю* все то, ради чего они жили. И в каком-то смысле они были правы. ...Но теперь уже мы, христиане, ищем тех, кто оскорбляет наши религиозные чувства.»

«Самый знаменитый инцидент – московское событие, когда в конце 1998 года на выставке в Манеже один из художников устроил так называемый

"хэппенинг"... надругательство над иконами, которые купил в церковном магазине "Софрино" в Москве. И всякий желающий мог, заплатив небольшую сумму, принять участие в кошунстве, в осквернении икон. Их рвали, на них плевали, их топтали и даже рубили топором.»

«В Архангельске ... должна была проходить выставка художника Сергея Трубина. Он пытался выставить картину "Теофания", на которой была изображена Голгофа. У креста стоят обнаженные женщины, и одна из них совершает непристойность. ...картину не допустили к показу, и художник сказал: "Меня беспокоит засилье попов на телевидении". Но меня, конечно, беспокоит, что появляются такие картины. Потому что когда об этом даже читаешь, по коже идет настоящий мороз, потому что это действительно оскорбление того, в кого ты веруешь, кого ты любишь. ... Для тех, кто уважительно относится к женщине – тоже, конечно. И сразу встает вопрос – как к этому относиться, и главное – какие собственно принимать меры.»

Анатолий Пчелинцев: «...В данном случае действие граждан, которые учинили данное святотатство, попадают под статью 130 "Оскорбление" либо 206 – "Хулиганство".»

Яков Кротов. «Когда художник ... публично устраивает осквернение икон, он ведь не говорит, что он кошунствует. Он говорит, что он кошунствует в кавычках. ... Он имитирует кошунство. Он превращает кошунство в некий художественный акт, в акт культурный, – так он говорит. Что это означает? Культура – это всегда что-то лишнее.

...И встает вопрос: а можно ли провести тогда границу между культурой, искусством и кошунством? Ведь кошунство для верующего человека понятие однозначное. Но на языке закона можно ли и нужно ли провести такое различение?

Священник **Михаил Ардов**, настоятель одной из московских церквей. «...Объяснить это проще всего. Во-первых, в нашей стране не было гласно и серьезно осуждено, что оскверняли церкви, когда устраивали в алтарях сортиры, в церквях – конюшни, когда жгли иконы, когда убивали священников. ...ну, представьте себе, мы сейчас видим все время демонстрации с портретами Сталина. Вообразим себе в Германии, что идет демонстрация с портретами Гитлера. ... Наши же власти... – это "недопереродившиеся" коммунисты. Им все это сродни. Вот нужно разговор о кошунстве всегда сопрягать с тем, что здесь было».

Яков Кротов: И все-таки граница между кошунством и актом культуры остается, конечно, очень зыбкой, потому что здесь каждый человек фактически решает, где кошунство, где культура. Суд может решить только, где оскорбление чувств. Понятия кошунства в законодательстве нет. И тогда встает вопрос – что такое кошунство именно с христианской точки зрения? ... с точки зрения, скажем, специалиста по православной иконописи, кошунством может являться и икона, например, если эта икона напечатана на бумаге, а именно таковы большинство икон, которые сейчас продаются в церковных лавках. И до революции большинство икон печатались как литографии, потом уже вставлялись в пышный оклад. И многие православные

мыслители именно тогда же, в начале нашего века, выступали за то, чтобы икона писалась только на доске, на дереве... а изображение святых на бумажке... это, как минимум, легкомысленное отношение к святыне, а пожалуй, все-таки и кощунство. И тогда встает вопрос: насколько далеко мы пойдем в поисках истины: где кощунство, а где просто явление культуры?

Ирина Языкова: ...христианский критерий: отличай все-таки грех от грешника. ...реакция должна быть цивилизованной, потому что само кощунство нецивилизовано. Но другой вопрос – вообще что такое кощунство. Потому что для меня кощунство – восстанавливать памятник Дзержинскому. ... Для меня это не меньшее кощунство, чем сжигание икон.

Кротов: ...Надо сказать, что в древности, во времена Ветхого завета, да еще и не так давно, скажем, в 17-м веке, к кощунству относились очень просто. За него ...убивали. ...У нас на протяжении последних десятилетий **послереволюционных** вот эта манера карать за кощунство при помощи государственной власти никуда не ушла, только поменялись святые.

Ирина Языкова: Любой позитивный ответ церкви или, по крайней мере, христианина, это самому жить праведно. ...поэтому, если церковь и может что-то сейчас сделать... это она должна сама пересмотреть свои позиции, посмотреть: а где мы не правы, а где мы погрешили. Если бы она была безусловной единицей такого добра,... даже если бы она ни слова не произносила... Потому что существование света уже обличает тьму. А если свет ваш – тьма, то какова же тьма?..

Яков Кротов: А как же воспитать себя, чтобы не охотиться за кощунством и более спокойно относиться к тому, что окружающий мир переполнен кощунствами, богохульствами, святотатствами в самых различных видах? Ибо всякая агрессия есть кощунство.

Ирина Языкова: Вся аскетическая практика на этом. Это бесстрашие. Это значит, что не вскрикивать и не вскакивать, когда твои чувства оскорблены, и в ответ, по крайней мере, не оскорблять другого, постараться пройти этот узкий путь так... Он потому и узок, чтобы, не дай Бог, не оскорбить кого-то другого.

Яков Кротов: В конце концов, я думаю, в каком-то смысле верующий человек должен радоваться кощунству. Пока топчут иконы, это означает, что еще помнят, что есть икона. Пока хулят имя Христово, по крайней мере знают, что есть такое имя. Я очень боюсь, что мы придем к тому, когда в нашей культуре исчезнет кощунство. Кощунство в материальном смысле слова. Перестанут топтать иконы, оставят в покое Спасителя и будут думать о христианах... ну, примерно столько же, сколько думают о людях, которые собирают спичечные этикетки. ...»

Прости, читатель, что позволил себе столь долгое цитирование. Надеюсь, что умным это пойдет на пользу. А неразумным и злым, возможно, во вред. Но писатель должен знать Истину, в которую входят не одни только христианские проповедники, но и математика, и культура в целом, и инакомыслящие, о которых Тертуллиан сказал: **Умствования – главный источник ересей; христианину довольно одной веры.**

В Москве 14 мая 1995 года о. Олег Стеняев при участии епископа Истринского Арсения прямо во дворе своего храма сжигал книги, причем не только Льва Толстого и Николая Рериха, но и Владимира Соловьева, о. Сергия Булгакова, о. Павла Флоренского и других. ... книги богословов, неприемлемых для фундаменталистов, уже не раз сжигали в некоторых монастырях, но эти случаи не получали особой огласки. В июле 2006 года на вечере, посвященном переизданию труда преп. Иосифа Волоцкого "Просветитель", Леонид Симонович-Никшич, лидер Союза православных хоругвеносцев, заявил: "Мы объявляем о создании современной настоящей священной инквизиции. Мы пока не можем, к сожалению, сжигать в открытую еретиков, но будем сжигать книги и кассеты с современной ересью ... Где увидите – брать и предавать огню эти книги. Огонь очистит наше отечество от новой ереси жидовствующих." ... Леонид Симонович-Никшич награжден орденом Святого Преподобного Сергия Радонежского, орден был вручен митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом (ныне Патриарх Московский и всея Руси).

5. Назад, к инквизиции и тирании!

Тертуллиан сказал: «Все это учения *людские и демонские, лстящие слуху* и рожденные изобретательностью языческой мудрости, которую Господь называет глупостью: *немудрое мира* избрал Он для посрамления даже самой философии. Она, конечно, есть материя языческой мудрости, безрассудная толковательница Божественной природы и установления. *Как раз от философии сами-то ереси и получают подстрекательство*».

Нам важно понять и принять следующее: Понятия *Кошунства* и *Ереси* (др.-греч. αἵρεσις, «выбор, направление») неотделимы от монополии на Истину, от сакрализации Истины, придании ей только священного характера; в этом смысле математическая истина почти ничтожна, ибо в математике невозможны ни кошунство ни ересь (необыкновенное исключение – страсти по поводу Лобачевского и неевклидовой геометрии). Но не только учение о Боге может быть сакрализовано: Учение о диктатуре пролетариата и связанные с ним полушаманские и псевдофилософские разглагольствования о взаимодействии духа и материи и тому подобные спекуляции, начисто отрицающие всякую возможность рассуждать по их поводу, тоже вернули к жизни Ересь (обвинение в ереси), Инквизицию (ЧК, НКВД, КГБ, ФСБ) и смертную казнь за кошунство (не обязательно казнить, можно замучить в тюрьме). В связи с «философией» пролетариата следует заметить, что философ или редактор, при историческом и культурологическом исследовании должен вначале рассуждать о философии и культуре, а не о том, при каком режиме «жить хорошо», иным в тюрьме лучше, чем на воле, и таких большинство. После несравненного девятнадцатого века, века «духовной свободы», большевики отбросили назад русскую культуру на полторы тысячи лет, мы вернулись к временам Тертуллиана. Редактора должно интересовать прежде всего именно это обстоятельство, так же как грамматика – соответствие времен и родов: ведь не скажет же грамматик, что верующий вправе писать «а» там, где требуется «о».

Большинство комментариев к акции феминисток и их нынешнему освобождению сводятся к тому, что, во-первых, мусульмане их бы за это сразу же растерзали, при усатом вожде – расстреляли и бросили в яму, а в Средние века сожгли или заживо замуровали.

Что на это сказать? В Северной Корее даже дядю диктатора живьем бросили собакам за то, что он недостаточно быстро вскакивал, когда диктатор входил, что было воспринято *как кощунство* – остается порадоваться, что мы не в Северной Корее, не в Саудовской Аравии и не в Испании времен Торквемады. Очевидно, что комментаторы страдают от того, что девушек не растерзали и что у нас, в России, пока не растерзывают – пока. Очевидно, если именно они будут направлять государственный руль или наша нынешняя инквизиция затвердеет, то у нас многих будут бросать на съедение собакам, даже меня, за то, что я учил школьников, что Земля круглая. Но инквизиция может затвердеть и до того, что атеистических диктаторов тоже, в конце концов, осудят, припомнят им разрушение храмов и убийства священников, а нынешних их обожателей возьмут да и бросят собакам!?! – я не уверен, что эти комментаторы умеют правильно креститься и знают хотя бы одну молитву, а уж тем более понимают церковно-славянский язык.

Да и я еще не до конца порвал с Православием, возможно, в нем обретут влияние образованные и культурные люди, вот тогда я и сам буду призывать к тому, чтобы тех, кто не прочитает наизусть Символ веры, на месте казнили – ох, не поздоровится бывшим комсомольцам и пионерам, ряженым ныне под «католиков пущих чем Папа»!

Хотя, как прочитал я в интернете, «эта ортодоксальная религиозная организация НЕ РЕФОРМИРУЕМАЯ, ни с помощью икон, ни с помощью молебнов, и даже панк-молебнов, ни с помощью кураевского (то есть просвещенного) богословия».

Здесь, как сказал сантехник, "Всю систему менять надо!"

6. Бог или культура? Возможно ли их совместить?

Ориген, христианский философ, введший термин Богочеловек (3-й век нашей эры) учил, что «математика внушена бесами», апостол Павел писал, что «Афины уставлены идолами» – каково могло быть отношение христианского учения к культуре?

Но Паскаль, выдающийся математик и физик, был и философом и ревностным католиком, религиозны были великие ученые Ньютон и Лейбниц, да и сам Коперник, разрушивший геоцентрическую систему мира, казалось бы неразрывно связанную с представлением о том, что Земля, а с нею и Бог и человек – в центре мироздания, был священником.

И все же неустанная борьба церкви с наукой и учеными, противоположность веры, лежащей в основании религии, и знания, лежащего в основании науки, делают их антиподами, разделяют пропастью.

Ревностные сторонники церкви: юродивые, кающиеся грешницы, одумавшиеся разбойники, государственная власть, нуждающаяся в небесном заступнике, а в особенности фанатики (правда, они же сторонники и атеизма).

Научные сочинения обсуждались, исследовались, служили источником для развития изложенных в них идей; Священное же писание взывало к авторитету, его запрещено было подвергать сомнению и развивать, только комментировать и объяснять.

Выдающиеся ученые и философы образованны и умны.

Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное! – заповедь для детей Божьих, многие из которых явно безумны.

Несомненно, что Бог, творец мира и человека, источник Логоса, Духа и познания мира, умен не менее нас, философов и ученых – неужели Ему приятнее беседовать с сумасшедшими «хоругвеносцами», чем с нами, поэтами и учеными?

Несомненно, что если Бог – источник мира, то Он и источник красоты. Но красивы ли те, кто изъязвляет себе тело, поносит плоть, спит во гробе, одевает власяницу и вериги?

Несомненно, что Бог не зол, Он – источник нравственности. Неужели ему более нравятся одержимые злобой, нежели милосердные и сострадающие?

Неужели Он, **пришедший утешить и пожалеть человека**, настолько мелочен, тщеславен, злопамятен, обидчив, что изо всех преступлений, которые человек совершает по отношению к себе, к ближним, миру, пуще всего наказывает за пренебрежение к самому себе?

Нет, некоторые верующие говорят, это мы сами, его рабы, за Него обижаемся и **мстим** обидчикам.

Я тоже скорблю и негодую на обидчиков того, что люблю, – но неужели хочу кипятить их в смоле и варе? Если Бог так жесток, пусть он останется с теми, кто тоже жесток, мне жестокий Бог не нужен. Если это его слуги так жестоки, я не могу вместе с ними поклоняться одному Богу.

Мой Бог – это Бог культуры, истины, знания, добра, милосердия.

7. Подчинение и воля к смерти.

Наши поступки – хотя бы в некоторой степени – зависят от нас самих. Не может даже самый упертый в волю Божию не признавать, что что-то мы делаем и по своей воле, даже когда всецело полагаемся на Его – ведь и Он предоставил нам право выбора добра и зла, и мы выбираем или тюрьму, не поднимая руку вместе со всеми в осуждение своего учителя, или смерть, отказываясь в басурманском плену снять крест, а потом Он судит нас за наши дела – вероятно, за те, которые все же от нас зависели...

(Ну, если оппонент мой упрется еще пуще, что поелику и «волосы на голове нашей все сосчитаны», что мы только механические куклы или пыль, носимая ветром – ну, если упрется до такой степени, то у меня ему возражений больше нет, его я и убеждать не буду, и диалог с ним прекращаю. Я пишу для тех, кто еще не совсем заблудился в антиномии необходимости и свободы и с ума окончательно не сошел... Ну, или не приобрел еще окончательный смиренный божественный ум, а рассуждает по человеческому, по еллинской логике. Есть ведь и христиане, не окончившие школу христианства и оставшиеся пока просто нормальными людьми. Вот с ними можно продолжить разговор).

Да, итак... Сбили меня с толку эти рассуждения...

Итак, наши поступки, хотя бы в некоторой степени, зависят от нас самих.

Мы раздумываем, куда пойти учиться после школы (а я намеренно ехал в Ленинград, в университет), мы избираем друзей и жену (хотя и согласен, что одновременно и судьба и случай участвуют в таком выборе, но мне они предоставляют, надеюсь, первое слово), от нашего ума, характера, душевных свойств и уровня знаний зависит, вступать ли в комсомол и строить ли вместе со всеми «счастливое будущее» – и я в комсомол не вступил, сколько меня туда ни тащили (но даже и в пионеры я вступил по собственной воле, будучи инициатором такого вступления).

Оправдывать ли феминисток или вместе со всем русским народом побивать их камнями – тоже зависит от моей воли.

И моя задача сейчас, в этих записках, вовсе не состоит в том, чтобы их оправдать, внушить к ним сочувствие или любовь, убедить в том, что они не хулиганки и не дурочки – все это тоже, но это походя, между прочим, я на их и других примерах разбираюсь с отношением русских к жизни, к Богу, к власти, к святости и святыням. Ведь у меня и у самого они есть, хотя совсем не такие, как у русских, то есть не грузинский Сталин и не армянский Камо и не молдавский Лазо и не калмыцкий Ленин и не еврейский Троцкий (я сейчас говорю на языке, понятном сталинистам и язычникам и русским патриотам и националистам, хотя и мне самому этот язык внятен). Но у меня святыней является Пушкин, который, впрочем, разрешает мне с ним иногда спорить, ибо, по его словам,

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира
Быть может, всех ничтожней он.

У меня святынями являются Лермонтов, Некрасов, Гомер, Зенон, Евклид... далее везде...

То есть моя святыня – культура.

И даже Писания пророков, святых и подвижников входят в мою культуру (но НЕ наоборот, не моя культура входит частично, с разрешения, в религию и монашескую жизнь).

Итак, я размышляю о наших взаимоотношениях, о наших добродетелях и пороках в связи с исследованием того, что человек полагает для себя высшим (кстати, так и не понял, есть ли такие святыни у воров и разбойников).

То или иное я взял к рассмотрению для примера, а примеров этих гораздо больше.

Читаю ответы феминисток на их первой после освобождения пресс-конференции, и доверие мое к ним еще укрепляется.

Толоконникова говорит: *Выступления Pussy Riot в храме было протестом против «союза церкви и государства».*

«Люди в России умеют различать правду и ложь». Сомневаюсь. К тому же, по ее словам, современное искусство призвано «провоцировать и раскалывать общество, что всегда вызывает негативную реакцию». «Мы не сто долларовая купюра, чтобы всем нравиться», – говорит активистка. Такова позиция сверхсовременного искусства, «поставангардизма». У меня взгляды на культуру другие. Но и я не думаю, что культура способна *объединить* большинство. Увы, она для исчезающе малого меньшинства. Если в России не произойдет революция, то культура прекратится окончательно.

Толоконникова отмечает, что не питает ненависти к В.В, но «хочет изменить созданную им систему». Намерена создать организацию «Зона права», которая будет защищать права заключенных. [Самое достойное, что сегодня может считать своей духовной целью самый достойный человек.]

Неоднократно феминистки заявляли, что они верующие.

В этом невозможно сомневаться сколько-нибудь образованному человеку, знающему хотя бы немного историю церкви, смысл учения, Священное писание, русскую историю. Они соединяют в себе черты юродивых, кликуш, столпников, одержимых, искушаемых, неопитов, пророков... Вот из таких выходят Марфа-Посадница, боярыня Морозова, Манефа, даже Леди Макбет Мценского уезда... Глумящиеся над ними не только невежды, но они не знакомы с русской литературой и русским характером, они, глумящиеся, не только доски, на которых ничего не написано, но и доски, заляпанные грязью. Если бы с христианством я был знаком только по призывам «хоругвеносцев» или по патоке церковных брошюр или даже ТОЛЬКО по Священному писанию, но не соприкасался хотя бы отчасти и с двумя тысячами лет христианской практики и с христианской частью культуры, я уже давно бы отряхнул ветхие призывы христианства с ног своих, уходя из их храма.

Но пока еще этот храм отчасти и мой, он еще не до конца принадлежит только *бесноватым и торгашиам*.

Вот почему я продолжаю рассуждать сам с собой, не пытаюсь кого-либо в чем-либо убедить. Мне за пятьдесят лет проповеди не удалось убедить ни одного человека в невежестве Ленина (которое несомненно) и в злобной ненависти к русскому народу Сталина (которая несомненно). В чем еще сомнительном я надеялся бы убедить людей, для которых стремление познать истину – не главное в жизни?

Повторяю чужие слова из Интернета: «вера это ... опора власти, любой, даже такой ничтожной, циничной и мерзкой, как нынешняя... А задача церкви – содействовать спасению душ, множить последователей Христа, а не обличать форму государственного правления и устройства.»

Возразить мне нечего, такова проповедь Сына Божия, который, требуя у своих последователей *повиновения* родителям и начальникам и даже разбойникам, правда, сказал еще: ***Не мир я принес, а меч.***

Посему, соприкасаясь с Историей церкви, готов я понять и «затруднения историка-христианина»Флоровского: «Писать ли правду?»

Тут и святой Климент Александрийский, злобный гонитель культуры, содравший живьем шкуру с великой ученой Гипатии Александрийской, после

чего на полторы тысячи лет женщины не только в науку не лезли, но голос на мужа боялись поднять, не то что *в храме скакать!* (А мы, христиане, уже перед бабами извинились ли хотя за Климента?) Тут и Ориген, которым клялись и правоверные и еретики, который близок и монахам и философам, хотя сам совершил жуткую дурость, не свойственную философам.

Тут и Аввакум (позже сожженный) и боярыня (а этот грубый мужик постоянно пенял ей, удивительной: *Ты, баба, не лезь наперед!*)

И Лютер, разделивший католичество надвое.

И сотни сект, каждая их которых претендует на истину.

И апостол Павел, «еврей из евреев», отрекшийся от еврейства.

И Торквемада, еврей, гонитель еретиков и евреев (да и всех подряд свободомыслящих).

И недоучившийся семинарист, гонитель христиан пушке Юлиана-отступника, ныне возлюбленный русских православных.

И разделение уже в двадцатом столетии русской церкви на примкнувшую к советской власти и на Зарубежную.

Тут и украинские, не чужие нам, враждующие между собой.

В христианстве ярко и мощно выражена ВОЛЯ К СМЕРТИ. Сегодня ее переживает и русский народ как историческая личность, хотя в нем сегодня всерьез христиане в меньшинстве, и инквизицию им не возродить. Даже сталинизм не вернется в Россию, сколько бы ни старалась власть.

А я еще пишу обо всем этом и потому, что во мне самом душевный Кризис, и не преодолена *Воля к смерти*. Посмотришь кругом, послушаешь, считаешь, поглядишь и на собственные книги, никому не нужные (которые вместе с Даниилом Андреевым и религиозными философами моя племянница сожгла по наущению багюшки) – да стоит ли жить? А объективные причины, если я им не буду сопротивляться, сами собою скоро решат все мирным путем.

Плохо сплю. Видно, дело шьют,
 Познакомить хотят с Бугыркою!
 Шут их знает! Еще убьют,
 И заставят валяться с дыркою.
 Значит, здесь мне нечего ждать,
 Хоть дремота и бродит около.
 Нет, чтоб руку свою подать! –
 Зря в груди моей что-то ёкало?!
 Знать бы, кто они, мастера
 Грязных дел! Их объятья жаркие
 Так пристали – не отстирать!
 ... Но какие мы все же жалкие
 Пред всесильем нечистых рук!
 Жизнь, конечно же, нас не балует...
 ...Ночь ворочается усталая,
 И под сердца замирающий стук
 Словно шубу с плеча – сон жалует.

Тертуллиан сказал: «Итак: что Афины – Иерусалиму? что Академия – Церкви? что еретики – христианам? Наше установление – с портика Соломонова, а он и сам передавал, что *Господа должно искать в простоте сердца*. Да запомнят это все, кто хотел сделать христианство и стоическим, и платоническим, и диалектическим. В любознательности нам нет нужды после Иисуса Христа, а в поисках истины – после Евангелия. Раз мы верим, то не желаем верить ничему сверх этого: ибо в это мы верим прежде всего, и нет ничего более, во что мы должны бы поверить.»

Русские «религиозные» философы (Павел Флоренский, Сергей Булгаков, Н. А. Бердяев и другие) словно бы не читали Тертуллиана, да и я сам был целую жизнь наивен, как и *Pussy Riot*, и я тоже надеялся, что Слово Божие можно соединить с Евклидом и Гомером, с Пушкиным и Даниилом Андреевым. Видимо, у философов и ученых свой собственный Бог, отличный от Бога апостола Павла, и от всех и всяких богов, существующих в церкви – неважно, в какой, хотя бы и в социалистической. Понятие ереси и кошунства невозможно в математике и философии, но только в тех способах отношения к миру, в которых «*Умствования – главный источник ересей; христианину довольно одной веры*».

Я раздумывал, зачем пишу для писателей. Сначала понял, что хотя я не могу стать их Учителем (ибо их духовная свобода для меня прежде всего), то есть не могу претендовать на то, чтобы стать «сеятелем очей», по слову Велемира Хлебникова, но что-то полезное для писателей могу сделать, именно: я могу обосновать идею Духовной Свободы, на основании которой писатель только и может создавать свои книги. Человек может принадлежать к той или иной партии и церкви, но писатель должен быть свободен. Невозможен «историк-христианин», коим пытался быть священник Флоровский, так же невозможен «христианин-писатель», только если не Нилус (но какой это писатель?), невозможен и «христианин-философ».

Ну а как же Маркс? Паскаль? Достоевский? Ведь они же философы?!

Преимущество писателя перед математиком и христианином в том, что писатель не стремится преодолеть антиномии (противоречия), как и в языке, они для него естественны как воздух, который состоит не только из кислорода, который мы поглощаем, но и из всякого прочего (азота, например), что мы выдыхаем. И эти противоречия не имеют силы возражения. Вот несчастный верующий (да какой он верующий?!) ожесточенно доказывает, что хотя Павел и Иоанн противоположно смотрели на веру как источник спасения (для Иоанна веры было недостаточно), но что в этом нет никакой противоположности и т.д. Словно, если два апостола были еретиками друг для друга, то рушится все учение, и надобно непременно доказать, что они оба *несли* одно и то же! Нет, с такими христианами не поговоришь и не выпьешь (а я даже Самому Господу отважился налить и Он выпил!!!)

Вот для чего я пишу: убедить, что *Писатель исходит из всей культуры (включая священные Мифы), и источником Истины в нем являются его Душа и Вдохновение. До него Истина и Мир неполны, а Он их восполняет!*

Всякий писатель!

9 февраля 2014 г.

Глава тринадцатая
НОВОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО

1. Оправдание жизни

17 февраля 2014. Сладкий чай – это не стакан душистого меду, в который добавили два глотка чаю, но полный стакан душистого горячего чаю, в который, по характеру пьющего, добавили от двух до пяти ложечек меду или сахара. И пьет счастливец и приговаривает: Ах, как душист и сладок чай!

Вот такова была и моя жизнь, исполненная трудов и трудностей, болезней и тягостей, недостатков телесных и всяческих мирских, вплоть до того, что «по морозу босиком ... ну, не "к милому другу", но к соседу-однокласснику я бегал!»!

Плохо живется не тогда, когда *плохо*, а когда внешняя сила сковывает, так что не повернуться, лишает всякой возможности к улучшению плохой жизни. Как в тюрьме. Как в эпоху "перманентной" русской революции, продолжающейся от четырнадцатого года (включая сюда русско-немецкую войну как предшественницу) и до смерти Усатого тирана, то есть до марта 53-го года.

А потом хотя тоже плохо было, но уже не в цепях, и не в наморднике, и не совсем "тварь дрожащая", а каждый из нас мог по крайней мере сказать, что какое-никакое, но: "право имею"!

Итак, прожил (ну, еще далеко не до конца, самое важное только теперь начинается!) я счастливую, душистую и сладкую жизнь! Уж пять-то ложек мёду в моем горько-крепком и обжигавшем губы чаю точно было! Причем, под этими ложками мёду я разумею не какие-то насладительные приключения вроде найденной на дороге ассигнации, а нечто существенное, что мне удалось сделать, в чем я состоялся как личность, о чем я могу с гордостью и радостью вспоминать.

Во-первых, заканчивал школу я почти как народный кумир, тут и местная литературная известность (после публикации моих рассказов в Ингаше и Тайшете), тут и заметки и стихи в Красноярской газете, тут и прогремевшая среди школ наша школьная Стенгазета, на которую приезжали любоваться из дальних земель. Вот когда, оказывается, я впервые стал редактором! А что тогда же воспыпал я и жаждою *редактировать людей* – несомненно!

Затем, уже на третьем курсе, издавал я аналогичную Матмеховскую литературную газету, тоже прославившуюся, в пределах университета.

В семидесятом году меня посадили. Вроде бы это неудача, и научная карьера моя прервалась, и учительская, и по социальной лестнице я перестал подниматься – но если вспомнить, как ко мне относились даже те, кто, казалось бы, должен был меня умять и мучить, а они всемерно меня поддерживали и утешали, и даже восхваляли – нет, это еще одна ложка мёду. Да к тому же, и в том отношении хорошо, что обыденную карьеру я не свершил, что остался я в несвободном советском обществе максимально свободен, как высланный Солженицын, как сосланный Сахаров, как изгнанный Виктор Некрасов.

Я остался отщепенцем, и посему окончательно отлепился от лживых государственных и общественных мифов, и не прилепился к еще более лживой новой постсоветской мифологии, еще более растленной, не имеющей даже призраков идеального.

Такой же ложкой меда, тогда, можно считать и посадку в 2004-м году, которую выдержали мы с сыном достойно, и так же нас гладили по головке, холили и опекали. И всемерно хвалили. А письма в нашу защиту! – от университетов, Публичной библиотеки, Писательского союза, Научных учреждений! Воистину оправданной была реплика председательши Городского суда: Если бы о нас так написали, можно было бы умирать спокойно!

В семидесятые-восемидесятые годы проходили у меня дома литературно-музыкальные вечера. Публика была возвышенная и романтичная, и каждый из приходивших вспоминает те наши встречи как одни из самых светлых страниц жизни, а для меня они светлые вдвойне, потому что я эти вечера и собирал и проводил. Как не гордиться знакомством и дружбой с такими превосходными людьми, которые к нам приходили?!

Итак, вот уже пять ложек мёду!

Но я сладкоежка, в стакан с чаем я кладу до семи ложек сахара, посему и жизнь моя включила еще немало прекрасного.

Семья и Друзья.

Не причисляю к тому, чем хвастаюсь, свои издательские и литературные опыты, они, скорее, относятся к чайной заварке. И так же мой бесконечный роман с женщиной, сам по себе горько-сладкий, к тому же сравнивать его даже с душистым чаем некстати, скорее уж сравнить его следует с винным источником, подобным водному роднику. Но удавалось ли мне пить из этого источника, и много ли, о сем умолчу.

Культура, которая протекала через меня, как воздух и вода протекают через телесный мир, была вместе с ними третьей ипостасью моей личности, в совокупности они были тем, чем же и для растения, для которого культурой является почва.

Так что вот: судьба, случай, Бог и совместные усилия, мои и тех, кто меня поддерживал, наградили меня жизнью сладкой, сетовать на то, что лично меня в чем-то жизнь и мир обделили, я не смею, поэтому естественно, что что-то хорошее пытаюсь сделать для других.

Пишу теперь длинное Поучение для тех моих читателей, которые одновременно и сами пишут книги. Не могу сказать, что я надеюсь их именно научить: писать, жить или мыслить – но что-то полезное они, надеюсь, из знакомства со мной почерпнут. Я хочу помочь им *видеть*.

2. Оправдание мифа

Как мы уже убедились (или поверили, или предположили), наиболее ясным и всеобъемлющим способом творческого сообщения, соединяющего автора и читателя, является Роман. Он включает в себя и драму, и письмо, и философское исследование, но непременно в центре романа должны быть герои, помимо связывающего их действия, или хотя бы один герой.

Вот я и решил, что в крайнем случае ограничусь я одним героем, которого произведу из себя самого. Оставаясь автором, я выделю из себя свое алтер-эго, свое второе Я, которое будет на меня похоже, будет носить мои врожденные и приобретенные (и даже вымышленные, если понадобится) черты, но совпадать со мною не будет. Объяснить все то, что я теперь излагаю, просто, если воспользоваться уже имеющимися примерами: предвечный Сын Божий, явившись на землю, *вочеловечившись*, стал во всем подобен человеку, кроме грехов (и, возможно, и слабостей, хотя бы некоторых), то есть, конечно, стал человеком, но не отождествился с ним.

Став земным, Спаситель не был, очевидно, уже тождествен и Сыну Божию, хотя богословие рассуждать на эту тему не решается. Но Он разделен в своем существовании натрое: самое подлинное, самое бесспорное его существование, которое не отрицают и атеисты, является существованием в качестве литературного героя Священного Писания и порожденной им литературы, затем существование в качестве прообраза этого героя, в качестве Мифа, предшествующего или порожденного Новым Заветом, того подлинного или воображаемого проповедника, который явился в Палестине две тысячи лет назад, и который породил также значительную литературу, отчасти параллельную Новому Завету: Апокрифы, Предания, художественные произведения, повествующие и о той жизни Иисуса из Галилеи, которая не описывалась в Новом Завете, и, наконец, существование предвечного Сына Божия, земным воплощением которого и явился Иисус Христос.

Образ этой троичности кажется сложным, но для меня он прост, и станет простым для читателя, если читатель отождествит Миф, предшествующий или порожденный Новым Заветом, только с текстом Завета, будет иметь перед своим мысленным взором только Образ Спасителя, данный в тексте, всю же остальную литературу, посвященную земной жизни Христа, Его распятию и воскресению, отнесет к Метафизическому Контексту (более широкому, нежели уже существующий в литературоведении *экстралингвистический* Контекст (выходящий за пределы языковой и связанной с ним ткани художественного произведения), и учитывающий не только эпоху, обстановку и обстоятельства, к которым относится Текст), но и Автора, его жизнь, его творчество, и литературу, порожденную данным Текстом. Таков Контекст произведений Пушкина. Читая его стихи, мы невольно вспоминаем золотой век русской литературы, поэтов «Пушкинской поры» (которая ведь в реальности не существовала, и даже для Герцена была только Николаевской эпохой), и саму жизнь и смерть великого поэта. Так и у Нового Завета есть обширный метафизический Контекст. К нему относятся писания отцов Церкви и первых христианских "философов", часть Богословия, Предания, возможно, и Апокрифы. К Контексту Нового Завета несомненно относится и Ветхий Завет, и многие полагают, что они вместе образуют некий Метатекст, совокупно созидающий Миф о Христе (Спасителе), как бы ни возмущились такому кощунству иудеи, и как бы ни вознегодовали христиане на мои собственные представления – и представления апостола Павла – в рамках которых Новый Завет в известной степени порождается Ветхим Заветом.

Относить ли к Контексту Нового Завета образ Метаистории, Границы и Истории как бытия человека, неотделимого от Метаистории?

Но опустимся на землю и вернемся к вашему скромному автору.

Являясь в книгу, я тоже изменяюсь, я олитературируюсь, не просто переносу в нее свое фотографическое изображение, но забираю с собою часть грехов и все свои слабости (да, возможно, и все свои грехи, но некоторые не называю, а только подразумеваю, или даже, подражая женщине, облекаю в особый туман: они не то есть, не то нет. Вот так, например, когда говорят о женщине, что она с "интересным прошлым", значит ли это, что она была ..., или только, как Наташа Ростова, пыталась спуститься на простынях из окна? Так же и я, напуская туману, заставляю читательницу вздрагивать при виде меня, и следить со страхом – или с тайной надеждой? – точно ли я благонамерен, а не умыкну ли я ее как Бэлу "герой того времени"?

Я не просто переносюсь в книгу, как есть, но вначале мифологизируюсь. Или, лучше сказать, я одновременно начинаю существовать как Миф и как литературный герой вот этого моего Романа с литературой. В настоящей главе я занимаюсь тем, что продолжаю творить Миф о себе. И даже когда я его развенчиваю (как и положено исследователю), я продолжаю его творить.

Волитературившись, я остался почти тот же, что есть, так что обратное вочеловечивание меня в земную жизнь ничего от меня не убавит, каждый сможет сказать: *Се человек!* – как сказал это обо мне охранник тюрьмы, выпуская меня на волю. [*Ессе Ното!* – слова Понтия Пилата об Иисусе Христе]. И я воистину человек во всей его и красе и неприглядности: в неприглядности, потому что проживая достойную жизнь внутри дьявольского государства (а еще Христос сказал, что именно *Дьявол – Князь мира сего*, так что пусть земные власти не пытаются себя обожествлять), среди бедности и болезней, предательств и неудач неизмеримо трудно, и невозможно не испачкать хотя бы одежду; а в красе – потому что удастся прожить даже и достойную жизнь, и если мне самому не всегда, то сколько вокруг меня было таких, восхищающих мое сердце!

Мне не дано накормить тысячи народу тремя хлебами, лечить больных и воскрешать умирающих, восхищать учеников, воскреснуть самому после распятия; зато мне определенно дано, особенно в современной России, быть преданным и распятым, умереть и не воскреснуть. И книги мои выбросят на помойку, и память обо мне будет теплиться только в немногих сердцах.

Но и то, оглядываясь на судьбы своего народа, лучших его детей, я вижу, что жизнь ко мне была милосерднее, чем к большинству из них, а так ли я достоин был, как они? Вспоминаю слова отца Авраамия, игумена Святодухова монастыря: "Мне стыдно, что я живу, когда все мои ровесники умерли! "Вот так же и мне подчас стыдно радоваться своему благополучию. Но да за дьяволом *дело не станет*, уж он не замедлит сравнить меня в страданиях с теми, кто меня несчастнее, и часто мне снятся сны о темницах, истязаниях и расстреле. Хорошо бы на берегу Байкала, как Колчаку, а не в "темных подвалах скользких от крови", как после "Великой" революции.

3. Азбука соединения бытия и сверхбытия

Но да хватит слишком говорить о себе, разве во мне дело? Я не цель повествования, а только средство, только форма, которую избираю для поучения, а лучше сказать, для изложения того, о чем думалось в течение всей моей жизни, но никак не могло систематизироваться – прежде всего, по русской нелюбви к порядку и системе, а во-вторых, по моей личной несобранности, иногда лениности, и часто недостатку знаний.

Но если я нашел теперь удобную форму для изложения своих мыслей, а именно, в виде разговора с самим собою, с моими читательницами, с писателями, которых Бог послал мне для редактирования, для существования меня в качестве Редактора, то в такой форме не так важна система, и не так важна полнота знаний. Нужна цельная картина мира... или хоть не цельная, но соединяющая в себе все самое важное; нужно ясное представление о том, что именно важно, а что неважно. И нужно ясное представление о том, что необходимо рассказать и объяснить моему читателю. Речь не идет об учебнике литературы, о Законе Божьем, о Правилах добра, о полной грамматике русского языка или даже об истории России. Нет, надо рассказать только то, без чего будут шатки основания, на которых автор воздвигает здание своего романа, но все это необходимо изложить без пропусков. Следовательно, прежде чем двинуться дальше, надо перечислить в виде тезисов, о чем я намереваюсь сказать (хотя дело уже идет к середине второй книги, а я только-только опомнился...)

Но не волнуйтесь, братцы мои и сестрицы, я не буду вас учить интегральному и дифференциальному исчислениям, и даже объяснять сущность перехода *количества в качество*, ибо я постепенно и сам перестал понимать, что это такое: быв математиком, я имел дело даже с бесконечными величинами, иногда с бесконечно малыми, иногда с бесконечно большими, но не случилось мне видеть, чтобы вдруг какое-нибудь из этих количеств начинало пропадать и переходить в нечто иное, и даже непостижимые простые числа, например 7 и 13, и те, которые очень велики, например $(13^7 - 7^{13} + 1)$ являются тем, чем являются, неважно, велики они или нет.

Да я учить, пожалуй что, и ничему не буду, опыт жизни показал мне, что я еще никого ничему не научил. Разве что одного из меньших братьев своих научил читать. Поэтому в своем сочинении ограничусь изложением Азбуки и Таблицы умножения.

И к Азбуке отнесу я следующее.

Есть ли Бог?

[Слава Богу, об этом я уже написал. В том бытии, в котором существуют пространство, Время и Материя, Он и есть и нет, есть только в той мере, в какой нисходит из Инобытия, Сверхбытия в Бытие. Есть или на границе двух миров, куда смертный может подняться в духовном возвышении, или является в Чуде, потому что всякое явление Бога в мир – Чудо, а не естественное событие, подобное полету *падающей звезды*.

Но это, к счастью, не все. Бог и проникает наш мир как *Дух святой*, не отменяя Законы, по которым движутся кометы, а лишь дополняя естествен-

ный мир на нечто отчасти естественное, отчасти сверхъестественное, то есть дополняя его на противостояние Красоты и Безобразности, Добра и Зла, Свободы и Необходимости, Воли и Долга.

А выходят ли они за границы естественного, нельзя ни доказать, ни опровергнуть, потому что математика и физика описывают только естественный мир, но не взвешивают и не измеряют душу, доказательство же – это математическое рассуждение, показывающее, что утверждение согласно с системой ранее принятых аксиом (хотя и согласных с нашей интуицией и здравым смыслом, но требующих отчасти и веры).

"Но можно проверить" – говорит отец Зосима. И это верно, если есть орган для проверки, назовем его *зрением*. Если есть *духовные* очи и способность видеть. Иначе, например, не сведущий в математике может ли проверить, является ли то странное число в скобках, которое я привел выше, простым числом? является ли красота мира доказательством бытия божьего, и в звуках музыки содержится ли что-нибудь кроме колебаний воздуха? А кто-то скажет, что и ветер не более чем такие колебания, и спорить бессмысленно, мы по разному воспринимаем и переживаем то, что нам предстает. Орган, с помощью которого мы в состоянии воспринимать духовный мир, я метафорически назвал духовными очами, как и *духовное* зрение – это метафора. Итак, существуем ли мы в мире определенно естественном, "состоящем из атомов", или он дополняется миром духовным, а сверх того, *существует* еще граница перехода к сверхбытию, которое не конструируется с помощью силлогизмов, ибо *не существует*, определяется только способностью *видеть* и тем состоянием, в котором пребывает наша душа. Самое простое, с чем сталкивается всякий, это *Преображение*: влюбившись, мужчина видит женщину совершенно иначе, чем прежде, она становится прекрасной, а с нею и мир, и он узнаёт, что это не мираж, а то пресное и скучное видение мира, которое было прежде, вот именно оно – мираж! Разве это можно доказать? Нет, надо пережить!]

Итак, не будем больше рассуждать о том, есть ли *Бог и Дух святой*, существуют ли *красота, добро, истина, справедливость, свобода, любовь и смысл бытия*. Мы должны измениться, чтобы они начали существовать. Пока мы прежние, со старой землей и старым небом, их нет. И только когда мы изменяемся, под влиянием любви или веры, страдания или чуда, красота, добро, истина, справедливость, свобода проявляются в мире, начинают существовать. Прежде их нет. Ну как и на фотографической пластинке нет изображения, пока мы не опустим ее в проявитель.

4. Личность и сверхличное.

Но есть ли все то, что я перечислил, только само по себе, независимо ни от чего, только *объективно*, может быть, независимо и от пространства и от времени, и от логики и от математики, не говоря уж о литературе?

Любители умалять и уничтожать человека, особенно в сопоставлении его с божеством, восклицают о божестве *ах!*, возводя очи горé и поминая бесконечность, непостижимость и всемогущество Бога, и опускают очи долу

и даже сплевывают, цедя сквозь зубы нечто непечатное, как только заходит речь о человеке, утверждая его ничтожность, презренность, низость и мерзость! Но и Бог и человек существуют только в человеке, в его рассуждениях, ощущениях, представлениях и образах, все, что есть и даже то, чего нет, или чувственно осязаемо, или умопостигаемо, или и то и другое, и даже сам судия человека существует постольку, поскольку есть спорящие с ним или с ним соглашающиеся. Весь *объективный мир* и даже Бог даже не знаю, остаются ли существующими, когда нет человека, ибо человек в целом – это орган для восприятия и мира и Бога. Если человека создал Бог, то он уж позаботился о том, чтобы орган для восприятия Его бесконечности, непостижимости и всемогущества был достаточно адекватен Его атрибутам, и даже способен был почувствовать, помыслить и оценить нечто и превосходящее те простые качества божества, которые мы перечислили, то есть еще и красоту, и милосердие, и возвышенность, и истинность, и святость, и исходящее из него добро, понимание, *благодать Божию*. Философы и богословы, утверждающие низость и мерзость человека и отсутствие связи (то есть религии) между Богом и человеком, в лучшем случае просто *бездарны*, духовно пусты, в худшем – одержимы дьяволом. И неважно, авторитетны ли они в истории церкви, занимали ли они престол папы, патриарха, богослова или просто несчастны в личной жизни, обижены на человеческий род, или даже еще проще, только в том дело, эти презренные ... *не дают*, ведьмы, сосуды Дявола, да, возможно, и не дают-то по его наущению. Что мировоззрение и даже религиозность стоят в прямой связи с взаимоотношением полов, показано без меня хотя бы и Розановым, и следует из "Писем о девственности" ее глашатая (тьфу, забыл его имя!).

Какие злобные сочинения у революционного вождя, которому даже молоко давали в тюрьме Большого дома (ну, тогда она была просто тюрьмой, а большевики обнесли ее своим главным домом, я в ней сидел, по соседству с его камерой, ныне превращенной в музей). У него и кровать была, а не нары, и даже стол и стулья. А потом, в ссылке, он жил как в санатории, получал от правительства пособие и охотился на зайцев (по воспоминаниям Крупской).

А как светел и солнечен роман о Дон-Кихоте, написанный тоже в тюрьме! Как светла Роза мира Даниила Андреева, которую он во Владимирском центре писал на клочках бумаги и прятал их в наволочку, а большей частью запоминал! И хотя и в моих сочинениях много желчи и ненависти, но источник их в любви к России, культуре и униженному человеку. Даже и Бог для меня вторичен сравнительно с человеком.

Вот что не надо забывать: *объективное дано через субъективное*, даже не только через личность, но и через *отдельного*, индивидуальность, потому-то полно мир предстаёт через литературу, но не через науку и философию. Более того, мир и *предстает* (а значит, и существует) только через человека, причем через *отдельного*, индивидуальность. Вне сознания, быть может, могли бы мы утверждать, что существует хоть нечто, если бы без сознания хоть нечто могли бы мы утверждать. Существование начинается с акта мышления, и то единственное, что Я достоверно знаю, это что Я существую (Декарт).

Личность и индивидуальность не только в центре литературы, они, как мы видим, и в центре бытия. Можно сказать, что как писатель сочиняет роман, так человек создает мир. Мы не родились в нем, не выбросило нас в мир из небытия на необитаемый остров, а мы существуем в мире, который мы создали – нашей деятельностью, нашим творчеством, даже тем, что мы *возделывали почву*, а затем и весь мир, *созидавая культуру* (от лат. **cultura**, *colo*, *colere* – возделывание). Бог создал человека и природу как источник для творчества. Быть может, Он продолжает возделывать мир, но уже несомненно в сотрудничестве с человеком.

И прежде чем продолжать мою Азбуку, я должен остановиться, чтобы оглядеть все то, что мы имеем. А имеем мы прежде всего самих себя и человека. Но и все окружающее нас, что я называю *сверхличным*, к чему относятся Природа, Культура и Язык; хотя в своей непосредственной предметности они проистекают не из абстрактного нечего (или ничто), они не отделены от конкретного человека, они не только *сверхличны*, но и *личны* в той же степени, как каждый человек сам для себя.

Так что можно сказать, что ЛИЧНОСТЬ не заканчивается на Я, она *вмещает* в себя все то, что это Я формирует, прежде всего ПОЛ.

Но затем *Личность вмещает в себя еще и Семью, Народ, Язык, Культуру и Природу*. Вот что вместе является Личностью. Входят ли в личность другие народы, входит ли человечество, Бог, Солнечная система, Млечный путь, Космос? В некоторой степени входит все, как в тело входит и одежда, она продолжает и ограничивает тело, отделяет его от всего, что вне, хотя, как вы понимаете, входит не так неотделимо, как рука и нога.

Так же только частично входят в личность человечество и Бог (о, как удивится читатель, столько уже услышавший о Нем от меня!)

5. Бог, Народ, Личность.

Мы чуть ли не переполнены формулами-афоризмами великих людей, уставляем полки томами, вводящими нас в «мир мудрых мыслей» (к счастью, их не читая), и наивно полагаем, что в них столько же мудрости, как и в пословицах и поговорках, хотя, чаще всего, это бессодержательные общие места, подобные тому, что А есть А (если не хуже).

Так что естественно, наконец, задуматься, справедливо ли, что «*Бог есть все во всем*» и *Человек – это звучит... гордо...* (хотя это никак не звучит)? Множество сентенций подобного рода только бессодержательная схоластика, и красивость им создается неким контекстом, который мы воображаем. Но сами по себе они необходимого и достаточного контекста не влекут.

Действительно ли Бог (или, лучше сказать, Дух) пронизывает собою и содержится *во всём*? Пронизывает ли он материю? Он содержится в Природе и содержит ее в себе, именно он делает ее природой, то есть живую, хотя бы отчасти, как горы на Земле. Он содержится во внешнем и обнаруживается через восприятие, переживание и взаимодействие, хотя, по-видимому, прежде всего он содержится во внутреннем, ибо «царствие небесное внутри нас есть». Но справедливо ли мыслить его содержащимся в материи – и как тогда мы

будем мыслить материю, ту материю, которая является объектом исследования для математики, физики и химии, и ими исследуется только как материя и постольку, поскольку является именно материей, а не чем-то еще? Если в ней мы обнаруживаем (в восприятии? в размышлении?) нечто другое, то уже и будем иметь дело с этим другим, и с уже другою материей, не той, которая предстает перед физиком? В предстоящей же перед физиком материя та же самая, что и перед Демокритом (во всяком случае, не более чудесная и не более божественная). Еще хуже дело с тем *всем*, что во *всём*. Что это такое *всё*, которое содержится и в том, и в другом, причем так, что в том уже почти ничего и не остается, кроме Бога, и напрасно суетятся физики? Этого, конечно, никто не знает, ни физики, ни богословы!

Ах, какая путаница понятий в умах! Кто-то скажет, что вот ведь и природа материальна, а вы же говорите, что в ней дышит дух, или вот человек... Но дух дышит в природе и в человеке, но не в материи.

Впрочем, достаточно для сего.

«Общие фразы», претендующие на универсальность, когда-то увлекали и меня. Наверное, классе в пятом и я восклицал с будущими комсомольцами, что «человек звучит... гордо...», не задумываясь о контексте, потом уже в тюрьме мне объяснили, что речь идет о человеках, избранных для того, чтобы гордо звучать, как и Христос, пришедший, казалось бы, спасти всякого человека, позже, когда и хананеянка прикоснулась к Его одежде, чтобы спасти свою дочь, объяснил ей, что «нехорошо отнять хлеб у детей и бросить собакам», так как Он «был послан только к потерянным овцам народа Израиля». «Да, Господин мой, но и собаки едят крошки, которые падают со стола хозяев, – ответила она». «Велика твоя вера, женщина, – сказал ей тогда Иисус. – Пусть будет тебе то, чего ты хочешь. И в тот же миг дочь ее выздоровела».

Но мы опять ушли в сторону... (Хотя, впрочем, как говорила моя мама, «кто прямо ходит, тот дома не ночует!»)

Личность и индивидуальность не только в центре литературы, они и в центре бытия – утверждаю я крамольную мысль. А как же государство, язык, народ, культура, Европа и человечество?

Личность и вмещает в себя Пол, Семью, Народ, Язык, Культуру и Природу – и вмещается в них сама, она их часть. Но писателю важно утвердить (а справедливо сие или нет – не важно), что личность *первична*, производит из себя все остальное, именно в ней источник, и именно потому черты личности находим мы в *Семье, Народе и Природе* (вспомним стихии Даниила Андреева, да вспомним хотя бы собственное детство и наш восторг и наше говорение с природой как с близким другом!) А что Народ – личность, о том повествуют история и Культура, и только слепые не видят и глухие не слышат. Личностью является и семья, и она не ограничивается мужем и женой, и родителями и детьми, но включает в той или иной мере в себя и других родных и друзей, причем враги бывают у нас и среди родных. Вот точно также и народ выбирает себе друзей (и врагов) независимо от родственных отношений с другими народами, но при этом существует связь, независимая от ссор и обид, войн и примирений, связь, которая формирует судьбу, хотя мы часто этого не понимаем – это *общность культуры*.

Поэтому – через культуру – в наше Я входит Европа, ее история, входит Античность и Эллинский и Римский мир, а затем и Галлия, и Германия, и Италия, и Просвещение, и Новое время. Русский человек принадлежит Европе, а не Азии и Евразии, даже если он, русский, родился среди нивхов и сам из их племени (у меня был товарищ, кореец, родившийся в Средней Азии, среди корейцев, сосланных туда советской властью с Дальнего Востока. Наконец он решил съездить на «историческую родину», в Северную Корею, вернулся, его здесь отпоили спиртом и бражкой, и все то, что я толковываю о национальных корнях, что они в первую очередь в языке и культуре, затем в тех преданиях, и в той памяти, которую Я считает своими, а затем уже, если еще остается места, и в племенной принадлежности – он познал и понял воочию).

Национальное – необходимая часть личности, личность без национального не только неполна, но даже ущербна. (Так же ущербна личность без *пола*). Ну а что мужчина может в себе подобном находить свою недостающую половину, это я не буду ни обсуждать ни даже комментировать. Вот так же есть люди, испытывающие потребность в воровстве. Мне это непостижимее, чем если бы планеты сошли со своих орбит, а небесная твердь упала на Землю. Сущность полноценного человека и Бога я понимаю и могу объяснить глубже, чем сущность ущерба, отклонения и исключения. Быть может, когда-нибудь я в этом что-то пойму. Но теперь – не понимаю совсем ничего).

Но почему личность отказывается от народа, от привязанности к нему, от духовной, душевной и плотской с ним связи, я понимаю лучше, хотя не смею думать, что знаю все частные случаи (как и во всем остальном). Частными случаями (но и общими тоже) занимается литература, мой же Роман еще не совсем полноценен, в нем есть вполне определенный автор (правда, вся писательская и философская гильдия тоже его создают, большая часть всего разумного, глубокомысленного и производящего впечатление заимствуется мной у Великих, и я на них ссылаюсь, а по окончании своего Романа, вероятно, напишу особенную главу, в которой поименую снова их всех, от апостола Павла, Платона и Аристотеля до Бердяева и Ортеги-и-Гассета); в нем есть героиня, которая отнеслась ко мне не слишком милосердно, то есть "дала от ворот поворот" – это не кто иная, как литература, которой я воздаю, напротив, не только по заслугам, но и восхваляю, произвожу и в богини даже и ставлю на пьедестал; в нем есть и положительный герой, Миф обо мне самом. Но отрицательного героя нет, поэтому я плохо понимаю, каково это: не иметь пола, не бегать за вертихвостками; не чувствовать своей связи с тем, что обнимает меня собою, то есть с народом и культурой; не иметь духовных оснований своей жизни ни в чем, кроме неживой материи; не иметь идеалов и не пытаться приблизиться к ним.

Итак, полноценный человек связан с народом (или хотя бы с идеей нации) и с культурой, которая также национальна. Он связан и с Богом, *неотделимым от народа*... но тут я останавливаюсь, потому что сие и так и не так, и вообще гораздо сложнее, чем наша связь с более видимым, более осязаемым проявлением народа, то есть с государством.

Действительно, русский народ вступал в брак с тремя религиями-Богами, он был и язычником (и с язычеством продолжает поддерживать "преступную" связь доньне, хотя и сочетался законным браком с христианством – а уж как оно было ревниво, как пыталось его от язычества отвадить!); тысячу лет состоял он в браке с ревнивым христианством, затем ему изменил, выгнал из дому, да и дом пустил по миру, подожгя со всех четырех сторон, а сам связался с заморской принцессой, марксистским *научным* вероучением. Принцесса его обманула, разорила, выгнала из дому, с горя он бросился в объятия бывшей законной жены, но живут они теперь, по новым обычаям, втроем, еще привели в дом нахлебника, криминально-олигархическую власть, и дом ему отписали, и все имущество.

Кажется, богословские проблемы мы уже все решили (да ведь я и прежде обо всем этом писал не раз), и нам теперь ясно, что Бога нет (в том смысле, в каком есть Уральские горы, которые можно пощупать), или что он миф (почти как гомеровская Троя), или что он существует так же, как дух и душа – и неотделим от них, и преимущественно существует внутри человека, как любовь и как вера, то есть вместе с душой и культурой; и пронизает сущее, как поле тяготения Земли, но не входит в состав атомов и электронов и не подчиняется науке. И так далее...

Он и личность и безличное. И основание духа и сам дух. И источник сознания и логики и сверх них. И создатель человека и мира и обнаруживается только через человека. Более того, будучи созданием, человек и творит Бога – внутри мифа и культуры. (Но ведь так же и духовный мир – он принадлежит сущему, он заключен в нем онтологически, нелепо думать, что человек развился из инфузории, и дух развился из человека: нет, и логика и математика неотделимы от бытия, потому и человек существует, что они уже есть искони, а НЕ придуманы человеком – но в то же время Культура создается человеком, и она и есть форма существования духовного.)

Итак, как от человека не отделить дух и культуру, так и Бога. Но когда человек в культуре укоренен, ее чувствует и понимает, мы говорим о нем: культурный, образованный. И много культуры не бывает. Но если человек чувствует присутствие Бога, понимает, о чем идет речь, когда читает Священное Писание или Махабхарату, влюбляется, пьет с друзьями, устраивает революции, заводит семью, ходит на работу, в театр и к любовнице, вспахивает поле, строит дом, делает множество и других вещей, да к тому же еще пишет книги, его Бог не мешает ему жить, а так же и нам. Но если он с утра до ночи бродит по улицам и пристает к прохожим с «божественными» истинами, не ест и не пашет, бросил жену и друзей, то Бога у него чрезмерно много. Посему надо меру знать и мне. Чтобы не превратиться в проповедника, святошу, безумца. Но так как еще существует и церковь, монастыри и храмы, вера и идеология, существует духовенство как сословие, государство как пристройка церкви или церковь как пристройка государства, насущные проблемы российского бытия и грозящая России погибель, то хотя все то, что я сказал, верно, но рано мне еще отлепляться от рассуждений о взаимоотношениях личности, государства, религии и церкви.

6. Ущербный народ и неправильный Бог.

Но так как и я еще жив, и литература жива, хотя уже никто ей свиданий не назначает (кроме меня), то продолжу наш роман. И о Боге не все еще я сказал, и о народе.

Народ не един, разделен, многословен. Среди него немало ущербных, злых, жадных, завистливых и дурных, есть и предатели, и трусы, отступники и враги, слуги Дьявола и преисподней. Есть те, кто за тридцать сребреников продаст не только Христа, но и мать родную, есть продающиеся – жаждающие чужой крови, жаждающие чужого имущества, есть осквернители – эти хуже всех. Но одно меня утешает – говорят некие знающие, что будто бы вот эта вся накипь, вся эта грязь и скверна людская составляет в народе только двадцатую часть. Да сюда же входят, будто бы, и жадные к власти, а среди них и революционеры и блудницы, но последних (и бунтарей и не следующих морали) я бы не стал присоединять к "скверне людской", они входят во всеобщую часть народа. Из бунтарей вырастают к зрелым годам консерваторы, как, например, из бывшего народовольца Л. А. Тихомирова возник автор "Монархической государственности", а из блудниц святые, дуэньи и настоятельницы монастырей (да даже, говорят, и верные жены). Вот только из воров и жадных к власти не вырастает ничего путного.

Следовательно, и отбросим их от народа, ту двадцатую часть, их исправить уже нельзя (но, впрочем, пусть об этом судят писатели, им виднее, если я что и знаю, так у них же и научился).

И все же и остающийся народ не вызывает моей любви, а часто презрение, подчас и ненависть. Как бы мог смотреть на немецкий народ ученый или философ, изгнанный из Германии, когда вся немецкая людская масса встала в упоении на колени пред Гитлером? И как могу относиться к русскому народу я сам, когда этот народ, обезумев, сначала перебил всех умных, а потом и всех трудолюбивых крестьян (зато теперь некий предприниматель, основавший хозяйство в Тверской губернии, возит русских работников из Эстонии, а местные работать на него не хотят: он их нанял, они проработали у него неделю, получили столько, сколько не зарабатывали за год, и запили на месяц, да, говорят, нам больше не надо. Можете еще прочитать о том же самом в романе Троицкой "Сиверсия", как ненавидят русские работающие люди); а теперь все еще поклоняется "усатому" Вельзевулу.

Не вызывает моей любви русский народ, и не знаю, стал бы я спасать его погибших овец (дома Израилева), если бы мне была дана сила спасения, а не пошел бы сразу к хананеям? Но, к счастью, вспоминаю я поучение моего университетского товарища Вадима Салова о том, что народ делится на две неравные части: одна, меньшая, сосредоточивает в себе дух народа, другая, бóльшая – его психологию. И те, кто пошел за Гитлером, это немецкий плебс, но не народ Лютера, Лейбница, Канта, Фихте, Гете, Бетховена и Вагнера. И поклонники "корифея всех времен и народов" (только так его и называли) – это тоже русские смерды, но не мой "Малый народ", народ Пушкина, Толстого, Достоевского, Герцена, Колчака и Николая Вавилова (и всех замученных, погибших от пули и голода).

Кстати, читаю на днях одного умного журналиста, и он пишет, что если кандидат на выборах вызывает к мыслящим людям, то он проиграет, потому что *большинство* исповедует другие ценности, именно те же, за что и древнеримский плебс: "Хлеба и зрелищ!" и «голосует сердцем или желудком». Слова Иисуса Христа, что "Не хлебом единым жив человек!", найдут отклик у незначительного меньшинства – в каком же смысле европейские народы, и русский в том числе, считали себя христианскими, если подавляющее большинство народа христианами не было?

Не вызывает моей любви русский "Большой народ", я принадлежу к той другой его части, которую называю "малым народом", к народу творческому, культурному, разделяющему пафос упомянутых слов Христа. Возможно, как у человека есть тело и душа, так и народ делится на Большой (тело) и Малый (душу), и демократия – это противоестественная власть телесного в человеке над духовным. Так что если мы устроим голосование, то по всем пунктам проиграем. Хотя история народов, это, несомненно, история именно "малых народов", среди них поэты, ученые, подвижники и герои, Жанны Д'Арк, Франциски Ассизские, Суворовы, Сергии Радонежские, Бетховены и Скрябины, Дон-Кихоты и Карамазовы.

Но я родился в нищей деревне, и сострадал всем. Разве не всех обещал я спасти, когда ко мне являлись ангелы? Я учился в прекрасной школе, но и в ней успевали не все ученики, и я помогал отстающим. А когда был учителем, разве не сидел я с ними дольше, чем с отличниками? И разве не из сострадания влюбился я в замурзанную девчонку, у которой достоинств было только то, что она чистила картошку так, как балерина танцует? Я окружил ее заботой, и на удивление всему классу она стала лучшей, и расцвела, и начала учить стихи, а мной помыкать (и я был счастлив тем, что она так вознеслась, что она стала среди тех других небожительниц, которые помыкали мною, потому что уже были изначально красавицами).

Остается только вздохнуть и развести руками, ибо время протекает у меня между пальцев, и если я не отвечу на свои вопросы, то уже не исполню тех надежд, которые я возлагал на себя – вместе с ангелами...

Человек неотделим от народа, от малого ли, большого, даже презренный вор держится за свой воровской народ, но не живет в одиночку. И хотя талантливому человеку кажется, что он самодостаточен, что ему даже не нужно, чтобы его слушали и читали, но разве я не радуюсь, когда мои три читательницы (и сами ведь пишущие романы) меня читают и шлют мне хвалебные письма?

Человек неотделим от народа, в народе он нуждается больше, чем в Боге... нет, впрочем, это не совсем так... Личный Бог и личная вера есть у каждого, даже если это вера в химеру, даже если этот бог – усатый дьявол. Но не будем отождествлять и смешивать религиозное учение с ОБРАЗОМ БОЖЕСТВА. Божество синкретично, почти бессознательно, интуитивно и трансцендентно (как образ той, к которой пылаем мы страстью). Вероучение (особенно если это "диалектический материализм" или еще какая-нибудь ахинея) стремится к осознанию. Божество даже может не совпадать с тем

образом Бога, который дается в религиозном мифе. В центре христианства Троица, то есть Бог отец, Бог сын и Бог дух святой, но верующий человек, например, крестьянин (а они по большей части не читали Библии) поклоняется Господу Иисусу Христу, Спасителю, и забывает, что есть еще над Ним и начальники.

Многие же, полагаящие себя христианами, молятся и поклоняются Богородице, которая вовсе не является богиней, например, Надежда Толоконникова с подругами пропели свою знаменитую (в форме знаменного распева, как пишет священник Глеб Якунин, защищающий их) молитву так: «*Богородица, Путина прогони!*»

Народ – тоже личность, хотя и особая личность. У него есть тело, слагающие его этносы, которые могут даже не принадлежать к одной расе, как у болгар. Есть культура и народный дух и народная психология, которые даже могут противостоять друг другу, как у русских. Есть государство... Есть религия и церковь... И бывает даже так, что у одного народа два государства – вот теперь, например, у корейцев, у китайцев; и отчасти с натяжкой, можно считать, что Канадский Квебек – это второе государство у французов. Бывает даже так, что у одного народа несколько языков (как у евреев) и две или три религии (как у хорватов и ирландцев). Да ведь и у русских староверы – отдельная церковь и отдельная вера...

Но преимущественно, прежде всего потому, что религия и церковь соединились с государственной властью, народ становился единоверным, и русские до середины семнадцатого века были единоверными православными. Ну а потом пошло-поехало... А с начала двадцатого столетия остался ли русский народ христианским, уже нельзя утверждать, и сегодняшний ренессанс христианства очень поверхностен.

В нашем Средневековье русских почти и не было, и еще в девятнадцатом столетии русские (например, крестьяне) говорили о себе *православный*, и только образованные (скажем, Пушкин и Чаадаев) называли себя *русский*. Потом, в Первую отечественную войну, мы стали, наконец, все русскими, но с приходом советской власти эта потребность отречения от национальной принадлежности в пользу религиозной или идеологической восстановилась, Россия заменилась на Советский союз, а *русские* на *советских*. И, кстати, и еврейские погромы до революции устраивались не под лозунгом "русские против еврейских", а – "православные против иудеев" (так очевидно это у Куприна в Гамбринусе, когда гонимый спрашивает у православного гонителя: *За сколько* – то есть, за какую сумму он *стал* русским), как и русские погромы после революции именовались раскулачиваниями, "чистками" и всякими другими именами.

Чувство принадлежности к своему народу может быть и нелюбовью, как у меня. Но я принадлежу к русской культуре, неотделим от русского языка и героической и трагической истории народа, я принадлежу к русскому "малому народу", который я объявляю единственно подлинно русским, а "большой народ" объявляю самозванцем.

Но все еще «*мучаюсь, что не пойму, куда несет нас рок событий!*»

И вдруг я подумал: Васька, ну ты же умный парень, ну что ты воду толчешь в ступе! Ну ведь все это не самое важное, то, что ты пишешь, а даже совсем не важное! И сам это знаешь. И что важно, тоже знаешь. Так и пиши об этом!

Разве дело в том, есть Бог или нет его, и где Он, здесь или там?

Те, кто думает, что Он есть, возможно, идут (если идут) куда надо. Но одного думанья недостаточно. Надо еще книги читать, музыку слушать, людям помогать, Россию спасать. Все остальное неважно.

А кто думает, что его нет – так с этих и спросу нет. Им то же самое нужно делать, что и первым, а там будет видно.

И, наконец, сомневающиеся... И этим надо делать что первым, а жизнь, возможно, покажет, что дальше... Нет, должна показать, если не заваливаться в зимнюю спячку, как Обломов.

Вот ведь Уральские горы существуют точно, и мы жадно расспрашиваем путешественников: какие они?

Они рассказывают, а мне как-то не так... Нет, эти ученики Будды и ученики Христа бродили где-то по самым южным отрогам гор, где уже одна пустыня. Не нравятся мне такие Уральские горы!

Так разве Будда или Христос предъявляют претензии к нам? Это инквизиторы или чекисты или из духовной полиции приходят: А ты почему Маркса не читаешь? И по Закону Божьему у тебя двойка?! И к реинкарнации не подготовился! А вот мы тебе сейчас всыпим, "десять лет без права переписки"!

Проблема не в том, есть ли Уральские горы, а – КАКОВЫ ОНИ? Подходят ли нам? Можно ли с ними по человечески поговорить, помощи какой-никакой хоть на малых деток получить, выпить с горя, утешиться? Моя жена на Богородицу крестится, спасибо, говорит, что дошли (верит, что она помогала, пока мы шли!), и я верю, что помогала, и что она хорошая, благодатная, ни в вар нас не затащит, ни лбом об пол биться не заставит, да и бóльшая часть русского народу (всякого) ей поклоняется. А о ней вообще у путешественников ничего не сказано, но сравниваю ее с апостолом Павлом – нет, она лучше! Во-первых, правильно или неправильно, но родила! Да и потом, возможно, рождала, притом правильно. (И кощунства в таком рассуждении я не вижу, Будда родился как все, разве он этим умалён?)

Да, еще раз: В отличие от ревностных учеников (самозванцев, присвоивших себе **право** вещать и учить и наказывать от имени Бога) ни Будда ни Христос в тюрьму нас не сажают за то, что мы якобы не так молимся. Нет, Толоконникова молилась так как надо, но придурки и злоумышленники и негодяи, догладывающие уже Россию от имени Бога, легитимного якобы Царя и от имени Отечества, ее гонят за имя Богородицы, как гнали недавно за имя Христа (опомнились. Умнее от его имени грабить, чем за имя Его гнать).

Итак, не в том дело, есть ли Бог – Он есть! – а в том, каков Он!

Но его надо разумно исследовать (как особые решения сложного диф-

ференциального уравнения, как это удавалось, например, Ньютону и Лагранжу), разумно и возвышенно описать (как Пушкину в Пророке и Лермонтову), его надо научиться видеть и чувствовать.

Я вот тоже пеняю ему каждый день, а Он, бывало, не выдержит, и говорит: Дурак ты, Васька, уж сколько на тебя я сил потратил! Я где только с тобой рядом не сидел?! Слушаешь ты музыку, Машенька и Полина исторгают божественные звуки, и ты даже плачешь от восторга и счастья – так ведь Божественные же звуки они исторгают, так ведь через Меня же сие!!!

И еще более важное. Бог еще создается в мифотворчестве, как Илиада и Одиссея Гомера.

Он нам говорит: Я создал человека, теперь мы вместе должны создать нам общего Бога.

Ведь и самые упертые в полноте и священности Писания богословы признают, что творение Бога еще не закончилось, и сами продолжают Его творить: и Ориген, и Тертуллиан, и Дионисий Ареопагит, и Иоанн Златоуст, и даже Лютер, и наш протопоп Аввакум, и протодьякон Кураев, и священник Глеб Якунин. И тем более Надежда Толоконникова!

Если бы Христос полагал, что больше ничего не надо делать, а только молиться и ждать Его второго пришествия, то зачем бы он лечил, и иногда кормил, и даже воскрешал? Да и Карл Маркс, которого я отверг для апостола Павла, ближе к Христу, чем христиане, ибо он учил: *Философы (и богословы) лишь различным образом объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы его преобразить.*

Для этого надо продолжить творение Бога, как продолжаем мы математику и философию и литературу.

Итак, Бог есть, Он нам уже представлен в мифах, и мы их изучаем.

Да, поговорим к примеру о женщине. Она точно есть, и спорить не надо. И вот я влюбился, и бегаю за ней, и цветы ношу, и молюсь, и на коленях стою и стихи сочиняю. Наконец, когда она меня уже вконец измучила, спрашиваю себя: Да точно ли она такова, как я ее вообразил? Да так ли она умна? Так ли красива? Милосердна? Работяща? Нарожает ли она мне детей? Или в монастыре придется век коротать?

Может быть, лучше ее прогнать, поискать другую? Другую сотворить в грезах и снах, в стихах и философии и в литературе?

А эту отдать другим? Как другим отдали мы Будду! Конфуция. Лао-Цзы. Теперь даже Маркса.

Бог чаще всего неопределенен, абстрактен, безличен. Но вочеловечивают Его поклонники его и последователи скоро. И Бог марксизма был безличен, научная философия не имела очертаний и даже марксовой бороды. Но да ведь тут же начали поклоняться этой Тео-научной «философии» в образе сначала лысого, потом усатого. А если добавить к ним бородатого, то поклонялся наш советско-русский народ новой Троице. Разве не кошунством были такие мои рассуждения для этого народа? Да за это меня трижды расстрелять требовали иные. Уверен, и теперь новая инквизиция потребует меня сварить живьем.

И нужен ли мне такой народ? Пусть, быть может, остается он со своим царем, со своим прикормленным Богом, со своею паленою водкой, уничтоженной природой и вымирающим населением... Да еще скоро нефть кончится... Тело без головы, тело, ненавидящее голову, не только безобразно, но и ужасно!

Но и голова, потерявшая тело, бездейственна.

«С того и мучаюсь, что не пойму, куда несет нас рок событий!»

Всё, кажется, я себе объяснил. Мне нужен новый Бог. Только я его создать не сумею, Он должен мне в этом помочь. Он должен хотя бы со мной разговаривать!

Эх, Васька! – слышу я слабый голос. – Это не я замолчал, а ты перестал слышать. Как и твой народ.

На такой грустной ноте вернусь я к евреям.

7. Правильный народ и народный Бог.

Самые сложные отношения с религией и Богом у евреев. Этот народ по их вероучению *богоизбранный*, он единственный, к которому пришел Бог и который сказал о себе: Я Бог Израиля. И даже Христос заявлял, что он *пришел только к своему народу* (ибо разве Он не сын еврейского Бога?). Еврей – это иудей, человек, принимающий религию *богоизбранного* народа, и в древности не разделялся еврей и иудей, это было одно.

Так народ ли – *богоизбранный* народ, или, может быть, религиозное братство, община, партия? Ибо и предания, и право, и литература входили всецело в состав их вероучения, казалось, что вне его жизнь не должна была существовать; как позже это произошло с марксизмом: хотя и существовали отдельно от него театр и семья, но они должны были каждый шаг свой сверять с догмами Учения (и русский народ представлял из себя большевистскую партию, ибо весь остальной народ *обрекался* с ней на единство). Конечно, это все же народ, причем дающий пример другим народам своей преданностью вере отцов, но народ своеобразный, народ – религиозная секта, *народ-церковь*! Сходства немало в устройстве такого народа с проектом Государства у Платона, с мечтаниями Достоевского о теократическом государстве, с практикой устройства старообрядческих общин. По типу этого народа строились и первые христианские общины. И Европа и Россия сегодня совершенно другие, но дело в том, что античность проросла сквозь христианские одежды Европы, мечты о создании Нового Израиля не осуществились, как не осуществились в России большевистские мечты о построении Царствия Божия в будущих поколениях.

Человек и народ не одно и то же и, как видно, Бог приходит к народу, а не к человеку, если же Он приходит к человеку, то тот растворяется в народе-общине как растворились апостолы, отказавшиеся от личной жизни. (Да и Христос, вочеловечившись, не стал как человек-личность, он не только не испытал земной любви к женщине, но он и не завел семью, не родил детей, и даже однажды сказал ужасные слова (а пришли к нему мать и братья и сестры): *Кто моя семья? Это мои ученики!*

Сквозь образ иудейского Бога проступают странные черты, их различить удается, объединяя Отца и Сына и смотря на них вместе (не важно, что Христос не принят иудеями – но пришел-то Он к ним!!! Это апостол Павел, ЕДИНСТВЕННЫЙ из апостолов, начал доказывать, вопреки очевидности, что Христос пришел именно к язычникам – перечтите Новый Завет!)

Ветхий Завет и Народ Израиля неотделимы один от другого. Этот народ и его Бог – одно. И его древнее государство – это воплотившаяся теократия, *Государство-Церковь*, (как и советская власть в советской России, вымечтанная, проповеданная и утвержденная не евреями вовсе, но русскими, ибо русский народ и есть тот древний народ Израиля. Новый же еврейский народ, отчасти изменившийся за две тысячи лет, создал капитализм и секулярные государства Европы, свободные от религии и церкви).

Но и Новый Завет – некое странное дополнение и продолжение Ветхого Завета. Он и написан иудеями (то есть принадлежащими к религии отцов, ревностными прихожанами синагоги), и вместе с Учителем они никогда от религии отцов не отказывались (может быть, только у Павла сквозит горькое разочарование в своих соплеменниках. Так ведь и я разочарован в русском народе, как Печерин, как Герцен, как Чаадаев, как Пушкин, как Лермонтов, но от этого не перестаю быть русским, а еще более в русскости утверждаюсь.)

Многое начинаешь понимать в Израиле, перечитывая Дневник писателя Достоевского, особенно его мечты о Новом Израиле (а его какой-то бытовой антисемитизм здесь совершенно незначаш. Как и его нелюбовь к французам и полякам. Я, кстати, тоже не люблю то одних, то других, то третьих, теперь вот почти ненавижу русских! Ибо я настоящий писатель – неважно, насколько талантливый, и эта ссылющаяся "толерантность" мне просто омерзительна, она неотделима от призыва к мужчинам возлечь с мужчинами рядом не на поле брани, хотя бы в драке из-за бабы, но в одной постели! Толерантность и голубизна – тождественны!).

Но ведь в рассеянии не большинство ли евреев утратило связь со своей религией? если это народ-церковь, то останутся ли евреями те, кто ушел в атеисты, в христиане, в буддисты? Отщепенцы от религии – всё ли они еще евреи?

Ну, это, скорее всего, известно только им, хотя кое-что видно и нам. Столетний Хаммер мечтал вернуться и быть похороненным в земле отцов, но или не успевал, или еще почему-то, послал в Палестину свою крайнюю плоть – но, значит, он не был иудеем, и стал им только перед смертью. А Леня Беленький, с которым я иногда спорил, умирая, крестился. Отсюда я заключаю, что диалог с "русскими евреями" не только возможен, но и необходим. Возможен диалог и с евреями. И только с русскими невозможен – они тупы и упёрты, я пятьдесят лет пытался их в марксизме поколебать, мне ничего не удалось, а он прошел у них сам собой, но, следовательно, прошел как-то безнравственно, они от него не очистились; невозможен диалог и с теми евреями, которые вовсе не избрали никакого народа и никакой родины, что-то в их душах случилось, национальную принадлежность они почитают за фашизм. Подобно тому, как монашенки кощунством считают *пол*.

Да, публицистика сегодня наполнена прямо-таки проклятиями в адрес пола, национальной принадлежности, хотя бы некоторой строгости в нравах, проклятиями по поводу желания иметь детей, говорить по-русски хорошо (это ведь ущемляет самолюбие не говорящих), стремиться к культурной и образовательной исключительности (это не демократично и ущемляет самолюбие не образованных), оставаться в России, жить в деревне и сажать огород (в Европе все дешевле, свой ручной труд дороже), проклятиями в отношении тех, кто не готов раствориться в общечеловечестве, даже готов препятствовать такому растворению, не хочет стать как все а хочет остаться самим собой...

Ты редактор, говорят мне иные, вот и оставайся им, а не лезь в философию, политику и религию. Мы там лучше тебя все понимаем. Да и то, как тебе жить и каким быть, понимаем лучше. Ибо редактор – не более чем дизайнер, костюмер, гример. По существу он не должен оспаривать автора, а тем более святых отцов, философию и литературу... Он должен стать частью целого, а не стремиться к самодостаточности.

И все же... А вдруг мне придется – СИДЕТЬ? (Да я в этом и не сомневаюсь). Обычно в тюрьме сгрудиваются в кучу, но куча страшно тупая и тлетворная. Некоторые стремятся быть в одиночке, даже, в крайнем случае, в камере. Кто эти некоторые? Только самодостаточные, но они наполнены не собою, а тем, что ЛЮБЯТ: Богом, любимой женщиной, работой (творчеством).

Жизнь парадоксальна. Даже апостол Павел был наполнен миром, от которого призывал избавиться, и напряженной жизнью, которую призывал обменять на тление и смерть.

Чтобы быть самодостаточным, необходимо вместить в себя еще и *Пол, Семью, Народ, Язык, Культуру и Природу*. Вот что вместе является Личностью. Даже Бог входит в личность только через народ, через народ же (притом лишь отчасти) в личность входят человечество и другие народы. Через *Природу* – Солнечная система, Млечный путь, Космос...

Печальна судьба тех, кто лишил себя того, что ему дано от рождения...

Но разговор наш придется продолжить, надо несколько слов сказать о русских народоненавистниках, и о старых, и о новых, отождествляющих народничество и фашизм (может быть, им кто-то за это платит? Как путане?)

Да еще, по просьбе юных созданий, необходимо сказать про девятнадцатый век, про дореволюционную Россию, про свободу и неравенство, про империю как целостность и свободу частей, про государство и церковь, про гибельность коммунизма и эгоизм капитализма, вырождение демократии, про женскую красоту (не она ли спасет мир?), еще про народничество и патриотизм, еще про Пушкина (а про Бога уже хватит), еще о необходимости и опасности революции, о Святой Руси и русском Боге, и, наконец, спросить о самом себе: к чему я стремлюсь, чего хочу, на что еще рассчитываю в своем романе уж не с жизнью, так хотя бы с литературой...

Глава четырнадцатая

НАРОД, ГОСУДАРСТВО, ЛИЧНОСТЬ

Нет правды на земле!
Но правды нет и выше!

1. Что есть Истина?

23 февраля, воскресенье. Прочитав книгу Аристотеля «Политика», я удивился, что две тысячи триста лет назад философ свободно и ясно рассуждает о достоинствах различных форм государственного устройства, которые сменяли в эллинском мире попеременно друг друга. А менялись ли отношения власти и народа в какой бы то ни было другой стране Древнего мира? Менялись ли они в какой либо стране в мире в те две тысячи лет, что протекли после Аристотеля?

Возможно. Ибо и камень иногда падает вверх.

Через триста лет после Аристотеля Христос подтвердил не только неизменность власти, но и невозможность философу исследовать ее природу, рассуждать о ней, а уж тем более предполагать ее возможное изменение. *Несть власти, аще не от Бога*, сказал Он, и раб должен повиноваться господину, а подданный царю. Беспрекословно и без рассуждения. По существу и отношения в обществе и в семье устанавливались как Богом данные и неизменные. Родители обязаны были заботиться о детях, дети подчиняться родителям, жена должна была убояться мужа, а женщина – занимать место, отведенное ей мужчиной, в любом случае исключалась ее общественная и церковная деятельность.

Немного было до Великой французской революции случаев неповиновения власти, несогласия с навечно установленным порядком вещей; немного было попыток устроиться народу в государстве иначе, чем было уже устроено. «Не нами заведено, и не нам менять!» – гласила русская поговорка, и она как будто уже решала все возможные вопросы по поводу возможного устройства жизни и власти и по поводу справедливости его или несправедливости.

В некоторых отношениях Новое время в Европе началось не более чем триста лет назад, а можно и 1789 год считать началом Новой эры.

Монархия, тирания, автократия и демократия, власть толпы (охлократия), тоталитарный режим и анархия – снова, как и в Античном мире, эти семь форм общественного устройства начали спорить между собою за сердца и умы людей, временами убегая от силы убеждения к убеждению силой.

Демократические режимы – это, как правило, буржуазные республики, правящим сословием в котором являются предприниматели (буржуа).

Монархия и диктатура опираются преимущественно на землевладельцев, духовенство (церковь), аристократию. В буржуазных демократиях, очевидно, светская власть, церковь и идеология отделены от государства. Недемократические режимы либо клерикальны, либо тоталитарны (место религии занимает идеология: социализм и фашизм).

Я пишу преимущественно о русской литературе и о России, и если пишу об античности и о Европе, то только в связи с теми проблемами, которые ставят передо мною Литература и Россия. А они ставят почти все проблемы, которые ставит перед нами жизнь: добро и зло, правда и ложь, справедливость, красота, смысл жизни.

Поэтому, взявшись за книгу, посвященную работе Редактора, я поневоле начал писать о литературе в целом, а взявшись всерьез за литературу, увидел, что меня несет почти по океану вопросов, поисков, рассуждений.

Написаны уже до меня тысячи книг, посвященных и частным вопросам и общим. Не то чтобы я намеревался написать "всеобъемлющую" книгу, вроде Библии и Капитала, после которой все другие уже потеряли бы свое значение и необходимость, – нет, такую книгу, *отменяющую поиски*, утверждающую, что ВСЯ ИСТИНА уже найдена и больше ее не надо искать, в лучшем случае только можно комментировать найденное, я писать не хочу (а каковы моря христианской и марксистской литературы с их комментариями! Мы разве не утонули уже в них?) – нет, я хочу или приплыть к острову, или воздвигнуть его посередине океана, чтобы можно было спастись, выползти, обсушиться, обогреться, оглядеться и, может быть, как когда-то в юности мы шутили: "Оттуда угрожать мировому коммунизму!"

Да, я пытаюсь написать книгу, чтобы можно было хотя бы оглядеться. Чтобы можно было хотя бы продрать глаза и начать видеть и слышать величественный мир, освободившись от умственных и духовных шор, освободившись от неких искусственных стекол, сквозь которые мир видится искаженно, смутно и если понятно, то предвзято понятно, придуманно, лóжно понятно.

Литература не должна отмениться Книгой, даже самой великой. Иначе можно было бы и человечество отменить, противопоставить ему Бога или вочеловечившегося Сына Божия: что такое обыкновенный человек супротив бесконечного божества? К чему он? Разве Бог не вмещает в себя все то, что может быть вмещено в человека, даже с лихвой?

[Опять неожиданно вспомнил проповедников ничтожности человека, его низости, сверхмалости, бессмыслицы, неспособности постигать Бога хотя бы на гран. Так и слышу голоса – ах, сколько я их слышал за мою жизнь! – да что такое человек? Да пылинка на Божьей одежде?! Да разве может это ничтожное ничто что-то понять в Сверхбытийном, в Сверхмогущем, в Сверхнепостижимом? Так и хочется их спросить: это вы сами так придумали, Бог это вам сказал или в какой-то сверхкниге сие вы вычитали? Но необязательно возражать разным подобным возражениям, стремящимся дискредитировать мои или других философов рассуждения, так и надо сказать: мнения тех, кто видит в себе ничтожное ничто, несущественны о Сверхсущественном, они даже оскорбительны в отношении Сверхсущественного. Но Философ не ничтожен, пусть он и менее Бога, но все же Бог философов вдохновляет.]

Я пытаюсь написать книгу, которая помогла бы освободиться от неких искусственных стекол, сквозь которые мир видится искаженно и смутно.

К сожалению, как живой и не бесстрастный человек я постоянно отвлекаюсь на возражения и споры, хотя и понимаю их безнадежность; а задачу я ставлю перед собою значительную.

Представим себе, что нас в результате землетрясения завалило, горы земли, бетона, обломков зданий, горы написанного, руины недостроенного, мусор и останки жилищ. Нам нужно выбраться из-под завалов, кое-что даже удастся отодвинуть в сторону и отбросить. Я математик, поэтому пытаюсь сосчитать объем труда и вижу, что всего сверху лежит миллион тонн, а за день нам удастся разобрать всего тонну, миллион же дней, то есть три тысячи лет, мне, по-видимому, не прожить, значит, выбраться и помочь моим ближним я не успею. Значит, надо не отчаиваться, а искать способ освобождения, который не будет так дорог. То, что нас давит – это внешняя злая воля, я ее называю *духовным подавлением*, усилия по ее преодолению – это *духовное освобождение*. Математика преподносит нам примеры, опровергающие рациональный расчет: новые знания в научных областях тоже добавляются подобно завалам землетрясения, но происходит сжатие информации, и оказывается, что и сегодня учащийся в состоянии математику изучить, как и во времена Евклида.

В литературе Образ – это точка сгущения бытия, в которой заключена бесконечность. Возможно, о Дон-Кихоте Сервантес написал триста страниц, но и после него, вглядываясь в созданный им образ, исследователи продолжают в нем находить нечто, словно бы и неведомое создателю.

Значит, и я смогу, поднимая только тонну, поднять, быть может, тонну тонн – надо для этого немного: надо, чтобы смысл сказанного был не **ординарен**, не **одинарен**, чтобы он был хотя бы двусмыслен, возможно, многосмыслен, в непостижимой мечте – *бесконечносмыслен*.

Тогда я справлюсь.

Но и жизнь и литература и мои оппоненты задают столько вопросов, что не надо ли мне написать еще тысячи книг в дополнение к тем тысячам, что написаны уже до меня, посвященных и частным вопросам и общим – и тем, которые мучают меня, и тем, которые задают оппоненты? Но прежде этого надо еще остановиться и спросить в последний раз перед отплытием: ЗАЧЕМ? Если писатель пишет о полетах на Марс, а писательница о сражениях пиратов, так ли уж важно им знать, кто из апостолов прав в споре о вере и добродетелях, о вере и праведных делах? Прав ли Герцен и Иванов-Разумник в споре с Марксом, Маркс в споре с Бакуниным, Бакунин в споре с Киреевским, Киреевский в споре с Чаадаевым, Чаадаев в споре с Пушкиным?

Или это тот же самый вопрос, который задавался уже тысячи лет: ЧЕМУ и КАК учить в школе? Нужно ли учить физике тех, кто, возможно, будет далее заниматься химией, нужно ли мучить литературой тех, кто, возможно, после школы не прочтает ни одной книги, и надо ли знать о существовании гор, кто всю жизнь проживет на равнине?

На этот вопрос я тоже отвечаю, и на более частный тоже: надо ли знать писателю то, что не относится к теме его творчества? пишущему о детях,

пытаться понять жизнь взрослых, автору романа о русской революции читать о французской, писателю-маринисту знать жизнь на суше, а сочинителю дамских историй углубляться в Историю?

Увы, *существует Истина*, и всякий пишущий должен о ней размышлять, прежде чем осмелиться поучать других – даже в невинных историях для детей; *существует Истина*, и *всякий должен о ней размышлять* и иметь о ней хотя бы смутное представление, прежде чем осмелиться жить, рождать детей, воспитывать их, дружить и любить. Встречаясь с ближним, человек должен быть уверен в том, что ближнему не надо причинять зла – разве мы не уверены в том, что тот, с кем мы встречаемся, думает именно так? Иначе мы пришли бы с охраной. . .

Что есть Истина? Не всякий ответит на этот вопрос, но во всяком живет хотя бы смутное ощущение на него ответа.

Итак, прежде чем писать книги, надо ответить почти на все вопросы, которые ставит перед нами жизнь – эти вопросы, и эта жизнь, к которой они относятся, входят если не в тот Текст, который мы созидаем, то входит в контекст. Текст может касаться охотничьих приключений, о которых повествуется в Записках охотника, но в контекст входит все остальное, то есть вся жизнь, вся история, вся философия, религия и наука. Хотя бы отчасти.

Если мы будем стремиться, то, что отчасти, станет целым.

Итак, я понял: я не учу писателя, как ему создавать свои тексты. То, чему я учу, относится только к контексту его творений.

Следовательно, я должен учить всему.

Но нет ничего в этом странного и невозможного. Я ведь преподавал математику школьникам и студентам – но разве мы не разговаривали обо всем на свете? Не читали стихи, не признавались в любви? И теоремы могли подождать, но и для них находилось время. *Но если время находилось только для теорем, то даже для них его не хватало.*

Итак, наша задача ответить на ВСЕ вопросы, при этом – ПРАВИЛЬНО.

Следовательно, надо смотреть в Зеркало, которое показывает, правильно ли мы говорим и мыслим.

Надо ответить на ВСЕ вопросы, и для этого надо мне осмотреться, расположить их в некоем наилучшем порядке, который обладает чудесным свойством вместить всё их Множество в Единое.

Начну с отношений человека и государства.

2. Гражданская война

Я прочитал множество книг, моя мама даже Библию прочитала в конце жизни, моих сочинений ни одного, но только изданного мною "*Пропомона*". А бабушка читать не умела вовсе. Обе они замечательно пели, были обе красавицы и умницы. Надо сие еще уточнить: они ВЫДЕЛЯЛИСЬ среди других красотой и умом, и хотя мама моя видела и цветные сны, и готова была поверить иной раз чепухе, то есть не была строго рациональна, но природное здравомыслие ее никогда не оставляло. Кроме этого, она была сострадательна. Что ей, казалось бы, индийцы, когда она в России видела и

испытала гóря моря?! Но съездив в Индию, она заболела душой, увидев, что у миллионов нет даже жилища, едят и спят под открытым небом, не имеют постоянной работы и хоть мало-мальской уверенности в будущем. А когда я бабушке сказал в детстве, что в Америке, дескать, живут хуже нас, она долго молилась, стоя в углу перед образом на коленях: Помилуй их, Господи, если они живут еще **труднее**, чем мы!

Я прочитал множество книг, но не сильно отличался от моих крестьянок чем-то более важным, чем книги, тем более что, имея дырявую память, книги запоминал я скудно.

Сколько я себя помню, я спорю, но в споре не победил я еще ни одного человека, не убедил, не переименовал.

Христос и Павел, оба сказали, что пришли спасти СВОЙ народ. Чтó уж там они имели в виду под своим народом и спасением его, даже мне не всегда внятно, так как они страшали его Страшным судом, который "придет аки тать в ночи" и из всех изберет для спасения только "малый остаток", остальных же ввергнет в *геенну огненную*! Человеколюбцы, призывавшие возлюбить ближних! Правда, подлинная любовь, которую они возвестили человеку и миру, "городу и миру" (*Urbi et orbi*) – это любовь к Богу. Ей они были верны всегда, для нее жертвовали и человеком.

Я тоже был призван спасти СВОЙ народ (так думал я в младенчестве, так думаю иногда и теперь, словно бы в беспамятстве). И хотя я разделяю мой народ на два народа, Большой и Малый, и говорю с малым, и пишу для него, но и большой не хочу ввергать в огненную печь, и большой мне по временам жалко, и с ним я пытаюсь найти взаимопонимание. Но с ним я преимущественно спорю.

Проблемы и вопросы, которые я пытаюсь вместить и разрешить, касаются меня, моего малого народа, отчасти большого, но все они здесь, в России, только отчасти в Европе, человечество пусть ищет себе своих пророков, я же – народный. Я пришел к русскому народу (в широком смысле этого слова, то есть в пушкинском, когда в народ входят и "гордый сын славян... и друг степей калмык", когда о каждом, входящем в мой народ с открытым сердцем, я говорю его словами:

«Не то беда, что ты поляк: Костюшко лях, Мицкевич лях! Пожалуй, будь себе татарин, – И тут не вижу я стыда; Будь жид – и это не беда; Беда, что ты Видок Фиглярин.»

Значит, я пришел, как бы там ни было, ко всем русским, кроме... "малого остатка" неколебимых злоумышленников.

Но обращаюсь я прежде всего к тем, которые входят в когорту "трехсот спартацев", призванных спасти Россию, затем – к малому народу, который способен слушать и понимать, затем и к части большого народа, не к самым упертым и закоснелым в зле. Чтó я смогу сказать тем, которые не захотят меня слушать? Разве они на Голгофе слушали Христа? Разве кого-нибудь из тех, кто кричал "Распни его!", Он обратил в свою веру? А я-то не Бог, я уж точно сын человеческий, хотя и сын исключительно достойных родителей.

Видите, убедить и ПЕРЕубедить кого-то в том, что является его словно бы врожденным образом мыслей, невозможно и Богу, поэтому свою книгу я пишу не для них. Да и вовсе не в книгах дело. Если мои родители видели правду – всю правду, и ничего кроме правды – значит, правду дано видеть каждому почти человеку. Может быть и все ее ощущают, даже вор, посягающий на чужое, чувствует, что это грех... Почему же он не остановится? Увы, этого я не знаю. Возможно, из тех, кто прочитает меня, кто-то сумеет ответить и на этот вопрос. Я для них расчищаю пути, убираю завалы. Я не учу их истине, я открываю им мир.

Гражданская война в России началась после большевистской революции. Борьба между добром и злом шла и прежде, и на Куликовом поле, но более ясный образ этой борьбы предстает перед нашими очами, если мы полагаем ее началом декабрь семнадцатого года, в Первом ледовом походе. Его участники, его потомки, те, кто принимает Белое дело как дело своей жизни, знают и без меня, в чем и где правда. Я только помогу отчетливей видеть то, что видится неотчетливо. Явно – смутное. Доказательно – аксиоматическое. Переведу в логику то, что только на уровне интуиции. Но – повторяю – здравомыслящий человек чувствует и видит правду и без меня.

Кто же эти *здравомыслящие*?

Те, кто отличает *красоту* от безобразности.

Движим *состраданием* и милосердием.

В основании поступков имеет *добрую волю*.

"По уму совершеннолетен", то есть достаточно *умен*, чтобы рассуждать и отличать верное от неверного.

Красота, сострадание, интеллектуальная зрелость, добрая воля – вот важнейшие свойства здравомыслящего человека. *Образование и культура необходимы*, но *достаточно* в пределах крестьянской культуры, которая в России существовала почти до конца двадцатого столетия, хотя сегодня уже умерла. Поэтому и мне приходится писать книги.

Бывает еще способность, которую бы я желал видеть, но она в немногих явно, хотя неявно тоже во всех людях доброй воли – это *способность чувствовать* (или хотя бы ПРЕДчувствовать) *инобытие*, проникающее наш мир как солнечный свет проникает воздух и поверхность земли, как вода проникает землю, как лад и гармония преобразуют бесформенное природы в форму, как музыка мира изливается с неба.

Седьмое же качество человека пусть будет не высказано.

Такой человек способен отличать хорошее от плохого, верное от неверного, добро от зла, я ему не обязателен со своими объяснениями. Хотя, возможно, он меня с интересом прочитает.

Почему такие люди есть, как они родились или выросли в условиях довлеющей СЛЕПЯЩЕЙ ТЬМЫ, я не знаю, но они существуют, поэтому у меня еще теплится надежда, что мы победим.

Есть и те, кто, как дети, ни в чем до конца не уверены, но ищут, в смятении, хотя знают правду и задают вопросы. Одной из них я обещал объяснить, "что есть истина", возможно, ей я помогу войти в "малый остаток" и если не спастись, то хотя бы увидеть мир правдиво.

Но во всяком случае, я приведу в порядок свои собственные мысли, даже ради этого стоило писать книгу.

Итак, в человеке существует, как позвоночник в теле, МЕРА, позволяющая отличить ложь от правды (даже когда правду человек еще не видит или не может сформулировать). Он словно бы носит с собою зеркало, которое ему говорит, "есть ли на свете кто милее чем он". В нем есть врожденный критерий различения одного от другого. Если бы такой критерий не существовал врожденно, ШКОЛА и способность научения и познания не существовали бы.

Есть словно бы ГВОЗДЬ, на котором подвешен мир, и он упорядочен, в нем не все хаотично.

На каком гвозде подвешена жизнь того или иного человека, есть ли у него высшие ценности, кроме жажды самосохранения и самоутверждения, жажды наслаждения, как у власть имущих, как у богатых, как у разбойников (впрочем, это одно и то же) – *родина, вера, любовь, сострадание?*

Если нет, то его не спасет никакая книга, даже Христос, явившийся по дороге в Дамаск. Или, все же, "у Кудеяра-разбойника совесть Господь сумел пробудить"? Значит, разбойников надо отделить от богатых и власть имущих, как и на Голгофе один из них заслужил милость Христа, но Пилат, судьи и палачи коснели во зле.

Я уже не раз говорил о *сострадании*, как о важнейшем отличительном свойстве праведного человека, но не упоминал о *любви к ближним*. Ибо *сострадания* достаточно. Ибо любить следует только тех, кого полюбил. Никакой пользы не будет постороннему человеку, если я буду навязывать ему свою любовь, источником которой является не самопроизвольное движение души, а идеология, религия, долг. ДОЛГ требует только участия, сострадания, взаимопомощи, нежелания причинять страдание живому. Глупая улитка, куда ты ползешь?! – кричу я улитке, отбрасывая ее с шоссе. Но улиток я не люблю. Я даже русских в большинстве не люблю, какие уж мне улитки?! И, знаете ли, все самые жуткие образцы жестокости явили миру люди, проповедовавшие сначала "любовь к ближним", потом, что "всё для человека, все во имя человека". Нет, оставим эти схоластические призывы. На меня ополчатся, я знаю, но что они мне скажут? "Это слишком высокий, слишком небесный призыв, я к нему не способен!" – так они говорят. А кто же способен? А если просто быть милосердным, как добрый самаритянин (и это тоже призыв Христа) – разве этого не достаточно?

Нет, я не говорю, что любовь не нужна. Необходимо любить родину, свою семью, культуру, близких. Любовь избирательна. Кто всех любит, тот не любит избранных (то есть тот "малый остаток", который только единственный и пришел спасать Христос). Значит, и он пришел любить НЕ ВСЕХ, а только тех, кто близок ему. Он даже семью свою отверг, сказав: Кто моя семья? Это ученики мои!

А мне и ученики – ученики, и семья – семья. Даже вертихвостки входят в число тех, кого я люблю. Но всех я люблю по-разному, и я не исключителен. И все нормальные люди (то есть, не богатые, не власть имущие и не разбойники) таковы же как я.

3. Бог и народ.

Как ни удивительно, но я вдруг почувствовал, что то бесконечное множество противоположных убеждений, точек зрения, верований, утверждений и смыслов, которые нас разделяют, можно почти вместить в Единое, и во всяком случае, я сумею в этой книге, на ее предстоящих ста страницах сказать почти всё самое важное, ответить почти на все вопросы (но не так, чтобы после этого исчезла необходимость размышлять и писать, а надо было только как попугай повторять *единственно верное*). Я почувствовал, что смогу написать так, чтобы мы найдем понимание даже когда не согласимся друг с другом, даже когда будем утверждать противоположное, и даже тогда у нас будет потребность обнять друг друга и воскликнуть: Ну надо же, как мы близки в своих воззрениях!

Я долго не знал, с чего начать. Конечно, начинать надо с человека. Даже если вы пишете про бога, начинать надо с человека, ибо только **"человек есть мера всех вещей!"** (Но не Бог).

Прежде всего, я начну с заблуждений и с глухих непониманий источника заблуждений.

Современная вера, в России, христианская или иудейская, относится ли человек к догматическому вероисповеданию или к разночтениям, разнотолкам, сектам (у нас, в России – а это и протестанты, и католики, и староверы, и иудеи, и евангелисты, и баптисты и бог его знает кто еще) происходит из одного общего источника, то есть из Ветхого Завета, первых, и из Нового Завета, во-вторых (даже у иудеев. Новый Завет они уже все равно имеют в своем мысленном взоре, ибо и не входя в *Текст*, Новый завет содержится в *Контексте* образованного иудея).

Но что в сердцевине Иудаизма? Идея Бога и Образ Его, хотя и не одинаково представленный в различных частях Писания, но дополняющийся разностью. Идея Завета, Обещания и соглашения Бога с народом Израиля объединяет народ и Бога этого народа в единое целое, так что народ – это избранный народ Божий, тот народ, для которого Бог и явлен миру, тот народ, для рождения которого чуть ли и не созданы Адам и Ева и человечество (ибо не человечеству обещается Бог, не к человечеству Он приходит, а к своему народу, который Он избрал – так жених приходит к невесте своей, и не приходит ко всем другим невестам, для всех других его нет).

Национализм и теократия в богоизбранном народе, главенство народа и главенство Бога – суть одно и то же, они не противостоят, как христианство противостояло языкам и язычеству, а дополняют друг друга, Бог избранного народа делает этот народ *сакральным* (священным), делает его народом-общинной, и государство этого народа становится государством-церковью, а церковь становится государством – вот то, о чем мечтал Достоевский, но что уже было воплощено в жизнь задолго до Рождества Христова. (Если и не все народы, вырабатывающие единобожие, – и у инков, и в Вавилоне являются народами-общинами, так что их государственность является теократией и неотделима от возникновения и развития их религиозных доктрин).

Но прежде, чем Бог заключил Завет свой с народом, он заключил его с своими избранными людьми, которые положили начало народу сему.

Во-первых, с прародителем Авраамом. Как повествуется в Книге Бытия, Бог явился Аврааму в Месопотамии и сказал: "...пойди из земли твоей, от родства твоего в землю, которую Я укажу тебе, и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое... Я благословлю благословляющих тебя и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные".

"Авраам был ста лет, когда родился у него Исаак, сын его ... и обрезал Авраам Исаака... в восьмой день, как заповедал ему Бог."

По прошествии же лет явился Господь Исааку и сказал: "Я Бог Авраама, отца твоего... и благословлю тебя и умножу потомство твое, ради Авраама, раба Моего".

И родил Исаак Исава и Иакова, которому потом продал Исав право первородства за чечевичную похлебку, а благословение отца своего Исаак получил обманом.

Но все же и Иакову явился (во сне) Господь и благословил его, говоря: "Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака; Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему; и будет потомство твое, как песок земной; и распространишься к морю и к востоку, и к северу и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные; и вот Я с тобою, и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю, ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе".

А по прошествии лет Бог сказал уже народу своему: «Введу вас в ту землю, о которой... клялся дать ее Аврааму, Исааку и Иакову, и дам вам ее в наследие» (Исх. 6:8).

Итак, прежде чем заключить Завет свой с народом, Бог заключил его с избранными людьми, которые положили начало народу сему. И потому это Бог Авраама, Исаака и Иакова, а затем уже избранного народа; и потому иудеи – это избранные дети Божьи, через Авраама (имя его переводится как Отец), а потом уже избранный народ. Ветхозаветный Бог – это Бог прежде верующего человека, а затем уже Бог народа, а затем и государства как церкви. И потому это Бог и личный и народный, и одно неотделимо от другого.

Но не то Бог христиан. Когда возвысил голос Аввакум, осуждая патриарха, оказалось, что Бог – это прежде Бог царя (государства), затем патриарха (церкви), и затем уже, если будет позволено – Бог верующего человека. То же было с Жанной французской, и то же стало с молившимися Богородице об осуждении царя и патриарха. Оказалось, что Бог – это прежде Бог царя и патриарха, затем народа (хотя ни у какого народа нет своего особенного Бога, но только у евреев), и затем уже верующего человека.

4. Государство и личность.

Разумеется, не один только русский народ не имеет своего Бога, но и все европейские народы; и то жестокое противопоставление человека Богу, которое пронизывает христианскую историю, так что никогда человек не чувствует себя сыном, но всегда только презренным рабом, следует именно из того, что христианский Бог, навязанный языческим народам государством, выступает как Бог-завоеватель.

В России личность противопоставляется внешней силе двояко – не только по отношению к Богу и церкви, но и по отношению к государству, удивительным образом равно к христианскому и антихристианскому.

И дело не только в том, что государство подчиняет и подавляет человека, но оно устанавливает *право на насилие в отношении человека*, забывая, что поставлено народом для защиты его интересов и подконтрольно народу. И в народном верноподданном рабском сознании государство становится *сакральной* силой – господином, вершащим земную власть, Богом и церковью, вершащими небесную власть.

Происходит нечто непостижимо парадоксальное: свободная Личность, сын Божий, объявляется чужим всему, что должно бы эту личность защищать – государству, Богу, и народу. Поэтому государство меня карает (независимо от того, прав я или виноват), лишает свободы априори, еще *до того*, как я окажусь в его глазах неблагонадежным; Бог от меня отрекается, как только чувствует, что я претендую на Его любовь или хотя бы на взаимопонимание, на диалог; народ же ведет себя хуже всех, он благословляет всяческие действия государства против меня, меня же осуждает не только по закону, не только против закона, но и нравственным и душевным судом. Он осуждает меня за самостояние, за попытку противостоять государству, защищая себя, за неподчинение государству, за сомнение в действиях государства по моему уничтожению, за отсутствие в моих глазах священного восторга, когда государство объявляет, что оно меня хочет сожрать.

И еще непостижимее, что народ не любит государство, когда оно проявляет мягкость и человечность по отношению к своим подданным, но любит и обожает его, когда оно жестоко. Религиозный же восторг вызывает у него слияние тирании и государства в единственной личности тирана, и тогда тиран становится народным Богом.

Отношение к государству, народу и личности тесно переплетено. *Любовь к государству* сопряжена с нелюбовью к самобытной личности и недоверием, равнодушием или некой фальшивой любовью к народу. Такие любящие называют себя "государственниками", они отдают приоритет праву государства на насилие перед правами граждан, и отрицают всякое право личности противодействовать несправедному государству (а оно чаще всего несправедно), тем более отрицают *право личности на насилие в отношении государства*, квалифицируя такое насилие как тягчайшее преступление, таким образом лишая личность возможности самозащиты. Государственники гордятся Второй мировой войной и нашей победой (нашим, в действительности, жесточайшим поражением, обошедшимся народу в сорок миллионов жизней лучших сынов и дочерей), оправдывают бездарные и преступные действия советского антирусского государства, оправдывают, если не восхваляют, Сталина. "Нам нужна победа, а за ценой мы не постоим!" – вот "Символ их веры". Государство таких государственников тождественно правящему режиму, правящему слою и правителю; клянясь в любви к государству, они клянутся в любви к "родной коммунистической партии", к социализму, идеологии и вождю. Народ, живущий в этом государстве, их не заботит и их любовь не пользуется.

Фальшивая любовь к народу воодушевляет еще *патриотов*, у многих из которых патриотизм советского сорта, тоже замешанный на любви к советскому государству, это патриоты идеологические. Они же часто православные, иногда недавние коммунисты или комсомольцы.

Русские *националисты* не имеют даже такой ущербной идеологии. Это люди с комплексом неполноценности, невежественные, малокультурные, иногда неумные. Часто они ощущают свою ущербность сравнительно с евреями, поэтому они как правило антисемиты. Русский народ они любят, как и самих себя, не за высокое, а за низкое – за верноподданничество, раболепие, рабство, преклонение перед силой, трусость, слабость личности, стремление к стаду и стае, жестокость, неумение восторгаться величием души и ума.

Хотя я раньше и называл свои взгляды *национализмом*, но говорил о просвещенном, культурном *национализме* – верности истории, национальной идее, родному языку, уважении к другим народам и культурам, стремлении к свободе – личности и нации. Ныне я предпочитаю называть свои взгляды новым *народничеством*.

О коммунистах говорить сегодня не легче, чем о патриотах. Если они верны Марксу и Сталину, ненавидят личность и ее самостояние, мечтают о воссоздании советской казармы, то они мне враги, какими бы высокими понятиями они ни клялись. Если же иные из них надеются на некий коммунизм, свободный от диктатуры пролетариата и ненависти к свободе, нации, личности и иррациональным началам жизни, то с этими можно попробовать поговорить за стаканом вина. И также с "новыми левыми", ненавидящими современный воровской режим.

Разные и монархисты. Возможно, и среди либералов и космополитов тоже есть приличные люди. И среди упёртых православных. Часто взгляды человека не совпадают с именем той партии, к которой он себя причисляет. Поэтому везде можно найти приличного человека, может быть, даже среди богатых. Бомжей. Пьяниц. Бродяг. И наоборот...

Если человек уважает свободу и самодостаточность личности, то чаще всего неважно, как он называет свой образ мыслей.

Но большинство ненавидит талантливых, умных, культурных, самостоятельных, независимых, а любит рабов и поклоняется силе – вот почему ходит и ходит русский народ с портретами Сталина, любит его и молится ему.

Возможно ли изменить сие? Разумеется!

Для этого народ должен сознавать себя самодостаточной личностью, независимой от Бога, от церкви, от идеологии и от государства. Должно быть провозглашено в новой религиозной доктрине (и в новой Конституции), что ПРАВО НА НАСИЛИЕ в отношении человека принадлежит только народу, и только народ устанавливает государство и контролирует его, и ему же принадлежит *право на насилие* в отношении государства и государственных институтов. Личности же принадлежит *право оспаривать* действия любых государственных институтов, и привлекать их к судебной ответственности, включая царя и президента, оспаривать и саму Конституцию.

Не следует думать, что наступит рай в нашей отдельно взятой стране. Но хотя бы мы сможем оспорить приговор, прежде чем поведут нас на казнь.

5. Существует ли свобода и возможна ли она?

Защищая себя и своё *самостояние*, личность, тем не менее, не утверждает себя как противостоящую народу, государству, церкви и Богу, как враждебную им.

Далее, для удобства, я буду говорить от имени Я, то есть как бы только от самого себя, автора этой книги, ибо настали времена, когда никто не хочет быть значительной личностью: или жаждут раствориться в тиране и в тирании, или мечтают о самодержце по образу Грозного, Великого или великого Кормчего, или прячутся в церкви, кто ОТ чего, иной, возможно, от басурман, тот от просвещения и образования, этот от личной свободы, которая ему невыносима. Личность увидеть близко трудно, поэтому буду говорить о себе (надеясь, впрочем, что есть еще, хотя бы и в рассеянии, триста спартанцев, жаждущих свободы, и что битву при Фермопилах мы еще выиграем!)

Источником сущего является Я, само *существование* обнаруживается как результат самосознания. И хотя мир вокруг меня создан не мною, но начинает быть, обнаруживаться, постигаться и изменяться только через меня. *Мысль и чувствую и действую именно Я*, не мыслит ни пол, ни семья, ни народ, ни государство. Постигая мир и узнавая его несовершенство, недостаточность, даже низость и несостоятельность и по содержанию и по форме, я противопоставляю ему свою творческую волю, я начинаю создавать свой сначала только воображаемый мир, который затем взаимодействует с миром реальности и соединяется с ним в мир Действительности. Я вспахиваю поле и пишу Книгу. Так я становлюсь *крестьянином и писателем*, земледелие и литература возникают вместе как целостная КУЛЬТУРА (от лат. *Cultura* – **возделывание**). Я возделываю поле и окружающий мир. (И хотя пытается окружающий мир "уловить меня в свои сети", запрячь меня в ярмо и меня самого и мою культуру сделать рабскими, но я еще борюсь за свою свободу, и я ее отстою!)

Источником сущего является Я, оно же является источником семьи, народа, Бога, церкви и государства (и даже когда меня расстреляют, это только подтвердит мои слова, ибо мир "погаснет в моем уме". Но если все из меня проистекает, если всё лучшее – результат моего свободного творчества, то я должен быть свободен, хотя и пытается "уловить меня мир в свои сети".

Но хотя всё самое лучшее – результат моего *свободного творчества*, но есть еще необъятная стихия, не меньшая, чем творчество и свобода, это – любовь. (И она не позволяет стать творчеству и свободе чрезмерно эгоистичными, она примиряет их даже с теми, кто стремится их обуздать).

Лучшее привлекает внимание, высокая душа к нему стремится, низкая стремится его опорочить. И творчество, и любовь подвергались гонениям, за них возводили лучших на эшафот и костер, в наше время их пытаются унижить с помощью тоталитарных учений.

Христианское учение прямо ничего не говорит о свободе, не утверждает и не отрицает ее, но «всякая власть от Бога», «жена да повинуется мужу, а дети родителям» и «кто не со мной, тот против меня» – это ли свобода?

Социалистическое учение ставит *свободу* в центр своих мифологем, оно отрицает ее вместе со всем остальным, что оно отрицает – а оно отрицает почти всё, на чем произрастали культура и история. Оно отрицает *народ* (как его отрицает и христианство, которое само отрицается социализмом); оно отрицает *личность* – а личность оно отрицает чуть ли не яростнее свободы; оно отрицает *семью* в ее сакральном значении, оставляя от нее некую "ячейку" своей железобетонной казармы; оно отрицает *общество*. Даже *государство* в его историческом бытии отрицается, а вместо него появляется до того неслыханная форма власти – тождество личной тирании и тоталитарного идеологического подавления. (Папский католицизм все же умерялся властью императора или короля).

Что же появляется взамен? *Классы и классовая борьба. Пролетариат. Строительство коммунизма.* "Все для человека, все во имя человека", но при тотальном подчинении личности обществу и государству, при тотальном подчинении общества государству и, наконец, при тотальном подчинении государства единственной личности.

Подобный способ устройства общественной жизни является не только подавлением, но – *духовным подавлением* прежде всего. Свобода слова и творчества упраздняются, литература ставится на службу тирании, личность превращается в солдата армии, ведущей бесконечную борьбу за воображаемое будущее. Кстати добавить, что и настоящее отрицается и упраздняется, а прошлое подменяется лживой мифологией. Социалистический историк отбрасывает даже затруднения историка-христианина (Флоровского), он просто бесстыдно лжет.

Но если любовь и тяга к творчеству возникают самопроизвольно, даже в пустыне, то почему же не врождена человеку тяга к свободе, потребность в ней, любовь к ней, как врожден инстинкт самосохранения? Или народы различаются прежде всего по отношению к свободе, и если эллинам был свойствен инстинкт свободы, то русским – инстинктивная нелюбовь к свободе и любовь к рабству? Возможно, это наследие татаро-монгольского ига. Или трехсотлетнего рабства под властью московско-азиатских царей, пока не возошли на русский трон германские императоры и не наступило царство Золотого века русской литературы.

Но в чем бы ни были причины Российского рабства, я, потомок Ермаковских казаков, сибирских крестьян и полоцких князей (согласно семейной легенде, которую я слышал от бабушки), пока дышу, буду бороться за освобождение – прежде всего от духовного рабства, затем от политического и национального. В этой борьбе моя единственная и последняя надежда – русская литература и русский язык (не может быть, чтобы такой язык был дан низкому народу, говорю я себе?! – но даже если я остался один, проповедующий свободу, и еще двое, внимающих мне, втроем мы победим! Или умрем. Но не будем прозябать в тлении!!!)

Отрицание свободы часто объясняют схоластически, что, дескать, свободы не может быть абсолютной, а, значит, она всегда ограниченная, а, значит, надо удовлетворяться и той, что есть, то есть пить затхлую болотную

воду вместо родниковой (ибо и родниковая не *абсолютно* чиста, а, следовательно, не все ли мол равно?), и вот так же нет и абсолютного здоровья, так надо ли противостоять тлению), и вот так же нет и абсолютной любви, так не удовлетворится ли блядством?

Что на это возразить?

Возразить, вроде бы, есть что, и уже начиная с Гомера существуют великолепные возражения одному и доказательству другому, и нет нужды доказывать, что подлое подло, низкое низко, а высокое высоко, но тать и вор все так же подстерегают нас в ночи, и все так же смеются над нашими идеалами, верованиями и надеждами. Поэтому ничего не надо доказывать. Кому неприятен аромат цветущего луга и сладостен запах гниения, наши доказательства слушать не будет. Надо только стремиться к тому, чтобы "люди доброй воли" определяли духовную и общественную жизнь в России, и лошадь стояла на конюшне, а поэт в окружении муз, а не наоборот.

И все же, задержусь еще на доказательствах.

Из математики мы знаем, что доказательством является иногда цепочка силлогизмов, а иногда пример. Есть ли свобода или нет ее, узнать легко. Надо посадить в тюрьму того, кто в ней сомневается, или даже отрицает ее существование, желательно ночью на цепь, а днем на тяжелую работу, и скудно кормить, а временами спрашивать, жаждет ли он волю? И думает ли он по-прежнему, что ее не существует?

6. Еще о доказательствах

Но жизнь не во всем подобна математике, хотя и в жизни встречаются аксиомы, теоремы, определения и доказательства. И многие основополагающие жизненные понятия интуитивны, то есть даже и неопределимы, при всем желании и всем искусстве учителя математики и учителя жизни. Вот так же не во всем подобна математике и литература, хотя она не чуждается доказательств и кое что пытается и может доказать – но иначе, не с помощью цепочки силлогизмов, а с помощью примеров, образов, положений, характеров и течения и взаимодействия романых событий.

Если жизнь доказательна, то так же доказательна и история, и, например, не мог я в спорах опровергнуть марксизм, следователи в ответ на мои доказательства стращали меня, что никогда не выпустят из тюрьмы, а придурочное население верило следователям и вождям и кричало: Ату его, врага народа!

И вдруг... Куда все делось? Население проснулось одним прекрасным утром, а история совершила какой-то неожиданный поворот, и все оказались в совершенно новой стране, ни марксизма, ни марксистов. Но куда делись марксисты? Непостижимо.

Задумался о доказательствах я еще и потому, что вчера осуждали мою предыдущую книгу, посвященную литературе, и мне пеняли на категоричность суждений, на то, что я многое безапелляционно утверждаю, но ничего не доказываю.

Но так ли это? Ведь и романист не доказывает все то, что на страницах

романа утверждается, герои иногда спорят, но и то расходятся "при своих", но это не значит, что автор беспомощен и не убедителен. Нет, ничто не повисает в воздухе, ни на что не опираясь, но доказательством является Текст в целом, совокупность романного действия, то пространство бытия, которое представлено в романе. И точно так же бесосновательно упрекать и меня в том, что у меня только набор утверждений – нет, все и у меня имеет и причины и следствия, и теоремой является книга в целом, и она же является доказательством теоремы. Но свидетельствуют в пользу моих утверждений не только Текст, но и Контекст, а контекстом моей книги является не только вся русская литература дворянской эпохи, но и лучшая часть русской литературы советского периода.

И все же... Не слишком ли я увлекся именно общими рассуждениями, пояснениями, обоснованиями, которые, я полагал, словно бы заменяют доказательства – но в литературе образ, характер, пример и поступок гораздо доказательнее, чем философствование. Так ведь и слова Христа о том, что "Сыну Человеческому должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть" не имели бы убедительности, если бы Он не взшел на Голгофу. Так в проповедях ли заключено Учение или в образе страдающего Учителя и в Поступке Его смертной жертвы и Воскресения? Ибо о проповедях спорят, находят противоречия, истолковывают и комментируют, а смерть на кресте и воскресение уже не нуждаются в толкованиях, и русский крестьянин, даже не умевший читать, принял Миф о жертве и воскресении как полноту Учения.

Поэтому от философствования надо вернуться к литературе, от попытки доказать правду с помощью рассуждений надо вернуться к творчеству.

Тогда окажется, что категоричность моих суждений даже недостаточна. Разве мать говорит ребенку, что, *возможно*, не надо чиркать спичками (хотя их лучше и вовсе убрать с его глаз), что, *как ей кажется*, хотя она в этом не уверена, не нужно обижать слабых, не нужно мучить животных, не надо ломать цветы на клумбах, да даже и на лугу лучше цветы не ломать и не вытаптывать? Нет, показывая на белое, мать говорит ребенку, что это белое, черное называет черным, грех – грехом, а добродетель добродетелью.

Хотя отчасти и справедливо, что народ творит и язык и культуру, но он же их часто стремится разрушить, он ведет себя как подросток, в нем проявляется то агрессия, то стремление подражать силе и подчиняться ей, то жажда стать толпой, то жажда преступлений и ложного геройства. Кумиры народов, как и кумиры подростков, грубы, жестоки, примитивны, вульгарны, невежественны.

Или кто-то потребует у меня доказательств? Но это не то же ли самое, что требовать у человека, пришедшего с улицы и сказавшего, что там буря бушует, и деревья раскачиваются до земли: *подтверди!*?

Ну так – ***Иди и смотри!***

У каждого из нас есть родные и друзья, и наши и их родители и деды *претерпевали* Историю двадцатого столетия, а не только изучали ее по

лживым учебникам. Каждый из нас знаком хотя бы с одним, умиравшим от голода в осажденном городе или за колючей проволокой, и неужели недостаточно у нас ума и сердца, чтобы не задуматься, от чего были эти неслыханные бедствия, и нет ли виноватых не только дальних, но и ближних?!

Неужели муки детей и взрослых, несправедливо униженных и уничтоженных, распятых и оболганных меньше, чем те химеры, в которые нам хочется верить – любую ценою, так что *за ценою мы не стоим*?!

Учитель был распят и оплакан учениками и родными, и, может быть, даже воскрес. А миллионы убитых, бóльшая часть которых погибла по вине бездарных, тупых, жадных и злых палачей и негодяев – лежат в лесах и болотах, и души их не упокоены, потому что палачи не названы, виновники не наказаны. Все, кто пострадал в два столетия, осьмнадцатое и девятнадцатое, от помещиков и властей, на войнах и на работе, в тюрьме и на каторге, составляют лишь малую толику тех, кто распят двадцатым столетием, которое мы либо оправдываем, либо восхваляем. А несчастные дети в самую гуманную эпоху в истории человечества составят целый детский распятый народ. Соберем их боль и их слезы – какая чаша Грааля их вместит?! Не нужно доказательств, что холодно, чтобы чувствовать холод, и что больно, чтобы почувствовать боль. *Иди и смотри!* И ты увидишь!

Писатель – учитель и воспитатель. Но чтобы учить и воспитывать, надо быть ВЫШЕ обыденности; чтобы повести на север, недостаточно уметь пользоваться компасом, надо видеть Звездное небо, и Северное сияние, и Большую Медведицу и Полярную звезду. Знания писателя и учителя должны быть *избыточны*, учитель арифметики обязан знать и высшую математику и астрономию, и чтобы писать о Бытии, нужно проникать и Инобытие. Даже если вы пишете о счастье, в контексте написанного должно быть то горе, которому не посочувствовали.

Надеюсь, это оправдывает меня, претендующего на правду.

7. Успокоится ли сердце?

«и, наконец, спросить о самом себе: к чему я стремлюсь, чего хочу, на что еще рассчитываю в своем романе уж не с жизнью, так хотя бы с литературой...» – написал я в предыдущей главе.

1 марта, суббота. Писатель боится, что вдохновение его оставит. В самом деле, в чем источник творчества? Пушкин искренне верил, что его творчество вдохновлено музами. А мое? Раздражением, ненавистью к несправедливой власти, как у Радищева (повлиявшего на меня чуть ли не больше всех); литературным тщеславием (разве я не хочу, чтобы и на меня обратили внимание); любовью; любовью к истине?

Воскресенье, 2 марта. Несколько раз просыпался, обдумывал то, что написано на предыдущих страницах. О прародителе Аврааме и его детях думал я отстраненно, и об их Боге, *избравшем* их для рождения *избранного* народа. Заслуг у них перед иными народами я не увидел, да и перед Богом у Авраама сомнительная заслуга – если только не дурная покорность и верность Ему даже в самодурстве.

Сегодня *Масленица*, полагается сжигать чучело Зимы – да не чучело ли и старого бога сжигали славяне, приветствуя Весну как обновление?

Ветхозаветный Бог воистину рационально непостижим, он сам очень похож на старого и ревнивого крестьянского отца семейства, для которого *Послушание* его домочадцев воистину главная и чуть ли не единственная их добродетель. Не знаю, хотел ли он выдать замуж Еву свою за Адама, но расвирипел, узнав, что она сорвала с Древа, он точно так же, как свирепели в аналогичном случае старые ревнивые отцы и в нашей деревушке, откуда я родом. Я Библию изучал в семь лет не только по тяжелой красавице-книге с рисунками Дорé, которая была у моего крестного, но и по семейным преданиям. Хотя наша деревушка не была раем даже до войны (а после войны она стала еще разореннее), но многое было похоже на библейскую книгу Бытия, и твердь полей и усадеб появилась среди океана тайги почти как при сотворении мира. Но был наш Эдем не в сердцевине мира, а на самом его краю, и моя красавица-мать в шестнадцать лет бежала из отчего дома – по зову ли Евы, живущей в душе каждой невинной девушки, по зову ли Змия, или поманил коробейник-Адам, забредший и в нашу деревню, этого я не знаю. Но что крутой и ревнивый отец ее проклял и повелел не возвращаться в отчий дом, несомненно, он и со своим отцом, живущим на самом краю деревни, против которого воевал в отцеубийственную гражданскую войну, разговаривать не хотел, жили, избегая друг друга.

Через год вернулась блудная дочь, выплакала прощение ей моя бабушка, значит, мой дед был отходчивее, чем Иегова.

Но отец мой не избежал злой участи, которой удалось избежать Исааку, в жертву безумной войне вместе с сорока миллионами детей и взрослых он все же был принесен, не потому ли и ветхозаветный жестокий Бог, требующий только покорности, и его "общинный народ", и его государство-церковь, и их кровавая "победа" бесчеловечной ценой – мне не только чужды, но часто ненавистны. *Так что настала пора сжигать чучело обветшавшей Зимы.*

Русская литература восемнадцатого, девятнадцатого и начала двадцатого веков не была клерикальна, Религией ее была Религия философов и ученых, Платона и Вольтера, Галилея и Лейбница, Гомера и Пушкина, та же самая религия свободного человека, что и у меня.

ЛИТЕРАТУРА должна быть свободна, ибо она не исходит из навязываемых Учений, они – ее контекст, как и культура в целом, как и многообразная личность писателя. Как *Библия и Новый Завет, Революция и социализм*. Оставляют ли они нас свободными, пусть каждый решает сам.

... Но что ни скажешь, тут же хочется возразить. Разве литература что-нибудь должна? Тогда она не свободна. Вот почему необходимо соединить мир, разделенный на части, и историю, разделенную на части, в Целое. Только когда мы узнаем, где север и юг, можно пускаться в плаванье, не боясь, что изменчивость ветра и океанских течений собьет с дороги....

ЛИЧНОСТЬ, БОГ, СВОБОДА И ЛИТЕРАТУРА

Какова вера, таков и Бог.

1. Полнота личности и тщетность творчества

2 марта, воскресенье. «Личность самодостаточна, если она вмещает в себя Бога, Пол, Семью, Народ, Язык, Культуру и Природу. Вот что вместе является Личностью.»

Однако старый Бог умер, как об этом сказал еще Ницше, значит, нужен новый Бог. Но если Бог творится как Миф (а иных богов мы не знаем), а эпоха мифов закончилась в детстве человечества, то можем ли мы его сотворить сегодня, когда уже не только, кажется, закончилась зрелость, но даже наступил, по уверению Шпенглера, «Закат Европы»?

За прошедшие двести пятьдесят лет в Европе и в России мы пережили несколько попыток создания нового Бога. Великая французская революция, отменив христианского Бога, на смену ему выдвинула Бога механиков и астрономов, был введен Новый календарь и новое летоисчисление. Но эта попытка создания нового Бога оказалась слишком краткой, как и сама Революция, отмененная сначала Наполеоном, затем битвой под Ватерлоо и последующей Реставрацией.

Русская революция также отменила христианского Бога, продолжив дело французской революции, была даже создана новая теология, представляющая из себя эклектическое соединение науки и "марксистской философии". Этот Бог был Абстракцией, символизирующей и соединяющей в себе Истину, Познание, Науку и эсхатологию, то есть идею построения нового самого правильного в истории человечества общества. К несчастью для России и русского народа Ватерлоо не состоялось, а Реставрация наступила слишком поздно и оказалась убудочной, окончившись выкидывшем.

Параллельно революциям как во Франции так и в России появлялись религиозно-мистические учения и объединения писателей и ученых, занятых поисками или строительством нового Бога.

Сначала, в конце девятнадцатого столетия, появилось теософское учение Елены Блаватской, в двадцатом – учения Успенского и Гурджиева и Елены и Николая Рерихов.

В Петербурге в начале двадцатого столетия возникло (*богоискательское*) религиозно-философское общество, на собраниях которого выступали философы, священники, политики, литераторы, теософы (Розанов, Мережковский, Бердяев, Франк, Керенский, Карташев, Блок, Вячеслав Ив́анов, Струве, Лосский и др.).

Марксисты-*богостроители* (Луначарский, Базаров, Богданов, Горький) попытались соединить социально-экономическое учение Маркса с теорией познания Маха и Авенариуса (за что и ополчился на них Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм»).

Поисками нового Бога занимался и Лев Толстой, проповедовавший "непротивление злу насилием" и религиозно-нравственное совершенствование как средство преобразования общества. Его последователи организовывали производственные земледельческие общины, призывали к отказу от платежа податей и несения военной службы. Церковь и царская власть преследовали толстовцев, ссылали их в Сибирь и Закавказье, но, как и по отношению ко многим другим христианским сектам, решительнее всего действовали большевики: земледельческие коммуны толстовцев были ликвидированы, их участники репрессированы.

Существенен ли результат религиозно-философских поисков и усилий сравнительно с действиями сначала царского, потом советского правительства? Но ведь и христианство стало всемирной религией только благодаря тому, что его приняли римские императоры. Существенна ли и культура в целом, когда она не поддерживается государством?

Не существенны никакие усилия человека, никакое творчество и никакие его книги и даже сама его жизнь.

Хорошо, если нам удастся что-то существенное сделать для собственной семьи или близких. А иногда, по не известным нам причинам, нам удастся что-то изменить и в мире и в культуре – вот почему, в надежде, что наши усилия принесут плоды, мы и должны трудиться. Так же, как и крестьянин. Засевая поле, он не уверен, что не придет засуха или град и не побьют урожай. Или не налетит саранча.

На днях происходило обсуждение (или осуждение) моей первой книги «Призвание литературы». Кто-то сказал, что она представляет собою «поток сознания», как у Джойса, кто-то сравнил ее с энциклопедическим словарем, автор, дескать, без разбору нахватал отовсюду всяческих сведений, не выстроив их в систему и не подчинив организующей идее, и их суммой раздавил прилежного читателя.

Но я не стремился ни самовыразиться, ни произвести впечатление на читателя своей эрудицией. Сознательно, у меня была некая Идея, во имя которой я и начал писать свою книгу.

Да и какая уж у меня эрудиция? Конечно, в продолжение жизни я что-то читал, но память у меня всегда была дырявой, и запоминал я очень мало. И потому я думал, что Бог не дает мне раствориться в чужих идеях и мнениях, в чужих учениях и философиях, чтобы я на сравнительно чистом поле ума сумел вырастить свой собственный урожай, а не только повторять общепризнанное. Я не стал Кантианцем и Гегельянцем, потому что успел их забыть раньше, чем в них разобрался. Перестал быть марксистом, потому что начал забывать Маркса. Не стал последователем Маркузе, потому что его не читал. И писателей, которых я редактирую, я утешаю искренне: не бойтесь НЕ ЗНАТЬ, я знаю еще меньше. Важнее, чтобы ум был деятелен, чтобы душа кипела, чтобы вы широко открытыми глазами смотрели на жизнь, чтобы вы ее ВИДЕЛИ глубоко и правдиво. Те, кто не прочитал ни одной книги, не обязательно хуже нас.

Для чего же я продолжаю писать, для чего же я словно бы поучаю?

Важнее, чем знание многого, многое из которого вовсе необязательно, твердое основание, на котором воздвигнуто мировоззрение. Вот для чего я тщился связать в единство и то и се, и текст и контекст, Аристотеля, Платона и Ортегу-и-Гассета. Не важно, о чем вы напишете свой роман, будет ли действие его происходить в России или на Марсе, в революции или контрреволюции будут участвовать его герои. Но добро и зло, справедливость и несправедливость, правда и ложь должны подчиняться тем же правилам, что у Пушкина и Толстого (если литературу Золотого века вы еще не "сбросили с корабля современности"). Смысл творчества, "Призвание литературы" должны быть теми же, что у Лермонтова и Радищева, у Гомера и Эсхила. Вы должны восхвалять добродетели и порицать пороки.

Может быть, как и Пушкин, вы пишете для себя, а печатаете для денег – но вы пишете еще И для чего-то более значительного, иногда бессознательно. Так чистый ручей бежит сам по себе, но его вода утоляет жажду и путника и зверя, о чем ручей, быть может, и не подозревает.

2. Тварь ли я дрожащая или право имею?

Только всё несколько сложнее и запутаннее, чем простой ответ на вопрос, для чего мы пишем.

В мире идет война, «Дьявол с Богом борются, а поле битвы – сердца людей», восклицал Достоевский. Казалось бы, то же самое сказал и Горький, вопрошая: С кем вы, мастера культуры?!

Ну, вероятно, имелось в виду, что надо поддерживать Бога в борьбе с Дьяволом... А при этом Горький не только не любил Достоевского, но высказался о нем так гадко, что я даже не хочу его слов цитировать. Как-то лет сорок назад я зашел в Бахрушинский (театральный) музей в Москве (бывший «Литературно-Театральный музей Императорской Академии наук»), у входа висел большой плакат, на котором чуть ли не на бронзе были выбиты эти его слова. При чем тут Горький? Да и Достоевский, если музей посвящен театру? Или при том, что сорок лет советская власть не печатала Достоевского, и только после смерти тирана, когда началась хрущевская оттепель, разрешили нам читать Достоевского? Так с кем же был этот "мастер культуры"?

Ну, к счастью, он уже умер. А многие другие, не сумевшие правильно ответить на сей, казалось бы, естественный и правильный вопрос, умерли тоже, только насильственной смертью, и список писателей, расстрелянных за то, что они, по мнению комиссаров, были "не с теми", включает сотни имен.

И этот горьковский вопрос того же рода, что и слова Христа: Кто не со мною, тот против Меня; что и слова "комиссаров в пыльных шлемах" (Окуджава): Кто не с нами, тот против нас.

Если мы пишем ДЛЯ чего-то, от чего зависит Истина, победа добра или зла, Бога или Дьявола (а так или иначе, мы как-то влияем на исход этой борьбы своим творчеством), то мы должны писать *правильно*, стоять с теми и на той стороне, на которой правда и справедливость, должны быть с Христом, с правдой, с истиной, а иначе – и справедливо, что так как "Кто не со мною,

тот против Меня", и Кто не с нами, тот против нас, то – "шаг влево, шаг вправо, конвой стреляет без предупреждения"!

А как же свобода? А как же негодование против цензуры, принуждения, рабства? Так кто же, все-таки, писатель? Солдат Красной коммуны, Крестового похода, наёмник – дьявола или Бога, Божий РАБ (или раболепный подданный) – такой же раб, как все те, кто счастлив своим рабством – или свободный творец? «*Тварь ли он дрожащая – или право имеет?*» – нет, **НЕ на преступление** – а НА свободное творчество? (О, как ЛЖИВ оказался великий писатель, с какой страстью, старый картёжник, передернул он карты! Разве именно и только такова ДИЛЕММА между правом и бесправием: свобода быть личностью, мыслить и действовать согласно "преданьям старины глубокой", согласно народным традициям, голосу крови, голосу души, совести, выводам, в конце концов, философии, литературы, культуры, истории – или бесправие, раболепие, покорность?)

Пишет мне старый товарищ, услышавший от меня подтверждение, что да, свобода мне дороже истины, и СО МНОЮ не только тот, кто не со мною, но даже кто и *против меня*, и, быть может, этот еще более со мною – пишет он следующее: «БОГ, по определению, есть "высшее", поэтому некорректно (как делает Бердяев) определять свободу НАД Богом, фактически это титаническое богоборчество, введение новых богов по собственному произволу».

Меня уверяли в течение всей моей жизни, что я не только ничего не достоин, не имею врожденного права хоть на что-нибудь, даже дышать, что всем, что я имею, я ТОЛЬКО кому-то *обязан*, часто совсем не тем, от которых, казалось бы, получал я именование, ну, хотя бы, своим родителям, но что я даже не свободен и не вправе рассуждать о свободе и праве, что если какая-либо свобода мне перепала, то только лишь та, которую мне дали другие.

Так прав ли Гете, восклицавший "Лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день за них идет на бой!? Или мы не смеем свободу завоевывать, а только если получим, то лишь как подачку, и когда, в ответ на наши просьбы, нам скажут: "Нехорошо отнять хлеб у детей и бросить собакам", посмеем лишь кротко возразить: "но и собаки едят крошки, которые падают со стола хозяев".

Маркс уверял, словно в насмешку, что "свобода – не что иное как необходимость" (от того, что она осознанная, она не делалась менее необходимой), на воротах концлагеря была прибита надпись, что только "труд делает свободным", в СССР же, поднимая его до дела чести и героизма, кажется, до свободы не поднимали.

"Свободным делает Бог", уверяют меня рабы Божьи – но обещал ли Бог нам свободу?

Итак, вместе ли я с Гете и Бердяевым, с Гомером и Жанной, Радищевым и Пушкиным и автором Слова о полку Игоревом – или вместе с проповедниками рабства под именем веры в Бога (а что именно они проповедают, не так ясно, как может казаться из их заявлений) – ибо вот и большевики вместе с Горьким неустанно повторяли, что "человек – это звучит гордо!", но обошлась России эта гордость дороже, чем за всю предшествующую тысячу

лет. Не думаю, что посылали в России еще когда-нибудь на смерть и на каторгу за "обыденные слова в дружеской компании за стаканом водки", о чем доносил "кому нужно куда надо" – старые летописи таких свидетельств нам не доносили, а новые – переполнены.

Говорят о свободе по разному и по разному к ней относятся. Богословие ее не то чтобы презирует, но смотрит на нее с неким мистическим ужасом или даже с ненавистью, однако за ее проповедь не отлучает от церкви. Коммунистический Манифест ее даже сам проповедует и восхваляет, но за неосторожные слова, что в России ее нет, его сторонники посылают неосторожного на эшафот или лесоповал. Философия запутывается в дефинициях, не в состоянии отличить "свободу вообще", которая, кажется, совсем не существует, от свободы "ходить на выборы", умеренно выпивать у себя дома, читать газеты и воображать. Обыватель в разговорах и спорах запутывает дело еще сильнее, даже не может решить, свободен ли человек не верить в бога и не ходить в церковь, не любить правительство и любить не ближнюю. Но все это настолько нелепо, что трудно не раздражаться.

Даже самый яростный нелюбитель свободы, абсолютной или относительной, если он не принадлежит к привилегированной меньшей части населения, а к обывателям, то есть живет не в Лондоне или на Канарах, а в России, то он сталкивается с милиционером или с несправедливым судом, или сталкиваются его родные или дети, болеет и ходит в поликлинику, ходит на работу и надеется дать детям и внукам хорошее образование. СТАЛКИВАЯСЬ, он вместо болтовни о свободе переживает русскую действительность. Полицейский, чиновник, судья, надзиратель, начальник – нашего нелюбителя свободы учат уму-разуму, полицейский его бьет, на лечение ему не заработать, сын не может заработать на квартиру и они живут все вместе, на похороны не заработать тоже, в тюрьме беспредел, потолок протекает, вода ржавая, хлеб горький, водка паленая, сосед уже помер, скоро... А даже у литовцев зазря не бьют и чтобы устроить ребенка в детский сад, не надо давать чиновнику взятку. Может быть, и в самом деле правительство пора сменить, приходит ему в голову крамольная мысль – но тут на него обрушиваются друзья и соседи, газеты и церковь, телевидение и догматическая философия. Чтобы сменить правительство, нужны свободные выборы, но – «Бог терпел и нам велел», требование свободы нелепо, безнравственно, преступно и кощунственно, хуже чем у феминисток. Более того, это «титаническое богоборчество, введение новых богов по собственному произволу».

Я уже не хотел писать о религии и революции, я хотел отдохнуть, съездить в деревню, наколоть дров, протопить избу, протопить баню, пропариться, даже выпить рюмку, хотя нельзя (брюхо болит и сердце), я уже начал перечитывать Пушкина, закрыл те страницы, где «Свободы сеятель пустынный», «Пока свободою горим», «Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе Грядущего волнуемое море», и открыл те, где мечты о деревне: «На свете счастья нет, но есть покой и воля. Давно завидная мечтается мне доля – Давно, усталый раб, замыслил я побег В обитель дальнюю трудов и чистых

нег» – но нет, никогда мне не отделаться от молитвы всех униженных и оскорбленных «Я взглянул окрест себя, и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала», и потому долго еще не смогу я отдать свою душу природе на утешение...

Я уже был спокоен, но сегодня мне снова плохо. Плохо мне не оттого, что плохо мне, что я не могу теперь поехать в деревню, никогда не заработаю столько денег, чтобы деревенский дом купить ближе, не смогу найти другой работы, кроме работы сторожа (что с того, что я первоклассный математик, в стане жуликов и воров достаточно арифметики) – нет, это меня не так уж сильно огорчает, у меня есть преимущества даже перед богатыми, на меня всё еще с симпатией смотрят девицы и дети, разве этого не достаточно, чтобы быть счастливым?) – но даже я, «первоклассный математик», не могу доказать примитивные истины тем, кто не хочет их знать.

А я уже устал от своей книги, устал и от своего народа, и от их Бога.

Позже я еще приглашу читателя открыть Новый Завет, а пока только несколько слов договорю о свободе.

Представим себе, что я решаю задачу по математике, и мой ответ не совпал с ответом учебника. Школьник или другой учитель математики мне на это указывает, мы садимся рядом и решаем задачу заново, вместе или порознь, находим ошибку – у меня или в задачнике, и исправляем. Не бывает так, чтобы мы начали спорить, и чтобы кто-то пытался защитить неверное решение. Не знаю почему, но так не бывает.

Почему же два образованных человека не могут найти ошибки в рассуждениях о свободе, в дилемме – Бог или свобода!?

Я думаю, я уверен, что дело в следующем.

Я выступаю от своего имени, бродячего философа и учителя, редактора и поэта, любителя прекрасных стихов и красивых женщин. Я чувствую присутствие в мире красоты и целесообразности, духа и материи, я умею восхищаться тем, что превосходно. Но я не говорю, что выступаю от имени церкви, богословия, Бога или философии, что то, что я говорю, освящено их авторитетом, что они подтверждают каждое мое слово. Нет, я говорю сам от себя, и хотя ссылаюсь на любимых поэтов и философов, но даже и относительно них не настаиваю, что они бы во мне всё одобрили.

Мир и жизнь я переживаю как некое единство, в котором дух и плоть мира неразделимы, душа и тело человека неразделимы тоже – по крайней мере, пока человек живет. Целесообразность, гармонию, красоту, обусловленность, сочувствие, милосердие и возвышенность бытия я переживаю как присутствие Бога в мире; хаос, случайность, разрушение, жестокость, обман и ложь, низость и пошлость я переживаю как отсутствие Бога.

Бог *существует* (в том смысле, который я уже объяснил как НЕ-существование) изначально и независимо от человека и мира, но в том мире и человек не существует. А в том мире, где он существует, все сущее открывается ему через восприятие, мысль, чувство и переживание. Самое высокое, что ему удастся создать, это КУЛЬТУРА, и он сам становится не только демиургом, творцом культуры, но и ее частью. И жизнь, и культура, и

тем более Бог – это не матерьяльные предметы, которые мы приобретаем и постигаем в чувственном опыте, который можно повторить и проверить, а особое иррациональное сверхтворчество (во всяком случае не подобное выстругиванию деревянной ложки). Это творчество является Мифом, и результат творчества – тоже миф.

Нет Бога как предмета, который мы можем пощупать и проверить, совпадают ли наши ощущения.

Даже ЛЮБОВЬ к женщине чаще всего нельзя проверить, и когда двое спорят о любви, трудно решить, кто из них прав.

Если Бог – это Миф, если Культура – это Миф, то по крайней мере мы имеем два несовпадающих мифа. Монахи и священники говорят, что культура входит в религию как ее часть, а что не входит, то не существенно, поэты и мыслители думают, что религия и теология входят в культуру как часть культуры. Творцы культуры известны почти каждому школьнику, и культура в значительной степени составляет *личность культурного человека*, и даже гениальных творцов довольно много; творцы религии известны менее, а сказать, что религия составляет личность верующего человека довольно спорно. Я знаю, что в филармонии и в театре, прогуливаясь в антракте, я могу заговорить почти с каждым, и нам есть что сказать друг другу, и мы друг друга поймем. В толпе верующих собеседника найти трудно. Во что они верят, что такое вера, они не знают. Они не знают ничего о Боге, хотя на меня яростно ополчатся. Если Бог – это Миф, то естественно было бы подумать, что, возможно, у них один миф, у меня другой, но они почему-то думают, что их Миф и есть Бог, и он единственно верный. Они даже утверждают, что Бог уполномочил их изрезать Истину от имени Бога.

Существует ли свобода, совместима ли она с верой в Бога, достаточно ли веры для спасения (о чем спорили и не согласились апостолы Петр и Павел) – обо все этом они говорят так, словно это таблица умножения и она находится только у них.

Даже когда они ссылаются на то, что Бог Сам явился апостолам и именно поэтому слова апостолов словно бы льются из Божьих уст – даже это не согласное с тем, что написано в Священном Писании.

Но ведь и Священное Писание – это один из Мифов, созидающих Бога, существуют и другие. А разве Миф Культуры не созирует собственного Бога, разве великие творения великих поэтов и ученых меньше одной этой, хотя и выдающейся Книги? Разве только читателям Библии являлся Бог, и только они знают Его? А Мохаммед, Будда и Лао-Цзы ничтожны? И ничтожна Жанна Д'Арк, у которой, как я уверился, свой Бог? И ничтожен Пушкин, Вольтер, Гегель, Кант, Фихте, Вагнер?

И я – не только редактор, но и Миф, хотя бы на страницах сей книги, а только ли то, что дается обыденному человеку, существует в границах Мифа? Но боюсь похваляться своими видениями, поэтому сошлюсь на апостола Павла, который говорил: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхúщен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в

теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться, собою же не похваюсь, разве только немощами моими. Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня.»

Поэтому и я, которым я являюсь в границах мифа, тоже знаю человека, который был восхищен в *инобытие* и получил мистический опыт, позволяющий спорить не только по поводу арифметических задач.

Не следует думать, что Бог так себя скрывает от человека, что Он невидим для всех. Нет, он видим многим, надо только томиться духовной жаждой, чтобы Его увидеть.

Итак, человеку дана духовная свобода, любовь и вера, и сие вместе открывает Бога, но не порознь. Рабство же ничего не открывает, кроме ощущения уз и темницы.

Прежде я говорил еще что-то о совести и голосе крови. Вот что говорил об этом апостол несмысленным Галатам:

«Так Авраам поверил Богу [повелевшему ему принести в жертву сына своего единокровного Исаака], и это вменилось ему в праведность. Познайте же, что верующие суть сыны Авраама. И Писание, провидя, что Бог верою оправдает язычников, предвозвестило Аврааму: "в тебе благословятся все народы"»

На этом я пока закончу свой спор с христианским мифом апостолов. Мой религиозный миф – это миф культуры. И мой Бог – это Бог культуры. И я – крестьянский сын, вера Авраама мне чужда. Совесть и голос крови во мне сильнее веры, поэтому Свободу и Единокровных не отдам я даже за Бога. Как брат мой Сергей Есенин сказал: «Если кликнет рать святая – кинь ты Русь, живи в раю! – я скажу: не надо рая, дайте родину мою!»

3. Текст и контекст. Культура и почва.

И текст и контекст – оба они важны для понимания книги и ее справедливой оценки, но, как ни странно, часто ее подлинный смысл определяется даже в большей степени именно Контекстом. Что из себя представляет русская литература двадцатого столетия (послереволюционного периода)? Ограничивается ли она теми авторами, которые остались в советской России? А что же тогда Бунин, Мережковский, Гиппиус, Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Марина Цветаева, Замятин, Ремизов, Зайцев, Ходасевич, Бальмонт? У моих современников трижды менялось представление даже о той литературе, которая росла рядом с ними, по большей части читатель ее НЕ ЗНАЛ. Что такое советская литература, определяется ли она лишь политическими симпатиями автора, относятся ли к ней Есенин, Цветаева, Булгаков, Замятин, Пришвин, Пастернак, Иванов-Разумник, Андрей Платонов, Павел Васильев, Константин Воробьев, Солженицын?

Произведения авторов, живших в СССР, мы относим к *советской литературе* не из-за места проживания и не из-за времени (куда отнести

Даниила Андреева и Солженицына?), но из-за *контекста* – и именно контекст определяет идеологию социализма и советской власти. Так же обстоит дело и с православными писателями. Православие и христианство иногда входят не в текст, а только в контекст.

И чтобы прояснить мне свою точку зрения, придется снова вернуться к рассуждениям о Культуре, то, что я уже говорил, оказалось недостаточно.

Не в том дело, что в тысячах томов не исследовано еще, что такое культура, что к ней относится, все возможные ее виды и роды и даже эпохи. Нет, исследовано всё. Но что-то самое важное по-прежнему в тумане. Кажется, что существуют порознь частная жизнь, государство, церковь, культура, литература, наука, философия как отдельные части мира и бытия. А я пытаюсь понять, что не только жизнь и частные лица и их объединения производят культуру, которая существует потом так, как, например, купленные мною в магазине носки, которые я иногда надеваю, хотя у меня есть еще и другие носки, которые я могу надеть – но так, как девушка производит семью, выходя замуж, и семья затем уже производит ее жизнь, меняя ее, в большей степени, чем она сама как личность. Культура вырастает из жизни, но, проникая в жизнь, пропитывая ее, преображая, она уже сама ее производит. То же самое справедливо для государства и церкви. Они все проникают друг в друга, поэтому я и говорю, что не существует исходной чистой сырой жизни, РЕАЛЬНОСТИ, а только частная жизнь в соединении со всем другим, а в особенности с культурой, и результат этого взаимного проникновения я называю **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ**.

Все то, что нас окружает, что с нами происходит, во что мы окунаемся, просыпаясь – кажется, что это все определяется указами и постановлениями правительства? Или это проникновение литературного вымысла в жизнь?

Именно, я вижу в литературе самостоятельную, из себя исходящую личность (подобную церкви, государству и частному лицу), и я вижу, что **БЫТИЕ** – результат творческого влияния и взаимодействия всех этих личностей на него. Бытие ими творится, а не они его творят. Но они еще творят и друг друга.

Возможно, теперь мои взгляды на *бытие* стали понятнее.

Итак, независимо от того, так ли это на самом деле, взгляните на культуру (и, в частности, на литературу) как на самостоятельную силу в всемирном ристалище сил, как на главного игрока в той "игре", о которой Шекспир сказал: «Вся наша жизнь – игра, а люди в ней – актеры», а в Пиковой Даме Герман поёт: "Что наша жизнь – игра!" Взгляните на культуру в более тесной связи с жизнью, в таком единстве их, в котором душа и плоть человеческие неразделимы, когда неизвестно, что из них что производит, душа ли производит плоть или плоть производит душу. Вот если так взглянете, и культура покажется символом души, а обыденная, реальная жизнь символом тела (плоти), то яснее проступит моя мысль о взаимозависимости и взаимовлиянии культуры и жизни, забудете вы примитивный образ жизни как самой из себя стихии, а культуры – как изображения этой исходной жизни, более усвоите, что если культура и не исходна для жизни, то уж по крайней мере не вторична, что **культура не описывает жизнь, а творит!**

Осуждая мою книгу, иные говорили, что читателя я засыпал ворохами изречений, идей, сентенций, цитат и нравоучений, которые и представляют мой *текст*, что художественное воображение я подменяю набором сведений, талант – знанием. Зачем же я уверял, что я ничего не знаю, и не требую ли я от писателя, чтобы он превратился в энциклопедический словарь?

Надо объясниться и, поелику возможно, оправдаться.

Не буду скрывать, кое-что я читал, на три четверти совершенно ненужное, что-то встречалось среди прочитанного полезное. Но и то и другое не задержалось в моей памяти, и то, что я и в самом деле ничего не знаю, справедливо. Размышляя над своей злосчастной судьбой, над тем, что к знающим я не могу присоединиться не из-за лени, не потому, что не в состоянии понять умников, не потому, что сам совсем не умник, я сделал, наконец, важное открытие – ведь многое не случайно из того, что с нами происходит, не случайно и то, что знания проваливались куда-то на дно моего ума или души и образовывали нечто вроде придонного ила.

Я стал размышлять о почве, о разной, и о той, которую возделывает (cultura) крестьянин, и о той, которая служит основанием культуры.

Мы возделываем и то и другое, а я, как крестьянин, возделываю огород, сажаю овощи, картошку, цветы, даже злаки. Осенью, убирая урожай, пропалываю я грядки, но многое остается в земле, перегнивает, да еще туда же попадают стебли и листья, мусор, остатки с деревенского стола того же самого урожая. Попадают туда и листья дерев, и камни, которые из глубин поднимаются почему-то к поверхности, и комья глины, и песок, и дерево, и даже железные части инструментов, гвозди и проволока.

И все это я снова тщательно возделываю уже весной и сажаю новые семена. Итак, в почве содержится не только она сама, но и то, что на ней произрастает. Если произрастающее уподобить культуре в обычном смысле слова (мы ведь понимаем под культурой сумму произведений, книг, картин, скульптур и зданий, учений и идей) и если рассмотреть отношения между деревьями и лесною почвой, то будет очевиднее, что все, что произрастает в лесу, возвращается в почву (а автором произрастаний является природа).

Объединяя все то, что производит человек, природа и Бог (через природу и человека), мы получаем Культуру в широком смысле этого слова, которая одновременно является почвой (что еще очевиднее для тех книг, которые пишу я, ибо они в меньшей степени зависят от моего собственного воображения, чем от культуры). И я говорю в завершение этих длинных рассуждений: культурой является та Почва, из которой мы все растем, и наша жизнь и наша культура, и в которую мы возвращаемся. "Праха ли мы и в прах возвратимся?" Нет, мы часть вечного духа, который мы дополняем своим творчеством.

А продолжаемся ли мы еще иначе, чем через культуру и общую почву, об этом еще мы поговорим.

В собственном смысле этого слова в Почву входит народный быт (общий по преимуществу и для "гордого сына славян" и "друга степей калмыка"), и "преданья старины глубокой", и давняя и недавняя общенародная память и – тот великий Язык, из которого по преимуществу и вырастает культура. Недав-

нее разделение писателей на городских, выросших на асфальте, но питающихся, якобы, городской культурой (якобы самостоятельной, оторванной от *Почвы*) и на "почвенников" – условно, односторонне и несправедливо. У русской литературы почва общая, и она одна. Как и в девятнадцатом золотом веке, несмотря на сословные различия.

Эта почва, из которой мы все вырастаем, и интеллигенция, и народ, и большой и малый, и писатели и верующие – это Язык и Культура (а язык – и почва для культуры и сам часть культуры). Это и Быт и Память. Но почвою еще является и "голос крови", те племенные (этнические) корни, которые есть у всякого, даже у "гражданина мира", даже у Сына человеческого, надеявшегося принести спасение "своему народу", как Он сам говорил, но принесшего его (как уверяют апостолы) всем народам.

Но именно потому, что почва, из которой мы все вырастаем как единый *народ* с единой культурой – это прежде всего общий язык и общая культура и общий быт и общая память, то хотя "голос крови" входит в условия для произрастания культуры (а мы ведь имеем родство и обязаны его помнить, хотя бы и не вели его от Авраама), но он недостаточно силён, чтобы нас разделить на племена, виды и роды.

Для России это чрезвычайно важно. При таком взгляде на Почву, будучи Вологодскими, Курскими и Тунгусскими *отчасти*, мы останемся русскими *в целом* (как и матушка Екатерина, Растрелли, Лансере, Багратион и де Толли, Фет и Пастернак).

Но я устал и хочу в деревню...

4. Литература как источник Великой Французской революции.

Читаю сочинение гениального историка Алексиса де Токвиля (Alexis de Tocqueville) «Старый порядок и революция».

«Совершенно новое для истории обстоятельство, заключающееся в том, что политическое образование народ получил исключительно благодаря литераторам и философам, возможно, более прочего способствовало приданию французской революции ее специфического характера и привело к известным результатам.

Народу, свершившему Революцию, литераторы передали не только свои идеи – они наделили его своим темпераментом и духом. И весь народ, находясь под длительным руководством этих писателей и не имея кроме них иных руководителей, в глубоком неведении практики в конце концов усвоил привычки, склад ума, вкусы и даже естественные странности читаемых писателей. Таким образом, когда настало время действия, народ перенес из литературы все привычки на политику.»

Какой народ имеется в виду?

Возможно, ВЕСЬ. Частично даже аристократия (и аристократы участвовали в революции), и часть всех других тоже, и чиновничества, и духовенства, и интеллигенции. Известно, что проститутки были одной из движущих сил Революции, приходя в Конвент, они выступали с неистовыми речами, и часто речь одной из них оканчивалась тем, что ТУТ ЖЕ депутатов, возражающих «совести революции», тащили на эшафот.

Эта Революция была великой, но и чудовищной, безобразной, до безумия жестокой, нелепой, безумной, отвратительной, гадкой и безнравственной. Она была неотвратима, потому что «старый порядок умирал» – но он и ДОЛЖЕН был умереть, он стал ненавистен всем.

То же и в России. После русской революции стало хуже, Россия чуть не погибла, но Революция была неизбежна.

Так неотвратима и необходима Зима после Осени увядания и тления.

Одна из причин ненависти к предшествующему порядку заключалась в какой-то параноидной централизации. Каждое административное и хозяйственное пожелание и действие жизни в самой отдаленной провинции и деревушке определялось центральной властью. Если сельский приход хотел открыть Детский дом (слишком много новорожденных стали подкидывать к дверям храма), то необходимо было получить Разрешение Министра. Завязывалась переписка. Назначалась Комиссия. Принимались решения. Проходило иногда двадцать лет от подачи прошения до завершения чиновничьей эпопеи. Чиновники стали составлять более половины населения страны. Сам король уже готов был начать революцию, но не успел, его казнили.

Вглядываясь в окружающую нас, в нынешней России, жизнь, мы видим тождество воздуха, которым приходится дышать. Человек, имеющий легкие, задыхается. Возможно, выведена новая порода людей, их мозг потребляет меньше кислорода. Этим хорошо. Остальным плохо.

Та литература, которая проникает меня, частично восполняя нехватку воздуха, обязана стать спасительной силой, значит, она должна стать завскаской разгорающейся Революцией.

Но я был бы нечестен, если бы умолчал о том, что Токвиль И возражал против такого влияния литературы на жизнь.

«При изучении истории нашей Революции бросается в глаза родство между нею и духом, побудившим к написанию стольких отвлеченных книг о правлении. В обоих случаях мы находим пристрастие к тем же общим теориям, законченным системам законодательства и полной симметрии в законах; то же презрение к реальным фактам, то же доверие к теории; ту же склонность к оригинальному, замысловатому и новому в институтах власти; то же желание переделать одновременно все государственное устройство в соответствии с правилами логики и единым планом вместо внесения в него частичных изменений. Ведь в государственном муже достоинство писателя может порой обернуться пороком, а условия, порождающие часто прекрасные книги, способны привести к серьезным переворотам.»

Это было написано словно через несколько лет после Русской революции. Но этот вывод можно было бы сделать, прочитав «три источника и три составных части марксизма», книги Платона «Государство», Кампанеллы «Город солнца» и «Утопию» английского лорд-канцлера Томаса Мора, окончившего жизнь на плахе.

[Кстати, чтобы быть справедливым, надо дополнить образ Томаса Мора, он не только «марксист», в «Диалоге о ересях» он с *негодованием* осуждает идеи Лютера о *несвободе человеческой воли* – трактат Лютера «О рабстве

воли» (1525), направленный против сочинения Эразма Роттердамского «О свободе воли» (1524), в котором доказывается, что спасение христианина зависит не от его воли, а *только от веры и милости бога*, ниспосылающего веру. У человека нет свободы выбора, его воля бессильна что-либо изменить.]

[И, кстати, я мог бы сказать, что уйду из христианства из-за нашего нынешнего российского Православия, НЕОТЛИЧИМОГО от лютеранства в части НЕНАВИСТИ к *Свободе*, но уже мировоззрения так растворились друг в друге, полемика настолько уже бессмысленна и невозможна, вместо нее нагайки казаков и дикие выкрики православного народа, не знающего ни смысла слова Православие, ни смысла слова Народ, не читавшего ни Эразма ни Мора, ни даже Маркса – а интеллигенты читают еще меньше лифтера и сторожа – что... с кем спорить? О чем? Чтобы мне вместо доводов приводили примеры из постановлений съездов и из мерзости, изливаемой из «зомбоящика», заменившего ум и память людей?]

Итак, моя последняя надежда – *Литература*, которая *должна создать Новый Миф Мира*. И преобразить бытие, отринув растленный и обветшавший старый мир.

Итак, Великая Французская революция – это и Заслуга и Вина Литературы. Такова и вся наша жизнь, которую мы ДОЛЖНЫ исполнить как миссию. Писатель, даже пишущий о «Случайной любви», как Юнусов, должен вместе с другими строить баррикады. (Впрочем, в своей повести он и баррикады строит тоже).

5. Свобода и Долг.

Но, кстати, поелику уже даже то, что дважды два четыре, нельзя просто так упомянуть, но надо объяснять – ибо человек разучился мыслить – то задержусь около слова «ДОЛЖНА».

Защитники свободы воли да и просто свободы часто восклицают, что никто никому ничего не должен, и ЧЕЛОВЕК ничего не должен ни государству, ни Богу, ни человеку, ни тем более не должна никому Литература, а все то, что человек может делать и делает, он делает только в соответствии с своими желаниями и своей свободой, и я обычно говорю то же самое, и на моем знамени и на титульном листе моих книг написано слово СВОБОДА.

Но, во-первых, свободу личности, и в частности писателя и философа, ограничивает только СИЛА ВЛАСТИ. Отдельные между собою имеют право спорить, ругаться и даже схватываться в рукопашную. Я – редактор и учитель математики, а не государственный следователь, судья, инквизитор, конвоир и палач. И я отчасти философ и писатель. И я свои взгляды на мир высказываю даже в категорической форме, ибо И нелепо было бы, если бы я «неразумным галатам»... ммм... школьникам говорил, что, возможно, хотя я не настаиваю... но дважды два четыре. Нет, я настаиваю, что дважды два четыре. Это государству должно быть ЗАПРЕЩЕНО восклицать, устами хотя бы всех горьких мира: С кем вы, мастера культуры?

Ибо литература – это наше личное дело, писателей, поэтов и философов. Государство МЫ поставили нас защищать, собирать налоги, следить за порядком и соблюдением законов, и это МЫ имеем право гильотинировать неугодных НАМ царей, а не цари решают, кого из паломников, приходивших на Болотную площадь, посадить и на сколько. Но пусть и эти цари помнят, что и Павел Первый был царь, и его задушили подушкой, и Петр Третий был удушен веревкой, и Николая Второго сбросили в шахту, и Людовику Восемнадцатому отрубили голову, и Троцкого зашибли ледорубом, и деспот кровавый Иосиф был отравлен, и Чаушеску, и Каддафи, и... В общем, неисчислимо еще веревок, подушек, топоров и склянок с ядом хранится в английском шкафу, в котором хранятся и их скелеты.)

И Христос *должен был* знать (ибо он был сыном Бога), что когда он воскликнул «Кто не со мной, тот против меня», он отнял мою свободу (которую якобы, как уверяют христиане, христианство мне даровало), ибо ему предстояло стать государством, и это государство запретило мне не только с ним спорить, но даже просто побыть отдельно (ну или в постели с возлюбленной, когда уж мне точно не до государства и не до всех самых истинных учений в мире). Помимо общественной жизни существует еще и частная. Возможно, я пришел ЗАЩИТИТЬ человека и оправдать и защитить его свободу, на которую все посягают, от Бога до Науки.

Но на моем знамени и на титульном листе моих книг написаны еще слова Любовь и Долг, это я их сам написал, слово *Любовь* написал, потому что Люблю: многих, от вертихвосток до Северного Сияния, от близких до какого-нибудь цветка в долине у ручья, от собирания книг до воробышков, сидящих в классе и слушающих меня восторженно, объясняющего про точки разрыва. Но дьявольское государство, не в силах уничтожить любовь ко мне детей и девиц, лишило меня возможности просто работать учителем, хотя бы в школе глухой деревушки.

Зачем же написал я еще и слово Долг? Нравится ли оно мне? Нет. Я под тяжестью его изнемогаю. С трудом встаю от ночного сна. С проклятьями приступаю к работе, потому что большая ее часть была мне в тягость, но необходимо было зарабатывать на хлеб, и для себя, и для тех, кто от меня зависел.

Почему же я не сотру это слово?

Этого я объяснить не могу.

Я знаю (думаю, что почти знаю), что такое Любовь.

Я знаю (думаю, что почти знаю), что такое Вера.

Я знаю (думаю, что почти знаю), что такое почти безнадежная Надежда (ибо надёжной Надежды, увы, не бывает).

Но Долг – это сосредоточение всех антиномий бытия. Это всемирное тяготение, ограничивающее нашу свободу передвижения (но без него передвигаться совсем невозможно); это тело, отягчающее нашу свободную душу (но без тела нет и жизни); это ревность, измена, запрет, страх, немощь, преступление и наказание, жажда и воздержание, это семя, прорастающее в нас и мучающее нас, когда бы мы недеялись ограничиться только наслаждением, поедая с Евою сладкое яблоко.

[Да уж, совсем уж некстати, снова вспомяну про тот злосчастный первородный Грех. Это самый злосчастный Миф. Именно из него и произошло христианство. Если бы человек не был объявлен преступником и злодеем, причем совершившим Онтологический грех, который он своими силами, хотя становясь святым, не в состоянии был исправить, то не было бы нужды вочеловечиваться Богу и отдавать свою жизнь в жертву для преодоления Непреодолимого первородного греха. Возможно, я еще что-то в сем не сумел увидеть. Но так или иначе, я устал от тяжести этой могильной плиты осуждения человека за невинное любопытство девушки Евы, тяжести большей, чем смерть. Если чувствовать, что мы изначально и неискупимо виноваты, то бессмысленно писать книги, ласкать девиц, рожать детей, устраивать революции. Вот почему я выхожу из Учения праведности, все остальное в нем, верно или неверно, уже менее значительно. Я хочу умиленно смотреть на смеющегося младенца, чувствовать его безгрешность; влюбленно на краснеющую девицу, испытывающую «греховное» желание; восхищенно на вдохновенного творца; огорченно (но не унижающе) на «неразумного галата», не понимающего меня.

И, в дополнение, вот что такое Долг: я существую отдельно, сам по себе, я личность, из которой словно бы проистекает мир (ибо без моего восприятия и переживания его бы и не существовало), но я и тождествен другому, неотделим от тех, которых люблю, но неотделим и от почти всего остального. Я не только Я, духовно абсолютно свободный, потому что опираюсь и на великую культуру, и на то, что, если верить моим учителям, мне уже от рождения было «много дано», и на то, что мир и Бог словно бы меня избрали и вдохновляют меня, вот даже я пишу письма моим читательницам – разве бы я что-нибудь путное написал, если бы не они?! – но Я еще и все то, что не Я, но что мне близко, и даже то, что мне далеко. Вот так хрупкая сестричка на фронте тащит раненого солдата, замерзает, изнемогает, солдат уже почти не дышит, но она его бросить не может и вместе с ним погибает.

Долг – это совесть, которая нас мучает, не дает наслаждаться жизнью, требует, чтобы мы, чтобы быть «достойными счастья и свободы, каждый день шли за них на бой», вместо того чтобы умильно проснувшись, потереться лбом об иконку и снова уснуть, ибо, как уверяют меня сегодня ВСЕ христиане, все зависит только от Бога, и идти на баррикады – это грех...

Но – хватит! Надоело!

6. Надо ли прочитать все книги и всё знать, прежде чем учить?

Как бы я ни доказывал, что я ничего не знаю, меня упрекают в том, что я «умник», от таких и житья нет, всех поучаю. К счастью, дети не упрекают меня в умничаньи, считают меня своим, таким же, как и они, иногда даже глупым.

Но я пишу и цитирую великих не только для того, чтобы насильно впахнуть в моего читателя ненужные ему (как он думает) сведенья, как это было, когда еще я был энтузиастом-учителем (а пришло время, я поумнел и стал совсем другим, я перестал мучить своих студентов, я им на первой же лекции говорил, что если они будут все время без пропусков приходить, то я на

экзамене поставлю им четыре и пять, знания проверять не буду, исполнения домашних заданий тоже, к доске буду вызывать только желающих или тех, о ком соскучился, или кто попадется вдруг мне на глаза... потом они, правда, мне сказали, что они посоветовались и постановили, что проверять домашние задания надо, но они будут мне помогать, будут их проверять по очереди, а я буду только проверять проверяющих... Да, странный я был учитель, вспоминаю и удивляюсь. А если еще я сознаюсь, что однажды на скамейках в садике напротив Витебского вокзала зимним вечером я распивал с ними вино, мы передавали бутылку из уст в уста... если я еще и в этом сознаюсь... но нет, читатель, это ведь МИФ, который я создаю о себе, не всему верь, тем более что я не согласен с апостолом Павлом, что для спасения достаточно Веры – нет, нужны еще и добрые дела и Любовь!)

Итак, для спасения недостаточно Знаний, иногда они даже излишни.

На самом деле необходимо и достаточно ВИДЕТЬ ясно и правдиво все то, что происходит в нашей жизни и нашей истории, и кто видит правдиво, тому не нужны не только книги, но даже газеты и тем более радио или телевидение. Пишу бесконечные нравоучения только для того, чтобы что-то пояснить, чтобы читатель догадался, что в девятнадцатом веке в России и в Европе была создана великая культура, что высоко была поднята ЧЕСТЬ, и Александр Третий даже издал Закон, разрешающий дуэли (без них честь роняется, хотя дуэли ужасны, как и всемирное тяготение); что в пред-революционной России бабы рожали по многу детей (иначе бы мы давно б передохли, если б, как ныне, жили только для себя, для своего наслаждения), потому мужик не всегда мог прокормить такую ораву, а при нынешнем времени мы бы жили б только в беспросветной и абсолютной нищете, если бы у меня и у вас было не по одному, которого еле-еле нам прокормить и одеть, а по семеро; что НЕ ВСЕ было хорошо – да – а после большевистской вакханалии стало еще хуже, хотя революция была неизбежна, и старый мир накренился, надо было его ломать, как мне мой обветшавший сарай – но ведь я чуть не погиб, когда полетело бревно прямо мне в грудь, но чудо меня спасло, хотя, увы, не спасло чудо Россию; что капитализм эгоистичен, а коммунизм гибелен; что демократия ужасна, а диктатура еще хуже, и я уповаю только на аристократию; и что не женская ли только красота спасет мир? И про многое другое...

Но моя мать не прочитала ни одной книги, но все это было для нее очевидно. А в школе, в которой я учился в Сибири, школьники на уроках спорили обо всем, что я только что написал, в страшных снах не могли бы они увидеть, что портреты Сталина понесут умалишенные. Читали они и «Записки охотника» Тургенева, и «Путешествие из Петербурга в Москву», а Архипелаг Гулаг видели из окна школы, не нужно было читать им Солженицына. Мне показалось, когда я доехал из медвежьего края, из дикой Сибири до Окна в Европу, что я попал в сумасшедший дом.

Не нужно читать, образование ума не добавляет, говорил Солженицын, иногда под грузом книг последний ум захочнет... Но что же делать?

Вот этого, увы, я НЕ знаю.

7. Что же делать?

Какова вера, таков и Бог, написал я в эпитафии к главе, переиначив русскую поговорку: Каков поп, таков и приход.

Поскольку глаза замусорены, видят плохо, поскольку, по неведомой мне причине, современный мне городской обыватель-интеллигент НЕ ХОЧЕТ смотреть и видеть (возможно, по тому же, по чему не хочет знать свои грехи и слабости и грехи своих иллюзий и кумиров – а зачем он в кумиры избрал себе всякую шваль и мерзость, это уж точно мне неизвестно), то я пока пишу еще, в частности, одна из моих читательниц задает мне вопросы, она пытается знать правду, я ей обещал на ее вопросы ответить, и не на все ответил.

Боюсь, это повествование, не разрывающее мой способ писать и говорить, бессильно. Если Бог есть, если Он за меня, если Он захочет мне помочь, то я напишу уже третью книгу, словно бы позабыв про эти две. В ней я буду писать иначе, в ней я должен буду соединить свою неправую жизнь и правые рассуждения.

Этот разговор еще немного придется продолжить. Чтобы не запугать читателя, заранее говорю, о чем еще собираюсь я написать.

О Северном Сиянии и женской красоте (не она ли спасет мир?), о Нечто, исходящем из Инобытия в наш мир, как исходит с неба Северное сияние, о явлении Христа, благодати Божией, явлении ангелов и святых, видениях, которые посещают избранных (как Жанну Д'Арк) – но очень коротко. Ибо хотя Видения вмещают подчас целый мир и целую жизнь, но в самой повседневной жизни они иногда как мгновение. Они могут питать творчество, но сами по себе они не вмещаются в образ.

Деятнадцатый век и дореволюционная Россия – что они символизировали в противостоянии веку двадцатому?

Свобода, Долг и Принуждение. Свобода для всех или для немногих?

Сословное общество, справедливость и неравенство. Империя как форма целостности и свобода частей. Государство и церковь, вырождение демократии. Необходимость и опасность революции.

Гибельность коммунизма и эгоизм капитализма. Народничество и индивидуализм. Надо несколько слов сказать о русских народоненавистниках, и о старых, и о новых, отождествляющих народничество и фашизм (может быть, им кто-то за это платит? Как путаны?)

Культура: как МИФ и РИТУАЛ: служба в храме, кропление водой; пляска шамана, пляска дикарей на празднествах; гадание; магия, посвящение в женщину, в рыцаря, свадьба; медицина и колдовство, снятие порчи, сглаз, заговоры, кропление водой, сожжение и посыпание пеплом.

Еще про Пушкина (а про Бога уже хватит), еще о Святой Руси и русском Боге, о любви, милосердии, сострадании.

Да еще, по просьбе юных созданий, необходимо, наконец, спросить и о самом себе: к чему я стремлюсь, чего хочу, на что еще рассчитываю в своем романе уж не с жизнью, так хотя бы с литературой...

6 марта 2014 г.

Глава шестнадцатая
КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ МИФА

Каков Бог такова ему и свеча..

1. Бессмысленность доказательств

Утро 8 марта, суббота. Обычно я просыпаюсь в семь часов утра, но это для меня рано, если повезет, то я еще засыпаю на час-два и вижу цветные сны.

Если я накануне выпил, хотя бы пятьдесят грамм, то просыпаюсь из-за сердца (сегодня окончательно согласился, что крепкого пить больше не буду); если же ничего не пил, то одолевают мысли и художественные образы – но у меня мало времени, более насущные дела с утра одолевают, и я уже не записываю замыслы рассказов и стихотворные строки.

Да и понимаю, что ничего существенного не напишу.

Поэтому я и бросил когда-то занятия математикой (хотя и написал злополучный учебник, который народу русскому не нужен, ему нужны учебники подурней моего или же сочиненья тупых вождей) – я осознал, что Гаусс из меня не получится, а на меньшее я был не согласен.

Сегодня в восьмом часу мне вдруг стало понятно почти всё (почему русские любят злодеев и тиранов, этого я не понял, боюсь, и никогда не пойму, но прочее зато почти всё стало понятно).

Я понял, каковы у меня отношения с литературой и каковы с женщиной; что для меня красота и доказательства.

Начну с доказательств.

Человек выходит на улицу, пасмурно, сыро, зябко. Он возвращается, говорит домашним, что надо одеваться потеплее, и сам утепляется тоже. Никому даже в голову не приходит, что надо требовать у него доказательств – всякий может *проверить* сам.

Вот так же и почти всё остальное, кроме математики. Нам даны одинаковые способности ощущений тепла и холода, сырости и сухости, кислого, сладкого, соленого; кроме некоторых психических заболеваний, когда ощущения иногда меняются: идет человек по улице, видит, что кого-то, ребенка или женщину, истязают, и так ему становится тепло на душе – ну, разумеется, псих! И разве не таково было средневековое общество, бегавшее с наслаждением смотреть, как на кострах сжигают девиц?

Поэтому мне неприятно доказывать очевидные вещи, словно я играю в зловонную игру: вот ведь на этой войне *не жалели людей* (и вся эпоха была такова, зверская, она занималась истреблением то врагов народа, то кулаков, то шпионов, то инакомыслящих, несогласных) – и потому кидали и кидали тысячи и миллионы, не считая, и всё брали высоты, чаще всего безымянные! Ни один почти генерал, маршал, полковник или майор не думал, как бы уберечь лишних солдат, сколько их там погибнет, установка была, что это не важно, важно было: высоту эту взять – пока уже фронт не наступал, высота

оказывалась в нашем тылу, защитников ее уже не оставалось, и ее уже, наконец, брали: зачем?

Сейчас бросится кто-то доказывать и опровергать, но почему этому человеку важно мне доказать (или самому себе), что *надо было* сорок миллионов людей «истратить» (а даже злобный Гитлер *истратил* своих только семь!) – этого я, вероятно, никогда не пойму. Вот почему и думаю, что сие – психическое заболевание, там происходит изменение чувств.

Сетую, например, что расстреляли гениального Павла Васильева, второго русского Есенина, а мне в ответ: А он на допросах (на которых его истязали) "заложил" многих своих собратьев-писателей!

Расстреляли его разве за это? Арестовали изначально за то ли, что *потом он начнёт закладывать*? Вот, например, за убийство, которого не совершил, повесили П. Да и человек он склочный, храпел по ночам в камере. Но оправдывает ли его склочность и храп то, что его расстреляли за преступление, которого он не совершил?

Цезарь встречался с Спартаком накануне восстания, тот склонял его стать союзником, многое в Риме не нравилось Цезарю. Но не согласились и разошлись, и Цезарь не побегал с доносом, и Спартак знал, что Цезарь не побежит. *Честь*, оказывается, выше и дороже выгоды государства. Если честь граждан сохранена, то государство выдержит жестокие испытания, если же не сохранена, то и государство падёт.

Сколько русских думают так?

И потому приходит мне в голову отчаянная мысль, что уже все безнадежно, что народ этот уже до конца растлен и погиб, его уже не спасти. И "трехсот спартанцев" среди него, способных на доблесть, я уже не найду!

Советско-большевистская эпоха НЕ ЖАЛЕЛА человека, она его ненавидела, потому истребляла, иногда, якобы, по государственной надобности, иногда просто так, без всякой нужды.

Городской пролетарий, совершивший эту жуткую революцию, истребил почти всех работающих крестьян. Этот же пролетарий уничтожил культуру, она ему чужда, если он не мнет в руках землю, не видит зарю, не слышит пения соловьев, не будет он строить затейливый дом, ему достаточно абы как. Или он ходит в театр, в филармонию, поет песни хотя бы по пьянке? Нет, он смотрит телек и иногда ходит с знаменами в честь вождя, там они выпивают.

Доказывать ничего не надо (кроме математики), это бесполезно. Кто ВИДИТ (то есть, у кого глаза видят по человечески), тот все и так знает. А эти, НЕ видящие... С ними иногда происходят метаморфозы, по неизвестной причине, вчера они голосовали против частной собственности, *все как один*, вдруг ринулись строить капитализм и любить «партию жуликов и воров», а тех, кто ее разоблачает, злобно ненавидеть. Но ведь вы же любите строительство коммунизма, а «партия жуликов и воров» его отменила, говорю я! Нет, разницы между теми и этими они не понимают, любят и тех и других.

Доказывать ничего не надо, это бесполезно. Сталина и советских "маршалов победы" оправдывают либо те, кто не погиб, да и воевал чаще всего в тылу, в интендантских частях, на командных пунктах, либо те, у кого отцы не погибли. Мы, отцы и дядя и деды которых лежат у подножия Безымянных высот, *видим* иначе. Когда вы поете, что «не постоите за ценой», вы имеете в виду, что платить будем мы, а вам платить не придется.

Итак, доказывать ничего не надо, это бесполезно.

2. Жизнь как миф о любви

Отношения с литературой по разному, не сходно складываются у творца, читателя, критика, цензора и философа. Писатели иногда ревнуют друг друга к славе, критики ревнивы почти ко всем (потому что сами не умеют писать), цензор *ревнует* литературу к государству [запутался в употреблении этого странного глагола: *Бог ревновал Еву* (как старый отец, хотел, чтобы она вечно сидела дома)], читатель один свободен в своих чувствах, любит не предвзято и бескорыстно.

И я, наконец, понял, что и как связывает меня с литературой. Она для меня и то же, что для читателя, но я еще и философ и революционер, я, может быть, особого рода крестьянин, вышедший на поле бытия, в крестьянский двор, чтобы посмотреть, какие сараи обветшали и накренились и могут придавить меня и моих домочадцев. На этом особом поле перестраивать и преобразовать нашу жизнь возможно только с помощью литературы, следовательно, литература – кирка и лопата в моих руках, молоток каменщика, топор для строителя деревянных строений.

Я был вначале редактор и критик, теперь уже цензор. Вначале я смотрел, что хорошо и что плохо, и был полезен писателям, теперь уже я смотрю, полезен ли мне писатель в моих замыслах изменения несправедливой жизни – но *главные критерии в отношении художественного произведения – нравственные и эстетические*, помогают ли мне писатели при строительстве баррикад, должно быть второстепенно. Иначе и я начну восклицать вслед за Ильичем, что литература партийна. А она сама по себе. Она принадлежит только себе, а не партии, не государству, и даже *литература не принадлежит и народу*.

Так что, писатель-читатель, теперь будь осторожен, как бы я не изменил свободе, которую защищал, и не стал предвзят.

Вот Бог христиан не поднялся над своей несоразмерной ревностью, не захотел простить невинное творение (да уж и вину нашел: любопытство!), не только прогнал со двора своих единственных, хотя и сотворенных, но одушевленных своим же духом детей, но потом, не то покаявшись, не то взбеленившись еще пуще, и сына своего не сотворенного, «иже от Отца рожденнаго» послал на заклятие.

Воистину, неисповедимы дела Твои, Господи!

И все же я не только крестьянин, и не только кирку и мотыгу вижу в литературе, как и в жене самый суровый и грубый и скарденый крестьянин видит не только стряпуху, работницу и кормилицу для детей, и я также не только редактор, не только революционер и возделыватель огорода и поля.

Разочаровавшись в себе как в художнике, я от литературы слегка отступил, она перестала быть для меня мастерской и полем, и более стала театром, музеем, читальным залом, а в особенности местом романтических свиданий. Литература стала воистину женщиной, с которой я «закрутил» безумный «роман». (И поэтому не случайно и книга сия называется «романом с литературой».)

Это не должно удивлять, потому что жизнь постоянно перемешивает реальное с вымыслом и символом – даже в подлинной любви к подлинной женщине многое воображаемо, условно, подобно грезе и сну. Какова любовь в "Белых ночах", в "Бедных людях", в "Неточке Незвановой", в "Маленьком принце" – разве она из "крови и плоти", а не только из духа и воображения? Кто еще помнит, как он любил в семнадцать лет, тот со мной согласится.

Можно любить книгу как женщину (такова любовь коллекционера), но можно любить и женщину как книгу, как об этом пишет Валерий Брюсов.

Ты – женщина, ты – книга между книг,
 Ты – свёрнутый, запечатлённый свиток;
 В его строках и дум и слов избыток,
 В его листах безумен каждый миг.
 Ты – женщина, ты – ведьмовской напиток!
 Он жжет огнем, едва в уста проник;
 Но пьющий пламя подавляет крик
 И славословит бешено среди пыток.
 Ты – женщина, и этим ты права.
 От века убрана короной звездной,
 Ты – в наших безднах образ божества!
 Мы для тебя влечем ярем железный,
 Тебе мы служим, тверди гор дробя,
 И молимся – от века – на тебя!

В моей жизни, которая чуть ли не сразу же от рождения начала твориться как миф, любовь к женщине и книге, любовь к женщине и литературе соединились воедино, одно не всегда я мог отделить от другого. Иногда я писал стихи и рассказы, отталкиваясь от реальных событий своей жизни, потом уже не мог восстановить, что было на самом деле, а что я вообразил в поэтическом вдохновении; иногда я влюблялся, отталкиваясь от литературного сюжета.

Героини книг, героини снов, школьницы, девочки, девушки, Неточки Незвановы, Полины и Джульетты, Манон Леско и Жанна Д'Арк – она была одна и та же в разных образах.

Я просыпаюсь в вагоне поезда, безумствует, бегая по вагону, шестилетняя Ева и кричит, что она Ева!

Спускаюсь с неба на землю (или, наоборот, возношусь на небо?), естественно, что мы сразу же начинаем говорить о любви. Но учти, что я женат, сознаюсь я как честный кавалер. Она помолчала, потом сказала серьезно: Ладно, я буду у тебя вторая жена!

Подумала немного еще и добавила: Или я сначала выйду замуж, потом женюсь на тебе, и ты станешь мне вторым мужем.

После этого должно быть неудивительно, что другая Ева, видевшая меня однажды, когда ей было шесть лет (и я, оказывается, окружен был *нимбом!*), разыскала меня через пятьдесят лет – она мечтала когда-нибудь со мной встретиться, и случай ей в этом помог!

Разумеется, эта любовь была любовью-символом.

Бывало и так, что я был влюблен не в девушку, а в некое светящееся облако, состоящее из отдельных, как журавлиный клин, или как стайка мошек вокруг электрического фонаря.

Таких было несколько случаев. Незадолго до того, как меня посадили в первый раз, я преподавал математику в Институте легкой промышленности, что-то вроде нынешней "Академии дизайна", первокурсники там были сплошь из тех, кто не поступил в Театральный. Конечно, вместо математики мы читали стихи и говорили о любви. Однажды с одной из фей прибирались мы в классе и вытирали доску, я стал отбирать у нее мокрую тряпку, руки наши соединились, мы так замерли на несколько мгновений. Через месяц, вернувшись с каникул, она сказала мне в темном коридоре шопотом: Мама согласна, чтобы я вышла за Вас замуж.

На следующий день она узнала ужасную правду, а я впредь старался не отбирать мокрых тряпок у романтических студенток.

Второй случай был между двумя посадками, я преподавал в Полиграфической академии, но там девушкой был целый класс, замуж за меня коллективная девушка не собиралась, мы только объяснялись в любви.

И, наконец, уже перед второй посадкой, в Акмеологической академии, где в моей группе были тоже одни девицы, узнав о том, что меня исключают с работы, они порывались на баррикады; я уговорил их ограничиться демонстративными поцелуями перед кабинетом начальника.

Так же влюблялся я и в цветы, особенной разницы в моих отношениях с цветами и девушками я не видел. В шесть лет у ручья за околицей я встретил оранжевый цветок, бутон которого похож был на башмачок; таких я больше никогда не видел. Однажды, тоже в детстве, в апреле, на растаявшей поляне, вокруг которой сплошь лежали сугробы, увидел я заросли подснежников. Затем через много лет на Кольском встретил я дикую розу в лесу.

Читая роман Натальи Троицкой «Сиверсия», в сердцевине которого женщина-цветок и мистический зимний цветущий куст Сиверсии, я чувствовал, что это роман и обо мне. Так же себя я увидел в романах Натальи Ефремовой и Елены Лобановой. Литература не существовала сама по себе, она проходила через меня как магнитные волны.

Бывали у меня и романы с отдельными, но так как я очень рано вообразил себя учителем и пророком, то к народу относился я как пророк, а к девушкам как учитель. В девятом классе встречался я с десятиклассницей, математика ей не давалась, я стал ее домашним учителем. Жаль, современный читатель не сможет почувствовать того волнения, которое нас охватывало, когда я

случайно касался ее руки. Если есть рай, то в нем я не испытаю уже ничего высшего. Если есть ад, то мне он уже не страшен, после тех мгновений восторга я чувствовал, что жить дальше уже не стоит.

Девушки меня любили, вероятно, им я казался символом или стихией. Я был ветром, дующим в жарком июле. Каплями дождя перед грозой. Тающими снежинками. Что со мною можно еще целоваться, им не приходило и в голову. Странно это, так как я был не лучше других (в смутных предчувствиях), но с ними я ускользал из мира. Одна моя студентка через много лет мне созналась, что обо мне мечтала как о живом человеке – но я «был соткан из грез», как пел Лещенко в одном из своих романсов.

Но это, разумеется, миф, все то, что я пишу.

Есть один образ в мировой литературе – образ неизведанного, таинственного, отчасти опасного: темной комнаты, закрытого чулана, чердака, далекой горы с темным лесом... туда и влечет, и страшно заглянуть и зайти. Это символ тайны, которая ждет и манит нас в сближении полов, преимущественно той тайны, которая волнует дэвичьи грезы.

Я спрашиваю себя, почему дети любят меня, почему влюбляются в меня девочки, любят со мной разговаривать, играть, слушать сказки – я был образом этой манящей тайны, но они мне безоговорочно доверяли. Так же доверяли и девушки. Почему? Разве я не был мужчиной? Или не был? Некоторые мужчины меня обвиняли в каком-то связанном со мною мистическом инакобытии, которое, по их мнению, было даже «порчей» в нашем реальном мире. Их раздражало, что женщину я превращал в цветок, а цветок в женщину. Но ведь и многие другие поэты вели себя так же, как я, превращая своих любимых и в символ, и в стихию, и в книгу (как Брюсов и Бальмонт), и в ангелов (а иногда и в ведьм, но одно не противоречило другому), и в богинь, и даже в поляну или в лесную чашу. Не говоря уж о том, что иногда женщина сначала бывает даже ммм... лягушкой (как в сказках, вполне действительных), но под влиянием любви преобразается в принцессу.

Однажды молоденькая девушка, совершенно неказистая, просто улыбнулась, и преобразилась и она, и весь мир. Северное сияние не только засияло на небе, оно засияло вокруг меня и во мне. Что при этом происходит, спрашивал я себя, и ответа еще не нашел. Меняется ли только восприятие, или и впрямь меняется мироздание? Если, имея веру с горчичное зерно, можно велеть горе подвинуться, и она подчинится, то не то же ли самое происходит, когда воздействует на окружающее наша вера в чудо?

Любовь пронизает бытие, она подобна солнечному свету, теплу, магнитному полю, она подобна Духу, который существует везде в мире, как и материя. Может ли она изменять Плоть?

Несомненно.

Но постоянное восхваление «любви к ближним» я ощущаю как идеологический штамп, в Любви нет долга, Долг – иная добродетель души, как и страдание. Вот я люблю литературу, страдаю о Родине, сострадаю всем, кому плохо, люблю природу, музыку, ум и добродетель. Люблю милосердных и красивых, но не люблю завистливых и жестоких. Кто мне ближний, как спросил Христос о своей семье? Ближние – все, кого я *хочу* любить.

Но хочу ли я любить всех? Так, как мать любит *своих* детей, и добрых, и злых, и умных, и глупых, удачливых и несчастных?

Но любит она все же *своих* детей, к другим, как всякий хороший человек, она *участлива*. Вот так же и я в своей любви избирателен, даже в любви к цветам, одни мне нравятся больше, другие меньше, а некоторые не нравятся совсем. Не страдайте, что вы не любите всех *равно*, равная любовь не лучше равнодушия. Впрочем, Бог может любить всех одинаково, и добрых и злых, если видит в них своих детей. Но вы не помните, что говорил Христос о геенне огненной, в которую будут ввергнуты грешники, а спасется лишь «малый остаток»? Так пришел ли он спасти даже свой народ, если от него отказался? Пришел ли он спасти и грешников, если их будущее царствие – кипящий вар? Если и ученики его в средние века замуровывали в стенах монастыря согрешивших девиц вместе с живыми младенцами? (Чемберлен. "Деятнадцатый век".)

Странна христианская любовь. Жертвующий собою для спасения народа Бог страдает геенной, нынешние православные (даже те, кто Бога не верит) готовы были распять феминисток, молившихся Богоматери об изгнании нечистой силы (как они думали). А я тоже взываю к Суду, на котором хотел бы осудить жестоких и злых, и тех, кто убил моего отца, и кто изгнал из страны образованных и умных, и кто учинил в стране Голодомор и Архипелаг Гулаг, и кто уничтожил миллионы невинных крестьян. Но я не призываю любить всех, не призываю подставлять правую щеку тому, кто ударил по левой, не призываю не противиться злу насилием или, еще хуже, вовсе не противиться злу, но, самое главное, я не призываю «жить аки умереть».

Но еще более странно проповедники материалистического учения о происхождении всего в мире из атомов, и любви в том числе. Они говорят, что в человеке есть притяжение полов, такое же как голод (Маркс и Фрейд), а любовь – это только стыдливое одеяние, которым мы прикрываем свою похоть. И я не хочу их оспаривать. Я не отрицаю, что все, что в них, есть и во мне, но во мне ЕЩЕ есть И восхищение, нежность и жалость. Я не отрицаю, что чаще всего, когда я пью водку, то мне ее хочется пить. Но я ее пью не со всяким. И со мною моим товарищам нравится пить водку, а с проповедниками мира из атомов пить никто не хочет (ну, по крайней мере из тех, кто талантлив, красив, умен и великодушен). Я не отрицаю, что во мне есть плоть, но есть и душа. И в тех девушках, которые мне нравятся, тоже есть плоть. Но все остальное, что я хотел бы сказать по этому поводу, может точнее всего сказать художественная литература, мои же рассуждения бесплотны. А потому и бездушны. Как бездушны рассуждения проповедников материализма, а потому и бесплотны, ибо их атомы не только не содержат души, но не содержат и плоти, даже, как ни странно, не содержат ни похоти, ни жажды, ни притяжения полов.

Но я еще свой Миф не закончил.

Хотя я люблю я женщину как цветок и книгу, а литературу люблю как женщину, но мои отношения к миру не исчерпываются только такой любовью, я не ученик апостола Павла, хотя и не ученик Эпикура.

3. Падение и Вознесение

Утро 9 марта, воскресенье. Вчера почти ничего не успел записать из того, что пришло как понимание накануне, вскоре забылось это состояние ясности, да к тому же мучило меня то, что насущные дела я откладываю в сторону и пишу свои Записки, которые, возможно, ни для кого ничего не значат: знающие знают всё без меня, незнающие и знать не хотят.

Но сегодня я снова проснулся в восьмом часу, и потом уже заснуть не смог, но зато кое что снова стал понимать. Кстати, мне стало ясно, что писатель стремится и *понимать* и *изобразить*. Когда в нем преобладает изобразительная сила, он художник, когда сила понимания, он философ. Когда Пушкин в тридцать шестом году начал издавать Современник, сила понимания в нем уже преобладала. Вероятно, художественное творчество его при этом не упало, но нарушилось равновесие, читатель почувствовал, что Пушкин больше заставляет его мыслить, чем воспринимать и чувствовать, и читатель стал удаляться, что поэт переживал слишком трагически (и что и является одной из иррациональных причин последующей дуэли).

Во время недавнего обсуждения моей книги «Призвание литературы» критики упрекали меня в том, что читателя будто бы я подавил обилием знаний (а я даже ограничивал свои ссылки на литературу, почти ни о ком не сказал из европейских моих любимцев, которые тоже меня созидали, ни о Диккенсе, ни о Стендале, ни о Флобере, ни о Гюго, ни об Эдгаре Поэ).

Но, к счастью, понимание ко мне пришло и сегодня, и так как художник из меня уже не получится, то я продолжу записки. (Правда, это не то глубинное понимание, которое *приходит в слезах*, и которое когда-то было у меня частым гостем).

Итак, вернемся к ученикам атомов. Возможно, из атомов и вправду все происходит, и Дух сам происходит из плоти, а плоть происходит из атомов. По крайней мере, пока мужчина подросток, он чувствует и видит мир именно так, возможно, мир при этом и сам таков, подростковый, вначале возникает в нем притяжение атомов, потом зов плоти – похоть, потом уже вырастает (и то не у всех) фиговый листок любви.

Но что первично, а что вторично, это скорее вопрос не философии, а самоощущения атомов (или тех подростков, которые из них состоят и происходят).

Здесь мне надо отвлечься несколько на другие материи.

В семидесятом году большевистская власть обвинила меня в клевете (я упрекнул ее в том, что они подавляют свободу) и посадила в тюрьму (не потому, что запрещалась свобода, а что запрещалась клевета).

Подумав немного и сформулировав обвинение, власть решила, что выгоднее меня объявить сумасшедшим и посадить в сумасшедший дом. Там я переводился из одного круга ада в другой, пока верховные силы не перетащили меня в чистилище. Так я попал на Десятое отделение, для «выздоровливающих».

Врачебные должности в этом отделении занимали две женщины и мужчина, они были товарищами еще со студенческой скамьи, и во многом

были согласны друг с другом. И они еще при этом были сотрудниками КГБ и имели звания, кажется, были майорами. Но большевистская власть уже трескалась, как лед на реке, когда наступает апрель и солнце пробуждает весну, поэтому одна из них была советским романтиком и по старинному добродетельна (организовала для «пациентов-заключенных» лечебный театр), другая была еще пуще против их власти, чем даже я сам, а мужчина был по старинному мягок и согласен с обеими.

Начальница-романтик столкнулась со мной в коридоре, когда на второй день по прибытии я мыл больничные стены (а через тридцать пять лет я снова мыл уже по настоящему грязные тюремные стены на Лебедева и там со мной столкнулся начальник тюрьмы и проникся ко мне симпатией).

Она спросила меня, за что я сижу, и я прочитал ей стихотворение Бальмонта: «Я русский, я русый, я рыжий...»

– Так что же, вас посадили за то, что вы русский?

– Нет, за то, что я рыжий.

– Но вы ведь не рыжий!

Тогда я рассказал ей анекдот о том, что некий сумасшедший считал, что он зерно и прятался под кроватью, чтобы курица его не склевала. После лечения он понял, что не зерно, его выписали, принесли одежду, а он снова спрятался под кроватью.

«Но вы ведь теперь уже знаете, что не зерно?!»

«Я то знаю, но курица не знает!»

– Так вот, – продолжил я, – хотя я не рыжий, и даже сам знаю, что только рыжий, но они-то этого не знают!

Начальница подумала, с интересом на меня посмотрела и заметила: А все же вы настоящий сумасшедший!

– Я этого и не отрицаю! Я не согласен только с тем, что я рыжий. Впрочем, возможно, я дал повод себя таковым считать, но теперь, мне кажется, достаточно поумнел.

– Знаете, я всегда утверждала, что одни в сумасшествии поднимаются духом, просветлевают, другие опускаются, темнеют. Дело не в том, чтобы личность отвечала усредненной общественной норме, а чтобы она в общество добавляла света. Вытирайте руки и пойдете ко мне в кабинет, я хочу наш разговор продолжить.

– Можно, я сначала все же закончу мытье стен? Они, мне кажется, тоже добавляют обществу света...

Так началась наша любовь (между мною и замечательным Трио врачей, по совместительству работников КГБ), которая в конце концов, через два года после знакомства, после их самоотверженных усилий (и еще многих других, как узнал я через тридцать лет) окончилась моим освобождением.

Моя жизнь, часто я чувствую, если не сотворяет любовь, то, по крайней мере, сотворяет Миф о любви (возможно, впрочем, что это одно и то же).

Правда, теперь я пишу не о любви между мужчиной и женщиной, не о чувствах, которыми пылает к женщине подросток (а я, сознаюсь, и сам почти «всё во всём», я и подросток, одолеваемый жаждою, и ищущий в девушке и

наслаждение, и нежную подругу, и утешительницу, мать-Терезу, и ищу в ней Изольду и Эльзу вместе взятых!) – но хотя я пишу в данный момент, казалось бы, не о любви между мужчиной и женщиной, но словно бы о той бесплотной и бесполой любви, которую проповедовали Христос и евангелисты и апостолы, то есть о «любви к ближним», но и эта бесплотная любовь не лишена плоти и пола, и она *женственна*, ибо женственна почти всякая любовь (даже любовь к диктаторам – в ней проявляется жажда самки к покорности!)

Но необходимо мне, как математику, все же, исследовать и "границу области определения функции", и ее "точки разрыва".

В Ветхом Завете и восхваляется любовь (в ее основном смысле, как притяжения полов) и отвергается (в Мифе о "грехопадении" Евы), в христианстве она только отвергается, как бы в этот христианский сосуд, совершенно не предназначенный для вина, последующие две тысячи лет ни пытались вливать вино.

Даже войны между протестантами и католиками, которыми была охвачена вся Европа, так что перебили, "проповедаю" любовь, половину всего населения, и те ведь были из-за любви, из-за того, можно ли священникам жениться, и лютеране отстояли свою жажду женской плоти и рождения детей, а верные Христу католики – отвержение грешной плоти и жажду безбрачия и бездетности.

Но так ли бесполо была любовь в первой христианской общине?

Да, Христос был безбрачен, и сам родился *непорочно* (а всякое иное рождение, наше с вами, читатель, ПОРОЧНО); да, в евангельских рассказах нет детей, детства, детского мира (только о Христе повествуется как о младенце – это при том, что половина всей нашей жизни связана если не с любовью к женщине, то с семьей, "Фамильными ценностями", с детьми); да, до девятнадцатого столетия НЕ существовало в рамках христианской культуры ни детей, ни детства, ни детской литературы, ни праздников для детей, ни детских садов, ни яслей, ни *детских игр* (а если существовали, то либо порицались, либо как-то словно бы подпольно), дети существовали только как маленькие взрослые (так было в христианстве, быт часто бывал иным, но вопреки христианству, как в России, например, и церковные праздники наполовину, а то и полностью, как Масленица, были языческими, ЖИЗНЬ христианству сопротивлялась) – да, все это так, но даже рядом с Христом, принесшим проповедь конца мира, завершения Истории и прекращения уже родовой жизни, любовь прорывалась. Во-первых, устремились к нему блудницы, притом, что составляли они в суровом иудейском обществе самую малую часть, вокруг Христа, исключая Богоматерь, только блудницы. Сначала известная Мария-Магдалина, затем, уже после Его воскресения, Мария Египетская, наблудившая до того, что устала, а затем все святые – это или раскаявшиеся блудницы, или девы, отталкивающиеся от *пола* как от источника блуда, "блудницы наоборот" (вот ведь Гипатия Александрийская не блудила, только занималась математикой, не грешила, не каялась, зато и шкуру с нее содрали, под водительством одного из святых христианской церкви).

Пол так пропитывает христианскую святость, так неотделим от противостояния полу, что в Письмах о девственности святого Иеронима чуть ли не вся святость не что иное как сопротивление бесстыдным женским образам, являющимся отшельникам для их совращения. И чуть ли не вся борьба за христианскую нравственность и непорочность – это борьба с девицами и сожжение ведьм (даже еретиков жгли сравнительно с ними мало, вот Лютера и проглядели, не успели сожечь!)

И что удивительно, фривольное поведение феминисток чуть ли не объявляется последним падением всего православного мира, а голубые епископы, коих, согласно Кураеву, в нашей святой церкви тьма тем – это якобы внутреннее церковное дело! (А это разве уж не последнее бесстыдство, подлинно как при конце света?!)

Кажется, совсем недавно был Десятнадцатый век. Толстой написал «Анну Каренину» и осудил несчастную молодую женщину на лютую смерть – за что? Без любви была выдана за старого мужа, вдруг влюбилась в молодого привлекательного мужчину, не совладала с тяготением плоти (а интересно было бы знать, пытались ли нынешние епископы сопротивляться своему содомскому греху? И кто-нибудь в церкви пытался их осуждать, кроме опального дьякона?) – и осуждена. А Крейцера соната, где монах даже руку готов себе отрубить, только бы не прикоснуться к соблазнительной вертихвостке?! А сегодня мы спорим о "толерантности" к содомским грехам, защищаем права содомян! Прикрываясь даже ссылками на "любовь к ближним"! Это ли не логическое завершение двухтысячелетней борьбы с полом и любовью – центральной, главной любовью в человечестве, на которой основаны рождение детей, семья, род, НАРОД?

Человечество, в котором «несть ни эллина ни иудея», прославляется, род и народ ненавидятся, *любовь к своему народу* (словно бы не СВОЙ народ пришел спасать Христос, как он неустанно об этом говорит!) объявляется низкой, безнравственной, преступной!!!

Что же падение и что вознесение?

4. Святые блудницы

Что Мария Магдалина и Мария Египетская именно таковы, несомненно, ну или уточню: сначала блудницы, потом святые.

Но только ли они принадлежат к этому сонму достойных святых?

А Пышка у Мопассана?

А русские разведчицы в немецких штабах? Были ли они беспорочны, выведывая у легковых пьяных офицеров воинские секреты? Или это немецкие офицеры были почти беспорочны?

В детстве я заявлял, что пришел спасти русский народ. Я бы и теперь не отказался от своих намерений, но возможно ль его уже спасти? И пьянство – это еще невинная слабость сравнительно с безумной любовью к тиранам, почти сатанинской, ибо на коленях, и часто с лизанием дьявольских задниц.

Падение народного духа часто сопряжено с ненавистью к женщине. Чем больше в мужчине прыщавого подростка, тем больше похоти, неотделимой от

презрения и ненависти к женщине, тем больше пьяного куража и злобы, вымещаемой на женах и детях. Я уж пропустил бы последние инвективы, и так мало хорошего пишу о мужчинах, но вчерашний разговор меня потряс: отчим изнасиловал шестнадцатилетнюю падчерицу, а когда она пожаловалась матери, та выгнала ее из дому. Но и саму ее муж избивает и даже запирает в холодном сыром погребе. И ее мне тоже жалко, и воистину, никто не может сказать, что делать, чтобы всем не стало еще хуже.

Поэтому еще в детстве также начинал я иногда думать, что если не спасти, то хотя бы защитить женщину – вот моя миссия! А женщину еще можно спасти! Не только красивую, умную, талантливую, работающую, детолюбивую, но и падшую.

И в завершение мифа о "порочной любви" продолжу речь о "путанах".

Я не сомневаюсь, что почти все женщины, с которыми приходилось мне сталкиваться (за одним исключением продажной судьи демократического режима – но она продавала не тело, а душу) – или ангелы, или феи, или святые, а если некоторые были и ведьмами, то они были только отчасти ведьмами, но преимущественно были ангелами или феями.

И, в отличие от Христа, девиц в моем окружении было много, и возлюбленные, и ученицы (одновременно возлюбленные), и родные, и подруги.

Все они были почти беспорочны (возможно, и совершенно беспорочны), но прежде всего они были красивы, умны и добры.

Однако, как и положено человеку, мечтающему стать пророком (а я об этом мечтал!), жизнь сталкивала меня и с блудницами, и об одном таком столкновении я теперь расскажу.

Итак, во времена далекой юности, одолеваемый порочной жаждой, вышел я в город в надежде найти подругу. Старые подруги меня или бросили, или разъехались на лето, и я остался один.

С утра купил я цветов и поставил в вазу, купил водки, шампанского и вина (вдруг ОНА не пьет водку, и вдруг не пьет шампанское?)

Пробродив безуспешно до позднего вечера, на Исаакиевской площади остановился я в ожидании автобуса. И вдруг появилась она. То есть, даже они! Две сразу.

В отчаянии я был так красноречив, что они согласились поехать ко мне в гости. Приехали, я показал им цветы, вино и водку и они остались, чтобы приготовить борщ (ибо выпивка их не интересовала, а только закуска).

За ужином они мне объяснили, что они "работают" в Астории, с иностранцами, но сегодня случился облом, им пришлось бежать, вот поэтому они оказались у меня, но у меня их интересует только закуска.

Так как было очень поздно, то они остались ночевать, а так как кровать была недостаточно широкой, то они потребовали, чтобы я уматывал на кухню и там спал на диване, а к ним близко не подходил.

Вечером они заявили, что устали от работы, и работать "по специальности" больше не будут, а будут варить борщ.

На следующий день они заявили, что работать "по специальности" больше не будут никогда, а согласны выйти замуж и варить борщ, а пока замуж не выйдут, к ним я чтобы близко не подходил.

Замуж они почему-то решили выходить за меня, мотивируя это тем, что все остальные сволочи, и только я способен все забыть и все простить, и за это они готовы простить и меня, потому что хотя я еще не успел провиниться, но об этом уже думал, и только поэтому и пригласил их к себе домой.

Пришлось на коленях покаяться, что я больше не буду, что я исправлюсь, и оставшуюся жизнь проживу без греха.

Не знаю, поверит ли читатель, но я даже не пытался к ним прикоснуться (я их боялся), не знаю, поверит ли читатель и большему, но к женщинам я боялся прикасаться всегда, хотя и был и привлекателен и развязен.

Как ни странно, я полюбил и этих, легкомысленных и порочных птичек ("птичка Божия не знает ни заботы ни труда"), и заботился о них (потому что "на работу" они не ходили), пока однажды они меня не покинули, потому что, сказали они, я святой, потому что от женщины ничего не требую... (но все же, став редактором, я начал требовать от некоторых писательниц, чтобы они не ставили запятых в середине слова).

Конечно, я не святой, конечно, себя и свои чувства я лишь одеваю в блистающие одежды, но все же я хотя бы стараюсь, чтобы хотя бы одежды любви блистали, даже если любовь к женщине и происходит, как уверяют безгрешные, из *атомов* или из *вождедения*. Да и они, эти птички, далеко не святые, хотя, насколько я их узнал, они были добрые и беззащитные. Но они были блудницы, и я решил, что они и то и другое, они – *святые блудницы*.

5. Безземная религия, безполая любовь

Утро 10 марта, понедельник. Ах, об этом уже я писал, а лучше меня и исчерпывающе написал Розанов в "Людах лунного света"; о воле же к смерти в социалистическом учении (во многом совпадающем с христианством) написано у Шафаревича в книге «Социализм как явление мировой истории». Так что не хочу повторять общеизвестное: христианство – это религия конца света, любовь и рождение детей ею уже отвергались. Или лучше сказать: это рассказ о миссии Спасителя, о его приходе и его ожидании распятия и воскресения. Нужно ли было остальным что-либо еще делать кроме как ждать конца света, об этом ничего ясно не сказано. *Как* нужно *жить* – разве об этом говорил Христос? Даже о том, *как* нужно умирать, и об этом он, вообще говоря, не говорил.

Что же в христианстве привлекло к нему сторонников? Не ясно.

Когда задумываешься о том, что *привязывает* человека к той или иной *Религии* (от лат. *religare* – связывать, соединять), которая и по термину означает *связывать*, невольно вспоминаешь о любви, *связывающей* мужчину и женщину. Можно ли объяснить, почему этот мужчина влюбился именно в эту женщину? Иногда решающее значение играет случайность. Но возможно ли считать, что *привязанность* к христианству появляется случайно?

Почему у марксизма появились сторонники, почему появилось множество людей, желающих революции и проповедующих ее в конце девятнадцатого и начале двадцатого столетия, пожалуй, более понятно, чем привязанность к христианству. Но почему сегодня, когда жизнь унижает (а тогда она просто бывала трудна), когда свобода и закон попираются более явно и вопиюще,

чем в начале двадцатого столетия, большая часть общества поддерживает существующий режим и не хочет его изменять, почему *они* ДОВОЛЬНЫ своей жизнью, – более непостижимо, чем потрясение Русской революции. Нужен иной способ рассмотрения бытия, иной взгляд на жизнь и общество, иной способ говорить и видеть.

Возможно, эта книга оказалась несостоятельной, поэтому лучше было бы уйти в изгнание. И только если удастся найти то, что ищу, тогда вернуться, чтобы заговорить по новому.

Правда, не все еще долги я отдал читателям (или читательницам), поэтому следовало бы договорить: о необходимости Пушкина и величии девятнадцатого столетия, о неравенстве как предпосылке существования Культуры, о Русской революции как о причине Заката России.

А иные доверчивые создания, не столько слабые, сколько очаровательные, интересуются даже не только историей России, но и историей моей личности. Они уже поняли, что мои взгляды на мир неотделимы от жизни моей души и просят меня хоть отчасти приподнять над нею завесу.

6. Кристаллизация мифа

Четверг, 13 марта. Оглядываясь на прошлое, я его отчасти вспоминаю, отчасти творю. Дырявая ли память моя тому виною, энергия ли творчества, которая еще не вся излилась, *но, не в силах переделать мир, не в силах даже его познать и истолковать*, я познаю и переделываю сам себя. Пока только в прошлом.

Две стороны (или части) Мифа обо мне уязвимы и неполны. Общаюсь ли я с духами? Что такое моя любовь к женщинам, наполняющая и мои философские разговоры, и стихи и рассказы?

Возможно, это ангелы приходили ко мне в снах и наяву, и иногда именно они, я думаю, принимали вид прекрасных девушек, ибо иначе трудно мне объяснить, почему девушки чаще всего вели себя со мною так, словно и я и они бесплотны.

Как замечают многие исследователи, отношения полов пронизывают почти все отношения между людьми, и взгляд на историю человечества, исходя из них, более оправдан, нежели исходя из христианского мифа – хотя, впрочем, и в нем в завкаске всего – тот же самый пол, еще более гипертрофированный, чем у Фрейда и Вейнингера, *пол в его отрицании*, "тезис в антитезисе", в антибытии.

По замыслу Божию (замыслу, впрочем, который в Ветхом Завете не стал потом представлять столь онтологически определяющим все последующее бытие человека вместе с его инобытием, вплоть до Страшного Суда), источник трагедии состоял в пробуждении пола и в "грехопадении" в его обыденном, известном значении: дочь грозного отца *пала*, увлекла в своем падении и Адама, батюшка рассвирепел (о, как это знакомо русским девицам, находящимся под пятой патриархальной семьи, сколько жизней принесено в жертву отцовской деспотии, сколько любовных трагедий, сколько Татьян, "отданных другому и хранящим им верность!"), изгнал их обоих из дома, но не запретил продолжиться им в человечестве.

Затем из недр ветхозаветной традиции начало выкристаллизовываться христианство, которое выдвинуло еще один Миф, романтический, красивый, но столь же онтологически абсурдный – *Миф о непорочном зачатии*.

Естественно развились из него два великих побега: Требование апостола Павла "не прикасаться к женщине", послужившее основанием монашества и безбрачия католических священников, затем возвеличением девчества и "невинности" (служившей основанием для мифа о Жанне Д'Арк), а в протяжение особенной истории "христианского подвига" являющейся его сердцевинной – либо борьба с плотью, отвержение плоти (Письма о девственности блаженного Иеронима и Крейцера соната Льва Толстого и почти вся остальная литература после античности), либо раскаяние в "первородном грехе" или блуде (часто их бывает трудно отделить одно от другого; известные образцы представлены в житиях христианских святых, Марии Магдалины и Марии Египетской и других, и в рассказе протопопы Аввакума о его борьбе с своими соблазнами и соблазнами доверившихся ему девиц, в коих он самодур не менее самого грозного "батюшки").

Как совместить два противоположных призыва, возникших внутри иудейской традиции: "Плодитесь и размножайтесь" из Ветхого Завета и "Лучше человеку не прикасаться к женщине" апостола Павла? Вытекают ли они из человеческой природы или из души?

Если считать, что Личность в ее полноте и Человек природный (естественный) совпадают, то и эти призывы нельзя совместить, и религию с наукой, и Бога с природой и космосом, и Бытие и Инобытие.

В человеке две личности, два мира, два истока: естественное и сверхъестественное (духовное). "Плодитесь и размножайтесь" принадлежит и всему живому и человеку как его части. Но человек еще и творение Божие, еще и сын Божий, а поелику оба эти мира, Бытие и Инобытие, обыденный человек понимает и видит плохо, "как бы сквозь мутное стекло", то и возникают невежественные и примитивные учения (называемые *профанными*), в которых и любовь – всего лишь пар над котлом, в котором варится физиология пола. ***Естественный человек не истощивает человека*** (вот в чем односторонность Руссо), человек в такой же мере *естественный* как и *искусственный* и даже *сверхъестественный*, ибо его созидают и мир и культура в равной степени (а некоторые удостоены прикосновения *инобытия*, о них говорят, что в них "искра Божия").

Бытие и Инобытие разделены некой границей (о которой писал Павел Флоренский в своем удивительном Иконостасе), словно бы между ними Окно, из которого нам дано созерцать "тот мир". [Но рассказы о путешествиях в тот мир абсурдны, верить можно лишь апостолу Павлу, сказавшему: "Знаю человека во Христе, который ... (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать". Думаю, что апостол имел в виду самого себя. Но всё остальное повествование гениального создателя идеологии христианства относится только к здешнему миру, в который проникает Инобытие.]

Тайна и чудо невидимы. Полог
 Надвое мир разделил.
 Сердце томит ожидание. Долог,
 Господи, взмах Твоих крыл.

На происхождение религии можно смотреть с двух точек зрения: что это некая иллюзия, в которой нуждается человек в силу немощи, или зловерный вымысел тех, кто заинтересован в закабалении человека; или что это действительная потребность духовного человека, источник которой в душе и в Инобытии.

Все мы человеки естественные, но не невежественный человек не станет отрицать, что мы и человеки "искусственные", культура над нами работает не менее чем природа (надеюсь, писателей в этом убеждать мне не надо).

Верующие уверены, что мы и творения Божьи, некоторые же (как я) настаивают, что мы еще и дети Божии, хотя и не в том значении, как говорится о Христе в Символе Веры ("рождённый, не сотворённый, прежде всех век"). Нет, я о себе не сомневаюсь, что я Сын Человеческий (как говорил о себе и сам Спаситель), хотя и не совсем односмысленно мое рождение.

Было ли оно *непорочным*?

Певец любви в ее полноте, певец соединения и отождествления полов, преодоления метафизической преграды меж ними, я и о себе повторяю слова Высоцкого "но зачат я был ночью порочной"... хотя "все же, все же, все же", как по поводу своей невинности (невиновности солдата, не погибшего на войне) говорил Твардовский.

Мой отец ушел на войну Первого мая, еще до войны, а ровно через девять месяцев, Первого февраля, я родился, так что нет противоречия с тем, что рождение мое было естественным. И все же даже если математики спорят, присоединять ли предельную точку множества к множеству, то и мне кажется странным именно "предельный" характер моей судьбы.

Отец мой погиб на этой проклятой войне, и я его не видел (и только рассказы о нем воспитывали меня).

В буквальном смысле слова я не Сын Божий, а сын своего отца, то есть Сын Человеческий, но прикосновения божества я ощущаю (по крайней мере, на них надеюсь, и часто прошу, а иногда и требую). Почему-то я не сомневаюсь, что Бог ко мне более милостив, чем власть государства, которая, якобы, от Бога (с чем я решительно не согласен – а так как и я прикасался к границе Инобытия, то утверждать нечто своё имею право не меньшее, чем апостолы).

Однако читательницы устали от рассказов о бесплотном, что же плоть, святá ли она, спрашивают меня самые дерзки!

Если человек только "естественный человек", то пол не содержит греха (как и добродетели), он просто та форма, в которой продолжается естественный (природный, биологический) человек. Но человек, как я знаю и чувствую (разрешаю некоторым со мною не согласиться), и *существо* и *сущность*, он принадлежит и Бытию и Инобытию, в Бытии он воплощен (как был воплощен и Сын Божий), а в Инобытии... христиане верят, что он воскреснет... Хотелось бы верить и мне, но я переживаю душевный разлом...

И все же противоположность полов содержит в себе трансцендентную тайну, их словно бы разделяет граница, полог, подобный тому, что разделяет Бытие и Инобытие; пытаясь за него перешагнуть, тонкий человек испытывает нечто вроде мистического ужаса, словно бы он нарушает онтологический запрет – не отсюда ли вырос Миф о грехопадении?

Женщина предстает в бытии как всеобщая милосердная мать, а по отношению к мужчине как жена, сестра, дочь, подруга и возлюбленная. Но удивительное состоит в том, что все ее формы, во-первых, текучи, переходят одна в другую, во-вторых, соединяются в гармоническое целое, так что, приобретая возлюбленную, мы приобретаем подругу или жену. Но жена или возлюбленная, как избранныца, если она послана ангелами, соединяет в себе всех – и мать, и дочь, и подругу, и сестру, и любовницу. Пол содержится во всех ипостасях женщины, и Фрейд отчасти прав, только он понимает под полом нечто более узкое: эротическое стремление, а потому не возвышает пол и плоть до духа, а опускает дух до пола и плоти. Говорят об инстинкте пола (а я бы отдельно сказал об инстинкте женщины), он заключается в стремлении к красоте (в особенности, к украшению жилища), изяществу, нежности, стремлению уберечь и защитить (инстинкт же мужчины заключается в стремлении к разрушению).

Меня притягивала к женщине и ее красота, и ее стремление украсить мир вокруг себя, и ее сострадание к миру. Жажда обладания существовала у меня тоже, но она растворялась в очарованности и страхе: за полог, который нас разделял, я не смел перейти, словно бы это божественный запрет. И, кажется, я до сих пор испытываю мистический ужас перед чувством запретного.

Именно поэтому мои отношения с девочками и девушками были странными: я искал в них подругу и ученицу (уж так случилось, что учить детей и взрослых начал я чуть не с младенчества), а находил еще и мать, и дочь, и сестру... Стать возлюбленной они не успевали, по неведомым мне причинам. Влюблялся я часто, на первом курсе влюбился в четверых пятикурсниц, живших в одной комнате, разумеется, я стал куклой, на которой учились они ухаживать за будущим младенцем. Ах, часто думал я, если бы такие отношения сохранить навечно! Я ничего от них не требовал, кроме единственного: чтобы они "не убежали" из "моего" дома. С мальчиками я им встречаться запрещал. Но одновременно я был для них и учителем, студенты той советской эпохи ведь даже Маркса не читали, а я, как мне кажется, прочитал тогда уже почти всех Учителей человечества. И вместо поцелуев мы обсуждали Теорию прибавочной стоимости...

Прошло много лет, прошли и первая и вторая молодость, я по-прежнему вместо Бога поклонялся богиням и, как сказано в тогдашних стихах:

... Нес к алтарю конфеты и духи,
Тоску, восторг, надежды и стихи...
Но женщины с другими целовались.

Прошло много лет, прошла и первая и даже четвертая молодость, наконец и *они* начали слушать меня внимательнее и даже словно бы влюбляться. Наступили блаженные времена. Они называли меня "наш добрый папочка" и любили меня так, как девочки любят отца. Я был счастлив.

Возможно, *эрос* и впрямь пронизывает почти всё, и отношение дочери к отцу, и ученицы к учителю, и даже взаимную дружбу подруг. Но не следует забывать, что всякое чувство проявляется в разнообразных формах, и даже ревность, хотя и в норме она бывает гипертрофированной, проявляется еще и как бред. (Мне даже часто кажется, что вся наша революционная молодость была психическим помешательством, а ее закат напоминал известные формы *dementia senilis*.)

Три апостола, три пророка любви ее по своему воспевали, Павел положил ее в основание Веры, Фрейд в основание всей психической жизни человечества, Вейнингер полом и притяжением пола объяснил женский характер. Любовь христианская была очищена (отскоблена) от пола (словно бы новое чувство возвестил человечеству тот, кому, "разочарованному", уже "чужды все обольщенья прежних дней"); "похоть плоти, похоть очей" возвестил человечеству тот, кому и вся жизнь показалась сексуальным психозом, и только юноша Вейнингер был по-своему романтичен: он бросил в лицо женщине, ревнуя ее, самые разнузданные оскорбления, которые ей может бросить отвергнутый любовник, он обличил в ней проститутку и блядь. (И тем самым он доказал, что любовь, все таки, существует; к тому же он покончил с собой, и я перед ним снимаю шляпу, я сам часто бывал не сдержаннее его).

Но все же мне, бесконечно отвергнутому, *часто в слезах, в великом терпении, в нелицемерной любви*, дано было познать самую чистую, самую преданную любовь. "*Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?*"

И хотя они любили меня как отца или учителя, но слушали как возлюбленного. Или наоборот, уже я не знаю.

Но о любви можно писать бесконечно. Правильно или нет я любил, был ли в любви счастлив, хорошо ли мое отношение к женщине, лучше судить не по рассуждениям, а по стихам:

Фигура, голос, взгляд – я все в тебе жалею,
 Прошаю и тоску, хоть ты ее виной.
 Я все в тебе люблю: уста, ланиты, шею,
 Перечислять готов и дале – но не смею:
 Стеснительность в тебе и цензор надо мною.
 Люблю тебя как снег, с холодной белизною,
 Как в небе звездный жар, как блеск подлунных вод.
 Подобна ты всему: морозу, ветру, зною...
 Ты бесподобней всех! Я сам тому виною:
 Отдал тебе ребро, надеялся... и вот...

Жажду ли я в женщине дух или плоть? Чиста моя любовь и беспорочна, "платоническая" она или плотская, стремлюсь ли я с нею вознестись на небо или с неба ее низвергнуть на землю? Несомненно, что я ее люблю как цветок, *я ее смотрю и вдыхаю*. Несомненно, что я ее люблю как родник, *я ее пью и не могу напиться*. Несомненно, что я ее люблю как грозу и молнии, *я от нее терю благоразумие*. Объяснил ли я, как я ее люблю? Если нет, то и слава богу, пусть она останется тайной даже для меня самого.

7. Попытка самооправдания и "цивилизованный" развод

Положимте, что так.

Блажен, кто верует, тепло ему на свете!

А. С. Грибоедов

Сначала меня огорчало то, что читателей у меня мало, меньше даже, чем друзей, что воистину, на вопрос о том, для кого я пишу, приходится отвечать: *Для себя*. Но потом я стал огорчаться тем, что даже эти немногие читатели существуют со мною по большей части в противостоянии – если не во всём, то в существенном: Россия, русский социализм, революция, Бог, смирение перед властью и даже любовь к ней.

Конечно, одна из главных причин в том, что я пишу если не совсем плохо, то недостаточно хорошо.

Но вот начал читать ранние работы Гегеля о религии, а они наивнее моих, но ведь читали же его!

Это, конечно, не оправдание тому, что я пишу недостаточно хорошо, но ведь если бы даже шестикрылый Серафим *«и жало мудрья змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой»*, читателей у меня не прибавилось бы. Почему? Потому что подневольный читатель в поте лица добывает себе на хлеб насущный, некогда ему над Гегелями корпеть, да и сил не остается. Философские книги читаются в сословном обществе, свободными людьми. Культура – это удел преимущественно свободных людей, *свободных от* необходимости каждодневной рутинной работы.

Но почему не читают буржуа?

Потому что у нас ныне ранний период становления буржуазии, она еще дикая, косматая, хвостатая, вышедшая либо из чекистских рядов, либо из славных коммунистических (у тех и других кроме марксизма в ум ничего не входило), либо из бандитских (но не скажу, что эти совсем не способны читать, мои сокамерники-бандиты брали у меня Аристотеля для чтения и даже оживленно обсуждали (но в тюрьме они сидели между "экспроприациями", в остальное время и им философия ни к чему).

Мои потенциальные читатели – интеллигенты.

Но они в большинстве своем, вероятно, замучены жизнью, во-вторых, власть над ними несколько десятилетий столько наиздевалась, что теперь возможность не умирать с голоду, не дрожать по ночам в ожидании ареста, смотреть развлекательные сериалы на сон грядущий, *просто жить* – заменяет ненужные поиски смысла жизни, поиски инобытия и нового Бога.

Зачем? Одни обходятся вовсе без Бога, другим хватает воскресшего Бога христианства. Хороша или нет церковь, хороша или нет власть, не те же ли властвуют над нашими телами и душами "голоконные лбы" и "купчины толстопузые" – ах, отстаньте от меня, дайте пожить! Чиновничество разворовало страну – но ведь и нам "крошки переппадают с хозяйского стола". Неправедные судьи сажают безвинных – значит, те мало виляли хвостами, смирения в них не достаю. Падает уровень науки и образования, у страны нет будущего – да бог с ней, с этой страной, детей отошлем в Англию, а на наш век еще, поди, хватит.

На меня многие могут обидеться, поэтому возвращаюсь к вопросу о том, для кого я пишу: *Пишу только для себя*, потому что, во-первых, не хочу остаться совсем в одиночестве, во-вторых, жаль мне обижать моих ближних, довольно таки славных, не чиновников, не судей, не ментов, не богатеев, не властителей наших душ и тел.

Правда, мне стало тошно с ними разговаривать, поэтому, хотя я уже и бросил пить, как только они начинают славословить царей и царских богов, я поднимаю какой-нибудь тост, и потом мне становится еще хуже.

Перестать писать не могу, не на все вопросы ответил, и на свои, и есть еще двое-трое странных людей, которые задают вопросы, которые мучаются желанием познать Истину – ту, непостижимую, отвлеченную, из-за которой *"не хлебом единым жив человек"*.

Надеюсь, что мои "ближние" меня читать больше не будут, поэтому я их не оскорблю. Одни из них принадлежат, увы, к тому большинству, которое когда-то потребовало *"хлеба и зрелищ"*, другие к обыденному большинству благонамеренных обывателей – но ведь и эти хотят и хлеба и зрелищ, и надо ли их за то обличать?

А разве из злодеев состоял народ Израиля? Работали, рожали детей, платили подати, ходили в синагогу молиться, отдавали десятину церкви. Все они не были ни преступниками, ни растленными, но, однако же, пришел их Сын Божий смутить, сказал, что их жизнь недостаточна, что таких, каковы они, не возьмут в царство Божие.

И разве были злодеями *"презренные потомки известной подлостью прославленных отцов"*, составляющие класс государственных чиновников, дипломатов, высшего офицерства и духовенства? Многие из тех, кто осуждал Пушкина за его злополучную дуэль, – известные люди, оставившие след в русской истории, и вполне достойные, да и великий Толстой посмертно осудил Пушкина, причислим ли мы его к *презренным потомкам*?

Чтобы не слишком яростно осуждать осудителей, надо разобраться в том, какие потребности, мотивы, страсти и желания в основании жизни личности, есть ли эта личность, что в нее входит.

Сказано, что *"не хлебом единым"*, но хлеб необходим и он не осуждается. А вот так ли необходимо что-то еще кроме хлеба?! И всякий ли стремится к тому, что не входит в *единое*?

Мне нужно быть честным и с самим собою, которого я еще не покидаю, и с Богом, которого я покидаю, и с народом, который я осуждаю. Поэтому буду писать то и так, как я думаю и чувствую. При этом, к сожалению, обижу я многих. Обижу христиан, потому что с христианским Богом я развожусь, обижу сторонников социализма и имущественного равенства, сторонников народовластия, потому что я против власти народа – но ни тех ни других я не хочу разуверять в их верах, пусть веруют как хотят, потому что и в самом деле с верою им теплее (хотя у Грибоедова эти слова Чацкого вовсе не религиозное утверждение, они звучат иронически).

Среди знающих меня не буду раздавать сию книгу, чтобы их не обижать; я не доказываю, что христианский Бог не хорош или что его нет, Он пришел к своему народу (положим, *народу христиан*), я – к своему, к тем, кого я

считаю *русскими*; да и, к тому же, Бог христиан претендует на *все*го человека, не оставляя даже малую его часть для моего дела Культуры, так что мне с ним не по дороге; точно так же не буду утверждать, что социализм *хуже* буржуазной республики или аристократической формы правления, все они хороши по своему и все плохи, но так как я человек культуры и пришел спасать не человека, а культуру, то именно по этой причине социализм я отвергаю – с культурою он не совместим.

Но стараюсь я разойтись с обоими этими учениями, близкими между собою, но чужими мне, как можно мягче, что и называю цивилизованным разводом. Правда, к сожалению, все равно обижаю верующих – в Бога ли посмертного царства или в Бога "науки и научной философии".

И потому, буду ли я молчать после развода или объясню, какие движения души меня к нему принудили, *живущие только для жизни* (хотя я их больше порицать не буду) будут мною уязвлены. Но есть малая горстка таких, кто – по неизвестным причинам – или потому, что они "*томимы духовной жаждою*", или потому, что души их "*страданиями людскими уязвлены стали*", – нуждаются в том, что я пишу.

Но приходили ко мне и иные духи. Так однажды в детстве, на Ивана Купала, деревенская ребятня заигралась – а уже смерклось и показались звезды, – и вот к оглоблям телеги приделали мы колесо и катались с горки, и в какой-то злополучный миг я воскликнул: Так как сегодня необычная ночь и духи выходят в мир, пусть какой-нибудь из них нас повезет в этой телеге!

И она вдруг начала разгоняться. Ребягишки соскочили, а я почему-то не мог соскочить, и только на повороте свалился с телеги, и она перевернулась.

В студенческие годы мой товарищ предсказывал мне будущее, гадал на картах. Он же увидел, что мне покровительствует Небесная сила высокого ранга, настолько высокого, что он был поражен и воскликнул: Этого не может быть! (А я никогда не сомневался, что его гадания и предсказания были одушевлены светлыми силами и не злоупотреблял возможностью узнать будущее, за несколько десятилетий таких предсказаний было только два или три). После этого он многое мне рассказал о моем будущем, а в конце трагически добавил: Но этот Дух тебя оставит, и ты подумаешь, что он тебя оставил совсем, только это не так. Он к тебе вернется. Но никто не может знать, когда это случится.

Все же остальное время я жил в нашем мире как все, иногда только ощущая присутствие в нем мира небесного, зная и чувствуя существование некой мистической границы, отделяющей бытие от небытия, воспринимая *этот* мир как одухотворенный. Видения и ощущения «мира горнего» таковы, что передавать их возможно в виде художественных образов, непосредственное же философствование о них, так, как мы описываем дерево или лес, невозможно. Но так и о любви нельзя рассказать вне вдохновения, всякий невдохновенный рассказ уничтожает присутствие небесного света.

И все таки, что-то я испытывал такое, что позволяет мне о многом судить с уверенностью, словно бы мне дано некое иное, необыденное зрение. Но когда настаиваешь на этом, словно бы лжешь. И потому буду дальше писать как всегда, хотя и буду просить у муз вдохновения..

Глава семнадцатая

Неравенство и сословное общество.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Жизнь – без начала и конца.
 Нас всех подстерегает случай.
 Над нами – сумрак неминуемый,
 Иль ясность божьего лица.
 Но ты, художник, твердо веруй
 В начала и концы. Ты знай,
 Где стерегут нас ад и рай.
 Тебе дано бесстрашной мерой
 Измерить всё, что видишь ты.
 Твой взгляд – да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты –
 И ты увидишь: мир прекрасен.

Александр Блок

Поэт умывает слова, возводя их в приметы,
 подняв свои полные ведра внимательных глаз.
 Несчастливая жизнь! Она до смерти любит поэта.
 И за семерых отмеряет. И режет. Эх, раз, еще раз!

Александр Башлачев

Движеньем слов переполнен мир,
 Шелесты, шорохи, гам и ор.
 Душа продырявлена и изо всех дыр
 Сыплется всякий вздор.

Слабеет власть чисел и мер,
 Несоизмеримое – чересчур.
 И белый цвет становится сер,
 А черный все так же хмур.

Уже не ясно – потеря ль, дар,
 Что смысл не найден, и до сих пор
 По кручам гор и по вихрям хмар
 Поэты тащат стихи... и сор,

Обрывки строк и обломки лир,
 Ошметки знаний, учений, вер,
 Примерный перечень, прощальный пир
 Былых столетий, эпох и эр...

В. Чернышев

1. "Распалась связь времен"

15 марта, суббота, полдень. Что определяет нашу личную жизнь? До сих пор речь в моих рассуждениях о культуре шла по большей части о философии и литературе, но большинство людей живет, почти не соприкасаясь ни с театром, ни с книгой. Читает меньшинство, да и то читает не ту литературу, о которой я вел речь в своих книгах.

Но мне повезло, я дважды *блажен* (по слову Тютчева), я жил в двух обществах, социалистическом и капиталистическом, одно из которых, хотя бы на словах, декларировало равенство прав и собственности, и это равенство почти для всех было действительным, а "малый остаток" избранного "народа Божия" (я имею в виду правящую верхушку, партийных функционеров и высших чиновников и начальников производств) был и впрямь сравнительно мал, да их неравенство и не было столь вопиюще и столь заметно (особняков они не только за границей, но и дома-то не имели), и их особые права были не столь особыми, чтобы безнаказанно давить прохожих на дорогах, "заказывать" соперников, раздаривать государственную собственность своим любовницам; а другое общество не только декларировало Неравенство прав и собственности, но и осуществило это неравенство в пропорциях, невиданных и в современном мире и в истории человечества: сотая часть населения владеет девяносто девятью сотыми собственности, а остальные девяносто девять частей – оставшейся одной частью, иначе говоря, эти "избранные" (вряд ли их избрал Бог, как бы ни уверяли меня христиане в обратном) "круче" и богаче нас, не избранных, в тысячи раз. Если же взять *самый малый остаток* уже попавших в рай, не дожидаясь Страшного суда, то есть придворную чиновничью челядь и придворных олигархов, то эти избранные в среднем богаче каждого из нас в *миллион раз!*

Как тут не раздражаться мне на моих *ближних*, которые яростно поддерживают такой порядок вещей и готовы перегрызть глотку за них и мне, и Навальному с Удальцовым?!

Разумеется, сколько бы ни доказывал я в своей философии необходимость неравенства, но тут "душа моя уж слишком уязвлена стала", и я присоединяюсь к лозунгу национал-большевиков: ОТНЯТЬ И ПОДЕЛИТЬ!!!

Да, я сторонник сословного общества, да, без слоя богатых, имеющих возможность поддерживать писателей и ученых, заказывать архитекторам дворцы и виллы, строить частные и императорские театры, покупать бриллианты и жемчуга, устраивать балы, на которых блистают Наташа Ростова и Анна Каренина – культура усредняется, падает, из памятников от таких усредненных эпох остаются ржавые водопроводы и обшарпанные казармы. Но не случайно европейское общество изыскивает и развивает разнообразные формы сотрудничества богатых и бедных, от *благотворительности* – об этом надо бы подробнее написать, это не только подаяние на церковной паперти, но и пенсии, пособия малоимущим, пособия на детей, стипендии успешным ученикам и студентам, страхование собственности и здоровья, премии в области искусства, литературные и научные премии, выдающаяся помощь меценатов музеям, театрам, научным учреждениям, деятелям культуры –

десятки миллиардов долларов вливается в культуру в США за счет такой помощи, то же было в царской России, "стране толстопузых купцов и эксплуататоров", столь ретроградных, что ВСЕ музеи СССР и современной России были созданы купцами, промышленниками, императорской властью (нет, при советской власти было кое-что тоже построено: Мавзолей, нечто вроде египетской пирамиды, и ... что-то еще...).

Кроме того, что я жил при двух экономических системах, я жил еще и при различных политических режимах, от сталинской деспотии, хрущевской "оттепели", брежневского застоя, горбачевской попытки перестроить всеобщий "Скотный двор" в цивилизованное Подворье (но все это были формы социалистического тоталитаризма) – до ельцинской анархии. С началом нового тысячелетия мы начали вползать (что уж кажется совершенно невероятным) в новую постсталинскую деспотию.

Но и *смену эпох* я тоже пережил, рубеж восьмидесятых и девяностых годов, когда неожиданно рухнула советская империя и мы оказались в буржуазной республике, когда воры и бандиты убивали друг друга и заодно честных, когда нас травил дешевым спиртом, когда открылись рукописи поэтов русского зарубежья, но зато все перестали читать, когда мы узнали правду о социалистическом вчера, но стали еще пуще верить вчерашней лжи, когда в богатейшую страну мира западные обыватели начали посылать продовольственные посылки, чтобы мы не совсем перемерли с голоду, а за это мы еще больше их невзлюбили, когда наши девушки заполонили западные панели, а наши ученые – их лаборатории, когда хлынула свобода, но половина народу поклонилась памяти недавнего тирана и затосковала о нем, когда вернулись философия и религия, а заодно упали образованность и религиозность и средний человек не только начал верить историческим басням, но и новым химерам, когда... Я это все пережил, издавал книги, люблялся, болел, умирал, сидел в тюрьме, отчаялся объяснить народу хотя бы арифметику, но продолжал писать пассажи высшей математики и даже приступил к философии.

Вот и теперь, хотя *"разочарованному чужды все обольщенья прежних дней"*, пытаюсь в очередной, кажется, уже в последний раз связать *разорванные связи времен* и найти ответ на вопросы последних романтиков (но это же и мои собственные вопросы), страдающих из-за того, что "нет правды на земле. Но правды нет и выше."

16 марта, воскресенье. В шесть часов утра ко мне, вместо муз, явились философы, я их сразу узнал, это были Диоген Синопский, Зенон и Аристотель. С Диогеном мы так внешне похожи, что я даже смутился, не воскрес ли он в новую эпоху в моем теле? Но мы слишком разные, я не чуждаюсь мирских страстей и удовольствий, пристрастен к музам и правнучкам Евы, и не так серьезен, скорее, легкомыслен, и хотя к власти отношусь тоже с неприязнью, но не до такой уж степени, чтобы Александру Македонскому велеть отодвинуться, чтобы не заслонять солнце.

Беседовали ли мы на равных (как мне бы хотелось) или они меня учили уму-разуму (скорее, именно последнее), но я, проснувшись совсем (а то был в

неком полусне), словно бы поднялся на некую гору, с которой иначе стал видеть многое: в иной логике, в иной музыке, в иной связи ВСЕГО, связанного и несвязанного.

Увы, сразу записать не успел, чужая мудрость начала из меня вытекать как воздух из воздушного шара, я осел на землю. Но что-то, все же, осталось, я записал несколько слов-терминов, от них теперь буду отматывать течение мыслей.

Эти слова суть: слияние в целое (или смешение?) и выделение из целого; растворение и диффузия; присвоение и уроднение инородного.

Воссоединение частей в целое и синтез.

2. Часть и Целое. Космос и Хаос.

Никто не отрицает существование Волги как самостоятельной реки, цельстной, цельной, главной среди рек европейской России, хотя и Кама и Ока существуют также, и множество других рек и ручьёв, и родниковых источников, впадающих и в Каму, и в Оку, и в саму Волгу. От того, что в ее водах слиты воды многих еще рек, она не становится ущербной, и к Каспию притекает неразделимой на самостоятельные реки, отрицающие ее цельность, хотя и распадается на рукава. И вода ее не становится худшей водой из-за того, что в нее вливались воды из других рек.

Становление великих европейских наций происходило почти так же, прежде всего соединялись отдельные родственные племена (этноты) в цельный сверхэтнос, а затем в него вливались и другие этноты, часто и не родственные, как притоки. Так, например, соединились пришельцы с Волги, Волжские булгары (тюркское племя), с славянами на Балканах, и возник новый народ, Болгары, в котором добавлялись потом и турки после присоединения Болгарского царства к Оттоманской империи. Точно так же соединялись многие славянские племена восточно-славянских и приграничных к ним княжеств в единый древнерусский народ.

Процессы становления новых предметов, явлений и сущностей можно рассматривать с разных точек зрения: взаимодействие разнородных или даже сходных элементов и соединение их в новую цельность можно считать смешением, смешиванием – или слиянием.

Часто приходится слышать от наших сограждан: "Ах, невозможно говорить о существовании народов и наций, это условность, вот во мне *намешано* черт его знает что, и то, и другое, и третье... И если покопаться, то и во всяком такая же *смесь*, а потому и не существует ни русских, ни евреев, ни немцев, ни французов..."

Взгляды на соединение разных элементов в целое можно разбить на две группы: исходящие из представления о мире как о хаосе и хаосе хаосов, множестве хаотических множеств; и исходящие из представления о мире как о космосе и космосе космосов. Это две диаметрально противоположные точки зрения.

Которая из них верна, и можно ли привести исчерпывающие доводы в пользу, например, видения мира как упорядоченного и гармоничного целого, то есть космоса?

Да, конечно, и история культуры – это и есть созидание Космоса, и каждое выдающееся творение в литературе, музыке и философии (как и в науке, зодчестве, великих исторических свершениях) дополняет космос мира отдельными гармоничными частями.

При обсуждении моей предыдущей книги в упрек ей ставили, в частности, то, что я очень категоричен в своих суждениях, и мало внимания уделял их доказательствам. Но я пришел к парадоксальному выводу, что был недостаточно категоричен, я излагаю (представляю) свой взгляд на мир, как это делает в стихотворении поэт, если же он в нем будет еще и обосновывать свои утверждения, то уничтожит смысл стиха. Подобное сочинение, как у меня Призвание литературы, не является ни научным, ни философским, ни социологическим *исследованием*, в нем и не должно быть доказательств, доказательства содержатся в той многообразной литературе, о которой повествует моя книга или на которую она ссылается. И читатели, таким образом, делятся на две группы: те, которые исходят из представления о мире как о космосе (к ним относятся и многие из верующих в Бога как в универсального Творца (демиурга), преобразующего хаос в космос), и те, которые исходят из представления о мире как о хаосе. С первыми я вступаю в диалог, вторым лучше меня не читать, чтобы не тратить время и не раздражаться (вот точно так же я еще ни разу не доказал кому бы то ни было, пока нами правили большевики, что правят они нами плохо и нам во вред, и так же не доказал, что есть любовь, красота, истина и справедливость – это все не надо доказывать, человек изменяется в течение жизни под влиянием обработки его культурой и образованием, вот и надо его *возделывать* и *учить в школе*, а не тратить время на словопроения).

Итак, соединение племен, проживающих на одной территории, носит творческий характер взаимодействия и слияния их, таким образом в состав России и русского народа вошло множество угро-финских племен. Тюркские племена, как правило, сохраняли свою этническую самостоятельность, но они диффузировали, и в славянское общерусское племя входили отдельные тюркские элементы (из Орды переходили на служение Московскому князю многие князья со своими родами и давали начало некоторым известным русским фамилиям, например, Карамзиных (вероятно) и Ордын-Нащокиных).

Выделение из целого – то же гармонический процесс, например, на перекатах из речной воды оседает песок, содержащий частицы золота, и образуются золотоносные залежи. Как мы видим, постоянно в природе происходит выделение отдельных чистых или отчасти чистых элементов (различных руд, нефти, газа, сланцев), но не стремится Природа к хаотическому смешению разнородного, как, казалось бы, естественно думать. И золото, и серебро, и медь, и железо выделяются среди всеобщего как важные индивидуальности.

Помимо слияния племен важное значение при формировании нации имеет растворение отдельного племени или его элементов в составе преобладающего народа, так, славянские племена в бассейне Эльбы и на территории Восточной Пруссии растворились в составе германских племен.

Хотя и частное, но важное значение принадлежит *уроднению*.

Семья и род образуются из соединения в браке мужчины и женщины, причем жена принадлежит другому роду, но становится частью того рода, к которому принадлежит муж, и дети от общего брака – принадлежность рода отца. Может быть, это и несправедливо, но что уж тут поделаешь, в последние тысячелетия это происходит только так, и все Перовы и Горевы, выходящие замуж за Корнева, становятся Корневыми. Аналогичным образом, усыновляя и удочеряя чужого ребенка, мы присоединяем его к семье, и он часто не знает, что принадлежит ей не по родству. Так и инородцы, приезжающие в Россию, *уродняются* коренному народу, и немецкая принцесса становится русской императрицей. Отношения элемента и гармонического целого – это метафизические отношения, и становясь русской, Екатерина становится не менее русской, чем те, кто родился в России.

Я еще не рассматривал взаимоотношения отдельных *частей* общероссийского народа, тех частей, которые и сами являются народами и народностями, и *общего*, которым является общероссийский народ как русский народ в особом состоянии не этнического, а метафизического целого.

Народ (или Нация) – это особого рода Личность, историческую жизнь созидают не множества разнородных индивидуальностей в аморфном человечестве (как и культуру), а именно народные личности как целостности, по отношению к которым отдельная личность, отдельный индивидуум – только часть. Прежде всего это очевидно по происхождению и развитию языка. Можно сказать, что язык – это душа народа, но он не творится отдельными людьми, хотя и в своих книгах, и в повседневной жизни его отдельные элементы и созидаются отдельными элементами народа.

Гумбольдт пишет, что "Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – трудно себе представить что-либо более тождественное... Язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли".

По отношению к языку уже очевидно, что представлять народ в виде множества, в виде механического собрания, соединения, смешения личных элементов – нелепо, так как язык не принадлежит отдельному человеку, но только народной целостности, и отдельным человеком заимствуется.

Уже в восемнадцатом столетии возродился античный материализм, который, став способом видения мира, стал словно бы психическим заболеванием. Впрочем, тонкому человеку и сумасшествие идет на возвышение, а грубому – только в унижение и во вред.

Кажется очевидным, что деятельность человека распадается на матерьяльную, действия плоти (тела), и духовно-душевную, действия личности, души и духа, хотя границу между ними провести трудно, они взаимопроникают: дух воплощен, а плоть одухотворена, одушевлена. Но каждый видит, что ни рука ни нога не размышляют, хотя думают, что особого рода атомы размышляют, впрочем, подумав, признают, что атомы, скорее всего, даже эти особые, не размышляют, но нечто новое, что не является ими, а является их соединением.

Учась еще в школе, они усвоили как "Отче наш", что количество переходит в качество; значит ли это, что помимо атомов есть еще в мире количество и качество, которые переходят друг в друга; и, значит, мир состоит не только из атомов, или только, но друг в друга переходят некие химеры, которых в мире собственно говоря и нет, ибо они не являются атомами? Садись, нерадивый студент, двойка, приговаривает даже марксист к передаче экзамена упрямого материалиста.

Так вот, вспомнив про атомы (то есть, сначала разделив сущее, которое во всяком случае не тождественно плоти (материи) на ее мельчайшие части (части её ли? Разделив человека на мельчайшие части, можем ли мы сказать, что это части именно того самого человека? Надо бы попробовать и делителя когда-нибудь разделить а потом собрать) – итак, разделив на мельчайшие, уже "неделимые" (разумеется, только мысленно. И точно ли разделив Сущее?) – материалист их потом соединяет казалось бы в то самое, что он разделил. Народ берется с душой и телом, а душой народа является Язык, История, Память, Культура – соединяем же мы его из отдельных частей, из сограждан – но это народ ли? Души в нем, разумеется, нет.

Если мы и попытаемся *воссоединить* народ из разных частей, иногда разнородных, то делать это надо с умом и оглядкой.

3. Национальная Личность

Отдельный человек – тоже целый мир, более того, если он еще и Личность, то есть не только смотрит телевизор и стоит на коленях в церкви или перед "национальным лидером", но и чувствует, мыслит, любит и ненавидит, то в него вмещен весь окружающий мир тоже, ибо существование этого мира обусловлено этим отдельным – вот исчезли бы они, кто удостоверил бы, что мир существует? И кого?

Казалось бы, этот Мир, равный всему окружающему миру, а то и превосходящий его, мир, в котором вмещено национальное (народность), пол, семья, частное, общее, особенное, индивидуальное и личное, ощущение и размышление (а чем или кем еще внешний мир мыслит и чувствует, как не через человека – особенно по мнению атеиста, отрицающего Бога) – не может умалиться, раствориться во внешнем, низшем по достоинству, чем космос личности – но вот является Социализм (как результат свободной деятельности свободных личностей), проливает реки крови и отбирает у Личности всю его свободу, не только провозглашая (на словах) приоритет общества и государства, приоритет *коллектива* перед частным человеком, но и онтологически сводя человека к ничтожнейшему элементу общества и государства, умаляя значение личности до нуля (единица – вздор, единица – ноль! Вот если в ПАРТИЮ сгрудились малые [вероятно, имеются в виду *бесконечно малые*, как в теории пределов] – сдается, враг, замри и ляг!)

[Правда, и общество и государство в конечном счете сами оказываются нулем в сравнении с Личностью – но единственной, всеобъемлющей, корифеем наук и предводителем прогрессивного человечества, личностью, которая оказывается Идолом, а возможно и Демоном.]

[И так происходит при всяком *социализме*, и при русском, где диктатор чуть не добил русский народ, после братоубийственной войны, которую развязали марксистские *интернационал-социалисты*, и после голодоморов еще развязав Всемирную войну, надеясь на торжество социализма во всем мире – но столкнувшись с еще большим упорством *национал-социализма*, тоже стремившегося к мировому господству; и при маоистском в Китае, где солнце Мао остановилось над головою некогда великого народа; и в Камбодже, где коммунистический диктатор поспорил со своим соперником за французскую девицу (они все трое учились в Сорбонне), что докажет ничтожество народа перед великой личностью, и перебил таки половину этого народа; и в Северной Корее, где только что три миллиона умерли от голода. Бывают относительно благополучные периоды и при социализме, своего рода *ремиссии* при психическом заболевании – не отождествляй, читатель, эти краткосрочные *ремиссии* с социализмом в целом!]

Но, однако, такой порядок вещей не может продолжаться бесконечно, как бы уверены ни были марксисты и пламенные сторонники социализма в его абсолютной и бесконечной истинности, но они его *строили* уже множество раз, и в конце концов он рушился, как Вавилонская башня, а в Месопотамии дело кончилось даже тем, что Тигр и Евфрат перестали разливаться, ирригационная система пришла в упадок, ее засыпало песком, и тамошний социалистический народ вымер (да так ему и надо!).

Разочаровавшись в социализме, остатки народа бросаются строить капитализм, то есть буржуазное общество, иногда проливая для этого тоже реки крови (как в Великую французскую революцию), иногда почти бескровно (как при переходе от Горбачевской перестройки в бандитский Российский капитализм), и при этом происходит всемирная жертва личностью: в буржуазном индивидуализме растворяются великие личности Нации, Культуры, Истории, даже Бога. В итоге буржуазная личность, сама чего-то стоящая только за счет того, что в нее входит, становится худосочной, а то и осатанелой, теряет народность, теряет пол (голубея), теряет культуру, теряет предназначение. Единственным предназначением ее становится накопление богатства и власти, наслаждение (при этом женщина превращается в *телку*, а любовь – в *секс*) и ... да более и нет ничего...

Отдельная личность – это целый мир, но только при условии, что личность эта имеет Почву, национально, народно обусловлена, вырастает либо из эллинской культуры и истории, либо из Рима, либо из французской культуры и истории, либо из русской, либо из немецкой...

Без органической связи с национальной историей и языком, без "любви к отеческим гробам" ничего положительного личность не производит, а только разрушительное.

Обращаясь к Пушкину за подсказкой, находим у него: "Поэт, не дорожи любовью народной!", а вслед за этим: "И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал." Надеюсь, не унижая народ сравнением с женщиной, а возвышая, я думаю: "Не то же ли с вертливостками? Знают ли они сами, чего хотят, когда на простыне спускаются к Анатолию Курагину, но одумываются, и рожают детей для Пьера Безухова?"

И русский народ, увы, не исключителен. И развратен, и глуп, и груб, и раболепен, и жесток, и тщеславен... да и бумаги не хватит, чтобы перечислить его все пороки... Вот так приходишь к изменнице, чтобы бросить в лицо ей гневные слова, она и стерва, и дура, и дрянь... всматриваешься все пристальней в ее лживые глаза, тонешь в них, вспоминаешь ложбинку в вырезе кофточки, перестаешь вспоминать, забываешь все на свете, вдыхаешь аромат черемухового куста, слышишь музыку небесных сфер... Разве и мы, гении, лучше? Что мы ищем, вдохновение плоти или упоение духа?

Блажен, кто про себя таил
 Души высокие созданья
 И от людей, как от могил,
 Не ждал за чувство воздаянья!
 Блажен, кто молча был поэт
 И, терном славы не увитый,
 Презренной чернию забытый,
 Без имени покинул свет!
 Обманчивей и снов надежды,
 Что слава? шепот ли теще?
 Гоненье ль низкого невежды?
 Иль восхищение глупца?

Мы обречены в дилемме народной воли и своеволия личности блуждать, как в темном лесу; мы обречены на унижение, на него нас обрекает неистовая страсть, часто безрассудная, часто почти дикая, вызывающая презрение у толпы, как любовь Мазепы к Марии Кочубей, как любовь Самозванца к Марии Мнишек – но мы обречены и на сверхъестественный восторг, перед которым отступает даже смерть, как любовь Тристана и Изольды, Эльзы и Лоэнгрина, как любовь Жанны Д'Арк к ее нежной и милой Франции...

Так как мне быть, пророку и глупцу?
 Я посредине поиска и знания.
 То истина ударит по лицу,
 То глупость, то порыв негодованья.
 Болит душа. Но больно и уму!
 Бормочет вздор бездушная эпоха.
 С того и мучаюсь, что не пойму,
 Зачем нам Бог, когда нам с Ним так плохо!

Но, вероятно, и без Бога мы не сможем жить (как бы Он не был к нам безучастен), и без женщины (как бы она ни издевалась над нами), и без Народа (как бы он ни мучил нас).

4. Восстановление и восполнение Личности Народа

Новая эпоха (начиная с 1789-го года) привнесла нечто новое. Старые распри вер уже ослабели, религиозные войны в Европе стихли (не стихнув в Азии и до сего дня, но Азия меня не интересует), но ненависть и вражда с новой силой стала раздирать на части народы, чуть ли не большее значение, нежели столкновение народов, приобрели столкновения внутри народов его отдельных частей. С яростью это проявилось во Франции, заболевшей рево-

люцией, когда революционная гильотина ударила по шее сначала королевского двора и аристократии, затем духовенства, наконец, даже по шее крестьян Вандеи, где было уничтожено триста тысяч неповинных земледельцев (русская революция ее превзошла по силе ненависти городского плебса к жителям деревни, в России были уничтожены, вероятно, десять миллионов крестьян). Марксизм создал религиозную основу для этой ненависти, источник зла он нашел в частной собственности, в особенности в ничтожной собственности крестьян, еле достаточной, чтобы прокормить семью и заплатить налоги, единый Народ разделил на противостоящие "антагонистические" классы, сословное общество, бывшее основой государственной и хозяйственной жизни, предписал разрушить, и при этом физически *уничтожить* все сословия, так или иначе отличающиеся от пролетариата (не имеющего СВЯЗЕЙ, то есть, иначе говоря, БЕЗрелигиозного почти *трансцендентно*, без мысли о Боге и творчестве, без *связей* (*religare* – связывать) с землей и деревней, без связей с природой, естественно, что и без связей с культурой (от глагола *colo* – возделывание почвы). Дело уничтожения успешно осуществлялось и в России и в Китае, начали с царя (которого вместе с дочерьми сбросили в шахту), царского двора, дворян, офицера, фабрикантов и попов, а закончили гнилой интеллигенцией и работающими крестьянами. Впрочем, начало и конец почти совпадали, многих публицистов, как Меньшикова, казнили уже в восемнадцатом, Иванова-Разумника посадили уже в семнадцатом, Гумилева расстреляли в двадцатом, философов посадили на философский пароход в двадцать втором (хотели потопить, но почему-то не сумели). Необходимо было создать одно единое сословие, как перед этим другие спасители мира тщились создать единый народ христиан ("*отныне несть ни эллина, ни иудея!*"). И пролетарский поэт уже предвкушал, что "землю попашет, попишет стихи", то есть что не только не будет крестьян, но даже и поэтов.

Вражда проникла и в личность, необходимо было возненавидеть не только сословия "эксплуататоров", но и *пол*, во-первых, мужеский, который всегда стремился доминировать, подчинять, смотрел на женщину как на рабыню (в том числе и сексуальную), во-вторых, и женский, в женщине тоже надо было все выровнять, разглядить, в крайнем случае, зашить, чтобы устлавать от домоганий (я слышал это от одной путаны, нечаянно родившей ребенка). Мужеский пол истребляется не только феминистками, но и изнутри, уже чуть ли не большинство мужчин в Европе меняют свою природную "ориентацию". Мне-то, правда, это на руку, последние женщины, не видя уже мужчин, поневоле обратят свои взоры даже и на меня. [Сходил к зеркалу, посмотрел, не обрушился ли я уже и сам и не пора ли на снос, нет, стены еще стоят, только перекрытия кой-где обваливаются, но крыша местами держится.]

Итак, вражда проникла в *Целое*, веление времени – разбить его на части и направить одну часть на другую.

Что этому можно противопоставить?

Только литературу, только художественное воображение.

Сначала оно враждебно неравенству, мой оппонент начинает представлять (воображать) себя в сословном обществе непременно в качестве униженного:

лакеем, которого гоняет вздорная госпожа, крестьянином, который от зари до зари работает на жадного помещика, ямщиком, замерзающим в степи, солдатом, гибнущим от ран, "мальчиком у Христа на ёлке" (Достоевский).

Но ведь ни один из нас не может в действительности оказаться в прошлом, его мы можем переживать только в воображении, через Историю и художественную литературу, если же видеть себя умозрительно в этом прошлом, то на месте тех героев, которым мы сочувствуем: на месте Ивана Сусанина, князя Пожарского, Нечки Незвановой, князя Мышкина, даже Сонечки Мармеладовой – или кто-нибудь хочет вообразить себя Гобсеком, Ричардом Третьим, Салтычихой?

Прошлое общество было сословным, то есть неравенство в нем было основой общественной жизни. Источником Зла было преимущественно то зло, которое "располагалось на поле битвы в сердцах людей" (если верить художественной литературе, а не умозрительным построениям Маркса и Ульянова. И я верю художественной литературе, к тому же, именно она дала нам и образы жестокосердных и несправедливых дворян.

Социалистическое общество было НЕ сословным, но зла в нем было больше, чем в девятнадцатом столетии. Надо ли мириться с злом? НЕТ! В каком бы обществе оно ни изгалялось над "униженными и оскорбленными". Потому я и не лишаю своих симпатий Пушкина, воспевавшего свободу и протестовавшего против рабства, и декабристов, и даже народовольцев, и даже многих искренних сторонников социализма, к которым, кстати, принадлежал и Достоевский в молодости, написавший позже роман Бесы, и Тихомиров, написавший позже Оправдание монархии, и Бердяев, и Сергей Булгаков, и Бальмонт, и даже Оскар Уайльд, английский лорд, написавший в 1880-м году статью "Душа человека при социалистическом строе" (а я нашел в коридоре университета на подоконнике потерянную часть из его книги и прочитал, еще не зная автора, но в ту душную, тотально тупую и закрытую эпоху, эпоху абсолютного духовного рабства, сравнимую только с эпохой Инквизиции и Суда над Жанной Д'Арк, книга была молнией, пронзившей мою душу. Вначале она разрушила мой догматический советский социализм, затем, уже читая и других, я начал освобождаться и от других несвобод).

Прежде чем осудить девятнадцатое столетие, с его блистательной дворянской культурой, с его сословностью, с его разделением общества на богатых и бедных, надо спросить себя, какую часть труда крестьянин отдавал землевладельцам (то есть дворянам, государству, церкви). И окажется, что сегодня, когда у нас захвачены бандой жуликов и воров наши природные богатства, работники отдают владельцам не ими созданных богатств ВТРОЕ больше того, что отдавалось в девятнадцатом столетии. Может быть, при советской власти было справедливее? МОНСТР государства большую часть народа тогда превратил в рабов, не говоря о сменяющих друг друга голодоморах, о том, что человек был втоптан в грязь войны безжалостно и расточительно и БЕЗДАРНО, само хозяйствование, производство "потребительной стоимости", выражаясь языком политической экономии, было крайне неэффективно. Если в Месопотамии обмелели реки и песок засыпал каналы

при их социализме, то со временем у нас обмелела бы Волга (к тому же, читатель, вероятно, забыл, что кроме осушения болот еще начался поворот рек на юг. История нам показала многожды, что именно социализм готов был к самым нелепым и странным авантюрам и по отношению к природе, и по отношению к народу и человеку, и по отношению к природе).

Но возвысимся над нашей врожденной ненавистью к неравенству. Есть неравенство более онтологически важное, глубинное, неотделимое от жизни и от способов, каким жизнь устраивается исторически.

Во-первых, это *неравенство полов*. Рождение детей налагает на женщину обязанности большие, чем на мужчину, и это неравенство можно и нужно максимально смягчать, но невозможно устранить совсем. Кроме того, преимущественно мужчина не так романтичен, как я, особенно в молодости он смотрит на женщину как захватчик и потребитель, и тем унижает ее. Но и я, требующий, чтобы *она* не смотрела ни на кого, кроме меня, не был ее рабовладельцем? Или и того хуже: "*Не любите мира, ни того, что в мире...* Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего!" – такие требования, не смотреть ни на что в мире, кроме Отца небесного, еще хуже, обычно мужчина, подчиняющий себе женщину еще и религиозно, втапывал в грязь и ее молодость и красоту. Так что я ненависть феминисток к мужчинам понимаю и считаю оправданной, хотя, впрочем, счастья им эта ненависть не приносит. Лучшие женщины находят способ подняться над *неравенством полов* – в любви, а не в ненависти, и находят счастье в семье, любовь мужа, детей и родных (да в крайнем случае, и любовь любовника, как Анна Каренина).

Во-вторых, это *неравенство красоты*, особенно это задевает женщину. Одни из них красавицы, сводящие мужчин с ума, и царя и поэта, другие дурнышки. Некрасивый мужчина иногда способен добиваться благосклонности женщины за счет ума и богатства, женщине это помогает значительно меньше, только такой как я способен влюбиться в некрасивую, но выдающуюся по уму (а впрочем, умница всегда находит способ быть привлекательной, скрыть природные недостатки, даже ее сияющие умом глаза ей в этом помогают больше, чем изящные ножки иной глупышки).

И, наконец, в третьих, это *неравенство ума и таланта*. Как часто я бывал раздражен своим униженным социальным положением, особенно в тюрьме или в сумасшедшем доме! Но красной нитью проходит сквозь все мои книги мой спор с властителями и богатеями: Да, вы можете купить поклонение толп и телку в сауну, но меня любили изумительнейшие женщины моего народа, даже униженным, даже поверженным! Со мною целовалась следовательница, рискнувшая для меня карьерой. Медсестра, рисковавшая даже свободой. Охранница, кажется, ничем не рисковавшая, но много ли вы найдете охранниц, целующих восторженно узника?

Школьница писала мне влюбленные письма, уже (сходил к зеркалу, посмотрел: нет, я еще ничего, *крыша* местами держится...). Гениальная писательница написала мне "*Обожаемый В.И.!*" – да меня надо тысячу раз расстрелять, чтобы я оправдал столь необычную милость!

Что мне социальное неравенство, если НИКОГДА даже жестокий деспот, "властитель жалкий", не заслужит как я, даже с *крышей*, которая держится только местами, девчоночьего блеска глаз, ямочек на щеках, краски на лице, дрожащего от волнения голоса – все богатства мира МЕНЬШЕ хотя бы и минутной очарованности юной красотки, очарованности, приносимой в дар за ничтожные рифмы и строки стихов, но не за власть и не за богатство!

(Но, может быть, надо воскликнуть: "Не верь, читатель, это всего лишь миф?! " Да ладно, пусть восклицает критик, мы с читателем не откажемся от нашей *веры* за чечевичную похлебку "низкой истины"!)

И, наконец, в четвертых... Чем мы раздражены, глядя на неравенство? Тем, что оно существует? Но оно пронизывает жизнь как вода пропитывает земную кору, как солнечные лучи – атмосферу, как сила тяжести – космическое пространство. Разве я равен юноше, глядящему с улыбкой на юную девушку? А если еще и умру, то уже меня не спасут ни рифмы, ни строки, умерший, я не буду нужен самой неприязнительной девице. Справедливо ли, что государство меня преследует, что оно не напечатало у меня ни строчки, что не только премий, но даже положенного я от него не получаю, справедливо ли, что олигархи, чиновники и новые русские владеют авто и виллами, счетами в банках и пачками долларов? Да, справедливо, ибо они обделены гораздо большим, что невозможно купить: я обладаю способностью чувствовать красоту музыки и поэзии, у меня безупречный вкус, у меня лучший в мире язык, который мне послушен, как гитара послушна Кармен, как движение – танцовщице, у меня лучшие в мире друзья и родные, поклонницы мои сами пишут прекрасные книги, жена мне оставалась верна даже когда от меня отвернулся Бог, отвернулся народ, отворачивался талант – о какой справедливости могу еще я мечтать?!

Или справедливо, только когда всем поровну? Но это упрек уже не к философам и даже не к властителям, это упрек к Богу, возможно, этот упрек и оправдан. Но дети получают наследство родителей, а это и здоровье, и способности, и ум, и красота, и собственность. Что же делать? Или поделить?

Но надо не забывать, что **поровну – это энтропия**. Неравенство – основа движения. Даже река не потечет, если исток ее не будет выше устья.

Все в мире несправедливо, ведь у одних вокруг чума тундра, а у других Средиземное море. Только и в этой, неустранимой несправедливости, человек и может прожить достойную, счастливую и изящную жизнь, если он будет исполнять свое предназначение, бороться с несправедливыми судьями, с жестоким государством, защищать слабых и униженных.

Дворянство (по крайней мере в девятнадцатом столетии, которое я выставляю за образец, хотя слезы лились и тогда, и справедливость попиралась и тогда) – не сословие ангелов, но все же неизмеримо лучше класса чекистов, сексотов и нынешнего правящего сословия – невежественного, тупого и злобного, проматывающего не наследство отцов, а наше с вами, читатель.

Представьте себе, что вы пытаетесь восстановить некое целое из разрозненных частей, не все части хороши, есть парадные комнаты, есть кухня и чулан... Русский народ, как и другие, состоял из СОСЛОВИЙ,

которые сложились исторически, которые сами были не только частями народа, но и отдельными личностями. Таково же было духовенство, купечество (к которому принадлежали Островский и Аполлон Григорьев, Мамонтов, Савва Морозов, Сабашниковы, Бахрушин, Третьяков, и другие), таково же было офицерство (не все Скалозубы, но были и Лермонтов, и Скобелев, и Нахимов, и Корнилов, и Кутузов, и Петя Ростов, и Суворов, и Пестель, и Денис Давыдов), и даже чиновничество (например, министр иностранных дел князь Горчаков, товарищ Пушкина по Лицею, граф Уваров, министр народного образования, ученейший человек, востоковед)... И Некрасов был исключительно богат, великий поэт и прохвост, разоривший вместе с Панаевой Огарева, но и Огарев был помещик, и друг Огарева Герцен тоже (да еще и совратил у Огарева жену), и Тургенев и Толстой... Это всё части народа, потому что *народ состоял из сословий, как лес из деревьев*, не все деревья были хороши, но сделаем усилие художественного воображения, соединим части, разъятые учением Маркса, в целостность! Неужто только крестьяне – единственная сила, производящая материальные ценности, а все остальные скрепы государства, и офицер и чиновник и ученый и поэт и дворянин и царь (в том числе) – ненужный балласт, умеющий лишь эксплуатировать, и крестьяне без этого балласта, в том числе БЕЗ КУЛЬТУРЫ (а хотя и существовала крестьянская культура, но наука и философия основаны были не на ней) – успешнее занимались бы земледелием? Увы, нет! Сословное государство даже как источник материальных ценностей эффективнее, действеннее, чем "государство рабочих и крестьян", вам, конечно, читатель, большевики внушили, что царская Россия отставала от Запада больше, чем советская, но это – социалистическая ложь.

Крестьянин выращивал хлеб, крестьянка выращивала детей, и в норме (если не было неурожая и бедствия), даже десятерых детей крестьянин мог прокормить (и сословное государство в том числе). Но сегодня (и вчера, то есть при большевиках) работник гораздо большую часть своего труда отдает дармоедам, чем позавчера, когда его "эксплуатировали". (Впрочем, и позавчера не было царствия Божия на земле, и революция не случайна и оправданна, как и болезнь человека, иногда даже смертельная. И болезнь не случается просто так, и революция тоже. Но зная все это, и видя язвы и неправды, как Радищев, и обличая их, как Герцен, мы должны быть справедливее к своей истории и своему многосословному народу, не казня его более образованную и привилегированную часть.

Возможно, если мы станем к истории справедливее, мы сумеем исправить Россию и создать лучшее общество, чем было, только не по образцу людоедского ленинско-сталинского социализма.

Онтологическое неравенство (в том числе разделение на мужчин и женщин, в том числе смерть и увядание) мы не можем отменить (мы не боги), сословное неравенство уничтожить возможно, но оно необходимо для существования культуры, но что мы должны бороться ЗА РАВЕНСТВО ПРАВ, за справедливость государства в отношении граждан – несомненно!

5. Нужена ли Культура? Толстой и Пушкин.

Клялся, что ничего не буду доказывать, начинаю горячиться и пускаюсь в доказательства. Но что именно мы доказываем, из-за чего спорим?

Французская революция была ясной и точной, она понимала свои цели не хуже, чем шмель, ищущий нектар. Сословие, интересы которого она защищала, называлось "третьим сословием", это были буржуа, которые и при Людовике Семнадцатом жили не плохо, и не ставили они перед революцией задачу сделать так, чтобы начать жить лучше, чем дворянство. И жили они не хуже дворянства, и не стали жить лучше, чем до революции, а пожалуй что и хуже (революции не приспособлены к тому, чтобы в результате их наступало благоденствие, как правило, в их результате наступают невзгоды, разорение, голод и всяческие неудобства) – но феодальное сословие обладало привилегиями сравнительно с буржуа, государство было их государством, и король был "первым среди равных", то есть среди дворян, поэтому главной и единственной целью революции было уничтожение ПРИВИЛЕГИЙ. Главный лозунг Революции был **свобода, равенство, братство**.

Стало ли больше свободы? Ну, пока казнили врагов и друг друга, больше ее не было чем тогда, когда не казнили.

Наступило ли братство? Не в большей степени, чем христиане возлюбили своих ближних, это, по всей видимости, сходные лозунги, возлюбить ближнего или относиться к нему как к брату – пожалуй что одно и то же.

Я прочитал о революции Гюго "Девяносто третий год" и Мартена Дю Гара "Марсельцы". Я чувствовал так, что личность во Франции, конечно, была гораздо более свободной, чем в России в то время и до сих пор, и имею я в виду внутреннюю свободу, самосознание личности. Был ли это результат революции? Возможно.

Что же до *равенства*, то Французская революция не ставила своей целью отмену собственности и уравнивание всех в нищете, целью ее было равенство прав (разумеется, прежде всего для имущих, то есть для буржуа. Ибо иначе не началась бы еще череда революций, где прав потребовало уже и четвертое сословие, то есть пролетариат. Но странным образом, требуя сначала для себя равных прав, потом исключительных прав, сразу же после победы этот "самый революционный класс" лишил всяческих прав всех остальных, в том числе и сам лишился каких бы то ни было прав.

Более бесправного общества, чем социалистическое, в истории не было, даже члены Политбюро не были равными вождю, который был всего лишь Первым (секретарем).

Но я не договорил еще о Неравенстве. Что оно необходимо для существования культуры, для меня несомненно, надо ли убеждать в том читателя? Не стоит...

Лучше я приведу пример из своей крестьянской жизни, который ничего не доказывает, а просто показывает мое отношение к огороду.

Итак, у меня есть огород. На некоторых грядках у меня растут кабачки, картошка, лук, морковь и свекла. Это у меня подлинно крестьянские грядки,

которые кормят и меня и моих домочадцев, конечно, я о них забочусь, но более я забочусь о грядках других, так сказать, дармоедных.

Во-первых, парниковые гряды с огурцами и помидорами. Не очень-то они меня и кормят, а возни с ними столько же, как с грядками крестьянскими.

Во-вторых, клумбы с цветами. Эти совсем никакой пользы не приносят, только время у меня отнимают, я цветами люблюсь, делаю букеты, ставлю в доме на столе и подоконниках, приходят соседи полюбоваться, можно сказать, что половина населения огорода у меня дворянское.

И, наконец, есть еще кусты жарков, георгин, гладиолусов и роз – это, можно сказать, императорский двор. Так что огород у меня представляет все сословное общество.

Не удивительно после такого введения перейти к разговору о пользе стихов и о значении Пушкина.

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел – а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер, песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

А теперь дадим слово другому гению, Льву Николаевичу Толстому, графу, владельцу имения Ясная Поляна, земли, парка, пашни, леса и барского дома, который жил неплохо, во-первых, за счет продажи его сочинений, во-вторых, за счет собственности – он был феодалом. Граф Толстой в конце жизни склонился к тому, что Культура в целом, а искусство как самая развращенная часть культуры, в особенности, отнимает много труда и у самих деятелей культуры и у obsługi, артист получает в день столько, сколько крестьянин за год, в результате ни зрители ни читатели, воспринимающие это искусство, ничему полезному и путному не учатся, а затраченные на него деньги можно было бы с выгодой употребить, например, на хлеб для нищих (хотя и говорил когда-то давно забытый уже им проповедник, что "Не хлебом единым жив человек!")

«не может быть никакого сомнения; что так речитативом не говорят и квартетом, ставши в определенном расстоянии, махая руками, не выражают чувств, что так с фольговыми алебардами, в туфлях, парами, нигде, кроме как в театре, не ходят, что никогда так не сердятся, так не умиляются, так не

смеются, так не плачут и что никого в мире все эти представления тронуть не могут, в этом не может быть никакого сомнения.

Невольно приходит в голову вопрос: для кого это делается? Кому это может нравиться? Если и есть в этой опере изредка хорошенькие мотивы, которые было бы приятно послушать, то их можно бы было спеть просто без этих глупых костюмов и шествий, и речитативов, и махания руками. Балет же, в котором полубнаженные женщины делают сладострастные движения, переплетаются в разные чувственные гирлянды, есть прямо развратное представление.

И вся эта гадкая глупость изготовляется не только не с доброй веселостью, не с простотой, а с злобой, с зверской жестокостью.

Говорят, что это делается для искусства, а что искусство есть очень важное дело. Но правда ли, что это искусство и что искусство есть такое важное дело, что ему могут быть принесены такие жертвы?»

Пушкин ему возражает:

Молчи, бессмысленный народ,
 Поденщик, раб нужды, забот!
 Несносен мне твой ропот дерзкий,
 Ты червь земли, не сын небес;
 Тебе бы пользы всё – на вес
 Кумир ты ценишь Бельведерский.

Толстой продолжает:

«Для всякого балета, цирка, оперы, оперетки, выставки, картины, концерта, печатания книги нужна напряженная работа тысяч и тысяч людей, подневольно работающих часто губительную и унижительную работу. ...

...ужасно подумать, что очень ведь может случиться, что искусству приносятся страшные жертвы трудами, жизнями людскими, нравственностью, а искусство это не только не полезное, но вредное дело.»

Задаваясь вопросом, что такое искусство, Толстой приводит мнения десятков писателей и философов, и общим знаменателем оказывается признание *красоты* содержанием искусства.

Задаваясь же вопросом, *что такое красота*, Толстой приводит мнения еще десятков писателей и философов, и оказывается, что согласного понимания красоты найти у них не удастся.

При каких условиях могла возникнуть Культура, в частности, искусство, спрашивает Толстой и отвечает: «наше утонченное искусство могло возникнуть только на рабстве народных масс и может продолжаться только до тех пор, пока будет это рабство... Освободите рабов капитала, и нельзя будет производить такого утонченного искусства. ...

[К тому же,] оно совершенно непонятно для народа... [причем, оно и никогда не станет понятно народу, так как] большинство произведений искусства высших классов, которые, как разные оды, поэмы, драмы, кантаты, пасторали, картины и т. п., восхищали людей высших классов своего времени, никогда потом и не были поняты, ни оценены большими массами, а как были, так и остались забавой богатых людей того времени, только для них имевшей

значение; отсюда можно заключить, что то же будет и с нашим искусством. Когда же в доказательство того, что народ со временем поймет наше искусство, приводят то, что некоторые произведения так называемой классической поэзии, музыки, живописи, прежде не нравившиеся массам, после того, как их со всех сторон предлагают этим массам, начинают им нравиться, то это доказывает только то, что толпу, да еще городскую, наполовину испорченную, всегда было легко приучить, извратив ее вкус, к какому хотите искусству. ...

... Только благодаря критикам, восхваляющим в наше время грубые, дикие и часто бессмысленные для нас произведения древних греков: Софокла, Еврипида, Эсхила, в особенности Аристофана, или новых: Данта, Тасса, Мильтона, Шекспира; в живописи – всего Рафаэля, всего Микеланджело с его нелепым «Страшным судом»; в музыке – всего Баха и всего Бетховена с его последним периодом, стали возможны в наше время Ибсены, Метерлинки, Верлены, Малларме, ... в музыке – Вагнеры, Листы, Берлиозы, Брамсы, Рихарды Штраусы и т. п., и вся эта огромная масса ни на что не нужных подражателей этих подражателей.»

Далее Толстой спрашивает, зачем поставили памятник Пушкину, когда «Пушкин был человек больше чем легких нравов, что умер он на дуэли, т. е. при покушении на убийство другого человека, что вся заслуга его только в том, что он писал стихи о любви, часто очень неприличные» [то есть, легкомысленный и безответственный человек, да еще и *развратный*, а ему поставили памятник... Нет, мир определенно сошел с ума. Но не сошел ли бы с ума сам Толстой, если бы узнал, что со временем и ему самому поставили памятник?]

Пушкин мне близок душевно, да ведь и Толстой не чужой для меня человек?.. Я вот дохожу до ненависти к своему народу, потому что более дикого и тупого и гадкого народа, так возводящего в религиозную истину всякое мановение Власти, и совершенно не слушающего глубокого, просто НЕ тупого человека, трудно найти. Но не тот же тупой русский народ – этот кающийся русский граф? Он вдруг почувствовал, что ест хлеб, выращенный другими (и я, сын крестьянина, ем хлеб, выращенный другими), и живет в доме, который не сам построил (и я живу в доме, который не сам построил), он вдруг устыдился, что живет лучше многих (и я живу лучше многих, сын крестьянина, потому что и жена работающая, и я много учился и иногда делаю работы, которые не могут делать другие, и умею хорошо учить математике, и хоть за это получал плату, не стыдась ее, да еще работал сторожем, и за это мне тоже платили, и не езжу на турецкие пески, нет лишних трат, и ягоды и грибы собираю... короче говоря, я живу лучше большинства, но не обязан этим ни обществу, ни дьявольскому государству, а Толстой решил, что ест хлеб только за счет чужого труда, вот он и устыдился и стал не только отрицать культуру, но и ее ненавидеть и презирать...)

Ладно...

Если трудом считать только труд по производству хлеба и строительству жилищ, то две поры в обществе резко различаются друг от

друга: Дикое общество, в котором в пещере делалось ВСЁ, что нужно для жизни, и цивилизованное общество, в котором произошло разделение труда на отдельные виды.

И вот теперь одни выращивают хлеб, другие его пекут, третьи лечат и тех и других, четвертые учат и тех, и других, и третьих, а еще есть солдаты, которые воюют (иногда в несправедливых войнах... ну да ведь мы все живем не в раю, и все в ЦЕЛОМ живем не так праведно, как там от нас требовали, мы и хлеб не всегда правильно испекаем, иногда он у нас пригорает, но бываем даже счастливы, хотя не все войны справедливы, но бывает, что солдат нас спасает от неприятеля... а еще существуют красивые девушки, которые совсем меняют смысл многих рассуждений); а тут еще появились странные люди, то поющие, то танцующие, то окропляющие водой, то воздевающие руки к небу... Они не растили хлеб, но мы их кормили, иногда они улаждали наш слух своим пением, иногда они нас к чему-то призывали, что нам было совсем непонятно... а еще существуют красивые девушки, которые совсем меняют смысл многих рассуждений... Да к тому же, что уже совсем непостижимо, некоторые из нас отправились искать Северный полюс, на котором хлеб совсем не растет, а что касается красивых девушек, то они своим существованием даже меняют смысл почти всех рассуждений о пользе, и только одно рассуждение нас всех примиряет даже с пророками пользы, что "*не хлебом единым жив человек!*".

Пушкин мне близок прежде всего потому, что он это понимал лучше даже чем маги и профессионалы в святых делах, да к тому же и он любил красивых девушек, и умер в значительной степени из-за них.

Хорошо бы и мне умереть так же.

Какие еще общественные движения, умонастроения, идеологии и верования были так же враждебны к искусству и культуре в целом? Оставляя в стороне Ислам, остановимся на христианстве и на социализме, который я раньше называл христианской сектой, но лучше бы считать его падчерицей христианства. Но об их враждебности к культуре я говорил уже не раз, и теперь уместнее об этом только напомнить в связи с тем, что я задаюсь вопросом о том, что является сущностью толстовского отрицания культуры, противопоставления ее неистины истине труда ради пользы, ради утоления телесного голода и телесной жажды (словно бы Толстой никогда не слышал о *духовной жажде*... Или об ней забыл. Или оглох, и уже не в состоянии слышать ее голос.) Но такова же глухота христианства и христианского Бога, которые не то чтобы не слышат совсем голоса культуры, но видят в ней соперника. Социализм же о культуре никогда не забывает и не отрицает ее важности, но он ее стремится утилизировать, ее автономность, самостоятельность и оправданность он не признает, но не отбрасывает культуры, а приручает, как когда-то человек приручал домашних животных.

Но последнее слово должно остаться за Пушкиным. Дело даже не в споре неравенства и справедливости, бесполезной культуры и полезного труда, но больше: нужно ли беспрекословно признавать правоту Истины, вещающей от имени жизни?

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.

А еще существуют красивые девушки, которые совсем меняют смысл многих рассуждений, христианских и марксистских, и только Пушкин и я о них никогда не забываем.

6. Личность народа как ОРГАНИЗМ

Я не тщился создать Инструкцию для писателей, как им писать романы и повести. Но ведь не только инструкция нужна, необходимо еще учиться в школе в начальных классах, получить некоторое общее представление о русской истории, географии, о русском языке и литературе, иными словами, необходимо изучить некую Общую Азбуку, знать буквы письма, отдельные слова языка, правила их употребления и написания и хотя бы смутную интуицию, позволяющую русским языком пользоваться и на нем писать, как мы умеем ходить и дышать.

Необходимо иметь ясный Образ Мира – пишите после этого хоть о любви к розам ("я к розам хочу, в тот единственный сад") и о путешествии на Фрегате Паллада (Гончаров). Занимательный сюжет, интересные характеры, даже любопытные замечания автора и героев – ничто на скучной и плоской земле, на которой нет Истории, Природы, Человека и Бога.

Впрочем, я, возможно, пишу не только для пишущих, возможно, в большей даже степени я пишу для школьных учителей русского языка и литературы. Они и сами должны иметь Образ языка как Организма, такой же организменный Образ литературы, а в еще большей степени – ясное понятие о народе как исторической и гармонической Личности, неотделимой и от своей истории и от своего языка. Сегодня словно бесы вселились в полуобразованных людей, они ведь даже химию проходили в школе, и биологию, но главенствующее представление обо всем на свете как о мутном смещении и перемешивании всего со всем. Заговоришь ли о красоте и защите родного (русского) языка, начинаются злобные глупости о том, что Русского языка нет, а есть только беспорядочное смешение арабских, тюркских, угрофинских, славянских, греческих, латинских и английских слов и корней. И то, что хлынули сегодня мерченайзеры и еще какие-то монстры в нашу речь, оправдано и замечательно, в этом смещении всего со всем, возможно, заведется какая-нибудь рыбка и для любителя ловли в мутной воде.

То же и относительно народов – их НЕТ, а есть множества, состоящие из разнородных элементов, множества, в которых *намешано*, из элементов, в каждом из которых еще больше *намешано*.

Существует некая тенденция, ВОЛЯ к преображению истории, в которой вместо цельных, хотя и сложных, личностей-организмов, исторически выросших из необходимых друг для друга, богатых по характеру, происхождению, содержанию этносов и сословий, должны будут действовать однообразные механизмы или социальные конструкции. Сначала, повинувшись Марксу, я думал, что это именно обуржуазиванье общества приводит к его обесцвечиванию, единообразию (причем, уничтожая аристократию и дворянство, капитализм не только не уничтожает богатых, но еще сильнее отрывает их от органического народа, заменяя аристократов и дворян нуворишами (новыми богатыми, новыми русскими, в которых ничего русского, а вместо национальной крови в жилах течет расплавленное золото). Потом я подумал, что это еврейство способствует такой деградации народа, когда много-составный организм заменяется ветхозаветной моделью, в которой две части: духовенство, состоящее из раввинов, избранных богом (или коммунистические и комсомольские секретари в России), и остальной народ, верующий в Спасение или в строительство коммунизма. Но сегодня я наблюдаю такой взрыв мракобесия и любви к власти в русском народе, такую ненависть к старой культуре России, к Природе, к остаткам деревни и крестьянской жизни, что думаю, что Воля к смерти всегда является изнутри а не снаружи (как это отчасти произошло и в Французской революции, роды Нового общества одновременно сочетались с волей к смерти).

Но я не преподаю читателю элементы языкознания и народоведения, и об истории языка и его духе, и об истории народа и его культуре и духе существуют замечательные исследования, список их я приведу в конце своего сочинения. *Я пришел не отменить*, не подменить своими наставлениями классическое *русское знание*, а *только подтвердить его*, напомнить о нем, как уже напоминал он Потебне и Гумбольдте.

Кстати сказать, и сочинение Льва Толстого об Искусстве необходимо прочитать каждому, через такое отвержение культуры, выросшее, как кажется, только из имущественной несправедливости, проходит почти каждый романтик-подросток (подростковое сознание очень сильно в Льве Толстом). И еще удивительно, насколько он, отвергающий культуру, образован, он прочитал десятки книг о происхождении и смысле культуры, о красоте, образован он гораздо сильнее меня (и если я, якобы, подавляю читателя обилием сведений и имен, то что можно сказать об этом Льве, царе зверей, у которого приводится имен в его работе в десять раз больше?) Он отвергает сословное общество и сословную культуру, но ведь и его образованность сословна, ему же не приходилось большую часть свободного времени тратить на то, чтобы заработать на хлеб насущный, как мне, работавшему даже грузчиком и сторожем!

Итак, и язык, и народ – это субъекты истории, органические личности, а не механические собрания (слов или граждан без роду и племени).

Но все, что течет и изменяется, двояко, изменение происходит как *развитие*

и как увядание и *разрушение*. Колос растет, наливаясь, осыпается, подвергается гниению. Да и человек до известного времени восходит вверх, затем клонится долу. Увы, то же происходит и с народом и с культурой, но бывают и болезни – и если против естественной смерти человек бессилён, то с болезнью он может бороться. Деградация русского народа также необходимо противостоять, как противостояем мы болезни близкого человека, необходимо осознать свое кровное и духовное единство с народом (или, по крайней мере, духовное), это осознание я теперь называю *народностью*, чаще говорят о национализме и патриотизме. Но единство ли с народом имеется в виду?

В этом противостоянии болезни и *самосознания* самый опасный враг даже не "болезнетворный микроб", а те якобы наши защитные силы, которые с "микробом" должны бороться. Происходит **ПОДМЕНА** понятий и идей.

Я уже говорил об этом, повторяюсь очень кратко.

Современный коммунистический патриотизм продолжает собою старый советский социалистический патриотизм, *отечество* – это не Россия, родина отцов, а его *идеологический аналог*, в отсутствие подлинной национальной России аналогом отечества является *государство*, неважно уже какое, даже оккупационное, предавшее национальные интересы, – государство бандитов, международной буржуазии и наследников коммунистической власти.

Национализм скинхедов, русофилов, славянофилов, ненавидящих *чужих*, будь то загнанный Запад, Америка, Кавказ, ислам и еврейство, слишком дремуч, архаичен и узкоэтничен, я бы даже сказал, что он местечковый, если бы этот термин не относился привычно к евреям, в метафоре он выражается так: Россия родина слонов и паровозов, наш народ великий в мире. То, что народ болен, что его надо сначала излечить, они не хотят видеть, поэтому они не друзья русского народа, а его могильщики, их национализм служит для них прикрытием их собственной узости, невежества и ущербности. Собственную низость они преодолевают принадлежностью к якобы великому русскому народу, уже давно не великому.

Есть еще государственный национализм, возбуждаемый правящей бандой, среди которой если и есть русские, то это бывшие чекисты, его поддерживает всеобщая народная чернь. Этот национализм заменяет любовь к народу на преданность власти, а вместо народа у них государство.

Соединяя в одной строке,
Словно в объятьи, в поцелуе, в руке
Множество в неделимое, части в целое,
Я остаюсь и вне и над,
Преодолеваю и рай и ад,
В дерзкое превращая несмелое.
Мир проживая как натуральный ряд,
Я привношу в него ритм и лад,
Преображаю бесконечное в малое.
Космос вмещаю в цветущий куст,
Смерть забываю в прикосновении уст –
И Бог нас качает в ладони и балует...

7. Народ и История

18 марта 2014 г. сегодня в седьмом часу утра снова явились ко мне философы, некоторых я даже и не узнал, снова много чего наговорили, боюсь, даже малую часть не смогу припомнить. Соединение сословного общества в национальную целостность надо довести до завершения, как и в целостности личности, надо понять необходимую *онтологическую* связь сословий.

Если крестьянство – это тело, то в девятнадцатом веке было оно дву-жильным, и ноги крепки, и руки куда надо пришиты, и бабы рожали (а, значит, и *давали* много). Дворянство, вместе с его культурой, в некоторой степени можно представлять как душу народа, хотя и была эта культура неоднородна, уходило на нее чрезмерно много производительных усилий, и не всё было совершенно, много и вздору и сору – но как разделить и проветять, как отмыть, чтобы не выплеснуть и ребенка с водою?

Разделить народ на части, а потом некоторые части его уничтожить – для этого надо воистину ненавидеть свой народ, ибо даже в войнах чужой народ не уничтожают, а только подчиняют, в России же клика Ленина объявила необходимость полного уничтожения "эксплуататорских" классов.

Но как же мы сами, дети этого народа, так ненавидим своих предков – по рождению, по языку, по культуре, истории – ведь дворянские сыновья в сражениях с неприятелем головы подставляли под снаряды и сабли первыми, одних генералов в Войну двенадцатого года полегло тысячи, да и в Первую отечественную, которую Ленин обозвал империалистической и призывал превратить в Гражданскую – неисчислимо.

Сегодняшний класс богатых и я ненавижу, но он и не принадлежит к моему народу.

А в прошлом не все были плохи, знакомишься с историей, например, боярских или дворянских родов (а она поучительна и ею можно гордиться) – сколько величественного! И Пушкин гордился историей своего рода.

Воссоединить надо не только народ в целое, но и Историю, и она разорвана. А в ней было многое, помимо того, что растили хлеб и "грабили" крестьян... [а кто грабил, и повсеместно ли это было? Фольклор донес до нас образы неправедных старост, приказчиков и управляющих, грабящих крестьян для себя, обманывая помещика. Если же просто взглянуть на повинности, например: барщина – три дня на пана, три дня *на себя* – то разве в советское время, когда *на себя* даже и одного дня не давали, меньше притеснялся крестьянин? А если и считать дворянство недостаточно хорошим, то разве крестьяне все были ангелы? Да, надо было изменять нравственную природу общества, такую задачу и ставила литература, да и правительство после той Крымской войны спохватилось и начало проводить реформы, Великие, по отзывам современников, жаль, не успели реформы за бегом истории.]

Но вернемся к истории. Были и бунты крестьян, и восстания казаков, но эти уж точно вызывались не голодом и не нищетой, имели не мало, но хотели большего (даже и у Шишкова в Емельяне Пугачеве это видно, и у Пушкина в Истории Пугачевского бунта.

И все же лучше меня о русской истории скажет Пушкин, прошу меня простить за столь длинный отрывок из его письма к Чаадаеву.

«Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что схизма отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. ...

....Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т.п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческий мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения....

Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – так неужели все это не история, а лишь бледный полузабытый сон?

А Петр Великий, который один есть всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? ... Хотя ... я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал.

Вышло предлинное письмо. Поспорив с вами, я должен сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это *отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние*. Вы хорошо сделали, что сказали это громко.»

Вдумайтесь в последние строки! Что изменилось за почти двести лет? Сегодня есть общественное мнение, а не «истерически-патриотические подьёмы на коленях перед царем»? Есть обличение несправедливости, равное

по силе обличениям Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Радищева? Или несправедливость не столь вопиющая? Нет, вопиющая стократ! Или мы не равнодушны стали к общественному долгу, не презираем цинично человеческую мысль и достоинство? Министр отдает любовнице пять миллиардов, и что же? Обоих амнистируют! А учителя, отремонтировавшего сельскую школу за собственный счет, осуждают на восемь лет!

Вот в 1854 году философ и поэт Хомяков пишет о России:

В судах черна неправдой чёрной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мёртвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

А загляните в Интернет, каков в России сегодняшний суд? И ради того, чтобы стало настолько омерзительно, как не бывало даже при Малюте Скуратове и его опричниках, свершилась столь кровавая Русская революция? И надо ли было отменять крепостное право, чтобы крестьянин спился и разучился работать?

Ну, ладно, воссоединение народа сегодня только метафора. Некого, некому и незачем воссоединять. Только краснобаи, которым за это что-то платят, еще продолжают кричать о народном величии (имея в виду величие власти), да прохвосты мешают в одну кучу и подвиг конкретных солдат в минувшей войне (не вспоминая о том, сколько десятков миллионов их полегло), и бездарность генералов, и жестокость и бездарность верховного Палача, превзошедшего по жестокости даже Гитлера (который, впрочем, не был бездарным).

Писать холодно – несправедливо, особенно если касаешься предметов кровных, неотделимых от собственной личности. А писать горячась – часто еще несправедливее, наговоришь злых слов, потом видишь, что надо их поправлять.

Если говорить о народе как *всеобщем*, то в него включается всё, и Булгарин, и Горький, и даже жестокие вологодские конвоиры, и даже, возможно, большевики. В него включается и *чернь*, и «презренные потомки известной подлостью прославленных родов».

Что же мне надо поправить в том, что я говорил, горячась?

Деревенское население России, прежде всего крестьяне, даже худшая часть крестьянства, те, кто пил и ленился, сельские священники и дьячки, помещики, проживавшие в своих поместьях – всякими были, хорошими и плохими. И все же *чернь* – это не они, это часть городского населения, да притом образованного (ну, скажем, Булгарин и отчасти Николай Полевой... – кстати, первые книги, которые я прочитал в своей жизни, одна была о Копернике, а другая о Николае Полевом, потому не могу я его презирать), а по Лермонтову – скорее всего из «презренных потомков»... Сегодняшняя же чернь – полуобразованная городская интеллигенция, может быть, и не вся...

Об остальном же, что мне еще философы рассказали – в следующей главе.

Глава восемнадцатая

Возможно ли царствие Божие на земле?*1. Пушкин – Человек и Творец.*

«А не равно А» – вот основное положение моей собственной диалектики, которое мне объясняет движение бытия во времени.

Поэтому не удивительно, что и человек не тождествен самому себе (если он только не совсем *блаженен*, то есть *нищ духом*, по евангельской заповеди.)

И в Пушкине разнообразные стороны его личности и его дарования находятся в удивительной гармонии, в удивительном равновесии. (Странно, что великий Толстой был так глух к музыке и искусству. Не удивительно, что глух он был и к Пушкину. Он выразил в своем творчестве среднего, обыденного человека, и, возможно, кроме него этого сделать никто бы не смог, потому что русская литература, начиная с Пушкина и Гоголя, стремилась к исследованию и представлению только *Особых точек* кривых, *Особых решений* дифференциальных уравнений, описывающих человека. Посмотрите у Достоевского – есть хоть один заурядный человек в его галерее типов и характеров?)

Но Пушкин выразил своим творчеством не только *особенное*, но и *всеобщее*. И частное (обычное), и типовое – только не хотел писать о тех, кто принадлежит черни, Чернь в стихах Пушкина – дана в ее совокупности, как некое темное целое.

От чьего имени он говорит?

Обращаясь к женщине, конечно, от своего.

Я помню чудное мгновенье.

Господь мне ниспослал тебя, моя мадонна,

Чистейшей прелести чистейший образец!

В философско-религиозных размышлениях, в страдании о судьбе поэта, об отделенности поэта от народа – тоже Я, но не всегда противостоящее народу.

Духовной жаждою томим, В пустыне мрачной я китался.

Свободы сеятель пустынный, Я вышел рано, до зари.

Но: И долго буду тем любезен я народу...

Но еще чаще поэт отождествляется с сообществом духовно близких ему товарищей.

Нас было много на челне, Иные парус напрягали...

Товарищ, верь, взойдет она, Звезда ((Заря?) пленительного счастья!

Подвинем бокалы, содвинем их разом!

Во глубине сибирских руд Храните гордое терпенье!

Четыре Личности в поэзии Пушкина: Я, Мы, Народ, Чернь.

Поэт отдален от черни, но он не близок и народу, *любвию* которого он призывает *не дорожить*.

«С кем вы, мастера культуры? – спрашивает пролетарский писатель.

Разумеется, мы не должны быть с советской властью, даже если мы не противостоям ей, и уж тем более не должны быть с нынешней властью бандитов, воров, взяточников, лжецов и растлителей.

Должны ли мы быть с народом?

И да и нет.

Но не буду говорить за других поэтов, скажу только о себе. С удивлением я обнаружил, что и в прозе, и в стихах я говорю только о себе и только от себя, что характерно для женской лирики. Перечитал стихи Анастасии Поповой, Веры Полозковой, Натальи Ефремовой (читатель, возможно, их не знает, но может найти в интернете) – как много общего!

Кто у меня есть? Я не могу быть даже с моим "Малым народом", он слишком мал, слишком эфемерен, призрачен, почти невидим и неощутим.

Мне показалось, что я настолько Один, что даже читателем оказываюсь только я сам.

Но три читательницы у меня есть, и одна из них написала: "Мне так нравятся Ваши книги!", а потом еще "Я Вас очень люблю и эту деревню, где Вы жили, часто представляю" (Боль и любовь), а последнее заставило меня о многом задуматься: "Для меня такое горе, если Вы не захотите больше со мной переписываться".

Разве я думал о своих читателях? Разве я шадил их чувства? Каждый человек соткан из иллюзий, воспоминаний, впечатлений, некоторые "сотканы из грез", а я был прямолинеен и категоричен в своих приговорах, да еще обещал стать более категоричным. Что же мне теперь делать, если я вдруг почувствовал, что для некоторых, пусть немногих, мои книги отчасти включены в их жизнь (так было и с моими земляками из той далекой деревни, о которой я писал, когда они вдруг нашлись через шестьдесят лет – а я с ними учился в первом классе и больше их не видел...)

Книги имеют множество последствий (или предназначений): одни из них развлекают, другие поучают, дают знание и образованность, третьи развивают, воодушевляют, воспитывают, изменяют... Но есть особые книги, которые становятся частью жизни, помогают, *удерживают*... В них читатель находит поддержку, утешение, иногда указания на преодоление жизненных трудностей. Это не обязательно книги образовательные, они могут быть не в ладу с наукой и современными воззрениями на жизнь. Для многих такой *удерживающей* книгой является Библия.

Это словно стропила для крыши, матица для потолочного перекрытия, столб, к которому крепится стена сарая или дома.

Что и мои книги, пусть и для очень немногих, способны стать *удерживающими*, оказалось открытием, которое воодушевило и меня, которое и мною переживается как *удерживающее*, вместе с такими читателями.

Велик ли Пушкин или надо относиться к нему критически?

Было бы ужасно, если бы вдруг хлынул поток, как в недавнее время: Ленин и земледелие... и искусство... и балет... и геология... Сталин и таблицы логарифмов (а такая, или почти такая книга была! – и вы скажете, что такой народ еще можно НЕ презирать?)

К счастью, о Пушкине подобное не писали, и кто-то его даже не хочет читать. Или думает, что он уже весь в прошлом. Но вот я пишу Книгу для современного читателя, а у меня такое чувство, что все мои мысли и идеи вдохновлены им. И поэтому даже на тот сакраментальный вопрос пролетарского Трибуна я отвечаю: Я с Пушкиным.

Не только потому, что он современен как поэт и писатель, не только потому, что он мне приятен как человек, мелкие слабости в нас сходятся, особенно пристрастие к нежному полу – но мы близки и в наших духовных исканиях, и в нашем положении среди течений и приливов духовного океана. И Пушкин не отождествлял себя с христианским мировоззрением, с государством и его идеологией, с обществом, с народом. Можно было бы сказать, что и он – отщепенец, как я.

И все же, бóльшая часть его творчества не лирика, а драмы, поэмы, проза, исторические исследования, статьи и письма. В них герой отстранен от автора, он и Дон-Жуан, и Дон-Кихот, и Алеко, и Борис Годунов, и Самозванец... И даже сам автор иногда раздвоен, и в его качестве выступает вымышленный помещик Белкин (в повестях Белкина).

В этой части творчества центральный герой художественного произведения и авторское Я (не тождественное личности Пушкина, даже отстраненное от него, как я сам себя искусственно отстраняю в мифологии собственной личности) не противостоят народу, они его составляют, по крайней мере его наиболее выразительную часть, наиболее страстную, наиболее вмещающую небо и землю.

2. Пушкин и *NV*.

Киргиз едет на лошади по степи и поет – о чем? Обо всем, что видит: о солнце, блистающем в небе, о ковыле, о лошадиной гриве, о свежем ветерке, о том, что скоро он придет домой. Возможно, и в таком способе литературы возможно нечто выдающееся, возможно, и наскальные рисунки представляют собою выдающиеся образцы искусства, я спорить не буду; пение обо всем, что встретится глазу, представляет собою пример так называемого потока сознания. Поскольку критика допускала, что я как киргиз пою обо всем, что вижу, я захотел оправдаться.

Да, просится на бумагу многое, что меня раздражает, но так как меня раздражает почти всё, то я себя сдерживаю. Я все же обдумываю и свои пассажи, и план записок, и героев, и литературные темы. Так, отношение Толстого к искусству мне известно давно, возможно, даже со школы: я учился в одной из лучших школ в мире, работали в ней в том числе бывшие ээки, а так как русские политические ээки представляли собою вершину русской духовности, то школа наша была даже лучше, чем в Кембридже.

Взгляды Толстого на культуру, на отношения барина и мужика, его сочувствие к мужику, к униженным и оскорбленным были мне известны и не раздражали, мне и самому часто бывало не по себе оттого, что я хожу в театр, наслаждаюсь музыкой, имею дарования, чтобы ею наслаждаться, а в это время большинство населения просто работает, иногда выпивает, иногда

развлекается дракой, иногда играет в домино, иногда ездит на рыбалку (но это самое лучшее, даже подчас не хуже музыки). И все же, как Блоку, мне хотелось покаяться перед крестьянами за то, что я живу как барин, легаю на небо, а они живут на грязной земле – хотя и Блок крестьян не эксплуатировал, и я, тем более что я сам крестьянский сын, и никогда не чурался даже грязной и тяжелой работы. Но все же я чувствовал себя привилегированным, а "нищих духом" (хотя они будто бы и блаженны) униженными.

Поэтому я Толстого понимал, на него не сердился, к тому же он был от мужика неизмеримо дальше меня, жил в прекрасной "Ясной Поляне" и жил неизмеримо лучше меня.

Но о его отношении к искусству я собирался написать в этой книге (видите, я совсем не так, как киргиз, еду по степи и пою обо всем что увижу). По пьянке, получая в типографии тираж моей первой книги, "Призвание литературы" (целых четыре экземпляра!) [эх, словно вчера было то время, когда я напечатал на машинке и самодельно переплел в картонную обложку, оклеив ее синей бумагой, свою статью "Русь и духовное освобождение", словно вчера за этот *единственный экземпляр* моих сочинений, обвинив в антисоветской пропаганде, грозились мне дать семилетний срок, но отсидел я только полгода...] – я завел с типографом разговор о замысле второй книги, в частности сказал о Толстом, о его нелюбви к Пушкину, и добавил, что попробую представить его на одной скамье подсудимых вместе с современным ненавистником классической культуры NV. Типограф побледнел. "Помилуйте, В.И., может быть, Лев Николаевич заслужил даже ад, но пощадите его ради Бога, и если Вы захотите испугать его даже в грязной луже, по крайней мере не тащите его туда с NV. Это уж слишком. Никто из русских литераторов такого унижения не заслуживал.

Вот почему я было решил совсем не упоминать NV, но тут немного просмотрел бегло его последние академические изыскания и, поелику я все же редактор, на полях его изысканий оставлю замечания об ученических ошибках.

Одна из самых распространенных следует из того, что обыватель не знает, что означает наименование татар (как и немцев). На Руси немцами называли и германцев, и голландцев, и шведов, и датчан, и татарами всех почти порубежных Руси представителей тюркских и монгольских и других кочевых народов, и мусульман, да и многих других. Так татарами стали (только оттого, что были завоёваны монгольской Ордой) и поволжские тюрки-булгары, позднее населившие Казанское царство, и Крымские татары, и тюркские народы Северного Кавказа – это все разные народы, но тюркского, а не монгольского происхождения. И наш NV разницы между монголами и татарами не знает тоже.

Далее, игнорируя то, что орды Чингиз-хана завоевали Китай, Среднюю Азию, Поволжье и Персию, и в войсках,двигающихся на Европу и дошедших до Венгрии, служили именно жители завоеванных народов, а монголы в нем были только сотниками, NV насмешливо замечает, что русские, по своей трусости, покорились малочисленной монгольской дружине (аналогично тому, как сибирские татары покорились Ермаку).

Но NV читал Льва Гумилева. (О выдающейся образованности последнего говорят хотя бы его исследования о происхождении слова "товарищ" – смотри "Путешествие Афанасия Никитина СО ТОВАРИЩИ в Индию" – но Гумилев остроумно замечает, что это Стенька Разин пылал через двести лет по Волге с ушкуйниками и кричал: ТОВАР ИЩИ!, что впоследствии якобы и прилепилось к ушкуйникам как "товар-ищ").

NV слышал о дуэли Пушкина с Дантесом, и в оценке этой дуэли он сходится с Толстым, который, впрочем, оценивает ее с типичных христианских позиций девятнадцатого столетия, с которых Пушкин НЕ высмеивается, но осуждается за желание УБИТЬ своего соперника (будто бы у Дантеса этого желания не было и убил он Пушкина случайно). По NV выходит, что Дантес был хорошим снайпером, а Пушкин промазал, и несчастная дуэль расценивается им как *победа* более умелого над менее умелым. (Может быть, Пушкин и неплохие стихи писал, но стрелял все же лучше "наш" Дантес, да и женщины Дантеса больше любили).

И вот, хотя и предостерегал меня типограф от сопоставления Толстого с NV, но у меня даже Пушкин с ним сопоставился, и таким образом, как бы не пришлось злополучный памятник Пушкину, открытие которого в Москве послужило Достоевскому знаменитой речи, возвеличивающей Пушкина как национального гения, выразившего в своем творчестве душу русского человека, а Толстому послужила причиной для блестящей полемической статьи, в которой он отрицает и Пушкина и Культуру – как бы не пришлось злополучный памятник этот разделить на троих, или, может быть, Александру Сергеевичу с него уйти, а Толстому встать рядом со своим поздним "*товарищи*". Предостерегал меня типограф от такого злобного хода моих мыслей, я не послушался, а теперь эти мысли вышли у меня из-под власти, и ничего уже не поделать.

В завершение NV ударяется в философию, и мы в очередной раз убеждаемся в какой-то глубинной и вечной низости русского народа, от древности до наших дней.

Подробно не стоит разбирать сочинение, так меня уязвившее, сколько бы в нем ни было отвращения к русской культуре и ее символу, Пушкину, но не потому, что оно нас порочит, а потому, что в каждом обороте его намеренные, из-за отвращения, и несознаваемые, из-за невежества, ошибки. Отрицание Толстым дворянской русской культуры проистекало из-за чрезмерной, пожалуй, образованности и ума (вот оно, Горе от ума!), отрицание того же его последователем ничего положительного о его уме не говорит, хотя перо его бойко а мысль игрива.

Но кое-что я подумал важное об этой злосчастной дуэли.

Пушкин был великолепным стрелком, он был и горяч и хладнокровен вместе. Он даже вызвал, не колеблясь, на дуэль знаменитого дуэлянта Толстого-Американца (двоюродного дядю Льва Николаевича), и стреляя в Дантеса, он не промахнулся, только роковая случайность помешала мшеницу: Дантес выстрелил раньше на долю секунды, но даже смертельно раненый, приподнявшись на локте, Пушкин в него попал, пуля срикошетила от пуговицы на сюртуке и ранила Дантеса в руку.

Это трагическое событие в реальном мире – случайно, в действительном, в мистически-необходимом – необходимо. Гениальный поэт, как и положено гению – жертва, негодяй – убийца. Бог не допустил, чтобы чужая кровь запятнала имя нашего гения.

Лев Толстой отрицал культуру, исходя из первобытного, нетерпимого христианства, его пафос отрицания отчасти вздорен, отчасти смешон, но причина пафоса вызывает уважение. Сочинитель же лживой басни, о которой шла речь, в прошлом был остроумным литератором, и я был поклонником многих его вещей, но, видимо, в нем сосуществуют две природы, к сожалению, возобладавшая вторая, вызванная к жизни темными инстинктами.

Нечаянно нашел следующее замечание неизвестного исследователя: «Николай Павлович симпатизировал как раз вольнодумному Пушкину. Когда Булгарин опубликовал критический отзыв на одно из пушкинских произведений, он так разгневался, что хотел запретить Булгарину заниматься литературной критикой и даже закрыть его журнал.»

3. Иррациональность литературы, философии и истории.

Как заря меркнет на небе и исчезает, и память бессильна восстановить ее полыхание, так и то, что я сегодня услышал ранним утром, почти померкло в моем сознании.

О чем же мы говорили? О чем же я думал в связи с этим? А были то мысли и образы не малозначительные. Речь шла о разных формах взаимодействия людей между собою и с жизнью. Такие отношения разделяются на рациональные, иррациональные и трансцендентные.

В советской истории переплетены мотивы, действия и следствия самым непостижимым образом. Трудно понять, почему красный террор продолжался так долго и зачем он был нужен в те десятилетия, когда видимой нужды в нем, казалось, нет, когда власть диктатора была прочна и непоколебима, никто на нее не покушался и не подвергал сомнению. Все, кто остался после предыдущих чисток и казней, уже беспрекословно боялись, любили и подчинялись. В 37-м году были уничтожены все, кто когда-то претендовал на соперничество или оно могло бы ему присниться, Зиновьев, Бухарин, Рыков, секретари, маршалы и командармы... Но в предвоенные годы проходят массовые чистки и расстрелы десятков тысяч людей в городах, например, в Ленинграде на Левашовской пустоши в 38-м – 41-м годах было расстреляно около ста тысяч человек. Это безумная цифра, если учесть, что – НИ ЗА ЧТО. НИ ЗА ЧЕМ.

После победы в Войне молах Гулага работает с новой силой. Зачем?

Проще всего решить, что это явление иррационально, что причин у него даже нет, оно возникает как цунами, ни с того ни с сего.

Правда, я имею одно предположение. Социализм во все времена оказывался хозяйственно не эффективен, он приводил к увеличению энтропии, без внешних воздействий жизнь внутри социалистической системы должна была в конце концов замереть.

Поэтому страна нужно было превратить в осажденный лагерь, в казарму, народ – в армию, и все невзгоды должны были быть объяснимы внешней

угрозой. Война никогда не могла закончиться, мир никогда не мог наступить, внутренние враги изыскивались неостановимо. Даже недавно я услышал от одного старого сталиниста, что Сталин де оказался мякотелым, что не всю "Пятую колонну" он расстрелял, надо было расстреливать больше. (Вот поэтому в Северной Корее конвейер голода и казней продолжает работать не останавливаясь, вот уже почти семьдесят лет).

В прошлом таких иррациональных явлений тоже было немало, например, непостижимо введение Опричнины Иоанном Грозным (замечательный писатель Валентин Иванов написал Конспект книги академика Веселовского «История опричнины»), в котором провел параллели сталинского режима и режима Грозного).

Иррационально раскулачивание. Причем удивительным и иррациональным в нем является то, что те миллионы кулаков, которых в 28-м и 29-м годах обрекали на смерть, ссылая в отдаленные места Сибири и в Северный Казахстан, являлись бывшими красноармейцами и большевиками, которые в 18-м и 19-м годах насаждали советскую власть, уничтожая дворян, и получили земельные наделы после экспроприации помещичьих земель. Как пишет Солженицын в "Архипелаге Гулаг", они заслужили свою участь. (Кстати, погибли они от голода и холода не только на Лене – туда привозили их по несколько десятков тысяч без продовольствия и даже без семян, и иногда поселяли на островах, чтобы некуда было бежать. Я читал эти истории, и перед ними, мне показалось, меркнет даже немецкий конвейер смерти. Но и в благополучной Вологде, прямо на улицах, у калиток и заборов, за которыми жили люди, сотни сосланных кулаков умирали безропотно от голода. Об этом пишет Тендряков – напечатано в Новом мире в конце восьмидесятых годов).

Зачем я обо всем этом пишу?

Я думаю так. Если писатель пишет о путешествии к Южному полюсу, он должен кое-что знать о том, что Земля округла, что она не стоит на четырех китах, и что Южный полюс находится к югу от Северного. Помогут ли ему эти знания писать хорошо и увлекательно, неизвестно, но все же они необходимы. Так же как и знание азбуки, грамматики и правил правописания. Все двадцатое столетие русский человек воспитывался в ненависти к русской истории целого тысячелетия, с девятого по девятнадцатый век. Вот, к примеру, современный писатель Быков пишет о современных злоупотреблениях власти, и рефреном проходит у него мысль о том, что рабство, жестокость, несправедливость, невежество, воровство и казнокрадство и неправда в судах – извечная русская черта, неотъемлемое свойство русской истории. Я его читаю и начинаю ненавидеть не современных чиновников, ворующих мою страну, а русский народ в целом, который всегда, якобы, был таков. И так же и другие читатели. Негодование, которое автор должен был возбудить против современного зла, обрушивается на русский народ в его целом. Справедлив ли был девятнадцатый век? НЕТ. Но он был неизмеримо справедливее и мягче века двадцатого, а русский народ, при всем его невежестве и преданности власти, был не хуже других европейских народов, а часто лучше. И русские дворяне были не хуже французских дворян. И русские

цари тоже. И на русском языке надо из всех возможных сил стараться писать так, чтобы было понятно и «неграм преклонных годов» (Маяковский).

Зная все это, уважаемый читатель-писатель, ты, возможно, напишешь и не самую удачную книгу, но по крайней мере не будешь, невольно, может быть, для себя, пропагандировать "*нелюбовь* к отеческим громам".

То, что я (намеренно или как облако, или словно бы в "потоке сознания", как полагают иные критики) пишу в большинстве о том, что совсем не относится к главной, как думают иные, задаче Записок Редактора, то есть не пишу о правилах написания книг – не случайно. И это мы теперь увидим.

Что входит в состав художественного произведения, помимо сюжета, героев, событий, предложений, заимствований, цитат, подражаний, пересказов других, плагиата, нечаянной и намеренной публицистики, отступлений, отвлечений, выводов и исходных положений, пролога и эпилога, предисловия автора и издателя, критической статьи враждебного или нейтрального или наемного критика, примечаний, комментариев, списка ошибок, аннотации, оформления, издательских приложений, биографии (иногда) автора, иногда некролога (подлинного или придуманного), фамилии автора или псевдонима, обращения автора к читателям и предисловий второго до пятого включительно при переизданиях? И что входит как нечто более важное чем все мною здесь перечисленное?

Да, умница, читатель, ты догадался! **Язык.** (Даже в переводных Флобере и Стендале – если, разумеется, их переводит гениальный переводчик – но России с ними везло.)

[Вчера мне рассказал одессит, что до революции в Одессе проживало 35 % евреев, 32 % русских, 15 % греков, остальные относились к другим племенам и группам. И сложился при этом своеобразный одесский язык с множеством еврейских оборотов, часто весьма колоритных, например, "ну, я тебя умоляю!", которые не возбраняется использовать при случае и в русском романе, написанном одесситом. Но роман для русского читателя все же надо писать преимущественно на русском языке, и с одесского при необходимости переводить слова и обороты на русский язык, а не на "новорусский". Нет ничего плохого в том, что автор приехал из Одессы, и Голде Меир в Палестине никто не пенял, что она одесситка, и Валентин Катаев писал хорошо по-русски, будучи одесситом, и Жванецкий пишет так, что мы заразительно смеемся, а не негодуем. Но, *я вас умоляю*, пишите по-русски, а одесские обороты употребляйте как сахар и соль, перец и горчицу и прочие пряности, только не потчуйте нас супом из одной лишь корицы!]

И что входит в состав художественного произведения даже еще как нечто более важное чем **Язык**, при этом словно бы являясь самым главным героем произведения, более главным чем Наташа Ростова, Пьер Безухов, Андрей Болконский? Что входит в состав музыки Вагнера, Баха, Бетховена, Мусоргского, Верди, Дебюсси (помимо языка)? **Национальность (народность).** Даже когда писатель инородец. Вот Шумовский был и по языку и по духу и по настроению русским поэтом, хотя по происхождению он был поляком. И так же NN был французским поэтом, хотя был русским (а я вдруг фамилию его забыл, вдруг читатель сам ее вспомнит?)

И, разумеется, героем произведения является **пол** автора, а уже затем и вся остальная его своеобразная **личность**, его физиономия, привычки, характер, мировоззрение и наклонности. Если справедливо, что гений и злодейство несовместны, то даже авторское **злодейство** входит в состав художественного произведения, мешая авторской врожденной гениальности. Это мое замечание исключительно, и я приведу два примера, относительно которых можно спорить, но исключительность и не полная достоверность этого моего замечания как раз и подтверждают важность и верность всего остального, **ОБЩЕГО** для всех. Итак, в злодействе Ходасевич (и я с ним соглашаюсь) подозревает Горького и Маяковского, о Горьком он даже написал книгу: Смердяков русской литературы. (А я имею основание рассуждать о сем предмете, так как читал толстенный том переписки Горького и Леонида Андреева – они дружили, читал воспоминания Даниила Андреева о Горьком в Розе мира и об отношении Шалапина и Горького немало. Не говоря уж о том, что я отчасти и сам безумный, помимо десяти томов Сталина, и почти всех Маркса и Энгельса, я еще прочитал десять томов Алексея Н. Толстого, тринадцать томов Маяковского и тридцать!!! томов Горького (вот Красного колеса Солженицынского еще не читал).

Если язык, народность, пол и личность автора входят в литературное произведение даже независимо от сюжета, темы, эпохи, героев и событий, то оправдано, что я пишу не о том, как расположить происшествя в связную последовательность и как сделать занимательнее интригу, но о Языке и Народности. *Язык – это главная интрига произведения*, все остальное – только одежда, наряд, украшения. Но в отрочестве мы еще не умеем ценить главное, на нас действует мишура, поэтому, возможно, то, что я пишу, интересно только читателю, уже выросшему из отрочества.

О достоинствах того или иного произведения редко удается найти согласное мнение. То, что уже вошло в состав классической литературы, что уже состоялось, устоялось, бывает общепризнанным, но скорее в силу доверия к авторитетам, новое же постоянно вызывает споры. Нет объективных весов, на которых мы можем взвесить, сколько весит то или иное творение перед судом истины или вечности. И все же, хотя и говорится, что "на вкус и цвет товарища нет", и Толстой это же доказывает в своей злополучной статье, то есть что нет объективных критериев для оценок, а все они субъективны, но... есть и критерии, есть и весы, хотя они не всегда видимы, ощутимы, не всё на них удается взвешивать... Почему-то красивые девушки в нас разногласий почти не вызывают, и ум производит одинаковое впечатление на общество, которое состоит не из случайных встречных, а из тех, кто видит и ценит в окружающих умных людей – так отчего же Роман не может быть оценен сходным образом всеми?

Мы, кажется, выяснили, что входит в роман, и помимо занимательного сюжета, напряженной интриги, ярких событий, мы находим в нем **язык, народность, пол** автора, его **личность** (то есть привычки, характер, мировоззрение и наклонности, или духовно-нравственный образ) – и такое представление содержания Книги естественно и понятно, оно **рационально**.

Но так как существуют помимо рациональных еще и иррациональные стороны жизни, то они существуют и в литературе, почти в любом художественном произведении, в его странных событиях и героях, ибо не может автор и его книга избегнуть сложного, загадочного, необъяснимого. Но загадочнее всего, что при этом и отдельное произведение, состоящее, может быть, из совокупности только всего простого, понятного, объяснимого – в своем целом *иррационально*, и *иррациональна литература* как стихия (как *иррациональна* и философия, и религия, но не всегда богословие).

Если кто-то скажет, что я говорю о *магическом*, что это именно оно включает в себя загадочное и необъяснимое, то я не буду чрезмерно спорить. Если *иррациональное* – это сверхразумное, не объяснимое только исходя из ума, то таково же и *магическое*, хотя они все же не совпадают, *магическое* вносится в мир через волю и действия магов, волшебников, демонов, ведьм и других таинственных существ и сущностей, а *иррациональное* – форма существования мысли, выражения, явления, предмета (?).

Чтобы объяснить разницу между рациональным и иррациональным, приведу в пример некоторые любовные истории, которые происходили со мною (а что еще, кроме них, могло со мною происходить?)

Мои отношения с одноклассниками были вполне рациональными, с одной из них я долго дружил, бывал у нее в гостях, читал книги из ее библиотеки, и она меня пыталась развивать (так как я происходил из затерянной деревушки). Но помимо этого, то есть помимо обычных дружеских отношений с *близкими*, знакомился я и с *дальними*, и испытывал к ним совершенно другие чувства.

Так вот однажды, учась в десятом классе, в начале зимы (а мне еще не исполнилось семнадцать лет, и был я худенький подросток), пошел я на вечерний сеанс в кино, народу было немного, я подсел к красивой девушке, немного старше меня, спросил, далеко ли ей идти. Оказалось, довольно далеко. Я вызвался ее проводить, падал пушистый снег, было так красиво, и я пришел в восторг. У дома, прощаясь, мы стали целоваться, и она пригласила зайти к ней домой. Это был маленький домик об одну комнату с русской печью, отгороженной занавеской, столом, стульями и кроватью, на которой сидела ее сестра, вероятно, они были близнецами.

Одна из сестер занялась приготовлением ужина, бегала за занавеску стряпать оладьи, а с другой мы целовались, и у меня появилось смутное ощущение, что неизвестно, с той ли я целуюсь, которую провожал до дома (через несколько лет история повторилась уже в Питере, я встречался с девушкой, которая оказывается, была и она и другая, и перед тем, как меня бросить, они пришли ко мне на свиданье вдвоем).

Так как было уже поздно, то они меня оставили у себя, постелили около кровати на полу, поскольку дальше меня могло продуть от двери, и я помню, что ночью время от времени они через меня перешагивали, горела лампадка в углу, и мне казалось, что это через меня перелетают ангелы.

Сколько десятилетий прошло с тех пор, но я и их помню, и помню то нежное чувство эстетического восторга, красоту фигуры, лица, нежные ароматные губы, легкое волнение и полное отсутствие особенного любовного (эротического) томления.

Почти то же самое было года за два до этого, я поднимался (кажется, это было в мае) по ступенькам к кинотеатру и вдруг совершенно неожиданно какой-то парень ударил меня по лицу и из носа полилась у меня кровь.

Ко мне подбежали две девочки, прижали к моему носу свои кружевные надушенные платочки и повели меня к себе домой.

Было около двенадцати часов дня, и я провел у них время до десяти часов вечера, мы играли в подкидного дурака, разговаривали (одна из этих девочек приехала к подруге в гости из Канска), смотрели друг на друга восторженно-влюбленно, потом они меня немного проводили, прощаясь, мы взялись за руки, держались, не хотели расставаться, втроем мы чувствовали себя так, словно мы одна личность, или, по крайней мере, они вдвоем одна личность, и я в нее, состоящую из двух, влюблен.

Это было бы, возможно, не так странно, если бы через пятьдесят пять лет история не повторилась.

Можно сказать, что мне снова расквасили нос, я оказался в клинике, там мне должны были сделать операцию, негодный кусочек плоти вырезать изнутри. Кстати, операцию должен был делать молодой хирург, ладно скроенный, стремительный и красивый (а вы знаете, что к мужчинам я отношусь не очень-то хорошо, но за месяц до этого мне уже делали операцию, склеивая и сшивая косточки и хрящики в разбитом плече, и тоже молодой и красивый мужчина делал мне эту операцию, и мне было приятно, что он такой ладный, умелый и симпатичный... ммм... как бы читатель не подумал, что мне интересны мужчины, как еще до сих пор интересны девушки... нет, пагуба мира меня, слава богу, не коснулась, из пороков у меня только пьянство...)

Итак, вторая операция, перед нею мне приходится проглотить телевизор, который проецирует на экран монитора "мой разбитый нос" (фигурально выражаясь), две милых сестрички словно как тогда прижимают свои надушенные платочки к моему лицу, одна из них гладит мне волосы, другая поднимает палец вверх, показывая, что я, дескать, молодец... и потом я приходил в эту клинику как будто чтобы проверить, все ли со мною в порядке, а на самом деле чтобы на них посмотреть... и они мне сказали: с вами все в порядке, мы за вами следим, все про вас знаем и не дадим в обиду!

Нет, наверное, это были девушки не отсюда, а "оттуда" ... хотя, впрочем, и отсюда девушки не хуже, чем "оттуда", они все и небесные и земные одновременно.

Многое в жизни необычно, *иррационально* или магически таинственно...

А литература сосредоточивает *магию*, содержащуюся в жизни разрозненно, распыленно, она превращает ее в дух и в плоть творения. Так что и *творение* становится магическим.

Но в художественное произведение входит и еще кое-что неопределимое, словно бы не являющееся его частью, как минеральные соли и как *редкие элементы* входят даже в состав воды. Это "что-то", быть может, самое главное, может быть, именно на него откликается каждый по своему, это ТО, что поднимает Природу и весь Мир над обыденностью. *Блажен, кому дано откликаться!*

4. Иррациональность жизни.

Философ, возможно, назовет, что это такое, это "*что-то*", но я не уверен, что назвать так уж необходимо; что именно пленяет нас в красоте, в прекрасных девушках, в Елене Троянской, в Афродите, в изваяниях муз в Павловском парке – выходит за пределы тех ощущений, тех способностей чувств, которые исследует физиология и физика, даже психология. Когда я читаю рассуждения о гармонии как ощущении здоровья, ощущении плодородности (а большая часть всех материалистических теорий эстетики именно такого, им ведь необходимо вырастить из атомарного животного, из животного человеческого, из человеческого божественное – казалось бы, они тем самым Атом возвышают, но в действительности низводят гармонию и жизнь до механических движений, подчиняющихся лишь причинности, и в конечном счете приходят к отрицанию: Свободы, Добра, Красоты, Милосердия.

Но мировоззрение, объясняющее отношения небесного Творца и деревянного Буратино, созданного из дерева или глины или праха земного, извлекающее словно бы "оттуда" живую небесную воду, которой поливает тщетную земную жизнь, как ни странно, тоже приходит к отрицанию: Свободы, Добра, Красоты, Милосердия.

Что же я предлагаю взамен?

Соединение *жизни*, принимаемой с открытыми ушами и отверстыми очами, с вдохновением художника. А поскольку одного вдохновения не достаточно, необходимо к нему прибавить еще ремесло, труд крестьянина, или горшечника, или физика, или философа, или даже воина, защищающего свою землю. Говоря о *жизни*, которая еще дополняется вдохновением, я в ней еще утверждаю все то, с чем имеет дело вдохновение, то есть и женскую красоту, и любовь, и страсти, и единение с своим родом и Родиной, и природу... А к ремеслу отношу всякий труд, даже труд ученого. Но так как ни у чего, с чем имеет дело *живое*, нет четкой границы, и у самого Бытия нет четкой границы, оно ведь соприкасается с Инобытием, то и обыкновенный крестьянин, живущий своей деревенской жизнью и имеющий дело только с повседневным трудом, как у нас в Корневище, соприкасается со всем, и с Богом тоже. Я это чувствовал в общении с ними, на сенокосе, в лесу за ягодами, при скирдовании сена, при копке картошки, относя ее и ссылая в подполье, а в особенности у костра, где при роздыхе мы эту картошку пекли, и почти совсем не чувствую в разговорах с современными городскими жителями, смотрящими телевизионный ящик. Мне иногда кажется, что я как был дурак-дураком, не знающим, как объяснить, что мы начинаем поклоняться самому **заурядному**, и восклицаем: А что взамен? Разве есть что взамен? – так им и остался. А вот что произошло с ними – непостижимо!

Или на них повлияло то, что они не те книги читали в детстве и не смогли от них освободиться?

Вот почему я уповаю на литературу, на творчество художника. Вот почему я не стал писать Правила стихосложения или Правила писания романов.

Но зачем я пишу вот все это? Разве я не поучаю?

Нет, это я пишу длинное Письмо в ответ на вопросы, которые мне заданы.

5. Неравенство и Несправедливость

Иисус Христос, воплотившись в человека, проживая с людьми и их собственную повседневную жизнь (хотя и не до конца, всего того, что нам, грешным, кажется самым главным: любовь, рождение детей, семья, труд, и что является главным для литературы, он прошел мимо), столкнулся со многим из того, с чем и они, и даже в большей степени (исключая любовь к женщине и семью), так как претерпел предательство, мучения и даже насильственную мученическую смерть. *Они* ему задавали те же вопросы, что и мне, в частности, справедливо ли, что богатые забирают себе то, что не заработали, и что судьи судят несправедливо, и что у одних дворцы, а у других подчас даже скромной хижины нет, и не надо ли этот порядок вещей изменить.

Он отвечал так, что то, что несправедливо, то и вправду несправедливо, и после смерти *последние станут первыми*, и ТАМ наступит царствие Божие, где всё станет справедливо, а здесь надо изменяться всем к лучшему, но *каждому начать с себя*. Но менять в порядке вещей, во *внешнем*, ничего не надо, Богу надо отдавать Божие, а Кесарю кесарево. (И еще недавно в католичестве, в Латинской Америке, шла ожесточенная дискуссия и борьба, надо ли Церкви повернуться лицом к социальным проблемам, и когда тамошние епископы оказались в большинстве, то и Папа Римский согласился с ними, и Церковь, хотя это противоположно смыслу христианства; и у нас совсем недавно была дискуссия, надо ли верующим участвовать в выборах и можно ли священникам выдвигаться в органы власти, ряд священников от Московской церкви в связи с этим был отколот, но я думаю, что даже и участие в выборах противоположно смыслу христианства).

Настолько не надо ничего менять во внешнем, настолько здесь, на Земле, ничего нельзя уже исправить из-за онтологической поврежденности человека, что надо только готовиться к смерти, и ТАМ все изменится к лучшему, и то только для меньшинства, для *малого остатка*. ***Христианство – это религия конца света.***

Литература и культура с такой точки зрения враждебны христианству уже фактом своего существования, и даже книги писать не надо. Когда один из Оптиных старцев написал Историю Оптиной пустыни, то Игумен его сослал в Соловки (как и Толоконникову, вообще говоря).

Поэтому христианин ли Пушкин? Поэт и писатель не может быть христианином, а уж Пушкин старался изо всех сил изменять жизнь народа, "*Свободы сеятель пустынный, он вышел рано, до звезды. Рукою чистой и безвинной в порабощенные бразды бросал живительное семя*" – какое уж тут христианство?

Но его отношение к жизни не было неизменным, вначале он поддерживал декабристов, душою был с ними, и даже на вопрос царя, вышел ли бы он на Сенатскую площадь, ответил, что если бы был в то время в Петербурге, то бы вышел, но что с тех пор мысли его изменились... (Насколько изменились, не легко ответить, мысли даже у гения меняются иногда под настроением минуты, я вот и для себя не могу решить, пошел ли бы я с декабристами, хотя я к Девятнадцатому столетию отношусь почти восторженно.

Итак, на вопрос, надо ли было бы изменять сословное неравенство в девятнадцатом столетии и освобождать крестьян и вводить всеобщее равенство (имущественное и равенство прав), Христос ответил однозначно: Во внешнем ничего менять не надо, надо только одно: *«любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад.»*

Других способов борьбы с несправедливостью Спаситель не предложил.

Но разве душа наша не уязвляется страданиями человеческими, как восклицал Радищев? – и что он бунтовщик хуже Пугачева, Екатерина права, христианство НЕ посягало на сложившийся порядок вещей, более того, не только Кесарю велело отдавать ему принадлежащее (а ему принадлежало ВСЁ, и даже жизнь наша, наши жены и наши дети), но утвердило именно этот порядок жизни авторитетом Бога, ибо «Всякая власть от Бога!» – для того и происходит миропомазание царя.

А еще бóльший бунтовщик, хуже Радищева, Пушкин, он единственный, без обиняков, вот уже двести лет возглашает:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, *отчизне* посвятим
Души прекрасные порывы!

Не Богу, не царю (предстателю Бога на земле), а Отчизне!

Но и всем своим творчеством он – *Религия преобразования этого мира*.

Порываясь от культуры к христианству, Толстой почувствовал, что или христианство, или культура. Это не его прихоть, самодурное извращение мыслей, это ВЫВОД из горестных размышлений честного и глубинного человека, обратившегося вдруг к христианству. Обыденный человек даже не понимает, что тут за камень преткновения, обыденный человек еще не задумывался обо всем этом, а Толстой потом писал Отца Сергия, Крейцерову сонату, Воскресение. Возможно, он чрезмерно ушел в это седьмое небо, даже помешался на нем... Но у современного *гениального* исследователя поэзии, который поэтов начал измерять чуть ли не тем, насколько они христиане, я прочитал отрывок из Ветхого Завета, уже забытый мной: «У пророка Исаяи мы находим перечень лиц, являющихся "посохом и тростью Иерусалима и Иуды". Кто же входит в этот перечень? "Храбрый вождь и воин, судья и пророк, и прозорливец, и старец, пятидесятник, и вельможа, и советник, и мудрый художник, и искусный в слове." ... в иерархии должностей и званий идеального Царства им принадлежат места 10-е и 11-е. Звание поэта отделено от более *важных* званий судьи, пророка, народного вождя.»

Вот это и не давало покоя Толстому. Либо это неистина, и к черту Библию, или это истина, и тогда к черту Пушкина: За что же ему, писавшему фривольные стишки, ставят памятник в Москве, а Исаяе еще не поставили? И не всем «храбым вождям и воинам, судьям... вельможам и советникам»?

Мир несправедлив, но человек его не должен изменять, а только изменять себя (хотя и это несущественно, как следует из Нового Завета), и ждать Страшного Суда и Воскресения, а в ожидании – *веровать*. Это единственное (как это следует из Нового Завета и как это понял Лютер, основавший целую религию, за которой пошло множество народов).

А что же отвечу я на вопрос юной корреспондентки, которая спрашивает меня: "Разве справедливо, что помещики жили в роскоши в вашем любимом девятнадцатом веке, когда крестьяне часто в нищете? Когда их даже продавали как скот?"

А я ведь не советую ждать Страшного суда, я и в нынешнем мире многое хочу изменить.

Во-первых, я чувствую так, что *отклик на несправедливость*, уязвленность души, когда мы ее видим, это главное качество человека, более высокое, чем вера. Если у кого есть этот отклик, ему все простится, если же нет или он даже сам обижает, то все остальные заслуги – ничто, в том числе и вера.

Вот, оказывается, какая у меня простая религия. Вот к чему я призываю человека, и чего ожидаю от литературы. Художественное произведение, которое вызывает у читателя слезы сочувствия к добру и негодование к злу – только оно может быть совершенно.

Но все же я не спешу отвечать на простой вопрос, и отвечу "витиевато".

Та или иная историческая эпоха – это не только хронология, не только сухой перечень происходившего, но живая взаимосвязь событий, лиц, поступков, характеров и душевных движений. В той мере, в которой мы в эту эпоху погружаемся, она проступает перед нами как коллективное *художественное* творение, как выдающийся эпический роман, гармоничный во всех своих частях и сторонах, и логически, и этически, и эстетически. При этом красота творения – главная мера, которой мы меряем этот роман. Речь даже не о том идет, какою мерой НАДО мерить, а какою мы сами хотим мерить. Но это наше хотение меняется, наше отношение к истории непостоянно, мы то негодуем, глядя на некоторую эпоху, то умиляемся.

Я слушаю Шаляпина, слезы восторга меня одушевляют, разве я спорю с тем, что ему платили в тысячу раз больше, чем мне? (Хотя, что у нас сегодня за общество? Оно бы и Шаляпина втоптало в песок, разве и я не из самых умелых преподавателей, но кроме вакансии сторожа мне ничего не удалось получить в этом мире!)

Я читаю Пушкина, слезы восторга меня одушевляют, разве я спорю с тем, что ему платили в тысячу раз больше, чем мне? (Хотя, что у нас сегодня за общество? Оно бы и Пушкина втоптало в песок, разве и я не из самых умелых преподавателей, но кроме вакансии сторожа мне ничего не удалось получить в этом мире!)

Впрочем, читатель, мои «жалобы турка» я присоединяю к этим рассуждениям из художественной целесообразности, а вовсе не потому, что так выгодно получить от общества какую-то мзду. Общество я презираю, овощи выращаю на своем огороде, некоторые люди приглашают меня в гости и предлагают изысканные закуски (им приятно со мной поболтать), в баню меня приглашает банщик (бывший ученый), и даже красоткам я приятен.

На что же мне жаловаться? Я счастлив, мне достаточно всего того, что я имею, даже то, что ни один издатель никогда не пытался издать мои книги, меня не огорчает, а скорее умиляет.

Несчастлив я только из-за того, что Россия моя растлевается и клонится долу, что русский народ умалется и клонится долу, что природа гибнет, что культурное наследие отцов проматывается и уничтожается, что человека власть и богатые унижают, подавляют, лишают возможности выразиться, лишают свободы и даже жизни. Из-за этого я несчастлив, все же остальное не мешает моему счастью.

Деятнадцатый век был не во всем справедлив, и в нем было много зла. Лучшие люди с этим злом боролись, культура и образование хотя и медленно, но улучшали общество, изменялись нравы, даже помещики начали уже отпускать крестьян, даже вельможи женились на крепостных.

Происходили исторические события, которые способствовали преобразению Столетия, и Французская революция возвестила Идеал свободы, равенства и братства, пусть во многом он оказался и ложным, но Идеал свободы одушевлял европейские народы до сего дня.

Пушкин предчувствовал даже больше, чем знал. Пылкой душою он был на стороне декабристов, трезвый ум и знание истории указывали ему на осторожность, он страшился якобинского террора, который у нас и разразился в двадцатом столетии и не преодолен до сих пор. Двадцатое столетие оказалось хуже девятнадцатого, и колхозное крепостничество хуже помещичьего, и кровь лилась рекою, и несправедливость стала нормой жизни (но чтобы нам не спорить, читатель, открой книги Солоневича, Олега Волкова, Солженицына, Варлама Шаламова, «Ленина» Солоухина, «Окаянные дни» Бунина, открой Волошина, воспоминания Пришвина, Ольги Берггольц, прочитай русских философов, от Флоренского до Бердяева, русских поэтов от Гумилева, Есенина, Клюева, Павла Васильева до Шаламова – он и поэт, открой книги русских ученых, Ухтомского и Вернадского, историков, например, Веселовского, ... а воспоминания бесчисленных эзков, книги которых – жемчужины, например, Тамары Петкевич «Жизнь – сапожок не парный»... Слезы и кровь впаяны в русскую литературу двадцатого столетия, подлинно мученического...)

Русское освободительное движение было ПРАВО. Результат оказался ужасным, но ведь и Христа распяли, если считать его распятие результатом его проповеди.

Не все исторические результаты благотворны, я не оправдываю девятнадцатое столетие, а призываю с ним в значительной части примириться. Как и с русской историей. Не надо мириться со всем, не надо мириться с Опричниной, шестнадцатого ли века или двадцатого. Но с умеренными эпохами надо находить понимание.

Мир надо стремиться преобразить к лучшему, не надо ожидать конца света, я и для себя надеюсь на доброе здесь, и для своих потомков тем более.

Поэтому, хотя я и восхищен культурой девятнадцатого столетия, и многие его люди мне симпатичны, но многое я и в нем осуждаю; в двадцатом же столетии почти ВСЁ!

Чтобы не спорить с христианами, ограничусь небольшим замечанием.

Многие из них полагают, что надо верить в Бога и ожидать Страшного суда и Воскресения, надеясь на то, что их Всеблагой воскресит.

А я думаю: человек, не откликающийся на несправедливость и не пытающийся изменить окружающий мир так, чтобы несправедливость в нем хотя бы уменьшилась, имеет ли право рассчитывать на милость Божию? За что его воскрешать?

Но я еще на вопрос о том, справедливо ли было девятнадцатое столетие и справедливо ли неравенство, не ответил.

Сначала о равенстве. Неравенство несправедливо, но равенство еще несправедливее. Человек же должен стремиться к тому, чтобы уменьшить зло в мире, уменьшить несправедливость. Надо устранять излишние ограничения, надо стремиться к равенству прав. Но и на этом пути можно дойти до дикости. В столичный университет, например, была квота для жителей окраин – во имя справедливости, а в окраинные университеты принимали только своих – тоже во имя справедливости. И только потому, что меня избрал Бог (не вместе с *избранным народом*, у меня собственный Бог), я учился в университете (хотя из него меня трижды изгоняли).

А теперь о справедливости. Да, в девятнадцатом столетии не все было хорошо, но зато все достойные люди обличали и общество, и правительство, и чернь, и "презренных потомков", а восхваляющими царя и режим был чуть ли не один Булгарин. А что советская литература? Кого она обличала? Россию. А что современные властители дум, кого они обличают? Россию.

Даже христиане обличают не грехи власть имущих и богатых, которым, по слову Христа, не попасть в царствие Божие, а трех феминисток, обличивших их грехи. А теперь, поди, ринутся они обличать меня, защищающего тех обличительниц.

Так что же, нет идеала общественного устройства, не о чем мечтать, не к чему стремиться?

Сначала надо отринуть, и из жизни, и из сознания, и общество, богом которого является Золотой телец, и общество, богом которого является всеобщее нивелирование и человека и культуры. А отринув низкое, записать, как на скрижалях Завета, формулу высокого: Свобода, Честь, Достоинство человека, Милосердие и сострадание, Справедливость, Неравенство – умеряемое Законом и совестью (вот ведь платят с прибыли богатые на Западе даже до девяноста процентов налога!), Благотворительность, Труд и Творчество. И еще: Личность, Россия, Культура, Бог – духовного богатства (а не нищеты духа).

Когда-то, в шестидесятые годы, вдохновились многие из нас, начинавших с марксизма, "Социализмом с *человеческим лицом*". Может быть, именно в таком социализме спасение, думали мы. Но пролетарский социализм, идеалом которого является диктатура, более оказался "любезен народу". А сегодня народу любезны олигархи, жизнь за счет природной ренты, духовное оскудение... И старая иллюзия скорого конца света и последующего воскресения... Или уж что они там видят в своем христианстве?

6. Деятнадцатое столетие

(Из письма ***)

21 марта, пятница. Сегодня утром философы ко мне не приходили. По-видимому, пора заканчивать затянувшееся сочинение. Кажется, уже нет ни одной новой мысли, все только то, что давно передумано. Вот почему я дополняю предыдущую главу несколькими отрывками из писем к своей романтической корреспондентке.

Деятнадцатый век в Европе был уникальным, образование было основано на античной культуре, русское дворянское общество говорило по-французски, читало по латыни и древнегречески, даже языком общения был французский.

Екатерина запретила телесные наказания дворян (не говоря уж о пытках), смертная казнь была ограничена (после восстания Пугачева казнены были только зачинщики). Церковь как главный землевладелец и крепостник в России была ограничена, сотни тысяч монастырских крестьян были освобождены от крепостной зависимости.

Помещик не вправе был обращаться с крепостными как угодно, наиболее вопиющие случаи расследовались, виновные наказывались, "легендарная" Салтычиха заключена в каземат. Русская литература, проливающая слезы о крестьянах, приводит не столь много случаев их значительных притеснений.

«Там били женщину кнутом, крестьянку молодую!» – а за что били? И многих ли? Зато в двадцатом столетии написаны сотни томов воспоминаний об участии женщин в советских лагерях, страшнее, наверное, было только в Освенциме или в печах крематориев. Не буду повторять, это надо ЧИТАТЬ, это тысячи свидетельств, миллионы истязаний, насилий, сломанных судеб. Даже Ольгу Берггольц следователь бил кованым сапогом по животу, у нее был выкидыш и больше детей не было – это о ней, будущем символе блокадного Ленинграда.

Маршалу Мерецкову Берия лично трижды выбивал зубы в июле сорок первого года – позже он стал наиболее успешным полководцем Великой Отечественной войны. Маршал Рокоссовский в начале войны сидел в тюрьме, а во время войны не расставался с пистолетом, чтобы застрелиться при аресте. И больше всего он боялся Жукова, будущего «маршала победы».

Кто свирепствовал сильнее, инквизиция или ЧК? Солженицын исследует это подробно, и приговор "не в пользу" Инквизиции.

В юности я тоже негодовал на крепостное право (как и Радищев), и без сомнения справедливо, ибо негодование на несправедливость и несвободу – это врожденное религиозное чувство человека. Но большинству людей не известно, ни что такое свобода, ни что такое культура. Я сидел в тюрьме и мне там было плохо. Мои сокамерники, молодые люди, бывшие наркоманы (и оставшиеся ими), не только не унывали, но даже веселились.

Чтобы получить ясное представление о четных и нечетных числах, о простых числах, алгебраических и трансцендентных, школьнику надо трудиться. Но еще труднее глубоко понять историю Европы и судить

справедливо и истинно – а без этого трудно стать серьезным писателем, мы ведь не только вносим в книги придуманные истории, но и свои личности.

Поэтому нельзя смотреть на предыдущие столетия как на нечто однообразное, даже восемнадцатый век неоднороден, и хотя время Петра во многом чудовищно, но совсем иное впечатление оставляет этот век, начиная уже с Елизаветы, достаточно пройти вдоль портретов исторических деятелей от Петра до Павла, как поразительно меняются лица от грубых и жестоких до одухотворенных!

А девятнадцатый век наилучший, хотя он не был веком молочных рек и кисельных берегов, он не был «золотым» веком в умильно сказочном стиле, но он ВОЗВЫШАЕТСЯ над двадцатым веком как даже трудная свобода возвышается над тюрьмой.

Не надо забывать, что колхозное крестьянство было еще более бесправным, чем помещичьи крепостные, которых помещик НЕ ИМЕЛ ПРАВА заставлять работать в воскресенье, а я ведь в детстве еще захватил чудовищную неволю, чудовищное бесправие моих деревенских земляков! Из каждой деревни в тюрьмы и лагеря уже после войны забирали хотя бы по несколько человек, иных за «колоски» – мать голодного ребенка собирала на поле, уже после жатвы, колоски, чтобы вышелушить остатки зерна и добавить к мякине и гнилой картошке и испечь «драники» (я сам их ел, и сам собирал в октябре в поле остатки такой картошки), и «немногие вернулись с поля»...

Социализм как равенство и равноправие впервые описан Платоном в Республике, после него еще монах Кампанелла вдохновлял романтиков, мечтающих об обществе, устроенном по типу машины, и о человеке-машине – но я предпочел бы сидеть в тюрьме, чем жить в их казарме.

Итак, Деятнадцатый век, век великой культуры (в Европе и в России), век войн, революций, науки, промышленного развития, империй и республик. Ну, разумеется, он не был веком безоблачного счастья и всеобщей свободы, не был веком равенства. Но культурное сословие (оно же было правящим) было по крайней мере вменяемым. Даже в раю были смутьяны, обманщики, воры и грешники (Змий ведь обманул и соблазнил Еву, а она сперла чужое яблоко, дала Адаму, а потом вступила с ним в «преступную связь») – чего же хотим мы от жизни вне Рая? Литература и должна помочь нам разобраться в хитросплетениях лжи и правды, зависти и злобы – но для этого писатель должен обзирать всё целое земной жизни.

Я и сам иногда склоняюсь к революционному отношению к истории, мне хочется ИСПРАВЛЯТЬ мир, даже розгами, но я человек, я не хочу и не могу убивать. Эпоха же первой половины двадцатого столетия не только теоретически оправдала насилие и ЗЛО (во имя добра ли? Ленин и Троцкий, Муссолини и Гитлер, включая и мелких бесенят, следователей НКВД и ГЕСТАПО – все они негодяи, мало образованные, чудовищно жестокие, нет разницы между Лениным-Сталиным и Муссолини-Гитлером, тем более что и те и другие – *социалисты* и одинаково воевали с христианством, с которым, правда, я и сам расхожусь, но не до того же, чтобы закапывать священников в землю!)

Итак, во многих отношениях дореволюционное прошлое (ограничимся Россией) НЕ идеально, но, негодуя на несправедливости, надо гордиться тем, что в нем было хорошего. Вот так же и моя прошлая жизнь вызывает во мне и осуждение и огорчение, но я ее не перечеркну, ибо в ней много достойного.

Нужна ли была революция в России? Быть может, была неизбежна. Как иногда при тяжелой болезни необходимо, чтобы поднялась температура наступил кризис.

Наверное, я и сам сторонник революции, и теперь ее призываю – но победить должны образованные, честные, культурные, талантливые, стремящиеся не к личной власти и личному богатству и реализации личной злобы, а ТВОРЦЫ.

Но теории общественного устройства необходимо видеть словно бы при ярком солнечном свете, а не в темноте.

Проповедь равенства – самая бессмысленная проповедь. Мы уже рождаемся неравными, притом женщины рождаются для больших тягот, чем мужчина, которому наслаждение ничем не грозит, а женщина за него часто расплачивается (ибо рождение нежеланного ребенка – почти расплата).

А неравенство в способностях?

Да, имущественное неравенство несправедливо, деньги текут к недостойным, а гении умирают в нищете – но при материальном равенстве культура исчезает дотла! Опера и философия и высшая математика никогда не будут нужны народу, и когда только всенародное голосование будет решать, возводить ли театр, преподавать ли латынь и дифференциальные уравнения, учить ли наизусть стихи Пушкина, то «народную копеечку» на «придурь» никогда не затратят (как об этом и мечтал Лев Толстой). Вот почему, разорив Россию в «производстве средств производства», которые теперь гниют и ржавеют, социализм не построил НИ ОДНОГО здания, достойного стать «памятником архитектуры».

Но убедительны доводы только в связанном теоретическом построении, в котором выстраивается цельное мировоззрение, выстраивается некий связный Космос. Такова, например, книга Шафаревича «Социализм как явление мировой истории», из которой мы видим, что социализм господствовал иногда целыми тысячелетиями, и в Вавилоне, и в древнем Китае, и в Америке, и в Египте, и всегда приводил к деградации общества! Уже в древнем Риме было развитое ПРАВО, существовали суды, юристы, адвокаты, теория экономики и сельского хозяйства – в СССР все это скукожилось, даже суды над диссидентами выродились, обвинитель уже не умел сформулировать обвинение, поневоле несогласных стали объявлять сумасшедшими и приговор выносил не судья, а психиатр. Выродилась и Политическая экономия и философия, из которых, как будто бы, и родился социализм. Почему Капитал повел за собою умы? Потому что это была развитая теория, мировоззрение, а в нашем социалистическом обществе даже марксизм некому уже было преподавать.

Но, увы, *рассуждения* не убедительны, надо искать художественную форму для изложения своих взглядов на мир, но мне это пока плохо удается.

7. Трансцендентный мир (Инобытие)

Жизнь – в противоположениях: добра и зла, высокого и низкого, красоты и безобразности, любви и ненависти, жизни и смерти... Все то, что в ней ясно и понятно, принадлежит либо к тому, либо к другому из противоположений. И ум проходит по дорогам жизни словно бы с зажженным фонарем, видит и понимает окружающий мир, потому и называет все то, что понимает, *рациональным* (лат. *rationalis* – разумный, *ratio* – разум).

Понятно доброе, понятно злое.

Но многое непонятно (*иррационально*) настолько, что надо развести руками и... и не знаю даже, что делать... прочитать в учебнике?

Но то, что пишется в учебнике *понятного* – рационально, а о непонятном, *иррациональном*, в нем не пишется.

Исследуя смысл религии, смысл христианства, философ повествует мне о морали, он говорит о том, что нехорошо *воровать, убивать, обманывать*...

Еврейское общество уже имело скрижали, на которых были выбиты именно эти Заповеди, и им поклонялось.

И тут явился Христос.

Великий Гегель (правда, еще в младенчестве), рассуждая о христианстве, пересказывает Евангелия и повествует о том, что Христос учил, как добрый учитель, тому же, что было уже известно из Заповедей, а Его за это распяли.

Великий Толстой (правда, уже сильно в старости), рассуждая о христианстве, пересказывает Евангелия и учит, как добрый учитель, тому же, что уже известно из Заповедей (а его за это изгнали из церкви).

Сведéние религии к Закону, к морали, к моральной проповеди – это рационализм – у Канта, Гегеля, Ницше, Толстого.

Источник *священного* (сакрального) в *Инобытии*, в *трансцендентном мире* (от лат. *transcendens* – перешагивающий, выходящий за пределы, т.е. в запредельном, находящемся по ту сторону реальностей, познание которых возможно эмпирически и рационально).

Если нет *трансцендентного*, то сам Бог становится проповедником морали, даже Кантовский «нравственный закон внутри нас» – всего лишь мораль, таковы и десять заповедей Моисея.

Бог, *избравший* евреев, давший им Завет и благоволение, *трансцендентен* и *иррационален* (и Сара рождает в старости, и Авраам приносит в жертву собственного сына, и Мессия остается неузнанным) – но оставлю в покое их Бога, когда мы не знаем и своего).

Христианство *трансцендентно* и основано на *трансцендентных Мифах*. Земная жизнь Иисуса и Проповеди – его *рациональная* часть.

Миф о Сотворении мира.

Жизнь в раю, Первородный грех (онтологическая порча) и изгнание из рая.

Ожидание прихода Мессии.

Земное воплощение Христа.

Распятие и Воскресение.

Завершение истории, Второе Пришествие.

Страшный суд и Воскресение.

Нерешенные вопросы

21 марта, пятница, полночь. Вопросы никогда не иссякнут, а самое главное – никогда не иссякнет жажда найти ответы на *самые последние вопросы жизни и смерти*. Вот поэтому теперь я прощаюсь с читателем.

Ибо хотя я и вижу (думаю, что вижу) истоки Религии, но в эту книгу то, что я вижу, мне не вместить.

Возможно, я попытаюсь позже написать роман. Возможно, напишу еще третью книгу о литературе, в которой коснусь и философии религии, и Евангелий.

Я ишу царствие справедливости, но не в потустороннем мире.

Вот Солоневич возлагает надежды на Народную монархию. Но хотя социализм и провалился, и его теоретические построения чудовищны, но, быть может, тот социализм, *социализм с человеческим лицом*, с которым мое поколение соприкоснулось в юности, будет лучше? Я его называю *народный социализм*, а упование на народ – *новым народничеством*.

Ибо хотя я уже и расстался и с христианством, и с социализмом, но еще не расстался с философией.

Или же мне не говорить читателю о своих пристрастиях, не объявлять, к какой партии я примкнул, так как я Редактор, Школьный учитель, я – для всех, а не только для тех, кому покажется, что у них близкие со мной взгляды? Так пусть те первые читатели этой книги, которые уже давно со мной беседуют, скажут мне, что они думают по этому поводу, и я так и поступлю.

1. Литература и Революция

Монархия и республика, демократия, тирания и тоталитаризм – вот тот наш Русский опыт, которым мы дополнили Французскую революцию.

Всякая революция – смертельная болезнь и кризис. Следующая за ней Реставрация – выздоровление.

Франции посчастливилось, революция была покорена Наполеоном, а он потерпел поражение от тогдашней "Антанты". Повезло Германии, прошедшей через национал-социалистическую революцию, тоталитарный нацизм и трансцендентные устремления в Тысячелетний рейх, но потерпевшей поражение от новой "Антанты". От России же Бог отвернулся, он словно бы ее возненавидел, чуть не издохнув, истекая кровью, она спасла и оседлавший ее тоталитарный режим, и оседлавших режим людоедов.

Русская Философия и Русская литература девятнадцатого столетия хотя и подготовили Революцию (как видите, наша Культура была на высоте своих задач, она не мирилась с земным, она чаяла небесного), но не смогли увидеть, понять и создать (сначала теоретически) Образ этого будущего, они либо метались между христианством и социализмом (Гоголь, Достоевский и Толстой), либо созидали Эпос, обнимающий русского человека в историческом целом (Пушкин и Лермонтов).

Быть может, нам, современным литераторам, предстоит спасти Россию?

Я ищу причины и "*причины причин*". В некоторой степени они и во мне. Но, в отличие от христианства, порочность нашей жизни я не объясняю только порочностью человека. Я бы назвал свою философию *оправданием* человека, в отличие от христианства и марксизма.

Быть может, нам, современным литераторам, предстоит спасти Россию – написал я на предыдущей странице. Предреволюционные десятилетия Революцию подготовили и сформировали, крестьяне и рабочие и солдаты с матросами были только той "массой" (по выражению большевистского идеолога), которая словно вода в канале понеслась по подготовленному строителями руслу. Никуда бы сама по себе она не понеслась и ничего бы не натворила, если бы ее не направляли интеллектуальные силы. (Во-первых, ..., во-вторых, ... и даже в третьих... Но об этом потом.)

Если Токвиль прав, и Французская революция подготовлена именно Литературой (включая в нее философию и театр), то и перед Русской литературой стоит судьбоносная историческая задача.

Это не значит, что писатель должен призывать к бунтам и погромам, должен писать о революциях. Вот я большей частью писал о Русском языке и воспевал его, он воистину уже единственный мне «опора и надежда» (и я написал о нем даже отдельное большое сочинение «Слово и Душа», которым горжусь!) – но если, когда я размышлял о языке и писал о нем, мне открылось, что во всех своих корнях, смыслах, звучаниях этот язык *языческий* и героический, а не христианский, что честь, удаля, очарование красотой в нем главенствуют, а "голос скорбный и очи долу" вызывают в нас иронию, то это значит, что язык уже содержит в себе Свободу и непокорство, и мне не надо к ним призывать, а только надо научиться легко и внятно на нем говорить – так то же и с Литературой в целом. Пишите хоть о полетах на Марс и о любви, но если воздух пропитан революцией, то и марсианские Аэлиты без ваших призывов пойдут на баррикады.

2. Личность Истории и ее сущность

Мне уже казалось, что я сказал почти все, что знаю, и почти обо всем, о чем могу хотя бы поверхностно судить; мне казалось, что я пишу *для себя*, пытаюсь ответить на вопросы, которые меня заботят или на которые еще недостаточно внятно даже для меня самого дал я ответ. Но оказалось, что и у меня есть читатели (читательницы), да притом относятся они ко мне с симпатией, если не сказать больше, и в моих писаниях ищут ответы на собственные вопросы, мучающие их.

Ну, или, точнее говоря (буду откровенен), у меня есть читательница, которой нужно то, что я пишу. Не во всем еще она разобралась и не во всем убедилась, и русская история продолжает ее мучить настолько, что она задает себе прямо таки трагический вопрос: Можно ли любить прошлую Россию или она была преступницей, которую надо осудить и от нее отказаться? Можно ли принять Историю, те прошлые эпохи, в которых не было свободы и справедливости, в которых народ был разделен на две части, и одна часть эксплуатировала, унижала и *мучила* другую?

То есть, во-первых, была ли русская Революция справедливым возмездием за преступления девятнадцатого столетия, или она сама была преступлением?

Можно ли, во-вторых, оправдать Девятнадцатое столетие хотя бы частично, дескать, виновно, но заслуживает снисхождения, или его надо приговорить к ненависти?

Но принимать ли и Двадцатое столетие как новую Лучшую эпоху в жизни народа или оно само преступно?

И, наконец, в зависимости от общего взгляда на совокупность поставленных вопросов, каков из этого надо сделать справедливый вывод?

Намереваюсь я дописать в лучшем случае две-три странички, поэтому выскажу свой взгляд на русскую историю без всяких доказательств. Во всем, что важно, человеку дано и внешнее и внутреннее зрение, и собственный опыт и *интуиция совести*, и потому мировоззрение даже и не нуждается в доказательствах – разве доказываем мы попутчикам, идя по улице, что дует пронзительный холодный ветер? Или что *сыро*? Нет, каждый это чувствует сам. Точно так же мы сходимся в оценках тех людей, которые встречаются нам, и хороших, добрых, мягких, заботливых оцениваем одинаково, так же одинаково судим об уме, никогда умного не назовем глупым или наоборот. Одинаково оцениваем книги, спектакли, достоинства их творцов.

Разве, услышав о том, что некто зарезал семнадцать человек, включая детей, мы начинаем лихорадочно изыскивать доводы в защиту убийцы? Нет, если только убийца не наш брат. И только поэтому судьи не спешат судить насильников и растлителей среди ментов и неправедных судей среди своего судейского сословия. Обычно мы видим и судим почти одинаково, все, кроме тех, кто *повязан с преступниками кровным родством*.

Но на этих не действуют справедливые доводы, они руководствуются, иногда безотчетно для себя, чем-то другим. Их я поэтому не буду убеждать или разубеждать, лучше бы даже, чтобы они мои книги совсем не читали (если только не по долгу службы, в качестве следователя, судьи и *Приказчика*). Об этом я уже не раз поминал, но именно это и важно, так что помяну еще раз.

Некоторые же определенным образом *направлены*, наставлены, словно бы подвергнуты особому гипнотическому влиянию, например, в детском саду любимая воспитательница им сказала, что дедушка ленин друг детей, и "спасибо сталину за наше счастливое детство". Пропетая в три года вместе со всеми такая *мантра* врезается потом на всю жизнь, пока... может быть, встреча со мною не повлияет, извержение государственного вулкана, иноземное вторжение, землетрясение народного отчаяния или опомнивания.

Так что без тех доказательств, которые прилагаются к математической теореме, я изложу естественный, обычный взгляд на жизнь народа, государства и человека, взгляд, который распространен среди не испорченных советской психологической обработкой простых жителей Сибири, не принадлежащих к начальникам тюрем, комсомольским и партийным секретарям и пропагандистам.

2 апреля, среда, 11-00. И словно узнав, что я должен дополнить существенными замечаниями свой текст, рано утром, в половине шестого, ко мне явилась странная бесплотная особа. По некоторой ауре, окружавшей ее, я сначала догадался, что это красивая женщина, а уже затем, что это Клио, муза Истории.

И потому, что она была бесплотна, вначале она мне нашептала романтический рассказ о почти бесплотной любви (и я уже окончательно и бесповоротно понял, что подлинная любовь – это любовь между мужчиной и женщиной, *любовь первородного греха*, то есть родовая, со всеми вытекающими из такой любви следствиями, и с материнской любовью, и с любовью детей к родителям, и с любовью к своему народу, следовательно, и к национальной культуре и к национальному государству. Я окончательно понял, что подлинная, не созданная в идеологемах и трансценденциях, любовь неотделима и от духа и от плоти, не отделима от человека, как и в человеке дух и плоть не разделимы. А потому христианство – это попытка изменить смысл и содержание истории, отделить ее от *первородной* любви, найти ей другое основание, или же совсем ее завершить – но в какой форме – никому не известно. А значит, ни женщину, ни народ невозможно любить только в духе, непременно присутствует плоть – грубая или одухотворенная, но присутствует.)

Затем она мне начала рассказывать о содержании истории, а мне хотелось спать, я боялся, что из-за того, что не высплюсь, будет тяжелым день, слушая ее вскользь, я пытался заснуть, наконец мне это удалось, и я проснулся вновь около восьми, затем ее еще немного послушал и заснул уже до девяти.

Сейчас я пытаюсь вспомнить, что она мне наговорила, увы, вспомню я ее слова лишь пунктиром.

Политическая история – это история государств, каждое из них представляет из себя личность, противостоящую человеку как личности, граждане государства для последнего – только инструмент, который в большей или меньшей мере имеет право на частную жизнь, а иногда его лишается совсем, в тоталитарных идеологиях и режимах это по крайней мере теоретически. Социалистическая диктатура провозгласила приоритет общественных и государственных интересов над частными, и хотя иногда на словах подчеркивалось право отдельного человека на его частную жизнь, но тут же добавлялось, что речь идет о "человеке с большой буквы".

В обывательских разговорах, претендующих на философствование, обычно говорилось: с точки зрения истории человеческая жизнь ничто, для истории (скажем, десятилетия бесправия) это только миг и тому подобное, а когда речь заходила о миллионных бессмысленных жертвах, возражением было то, что, дескать, для истории миллионом меньше миллионом больше – не значимо.

Бессмысленно с такой точкой зрения спорить, противостоят ей только жизнь и литература, для которых весь космос – это личность, семья отдельного человека, его упования и ожидания, любовь, то время, на которое приходится его жизнь, культура, которой он живет и дышит (как и природа, свобода, общество).

Но и христианство с его мифом сверхъистории и "жизни будущего века",

мифом, вполне аналогичным мифу о социализме и коммунизме для будущих поколений (мы не доживем, но зато наши дети... – и вот и мы, и наши дети и внуки дожили почти до конца истории, до времени *Заката* не только *Европы*, но и России, и я не чувствую, чтобы был "*блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые*", жаль мне Россию, которая за двадцать пять лет, прошедших с девяностого года, с года крушения тоталитарного советского государства, разрушилась как империя, потеряв и национальные русские окраины, увеличила экономическое производство на душу населения на десять процентов, а учитывая, что сюда входят цены на нефть, возросшие в четыре раза, то значит уменьшилась экономически, напротив, в четыре раза, и по сравнительной таблице экономик мы плетемся в хвосте даже латиноамериканских стран, мы превратились в полное ничтожество и грядет даже распад федерации, но безумный народ (который обезумел сразу же, "освободившись от власти царей", превратив ВЕЛИЧАЙШУЮ страну мира в умирающую помойку)... но безумный народ по-прежнему стоит на коленях в упоении какой-то развратной любви к своим правителям. А многие, воздевая руки к небу, вопиют: "А кто же кроме него?" Это до какой же степени надо презирать и ненавидеть свой народ, чтобы в его ста миллионах, среди которых и великие ученые и писатели, не видеть хотя бы завалящего подпоручика или агронома или председателя колхоза (как "батька" неМахно у соседей), способного сидеть за председательским столом! Вот ведь в девяностые годы выгнали из колоды карт совершенно случайного, совершенно рядового валета, инженера в "коротких штанишках", и назначили чуть не в козырные короли, и продолжили с успехом игру – или уже и валетов в колоде не найти?! Разве история не показывает, что все цари и правители взматываются на трон не по личным заслугам, а просто ветер подул вдруг и взметнул над равниной (за редкими исключениями), и вдруг подворачивается под руку подушка, и уже вместо Павла Александр, или огорченный император после поражения в Крымской кампании стреляется, или яду вместо лекарства налили всемирному титану, и уже вчерашний танцующий гопака становится "Наш Никита Сергеевич", и народ уже ему поклоняется...

3. Личность В истории

Субъектом политической истории (которая и переживается обычно как подлинная история, в отличие от истории философии, литературы, науки... то есть КУЛЬТУРЫ) является государство. Его благосостояние не тождественно благосостоянию народа, как показало преимущественно двадцатое столетие, и можно дойти до Берлина при полной нищете и бесправии населения, можно построить и блистательный Петербург, вбив вместе с сваями в финские болота сотни тысяч крестьян, можно даже победить крошечную Грузию, уже не производя в своей деградирующей стране НИЧЕГО кроме нефти и газа и одичания народа и человека.

Но неужели совсем уж незначим отдельный человек в истории войн, империй, мятежей, присоединений и распадов, зорь и закатов?

Нет, на сцене политической истории иногда оказывалась личность,

действующая сама по себе, или наряду с государством, как Жанна Д*Арк, или даже против него, в качестве мятежника или вождя мятежа, как Спартак, Ян Гус, Лютер, протопоп Аввакум, Пугачев.

Те же, кто отождествлялся с государством в качестве императора, тирана, вождя – Петр Первый, Наполеон, Гитлер – не может считаться субъектом истории отдельно от того государства, с волей которого сливалась их частная воля. Более того, даже народ, отдельный ли народ, или доминирующий в империи – всего лишь инструмент государства в осуществлении его воли.

Однако в истории случалось и нечто еще более удивительное (или даже трансцендентное), когда личность оказывалась субъектом истории сама по себе, отдельно и от народа и от государства, не возглавляя ни часть народа, ни часть государства в политической борьбе за власть.

Прежде всего, это Будда, Лао Цзы, Магомет, а в Европейской истории Сократ и Христос (поскольку Христос выступил на сцене Римской империи, и деятельность его учеников и последователей касалась судьбы Рима и Европы).

Сократ умер, отказавшись бежать, отказавшись **не** подчиниться приговору Афин, то есть поставив приоритет государства и общества над личностью; хотя при этом его жизнь и проповедь были вызовом государственной власти, ибо он всей своей философией утверждал *самоценность личности*.

Кстати, не любопытно ли, что не при тирании он был предан смерти, а при демократии?!

Хотя он утверждал, что достойный и добродетельный гражданин должен подчиниться общественному постановлению, даже если оно не обосновано, он тем не менее не ставил личность в подчиненное положение по отношению к обществу: достойный человек может даже пожертвовать собою во имя семьи и своего народа, во имя друзей и тех, кого он любит, именно потому, что *личность самоценна*. Что выше, духовная независимость человека или подчинение его главенствующим общественным и государственным установлениям – такое противопоставление Идей хотя формально и не было в основании суда над Сократом (то есть не было так сформулировано в обвинении), но именно этому был посвящен Суд. Спор между личностью и государством выиграло государство, и Сократ был казнен. Но духовно, величием произведений, суду посвященных учениками и друзьями Сократа, спор, несомненно, вошел в историю культуры как апофеоз личности в сравнении с низостью государства. (Кто выше, человек или Бог, такой вопрос не ставился в философии Сократа, так же как и то, чей голос, государства или богов, более значим для личности. Однако Сократ говорит о том, что в нем есть "Даймон" (дух), он слышит голос Даймона, к которому *прислушивается* (но не говорит о *послушании* или тем более беспрекословности *послушания*, как христиане, несомненно, что он сам, именно Сократ решает, слушаться ли ему этого внутреннего голоса и насколько). [Требование *послушания*, а тем более беспрекословного послушания, а тем более установление такого *послушания* с помощью *силы* – в отношении ли государственной власти, тирана, партии, идеологии, вероучения, папы, синклита, императора – это

духовное рабство. Далее я поговорю еще о своем *непокорстве*, хотя все мои книги, вся моя жизнь, все мои проповеди и разговоры – это уже утверждение *духовной свободы*. Странно было бы, чтобы я, математик, под страхом смерти или тюремного заключения признавал справедливость теоремы Евклида о бесконечном числе простых чисел – теоремы, являющей собою безукоризненный образец высшей интеллектуальной красоты.]

Итак, Сократ был свободен, учил свободе, убеждал и просвещал, высшей ценностью утверждал человеческую личность вместе с духом (Даймоном), говорящим в нем, но при этом защищал свою родину, Афины, от чужеземцев, от тиранов, от духа невежества и несвободы, доказал во многих сражениях свое мужество, вынес с поля боя раненого Алкивиада (за что афиняне наградили Алкивиада почестями, как племянника Перикла и сына знатных родителей, и за что в том числе впоследствии Суд осудил Сократа к смерти), но отказавшись бежать из тюрьмы или просить о помиловании, то есть подчинившись даже неправедному приговору, он подтвердил, что в числе высших ценностей для человека – *Право и Закон*, которые соединяют личность с традициями, с прошлым, с историей и родиной.)

Нет, я не совсем Сократ (хотя, возможно, я и самый умный в нашем безумном русском мире), я отчасти и Диоген, на которого похожу и внешне, так как государственную власть я преимущественно презираю.

Через 432 года с государством и обществом столкнулась другая великая личность, Христос. Ему прямо задали вопрос, Богу или государству надо подчиняться прежде, и он ответил, как известно, что Кесарю надо отдать кесарево, а Богу Богово. Более того, именно Христос сказал, что вся власть от Бога, что власть имеет божественное происхождение и ей надлежит повиноваться (и потому монархи в христианских государствах помазывались первосвященником, что удостоверяло божественность императора).

(Но большевистским монархам оказалось не нужно удостоверение их законности небесным соизволением, вероятно, они боялись ограничений своего своеволия даже со стороны Бога).

Но хотя Христос подтвердил и правоту и святость всякой государственной власти, Сам он занял в истории государств место самостоятельной силы, и отныне в истории Европы действовали два субъекта: Государство и Христос, было ли государство теократическим (тогда большая власть принадлежала папе и духовенству) или светским, тогда большая власть принадлежала королю и аристократии. Хотя, конечно, личности власть не принадлежала, ни при монархии ни при демократии: в первом случае потому что личность сужалась до *единичного*, во втором потому что личность расширялась до *всеобщего*. [Но положи руку на сердце, и тиран не был единичной личностью, он был НЕ свободен, раздавленный своим страхом, как Иоанн Грозный и Коба, или самодурством, как Нерон, или величием, как Фюрер, или жестокостью, как "простой как правда" недоучившийся гимназист. Впрочем, Коба был раздавлен пороками и всех остальных тиранов вместе взятых.]

Социализм и христианство личность унизили донельзя, провозглашая на словах ее величие. Но, впрочем, "пока с них хватит ..."

4. Деятнадцатое и Двадцатое столетия. Братья или Антиподы?

Почему мы не любим *дворянскую* Россию и любим Россию советскую, то есть Советский Союз с его "Диктатурой пролетариата"?

Причин тому несколько.

Во-первых, мы дети духовного рабства, советская власть нас разучила мыслить, она отняла у каждого из нас, даже у образованного, казалось бы, человека почти все культурное достояние человечества, и книги по философии – кроме невежественного и абсолютно неспособного к философскому пониманию Ленина, и теоретика политической экономики и государственной власти, но не самостоятельного философа Маркса; и книги по истории (все до одной, так как были написаны новые исключительно лживые учебники для домохозяек), и богословие, и значительную часть мировой литературы. Даже сочинения ученых (а перед наукой советская власть, казалось бы, расшаркивалась – но кто из советских читателей читал размышления Ухтомского, Вернадского, "К познанию России" Менделеева, "Россию и Европу" Данилевского, а уж тем более его "Антидарвинизм"? Ибо Данилевский был биологом и основал кафедру ихтиологии в Санкт-Петербургском университете) – были не известны "самой читающей в мире" советской читательской публике.

Оставляя пока в стороне вопрос о том, справедливо ли вообще социальное расслоение, сравним в этом отношении два столетия: девятнадцатое было дворянской властью, дворяне были богатым и привилегированным сословием, крестьяне – бедным и бесправным; двадцатое – государство рабочих и крестьян (как провозглашалось).

В действительности же это государство было **чекистским**, правящее сословие (как это обычно при тоталитарных режимах) не было экономическим сословием, но состояло из руководителей партийных организаций, начальников лагерей (а в лагерях сидело от пяти до десяти миллионов человек одновременно), следователей, *оперов*, сыщиков, пропагандистов – сравним Испанию шестнадцатого века с его инквизиторским христианством, в ней правящее сословие было так же своеобразно, как в СССР, то есть состояло из тех, кто не сеял и не пахал, но даже не руководил и не владел хозяйством, но руководил и владел душами. Отличие только в том, что сами *душеприказчики* при сталинском режиме жили в страхе, постоянно пополняя собою ряды эзков, которые были не только бесправнее крепостных крестьян, но которых из прихоти охранники могли застрелить или затравить собаками. Но жили и питались эзки хуже собак.

Что уж лить слезы над крепостными крестьянами, которые работали в поле и в лесу *без всяких надсмотрщиков* (это не рабовладельческий Юг в Соединенных Штатах), выращивали семьи по десять детей, гуляли по воскресеньям и по бесчисленным праздникам, ходили в церковь, ездили в гости и на ярмарки, уходили зимой на промыслы в города или на охоту или на рыбную ловлю – и вся русская дворянская литература, проливающая над крестьянами слезы, пишет об их мучениях и несчастьях только как об **исключениях**! Даже телесные наказания были только для дворовых, но эти были особым слоем холопов, а в крестьянскую жизнь и сами не хотели уходить,

развращенные легким житьем при барской усадьбе. "Люди холопского звания Сущие псы иногда: Чем тяжелей наказания, тем им милей господа!" – пишет Некрасов.

Впрочем, важно не только негодовать на то, обладали ли крестьяне правами такими же как у помещиков, а спросить, обладал ли какими либо правами человек при большевистском господстве? Горожанин ночью просыпался в холодном поту, заслышав шум машины на улице или шагов на лестнице, и только в 39-41 годах в Ленинграде было расстреляно на Левашовской пустоши СТО ТЫСЯЧ совершенно неповинных людей, от слесаря до академика.

Казни в 19-м веке можно пересчитать по пальцам.

Я не хочу сказать, что в царском прошлом люди в раю жили – они никогда не жили в раю, даже Ева при таком самодуре, каким был Создатель, велевший ей и яблок смущающих не есть и на мужчин не смотреть, жила в аду! Но история Европы была РАЗНООБРАЗНОЙ, от черного до светлого, история сталинской России – ЛЖИВЫЙ И ЗЛОБНЫЙ АД!!!

Ничтожные, безнравственные, бесталанные, злобные начальники и командиры погубили сорок миллионов человек на бездарно веденной войне с Гитлером, два миллиона умерли в Ленинграде от голода, и их муки на совести большевиков. ЗА ВСЮ ТЫСЯЧЕЛЕТНЮЮ ИСТОРИЮ РОССИИ не было совершено столько преступлений, несправедности, лжи, клевет, унижения, растления, как за семьдесят лет советской власти, хотя последние ее тридцать пять лет были относительно мягкими, и то, что выпало на мою долю, это просто стояние на горохе в детском саду.

Плохо ли было в девятнадцатом столетии? Да. И Лермонтов по праву воскликнул, уезжая на Кавказ: Прощай, немытая Россия, Страна рабов, страна господ! И вы, мундиры голубые (которых численно было тогда в ТЫСЯЧУ раз меньше, чем через сто лет!!!), И ты, им преданный народ!

И потому я, возможно (как и Пушкин) вышел бы на Сенатскую площадь в 1825 году (хотя потом об этом бы пожалел).

Но Девятнадцатое столетие – самое блистательное в русской истории, им не только можно, но и НУЖНО гордиться, дворянство представляло из себя сословие, состоящее не из одних Скалозубов, в нем были все типы, которых мог вообразить гений художника, но просвещенных, достойных, талантливых были ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ человек. Десятки разнообразных журналов, в которые писали тысячи провинциальных жителей, священников, офицеров, помещиков, купцов, и язык этих Записок (о сельском хозяйстве, о быте, даже о засолке огурцов) был не хуже, чем Пушкина (я когда-то собирал журналы до эпохи Реформ, и потому сам их держал в руках и листал и даже читал).

Россия была великой страной, и народ ее был ВЕЛИК, и бабы нарожали к семнадцатому году сто пятьдесят миллионов человек, так что к концу двадцатого столетия ожидалось в Российской империи под властью царей пятьсот миллионов жителей, а ныне только сто; и язык, на котором говорил этот народ, был богатым и сочным, и человек в этом государстве преимущественно не чувствовал себя рабом. Над крестьянином был управляющий или барин, но над бариним был царь, а над царем Бог.

Итак, сложное, многообразное, достаточно мягкое в своих отношениях сословное государство девятнадцатого столетия хотя и вызывало негодование многих просвещенных дворян (от Радищева до Пушкина), не было людоедским, как НЕСословное чекистское государство. История Европы и России доказывает, что народы жили на Земле, а не на Небе, управляли ими не всегда лучшие, но *лучшие* пытались исправить положение вещей к лучшему, и во многом им это удалось.

Помимо Великой культуры Европа создала и Великую цивилизацию, приспособила и условия жизни в значительной степени для Блага человека.

Но двадцатое столетие отделило Россию от Европы, мы неожиданно для себя стали обладателями кровожадной истины, еще худшей, чем истина гитлеровской Германии (впрочем, у них и у нас – это два типа социализма, национального и интернационального, они считали, что весь мир можно принести в жертву национальному эгоизму, мы же решили принести в жертву Россию воображаемому благу воображаемого человечества. И вот сегодня на задворках Европы, отставая от Португалии по объему экономики, торгуя в буквальном смысле этого слова ТЕЛОМ Российской земли и выживая только за счет тела, обезумев от запаха денег и превратив жажду благоденствия в новую религию, мы все еще вопием о нашей русской духовности и о том, что только мы обладаем Истиной).

Но не могу отряхнуть прах этого дома от подошв своих...

5. Народ, чернь, "молчаливое большинство"

"Нет правды на земле. Но правды нет и выше!" – сказал Пушкин.

В том смысле, в котором философ и художник или просто человек с сердцем ищет правды, ее, увы, не было и в девятнадцатом столетии – но *правда двадцатого столетия* в сравнении с ним – недостижимая крошечная ложь. И несмотря на то, что прошло уже несколько поколений с тех пор, как были расстреляны, потоплены, повешены, заморены и изгнаны миллионы более образованных, более просвещенных и более достойных людей, которые не были насильниками и кровопийцами и ворами, но созидали мощь великой страны и ее культуру для всеобщего блага; и несмотря на то, что прошло уже несколько поколений с тех пор, как были расстреляны, потоплены, повешены и заморены миллионы более образованных, более просвещенных и более достойных людей ИЗ ЧИСЛА ТЕХ, которые когда-то сами уничтожали лучшую часть народа, но теперь, после бури Гражданской Войны, стали работящими "крестьянами-кулаками" или их соседями, стали инженерами на заводах, учителями в школах, командирами в Армии, и среди всего населения, ни в чем не покаявшегося, были все же наиболее достойными и работали для всеобщего блага – несмотря на все это МИФ о Великой и самой достойной в Истории человечества Революции продолжает отравлять сердца потомков всех этих несчастных поколений, наполовину лежащих в полях, лесах и болотах от Волги до Берлина.

Я, возможно, единственный, который пытался освободить свой дух от лжи и тлетворного социализма и лжи Истории, которая Россию представляла как самую недостойную страну Европы.

Почему я называю себя единственным? – потому что из десятков тысяч людей, протекших за мою жизнь мимо меня, никто не защитил оболганную Россию, никто не обличил марксистско-ленинское Учение о социализме, в котором утверждалось, что "Диктатура – это высшая форма Демократии", что "Свобода – это Необходимость", что "Кто не с нами, тот против нас (как, впрочем, и у христиан)", "Если враг не сдастся, его уничтожают", "Весь мир насилья мы разрушим (и не остановиться никак в жажде разрушения!)", и, наконец, украденный у французов лозунг "Свободы, равенства и братства" (двести тысяч крестьян Вандеи, восставших против *царства свободы*, революционеры расстреляли из ружей и пушек) ...

Я единственный боролся с социализмом, конечно, *стоя на коленях*, потому что в одиночку не удастся стоять стоя, когда "прогрессивный народ" наваливается всей мощью своего единства с партией и правительством (и тогда, и теперь). А когда народ был не един со своими правителями? Когда не таскал шепки в костер, на котором сжигали Яна Гуса, не кричал "Ведьма!" сгорающей на костре Жанне Д*Арк, не охранял колонны достойных, сопровождая в лагерь и в тюрьмы, не оскорблял Христа, который тащил свой крест на изъязвленных плечах, не глумился над учеными и художниками вместе с "искусствоведами в штатском" и над слишком умными сочинениями философов и писателей, восклицая, что "народу это не понятно"?!

Но я победил, даже стоя на коленях. Социализм, ради которого были загублены целые сословия и народы и почти уничтожена величайшая в мире культура, пал. Сам собой. Или по решению комсомольских и партийных вожаков той партии, которая только что была "*ум, честь и совесть эпохи*".

И что я могу подумать о народе, который советуют любить и уважать? Когда в семнадцатом году аристократия отстранила царя и передала власть народным избранникам (то есть Думе), народ предал царя, которого только что носил на руках. Никто не пошел на баррикады в его защиту. Когда в девяностом вожаки большевиков вдруг свергли власть собственной партии и вместо строительства социализма объявили целью народа и истории строительство капитализма, вчера еще *единый с партией народ* не пошел на баррикады в защиту "*единственно верного учения*". И этот народ вы призываете меня любить? И восхвалять демо-кратию, то есть власть народа?

Да это народ предателей, который завтра отречется от того, чему поклоняется сегодня!

Вчера не кричали ли мне в ответ на мои обличения коммунизма, что мною себя единственно умным среди "всех как один"? Где они теперь, "все как один"? Их коммунизм пал, и они его защищать не стали. Они даже не сказали ни слова в его защиту. Они покорно пошли за пьяным и похабным Ельциным, который "мощно, по мужски, Россию как бабу завалил в Беловежской пуще", как трепеща и захлебываясь от восторга возвестили его агитаторы?

Читатель, наверное, догадался, что только я не пошел славословить бездарного "царя Бориса".

Ну а, следовательно, только я, единственный за последние пятьдесят лет (а, возможно, и единственный после Сократа), могу гордиться победой Личности над государством.

Увы, самый большой сторонник государства – это народ. И чем государство низменнее, тем народ его единодушнее поддерживает. Чем тиран беспощаднее, как Грозный или Коба, тем народ его сильнее любит.

А что может поэт? Он может обличать – но изменилось ли что-нибудь за сто восемьдесят лет, прошедших после столь сильных обличений?

*Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё – на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский. ...
... Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже...*

Так писал Пушкин, самый народный русский поэт. И все же он дворянин, я-то, крестьянский сын, неужели ничего не могу сказать в защиту народа? Разве народ однороден, разве един? В нем есть худшая часть, это чернь, она яростнее вопит, она мешает видеть и слышать, она агрессивнее, чем те, кто трудолюбив, кто любит природу, кто смотрит и на звезды, а не только на пахоту. Но в народе же есть и некрикливые, молчаливые, быть может, их больше, чем черни, и тогда они, в отличие от агрессивного меньшинства, составляют "молчаливое большинство"?

Но лучше ли "молчаливое большинство", нежели *чернь*?

Термин этот появился в сентябре 1974 года, когда Президент Португалии ди Спинола обратился к «молчаливому большинству португальского народа» с призывом «пробудиться и защитить себя от экстремистов» (то есть от "левых"). (Правда, призыв не помог, ему пришлось уйти в отставку).

Несколько другой оттенок термину придал французский философ Жан Бодрийар в своей книге "В тени молчаливого большинства". (1982).

«Все хаотическое скопление социального вращается вокруг этого пористого объекта, этой одновременно непроницаемой и прозрачной реальности, этого ничто – вокруг масс. Магический хрустальный шар статистики, они, наподобие материи и природных стихий, "пронизаны токами и течениями". Именно так, по меньшей мере, мы их себе представляем. Они могут быть "намагничены" – социальное окружает их, выступая в качестве статического электричества, но большую часть времени они образуют "массу" в прямом значении слова, иначе говоря, все электричество социального и политического они поглощают и нейтрализуют безвозвратно. Они не являются ни хорошими проводниками политического, ни хорошими проводниками социального, ни хорошими проводниками смысла вообще. Все их пронизывает, все их намагничивает, но все здесь и рассеивается, не оставляя никаких следов. И призыв к массам, в сущности, всегда остается без ответа. Они не излучают, а, напротив, поглощают все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального.»

«...Термином "масса" выражено не понятие. За этим без конца используемым в политической демагогии словом стоит рыхлое, вязкое, люмпенаналитическое представление.»

Стремление уточнить содержание термина "*масса*" поистине нелепо – это попытка придать смысл тому, что его не имеет. Говорят: "масса трудящихся". Но *масса* никогда не является ни массой трудящихся, ни массой какого-либо другого социального субъекта или объекта. "Крестьянские массы" старого времени массами как раз и не были: массу составляют лишь те, кто свободен от своих символических обязанностей ... Масса не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией. ... Она не имеет социологической "реальности". У нее нет ничего общего с каким-либо **реальным** населением, какой-либо корпорацией, какой-либо особой социальной совокупностью.»

[Если ты помнишь, читатель, "народные массы" – излюбленное понятие Ильича и большевиков.]

«...Массы, однако, функционируют скорее как гигантская **черная дыра**, безжалостно отклоняющая, изгибающая и искривляющая все потоки энергии и световые излучения, которые с ней сближаются. ... Пучина, в которой исчезает смысл»...

Сословное общество, общество неравенства, социально, в нем есть потенции истории и культуры; несословное общество, общество равенства, не содержит в себе причин и импульсов движения и развития.

И так как на улице похолодало и в данную минуту идет снег, то я не буду и не могу доказать, что идет снег, ибо это не вывод из логических построений, но само существо бытия, которое личность чувствует, переживает и сознает, но которое бессмысленно доказывать. Точно так же нельзя доказать, что снег белый. Это можно только проверить.

Справедливо ли, что общество сословно, что оно существует как неравенство – феодальное общество по-своему, буржуазное – по-своему, социалистическое – еще более своеобразно, как пишет Оруэлл, ***все равны, но некоторые равнее других!*** – нет, не справедливо. Но это так же неотвратимо, как то, что рожать приходится женщинам, и за все расплачиваться – женщинам – но разве Бог не вознаградил женщин за их мучения и радостью материнства, которой лишены мужчины?

Общество неравенства, неотвратимое как всемирное тяготение, как трение, вязкость и скользкость, как сосуществование добра и зла – НЕ справедливо, и именно поэтому совокупными усилиями реформаторов, филантропов, революционеров, творцов, ученых и художников преобразуется в движении к гармонии и благодати. Если общество не пытается себя улучшить, то оно обречено на разрушение или гниение (как было обречено и советско-социалистическое общество так называемой "эпохи застоя"), но есть худший тип революционеров, злых детей, жаждущих разрушения, а не созидания. И общество "эпохи застоя" возможно было улучшить и преобразить, оно было далеко не людоедским, как злобный большевизм Ленина-Троцкого-Сталина, но еще гораздо более можно было и нужно было реформировать Россию Николая Второго, а не "разрушать ее до основания". Было плохо, а стало невозможно хуже. [Только большевистское общество или национал-социалистическое нельзя улучшить а надо разрушать.]

И все же, по-видимому, русская революция была неизбежна.

6. Новый МИФ о личности в истории

Если сравнивать нынешнее общество и социализм "эпохи застоя", то нынче неизмеримо хуже. Да, из огня да в полымя. Я победил протухший социализм, чтобы оказаться под властью симбиоза чекистов и воров (по выражению Навального).

Значит ли это, что не надо терзаться, мечтать, бороться? Нет, не значит. Только христиане проповедуют смысл жизни в умерщвлении и плоти и жизни, к счастью, за две тысячи лет им не удалось заставить нас умереть, человек, оказывается, живуч, он сумел пережить все три формы социализма: социализм трансцендентный (то есть христианство), социализм иррациональный (то есть национал-социализм), социализм рациональный (наш, марксистско-ленинский, с его "народными массы" и диктатурой пролетариата (ЧК).

Но человек жив иллюзиями – или, лучше сказать, химерами. Вот я написал на знамени своих книг "Духовная свобода", так незнакомый следовательно назвал это клеветой на самый лучший в мире строй жизни, и посадил на три года (и то только потому, что в конце концов восхитился мною, других другие сажали на семь лет), а знакомый дьякон обозвал мою свободу "бешенством ума", потому что "блаженны (только) нищие духом".

Ведь все мы учились в школе, и ничего существенно нового сравнительно с тем, что узнали мы на уроках алгебры и поэзии, я не проповедую, знает каждая кошка, что вечером она серая, что в Варфоломеевскую ночь католики истребили протестантов, что православные-никониане истребляли православных старой веры, что за двести лет сожгли двести тысяч ведьм (впрочем, разве это масштабы сравнительно с красноармейцами, которые на одесском рейде за три дня потопили двести тысяч "белой сволочи"?!), что был Крестовый поход детей для отвоевания Гроба Господня, что был бесславный поход на Варшаву в двадцатом году во имя мировой революции, что Тамбовских восставших крестьян душили газами, что тогда же младенцев отрывали от материнской груди и требовали, чтобы их отцы выходили из леса, иначе младенцев должны были заколоть штыками, и отцы выходили, и часто их всех зарывали в общую яму, младенцев вместе с родителями. Не верится, читатель? Да я пил водку с внуком священника, закопанного живьем на Смоленском кладбище, а закопали их, кажется, около двадцати душ...

Значит ли это, что я счастливее тех, кто верит, в светлое ли будущее после смерти, как у христиан, в светлое ли будущее будущих поколений, как у "нехристей"?

И все же способность *смотреть и видеть* я не продам за чечевичную похлебку счастья, ибо и в Библии сказано: ИДИ И СМОТРИ! – и никто на страшном суде не оправдается верой, но только делами!!!

Не уверен, что я самый умный, как Сократ (ибо отвечать мне придется и за "дурость мою несусветную" (Башлачев) тоже, ибо я ли не русский человек, которого Достоевский мечтал обуздать?! Я ли не увлекаюсь, я ли не был и с пионерами, и с христианами, и с гражданами мира, и с "негражданами"? – но что я в наше рабское время, когда русские вновь пошли молиться на Сталина и сталинистов, единственный свободный в этой стране, несомненно.

Многие обличают *эту* страну, не один только я, но обличители все сплошь чужеродны, и обличения их лживы так же, как у тех, кто обличал меня в нелюбви к "социалистической родине" – такой родины у меня не было. Многие проповедуют любовь к *этой* стране, не один только я, но любовь их слепа, как слепа была их любовь к *той* недавней стране, которая из-за их слепоты исчезла.

Я единственный *не слеп* и *я вижу*, а кто сомневается, пусть спросит: кто в моем споре с марксистами оказался прав? Они утверждали, что их дело переживет ВЕКА – где эти века? Где тысячелетний Рейх, с которым на поле брани спорил мой отец? Где светлое будущее всего человечества, во имя которого меня заключали в тюрьму и в сумасшедший дом? Они-то, заключающие, не были сумасшедшими? Многие из них живы. Они по-прежнему верят в свою правоту? Не в Англию ли уехали их дети, как у многих комсомольских вожаков? И верили ли они тогда, когда спорили со мною? Я был знаком с начальниками лагерей (я ведь и родился и жил обок колочей проволоки), я учился в одной школе и в одном классе с их детьми, самые совестливые из них (отцов) безбожно пили, самые бессовестные смотрели вбок пустыми глазами. Я был знаком и даже дружил и с теми, кто воистину верил в справедливое общество, но за свою веру они сидели иногда по двадцать лет, как Теодор (Тадеуш) Шумовский. Я не был знаком с вождями революции, но с родственниками иных из них меня столкнула судьба. Ничего хорошего я о тех не услышал. Или можно в страшном сне вообразить, что у человека, погубившего жену и обоих сыновей, были какие-то идеалы, кроме маниакальной жажды власти и маниакальной жестокости? У человека, расстрелявшего почти всех своих соратников, с которыми он совершал эту бессмысленную и жестокую революцию? Посадившего всех жен и любовниц своих новых соратников? Расстрелявшего и сгноившего в тюрьмах даже тех поэтов, стихами которых он восторгался? Не смевшего поверить в вероломство своего кумира (или вы не знаете, что его кумиром был Гитлер?!), и поэтому отдавшего безумный приказ не отвечать огнем на огонь, то есть подставить свою левую щеку, когда кумир ударил по правой. И именно поэтому погибли мой дядя и мой отец, и половина моего народа. Вот почему *этот* народ (те, кто остался в живых и их дети) – не мой народ, и *эта* страна – не моя страна. Они, правда, завопят: *Вали к себе на Запад!* Но на Запад свалили уже их братья по крови, бывшие их комсомольские вожаки и их дети, нажившиеся на богатствах этой страны. Мой род эту страну создавал и защищал, те, кто вопят, ее пропили. (Да и я работал лучше других, где бы не работал, даже когда мыл стены в тюрьме).

Правда, есть и те, кто верит иллюзиям, верит идеалам, а иногда и невесть почему пропитался вздорными мифологемами, вот например, что советская власть мне дала всё, что я имею, и прежде всего образование. Но мы же не в безвоздушном пространстве живем, и не за той стеной, что была при вождях. Изменилась ВСЯ Европа в двадцатом столетии (и часть Азии), хлынула техногенная цивилизация и в буржуазные страны Запада, и в рабовладельческие Востока (Саудовская Аравия), и в некоторые социалистические.

С лошади человек пересел на автомобиль и танк, в СССР позже, чем в странах капитала, но пересел даже в СССР. Студентов на тысячу населения у японцев в пять раз больше, чем у нас, и не поют они "спасибо партии за наши школьные парты!". И в США есть инженеры, и даже ученые, хотя там банкиры и миллиардеры (теперь уже, правда, и у нас, причем у нас банкиров и миллиардеров больше, чем у них). И у Гитлера были ученые, и электрические лампочки, хотя наш русский человек до сих пор верит, что "лампочку Ильича" изобрел Ильич.

В чем, несомненно, социализм превзошел свершения трехтысячелетней истории, так это в части зверств. Никому не удавалось кроме коммунистов истребить ПОЛОВИНУ населения страны как в Камбодже. Или в одной только культурной революции перебить СОРОК миллионов человек, как в Китае! – и вы думаете, что они проклинают великого Кормчего? Нет, до сих пор молятся. (Ужасно быть образованным. Как не начать презирать "молчаливое большинство", которое молчит, когда его истребляют, но неистово защищает своих истребителей?!) Никому не удавалось сжечь в специально построенных печах столько инобытного населения, чем национал-социалистам (или они не настоящие социалисты? Так, может быть, и у нас были не настоящие? Может, попробуем еще раз?)

И все же человек мне дороже, чем даже Истина, даже такой бестолковый человек как Платон. (Он так допек тирана Сиракуз своей проповедью всеобщего равенства, что тот повелел философа продать в рабство. Сердобольные жители Афин собирали деньги, чтобы его выкупить на невольничьем рынке). Но человек мне дороже Истины, и я опасаясь, что многих обидел, и не попробовывать ли и в самом деле начать "строить" хотя бы "*Социализм с человеческим лицом*"? Жаль ведь расставаться с мечтой о справедливом обществе, не мечтать же, в самом деле, об обществе, в котором богатство и власть и привольная богатая жизнь (желательно с телками в сауне) – единственная цель в жизни, как стало нынче на бывшей Святой Руси! И если сталинский социализм не вызывает во мне ничего кроме ненависти, то нынешний капитализм вызывает омерзение. Но – разве не предсказано было, что я спасу Россию? Хотя бы своею ненасильственной революцией, своим "лицом необщим выраженьем", своею духовной свободой в царстве всеобщего коленопреклоненного умиления! Надо мне только верить в тех, кто верит в меня, кто меня любит! "Мы за тобою следим, – слышу я ангельские голоса двух сестер милосердия, – и мы знаем, что у тебя будет всё хорошо!" А это значит, что настанет именно моя победа в моем споре и с нынешней властью, как оказалась моя победа в споре с властью минувшей. Ибо иногда случаются времена, когда не государство и не государственные вожди определяют сущность времени, а культура. Надо только... вот, правда, я не знаю, что именно надо, но подождем еще немного... Вдруг да узнаю...

3 апреля, четверг, близ полуночи. Ах, муза Клию! Столько наговорила, что вспомнил третью часть, но и то не успеваю записать... Но и слава богу, что не приходила сегодня, пора уже мне эту книгу закончить. Понимаю и сам, что публицистическая проповедь бесплодна, а не могу остановиться...

Чтобы закончить и с осуждением европейской исторической жизни как только несправедливой, и с осуждением русской исторической жизни, особенно в 19-м столетии, как несправедливой, приведу еще несколько замечаний по поводу добра и зла. Богословие хотя по дѣтски лепечет о том, что зло не мог создавать всемилостивый Бог, но так же по дѣтски рассуждает и мыслитель об истории. Но если это Бог сконструировал принципы самобытной творческой жизни, то они в общих чертах совпадают в мире в целом.

Как-то школьником из Решот добирался я по осенней мокрой дороге домой, глина налипала на сапоги, и я, конечно, проклинал ТРЕНИЕ. А в другой раз, переходя в ноябре, когда вдруг ударил мороз, проезжаю часть улицы от института Культуры к Марсову полю, я поскользнулся и покатился по льду как шайба у хоккеиста, а с другой стороны катился на меня грузовик. И ни я не мог остановить свое движение, ни он. Так мы и катились, пока не столкнулись, но, к счастью, движение перед нашим столкновением уже иссякло. Трение и скользкость *существуют*, и избыток одного из них – зло, но не их сосуществование. Вот точно также существует неравенство, которое должно уравниваться любовью, как трение скольжением, а скольжение трением. Насильственно уравнивая людей, мы остановим движение, развитие, творчество. Мы даже остановим любовь, которая проистекает из глубинного неравенства полов, которое уравнивается любовью.

Иван Солоневич, один из самых самобытных мыслителей русской эмиграции, так оценил роль интеллигенции в революции 1917 года: «Делала революцию вся второсортная русская интеллигенция последних ста лет. ... Ни Достоевский, ни Менделеев, ни Павлов, никто из русских людей первого сорта при всем их критическом отношении к отдельным частям русской жизни, революции не хотели и революции не делали.»

В субботу на философском собрании разговор шел и о "России и Европе" Данилевского. Странно, что заимствуя у Европы почти всё, что мы имеем в культуре, мы слишком быстро поддаемся антиевропейским настроениям, а три столетия находясь под властью Азии, проповедуем евразийство... Но Европе, наконец, необходимо *объединиться – в духе*. Ветви единой европейской расы создали на европейском "военном" театре шесть цивилизаций, которые попеременно на нем доминировали (Эллины, Римляне, Романские народы, Германские народы, Славяне и Кельты). И для спасения европейской культуры мы должны, наконец, перейти от вражды к сотрудничеству.

4 апреля, пятница, позднее утро. Ах, муза Клио! Ты уже ко мне не приходишь... Но зато ночью получил письмо от читательницы, ради которой продолжил писать эту последнюю главу, и ради того, чтобы утешить которую, писал и многие страницы в книге. Неужели человек даже важнее истины и культуры?.. Пожалуй, что так...

Вот что она мне писала: «Но все равно обидно, что только Наташа Ростова могла пойти на свой Первый бал, а чем хуже ее деревенская красавица Маша? Которая никогда не услышит этот венский вальс и ее сердце не будет замирать при виде князя Волконского, каблуки которого цокают по паркету?»

Нехорошо переписывать из другой своей книги, но лучше я не смогу ответить, чем в ней ...

«...В центре моих устремлений, моих идеальных пожеланий был не я сам, не мое благоденствие и комфорт, и даже не спасение моей души. Через всю мою жизнь проходит Россия, её беды, её Падение – Россия проходит сквозь меня, как дорога проходит через лес, как река течет по равнине, как проходит через тело человека позвоночник. Россия – моя душа, без неё я не существую.

Но я не могу ей помочь, вразумить, пробудить и спасти, ибо неслышим. Вот потому-то и пытался я стать писателем, потому-то и хочу, чтобы Господь вложил в мою отверстую грудь *пылающий огненный уголь*. Не так ли безумная мать мечется и ищет лекарство для исцеления больного ребенка?!

... но не мог ли я заняться математикой, и по крупицам, по теоремам, по статьям и диссертациям, по сообщениям и докладам... но там всё ноет, ноет, ноет, и уставишься в глухую стену, зацепенеешь на время, потом пойдешь и напешься... Это как возлюбленная с другим в постели, а ты умные книжки читаешь, или доклады готовишь... а она с другим в постели и торопливо платье с себя срывает..

Не мог ли я смирно и плодотворно работать в лаборатории или за плугом, по вечерам в счастливом семейном кругу, иногда в кино, а то и в театре, с друзьями отводить душу и нянчить детей... но там всё ноет, ноет, ноет, и уставишься в глухую стену, зацепенеешь на время, и даже вино не помогает... а она с другим в постели и торопливо платье с себя срывает...

Не мог ли я в церковь пойти, и торопливо и жалко кланяться, спасая бессмертную душу, отвергнув и плуг и теоремы... но там всё ноет, ноет, ноет, и уставишься в глухую стену, зацепенеешь на время, но и ангелы не помогают... а она с другим в постели и обо мне не помнит...

...отупевшая от беспробудного пьянства, разучившаяся читать, набравшая в управление жадных и толстых, потеющих от одного только запаха денег, ничего святого не знающих, не помнящих родства, не мечтающих о белых одеждах праведников, но рвущих и рвущих остатки России, ее недовырубленные леса, ее истощенные пашни, ее зарастающие луга, ее нефтеносные источники, ее золото и серебро, и даже бескрайние ее просторы – с кем ты, моя Россия? Опустилась ты ниже вокзальной шлюхи, и голос твоей поэзии – хриплый матерный выкрик загулявших «братков»!

Вот потому-то никем и не стал я, что берегу себя как последний патрон!

Не стал я учителем, провинциальным литератором, профессором советского права, рыбаком или охотником; даже картежником не стал я, и даже не спился – я ждал и жаждал лишь одного – *гениальности*, потому что это была единственная моя козырная карта, которой я еще мог надеяться переменить ход неудачно сложившейся для России игры, в которой она проигрывает уже последнее – своих красивых женщин, уезжающих за границу замуж и на панель; своих талантливых ученых, уезжающих за границу делать *для них* научные открытия; своих любовниц и жен, которые уже *перестали давать* и беременеть; своих детей, которые уже *перестали рождаться*.

Я хотел стать гением, чтобы крик мой был услышан, чтобы голос показался весомым и значимым, чтобы хоть и в проигранной битве, пусть и в последний раз, наша правда выстрелила мной не совсем бесцельно.

Но я еще хотел свидетельствовать и за мой деревенский народ, который, безъязыкий, надеялся на меня.

... ибо я один представляю мой *малый народ*, и если не смогу «выбиться в люди», никто не узнает, никто не услышит – ни их слезы, ни их мечты!

Да, и мы – безвестные, низкие, необразованные, забытые властью, забытые жизнью, забытые Богом – умели размышлять и любить, жить воображением, томиться в поисках истины, смотреть на звезды, страдать от несправедливости, мечтать о духовной свободе, о разговорах с Богом, слышать музыку; стремились искать созвучье в словах, согласованность в поступках, сочувствие в душах, не только грешили, но способны были и к высоким порывам, не только чувствовали, но и пытались выразить – почему же Бог всемогущий рожденным в богатстве дал преимущество даже в талантах, а рожденных в бедности обрекает на немочу?!

Ничтожнее ли наш вопль к небу, чем у воспитанников бонн и гувернанток, взращенных в роскоши; чьи бабушки блистали на балах; чьи матери кружили головы?

Так дай, Господи, хотя бы одному и из моих "*соплеменников*" услышать глас с неба, взывающий «*Восстань, Пророк, и виждь, и внемли!*»; дай, Господи, и одному из нас, малых, стать великим, и «*глаголом зажечь людские сердца!*» Мы, родившиеся среди униженных, не дороже ль Тебе?! Мы, родившиеся не в царских палатах, а в хлеву, где когда-то и Сам Ты родился, Господи, не ближе ль к Тебе?!»

Вот так я писал... И подумал вначале, что нечего добавить, но, однако, добавлю, потому что только теперь я погрузился всерьез в мифологию истории и личности – не *всеобщей* личности, а живой и страдающей, хотя бы только самого себя. И так как я создаю миф, то могу быть не сдержанным и не скромным. Я *не всеобщий*, и плохо это в том отношении, что пишу только об *исключительном*, душу Акакия Акакиевича и Холстомера я не могу ни понять ни выразить. Однако возможно, и не в этом мое призвание.

Если не родился я в хлеву, то жил в раннем детстве в избе, переделанной из хлева, а в углу с нами жил теленок. Мать моя была той самой деревенской красавицей Машей, которая не попала на первый свой дворянский бал, но и в деревне за Правлением колхоза была поляна, а которой в летние ночи пели и плясали девочки и парни под музыку деревенского гармониста.

В шестнадцать лет эта красавица поехала в Иркутск выручать своего отца, арестованного за то, что не дал колхозного меда районному начальству (а уж оно-то было покрутее любого помещика девятнадцатого столетия, и не за конюшней стегало провинившегося мужика, а отправляло вместе с Макаром туда, откуда почти не возвращались)... Областной прокурор, к которому она невесть как попала, так был поражен ее красотой, что воистину сошел с ума, и деда моего отпустил.

Позже она встретила с будущим отцом моим в рабочем поселке, куда

сбежала из деревни, и полонила безвозвратно его сердце, обветренного штормами моряка, только что вернувшегося из воинской службы. А отец мой был человеком незаурядным и исключительным, когда я уже подростком побывал в его деревне, о нем мне рассказывали со слезами на глазах. Чтобы вырастить многочисленных братьев и сестер (отец их умер в голодный год), он уже в детстве пошел работать, и не проучился в школе ни одного года. Но и топографом стал после армии, и стал офицером в сорок третьем году.

И совершил подвиг на Безымянной высоте в сорок четвертом году, за который посмертно получил Орден Отечественной войны Первой степени, орден, присуждавшийся реже, чем даже "героя".

И хотя я не родился в дворянской семье, и жил всю жизнь то бедно, то скромно, но и я жил *в неравенстве* и жизнь моя НЕСПРАВЕДЛИВА. Ибо она была чрезмерно ко мне милостива, более, чем к другим. Меня не воспитывали гувернантки, поэтому, к сожалению, я не знаю французского языка, но лучшие учителя в Сибири меня учили (дружившие с Есениным и Маяковским, бывшие *зэчки*). Лучшие профессора учили меня в университете, тогда еще одним из лучших в мире. Лучшие жители советской империи со мной дружили и продолжали меня воспитывать. Самые красивые девушки в мире меня мучили (и вот это-то удивительнее всего, девушки моего круга *не давали* кому попало, да, кажется, вообще *никому не давали*, поэтому ни одна из них *не давала* и мне, такие мы тогда были все сумасшедшие романтики – но что ж они от меня не могли отстать? Что ж и через пятьдесят лет хотели на меня посмотреть? И вот, как мужчины хвастаются своими побéдами, я счастлив своим поражением! Как же меня любил Бог, что предостерег от поспешного падения в трансцендентную пропасть, которая меня манила и манит, и которую, в отличие от христиан, я не проклинаю! И мы стояли на ее краю... "*И с изумлением читая жизнь мою, Я трепещу и прославляю!*")

Да, жизнь моя и несправедлива, ибо чрезмерно ко мне милостива до сих пор, и многое непостижимо, вот ведь еще совсем недавно я *таскался* в присутственное место и вел разговоры с красоткой Машей, и мы восхищенно друг на друга смотрели, а я ее успокаивал, что НЕ влюблюсь в нее, и чтобы поэтому она не страдала... И в других отношениях: хотя уже никто ничего не читает, а меня тем пуще, но ведь три читательницы у меня ЕСТЬ! И они мне пишут так, что если меня даже повелят сжечь на костре, я воскликну: *Лучшей жизни не бывает!*

«Срок настанет – Господь сына блудного спросит: "Был ли счастлив ты в жизни земной?" И забуду я всё – вспомню только вот эти Полевые пути меж колосьев и трав И от сладостных слез не успею ответить...» (Бунин).

Оглядываюсь назад... Вот я из глубокой Сибири в шестнадцать лет еду в российскую Европу, сначала в Донецке нахожу своего дядю, знакомлюсь с его детьми (а когда мне было семь лет, от них из Ленинграда пришла посылка с мандаринами и с книжкой "Основы стихосложения"), меня везут в Луганск, там в громадном саду в центре города, в котором в частном доме живет моя двоюродная сестра, я знакомлюсь с бывшим волжским пароходчиком, в 1912 году принявшим в своем имении государя Императора, и купеческая жена угощает меня теми самыми варениками, которыми и его угощала... Или меня

приглашает в посольство американский посол, приставляет ко мне свою переводчицу, которую я уговариваю в уголке целоваться, а когда она на десять минут куда-то исчезает, я напиваюсь с Рокфеллером, и потом Рокфеллера подхватывают под белые руки, а меня ей приходится еще тащить на автобус... Ах, мой ангел, если ты когда-нибудь прочитаешь эти строки, прости меня за всё, а прежде всего за то, что из-за меня тебе даже не удалось поест и выпить на этом шикарном банкете!

Но, может быть, хватит мифологии? Тем более что нынешние государственные патриоты меня из ненависти к американскому посольству размажут теперь по стене! О, если бы они ненавидели американские денежные знаки! Но нет, знаки эти они любят до потери сознания, любят Ривьеру, Куршавель, счета в банках и тамошние виллы, которые скупают на наши деревянные, которые, разумеется, не так любят, как ихние зеленые... Но, все же, они патриоты, а я изменник родины, потому что целовался с русской изменницей, служашей в переводчицах у ихнего посла! Как, оказывается, сладко быть патриотом: рвешь глотку в защиту России (правительства и олигархов) и тебе сыплются зеленые, и Куршавель, и вилла у Ниццы, и "зеленые", и сауна с телкой! И не важно, какой ты "ориентации", с Зюгановым носишь портреты Сталина, с Жириком дерешься с Зюгановым! И "молчаливое большинство" тоже с тобою... [Впрочем, говорит мне один из этого *большинства*, что ты *гонимь* на нас? У нас и семья, и огород, и рыбалка, нельзя ли разве *просто жить*, а вы разбирайтесь с своею Россиею?! Но если меня позовут в прокуратуры на Страшном суде, я всех злодеев попрошу оправдать, а самые лютые наказания вот этим, из "молчаливого большинства"! Будто бы они кошки, которые не знают, где право, где лево, добро и зло, будто бы они те самые *нищие духом*, и за это именно надеются на небесное царство... Но там уже не надо будет им раздавать обещания, выборы закончились, граждане избиратели, пожалуйста-ка в Геенну за вашу простоту! Хватит уж прикрывать ею свое желание отсидеться в канаве, когда идет смертный бой между чистой и нечистою силами!!!]

И все же, неужели девятнадцатое столетие настолько лучше наших последних ста лет, когда жили и мы, и наши отцы и прадеды, то есть те, с кем мы сами знакомы, и неужели там одни умные и милосердные, и не было злодеев? Нет, конечно, не так, всегда были все, во все времена, и верные и неверные, и смиренные и гулящие, и злые и добрые, и в девятнадцатом столетии были всякие, и многие из них всем нам известны.

Не так уж и император Николай Павлович хорош. Что он был прилежным читателем Пушкина, ценил его и поддерживал, это несомненно, отчасти и покрывал, и помогал.. Но был самонадеян, излишне уверен в своем уме и в своей прямолинейной правоте, за что и домашние прозвали его Николаем Палкиным. Сумел совершить невозможное: подружил многовековых врагов, Францию с Англией, так что все, вместе с Турцией, напали на нас совокупно в Крымской войне. Бездарно воевал, проиграл кампанию тоже бездарно, но хватило мужества застрелиться. Был в столетии и одиозный злодей, Толстой-Американец, о котором уже я писал, был и писатель-доносчик, единственный в своем роде, «Видок Фиглярин» (О, боже, в советское время, когда почти все в Союзе Советских писателей голосовали за исключение Пастернака и

Солженицына из Союза – чём девятнадцатое столетие могло бы нас удивить, живших в одно из подлейших и жесточайших времен в истории!)... но был и ленивый барин, Обломов, и глупый Манилов, и скупой Плюшкин... какие они были все душки, миленькие и безвредные! А пить водку в перерывах между расстрелами писателей и ученых в двадцатом столетии, и за день расстрелять их штук пятьдесят-сто... можно ли после этого всерьез сопоставлять?!

Но не так уж и Пушкин хорош, как полагает некий ...ер (оставлю из его имени только две буквы, чтобы не увековечивать его имени в потомстве), ибо он, дескать, и пьянствовал, и за девушками волочил, и на дуэли стрелялся... И вдруг я понимаю: ОПРАВДАНИЕ девятнадцатого столетия тождественно взгляду на Пушкина. Кто понимает и признаёт и любит Пушкина, тот и его время признаёт и полюбит, потому что и он его признал. Кто же бросит в Пушкина грязью, тот и в русскую историю...

Но все же чувствую я раскаянье перед искренними верующими – или в Христа (а я христиан ругаю), или в Платона и Маркса (а я на социализм нападаю), или в "живительную" силу капитала (а я от нынешнего чекистского капиталистического рая готов вновь пойти на штурм Зимнего!). Ибо *человек мне дороже истины*, и если Платон мне друг, то он мне тоже дороже. Ибо только человек – МЕРА всех вещей, но не Истина. Простите меня, друзья мои, я еще оправдаюсь!

7. Рациональное, Иррациональное, Трансцендентное

Философия религии последних двух с половиной столетий, через которую мы пытаемся религию понять, к несчастью, *рациональна*, сведение ее к Закону, к морали – у Канта, Гегеля, Ницше, Толстого, – или к способу идеологического подавления эксплуатируемых, как у Маркса, – НЕ объясняет ее смысла. А как же спасти Россию, если не объясниться с ее историей и культурой, с ее Верой, сначала в Бога, потом ... в кого народ поверил потом, или он просто впал в состояние душевного помешательства, а теперь словно бы в сонное забытие – тоже нельзя об этом просто забыть, а надо понять и объяснить. И поэтому я прощаюсь с читателем не навсегда...

Но на чем же успокоится мое сердце? Ведь мне когда-то обещал Бог великое будущее – исполнит ли Он свое обещание (а оно так же несомненно, как то, что *я существую и потому мыслю*), и напишу ли я подлинно значительную Книгу, о которой мечтаю целую жизнь?

Или и Бог забывает обещания и не исполняет их, как и женщина, поэтому так непросты наши отношения и с нею и с Ним? Поэтому мы и мучаемся, то проклинаям за неверность, то восторгаемся, ловя благожелательный взгляд...

Но что бы, все же, ни случилось, но должен я, наконец, *поставить точку*, и перечитывать написанное не буду, и даже заглядывать в Текст.

Пусть о его достоинствах или недостатках судит читатель, и если со-благоволит, то скажет о них и мне.

4 апреля 2014 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

22 марта, суббота. Сегодня утром философы не приходили, и теперь и впрямь очевидно, что пора ставить точку.

Но перед утром я увидел странный сон, будто бы у потухающего костра в начале ночи засыпает Хрущев. Он лежит на каком-то старом одеяле, жена моя притащила тюфяк и накрыла его.

"Кто вас довел до такой жизни?" – спрашиваю я его.

"Ученые", – отвечает он.

Странно, он освободил крестьян (как и Александр Второй, которого за это убили), освободил миллионы зэков, при нем не было голода, а при Сталине чуть весь народ не закончился, а вот поди ж ты – остатки этого народа до сих пор Сталина любят, а Хрущева не любят.

В большинстве своем народ не понимает, что такое духовное рабство, тоталитаризм, не способен негодовать на тиранию, диктатуру, внушаем, властолюбив, иногда сходит с ума... Вряд ли ему следует давать самому бразды правления, вводить так называемую демократию; но и власть тирана, олигархов, шайки разбойников – еще хуже...

Странные ночные гости, то прежде музы, когда я записывал наброски стихов и рассказов – потом я устал от таких снов и перестал записывать их или запоминать, и музы меня покинули; то теперь философы – эти странные ночные гости ко мне уже не приходят.

Но ведь и Книга не должна быть перегружена, ей надо плыть в литературном море, следовательно, лучше пусть она будет НЕ-дописанной. Что бы я ни вознамерился писать дальше, с нынешними моими рассуждениями, сомнениями, выкриками и поучениями должна еще оставаться связь.

Я обещал обосновать необходимость НЕРАВЕНСТВА. Но как ее обоснуешь, когда я и сам на него негодую? Чиновники и олигархи и правители разодрали мою страну и ею владеют, разве я с этим согласен? А работающие и талантливые еле-еле сводят концы с концами, на квартиру никому *не заработать*, только *наворовать* (или работать на наворовавших, за что получая больше, чем мы, остальные, то есть работать у них дизайнерами, управляющими, секретарями, охранниками, скоморохами на их домашних концертах, *лядями*, временными женами, рекламателями, продавцами, финансистами, обслуживающими их судьями, ментами и адвокатами).

Так что прежде, чем установится необходимое для существования и развития культуры *законное неравенство*, надо сначала все ныне наворованное у воров отнять, разумеется, по суду и приговору, как положено в цивилизованных странах, – а их отправить на *принудительные работы* во благо народа и в возмещение того, что прогуляли (к тому же, в частности, не построена еще железная дорога Магадан – Воркута).

Смотрю в Интернет, что думает по этому поводу народ, выписываю из *новейшей* газеты:

«Я вовсе не призываю к массовым расстрелам, посадкам олигархов в освободившиеся от Ходорковского и Лебедева камеры и конфискацию имущества сразу у ельцинских и путинских олигархов одновременно.

Хотя подавляющее большинство нашего народа искренне поддерживает на кухнях и в курилках радикальные решения, изложенные выше, но подавляющее большинство из этого большинства и пальцем не шевельнет для исполнения этих решений, а будет ждать решительных действий верховной власти и вяло ругивать ее за то, что она в этом отношении ничего не делает.

Новой революции Россия может и не пережить. Так что лозунг «Отнять и поделить!» является призывом *мирным и эволюционным*. А вот если его не услышат, тогда верным может оказаться другой нацболовский лозунг – "Проводи реформы так: Сталин-Берия-Гулаг!"».

Еще я обещал объяснить, почему восторгаюсь девятнадцатым столетием, но ограничился несколькими замечаниями. Но я вырос из этого века, как иные вырастают из детства. Я слушаю музыку Гайдна и Мусоргского, Листа и Дворжака, Шопена и Верди – может ли низкий народ родить таких великих детей? Разумеется, пространнее написать об этом блестящем столетии я не смог, у меня другие задачи, к тому же он представлен в его Литературе, столь же великой, как и его музыка, как его философия и наука. Как и его революции (а я невольно начинаю девятнадцатое столетие с 1789-го года). Даже как и его войны, которыми, как ни странно, гордятся и победители и побежденные (французы уверяют, что они победили при Бородино, потому что вошли в Москву, хотя мы затем вошли в Париж). Девятнадцатое столетие воистину необычно, ибо то, что, казалось бы, должно быть позорно, то есть Война, предстает в этом веке как величественное, поучительное и во многом благородное. Русские сражались за независимость России, поляки в армии Наполеона – за независимость Польши, французы – за установление лучшего, как они думали, порядка в Европе. А в двадцатом столетии Первая мировая война была губительна для всех, гибель империй в ее результате не принесла счастья частным народам. Что же до Второй мировой войны, то о ней говорить и вовсе не хочется, одни хотели завоевать весь мир, другие – защитить советский тоталитаризм и распространить во вне его тюрьму ...

Чемберлен написал два толстенных тома о девятнадцатом столетии, не надо мне повторять сказанное им, кратких замечаний в этой книге достаточно.

Состояние страны, народа и каждой семьи в значительной степени определяется правительством. Та безысходность, пьянство, воля к смерти, депрессия, в которой мы все пребываем, оттуда. Если ноги выписывают кренделя, то потому, что голова пьяная или дурная. Единицы противостоят всеобщему маразму, но большинство не умеет плавать, и это всегда так. Тысячелетиями правящий класс не только эксплуатировал народ, но и поддерживал его, а сегодня, как татаро-монгольская чума, ТОЛЬКО доит и стрижет.

23 марта, воскресенье. Некоторые из последних моих заявлений надо смягчить или опровергнуть, они опрометчивы.

Частное, единичное, отдельное, личностное, особенное – и общее. Философия и наука занимаются именно *общим*, что им отдельная личность? Но и жизнь – это жизнь отдельных существ, и литература имеет дело с конкретным, индивидуальным, *особенным* человеком, даже если критика и находит в нем типичное.

Особенный человек может быть интересен, а группа, толпа, собрание лиц, даже в театре (не говоря уж об электричке) часто выразительны только если паника, драка или погром – тогда только *общее* становится *особенным*.

Прапорщик выстроил в шеренгу солдат и скомандовал им: Шагом марш! Они пошли. Литератору о шеренге писать нечего. Даже о прапорщике, пока он идет рядом с солдатами.

Так что у литературы нет других задач, кроме *отдельного человека*, и я уже начал сомневаться в правоте Токвиля: вряд ли литература подготовила сначала Французскую революцию, а потом русскую, и теперь может подготовить еще и очередную, новую русскую революцию.

Причины их в чем-то другом, и о них кто-то еще должен будет написать, может быть, даже и я – позже. А пока тороплю вдогонку уплывающей книге последние строки.

Хотя я писал о себе много, и только о себе и писал, но захотелось теперь напомнить о странной особенности моей жизни – о присутствии в ней некоего мистического (или сверхъестественного) элемента.

Вот мне снится сон, что Зинаида Серебрякова хочет вручить мне подарок, я езжу беспорядочно по пятимиллионному городу, затем в трамвае покупаю у пьяницы связку старых газет (на единственные тридцать копеек), в которых оказываются завернуты потрепанные советские книжки, а среди них Девичий альбом в сафьяновом переплете, и на его страницах акварели двух шестнадцатилетних сестер, Марии и Зинаиды Лансере.

Вот в полночь, возвращаясь из гостей, мы с женой не можем открыть дверь в квартиру, я спускаюсь во двор в поисках железки или гвоздя, вижу в подвале свет, иду в него по доске над морем горячей воды, выуживаю из пара рукопись (впопыхах, не глядя и безотчетно – а сколько их там еще осталось, и что это были за рукописи, бог весть!) – и это оказывается Бунинская рукопись с неопубликованным переводом поэмы Альфреда Мюссе.

Вот я пытаюсь в старой Лопасне (городок Чехов) под Москвой залезть на чердак заброшенного господского дома в заброшенном парке (имение генерала Ланского, второго мужа Натальи Николаевны), лестницы или какой-то доски я не нахожу, вездесущие мальчишки уверяют меня, что они уже туда лазили и там ничего нет, и я отказываюсь от своей затеи и иду на местную танцплощадку обниматься с двумя малолетними красотками – но через двадцать лет "менее ленивые и более любопытные" туда попадают и находят рукописи Пушкина! (*А я ведь мог...*)

Любопытные предметы ко мне попадали и сверх этого: Сочинение Карла Каутского по истории Социализма с автографом Троцкого – чекисты у меня его забрали как доказательство моей троцкистской деятельности.

Роман Льва Толстого "Воскресение" с пометками Софьи Андреевны.

Открытка с портретом Василия Шаронова, певца Мариинского театра – а его сын читал мне лекции по астрономии на матмехе...

Если моя романтическая подруга страдает от того, что в России в девятнадцатом столетии было крепостное право и чуть не плачет от сознания несправедливости – а в Америке в это же время даже РАБСТВО (кто не читал хижину дяди Тома?) – и в Европе крепостное право – то чем объяснить, что

МИЛЛИОНЫ крестьян (кулаков) в двадцатом столетии *переходили* от голода с детьми, а ни один большевик не пролил слезинки; как объяснить, что МИЛЛИОНЫ всяческого люда, и в том числе и юные красотки (как Тамара Петкевич) ни за что гнили в лагерях, и нынешние почитатели Сталина не проливают над ними слезинки; а над пятью повешенными на Сенатской площади слезы проливали мы все, по крайней мере в школе (хотя я не скажу, что им не надо было сочувствовать, и той "крестьянке молодой", которую на Сенной площади "били кнутом", тоже не надо сочувствовать)?!

Меня не интересуют "*народные массы*", человек мне ближе.

Двадцатое столетие, столетие торжества социализма, в двух его разновидностях, интернационал-социализма и национал-социализма, неизмеримо хуже, несправедливее девятнадцатого столетия. *Но не будем оправдывать одно столетие другим, каждое пусть отвечает за себя.*

Историческая жизнь народов протекает в неравенстве, и революции, утверждавшие равенство, его не только не осуществили, но и не пытались осуществить. А если пытались, то жизнь наступала еще кошмарнее, как было в маоистском Китае и в Камбодже.

Так что если я и оправдываю неравенство, то только тем, что по другому человек не может устроиться, а когда пытается это сделать, то становится только хуже. Но *неравенство* надо всячески исправлять, чтобы оно не было вопиющим, и с несправедливостью следует бороться.

Двадцатое столетие было восстанием не социальным, а национальным. Немецкое восстание было за Германию против иных. Русское восстание было за **иных** против России.

Оглядываясь на русскую историю, я негодую за многое, но я не хочу, чтобы Россия погибла, и как Пушкин, говорю о «любви к отеческим гробам». Ибо многое было превосходным и должно вызывать во мне (и во всяком русском) гордость. Да ведь и моя жизнь в значительной степени была несправедна – что же мне теперь, возненавидеть мою предыдущую жизнь?

Кажется, исчерпал я доводы, да и перестал понимать, против чего и за что я ратую. Посмотришь налево, а там вопиют, что татаро-монгольского ига не было, хотя *словá* русского языка наполовину из ига, даже "незванный гость хуже татарина", не говоря еще о худших словах. Посмотришь направо, а там вопиют, что и Античности не было, мол, монахи на Афоне ее придумали, и за Гомера и Евклида и Эсхила и Аристотеля и Платона их книги понавыдумывали (это в Новой Хронологии, которая пропагандируется на всех пространствах Интернета и в миллионах твердых томов). Пойдешь прямо, а там вопиют, что Сталин велик, и Власть от Бога, и терпим за грехи отцов (ну, это в значительной части верно), и... нет, я уже оглох от всего того, что кричат.

Приезжаю во Львов, мне доказывают, что русские не славяне, да и смешались с половцами (а у самих лица скуластые или круглые и Игорь Святославич был двоюродным братом хана Кончака, а за Киевом поселены были неисчислимые роды половецкие еще при Святославе). Но этим не хочу я сказать, что хохлов нет, ибо и Тарас Бульба был русский хохол...

Так что и хохлы есть, и русские есть, и русские хохлы есть...

Но когда уж совсем меня припирают к стенке, всматриваюсь я в своих братьев-евреев, и хотя многие из них неотличимы внешне от русских или от хохлов, утверждаюсь, что уж хоть евреи и цыгане точно есть!

И мне становится легче.

Да к тому же, черт с нею, с истиной! Все равно доказать ничего нельзя, и даже нельзя проверить – ибо для этого надо хотя бы по дороге в Дамаск встретиться с Христом и поговорить с ним. Конечно, не один Савл с Ним встречался, но все же только немногие – а как мы хоть что-нибудь объясним всем остальным, когда я даже с Павлом не могу найти общего языка?

Черт с нею, с истиной, потому что если Платон мне друг, то он мне дороже истины, и дорогá мне моя романтическая подруга...

Да и были основания для революции (прочитайте хоть "Записные книжки" Блока! У него имение полыхает вместе с родовой библиотекой, крестьяне подожгли, которым ни он, ни Менделеев ничего плохого не сделали и жили не за счет их труда – а он пишет, что правильно, мол, жгут, потому что когда-то предки мои были несправедливы! Вот и мой дед в революцию пошел землю отбирать у помещиков, за что у него и ту отобрали, которая была у него собственная, и при советской власти по ночам по окраинам дорог и болот он сено косил и в вязанках носил домой).

Но и в жизни *народных масс* временами происходит что-то мистическое (или сверхъестественное).

Те пять миллионов кулаков, которых перебил Сталин, это те самые красноармейцы, которые под водительством Ленина перебили кулаков до-революционных в восемнадцатом году (то есть, *крестьян*, много и тяжело работавших, с многочисленными семьями, имевших иногда двух лошадей, и редко кто из них нанимал работника), да еще и помещиков с их семьями (из тех, кто не успел бежать), а поместья их все пожгли по всей Руси.

В Тридцать седьмом году массовые репрессии коснулись и *Красных комиссаров*, зажегших Русь с четырех сторон. Их дети и внуки сегодня их оплакивают – ибо "*плачет Рахиль* (даже *над* (неправедными) *детьми своими и не может утешиться*". Но Сталин в лагеря и на Левашовскую пустошь отправил миллионы, а в сегодняшних мемуарах оплакивают Троцкого, создавшего концлагеря и введшего расстрелы каждого десятого задолго до Гитлера; Тухачевского, травившего газом восставших крестьян; Зиновьева, расстрелявшего в Двадцать первом году матросов "Кронштадтского мятежа" – да не те же ли это самые матросы, которые на штыки поднимали семнадцатилетних юнкеров и кадетов, а оставшихся затопили на баржах в "Маркизовой луже"? Мемуары оплакивают и Каменева, и Рыкова (ну, этот хоть дешевую водку издал в России, народ ее назвал "Рыковкой"); Бухарина, обновывавшего теоретически трудовые лагеря...

Не знаю, Бог или Дьявол руками дьявола покарал народ, совершивший невиданную по жестокости революцию (более жестокую, чем французская), но надо ли оплакивать этот народ, который самого повели на заклание?

После войны, после казни обвиняемых по Ленинградскому делу (и они были обвинены по вздорным обвинениям, как и пятьдесят тысяч! "участников"

убийства Кирова в 34 – 35 годах), после разгрома Музея Ленинградской блокады о ней на десятилетия замолчали, иногда только поминали подвиг жителей осажденного города, но никогда их невиданные страдания, превзошедшие страдания жителей осажденного Карфагена. Комсомольцы не считали тогда кощунством, что о Блокаде забыли, что кладбища сотен тысяч (кроме мемориального Пискаревского) превращены в парки Победы.

Но вот Виктор Астафьев, размышляя о Блокаде Ленинграда, сказал, что Сталин не хотел, чтобы блокада была снята, из-за геополитических соображений, так как невиданные страдания народа вызывали симпатии к СССР мировой общественности – о, как завопили те самые комсомольцы, которые уже и не вспоминали про Блокаду, они оскорбились за своего Идола.

А уже в недавнее время кто-то из публицистов спросил, не наказание ли это населения Петрограда (как когда-то Содом и Гоморра были уничтожены Богом вместе с детьми за грехи их жителей) за Русскую революцию, которую совершил Петроград и навязал всей России? – те же самые комсомольцы, уже престарелые, потребовали линчевать сего публициста.

Я и сам не могу согласиться, читая Библию, что наказываются невинные дети, однако они *наказываются*, словно бы виноваты за отцов своих: «... ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня...» (Втор.5:9).

И хотя дед мой воевал с красными, прадед – за белых. Но дядя Василь был убит под Брестом, а отец на карельских болотах в августе сорок четвертого года. За какую вину были наказаны и дядя Василь и мой отец, мне неведомо, потому что и по отзывам знавших их они были чисты и безгрешны.

Взвод моего отца защищал Безымянную высоту, и когда осталось у него всего пятеро, он отправил их в тыл с донесением, и трое остались в живых.

Потом Высоту отбили у финнов, и отца похоронили в *отдельной* могиле, что, как сказал мне его сослуживец, ныне Капитан первого ранга, выше любого ордена. Потом финны ее снова отбили у наших, погибло еще неисчислимо народу, но войска пошли дальше на запад и сия высота оказалась никому не нужна (но солдат в то счастливое советское время никогда не жалели).

Поэтому, может быть, я и сожгу свои книги, никому они не нужны, и напишу еще одну: ***Кто виноват и что делать?*** – это меня волнует больше, чем истина, возвещенная Богом. Ибо как и каждый из нас в течение жизни меняется, меняем мы отношение к прошлому, меняем поступки и отношение к жизни, меняем взгляд на ожидаемое будущее, так и народ – тоже личность, меняется и он сам, и его отношение к прошлому, то есть к Истории.

В некоторой степени взгляд на историю меняется у народа в целом (хотя он и состоит из нескольких народов, как я уже подчеркивал в этой книге); но в значительной степени переживание Истории – это переживания *отдельного человека*. Иногда именно Личность влияет и на народное отношение к Истории, если эта личность – философ, поэт, ученый, историк. Например, мое собственное понимание Опричнины во многом определилось взглядами историка Веселовского и писателя Валентина Иванова, а я сам надеюсь подвинуть и косное народное сознание.

«И, с отвращением читая жизнь мою, Я трепещу, и проклинаю, И горько жалуясь, и горько слезы лью, – Но строк печальных не смываю» – писал Александр Сергеевич в грустную пору, когда читатель от него отвернулся.

Толстой предлагал прилагательное «печальных» заменить на «постыдных» – словно поэт стоит в церкви на коленях и кается. Нет, поэт хотя и осуждал свои не лучшие годы, но он НЕ отрекался от них.

Необходимо взглянуть на *историческую жизнь* как на *собственную* (а по мере того, как погружаешься в историю, узнаёшь ее и сродняешься ней, она все больше превращается в историю собственной жизни) – и тогда увидишь ее состоящей не только из темных страниц. В 18-м и 20-м столетиях их было больше, но и двадцатое столетие не надо зачеркивать, было в нем трагическое и героическое вместе, значит, были и страдальцы и *герои*. Олег Волков и Варлам Шаламов просидели в лагере по двадцать!!! лет, но и страдали, и любили, и состоялись как гениальные писатели.

Прошлое народа одновременно и наше собственное прошлое, потому что и наши родители, и деды и прадеды прожили жизнь в эпохах, которые для нас – история! Бывали они и счастливы, и крепостные крестьяне тоже, ходили с мясными и рыбными возами в Петербург, охотились, воспитывали детей, гуляли на свадьбах... а то и с Дубровским гуляли в темных лесах...

Истории – великий роман, со своими праведниками, злодеями, творцами и героями... Читая Историю *как* роман, никогда ее не зачеркнешь как *постыдную*, и негодуя на Швабрину, умилишься Савельичем, проклиная предателя, восхитишься героями.

5 апреля, утро субботы. Ах, муза Клио! Я думал, что мы уже распрощались, но ты ко мне снова ранним утром пришла, и обещаешь еще придти, когда уже я повзрослею для новой Книги.

Марг удивил ранней весной, я уже надеялся поехать в деревню сажать картошку, но в последние дни подморозило, вчера выпал снег и белеет теперь за окном. Но все же это не зима, как когда-то давно, в полночь четвертого апреля, когда с маленькой Риткой (правда, пятикурсницей, но такой же, как и мои первокурсницы) возвращался я из театра. Мы шли через Василеостровский сад, я попытался ее обнять, она от меня побежала и утонула в сугробе почти по плечи, еле-еле ее оттуда я вытащил.

– Тебе бы только о девушках вспоминать! – сурово начала Клио, – пора бы уже размышлять о серьезных вещах!

– Я размышляю, но одних размышлений мало, надо еще и чувствовать...

– И я призываю к тому же, только ведь я учительница, а ты плялишься на меня как на школьницу, вот поставлю двойку, и пойдешь к Директору на ковер, он тебя молнией так шарахнет по лбу, что будешь потом *опалённый огнем*... Урок у нас сегодня не длинный, ты сам уже почти все знаешь, я только приведу твои мысли в гармонию. Представь себе хотя бы гиперболу, ее левую ветвь, начинается она в седой древности, и стелется вдоль оси времён, постепенно возрастающая. Что там у нее впереди? Граница, точка разрыва на оси времени, за нее же смертным заглянуть невозможно, даже и Зевс о ней говорит неохотно. Да, думаешь, я за нее заглядывала? Нет, нечего мне там делать, я ведь муза, вдохновительница, наперсница снов золотых! А там

разрыв, пропасть, Инобытиé. Туда только христианские апостолы зовут своих сторонников, отрясая прах жизни с своих дырявых сандалий, потому то они запрещают исправлять здешнюю жизнь на этой, левой ветви гиперболы.

Но жизнь и трудна, и несправедлива, особенно наша, женская, ты, может быть, единственный нас понимаешь, потому что у тебя женское воспитание, и мать, и бабушка, и учительницы, и Я. Мужчины отгородились от нас неравенством, а безумные женщины стремятся уничтожить различия полов, сострогать все, что нас выделяет. Но необходимо и возможно сближение – в любви. То же и в общественной жизни, она несправедлива – по многим причинам, неравенство и само причина, и следствие более глубоких причин. Уничтожив сословия, мы создаем порядок, в котором неравенство проявляется худшим образом, но прикрыто ложью. Изменять порядок вещей необходимо, гении и герои это и делают, и твоя миссия состоит в том же. Но зачеркнуть историю трех тысячелетий, противопоставив Организму исторической жизни искусственный механизм, в котором произвольно отдельные части заменяются на более вздорные, значит Истории противопоставлять Антиисторию. История вместе с Литературой и Философией (но литература в наибольшей степени) представляют собой *Единство*, цельность, великий роман жизни народов, в котором, впрочем, не только природное самовозрастание, но и *творчество*.

– А революции возможны?

– Тебе ли, Редактору, об этом спрашивать? Всё возможно, только не все умеют редактировать Текст Истории. В нем есть совершенные главы, которые надо читать благоговейно, как Пушкина, как Войну и Мир, а иное и плохо, но поучительно, переписывать же надо то, что вы создаете теперь сами. Здесь вы *вольны*, можно переписывать и по девятнадцать раз, как Толстой, и выдирать листы (знаете сами, чьи на них имена, достойных лишь того, чтобы... но не буду повторять пошлые фразы ваших властителей).

Жизнь европейских народов – величайший из романов, написанных вместе Богами, героями, философами и поэтами, и даже, быть может, и самыми малыми из нас. Елена Прекрасная, Гомер, герои Троянской войны, Гесиод, Фалес, Пифагор, Сократ, Диоген, Платон, Аристотель, Александр Македонский, Архимед, Цезарь, сказавший, что упадок чести у аристократии хуже падения государства, апостолы, Жанна Д*Арк, Сергей Радонежский, Ермак и помощник его Чернышев, Иван Сусанин, протопоп Аввакум и боярыня Морозова, Петр Первый и Екатерина Великая, Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, герои Войны с французами, декабристы, революционеры, Белая Гвардия, герои последней войны, красивые и любящие женщины, заботливые отцы семейств, поэты (включая тебя), учительницы (включая меня)... Не со всем надо примиряться, не все было хорошо у отцов – так напишите новые главы Истории достойнее, чем они! Удается ли вам? Неравенство пронизывает жизнь. Не забывайте только, что ваши Неравные ХУЖЕ большинства тех, кто был прежде, у тех власть умерялась страхом божьим, а богатство опасением не войти в царстве небесное, у этих же нет ничего кроме алчности.

Уходя, она вдруг неожиданно поцеловала меня и прошептала: Мы еще встретимся! Я на тебя надеюсь. Миссия твоя еще не исполнилась...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава первая. ОПРАВДАНИЕ	5
Глава вторая. Чудо и Преображение	23
Глава третья. Литература как инобытие математики	32
Глава четвертая. Воля к смерти	41
Глава пятая. Мифологизация истории	57
Глава шестая. Воля к смерти и преодоление	76
Глава седьмая. На распутье	105
Глава восьмая. Новые Записки отщепенца	122
Глава девятая. Жизнь и литература	139
Глава десятая. Порядок и хаос	168
Глава одиннадцатая. Бытие и инобытие	189
Глава двенадцатая. Кошунство	205
Глава тринадцатая. Новое мифотворчество	225
Глава четырнадцатая. Народ, государство, личность	244
Глава пятнадцатая. Личность, Бог, Свобода и Литература	261
Глава шестнадцатая. Кристаллизация мифа	278
Глава семнадцатая. Неравенство и сословное общество	299
Глава восемнадцатая. Возможно ли царствие Божие на земле?	324
Глава девятнадцатая. Нерешенные вопросы?	344
Послесловие	366

Василий Иванович Чернышев

ЗАПИСКИ РЕДАКТОРА

Книга вторая

Литература как инобытие и действительность

Текст книги размещен на сайте
spb-pisateli.ru

Подписано в печать 6 ноября 2017
Формат 60х90 1/16 **23, 5** п. л., **376** стр.

Издательство «NAPISANO PEROM».

Печать по требованию

Санкт–Петербург

2017

ДЛЯ ЗАМЕТОК

